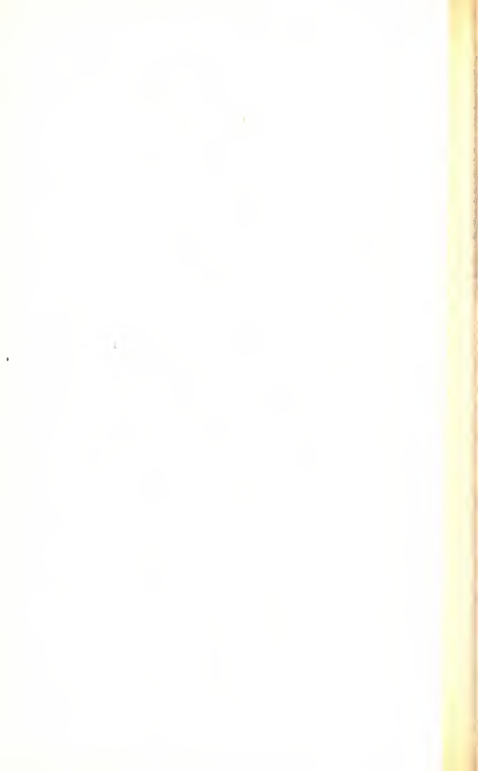
Л.Н.Гумилев

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ



Л. Н. ГУМИЛЕВ

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ

Товарищество
«Клышников – Комаров и К°»
Москва 1993

ББК 63.5(2)
Г 94

В книге исследованы закономерности возникновеиия, развития и гибели державы древних тюрок. Автор уделил большое внимание широкому кругу исторических проблем (политической жизни тюрок, их быту, религии, культуре), а также географическому размещению кочевников Срединной Азии на рубеже двух эпох – древиости и средневековья.

Г $\frac{0505000000 - 14}{П93(03) - 93}$ Без объявл.

ISBN 5-87495-008-7

От автора

Эта книга была начата 5 декабря 1935г. С тех пор она неоднократно переделывалась и пополнялась. Однако, она не исчерпала всего обилия материала и не осветила всех проблем, связанных с историей древних тюрок. Поэтому продолжение исследований не только желательно, но и необходимо.

Я на всю жизнь сохраню память о тех, кто помог мне выполнить эту работу и кого уже давно нет среди нас, о моем замечательном предшественнике, моем друге Г.Е. Грум-Гржимайло, прославившем историю народов Центральной Азии и умершем в ожидании признания, о моих наставниках Н.В. Кюнере, А.Ю. Якубовском и академике В.В. Струве, помогавшим мне в тяжелые лагерные годы.

Пользуясь случаем выразить свою признательность моему учителю М.И. Артамонову, профессорам С.Л. Тихвинскому и С.В. Калеснику, рекомендовавшим книгу для печати, моим друзьям Л.А. Вознесенскому, Д.Е. Алшибая, отмерившим вместе со мной заключение в лагерях Норильска и Караганды.

Я благодарю также всех моих рецензентов за советы и критику: И.П. Петрушевского, В.В. Мавродина, М.А. Гуковского, А.П. Окладникова, М.В. Воробьева, А.Ф. Анисимова, Б.И. Кузнецова, С.И. Руденко, Т.А. Крюкову. И, наконец, благодарю нашу общую alma mater Ленинградский университет, где я обучился высокому ремеслу историка.

Посвящаю эту книгу нашим братьям — тюркским народам Советского Союза.

ВВЕДЕНИЕ

Тема и ее значение. История человечества нзучена крайне неравномерно. В то время как последовательность событий и смен общественных формаций в Европе и иа Ближнем Востоке была изложеиа в общедоступных сводных работах уже в коице XIX в., а Индия н Кнтай опнсаны в начале XX в., огромная территория евразийской степн еще ждет своего исследователя. Особенно это касается периода до появления иа исторической ареие Чингисхана, когда в центральноазнатской степи сложились и погибли два замечательиых иарода — хунны[1] и древиие тюрки, а также много других, ие успевшнх прославить свон нмена.

Было бы ошнбкой считать, что все они только повторяют друг друга, хотя их способ пронзводства — кочевое скотоводство — действительно является наиболее устойчивой формой хозяйства, почти не поддающейся усовершеиствоваиию. Но формы быта, учреждения, политика н место в мировой историн у хуиное и древиих тюрок совершеино различны, как были различны их судьбы.

На фоне мировой нсторни история древнетюркского иарода н созданной им державы сводится к вопросу: почему тюркн возниклн н почему исчезли, оставив свое нмя в наследство многим иародам, которые отнюдь ие являются их потомками? Попытки решить эту проблему путем аиализа только политической истории илн только социальных отиошений делались иеодинократио, но не дали результатов. Древние тюркн, несмотря на их огромное значение в истории человечества, были малочисленны, н тесное соседство с Китаем и Ираиом ие могло не отразиться на их внутренних делах. Следовательно, социальная и политическая нстория этих страи тесно переплетена и для восстаиовления хода событий мы должны держать в поле зреиия и ту и другую. Не меньшую роль играли измеиения экономической коньюнктуры, в частиостн, связаиные с высоким или низким уровнем вывоза китайских товаров и заграднтельными мероприятиямн нраиского правнтельства.

1 См. Л. Н. Гумилев, Хунну.

Поскольку границы тюркского каганата в конце VI в. сомкнулись на западе с Византией, на юге с Персией и даже Индией, а на востоке с Китаем, то естественно, что перипетии истории этих стран в рассматриваемый нами период связаны с судьбами тюркской державы. Образование ее стало в какой-то мере переломным моментом в истории человечества, потому что до сих пор средиземноморская и дальневосточная культуры были разобщены, хотя и знали о существовании друг друга. Бескрайние степи и горные хребты препятствовали сношениям Востока и Запада. Только позднее изобретение металлических стремян и вьючной упряжи, заменившей телеги, позволило караванам сравнительно легко форсировать пустыни и перевалы. Поэтому с VI в. китайцам пришлось считаться с ценами на константинопольском рынке, а византийцам подсчитывать число копейщиков китайского царя.

В этой ситуации тюрки не только играли роль посредников, но и одновременно развивали собственную культуру, которую они считали возможным противопоставить культуре Китая, и Ирана, и Византии, и Индии. Эта особенная степная культура имела древние традиции и глубокие корни, но известна нам в значительно меньшей степени, чем культура оседлых стран. Причина, конечно, не в том, что тюрки и другие кочевые племена были менее одарены, чем их соседи, а в том, что остатки их материальной культуры — войлок, кожа, дерево и меха — сохраняются хуже, чем камень, а потому среди западноевропейских ученых возникло ошибочное мнение, что кочевники были "трутнями человечества" (Виолле ле-Дюк). Ныне археологические работы, проводимые в южной Сибири, Монголии и Средней Азии, ежегодно опровергают это мнение, и вскоре наступит время, когда мы сможем говорить об искусстве древних тюрок. Но еще более, чем материальная культура, поражают исследователя сложные формы общественного бытия и социальные институты тюрок: эль, удельно-лествичная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, а также наличие четко отработанного мировоззрения, противопоставляемого идеологическим системам соседних стран.

Несмотря на все сказанное, путь, на который вступило древнетюркское общество, был гибельным, так как противоречия, возникшие в степи и на ее границах, оказались непреодолимыми. В критические моменты подавляющее большинство степного населения отказывало ханам в поддержке, и это привело в 604 г. к распадению каганата на Западный и Восточный, в 630 и 659 гг. — к потере самостоятельности (правда, возвращенной в 679 г.) и к гибели народа в 745 г. Конечно, эта гибель народа еще не означала уничтожения всех людей, его составлявших. Часть их подчинилась уйгурам, унаследовавшим власть в степи, а большинство укрылось в китайских пограничных войсках. В 756 г. эти последние подняли

восстание против императора династии Тан. Остатки тюрок приняли в нем деятельное участие и вместе с прочими повстанцами были изрублены в куски. Это был уже подлинный конец и народа и эпохи (а следовательно, и нашей темы).

Однако имя «тюрк» не исчезло. Больше того, оно распространилось на пол-Азии. Арабы стали называть тюрками всех воинственных кочевников к северу от Согдианы, и те приняли это название, ибо первоначальные носители его после исчезновения с лица земли стали для степняков образцом доблести и геройства. В дальнейшем этот термин еще раз трансформировался и стал названием языковой семьи. Так сделались «тюрками» многие народы, никогда не входившие в великий каганат VI–VII вв. Некоторые из них были даже не монголоиды, как, например, туркмены, османы, азербайджанцы. Другие были злейшими врагами каганата: курыканы — предки якутов и кыргызы — предки хакасов. Третьи сложились раньше, чем сами древние тюрки, например балкарцы и чуваши. Но даже то распространенное лингвистическое толкование, которое ныне придается термину «тюрк», имеет под собой определенное основание: древние тюрки наиболее ярко претворили в жизнь те начала степной культуры, которые зрели еще в хуннское время и находились в состоянии анабиоза в безвременье III–V вв.

Итак, значение древних тюрок в истории человечества было огромным, но история этого народа до сих пор не написана. Она излагалась попутно и сокращенно, что позволяло обходить трудности источниковедческого, ономастического, этнонимического и топонимического характера. Трудности эти столь велики, что данная работа не претендует на построение дефиниций. Автор надеется лишь на то, что она послужит ступенью к решению проблемы. Книга задумана как опыт совмещения методов исторического анализа и синтеза. Анализу подвергнуты отдельные явления истории древних тюрок и народов, с ними связанных или им предшествовавших. Сюда же относится критика источников и проблемы ономастики и этногенеза. Синтезом является осмысление истории тюркютов[2], голубых[3] тюрок и уйгуров[4] как единого процесса, образовавшего в аспекте периодизации определенную целостность, а также нанесение описанного явления на канву всемирной истории.

---

2 Тюрки первого каганата (546-658 гг.).

3 К о к - т ю р к — тюрки второго каганата (678-747 гг.).

4 Имеется в виду только каганство кочевых уйгуров (747-847 гг.), оседлые уйгуры позднейшего времени здесь не рассматриваются.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕЛИКИЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ

Глава I

НАКАНУНЕ
(420-546 гг.)

Перемены на Желтой реке. Великое переселение народов в Европе, сломившее в V в. одряхлевший Рим, в Восточной Азии произошло на 100 лет раньше. Во время, носящее в китайской истории название «эпоха пяти варварских племен» (304-399 гг.), Северный Китай был захвачен и покорен хуннами и сяньбийцами, основавшими там ряд эфемерных государств, похожих на варварские королевства готов, бургундов и вандалов. Как в Европе на Балканском полуострове устояла Восточно-Римская империя, так и в Китае на берегах великой реки Янцзы удержалась самостоятельная Китайская империя — наследница империи Хань. Она была так же похожа на свою великую предшественницу, как ранняя Византия — на Рим эпохи расцвета, и так же находила в себе силы лишь для обороны против варваров, наседавших с севера и запада. Слабые и бездарные императоры часто менявшихся династий[1] оставили в жертву варварским вождям китайское население «Срединной равнины», как именовалась в то время долина Хуанхэ, и все-таки, несмотря на жестокий гнет чужеземцев и кровопролития при постоянных междоусобных войнах, китайцы в Северном Китае численно преобладали над победившими их народами, что и обусловило в VI в. возрождение Китая.

Племя тоба, победившее всех своих соперников[2], поддалось обаянию китайской культуры. Созданное тобасцами раннефеодальное государство к 420 г. объединило весь Северный Китай в одну империю, которая получила китайское название — Вэй (386 г.). Это был первый шаг тобасского хана к компромиссу с китайским населением, составлявшим абсолютное большинство его подданных. Начавшийся процесс ассимиляции ко-

---

1 В 420 г. пала династия Цзинь, в 479 г. — Лю-Сун, в 502 г. — Южная Ци, в 557 г. — Лян.

2 Хуннов, муюнов, ди, юйвынь (предки татабов) и кидвней

чевников привел к тому, что к концу V в. потомки тобасцев обрезали косы, а общение с покоренными подорвало их силы и традиции. Они даже перестали пользоваться родным языком и начали говорить по-китайски. Вместе с языком и одеждой они утратили степную доблесть и сплоченность, позволившие им некогда одержать победу, но все же не слились с китайским населением, которое упорно стремилось к воссозданию своего собственного государства.

Как только дворцовые перевороты и следовавшие за ними расправы ослабили власть династии Вэй, китайские полководцы, находившиеся на службе у сяньбийских императоров, оказались сильнее и энергичнее своих господ. В 531 г. на северо-востоке Гао Хуань поднял восстание, разбил тобасские войска и занял столицу — Лоян. Первоначально он действовал якобы в интересах династии и провозгласил императором одного из царевичей, но тот, страшась своего полководца, бежал на запад, в Чаньань, где нашел поддержку у другого воеводы, Юйвынь Тая, окитаившегося сяньбийца. Гао Хуань возвел на престол другого принца из той же династии Вэй. Таким образом, империя распалась на Западную Вэй и Восточную Вэй, но фактически правителями и тут и там были китайские полководцы, временно сохранявшие сяньбийских императоров как ширму. Это положение не могло длиться долго. Суровое господство сяньбийцев настолько ожесточило китайцев, что, когда сила оказалась в их руках, они не были склонны церемониться с побежденными. Юйвынь Тай отравил несколько подставных императоров, а его сын в 557 г. счел себя достаточно могущественным, чтобы упразднить ненавистную династию и основать свою собственную — Бэй-Чжоу[3].

Еще более круто обошлись с сяньбийцами в Северо-Восточном Китае. В 550 г. наследник Гао Хуаня — Гао Ян, принудив последнего императора отречься от престола в свою пользу, отравил его. Императорские родственники в числе 721 человека были убиты, а тела их брошены в воду, чтобы лишить их погребения. Новая династия получила название Бэй-Ци.

Оба северных царства были довольно крепки экономически и политически. Китайское население, освободившись от господства иноплеменников, развивало бурную деятельность по восстановлению своей культуры. Однако соперничество, возникшее между Бэй-Чжоу и Бэй-Ци, связывало их силы и лишало их возможности вести активную политику.

На юге последние императоры династии Лян ознаменовали свое правление произволом и преступлениями, а сменившая их династия Чэнь продолжала эти традиции. Дворцовый переворот 557 г. и казнь последнего лянского императора вызвали вооруженное сопротивление сторонников

3 Что значит Северо-Чжоуская династия (Бэй — Северный).

павшей династии. Повстанцы сумели отразить чэньские войска и создать в центре Китая небольшое государство Хоу-Ляи.

Китай оказался раздробленным на четыре взаимно враждующих государства. Напряженная ситуация, сковавшая силы Китая, оказалась спасительной для двух небольших и относительно слабых кочевых держав: орды Жужань и царства Тогон (Ту-ю-хунь). Благодаря ослаблению нажима с юга они оказались среди ведущих государств Восточной Азии. Жужань, степное ханство, сложившееся в середине IV в., в начале VI в. пережило кризис, чуть было не погубивший его.

Но об этом речь впереди.

Царство Тогон лежало в степных нагорьях Цайдама. Еще в 312 г. небольшое сяньбийское племя с князьями из рода Муюн перекочевало из Южной Маньчжурии на запад и обосновалось около оз. Кукунор. Здесь оно вело успешные войны против разрозненных тибетских родов и весьма неудачные против тобасцев. В результате последних Тогон стал вассалом империи Вэй, но ее распад вернул тогонцам свободу. Во второй четверти VI в. князь Куалюй объявил себя ханом и в 540 г. отправил посольство к Гао Хуаню, став тем самым врагом Юйвынь Тая. Этот факт определил дальнейшую внешнюю политику Тогона, с которой мы столкнемся ниже. Несмотря на то что Тогон занимал обширную территорию, где были «города»[4] (очевидно, укрепленные поселки), и имел уже организованное управление, по-видимому заимствованное от тобасцев, он не был сильным государством. Тибетские роды, покоренные оружием, мечтали об освобождении и мести; экономика была построена на экстенсивном скотоводческом хозяйстве; уровень культуры был невысок, а произвол ханов вызывал постоянные заговоры, измены и репрессии, которые подливали масла в огонь. Все эти обстоятельства ограничивали возможности Тогона и позднее привели его к бесславному концу.

Жужани и телеуты. Вопросы о происхождении народа жужаней ставился неоднократно, но окончательного решения не получил. Можно думать, здесь неправильна сама постановка вопроса, ибо надо говорить не о происхождении, а о сложении. У жужаней, как у народа, не было единого этнического корня. Происхождение жужаньского народа было несколько своеобразно. В смутные времена всегда бывало много людей, выбитых из седла и скомпрометированных. Немало таких оказалось и в середине IV в. Все, кто не мог оставаться в ставке тобасского хана или в столице хуннского шаньюя, бежали в степь. Туда же бежали от жестоких господ невольники, из армий — дезертиры, из обедневших деревень — нищие крестьяне. Общим у них было не происхождение, не язык, не вероисповедание, а

4 Иакинф Бичурин. История Тибета и Хухунора. СПб., 1833. Т.1. С.84.

судьба, обрекшая их на нищенское существование; и она-то властно принуждала их организоваться.

В 50-х годах IV в. некто Югюлюй, бывший раб, служивший в сяньбийской коннице, был осужден на смерть. Ему удалось бежать в горы, и около него собралось около сотни подобных ему беглецов. Беглецы нашли возможность договориться с соседними кочевниками и жили совместно с ними.

Преемник Югюлюя, Гюйлюхой, установил отношения с тобасскими ханами и выплачивал им ежегодную дань лошадьми, соболями и куницами. Его орда получила название Жужань. Жужани кочевали по всей Халхе до Хингана, а ханская ставка их располагалась у Хангая. Быт и организация жужаней были одновременно весьма примитивны и чрезвычайно далеки от родового строя. Единицей, боевой и административной, считался полк в тысячу человек. Полк подчинялся предводителю, назначенному ханом. В полку было десять знамен по сто человек; каждое знамя имело своего начальника. Письменности у жужаней не было совсем; в качестве орудия счета применялся овечий помет или деревянные бирки с засечками. Законы соответствовали нуждам войны и грабежа: храбрецов награждали большей долей добычи, а трусов побивали палками[5]. За 200 лет существования в жужаньской орде незаметно было никакого прогресса — все силы уходили на грабеж соседей.

На каком языке разговаривали между собой жужани? Китайские источники дают нам весьма разноречивые данные. «Вэйшу» видит в жужанях ветвь дунху. «Суншу», «Ляншу» и «Наньшу»[6] считают их племенем, родственным хуннам, и, наконец, Бэй ши (?) приписывает Югюлюю гаогюйское происхождение[7]. Сведения южнокитайских историков получены из вторых рук, а происхождение самого Югюлюя значения не имеет, так как ясно, что вокруг него собрались не единоплеменники. Скорее всего жужани объяснялись по-сяньбийски, т. е. на одном из диалектов монгольского языка, так как, приводя титулы их ханов на китайский язык, китайский историк указывает, как они звучат в подлиннике — «на языке государства Вэй», т. е. на сяньбийском[8]. Сами жужани также считали себя одного происхождения с тоба[9], но, учитывая разноплеменность их народа,

---

5 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т.I. С.209.

6 Shiratori K. Uber die Sprache der Hiung-nu und der Tunghu- St'amme. SPb., 1902. S.18-19.

7 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Записки о Монголии. СПб., 1828. Ч.111. С.101; Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т.11. С.174-175.

8 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.209 и сл.

9 Там же. С.226.

надо думать, что повод для такого утверждения дало сходство их языков, а не туманная генеалогия[10].

Основной силой жужанского ханства было умение держать в подчинении телеские племена. На заре своей истории, т. е. в III в. до н. э., телесцы жили в степи к западу от Ордоса. В 338 г. они подчинились тобаскому хану и в конце IV в. перекочевали на север, в Джунгарию и распространились по Западной Монголии, вплоть до Селенги. Будучи разрозненны, они не могли оказать сопротивление жужаням и принуждены были платить им дань.

Телеские племена были очень нужны жужаням, но жужаньская орда была совсем не нужна телесцам. Жужани сложились из тех людей, которые избегали изнурительного труда, дети их предпочли вообще заменить труд добыванием дани.

Телесцы же занимались скотоводством, они хотели пасти свой скот и никому ничего не платить.

Сообразно этим склонностям сложились политические системы обоих народов: жужани слились в орду, чтобы с помощью военной мощи жить за счет соседей; теле оставались слабо связанной конфедерацией племен, но всеми силами отстаивали свою независимость.

Теле жили рядом с жужанями, но ничем не походили на них. Они рано вышли из состава империи Хунну, сохранив примитивный патриархальный строй и кочевой быт. Китаизация также не коснулась скромных кочевников, населявших глухие степи, где для китайцев не было ничего привлекательного. Теле не имели общей организации; каждый из 12 родов управлялся старейшиной — главой рода, причем «родственники живут в согласии»[11].

Теле кочевали в степи, передвигаясь на телегах с высокими колесами, были воинственны, вольнолюбивы и не склонны ни к какой организованности. Самоназвание их было «теле»; оно до сих пор живет в алтайском этнониме - телеут. Потомки теле - якуты, теленгиты, уйгуры и др. Многие из них не сохранились до нашего времени.

Жужаньское ханство. В начале V в. в степи от Хингана до Алтая безраздельно господствовал хан жужаней Шелунь, по прозванью Дэудай — «стреляющий на скаку из лука». Покорив телеские кочевья, он столкнулся со среднеазиатскими хуннами, осевшими на р. Или. Их главой был некто Жибаеги. В упорном сражении на р. Онгин Жибаеги разбил Шелуня,

10 Ср.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.174-175; Толстов С.П. Тирании Абруи // Исторические записки. 1933. N 3. С. 610.

11 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.1. С.215.

но справиться с жужаньской державой в целом не смог и «покорностью купил себе покой»[12].

Основной задачей Шелуня было не допустить усиления империи Тоба-Вэй, силы которой намного превосходили силы жужаньского хана. Только постоянные войны на юге Китая мешали тоба-вэйскому императору расправиться с отложившимися поданными, и потому Шелунь поддерживал всех врагов Тоба. В 410 г. Шелунь умер и ханом стал его брат Хулюй.

Хулюй оставил в покое Тоба и обратился на север, где подчинил себе енисейских кыргызов (негу) и хэвэй (какое-то сибирское племя). В 414 г. он пал жертвой заговора, но вождь заговорщиков Булучжень погиб в том же году. Ханом стал двоюродный брат Шелуня, Датань. Начало его правления ознаменовалось войной с Китаем, но набег жужаней оказался безрезультатным, так же как и карательная экспедиция, посланная им вслед. Положение осталось без изменения.

В 418-419 гг. возобновилась война между жужанями и среднеазиатскими хуннами и юэчжами[13]. Жужани проникли в Тарбагатай и навели там на всех такой страх, что вождь группы юэчжей Цидоло (Кидара), желая уйти от соседства с жужанями, перешел на юг и занял г. Боло[14] в оазисе Карши[15]. Здесь он столкнулся с персами и эфталитами. Соратники Кидары — кидариты — известны в истории не под своим этническим названием, а по имени своего вождя.

12 Там же. С.249.

13 Дата этой войны рассчитана следующим образом: Датань, воевавший с Юэбанью, вступил на престол в 414 г., в 415 г. он совершил набег на Китай - следовательно, был занят на востоке. Следующий поход на Китай имел место в 424 г. Значит, война с Юэбанью падает на этот промежуток. Уточнение достигается привлечением нумизматики. В 417 г. была выпущена монета с именем Кидары, но С.К.Кабанов считает датой кидаритского царства 420 г. (см.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.189; Т.II. С.259; Кабанов С.К. К вопросу о столице кидаритов // ВДИ. 1953. N 2. С.172).

14 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.II. С.264.

15 Кабанов С.К. К вопросу о столице кидаритов // ВДИ. 1953. N 2. С.201-207. Предположение Р.М.Гиршмана, что столица кидаритов помещалась в Балхе (Ghirschman R.M. Les Chionites-Hephtalites. Le Caire, 1948. PP.79-80), не подтвердилось.

Глава II

ПРЕДКИ

Война жужаньского ханства с империей Вэй. 420 год был кульмииацией жужаиьского могущества. Легкие победы над северными и западиыми племеиами сделали Жужаиь гегемоиом в Великой Степи, ио ии в коей мере ие обеспечили этому ханству ни покоя, ии процветания. Главным врагом жужаией была империя Тоба-Вэй, и жужаньский хаи Датань попытался сделать все возможиое, чтобы ие допустить усиления своего естествеииого сопериика.

В 424 г. Датаиь с 60 тыс. коиницы вторгся в Китай, дошел до столицы и разграбил императорский загородный дворец. Мобилизация тобасских войск и отсутствие дисциплииы среди жужаней заставили его вериуться, ие приняв боя. В 425 г. тобасцы отогнали жужаией за Гоби. В 430 г. император Тай-у-ди (Тоба Дао) решил уничтожить жужаней, для того чтобы развязать себе руки в Южиом Китае. Огромиое войско вошло в степи, и жужаии рассеялись кто куда. Датаиь бежал иа запад и пропал без вести. Телесцы убивали его людей. Сын Датаия, Уди, отказался от продолжеиия борьбы и стал выплачивать империи Вэй даиь. Одиако мир был иарушеи в 437 г. самим Уди, произведшим набег. По-видимому, без грабежа жужани не мыслили своего существоваиия. Ответный поход в 439 г. иичего ие дал императору Тоба: пришлось вериуться, не встретив жужаней, попрятавшихся по ущельям.

В 440 г. Уди, воспользовавшись войной Тоба против Хэси, сиова иапал на граиицу, ио оставлеииые иа граиице заслоны захватили в плеи его авангард. Жужани вновь бежали. Та же история повторилась в 445 г., после чего Уди умер, передав престол своему сыну Тухэчжеию (445–464).

Теперь роли перемеиились: империя Тобо-Вэй достигла своего зеиита, а войска ее вторгались в степь, выиуждая жужаией прятаться в горах. По существу это была не войиа, а просто карательиые походы.

Сыи и преемиик Тухэчжеия, Юйчеи (464-485), попытался продолжать борьбу, ио в 470 г. был разбит и в 475 г. просил мира и представил дань. Жужаиь ослабела, иабеги иа Китай стали иепозволительиой роскошью. Теперь в качестве объекта грабежа был нзбран более бедный н более слабый Западиый край. В 460 г. жужаии овладели Турфанской долииой, где расправились со своими бывшими союзииками — южиыми хуииами, бежавшими туда от победоиосиых тоба. В 470 г. жужанн разграбили Хотаи, ио усилившееся государство эфталитов положило предел жужаньской агрессин. Граиицей Жужани стал ТяньШань.

Новый жужаньский хаи, Доулуиь (485–492), был «человек жестокий, склоиный к убнйствам»[1]. Свое вступлеине на престол ои озиаменовал казнью одного из вельмож вместе со всем его родом. Это вызвало возмущеине в страие. Еще больше ие понравилось стремлеиие хаиа иапасть на Китай. Все понимали, что вслед за иабегом, пусть даже удачиым, последует поход кнтайских войск, об отражеиии которых иечего было и думать.

Телеский старейшииа Афучжило настоятельио советовал хаиу не начниать войны с Китаем, но, убедившись, что его доводы ие действуют, восстал со всем телеским народом. Количество теле в то время было немалым (по китайским даиным, 100 тыс. кибиток). Тогда Афучжило откочевал на запад, в долниу Иртыша. Там ои принял титул «Великий сыи Неба»[2], чем отразил претензню иа равное место с жужаиьскнм ханом, н война вспыхиула, как полымя.

В 490 г. китайские войска вступили в степь с востока и вместе с телесцами зажали Жужаиь в клещи. Жужаньские вельможи возложили всю ответствеиность иа незадачлнвого хана и убилн его (492 г.).

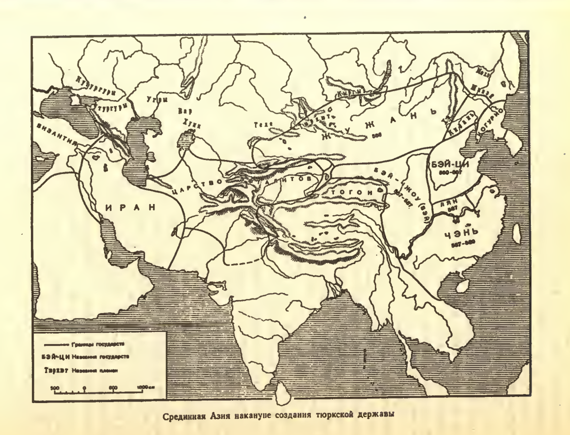
Переход теле на запад был событием чрезвычайной важиости: иа западе эти разрозиеиные кочевиики образовали свою державу[3]. В Азни сиова начался процесс этиогенеза. В это самое время в Алтайских горах сложились в народ тюрки, в долиие Брахмапутры — тибетцы, а в Кнтае началось возрожденне, давшее великолепную средневековую культуру династий Суй и Тан. Аитичиый период истории Восточной Азии закаичивался, и уродливый пережиток его — Жужаиь — должна была погибнуть.

Телеутское ханство — Гаогюй. Отложение телеутов и государственный переворот 492 г. были переломным момеитом в нсторнн Жужаии. Оиа потеряла гегемонию в Центральной Азин и прииуждена была сражать-

1 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.195.

2 Там же. С.217.

3 Удобным и правильным будет называть западных теле телеутами, так как алтайские телеуты являются их потомками, а разобщенные племена восточных теле — телесцами, как принято в советской историографии.



Срединная Азия накануне создания тюркской державы

ся уже не за власть, а за существование. Сменивший убитого Доулуня Нагай правил всего один год. Он взял девиз своему правлению: «Весьма спокойно», т. е. отказался от воинственных замыслов своего предшественника. Сын Нагая, Футу, продолжал политику своего отца, пока это было возможно[4].

Тем временем телеуты освоились на новоселье и уничтожили Юэбань, последний остаток хуннской эпохи. На новом месте телеуты попытались создать свое государство. Для этого они разделили народ на две половины: северный правитель Афучжило принял титул «Великий император», а южный — титул «Наследный государь»[5]. Как они сами называли свое государство — неизвестно, но китайцы называли его Гаогюй, что в переводе значит «высокая телега». Под этим наименованием оно и вошло в историю.

В политическом отношении Гаогюй держалось китайской ориентации, рассчитывая получить шелк на одежды, но этот шелк не пошел ему на пользу. В 494 г. эфталиты расправились с Ираном и, обеспечив себе тыл, повернули на север. Южная часть Гаогюйской державы была молниеносно разбита, «Наследный государь» убит, его семья взята в плен, а народ разбежался: часть подчинилась жужаням, часть ушла в китайские владения. В следующем, 496 г. так же быстро была завоевана и северная держава. Эфталиты выбрали из числа пленных князя Мивоту и поставили его над оставшимися телеутами. Итак, Гаогюй превратилось в вассала эфталитов, врага жужаней и союзника китайцев, которые заплатили ему за союз 60 кусков шелковых тканей[6]. Видимо, в это время (497 г.) эфталиты захватили Карашар, а правитель княжества Гаочан в Турфанском оазисе, китаец Жу, просил китайское правительство принять и перевезти на китайские земли его подданных. Вокруг Жужани замыкался стальной круг. Но гаочанцы не захотели бросать насиженного места и, убив своего правителя, присоединились к Жужани. Это несколько разрядило экономическую напряженность, так как земледельческий Гаочан мог снабжать Жужань хлебом, плодами и тканями; но это же усилило политическое напряжение, так как раздражило китайского императора Сюань-у-ди. На просьбу хана Футу о мире император заявил, что он единственно потому не имеет видов на север, что занят покорением Южного Китая, а вообще считает Футу и жужаней мятежными подданными[7]. Тем временем в Гаочане китаефилы восторжествовали и союз с Жужанью был расторгнут (500 г.)[8].

Для поддержки китайских интересов в Западном крае туда был направлен трехтысячный отряд регулярных войск под командованием Мын

4 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.196.

5 Там же. С.217.

6 Там же.

7 Там же. С.196.

8 Там же. Т.II. С.251.

Вэя. Базируясь в Хами, он стеснил жужаней. Новое посольство Футу в Китай осталось без ответа. Против жужаней были подняты телеуты, которые должны были оплатить кровью свои 60 кусков шелка. При оз. Пулэй Мивоту разбил жужаней. Те бежали на юг, но в горах Бэйшаня встретили китайские отряды Мын Вэя. В панике бросившись обратно, жужани натолкнулись на телеутов и были снова разбиты (508 г.). В резне погиб злополучный хан Футу. Мивоту отправил его скальп Мын Вэю. За это ему были присланы дары: полный набор музыкальных инструментов, 80 музыкантов, 10 кусков пунцовых и 60 кусков разноцветных шелковых тканей.

Наследник погибшего Футу, Чеуну, дважды пытался договориться с Китаем, но понял, что только сила может его спасти. В 516 г. он напал на Гаогюй, разбил Мивоту и, захватив его в плен, убил весьма своеобразным способом. Ноги пленника были связаны под животом клячи, которую гоняли до тех пор, пока Мивоту не умер от тряски. Череп Мивоту был потом покрыт лаком и превращен в чашу. Спасшиеся от жужаней телеуты примкнули к эфталитам[9]. После этого посольство жужаньского хана принял император Вэй — Сяо мин-ди (518 г.). Им был прочитан выговор за неточное исполнение вассальных обязанностей[10]. Такая формулировка допускала любой компромисс, и казалось, что Жужань вырвалась из безнадежного положения.

Распри в Жужани. Чеуну сделал все возможное, для того чтобы спасти Жужань. Разгромив телеутов, он не продолжал войны на западе и заключил договор с эфталитами. Союз был скреплен браками жужаньских принцесс и эфталитских вельмож[11]. На востоке жужани снеслись с Кореей (Гао-Гюйли), чтобы совместно разгромить одно из маньчжурских племен, дидэугань, и ослабить позиции дома Вэй в Маньчжурии[12]. Так же благополучно разрешился турфанский вопрос. В 518 г. китайское правительство официально отказалось от мысли вывести население из Турфанского оазиса во Внутренний Китай и признало княжество Гаочан[13]. Надо полагать, торговля турфанцев с жужанями не прекратилась; жужани регулярно снабжались хлебом и тканями. Железные изделия доставляли жужаням их алтайские вассалы — тюркюты (тюрки-тукю).

Но единство в орде нарушилось. В Жужань проник буддизм. Как обычно, буддийские миссионеры первым делом сделали буддистом хана. В

---

9 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.218.

10 Там же. С.197.

11 Там же. С.203. Очевидно, заключение жужаньско-эфталитского союза оборвало дружеские отношения эфталитского царства и империи Вэй. 516-520 и 526 гг. эфталитские посольства направляются уже в Южный Китай, в империю Лян, и в этих переговорах можно усмотреть попытку организации антитобасской коалиции (Hannestad K. Les relations de Byzance avec la Transcaucasie et l Asie Centrale aux V et VI' siecles // Byzantion. 1957. Vol.25-27. PP.452-453).

12 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.II. С.74.

13 Там же. Т.I. С.252.

ставке появились «шамынь» — буддийские священники и «ни» — монахини. В новых условиях буддизм принимал фантастические формы: например, монахини имели законных мужей, но это, видимо, не смущало хана. Однако, несмотря на всю скудность сведений, можно утверждать, что далеко не всем буддизм нравился. Оппозиция возникла и в семье хана и в войске. Жужань потеряла единство, которое ей было необходимо более чем когда-либо. В 513 г. во главе жужаньского посольства в Китай стоял шаман Хуисюань, который привез «идола, жемчугом обложенного»[14]. Это первый случай в истории кочевников, когда духовное лицо выступало в светской роли.

Еще более показательно следующее. В жужаньской ставке жила молодая шаманка, по имени Дэу-хуинь диваань. Бросается в глаза, что прозвище ее — «дивань» — было персидское: «одержимая». «Она лечила и волховала (т.е. шаманила силой духов), и Чеуну всегда имел веру к ней»[15] Китайский летописец считает ее шарлатанкой и передает рассказ о ее мошенничестве, но нам интересно не это. «Чеуну очень уважал и любил ее и, поступая по ее советам, привел государственное управление в запутанность»[16]. В орде возникла оппозиция фаворитке, и в 520 г., когда Чеуну был в походе, дивань удавили по приказанию ханши-матери, когда же Чеуну вернулся, мать в сговоре с вельможами убила его, а престол передала другому своему сыну — Анахуаню.

Десять дней спустя Чеуну был отомщен. Некто Шифа, родственник хана, напал на ставку и разбил ее. Анахуань успел бежать в Китай, а его мать и братья были убиты. Пока Анахуань вымаливал милость в Китае, его дядя Поломынь собрал своих сторонников и разбил Шифу. Шифа бежал в Маньчжурию к племени дидэугань[17] и там был убит. Поломынь принял ханский титул. В 521 г. он был разбит восставшими телеутами и с остатком своих подданных откочевал в Китай. Жужань опять оказалась на пороге гибели.

Наконец-то Китай добился своего: оба жужаньских хана отдались в его руки. Приходящие с севера рассказывали, что «государство пришло в большое волнение. Каждый род отдельно живет, и попеременно грабят друг друга»[18].

Распрями воспользовались телеуты: младший брат замученного Мивоту, Ифу, восстановил государство Гаогюй и разбил в 521 г. жужаней Поломыня, загнав их в Китай[19]. Осенью того же года бежал в Китай от

14 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.196.
15 Там же. С.197.
16 Там же.
17 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.II. С.79.
18 Там же. Т.I. С.202.
19 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.219.

гаогюйцев Синнфа, брат Анахуаня, замещавший его. Китайское правительство решило закрепить успех. Поломыня с его приверженцами поселили внутри Китая, у оз. Кукунор, а Анахуаня, который более втерся в доверие, за границей — к северу от Дуньхуана. Поломынь сразу же попытался бежать к эфталитам, так как три его сестры были замужем за эфталитским царем. Но Поломыня задержали, и он умер в тюрьме. У Анахуаня выдержки было больше. В 522 г. он выпросил 10 тысяч мешков проса для посева, но, видимо, жужани просо съели, и в результате в следующем году у них возник голод, который привел к грабежу китайского населения. Посланного для разбора дела китайского чиновника Анахуань задержал, ограбил все что мог поблизости и со всей ордой откочевал на север. Там китайский чиновник был отпущен. Посланная за Анахуанем погоня вернулась ни с чем[20]. Эта головокружительная авантюра спасла жужаней.

Империя Вэй разлагалась с поразительной быстротой, и каждый год создавалась новая политическая ситуация. Уже в 496 г. была потеряна Западная Маньчжурия, где взбунтовались хи (татабы)[21]; активизировалась империя Лян в Южном Китае, и, наконец, в 524 г. на самом севере страны вспыхнуло и быстро разрослось восстание в крепости Во-йе. Анахуань вызвался подавить это восстание и весной 525 г. разбил бунтовщиков. За это он получил награду «разными вещами» и полное прощение. Теперь настала очередь Гаогюя. Оставшись один на один с телеутами, жужани разбили их наголову. Ифу был убит своим младшим братом Юегюем, который попытался продолжать войну, но в 534-537 гг. был также разбит. Сын Ифу, Биди, убил своего дядю и возглавил сопротивление. В 540 г. Биди был разбит жужанями, и держава Гаогюй перестала существовать. Тем временем в Китае империя Вэй раскололась на восточную и западную части, боровшиеся между собой. Тут Анахуань выступил как гегемон, ибо обе стороны заискивали перед ним.

Это был последний луч кровавой жужаньской славы.

Потомки волчицы. Знание родословных и специальное изучение их было издавна характерно для центральноазиатских народов[22]. При этом весьма любопытно, что многие из них называли своим родоначальником того или иного зверя. Так, тибетцы считали своими предками самца обезьяны и самку ракшаса (лесного духа), монголы — серого волка и лань, телесцы — тоже волка и дочь хуннского шаньюя, а тюрки — хуннского царевича и волчицу. Две последние легенды возникли очень давно, по-

20 Там же. С.204.

21 Там же. Т.II. С.73.

22 Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т.I. С.153.

видимому еще в период обитания этих народов на южной окраине великой пустыни Гоби, так как мифология в некоторой степени корректируется фактами политической истории и этногенеза.

Среди племен, побежденных тобасцами при покорении ими север ного Китая, находились «пятьсот семейств Ашина»[23]. Эти «пятьсот се мейств» возникли «из смешения разных родов»[24], обитавших в западной части Шэньси, отвоеванной в IV в. у китайцев хуннами и сяньбийцами[25]. Ашина подчинялись хуннскому князю Муганю, владевшему Хэси (область к западу от Ордоса, между излучиной Хуанхэ и Наньшанем). Когда в 439 г. тобасцы победили хуннов и присоединили Хэси к империи Вэй, то князь «Ашина с пятьюстами семействами бежал к жужаньцам и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев»[26].

Текст повествует о происхождении не всего народа древних тюрок, а только их правящего клана. В этой версии происхождения древних тюрок ничего легендарного нет. По-видимому, Ашина был вождем небольшой дружины, состоявшей из удальцов, почему-либо не ужившихся в многочисленных сяньбийских и хуннских княжествах. Такие мелкие военные единицы, которые нельзя назвать государствами, постоянно возникали в мятежную эпоху III–V вв. и исчезали, не оставив следа.

Китайцы называли подданных ханов Ашина — Ту-кю. Это слово удачно расшифровано П. Пельо как «тюрк+ют», т. е. «тюрки», но с суффиксом множественного числа не тюркским, а монгольским. В древнетюркском языке все политические термины оформляются монгольским множественным числом. Это дает основание думать, что они привнесены в тюркскую языковую среду извне.

Само слово «турк» значит «сильный, крепкий». Согласно А.Н.Кононову, это — собирательное имя, которое впоследствии превратилось в этническое наименование племенного объединения. Каков бы ни был первоначальный язык этого объединения, к V в., когда оно вышло на арену истории, всем его представителям был понятен межплеменной язык того времени - сяньбийский, т. е. древнемонгольский. Это был язык команды, базара, дипломатии. С этим языком Ашина в 439 г. перешли на северную окраину Гоби. Слово «Ашина» значило «волк». Потюркски волк — бури или каскыр, а по-монгольски шоночино. «А» — префикс уважения в китайском

---

23 Пятьсот семейств — фигуральное выражение, означающее немного (Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. М., 1961. Т.II. С.105).

24 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.221.

25 В китайской историографии эта эпоха носит название У-ху, т.е. пять варварских племен . Перечень государств, образованных кочевниками на территории Китая, см.: Гумилев Л.Н. Китайская хронографическая терминология в трудах Н.Я.Бичурина на фоне всемирной истории // Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960. С.658-662.

26 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.221.

языке. Следовательно, «Ашина» значит «благородный волк»[27]. Не подвергшееся китаизации слово сохранилось в арабской записи этого имени — Шанэ[28].

Вопрос о том, насколько правомерно называть ханов Ашина тотемистами, при современном состоянии наших знаний не может быть разрешен[29], но ясно, что название «волк» имело для тюрок VI в. огромное значение. Китайские авторы считают понятия «тюркский хан» и «волк» синонимами, видимо опираясь на воззрения самих тюркских ханов. Не случайно сяньбийская царевна говорит про своего мужа, хана Шаболио: «хан по его свойствам есть волк»[30]; и в инструкции при нападении на тюрок сказано: «таковую должно употребить меру: гнать кочевых и нападать на волков»[31]. Золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах[32], и, наконец, в двух легендах о происхождении тюрок первое место принадлежит прародительнице-волчице[33]. Для обеих несколько разнящихся легенд характерно то, что в них нет никакого намека на историческое событие — переход орды Ашина из Ганьсу. Поэтому, надо думать, легенды возникли на Алтае и, может быть, были созданы специально для того, чтобы обосновать права пришельцев на исключительное положение.

Первая легенда любопытна тем, что она знает об «отрасли дома Хунну от Западного края на запад», т.е. о державе Аттилы. Эта отрасль была начисто истреблена соседями; уцелел лишь один девятилетний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Там от него забеременела волчица. Мальчика все-таки убили, а волчица убежала на Алтай и там родила десять сыновей. Род размножился, и «по прошествии нескольких колен некто Асянь-ше со всем аймаком вышел из пещеры и признал себя вассалом жужаньского хана». Итак, согласно этой легенде, алтайские тюрки-тукю (тюркют) происходят от западных гуннов, но не прямо, а мистически, через посредство волчицы, причем, если учесть, что западные гунны были уничтожены около 468 г., а тюрки выступают как народ уже в 545 г., то можно было бы только подивиться быстроте размножения их и смене поколений!

Вторая легенда выводит тюрок от местного рода Со и опять-таки волчицы. Все представители рода Со, по легенде, погибли «из-за собствен-

---

27 Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа. С.104-105. Приведена литература.

28 Macoudi. Les prairies d or. Paris, 1861. I. P.289.

29 Clauson G. Turks and wolves // Studia Orientalia. XXVIII. Helsinki, 1964. PP.1-22 (отдельный оттиск).

30 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.237.

31 Там же. С.290; Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб, 1903. Вып.VI. P.61.

32 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.229.

33 Там же. С.220 сл.; Julien S. Documents historiques sur les Toukiue (Turcs). JA, 1864. Vol. 3,4. PP.327-328; Liu Mautsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-T'rken. Bush I-II. Wiesbaden, 1958. S.5.

ной глупости» (в чем она проявлялась, ие объясиеио), только четыре внука волчицы уцелели. Первый превратился в лебедя, второй поселился между реками Абу и Гянь под именем Цигу, а третий и четвертый — на р. Чуси (Чуе) в южном Алтае. Эта легенда объяснеиа Н. А. Аристовым, который сопоставил Со легенды с родом Со у кумандинцев — североалтайского племени на р. Бие, первого внука увязал с племенем лебединцев — кукижи, а второго — с кыргызами, жившими между Абакаиом (Абу) и Енисеем (Гянь-Кем). Внук старшего сына — Асяньше первой легенды. Здесь они обе смыкаются[34].

Предгорья Монгольского Алтая, куда попали беглецы, были населены племеиами, происходившими от хуниов и говорившими на тюркских языках. С этими аборигенами слились дружииииики князя Ашина и наделили их именем «тюрк», или «тюркют».

Судьба этого слова настолько примечательна и важиа для нашей темы, что следует уделить этому сюжету особое внимание. Слово «тюрк» за 1500 лет несколько раз меняло значение. В V в. тюрками, как мы видели, называлась орда, сплотившаяся вокруг князя Ашина и составившая в VI–VIII вв. небольшой народ, говоривший уже по-тюркски. Но соседние народы, говорившие на том же языке, тюрками отнюдь не иазывались. Арабы называли тюрками всех кочевииков Средней и Центральной Азии без учета языка. Рашид-ад-Дии иачал различать тюрок и монголов, очевидно по языковому признаку, а в настоящее время «тюрк» — это исключительно лиигвистическое поиятие, без учета этнографии и даже происхождения, так как некоторые тюркоязычные народы усвоили тюркский язык при общении с соседями. При таком разиобое в употреблении термииа необходимо виести уточнеиие. Тот народ, история которого описывается в иашей книге, во избежаиие путаиицы мы будем изывать тюркютами, так, как называли их жужаии и китайцы VI в.[35].

Какого бы происхождеиия ни были те «пятьсот семейств», которые объединились под именем Ашина, между собою оии объясиялись помонгольски до тех пор, пока перипетии военного успеха не выбросили их из Китая иа Алтай. Однако столетнее пребывание в тюркоязычной среде, разумеется, должно было способствовать быстрой перемеие разговорной речи, тем более что «пятьсот семейств» монголов были каплей в тюркском море. Надо полагать, что к середиие VI в. и члены рода Ашина и их спутники были совершенно отюречеиы и сохраиили следы монголоязычия лишь в титулатуре, которую прииесли с собой.

34 Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. X, 1896 (отдельный оттиск). Т.IV. С.5.

35 Этот условный термин предложен нами в 1959 г. (см.: Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрок-тугю // СА. 1959. N 1. С.105; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С.104.).

На основании вышеизложенного видно, что происхождение тюркоязычия и возникновение народа, назвавшего себя «тюрк» «тюркют», — явления совершенно разные. Языки, ныне называемые тюркскими, сложились в глубокой древности[36], а народ «тюркютов» возник в конце V в. вследствие этнического смешения в условиях лесостепного ландшафта, характерного для Алтая и его предгорий. Слияние пришельцев с местным населением оказалось настолько полным, что через сто лет, к 546 г., они представляли ту целостность, которую принято называть древнетюркской народностью или тюркютами.

А сама тюркоязычная среда в то время уже успела распространиться далеко на запад от Алтая, в страны, где жили гузы, канглы, или печенеги, древние болгары и гунны.

36 Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960. С.30.

Глава III

СОЗДАНИЕ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ РОДА АШИНА (545-581 ГГ.)

Начало истории древних тюрок (тюркютов). Хотя история каждого народа уходит своими корнями в глубокую древность, у историков всех эпох есть стремлеиие иачать описание с даты, определяющей (по их мнению) возникиовение народа. Так, римляие имели крайне условную дату - основание Рима, арабы вполне реальиую — бегство Мухаммеда из Мекки в Медину, русские летописцы выбрали 862 г. и приурочили к нему «иачало» русской истории, французские хроиисты вели «начало» от Хлодвига Меровинга, а историки по почину Огюстена Тьерри отнесли его к 843 г. — разделу империи Карла Великого и т. д. Для тюркютов такой датой оказался 545 г.

В Севериом Китае разразилась иовая война[1]. Правнтель Восточной империи Вэй, Гао Хуань, заключив союз с жужаиьскнм ханом Анахуанем и тогоиским царем Куалюем[2], напал на Западиую империю Вэй и сильно стесиил своего соперника Юйвынь Тая; одиако решающая победа союзиикам в руки ие далась. В поисках сторонников император Западной Вэй, Вэнь-ди, послал некоего Ань Нопаньто[3] к тюркскому князю Бумыну[4] для устаиовлеиия дружественных отношенний.

1 H. Cordier, Histoire geoerale..., P. 356.

2 Бичурии Иакииф. Историв Тибета и Хукунора. СПб., 1833. Т.I. С.85.

3 Ань Нопаньто пазван кочевым иноземцем из Цзю-Цюань (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.228), т.е. из Хэси, откуда 100 лет пазад вышла орда Ашина. Источник подчеркивает его оровсхождение не случайно: был послан челоаек, знавший изык тюрктов, и это указывает, что связи орды Ашина со своей орародиной утерины не были.

4 В орконских надписях он назван Бумын-каган. Бартольд В. (Рецензии на кн.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Историческое прошлое Бэй-шаня. СПб., 1898 // ЗВОРАО. 1899. Т.XI. С.358) и Мелиоранский П.М. (Памятник в честь Кюль-Тегина. СПб., 1899. С.64,94-95) пытались объединить его и одно лицо с Истеми-ханом. Однако Томсен (Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon // M'wmoires de la Sociawtow Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1896. Vol. 5. P.95), Маркварт (Marquart J. Historische Olossen zu deo alttotrkischen Inschrifteo // Wieoer Zeitschrift f'tr die Kuode des Morgenlandes. Bd XII, 1898. S.185.), Аристов (Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведении об их численности // Живая старина. X, 1896 (отдельный оттиск). Т.IV. С.9) и Грумм-Гржимайло Г.Е. (Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т.II. С.219) блестяще доказали, что это два брата, соответствующие китайским Иль-хану Тумыну и Шетеми.

Посланник, прибывший к тюркютам в 545 г.[5], был принят радушно. «В орде все начали поздравлять друг друга, говоря: ныне к нам прибыл посланник от великой державы, скоро и наше государство возвысится». Этот, казалось бы, незначительный факт указывает, что господство жужаней было тягостно для тюркютов и неизбежность войны за свободу их не пугала.

Сообразуясь с настроениями своего народа, Бумын проявил нелояльность по отношению к своему сюзерену — жужаньскому хану, отправив в столицу Западной Вэй, Чаньань, ответное посольство с дарами и тем закрепив союз с врагом своего господина. Однако это не вызвало разрыва с жужанями: по-видимому, переговоры велись в строгой тайне. Эти посольства на четверть века определили восточную политику тюркютской державы как союзницы Западной Вэй и ее наследницы Бэй-Чжоу, направленную против Северо-Восточного Китая, где с 550 г. укрепилась династия Бэй-Ци. Однако, включаясь в мировую политику, Бумын сознавал, что он слишком слаб, чтобы бороться с жужанями, данником которых он был. Бумын решил добросовестно выполнять долг союзника и вассала. Случай к тому представился в том же году.

Западные телеские племена тяжело переносили жужаньское иго. Наконец, их терпение лопнуло: они восстали и из западной Джунгарии двинулись в Халху, чтобы нанести жужаням удар в сердце. Поход был так плохо организован и время так плохо рассчитано, что здесь можно предположить скорее стихийный взрыв народного негодования, чем планомерно организованную войну. История не сохранила даже имен вождей восстания. Когда телесцы были на середине пути, из ущелий Гобийского Алтая выехали стройные ряды тюркютов в пластинчатых панцирях с длинными копьями, на откормленных боевых конях. Телесцы не ожидали флангового удара, а кроме того, они собрались воевать не с тюркютами, от которых они никогда не видели ничего плохого, а с ненавистными жужанями. Поэтому они немедленно изъявили полную покорность Бумыну, а он, приняв ее, совершил второй нелояльный поступок по отношению к Жужани.

Покорность в степи — понятие взаимообязывающее. Иметь в подданстве 50 тыс. кибиток[6] можно лишь тогда, когда делаешь то, что хотят их обитатели; в противном случае лишишься и подданных и головы. Телесцы хотели одного — уничтожить жужаней, и Бумын, очевидно, это знал, когда принимал их в свою орду. Но так как этого хотели и его соплеменники, то

---

5 Julien S. Documents... Vol.3. P.329. У Бичурина Н.Я. стоит 535 г., но эта дата менее вероятна, так как империя только что распалась и расстановка сил была еще неясна.

6 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.228. Грумм-Гржимайло предполагает, что против жужаней выступали парпурумы (Западная Монголия... С.220), но число кибиток совпадает с численностью всех телеских племен Центральной Азии, приводимой Позднеевым Д. (Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899. С.38-39). Поэтому надо думать, что Бумын покорил всю конфедерацию телеских племен, до тех пор населявших Джунгарию и после гибели жужаней распространившихся на восток до Байкала и Керулена.

войиа была иензбежна. Стремлеиие своих поддаиных разделял хан, и поэтому событня потекли быстро.

Разгром Жужаии. Стремясь вызвать конфликт с жужанями и вместе с тем ие желая оказаться в ролн обидчика, Бумын пошел на провокацию. Он обратился к жужаньскому хану Анахуаню с просьбой дать ему в жеиы царевиу. Это сразу поставило бы его, по степным обычаям, иа равиую иогу с хаиом, на что тот не мог согласнться, ие роняя своего авторитета. Разгневанный хан ответил грубо: «Ты мой плавильщик [тюркюты плавили для жужаней железо], как ты осмелился сделать мне такое предложение»[7]. Отказ ставил Бумына в положеине обиженного, а он этого и добивался. Чтобы отрезать путн к примирению, он велел казнить жужаньского посла, и теперь союз с Западным домом Вэй ему весьма пригодился. Немедлеиио он возобновил переговоры с Вэнь-ди и летом 551 г. получил в жеиы китайскую царевну Чаиле, что окончательио закрепило его авторнтет средн кочевников. Стремясь использовать внезапиость иападения, Бумын выступил в поход зимой 552 г. и одержал полную победу иад жужанями. Анахуаиь кончил жизнь самоубийством, а сын его Яньлочен бежал к своим союзникам цисцам[8].

Бумын принял титул Иль-хан, но в конце 552 г. умер. На престол вступил его сын, принявший тнтул Кара Иссык-хан (т. е. Черный Горячий хан)[9].

Жужани, виезапно[10] разбитые тюркютами, выбрали вождем дядю своего погибшего хана, Дыишуцзы, и продолжали борьбу. Но в сражеиии около горы Лайшаиь они снова потерпели полиое поражение. На их счастье, впрочем весьма иедолгое, Кара Иссык-хан умер при загадочиых обстоятельствах, сын его Шету[11] был отстранен и на престол вступил младший брат Кара Иссык-хана, Кушу, с тнтулом Мугань-хан[12].

Новый хан был тверд, жесток, храбр, умен и ничем не нитересовался, кроме войн[13]. Поздней осенью 553 г. он снова разбил жужаней. Цисский император прииял своих иесчастлнвых союзников и отразил преследовавших их тюркютов[14]. Но жужани не могли ужиться в Китае. Лишенные

---

7 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.228.

8 Julien S. переводит иначе: Анахуань сам убил своего сына Яньлочена и бежал к Ци (Documents... Vol. 3. P.330), но Гань-му (в переводе Иакинфа, см.: Истории Китая. Рукопись. ЛОИНА. Ф.7.) сообщает о самоубийстве Анахуаня.

9 Коло Исиги-хан.

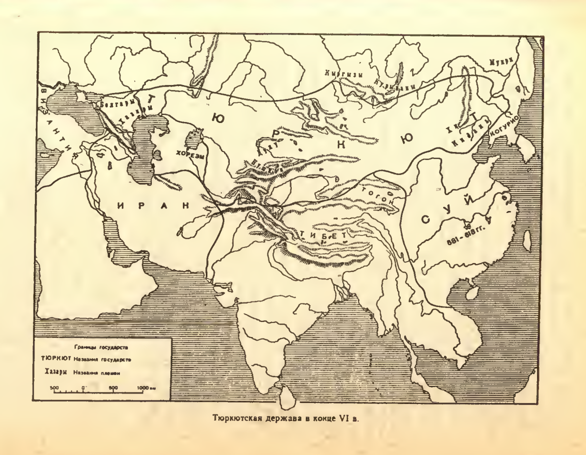
10 Julien S. Documents... Vol. 3. P.350.

11 См.: С.57.

12 Этот хан имел имена: звериное — Цзушу (кушу — птица); родовое — Сыгинь (йегин — внук, племянник); прозвище — янды — победитель; титульное — Муюй, или Мугань-хан. Мы сохраняем за ним последнее имя, ставшее привычным в научной литературе (см.: Julien S.,Documents... P.331).

13 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.229.

14 Иакинф Бичурин. Истории Китая.



Тюркютская держава в конце VI в.

своих стад и имущества, не привыкшие к труду, они принялись разбойничать, и цисское правительство было вынуждено уже весной 554 г. направить против них войска. Жужани потерпели поражение. Но это не изменило их поведения, и летом 555 г. цисский император изгнал жужаней со своей территории в степь, где их немедленно разгромили тюркюты и кидани[15].

Дыншуцзы с остатками орды бросился искать убежища в Западной Вэй, но там нуждались в тюркютах как союзниках против империи Ци и выдали тюркютскому послу три тысячи связанных жужаней. Посол велел обезглавить всех взрослых, но пощадил детей и «следовавших за князьями» слуг[16]. С жужанями было покончено, и тюркюты стали хозяевами всей восточной половины Великой степи. За оказанные услуги по истреблению жужаней тюркюты расплатились с Западной империей Вэй в том же 556 г. В то время когда жужаньские головы катились перед восточными воротами Чаньани, соединенные тюркско-китайские войска ворвались в Тогон, население которого должно было искать спасения в горах Наньшаня[17]. Победители взяли резиденцию хана Куалюя — городок Шудунь, находившийся возле Кукунора, и другой городок — Хэмчен. На следующий год тогонцы попытались отплатить за набег набегом на китайские земли, но, не умея брать крепостей, вынуждены были отступить. Империя Ци ничем не могла помочь своим гибнущим союзникам, так как еще ранее истратила силы на отражение киданей с севера (553 г.[18]) и царства Лян с юга (555 г.[19]). Окрыленный успехами, сын Юйвынь Тая — Юйвынь Цзю осмелился отбросить ширму легитимизма и, заставив отречься последнего императора династии Вэй, в 557 г. вступил на престол и назвал свою династию Бэй-Чжоу.

Война на востоке. Расправившись с жужанями, тюркюты перешли к решительным действиям против своих кочевых соседей. 554 год был годом, когда из княжества создалась империя. На севере было завоевано государство Цигу. Что понимали китайцы под наименованием Цигу — кыргызов или чиков — неясно[20], так или иначе с этого времени Мугань-хан обеспечил свою северную границу, хотя форсировать Саяны тюркютам не удалось[21].

15 Liu Mau-tsai. Die chioesischen Nachrichteo... S.35.

16 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.208.

17 Иакинф Бичурин. История Тибета... С.85.

18 Cordier H. Histoire generale... P.359.

19 Иакинф Бичурин. История Китая.

20 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.222, 311.

21 См.: Bacot J. Reconnaissance en Haute Asie Septeotrionale par cinq eovoyes ouigours au VIII siecle // JA. Vol. 254. N 2. 1956. P.146. Названный в тибетском тексте Зама-каган, или Зама-моган, по остроумной догадке Пельо, — Мугань-хан (см.: там же. С.151). Имя Зама не может быть Озмыш, так как Озмыш-хан, последний государь голубых тюрок (см. ниже), за два года своего царствования (742-744) походов на север не совершал (ср.: Clauson G., A propos du manuscrit Pelliot tibetain 1283 // JA. Vol. 255. N 1. 1957. (extrait). P.13). Надо думать, что слово Зама следует читать Азма — не сбивающийся с пути (негативная форма глагола яз). Подобные эпитеты часто встречаются в титулатуре тюркских ханов.

На востоке в это время обитали три народа: татабы, которых китайцы называли хи, кидани и тридцать татарских племен, носивших у китайских географов имя Шивэй[22]. Все три народа говорили на диалектах монгольского языка, были близки по быту и культуре, но всегда враждовали между собой. Татабы жили по западным склонам Хингана и поддерживали союз с Бэй-Ци[23]. Кидани занимали степную часть Маньчжурии, к северу от р. Ляохэ. Они постоянно воевали с татабами и, следовательно, вступали в конфликты с Бэй-Ци. В 553 г. император Бэй-Ци — Вэнь-ди разгромил и подчинил себе значительную часть киданьского народа. Остальные или бежали в Когурио (Корею)[24], или подчинились тюркютам, которые вышли к бассейну Желтого моря.

В результате победы над киданями государство Бэй-Ци не усилило, а наоборот, ухудшило свое внешнеполитическое положение, так как теперь тюркютские владения охватили его с севера. Жестокая расправа над остатками сяньбийцев и открытое покровительство буддизму, поглощавшему огромные средства, ослабляли сопротивляемость внешним врагам. А в это же время Бэй-Чжоу росло и крепло — как благодаря союзу с тюркютами, так и потому, что его правители опирались на служилое сословие и не тратили средств на буддийских и даосских монахов. Император У-ди в 579 г. издал указ о запрещении буддизма и даосизма; этот китайский Генрих VIII принял имя «Небесное начало», приказал поставить статуи Будды и Лао-цзы по бокам своего трона и, сев между ними, принял публичное поклонение[25], стремясь тем самым скомпрометировать религию. Чжоуская империя начала приобретать известность даже в Западной Азии, где различные владетели стремились установить с ней связи. Так, в 553 г. пришло посольство от эфталитов[26], в 555 г. — из Ирана[27]. После же нового разгрома тогонцев, на этот раз силами только чжоусцев, послов прислали: в 559 г. — Гаочан (Турфан)[28], в 561 г. — Куча[29] и в 564 г. — Карашар[30].

Главной задачей империи Бэй-Чжоу было уничтожение восточной империи — Бэй-Ци, но последняя имела внутренние ресурсы, при умелом

22 Викторова Л.Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке // Ученые записки ЛГУ. 1958. N 256.

23 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.II. С.73.

24 Там же. С.75.

25 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.36; Cordier H. Histoire generale... P.380.

26 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.II. С.269.

27 Там же. С.263.

28 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.II. С.252–253

29 Там же. С.257.

30 Там же. С.256.

нспользованнн достаточные для сохранения самостоятельностн. Все решал вопрос, на чью сторону встанет тюркскнй хан.

В 561 г. оба нмператора направили к Мугань-хану послов с просьбой выдать замуж царевну. Подарки, представленные нз богатого БэйЦн, чуть было не решилн дела, однако днпломатнческая ловкость чжоускнх послов вынуднла Мугань-хана сохранить верность союзному договору[31]. Он решил наверстать потерю подарков приобретеннем военной добычи.

В 563 г. союзннки осадилн г. Цзнньянь, но успеха не нмелн, н тюркюты, ограбнв страну, вернулнсь в родные степи. На следующий год поход был повторен, но полное пораженне одной нз чжоускнх армнй, нанесенное цнсцамн под Лояном[32], заставило Мугань-хана отвести войска. И все же, несмотря на эту неудачу, он отверг, снова ему предложенный, союз с Цн. Это объясняется тем, что согласно союзному договору нмперия Чжоу выплачнвала тюркютам ежегодно по 100 тыс. кусков шелковых тканей.

В 572 г. Мугань-хан умер. Его брат н наследннк Тобо-хан заключил мнр с империей Цн, не порывая с нмперней Чжоу. Когда же последняя осмелилась отказаться от взноса данн, одной военной демонстрацин тюркютов оказалось достаточно для восстановления исходного положення. Империя Цн, страшась тюркютскнх набегов, нстощала свою казну, выплачнвая дань за мнр. Тобо-хан говорил: «только бы на юге два мальчика [Чжоу и Цн] былн покорны нам, тогда не нужно бояться бедности»[33].

Союз с нмперней Цн привел к культурному общению тюркютов с Кнтаем. В ставке хана появилнсь буддийскне монахн н обратилн в свою веру Тобо-хана. Буддийскнй мнссионер весьма нанвно доказывал хану преимущество буддизма перед прочими верониспoведаннямн богатством н силой нмперни Цн, соблюдающей закон Будды. Последовавшнй разгром Цн разочаровал тюркютов в буддизме н в 581 г., после воцарення дннастии Суй, буддисты должны былн вернуться в Кнтай[34].

В 576 г. чжоусцам удалось разбнть цнсцев н овладеть г. Пхнньянь Попытка цисцев отвоевать город не нмела успеха, н цисский император, осажденный в г. Ечен, перед его сдачей отрекся от престола в пользу князя Гао Юань-цзуна, который также попал в плен в 577 г.

Несмотря на разгром, нязвергнутая династия обрела энергичного защитннка в лнце горожаннна нз г. Тайюань — Гао Бао-ннна[35]. Еще до поражения, в 576 г., он был назначен комендантом пограничной крепостн Инчжоу в современном Чахаре. За короткое время Гао Бао-ннн приобрел

31 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.232; Julien S. Documents... Vol. 3. P.337; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachri- chten... S.20.

32 Иакинф Бичурин. История Китая.

33 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.233.

34 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.36-37.

35 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.31-32.

уважение не только китайцев, но и кочевников. После падения династии это обстоятельство обеспечило ему независимое положение. Гао Бао-нин не был беспринципным политическим честолюбцем; в нем появились те моральные силы, которые способствовали возрождению Северного Китая: верность долгу, патриотизм и непреклонное упорство в борьбе. Он отверг предложение победителя о почетной капитуляции и объявил себя сторонником последнего представителя династии Ци — князя Гао Шао-и, убежавшего к тюркютам. За этот поступок Гао Бао-нину было пожаловано звание канцлера (конечно, без возможности занять должность). Тюркютский хан, очевидно опасаясь чрезмерного, с его точки зрения, усиления Бэй-Чжоу, также принял сторону побежденной династии. К союзу примкнул и полководец Люй Чжан-цзы, восставший против своего императора и укрепившийся в Фаньяне[36] (около Пекина).

Гао Бао-нин немедленно мобилизовал все имевшиеся в его распоряжении силы и выступил на стороне Гао Шао-и. Но он опоздал. Его войска успели только достичь берегов Ляохэ, когда до них дошла весть, что Фаньян разрушен и восстание подавлено. Гао Шао-и вернулся к тюркютам, а Гао Бао-нин укрепился в своей области.

Гораздо более страшным врагом для Бэй-Чжоу оказались тюркюты. В 578 г. Тобо-хан вторгся в Китай и наголову разбил чжоускую армию. Переговоры, начатые в 579 г., были прерваны, и военные действия продолжились с полным успехом для тюркютов. Однако китайскому послу удалось соблазнить Тобо-хана подарками, и в 580 г. был заключен мир, по которому Гао Шао-и был выдан и препровожден в столицу Чжоуского государства — Чанъань. Умер он в ссылке в Сычуани[37].

580 год был апогеем тюркского могущества. В 581 г. Тобо-хан умер, а в Китае Чжоуская династия была свергнута злейшим врагом тюркютов — боевым генералом Ян Цзянем, основателем династии Суй, что полностью изменило политическую обстановку. Гао Бао-нин пережил своих противников и остался в Чахаре самостоятельным князьком, союзником тюркских ханов[38].

Война на западе. Проявляя активность на восточной границе, тюркюты одновременно совершили поход на запад. К сожалению, подробности этого чрезвычайно важного события освещены источниками недостаточно полно, но наметить общий ход событий все-таки можно.

---

36 Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Срединной и Восточной Азии Чебоксары, 1960. С.17.

37 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.234; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.33.

38 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.44.

Западный поход возглавил Истеми-каган, младший брат Бумына. Истеми-каган еще раньше сопутствовал Бумыну и командовал десятью вождями, очевидно племенными[39]; скорее всего они были предводителями североалтайских племен угорского происхождения. Их потомками, ныне отюреченными, являются шорцы, кумандинцы, лебединцы и др. Не случайно имя хана Истеми не тюркское, а угорское и является названием духа-предка[40]. Китайцы определяли численность его войск в 100 тыс. человек, но эта цифра отражает не действительное количество воинов, а ранг полководца, в данном случае наивысший, что соответствует его титулу: «багадур-джабгу»[41].

Свой поход Истеми начал позже 552 г., так как арабы в этот год еще были самостоятельным племенем, приславшим дары на похороны Бумына[42], и, по-видимому, после решительного разгрома жужаней, происшедшего осенью 553 г. Самая вероятная дата выступления в поход — весна 554 г., когда с жужанями было покончено, а степи покрылись травой, что имело решающее значение для конницы.

Судя по быстроте передвижения, тюркюты не встретили сильного сопротивления. В 555 г. их войско достигло «Западного моря»[43], под которым надо понимать не Каспийское, а Аральское море, так как Фирдоуси указывает следующие границы владений Истеми: «от Чина [Китая] до берега Джейхуна [Аму-Дарьи] и до Гульзариуна [Сыр-Дарьи] по ту сторону Чача [Ташкента]»[44].

На основании этой цитаты мы можем довольно точно провести границу 555 г.: она шла севернее Ташкента, затем пересекала СырДарью на повороте к северу и в широтном направлении шла до низовьев Аму-Дарьи и южного берега Аральского моря. Согдиана и Бухара в это время подчинялись эфталитам, с которыми и столкнулись завоеватели[45]. Таким

---

39 Chavannes E. Documents... P.38.

40 Gyorffy G. Du clan hongrois au comitat de la tribu au pays. II Sz'szadok. Budapest, 1958. T.92. Fasc.5–6. P.950 sq.

41 Б а г а д у р — слово монгольское, вошедшее в тюркский еще в VI в. Я б г у — заместитель хагана (см.: Гумилев Л.Н. Удельно-лествичная система у тюрок в VI-VIII веках (к вопросу о ранних формах государственности) // СЭ, 1959. N 3. С.24).

42 Шаванн ошибочно считает, что Истеми в походе на запад сопровождал своего старшего брата (Documents... P.219), но во времена Шаванна этноним апар не был еще раскрыт и читался совместно со вторым этнонимом apurim как апар-apurim (Thomsen V. Inscriptions de l Orkhon) или парпурумы (Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. С.65; Radloff. Die alttuerkischen Inschriften der Mongolei // ATIM. SPb, 1895. S.429), причем Радлов эту этническую группу сопоставлял с телеским племенем фуфуло. Вопрос решила статья турецкого ученого Bahaeddin Ogel. Kokturc yasitlarinen Apurim lari ve Fu-lin problem. Belleten IX. N 33 (журнал Турецкого исторического общества), где он доказал, что апурим — не что иное, как Рум, т.е. Византия. Благодаря этим и другим исследованиям стало возможным уточнить время западного похода, что в свою очередь снимает гипотезу Шаванна о параллельном существовании двух ветвей тюркского народа — западной и восточной. Истеми отправился на покорение запада как джабгу (ябгу) своего племянника Мугань-хана, и упоминание в большой надписи Кюль-тегина обоих братьев как предков восточных тюрок исключает наличие в древности двух ветвей этого народа. Разделение же произошло лишь в VII в. при обстоятельствах, которые будут нами рассмотрены ниже.

43 Julien S. Documents... Vol. 3. P.331.

44 Firdousi. Le livre des rois. Paris, 1868. Ed. J.Mohl, VI. P.310.

45 Этот факт отмечен только в Ган-му (см.. Иакинф. История Китая).

образом, тюркюты за полтора года подчинили себе весь центральный Казахстан, Семиречье[46] и Хорезм[47].

Но дальше пошло труднее. На севериых берегах Аральского моря тюркюты натолкнулись на сопротивлеиие племеи хуни (хионитов)[48], вар[49] и огоров[50]. Только к 558 г. эти племена были разгромлены н тюркюты вышли к Волге, гоня перед собой тех, кто отказывался покориться. Это были осколки племен вар и хуни - около 20 тыс. человек[51], слившиеся затем в единый народ — авар[52].

Тюркюты не перешли Волгу и ограничнлись подчинением приуральских степей. На этом западный поход Истеми был закончен. То, что было достигнуто за четыре года, поставило перед кагаиатом ряд новых политических задач.

Появление единой державы, охватившей всю азиатскую степь, оказалось фактором огромиого значеиия для дипломатии Китая, Византии н Ирана.

Политическая ситуация в Причериоморье в конце 50-х годов VI в. была весьма сложной и напряжениой, главным образом вследствие тонкой н дальновидной политики Византии. Область низовьев Днепра и Дона занимал болгарский народ кутургуры. Родственные им утургуры жили на Кубани. Византия, страдая от набегов кутургуров на Фракию, дарами и посольствами побуждала утургуров к военным действиям против кутургуров. Ловкая политика Юстиииаиа довела оба эти родственных племеии почти до взаимного истребления[53].

К востоку от утургуров, в районе р. Кумы и в Дагестане, обитало крайне воинственное племя сабиров. Сабнры принимали активное участие в византийско-персидской войне сначала на стороне Ирана, потом против

46 Обитаашие там племена чуйской группы, дулу и пушиби, имели те же обычан, что и тюркютм, и мало отличались по языху (Chavannes E. Documents... P.47).

47 Среди подчиненных тюркютскому хану племеп упомянутм холиmы (Менандр // Византийские историки. Пер. С.Дестуниса. СПб., 1860. С.381), котормх отождествляют с хвалиссами русских летописей и тем самым с хорезмийцими (Толстов С.П. Новогодний праздник Каландис у хорезмийских христиин // СЭ. 1946. N 2. С.95).

48 Х и о н и т м — потомки сармато-алинских племеп, обитители открмтых Толстовым С.П. болотных городищ а низовьях Сыр-Дарьи (см.:Гумилев Л.Н. Эфталитм и их соседи в IV веке // ВДИ. 1959. N 1. С.134).

49 В а р, или у и р — соседи хионитов, плема угорской группм (см.: Феофилакт Симокатта. История. М., 1957. С.160).

50 О г о р м, или у г р м — предхи венгроа; они обитали в VI в. на территории Башкирии и а степях между Волгой и Уралом (см.: Молнар Э. Проблемм этногенеза и древней истории венгерского народа. Будапешт, 1955. С.96-97). Рубрук сообщает, что население Башкирии еще в XIII в. сохраняло свой азык, котормй был понятеп венграм (Путешествиа в восточные странм. М., 1957. С.122 и 211).

51 Дестунис С. Византийские историки. СПб., 1960. С.374; Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936. С.24.

52 Феофилакт Симокатта специально предупреждает читателя, что этих псевдо-аваров ни в коем случае нельза смешивать с истинимми аварами, т.е. вбарими, живущими в Срединной Азии. Эта проблема амзвала продолжительную полемику (см.: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С.64-65).

53 Артамонов М.И. Очерхи... С.22.

него. В 552 г. они завоевали Агванию, но уже в 554 г. были разбиты персами[54].

На берегу Кубани жили аланы, верные союзники Византии. Через них греки впервые получили известие о появлении нового варварского народа — аваров.

Авары в Причерноморье. Положение аваров, бежавших от тюркютского нашествия, на первый взгляд казалось безнадежным: за ними стоял намного сильнейший враг, перед ними были сильные, многочисленные и богатые народы, привыкшие к войнам и умевшие побеждать. Авары были нищими беглецами, лишенными и стад и родной страны. Как и почему они не только уцелели, но и победили, можно ответить, только внимательно рассмотрев политическую обстановку того времени.

Первой задачей аваров было оторваться от противника. Им это удалось лишь потому, что в это время в Средней Азии активизировались эфталиты и отвлекли Истеми, заявившего: «Авары не птицы, чтоб, летая по воздуху, избегнуть мечей тюркских, они не рыбы, чтоб нырнуть в воду и исчезнуть в глубине морской пучины, они блуждают по поверхности земли. Когда покончу с эфталитами, нападу на аваров, и они не избегнут моих сил»[55].

Активные действия против эфталитов Истеми начал лишь в 561 г., когда Хосрой Ануширван заключил мир с Юстинианом и смог обратить внимание на восток. Окончательный мир в Средней Азии был заключен в 571 г., и лишь тогда тюркюты смогли снова обратиться на запад, но авары воспользовались передышкой столь успешно, что стали недостижимы для Истеми-хана.

Оторвавшись от тюркютов, авары стали искать союзников. Они попросили аланского вождя Саросия[56] содействовать их сближению с Византией. Саросий принял участие в аварах и помог их послу пробраться в Лазику, откуда он был переправлен в Константинополь, где его приняли недоверчиво и неблагосклонно. Однако Юстиниан отправил ответное посольство с мечником Валентином во главе. Валентин привез аварам подарки и предложил начать действия против врагов империи, главным из которых в то время был Иран. Союз был заключен (558 г.). Но, вместо того чтобы нападать на врагов Византии, авары обрушились на ее союзников.

Первой жертвой их оказались сабиры, которые приняли новый народ «вар» за истинных азиатских аваров (абар), нанесших в середине V в. им сильное поражение. Это недоразумение вызвало среди сабиров панику и решило победу аваров. Так оказалась фатальной небольшая лингвистиче-

54 Lebeau. Histoire du Bas-Empire. Pàris, 1828. T.9. P.328.

55 Менандр. С.328.

56 Вернадский Г.В. предполагает, что это не имя, а титул Сар-и-ос, т.е. глава осов (перс.) (Vernàdsky G.V. Ancient Russia. New Haven, 1952. P.194).

ская ошибка. Вслед за сабирами пострадали утургуры, тоже верные союзники империи, а также залы, обитавшие на левом берегу нижнего Дона. Затем авары, переправившись через Дон, обрушились на антов и подвергли этот народ полному разграблению.

Подобно тому как на Кавказе аваров некоторое время поддерживали аланы, в Причерноморье эта роль выпала на долю кутургуров. Хотя источники не содержат прямых указаний на заключение союза между аварами и кутургурами, но весь ход событий и косвенные данные позволяют полагать, что такой союз имел место.

С 551 по 558 г. кутургуры не решаются подступать к границам Византийской империи. Причина этого известна: восточная граница кутургуров благодаря тонкой византийской дипломатии находилась под угрозой со стороны утургуров, а западной — угрожали многочисленные антские племена, обитавшие по всей лесостепной полосе к северу от Причерноморских степей. Менандр писал, что авары «завели войну с утургурами», а вслед за тем набегами опустошили земли антов. «Владетели антские были приведены в бедственное положение и утратили свои надежды»[57]. К сожалению, Менандр не сообщает, какие именно надежды утратили анты, и вообще в его рассказе столь много умолчаний, что появляется необходимость критического пересмотра его сообщения о результатах аваро-византийских переговоров.

После посольства Валентина авары громят именно сторонников Византии — сабиров, утургуров и антов. Так как эти действия шли вразрез с интересами Византии, то, естественно, в выигрыше оказался Иран.

В самом деле, совершенно невозможно допустить, что авары обратились только в Константинополь и, даже при удаче переговоров, игнорировали Ктезифон. Если принять предположение о заключении союза между аварами и персами, то становится понятным, почему авары принуждены были покинуть Кавказ. Верный союзник Византии, аланский князь Саросий в этих условиях не мог оказывать аварам поддержку, а лишенные ее авары, несмотря на одержанные победы, не могли задержаться в Предкавказье, тем более что у них в тылу стояла грозная сила тюркютов.

Но Заберган кутургурский, враг греков, естественно, рад был получить в лице аваров новых союзников, необходимых ему для борьбы с Византией и ее друзьями — утургурами и антами. Действительно, как только авары, разгромив утургуров, обезопасили кутургуров с тыла, Заберган предпринял новый поход на Балканы и дошел до стен Константинополя. Одновременно, сразу же после аварского посольства, в Константинополь

57 Менандр. С.324.

явилось тюркютское (июль 558 г.) и встретило хороший прием. Вероятно, оно тоже сыграло роль в охлаждении греко-аварских отношений.

Таким образом, в 558 г. персидская дипломатия одержала победу, создав для Византии нового сильного врага и переправив опасных соседей со своих границ на Балканы. Как будет видно из дальнейшего, персидско-аварский союз просуществовал до 628 г. и чуть было не расправился с Византийской империей.

Анты попытались договориться с аварами, отправив к ним посла Мезамира, ближайшей целью которого был выкуп пленных. Мезамир, явившись к аварам, вел себя так надменно и дерзко, что был убит аварами, несмотря на его положение посла. Расправившись с послом, авары продолжали грабить и порабощать антов.

Заручившись поддержкой такого энергичного союзника, кутургурский князь Заберган решил, что с востока ему больше никто не угрожает, и, заключив союз со склавинами, вторгся в Византию. В марте 559 г. он перешел Дунай по льду и разделил свое войско на три отряда: один двинулся через Македонию в Элладу и проник к Фермопилам, второй угрожал укреплениям, защищавшим Херсонес Фракийский, а третий, во главе которого стоял он сам, прорвался через пролом в Длинной стене, пострадавшей от землетрясения и по преступной небрежности не восстановленной.

В Константинополе началась паника: из мрака забвения был извлечен престарелый военачальник Велизарий, который отогнал варваров от столицы. Прочие отряды были также отбиты. Но тем не менее Заберган разбил лагерь во Фракии и продолжал грабежи до тех пор, пока ему не была выплачена солидная сумма и обещаны такие же «дары», как и утургурам. Только тогда кутургуры покинули Фракию.

Юстиниан немедленно снесся с вождем утургуров Сандилхом, после чего утургуры напали на один из отрядов Забергана, возвращавшийся из Фракии, уничтожили его, и отбитую добычу Сандилх вернул грекам. Война, последовавшая вслед за этим, настолько же ослабила оба народа, насколько послужила на пользу аварам.

В 565 г. Юстин II прекратил выплату аварам даров, считая империю достаточно могущественной. Но силы аваров росли. В 565 г. они уже громили Тюрингию и удачно воевали с франкским королем Сигезбертом. В 567 г. авары в союзе с лангобардами уничтожили гепидов, которым оказывала помощь Византия, и овладели долиной Тиссы.

Год спустя, после ухода лангобардов в Италию, авары стали хозяевами всей Паннонии и грозой Центральной Европы. Их силу составляли вспомогательные войска из антов, западных славян и кутургуров, полностью подчинившихся аварскому хану. Первый аварский хан Баян, угрожая Византии, в 568 г. цинично заявил: «Я таких людей пошлю на Римскую

землю, потеря которых не будет для меня чувствительна, хоть бы они совсем погибли» — и послал в набег 10 тыс. кутургуров[58].

Описанные события обнажают пружины международной политики 60-х годов VI в. Иран и Византия были непримиримыми врагами. Для аваров, как противников Византии, был необходим союз с Ираном, тогда как тюркюты, враги аваров, могли находиться с Византией в самых дружеских отношениях.

Но эту расстановку сил осложняло наличие государства эфталитов, враждебного и тюркютам и Ирану. Поэтому Истеми-хану союз с Хосроем Ануширваном был более привлекателен, нежели переговоры с Юстином[59]. Около 560 г. персы и тюркюты заключили наступательный союз: первые для того, чтобы «отомстить смерть шаха Пероза»[60], вторые — чтобы овладеть цветущими городами Согдианы.

Эфталиты были вынуждены воевать на два фронта, и даже на три, так как эфталитский царь Михиракула, владея Кашмиром и Пенджабом, упорно сражался с индийцами[61].

Разгром эфталитов. Восточная политика сасанидского Ирана изучена недостаточно, но даже отрывочные сведения, сохранившиеся в источниках, убеждают исследователя в том, что она была гибкой и прозорливой. Так, например, усиление Северо-Западного Китая было сразу отмечено в Иране, и уже в 555 г. в Чанъань прибыло персидское посольство. Одновременно было отправлено посольство и к тюркютам (прибыло оно, естественно, раньше), установившее союз, скрепленный браком шаха и дочери хана Истеми[62].

Эфталиты, потеряв своих союзников — жужаней, забеспокоились и также пытались в 553 г. завязать отношения с Китаем, но Юйвынь Тай, правитель империи Западная Вэй, был в союзе с тюркютами, и эфталитские намерения, видимо, не встретили сочувствия. В среде самих эфталитов не было единомыслия. Вельможа Катулф удерживал царя Гатфара от войны,

---

58 Менандр. С.391.

59 Firdousi. Le livre des rois. VI. P.310.

60 Tabari. Chronique... PP.161-162.

61 Синха Н.К., Бенерджи А.Ч. История Индии. М., 1954. С.94-95.

62 Фирдоуси считает, что этот брак был заключен после разгрома эфталитов, т.е. после 569 г., но сын турчанки — Хормизд IV наследовал престол в 579 г., а был низложен 6 февраля 590 г., имея уже отрока сына (Себеос. История императора Иракла. Пер. с армянского К.Патканьян. СПб., 1862. С.34; Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI–VIII вв. М.-Л., 1946. С.88). Уже Шаванн отверг столь позднюю дату (Documents... P.229), но, по версии Табари, брак и союз были заключены за год до войны против эфталитов, которая началась, по китайским сведениям, в 555 г. По-видимому, китайцы получили информацию от персидского посольства. Эта дата совпадает с началом западного похода Истеми, и возраст Хормизда перестает вызывать сомнения: в момент гибели ему было 36 лет, а сыну его — 16-18 (см.: Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879. S.187; Tabari. Chronique... PP.161-162). Посольство упоминается также Белазури и Ибн-Хордадбегом, но их изложение крайне искажено и неправдоподобно (см.: Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1944. P.380).

но, будучи оскорблен царем, предал своих едниоплеменников н бежал к персидскому шаху[63].

Активиые военные действня иачались в 560 г., после того как их спровоцировал Гатфар. Обеспокоеиный сиошеинями кагана с шаханшахом, ои решил сделать все, чтобы воспрепятствовать такому сблнженню. Тюркютское посольство, двнгавшееся через Согд, было вырезано, за исключением одного всадннка, которому удалось спастнсь н прннестн грустиое известие Истеми-хаиу[64]. Войиа стала неизбежной. Истемн мобилизовал все иалнчные войска, прнчем средн них оказалнсь хотаицы[65], бывшие до этого поддаиными эфталитов. Хосрой Анушнрван опередил своего союзника и иаиес первое поражеине эфталитам в 562 г.[66], но войиа этим ие закоичилась.

Первой жертвой тюркютского аваигарда оказался Чач (Ташкент), где тюркюты устроилн резию[67]. Затем главиые тюркютскне силы, перейдя р. Чирчнк[68], соединились в Маймурге со своим аваигардом[69].

Эфталиты сосредоточнвались у Бухары[70], ио Гатфар, ие решнвшись прннять бой иа равнине, где превосходная тюркютская коннница имела преимущества, отступил в горы и принял бой у Несефа (Каршн)[71].

По словам Фирдоуси, согднйцы прн наступленнн тюркютов много плакали, ио воевать за эфталнтов не хотелн. Бнтва у Несефа продолжалась восемь диеи и кончилась полиым разгромом эфталнтов (565 г.). Уцелевшне, поняв, что время самостоятельности для эфталнтской державы прошло, иизложилн Гатфара и выбрали царем чаганнанского киязя Фагоиища, обязав его подчнннться Хосрою Анушнрваиу, который, по их мнеиию, мог протнвостоять тюркютам.

Хосрой, получив одиовремеиио пнсьмо кагана и предложеиие покориостн от Фагоннша, не ответил ии тому, ин другому. Вопрекн мнеиию вельмож, опасавшихся оголять западную граннцу, ои во главе всех своих войск двннулся в Хорасан[72].

Когда общий враг был сломлеи, союзннки оказалнсь врагамн. Разногласня между кагаиатом н Ираном, которые до снх пор прнглушала иеобходнмость расправнться с общнм врагом, теперь вскрылнсь и оказалнсь

63 Менандр. С.328,372.

64 Firdousi. Le livre des rois. VI. P.310.

65 Ibid., P. 312.

66 Менандр. С.377; Vivien de Saint Martin (Les Huns blancs... P.77) дает близкую дату — 563 г.

67 Firdousi. Le livre des rois. VI. P.312.

68 Птицын Г.В. К вопросу о географии Шах-Намэ // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. 1947. Т.IV. С.302.

69 М а й м у р г — княжество в Самаркандской области, к югу от Заревшана (Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900. С.95).

70 Firdousi. Le livre des rois. VI. P.312.

71 Lebeau. Histoire du Bas-Empire. Paris, 1828. T.10. P.63.

72 Firdousi. Le livre des rois. VI. P.316 sq.

весьма глубокими и даже непримиримыми. Но их разбору мы посвятим следующую главу, а пока вернемся к эфталитам.

Добившись гегемонии в Средней Азии силой оружия и жестокостью, эфталиты не завоевали популярности в странах, ими покоренных.

VI век для Средней Азии был временем экономического и культурного подъема. Росли и богатели города, процветали земледелие, ремесла и торговля. Согдийцы выступали в это время как опытные и умелые купцы-посредники. Они установили регулярную связь между Китаем и Средиземноморьем, использовав для этого древние караванные пути. Но торговле мешал разбой жужаней и постоянные войны, которые эфталиты вели со своими соседями. Тюркюты, объединившие степь и Согдиану, открыли для торговли великолепные возможности, и согдийские купцы стали верноподданными тюркютских ханов. Тюркютам было выгодно иметь таких лояльных подданных. Так Средняя Азия сделалась неотъемлемой частью каганата. Создавшееся положение отрезало эфталитам пути к реваншу и заставило их замкнуться в своих горах, где остатки их уцелели вплоть до нашего времени[73].

---

73 Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV веке // ВДИ. 1959. N 1. С.129-140.

ГЛАВА IV

ШЕЛК И КАРАВАННЫЙ ПУТЬ

Караванная торговля. Разгромив эфталитов и северокитайские царства, тюркюты достигли не только политического, но и экономического могущества, так как в их руках оказался великий караванный путь, соединяющий Запад и Восток.

Путь этот начинался в Чаньани и шел вдоль склонов Наньшаня через многочисленные долины, орошаемые стекающими с хребта ручейками. Этот участок пути был легок, но затем следовал крайне тяжелый переход через пустыню до оазиса Хами, а оттуда в Люкчунскую впадину к Турфану. Оба эти оазиса и еще несколько соседних составляли самостоятельное княжество Гаочан, населенное потомками китайских военнопоселенцев, совершенно освоившихся на новой родине.

От Гаочана караванный путь раздваивался. Одна его ветвь пролегала по южным склонам Тянь-Шаня через Карашар, Кучу и Аксу, затем мимо Иссык-Куля в долину р. Чу и оттуда через Таласскую долину в Исфару. Другая ветвь, северная, начиналась также в Гаочане и шла по южной Джунгарии через Урумчи, Манас, Куркара-усу и горы ИрэньШабирган в долину р. Или и оттуда на юг, в Среднюю Азию. Кроме того, была еще одна трудная дорога через перевалы в Тянь-Шане из Карашара через долину Юлдуза в долину Или, но ею пользовались редко[1].

В Средней Азии караваны отдыхали. Одним из крупнейших перевалочных пунктов был г. Пайкенд. Оттуда путь шел через Хорасан на Рей и Хамадан и через византийскую крепость Несевию (Низиб) в Сирию и Константинополь. От Китайского моря до границ Персии считалось 150 дней пути, а отсюда до Низиба на римской границе еще 80 дней[2].

Торговля была весьма оживленной и доходной, но обслуживала не народные массы, жившие в условиях натурального хозяйства, а социальную верхушку, нуждавшуюся в предметах роскоши. Китайцы получали из

1 Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1903. Вып.VI. P.5. Первым европейцем, прошедшим по третьей дороге из Киргизии в Карашар, был Роборовский В.И. в 1893 г. (см.: Роборовский В.И. Путешествие в восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. М., 1949).

2 Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908. С.542.

Ирана исключительно для своих императриц знаменитую краску для бровей, стоившую очень дорого. Вавилонские ковры были также редкостным товаром. Наконец, в Китай ввозились подлинные и искусственные сирийские драгоценные камни, кораллы и жемчуга с Красного моря, ткани из Сирии и Египта, наркотики из Малой Азии[3]. Но наиболее важным предметом торговли был шелк, который начал поступать в Европу со времен Августа[4]. Потребность Византии в шелке была огромна, так как помимо нужд двора и аристократии шелк использовался как валюта при сношениях с варварами, в частности при найме вспомогательных войск.

Притязания Юстиниана на мировое владычество вынудили византийское правительство поддерживать дипломатические связи со всеми государствами Европы до англосаксонских королевств включительно. На подарки, подкупы, наем воинов требовалось огромное количество шелка. За шелк Византия получала из Европы и союзников, и наемников, и любые товары, и рабов. Благодаря торговле Юстиниан мог вести мировую политику, которая подчинила его власти почти все Средиземноморье. Шелк в Византии ценился наравне с золотом и драгоценными камнями[5].

Но артерия, снабжавшая Византию этим драгоценнейшим товаром, проходила через Северный Иран, и сасанидское правительство отнюдь не выпускало из рук контроль над караванной торговлей. Оставляя себе очень большую часть шелка-сырца для его обработки, иранцы всегда имели возможность продавать свои изделия западным странам по ценам, которые они сами назначали[6].

Добиваясь ослабления Византийской империи, персы, естественно, стремились не к увеличению ее товарооборота, а к повышению цен на шелк, с тем чтобы выкачать из Византии возможно больше денег и ослабить ее в политическом и военном отношении. Увеличение товарооборота не было выгодно Ирану, так как Византия при любых ценах компенсировала себя при перепродаже шелка на европейском рынке, что помогало ей наращивать военный потенциал. Поэтому персы тщательно регламентировали торговлю шелком, не только установив высокие цены, но и ограничив также количество шелка, вывозимого на запад[7].

Естественно, что Византия не могла мириться с создавшимся положением, так как, переплачивая за шелк, она тем самым способствовала

---

3 Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1944. P.129.

4 Govern. The early empires of Central Asia. London, 1939. P.5

5 См. Гелиодор. Эфиопика. Пер. Егунова. М.-Л., 1932. С.99.

6 Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1944. P.128; Пигулевская Н.В. Византийская дипломатия и торговля шелком // ВВ. 1947. Т.1(XXVI). С.187

7 Диль Ш. Юстиниан. С.543

усилению враждебного ей Ирана. В промежутках между войнами константинопольский двор с огорчением видел, сколько золота уходит из страны в руки врагов государства[8]. Но попытки освободиться от экономической зависимости были безуспешны. Около 531 г. Юстиниан пытался договориться с Эфиопией, чтобы африканские купцы взяли на себя роль посредников и наладили перевозку шелка через Индийский океан[9], но персы в индийских портах пользовались таким влиянием, что эфиопам не удалось отнять у них монополию закупки шелка, а мир, заключенный в 532 г., восстановил обычный порядок торговли[10].

Новая война с Ираном, возникшая в 540 г., вынудила Юстиниана особым эдиктом понизить цены на шелк, но заставить персидских купцов продавать шелк по этим ценам не было никакой возможности. В результате в Сирии из-за отсутствия сырья разорились шелкоткацкие мануфактуры[11]. В 570 г. Хосрой Ануширван, овладев Йеменом, окончательно закрыл византийцам доступ на восток через Красное море и Индийский океан. В это же время в историческую игру вступил новый партнер — тюркютский каганат. Выше было отмечено, что тюркюты выкачивали из Китая огромное количество шелка в виде дани. Несмотря на то, что ханы обвешивали шелком свои юрты, использовать всего получаемого ими шелка они не могли.

После разгрома эфталитов согдийцы стали подданными тюркютского хана. Они издавна славились и на Востоке и на Западе как ловкие посредники и купцы. От замены эфталитских хозяев на тюркютских они только выиграли, так как им открылся беспрепятственный и безопасный доступ во внутренние области Азии. В интересах согдийцев было максимальное расширение шелковой торговли, так же как и в интересах тюркютов, стремившихся найти сбыт для излишков шелка.

Согдиец Маниах. Итак, согдийские купцы совершенно справедливо сочли разгром эфталитов началом своего процветания. В самом деле, дорога в Китай была открыта и безопасна, сами тюркюты не знали, куда девать награбленный или полученный в виде дани шелк, и посредник мог нажиться, как никогда до сих пор. Задача была лишь в том, чтобы доставить шелк в Византию, но об этом следовало договориться с персидским шахом. Истеми-хан со своей стороны шел навстречу желаниям своих новых подданных, тем более, что это совпадало с интересами его приближенных. Поэтому хан охотно согласился на предложение согдийца Маниаха послать его к Хосрою Ануширвану в качестве полномочного посла с поручением

8 Диль Ш. Юстиниан... С.544.

9 Пигулевская Н.В. Византийская дипломатия. С.198.

10 Диль Ш. Юстиниан... С.546

11 Там же. С.548; Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. М.-Л., 1951. С.90-94.

добиться разрешения на провоз через Иран запасов шелка, скопившегося у предприимчивых согдийцев. Посол даже предложил персидскому царю принять участие в торговле, т.е. покупать шелк самому и перепродавать его на Запад[12]. Согдийцы при такой операции, несколько теряя на цене товара, значительно больше выгадывали бы на увеличение оборота.

Разумеется, персидское правительство не могло пойти на сделку, так как если бы оно переправило весь шелк в Византию, то через несколько лет на Евфрате стояла бы столь многочисленная наемная армия, что всех сил Ирана не хватило бы для ее отражения. Использовать же шелк внутри страны не позволяла низкая покупательная способность населения Ирана. Покупая шелк, персидский шах только терял золото, так же необходимое ему для проведения восточной политики как шелк был нужен византийскому императору для политики западной.

Хосрой нашел выход из затруднительного положения, в которое его поставил союзный хан. По совету эфталита Катулфа привезенный шелк был оплачен и в присутствии послов сожжен. Это показало согдийцам, что персы не потерпят изменения существующего положения[13]. Согдийцы немедленно пожаловались хану, и тот решил уладить конфликт. Он послал в Иран новое посольство, состоявшее из тюркютов. Но и это посольство тоже ничего не добилось. В довершение беды большая часть тюркютских послов умерла от какой-то болезни; вернулись лишь трое или четверо.

Тем временем Маниах успел уговорить хана разорвать союз с Ираном и войти в сношения с Византией. Однако возить шелк вокруг Каспийского моря через Кавказ было дорого и небезопасно: угры, бежавшие перед тюркютскими копьеносцами, могли легко разграбить и вырезать купеческий караван. Дорога же через Иран была короче и легче. Поэтому Истеми-хан пошел на то, чтобы решить спор оружием. Он заявил, что послы были отравлены, и выступил как мститель[14].

---

12 Менандр. С.371-372.

13 См.: Пигулевская Н.В. Византийская дипломатия... С.209.

14 Пигулевская Н.В. (Византия на путях в Индию. С.202-204) трак- тует эти события иначе, но, на мой взгляд, неубедительно. Она считает, что тюрки, не вышедшие еще из полукочевого (? - Л.Г.) состояния, не были склонны к широкому торговому обмену, и только под давлением своих подданных - согдийцев они согласилась на то, чтобы последние, возглавляемые Маниахом, отправили посольство в Иран. Однако именно кочевые тюркюты умели извлечь шелк из Китая и снабдить им согдийцев, так как без войны китайцы шелка в нужном количестве не отдавали. Да если бы они и согласились продать шелк, то по тем ценам на согдийцы, на персы не смогли бы его оплатить и еще получить барыш. Именно потому, что тюркюты получали шелк в виде дани и добычи, они сбывали его согдийцам за бесценок, и тогда торговля становилась прибыльной. Затем, наличие давления покоренных на своих завоевателей допустить более чем трудно; наконец, Маниак был приближенным хана, и естественно думать, что он получил дипломатические полномочия именно от него, а не поехал объясняться с шаханшахом Ирана на свой риск. Фраза Менандра, что хан Истеми разрешил согдийцам послать посольство самим, говорит лишь о том, что они приняли на себя ведение переговоров, надеясь лучше справиться с делом, чем не искушенные в дипломатии тюркютские беги. Пигулевская Н.В. считает, что согдийцы просили разрешения беспрепятственно торговать шелком в иранском государстве, но Менандр прямо указывает, что их просьба была о пропуске шелка на запад, в Византию, пусть даже при посредстве персидской казны. Ниже Пигулевская Н.В. предполагает, что отказ шаха в пропуске шелка объясняется боязнью конкуренции, но ведь свободной торговли шелком в VI в. не было, - значит, не могло быть и конкуренции. Нельзя согласиться и с выводом: Для Ирана тюрки не представляли желанных союзников.

Вполне понимая серьезность затеянной войны, хан поспешил обзавестись союзником. Он отправил в Константинополь посольство во главе с тем же Маниахом, которому было поручено заключить с императором Юстином не только торговый договор, но и военный союз против Ирана. Маниах добрался до Константинополя через Кавказ. Прибыл он как нельзя более вовремя. В 568 г. лангобарды вторглись в Италию, и император Юстин II благоразумно отказался от активной западной политики, столь истощившей финансы империи при Юстиниане. К тому же возобновление войны против Персии было неизбежно и пренебрегать мощным союзником не следовало. Поэтому император принял тюркютское посольство чрезвычайно благосклонно и для подтверждения союза направил в августе 568 г. вместе с возвратившимся Маниахом полководца восточных городов Земарха Киликийца[15]. Истеми-хан ласково принял византийского посла и в подтверждение искренности своих намерений пригласил его сопутствовать войску, двинутому на Иран.

Хосрой не хотел войны. В долине р. Талас тюркютское войско встретило персидское посольство, но хан демонстративно посадил на пиру Земарха на более почетное место, чем персидских послов, и в его присутствии обратился к последним с упреками. Персидские послы вернулись в Иран с вестью о войне. После этого хан отпустил Земарха и тот вернулся в Константинополь в сопровождении сына Маниаха и полномочного посла-тюркюта Тагма-Тархана[16]. Сам Маниах в это время умер, но союз Византии и каганата пережил своего создателя и перешел по наследству к хазарским каганам, равно как и вражда с Ираном, которая продолжалась даже тогда, когда персидских царей сменили арабские халифы.

Дележ эфталитского наследства. Официальным предлогом возникшей войны было требование Истеми-хана, чтобы персы платили ему ту дань, которая раньше шла эфталитам[17]. Отказ был неизбежен, и хан бил наверняка. Тюркютская конница быстро перешла Аму-Дарью и в Джурджане захватила «торговые города и порты сиров[18], прежде обладаемые персами»[19]. Но линия пограничных укреплений, воздвигнутых персами еще в V в. против эфталитов, оказались для тюркютов непроходимыми. Наступление остановилось, а уже в 569 г. тюркюты вернулись в Согдиану[20].

---

15 Менандр. С.375.

16 Т а р х а н — титул, присваиваемый лицу, освобожденному от уплаты налогов.

17 Noeldeke Th. Geschichte der Perser und Araber... S.158.

18 Сирами назывались купцы-посредники в шелковой торговле с Китаем (Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // Известия ВГО. 1959. Т.91. N 1. С.23).

19 Феофан Византийский // Византийские историки. СПб., 1860. С.493. Массон М.Е. полагает, что эти порты были в Джурджане, утраченном персами в 484 г. и захваченном тюркютами около 568 г. (Массон М.Е. Фрагменты из истории распространения в древности шелкопряда Bombix mori // Белек. Сб. в честь С.Е.Малова. Фрунзе, 1946. С.50).

20 Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1936. P.373.

На этом военные действия и закончились, так как Истеми-хан вовсе не стремился разбивать лоб о регулярную и хорошо обученную армию шаханшаха. Зная, что Византия вот-вот начнет войну в Месопотамии и отвлечет туда персидские войска, он решил пока договориться о дележе эфталитского наследства. По договору 571 г. Хосрой Ануширван получил Синд, Бост, ар-Рохадж (Арахозия), Забулистан, Тохаристан, Дардистаи и Кабулистан. Кроме того, персам подчинился иаследствеиный удел эфталитского князя Фагониша — Чаганиан[21]. Тюркютам досталась Согдиана.

Заключение мира было для Хосроя Ануширвана большой удачей. Во-первых, он продвииул границы своего царства на восток так далеко, как ни одии из его предшествеиников; во-вторых, ои освободил свои силы для войны на западе, где восстали армяие, передались византийцам грузины, активизировались в Аравии эфиопы и, накоиец, в 572 г. выступили византийские войска и осадили Низиб. Перекинув на запад свои обучеиные войска, Хосрой быстро добился перелома в военных действиях и уже в 573 г. взял Дару[22]. Собственно говоря, этими успехами он был обязаи вынуждеиному бездействию тюркютского хана: авары, непримиримые враги тюркютов, завоевали степи от Савы до Доиа, и Истеми-хану пришлось перенести свое наступлеиие с юга на запад. Между 567 и 571 гг. тюркюты овладели всем Северным Кавказом[23] и сомкнулись с владениями Византийской империи около Боспора. Возможно, что они стремились там продолжить новый караванный путь для своих друзей и советчиков — согдийских купцов.

Византия, зажатая в клещи персами и аварами, ухватилась за союз с ханом. В ближайшие годы к тюркютам были иаправлены посольства Евтихия, Иродиона, Павла Киликийского и Аиангаста[24]. Казалось, что союз упрочится и мост между Востоком и Западом будет сооружен, ио события потекли по ииому руслу.

Война с Византией. В 553 г. Византия завела собственную шелковую промышленность[25]. Личинки шелковичных червей были доставлены в Константинополь, по словам Прокопия Кесарийского, двумя христианскими монахами, а по словам Феофана Византийского — неким персом, в выдолблениом посохе. Пигулевская Н. В. полагает, что личинки были принесены из согдийских городов[26], а по мнению М. Е. Массона,

21 N'oldeke Th. Geschichte der Perser und Araber... S.156-169.

22 Феофан Византийский. С.493-495.

23 Тюркюты подчинили б-н-дж-р (болгар), беленджер и хазар, дошли до Дербента а, осмотрев укрепления, вернулась в степи (Табари 1,2. С.895- 896; Иба-аль-Асар - цит. по кн.: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С.137-138).

24 Lebeau. Histoire du Bas-Empire. Paris, 1828. T.10. P.169.

25 Феофан Византийский. С.493; Новейшая литература - в кн.: Пигулевская Н.В. Византийская дипломатия... С.204; Массон М.Е. Фрагменты... С.47-51.

26 Пигулевская Н.В. Византийская дипломатия... С.205-206.

ссылающегося иа рассказ Феофана, они былн доставлены нз Джурджаиа[27]. Шелководство развнлось в Константниополе, Бейруте, Тире и Аитиохин. К коицу VI в. вопрос об нмпорте шелка уже не нмел для Внзантин прежиего значення[28] н надежды тюркютов на овладенне шелковой монополней оказалнсь тщетиымн. Налнчне конкуренции не могло не заставнть их поиизить цены на шелковые нзделия, что значнтельио уменьшало выгоды от торговли.

Кроме сопернннчества в торговле шелком охлаждеиию византийско-тюркютских отношеннй способствовал аварский вопрос. Согласио договору 568 г. Внзантня обязалась не заключать мнра н союза с аварами, поэтому, когда аварское посольство явилось к Юстину с просьбой о мире и позволенни занять Паннонию, ему было отказаио[29]. Несмотря иа это, авары утвердилнсь в Паннонни н ианесли внзаитнйцам поражеиие, заставившее последннх в 570 г. заключнть мнр[30].

Этнх двух обстоятельств было достаточио, чтобы произошла полнтнческая перегруппнровка. Тюркюты на Волге находились в среде только что покорениых племен, покорных лншь потому, что до сих пор тюркютская тяжелая кавалерня не имела равиого себе противника. Виезапиое усилеине аваров создавало цеитр прнтяжения для всех врагов тюркютского каганата, в первую очередь для кутургуров, и являлось угрозой для самнх тюркютов. Но пока авары былн заняты войиой с гепидамн и грекамн н нсход войны был неясен, тюркюты могли преиебречь слабым протнвником. Когда же авары создалн мощное государство, обезопасившее себя мнром с Визаитией, тюркюты ие могли не обеспокоиться. И действнтельно, посольство Валентииа 576 г. встречает совершеино ниой прием, иежели предыдущее.

Посла прннял Турксанф, один нз восьмн удельиых князей (в это время тюркютская держава состояла нз восьми уделов, подчииеиных велнкому хану). На приветствня Валеитниа он ответил: «Не вы ли те самые римляне, употребляющне десять языков и однн обман?». Выговорив эти слова, ои заткиул себе рот десятью пальцамн, потом продолжал: «Как у меия теперь во рту десять пальцев, так н у вас, у рнмлян, множество языков. Одним вы обманываете меня, другим моих рабов вархоннтов... Ваш царь в надлежащее время получит наказаине за то, что он со миой ведет речи дружественные, а с вархонитамн (он разумел аваров. — Л. Г.), рабамн моими, бежавшнмн от господ свонх, заключил договор. Но вархоииты как поддаиные тюрок (тюркютов. — Л. Г.) придут ко мие, когда я захочу... Зачем вы,

27 Массон М.Е. Фрагменты... С.50.

28 Там же. С.49.

29 Феофан Византийский. С.493.

30 Менандр. С.400.

римляне, отправляющихся в Византию послаиииков моих ведете через Кавказ, уверяя меия, что нет другой дороги, по которой бы им ехать? Вы для того это делаете, чтоб я по трудиости этой дороги отказался от иападения на римские области. Однако мне в точиости известно, где река Даиапр, куда впадает Истр, где течет Эвр и какими путями мои рабы вархониты прошли в Римскую империю. Небезызвестна мне и сила ваша. Мие же преклоняется вся земля, иачиная от первых лучей солнца и оканчиваясь пределами запада. Посмотрите, несчастные, на аланские иароды да еще на племена утигуров, которые были одушевлены безмерной бодростью, полагались на свои силы и осмелились противустать иепобедимому народу тюркскому, ио оии были обмануты в своих надеждах. Зато они в подданстве у иас, стали иашими рабами»[31].

Этот текст объясняет иам поворот тюркютской внешией политики, ио мотивировка Турксанфа в изложении Менандра явио иеполиа. Турксаиф при его осведомлеииости ие мог ие знать, что мир, который Византия заключила с аварами, был вынужден тяжелыми поражениями, поиесеиными греками на Дуиае. Валентииу было бы очень легко иайти оправдаиие, но вместо этого он только ссылается на свое положение посла, гараитирующее ему безопасность, на старую дружбу с отцом Турксанфа и т. п. Короче говоря, он ведет себя как виноватый. Причину этого объясияют арабские историки Табари и Саалиби. В описании войи Хосроя Ануширвана оии сообщают, что, вериувшись из похода против византийцев, Хосрой обратился против хазар (т.е. западных тюркютов. — Л. Г.) и рассчитался с иими[32]. Это сообщеиие у Саалиби не датироваио, но поставлеио после взятия Антиохии; Табари же излагает здесь события вие хроиологической последовательиости. Действительно, до 575 г. визаитийские посольства иаходили у тюркютов самый теплый прием, но в 575 г. между Ираиом и Византией было заключено перемирие и Хосрой с освободившимися войсками смог рассчитаться с союзниками своих врагов. Тюркюты же в период с 570 по 576 г. были заияты покорением Северного Кавказа. С их помощью визаитийский ставлеииик Гуарам Багратид получил престол в Картли (575 г.)[33]. Надеясь иа Византию, оии ие ожидали удара в спииу.

В такой ситуации раздражеиие Турксанфа стаиовится понятиым. Последствия разрыва сказались иемедлеино. В 576 г. тюркюты, поддержаиные

31 Менандр. С.418-420.

32 Tha'alibi. Histoire des rois des Perses, traduite par H.Zotenberg. Paris, 1900. P.614; Tabari. Chronique... II. P.161. Вероятно, Хосрой отнял у тюркютов города и порты и Джурджане, так как и дальнейшем эта область принадлежит Ирану.

33 Brosset M. Histoire de la Georgie depuis l antiquit'w jusqu au XIX-e si'wcle. SPb., 1894. I. P.216. Броссе подвергает эту дату сомнению, так как описаниаа ситуация похожа на ситуацию 589 г. Мне думается, что тут ошибка не а хронологии, а а описании событиа. Большее позднейшее заслонило меньшее, более раннее. Иными словами, а верю летописцу, что Гуарам стал царем а 575 г.

утургурами, взяли Боспор, «и этим обнаружилось, что тюрки [тюркюты] ведут борьбу против римлян»[34]. На этом наступление тюркютов не остановилось. Они вторглись в Крым, но, по-видимому, были вытеснены оттуда. Затем тюркюты попытались достичь Византии через Западный Кавказ[35], но натолкнулись на сопротивление царства Эгриси, северная граница которого проходила по Кавказскому хребту. Проникнуть в Закавказье им не удалось, и в начале 80-х годов тюркюты должны были отступить, перебив при этом множество пленников. Прочно закрепиться они смогли лишь на равнинах Северного Кавказа и в предгорьях Дагестана вплоть до Дербента. Тюркская угроза для Византии миновала.

Китай и караванный путь. Теперь посмотрим, что извлекал источник шелка — Китай — из торговли, столь выгодной для тюркютов, согдийцев, персов и греков. Трудолюбивые китайские крестьяне производили этот ценный товар, но сами им почти не пользовались, ибо налоги были велики и собирались неуклонно. Получавшиеся за шелк предметы роскоши шли главным образом на удовлетворение прихотей двора и не играли заметной роли на внутреннем рынке. Более того, они стоили значительно меньше, чем вывозимый шелк, и для Китая в целом эта торговля была убыточна. Но правительство Бэй-Чжоу не могло, вернее, не смело изменить положение, так как его политические успехи целиком зависели от поведения тюркютских ханов; Бэй-Ци и Тогон были разбиты лишь благодаря помощи тюркютов, а кроме того, предстояло покорить Южный Китай, что было невозможно без обеспеченного тыла. Вместе с этим необходимо помнить, что династия Бэй-Чжоу была все-таки не китайского, а сяньбийского происхождения и опиралась на окитаенную сяньбийскую знать, превратившуюся в крупных землевладельцев Северного Китая. Нет нужды в том, что потомки тобасских «косоплетов» забыли свой язык и нравы, для коренных китайцев они оставались ненавистными варварами, потомками поработителей. Не менее одиозной для китайского населения была и внешнеполитическая линия бэй-чжоуского правительства. Союз с тюркютами, который так высоко оплачивался, показывал, что династия не порвала со степными традициями. Кроме того, гонение на даосизм и буддизм толкнуло эти влиятельные организации в ряды оппозиции. Наконец, присоединение многолюдного царства Бэй-Ци усилило китайский элемент в империи. Но решающую роль в назревавших событиях сыграла так называемая группировка Гуаньлун.

В жестокое время падения династии Вэй много богатых китайских семей из Шаньдуня переселилось к Юйвынь Таю в Шэньси и обосновалось

34 Менандр. С.423.

35 Феофилакт Симокатта. Истории. С.160-161; Гумилев Л.Н. Биографии тюркского хана в Истории Феофилакта Симокатты и в действительности // ВВ. 1961. Т.XX. С.72.

в областях Гуаньчжуи и Лунси. Здесь они объединились с местными китайскими чиновниками и помещиками и на основе соседства, этнического единства и родственных связей составили группировку, получившую название по месту обитания — Гуань(чжун) и Лун(си) — Гуаньлун. При последних бэй-чжоуских монархах вождем «гуаньлунцев» был полководец Ян Цзянь, дед малолетнего императора (по линии матери)[36].

Ян Цзянь был «гневен, недоверчив и, не любя книг, действовал хитростью; он умел заставить бояться себя, и его приказы исполнялись быстро и точно, государственными делами он занимался с утра до вечера без признаков усталости»[37]. Его политические симпатии и антипатии определились средой, на которую он опирался. Внутри страны им проводились мероприятия, направленные на смягчение социальных противоречий, а по отношению к соседям он предпочитал обострение отношений.

В 563 г. Ян Цзянь попытался изменить направление политики, вызвав конфликт с тюркютами. Обосновал он это следующим образом: «Тюркютские воины пренебрегают и наградами и наказаниями, мало уважают начальников и, по большей части, не соблюдают порядка. Управиться с ними нетрудно. Отсюда видно, что напрасно много говорят об их могуществе. Сим желают только побудить правительство щедро награждать посланников их, в надежде самим, отправившись туда, получить сугубое возмездие. Двор получает ложные донесения, а военные начальники при первом слухе о них предаются страху. Неприятели по наружности показываются мужественными, в самом же деле легко управиться с ними. Ныне, по моему мнению, и прежним и последним посланникам надлежит всем отрубить головы»[38].

Однако эти слова отражают не реальную действительность, а про грамму «группировки Гуаньлун». Тюркютская тяжелая конница была не только более маневренна, чем китайская пехота, но в отличие от ранних кочевников приобрела умение действовать лобовым ударом. Столкновения 578-579 гг. доказывают военное преимущество тюркютов со всей очевидностью. Полемизируя со сторонниками ориентации на степь Ян Цзянь пытается представить их продажными взяточниками, что вряд ли соответствует истине. Но самым важным его положением является предложение не давать тюркютам подарков, т. е. шелковых тканей. Это мероприятие действительно подорвало бы экономическую мощь тюркютских ханов и одновременно позволило бы снизить налог в самом Китае.

Итак, «группировка Гуаньлун» предлагала установить экономическую и политическую изоляцию страны. Предложенная программа был

36 Шан Юэ. Очерки истории Китая. М., 1959. С.178.

37 Cordier H. Histoire generale de la Chine. Vol.I. Paris, 1920. P.25.

38 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.232.

императором отвергнута, ио Яи Цзяиь умел ждать, а время работал иа иего. Требоваиия тюркютов и силы китайцев возрастали пропорциональио ослаблению сяньбийского элемеита, лояльного дииастии Бэй Чжоу. Весиой 581 г. китайские вельможи подияли знамя мятежа против правительства, и к ним примкиули иародиые массы. Этот момент Яи Цзянь использовал для того, чтобы заставить последиего императора, мальчика девяти лет, отречься от престола в свою пользу. Несчастиый ребенок был вскоре убит, а все члеиы рода Юйвыиь казиеиы, после чего мятежи утихли. Новая дииастия получила название Суй.

Несмотря иа то, что «китайская» партия легко одержала полиую победу, Яи Цзяиь не решился доводить до отчаяиия миогочислеииую сяиьбийскую зиать. Специальиым эдиктом он подтвердил, что «все раиги и титулы предыдущей дииастии по-прежиему остаются в силе»[39]. Окитаеииая сяньбийская зиать уцелела, и это определило дальиейшую историю как самого Китая, так и Средииой Азии. Ян Цзяиь ие мог идти иа граждаискую войиу, которая несомиеиио возиикла бы без этого эдикта, так как перед иим стояли две важные политические задачи покорение южиого Китая, которое было легко завершеио в 589 г., разгром тюркютов. Последиее оказалось гораздо более тяжелым, чем предполагали вожди «группировки Гуаиьлун».

39 Шан Юэ Очерки истории Китая. С.180

ГЛАВА V

ВНУТРИ КАГАНАТА

Власть и народ. По китайским сведениям, провозглашение хана было обставлено сложным церемониалом: сановники сажали его на войлок и девять раз проносили кругом, по солнцу, под приветственные крики присутствующих. Затем его сажали на лошадь, стягивали шелковой тканью горло и, быстро ослабив петлю, спрашивали, сколько лет он желает быть ханом. В истории тюркютов незаметно, чтобы ответы на эти вопросы играли хоть какую-нибудь роль в определении срока правления; скорее всего этот обычай сохранился как рудимент от того времени, когда хан был выборным племенным вождем. Наследование престола шло по сложной системе, о которой будет сказано особо.

Первым лицом в государстве после хана был ябгу. Собственно говоря, ябгу был вице-королем, и на эту должность чаще всего назначались члены царствующего рода. Например, при Иль-хане Бумыне чин ябгу имел его родной брат Истеми. Но вместе с тем ябгу не был наследником престола; наследник назывался «тегин» вне зависимости от занимаемой должности. Титул «шад» принадлежал принцам крови, имеющим в своем управлении уделы, например Сымо, впоследствии хан, не мог стать шадом из-за подозрения, что он незаконнорожденный[1].

Чины меньшего значения получали лица, не принадлежавшие к роду Ашина, но все должности были наследственными[2]. Можно на основании этого предположить, что тюркютское общество было аристократическим. Однако воздержимся от преждевременных выводов.

Наряду со свободными и знатью тюркютское общество знало и рабов из числа военнопленных. Это были главным образом женщины. Истеми-

---

1 Н.Я. Бичурин, Собрание сведений.... Т. 1, стр. 260.

2 Там же С.299; Julien S. Documents... Vol.3. P.333; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten.. S.9. 498

хаи подарил Земарху в 569 г. пленницу из народа кыргыз[3]; пленницы из Китая вывозились при удачных походах тысячами; так, в 619 г. Чуло-хаи, взяв Бин-чжоу, «забрал в городе всех женщин и девиц», а ловля людей в Атрпатакане (628 г.) запомнилась на Ближнем Востоке[4]. Наконец, из-за ссоры при дележе пленных Юйгу-шад лишился трона[5]. Таким образом, следует признать, что тюркютам было известно рабство. Но тут встает вопрос: каким образом рабы могли быть использованы в кочевом хозяйстве? Раб, если он не калека, всегда может убежать на лошади хозяина, и затраты на него не окупятся. Очевидно, что положение раба не было тяжелым, и действительно, существует текст, свидетельствующий об этом. В 486 г. Шаболио-хану предложено было признать себя вассалом дома Суй. Шаболио спросил: что значит слово «вассал»? Ему ответили: «В царстве Суй вассал значит то же, что у нас слово «раб»». Хан ответил: «Я имею счастье сделаться рабом сына Неба» — и выразил свою радость подарком послу. Приведенная цитата заставляет призадуматься: что за радость быть чьим-то рабом? Очевидно, Шаболио-хан имел в виду что-то другое, когда узнал, что отныне он «qul» китайского императора. Адекватно ли мы переводим слово «qul» как раб, хотя оно несомненно отражает определенную зависимость? Не случайно, что китайцы эквивалентом слова «qul» считали не «nu», а «tch'in», что Бичурин Н. Я. переводит «вассал», а Ст. Жюльен — «sujet»[6] — подданный. К счастью, некоторые тексты орхонских надписей дают возможность уточнить значение слова «qul» и внести в проблему ясность. В «Большой надписи» КюльТегину говорится: «...табгач будунка баглик уры оглын кул болты, силик кыз оглын кюнг болты...»[7] , т. е. «...народу табгач стали они [тюрки] «кулами»[8] своим крепким мужским потомством и «кулынями» своим чистым женским потомством». Но в это время тюрки жили в степях южнее Гоби своим бытом, пользовались многими привилегиями сравнительно с китайским населением империи Тан; участвуя в походах, делали блестящие служебные карьеры и привозили в свои юрты полные торока добычи. Налицо был лишь факт подчинения иноплеменному государю без какого бы то ни было социального угнетения.

Возьмем другой текст:

«[Эльтерес-каган]... привел в порядок и обучил народ, утративший свой эль [см. ниже] и своего кагана, народ, сделавшийся рабынями и

3 Менандр. С.379.

4 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... С.246; История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. Пер. с армянского К.Патканова. СПб., 1861. С.128.

5 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... С.287-288.

6 Julien S. Documents... Vol.3. P.497.

7 Малов С.Е. Памятники древне-тюркской письменности. М.-Л., 1951. С.29.

8 У Малова С.Е.: рабами и рабынями (Памятники... 1951. С.37).

сделавшийся рабами, упразднивший тюркские установления; он привел в порядок и наставил по установлениям моих предков»[9]. Опять подчеркивается лишь подчинение иноземцу, но отнюдь не лишение личной свободы.

В третьем случае, когда описывается гибель Барс-бега и указывается, что «народ его стал рабынями и рабами»[10], имело место простое завоевание, а не распродажа пленных на невольничьем базаре[11].

Итак, основное содержание понятия «qul» — подчинение чужому. Этот оттенок сохранился до XIX в., но поскольку поздние тюрки включились в систему мусульманской культуры с характерной для нее работорговлей, то термин «qul» стал применяться и к проданным рабам, чего в раннее время не было. Использование кулов в VI–VIII вв. было совсем иным: тюркюты приводили их из свои земли, селили в определенных местах и взимали с них налоги[12]. Кроме того, женщин использовали в качестве домашней прислуги и наложниц[13]. Можно сказать, что кулы походили на римских колонов, но понятие «раб» в нашем смысле к ним совершенно неприложимо. Толстов С. П. указывал на существование поселков, заселенных исключительно пленными, платившим тюркютам дань продуктами земледелия и ремесла[14]. По сути дела это были новые подданные, данники, а с данниками тюркюты умели управляться. «Суйшу» упоминает о податях глухо. «Количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве»[15]. Но Моисей Каганкатваци дал великолепное описание системы обложения подданных в тюркютском каганате. «Князь севера навел страх и ужас по всей земле. Он отправил смотрителей за всякого рода ремесленниками, имеющими познания в золотопромывании, добывании серебра, железа и в выделке меди. Он требовал также пошлин с товаров и ловцов на рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса, вместе с тем и дидрахму по обыкновенной переписи царства персидского»[16].

Из этой цитаты видно, что тюркютские ханы взимали гораздо больше, чем шахи Ирана, и, следовательно, богатство тюркютских ханов и вельмож при каждом завоевании быстро росло. Такому систематическому ограблению подвергались телеские племена Халхи и Джунгарии, кидани и хи

9 Там же. С.37-38.

10 Там же. С.39.

11 Толстов С.П., трактуя слово qul как раб, делает вывод, что идеология рабовладельца встает здесь во весь рост (Тирания Абруя. С.45). На основании разобранных текстов с этим согласиться нельзя. Другие же тексты, на которые он опирается, Маловым С.Е. читаются иначе [Памятники... 1959. С.16 (текст), С.20 (перевод)].

12 Эта система описана Толстовым С.П. вопреки сделанному им заявлению (Тирания Абруя. С.46-47).

13 Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.-Л., 1955. Т.III. Гл.V, Общественный строй.

14 Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1949. С.261. Ср. чувашское слово кулакай — дань.

15 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... С.229.

16 История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. Пер. с армянского К.Патканова. СПб., 1861. С.131.

Южной Маньчжурии, города-государства Согдианы, тохаристанские княжества, житница Азии — Турфан, приуральские угры, прикубанские утургуры и лесные племена южных склонов Саяно-Алтая. В дополнение к этому Китай или выплачивал ежегодную дань, или подвергался опустошительным набегам, а от Ирана и Византии поступали дары в виде компенсации за мир или союз. Конечно, часть этих богатств перепадала рядовым воинам, преданность которых только и давала возможность осуществлять столь жестокую эксплуатацию покоренных народов, но львиную долю доходов получала правящая верхушка и в особенности сами ханы.

Богатства, накопляемые таким путем, могли быть огромны. Описание роскошного приема византийских послов тюркютским ханом сохранилось у Менандра. «...Они обедали, и весь тот день провели в пировании в том самом шатре. Он был сделан из шелковых тканей, искусно испещренных разными красками. Они пили вино, но не такое, какое у нас выжимается из винограда. Напиток, ими употребляемый, есть какой-то варварский[17]. На другой день они [римляне] были переведены в другую кущу, обитую и испещренную также шелковыми покровами. Здесь стояли и кумиры, различные видом. Дизавул [Истеми-хан] сидел на ложе, которое было все из золота. На середине этого помещения были золотые сосуды и кропильницы и бочки также золотые. Они опять пировали, поговорили за попойкой, о чем было нужно, и разошлись. В следующий день они пришли в другую комнату, где были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед комнатой на большом пространстве в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюда и корзины и многие изображения четвероногих, сделанные из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас. В этом состоит роскошь тюркютского князя»[18].

Все это богатство было, конечно, награбленным, однако победа тюркютов, в результате которой они стали господами полумира, была не случайной. Они создали армию и систему управления настолько выше общекочевого уровня, что можно сказать с уверенностью: они были достойны победы.

Удельно-лествичная система[19]. Внутри великой тюркютской державы происходили изменения не менее радикальные, чем вокруг нее. Первое, в чем они выразились, был порядок престолонаследия.

17 Китайская рисовая водка (ср. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.216).

18 Менандр. С.378-379.

19 Л е с т о в к а — род кожаных четок; уподобление их особому порядку престолонаследия встречается в Никоновской летописи (подобно тому как в четках перебирается одно зерно за другим, так и удельные князья по очереди занимают великокняжеский престол).

Выше говорилось, что сын и иаследиик Иль-хаиа Бумына — Кара Иссык-хаи умер в иачале 553 г., пережив своего отца всего иа полгода. Сын его, Шету, был отстранеи от престола. Власть перешла в руки второго сыиа Бумыиа - Кушу, приият[в]шего титул Мугань-хаиа[20]. При ием ие только было положеио иачало внешиеполитическому могуществу тюркютского каганата, но и устаиовлена удельно-лествичная система[21], благодаря которой тюркютская держава могла больше ста лет удерживать первеиствующее положеиие в Азии и соперничать с великими державами VI–VII вв.

Смысл системы заключался в следующем. Тюркютская держава была создаиа «длииным копьем и острой саблей». За десять лет (550–560) тюркюты подчиииили себе все кочевые племеиа от Желтого моря до Волги и еще двадцать лет продолжали экспансию. Но эту огромную территорию иедостаточио было покорить, иадо было ее удержать. Жестокая эксплуататорская власть тюркютов не могла привлечь симпатии иовых поддаииых, и сепаратистские теидеиции не угасали ии на миuуту. Восстания против династии Ашииа вспыхивали то тут, то там вплоть до гибели державы.

Одиой из иаиболее острых виутриполитических проблем, стоявших перед Мугань-хаиом, была проблема предотвращеиия отложеиия окраии. Покореииое племя храиило вериость лишь тогда, когда паиципиая коиница с волчьими головами на зиамеиах была поблизости. Только наместиик, обладавший достаточной военной силой, мог предотвратить возмущеиие и отложеиие. Но что могло заставить самого иаместиика сохраиить верность хаиу, если в руках первого оказывались и власть и войско, а от хаиской ставки его отделяли огромные расстояиия? Правда, можно было иазиачить иаместииком родствеииика, ио это ие спасало положеиия, так как войны между родствеииииками иикогда редкостью ие были. Тогда была принята удельио-лествичиая система. Идея ее была проста: раз добрые чувства и личные качества наместиика ие могли служить гараитией вериости, иадо было создать заиитересоваиность, которая бы привязывала его к цеитральиой власти. Удельно-лествичиая система устаиавливала очередиость наследоваиия престола. Согласио закоиу Мугаиь-хаиа наследовал ие сын отцу, а младший брат старшему и старший племяииик младшему дяде. В ожидании престола принцы крови получали в управление уделы.

20 Дли понимании внутренней истории древних тюров необходимо отметить, что важдый из князей имел вроме собственного (звериного) имени титул, воторый менялся в зависимости от занимаемой им должности. Некоторые тюркютские ханы выступают в истории под двумя или тремя именами, например: Шету — имя собственное (у Бичурина он назван Нету); Эрфу-хан титул в бытность его удельным князем на востоке державы; став каганом, он принял титул Илигюйлу Ше Мохэ Шаболо-хан. Более он известен под кличвой, данной ему китайцами, — Шаболио (грабитель). У некоторых ханов известны только титулы или только звериные имена (Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.122). Шету — достигший [власти] . Эрфу — тюрвское Ер=муж+бег; Илигюйлу Ше Мохэ Шаболо-Иль Кюлюг-шад Бага Ышбара (тюрвское) в переводе: Державы славный шад, божественный могучий хан . Все имена и титулы расшифровать не удалось, и потому некоторые оставлены в первоначальном виде.

21 См.: Гумилев Л.Н. Удельно-лествичная система у тюров в VI–VIII вевах (в вопросу о ранних формах государственности) // СЭ. 1959 N 3.

В 558 г. тюркютская держава делилась на четыре удела, а в 576 г. уже на восемь. Вряд ли правильно считать эти уделы подобием феодов Западной Европы. Скорее здесь было разделение военных сил с подчинением военачальнику более или менее определенного района. Верховного хана Менандр называет Арсила[22]. Легко догадаться, что это искаженне тюркского имени Арслан, что значит «лев». Так как мы знаем, что Мугань-хан умер в 572 г. и на престол согласно новому закону вступил его брат Тобо-хан[23], то можно предположить, что Арслан — это собственное («звериное») имя Тобо-хана.

Тобо-хан выделил в 572 г. уделы: на востоке для своего племянника Шету и на западе для брата, который вскоре умер, оставив удел своему сыну, носившему титул Бури-хан[24]. Сын Мугань-хана, Торэмен[25], имел ставку на севере[26], может быть в земле кыргызов и чиков. Дети только что умершего Истеми также имели уделы: Кара-Чурин[27] — в Семиречье и Турксанф — на нижней Волге и Урале[28]. Ставка великого хана находилась около Алтая в исконных тюркютских землях, а два остальных удела, по-видимому, принадлежали его сыновьям: Амраку[29] и Тегин-шаду[30].

При этой весьма сложной и запутанной системе уделов закон о лествичном престолонаследии на первых порах сыграл весьма положительную роль. Дважды было предотвращено вступление на престол несовершеннолетнего царевича, которое могло бы поставить державу в критическое положение. Власть все время оставалась в руках опытных людей. Удельные князья в надежде рано или поздно получить верховную власть не затевали смут и распрей и держава расширялась по всем направлениям. Прототипом для системы уделов был, очевидно, порядок престолонаследия у южных хуннов II в.[31], с потомками которых в V в. общались предки князей Ашина, но смысл и применение его иные. Источники не дают нам сведений

22 Менандр. С.374, 418.

23 По-тюркски Тябак-хан, т.е. хан с чашкой. Это намек на его буддийские увлечения, когда он ходил с патрой (чашкой для сбора подаяния), как буддийский монах.

24 Б у р и — волк. Этот князь назван Менандром Бо-ханом. Он был во главе утургуров, когда они взяли в :., г. Боспор, так что надо полагать, что его ставка была на Кубани (Менандр. С.422; см.: Marquart J. Wehrot und Arang. Leiden, 1938. S.150-151).

25 Т о р э м е н — тюркское титульное имя, восстановленное из кит. Далобянь и греч. Турум (см.: Гумилев Л.Н. Великая распря в Первом тюркском каганате в свете византийских источников // ВВ. 1961. Т.XX. С.88). Кроме того, он носил титул Апа (старший), по-китайски — Або, а по-персидски — Абруй (см. там же).

26 Это видно из того, что Чжан-сунь Шэн называет его удел северным ханством.

27 Он имел титул Тарду-хан (кит. Даньгу Дату-хан, греч. Тарду). Кара-Чурин - прозвище, означающее: гнилой, калечный, неполноценный.

28 Недалеко от Северного Кавказа, поскольку он осуществил вторжение во владения Византийской империи.

29 Кит. Аньло у Бичурина ошибочное написание — Яньло.

30 У Бичурина ошибочное написание — Дилечя.

31 Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960. С.213-214.

о иалнчин «большой семьи» в VI в. н определеино говорят, что этот порядок был для тюркютов иовым. Как бы то ин было, результаты его не замедлили сказаться иа историн тюркского кагаиата как в положнтельном, так и в отрицательном смысле.

В самом деле. иесмотря иа продуманиость и закоичениость снстемы, общество тюркютов ие могло быть моиолитиым, так как выделеине военной зиати даже прн иаличии общеиародиых ннтересов не могло пройтн бесследио. Это своеобразне объясняется иизким уровнем проиэводительиых сил н условнями кочевого скотоводческого хозяйства, способствовавшимн сохраиеиию родового быта[32].

Исследуя виутрениие распри тюркютов, мы ие можем отыскать ии одиого случая восстания рядовых дружниииков против хаиской дииастни Ашииа. Во главе всех восстаний стояли царевичн или киязья крови.

Так как все тюркюты былн воинами, то все оии былн в отрядах тех илн иных князей нз рода Ашина. Князья должны были счнтаться с иастроением своих воинов, ибо последине были их едииствеиной опорой н защитой. Следовательио, воииы либо могли побуднть своего князя поступать в соответствни с их интересами, либо покинуть его. Но столкновеиия виутри державы были иеизбежиы. Только вместо борьбы воинов против зиатн возиикла борьба между отдельиыми группамн, состоявшими из воинов и зиатн, взанмосвязаинымн не только общими интересамн, но н родовым едииством. В такой снтуации низвержеиие дииастни для тюркютов не нмело смысла, так как всегда можно было найти царевича, который бы возглавил любое движение. Вместе с тем существовала внешняя опасиость: с одиой стороны, Китай всегда готов был перейти в наступлеиие, с другой - телеские племена только н ждали возможности восстать. Острая ситуацня заставляла тюркютов сплачиваться, и поэтому ие было ни одного восстания рядовых вонивов против хаиов и шадов.

Но каганат был обречеи. Предваряя изложение событнй, иеобходнмо указать на то, что классообразоваиие в тюркютском обществе иачалось тогда, когда кругом (Китай, Гаочаи, Согд, Ираи) былн сильные, развитые классовые государства. Против храбрости и силы выступалн хнтрость н деиьги, а хорошо обучеииые и технически осиащеииые иаемиые войска ие уступали в бою степным иаездникам. Учитывая обстановку, иужио удивляться ие падению тюркютской державы, а ее более чем столетиему существоваиию.

Орда. Вокруг тюркютскнх царевичей группировались кроме тюркютов остаткн разбитых жужаней и миожество разных людей, почему-либо

32 Потапоа Л.П. Ранние формы феодальных отношенни у кочевннкоа // Запискн Хакасского научно-исследовательского инстнтута языка. историн и литературы. Абакан. 1952. Вып. 1. С.28

не ужившихся в родиой юрте или на китайской службе. Происхождение их было различно, но говорили оии между собой иа древиетюркском языке с небольшими отличиями в произношеиии. Оии составляли «bu-dun» — народ, но ие в смысле «этнос» а в смысле близком к понятию «демос», так как «budun» противопоставлялись беги (baglar). Это видно из контекста фраз: «turk baglai budun» — «тюркские беги и народ» или, может быть, «народ тюркских бегов» и «turk qara budun» — «тюркский черный народ», причем qara budun — масса — понятие без оскорбительиого оттенка; «alti bag budun» — «народ шести бегов», т. е. шести подразделений. Отсюда видно, что «budun» — это рядовой состав орды, беги — командиый, а вся система, т. е. орда в целом, понятие не этническое, а военно-организационное. В VI в. тюркютская орда соответствовала племени, затем распростраиилась иа державу. Орда пополнялась добровольцами, предпочитавшими воеииый уклад семейному.

Обычная организация орды как войска предполагает наличие правого и левого крыла. Таковыми были толос — восточное и тардуш — западиое крыло. После детального разбора термиио́в «толос» и «тардуш» у И. Н. Клюкина[33] полемика по поводу отождествления военно-административиых терминов с какими-либо определенными племенами излишия.

Е. Прицак понимает термии «будун» как раздел улуса и сопоставляет его с древнемонгольским термином «ирген»[34]. Однако не только вышеприведенное противопоставление бегов будуну, но и разбор А. Н. Кононовым термииа «ирген» ер[муж]+кин (аффикс множественности)[35] показывает, что «еркии-ирген» (букв. «скопище мужей») поиятие самостоятельное, а «будуи» релятивное, т. е. можио быть будуиом отиосительно хана, беков, а народ как этнос именовался kun[36]; попытка же сопоставить слова budun u buqun (букв. «этот народ»), сделаииая Е. Прицаком, неубедительна ни с филологической, ни с исторической точек зреиия[37].

Для племениой единицы был свой термин — «огуз», который Е. Прицак поиимает то как вариаит произиошения oq (стрела), то как ответвлеийе основиого ядра племеии. Разберем и этот вопрос.

Племя. Удельио-лествичиая система, сначала фигурировавшая только как государственное учреждение, постепенно проиикла и в частную

33 Клюкин И.Н. Новые данные о племени толисов н тардушей // Вестник Дальневосточного отделения Академии наук СССР. 1932. N 1-2.

34 Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen der altaischen V'olker // Ural-Altaische Jahrbucher. Bd 24. 1952. H.1-2. S.56.

35 Кононов А.Н. Опыт анализа термина Турк // СЭ. 1947. N 1. С.100.

36 Там же С.81; Малов С.Е. Памятники... 1951. С.397.

37 Гумилев Л.Н. Орды и племена у древних тюрок и уйгуров // Материалы по этнографии ВГО. Л., 1961 N 1. С.19-20

жизнь. Она стала формировать семейные отношения — препятствовать раздроблеиию имущества и способствовать образованию большесемейных общин.

Во время каганата степиое население весьма обогатилось. Во-первых, добыча притекала со всех сторон, во-вторых, дань из рук ханов попадала к их приближеиным и, в-третьих, замиреиие степи и прекращеиие постояиных грабежей повлияло благотворно на развитие скотоводства. Параллельно приобретению богатств шло накопление их; оии ие растрачивались, не делились, а сохранялись в больших семьях. Это было возможно только при наличии племенной организации. Пример такой организации показали хаиы рода Ашина, управлявшие колоссальиой страной сообща. Главы крупных семейств стали подражать ханам и управлять своими родствеиниками, как близкими, так и дальними. Семьи разрастались в племена, ио сохраняли свое территориальное и организационное единство. Старейшины использовали свое влияиие и норовили даже принять титул хана или идыкута.

Так впоследствии образовались на развалинах каганата уигуры, карлуки, дулу и нушиби; по этому пути на востоке пошли кидани, а на западе — гузы и команы (они же половцы). Главным врагом племен были орды, интересы их были прямо противоположны и непримиримы. Старейшиины племен хотели пасти свой скот и получать от Китая подарки за нейтралитет или поставку наемников. Ханы орд хотели привлечь всю молодежь в боевые отряды, кормить их за счет подданных, не служащих в войске, и военной угрозой вырывать у китайцев в виде дани продукты земледелия и ремесла. Для компромисса не оставалось места.

Теснимые соседями малые племеиа, которые все-таки не следует отождествлять с родами, стали образовывать союзы, причем названием для такой общиины был термин «огуз». Отсюда возиикли как этнонимы токуз-огузы = 9 огузов (общин) — уйгуры и уч-огуз = 3 огуза = карлуки. Сходные по типу союзы дулу и нушиби, однако, не назывались огузами, чему причиной было то, что они возникли при иных обстоятельствах — не естественно, а по манифесту тюркютского хана. Поэтому они не перестали быть будуном и иазывались on oq budun — десятистрельиый иарод. Соотношение между терминами «будун» и «огуз» вытекает из следующего: уйгуры, подчиненные тюрками, стали по отношению к ним будуном, ио, сохраиив свое внутреннее устройство, не перестали быть огузами. Поэтому Бильге-хан имел основаиие заявить: «Народ токуз-огузов был мой собственный иарод»[38], т. е. токуз-огузы были по отношению к нему — шаду тардушей — будуном; значит, они иепосредствеино ему подчииялись.

38 Малов С.Е. Памятники... 1951. С.42.

К аналогичному пониманию термина «огуз» пришел А. Н. Кононов, опираясь на критическое изучение всей литературы вопроса. «Исходной основой собирательного этнического имени огуз является ог — „род, племя“, которое в свою очередь находится в прямой связи со старотюркским словом „о “ — „мать“, к этой же основе восходят слова „о ук“ — „потомство, сын“ и „о уш“ — „сородич“...»

Таким образом, слово «огуз» первоначально могло значить просто «племена», «объединение племен», которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным значением, получившим в известных случаях определение как необходимый детерминатив: токуз огуз — «девять (разных) племен», уч огуз — «три (разных) племени»[39].

Впоследствии термин «огуз» потерял свое значение (как и термин «будун») и превратился в имя легендарного прародителя туркменов — Огуз-хана, введенного в число мусульманских пророков[40].

Основным аргументом в пользу предлагаемого истолкования хода событий является несовпадение наименований родовых подразделений у гаогюйцев — дили в IV–V вв. и племенных у телесцев VII–VIII вв. Гаогюйцы, несомненные предки телесцев[41], разделялись на 12 патриархальных родов, а их потомки телесцы составили 15 племен: Юаньгэ (уйгуры), сеяньто (составное племя из сиров и яньто?), Кибн, Дубо (тубалары), Гулигань (курыканы, предки якутов), Доланьгэ (теленгиты), Бугу, Байегу — Байырку, Тунло-тонгра, Хунь, Сыгйе, Хусйе, Хигйе, Адйе (эдизы), Байси[42]. За исключением тубаларов, которых, может быть, можно отождествить с Дабо, все прочие несопоставимы. Такое переоформление могло произойти только в том случае, если родовая патриархальная система родства была нарушена и на месте старых родов возникли новые объединения. Повод для такого переустройства был: 100 лет тюркюты владели телесцами и «их силами геройствовали в пустынях севера»[43]. Значит телесцы были будуном и входили в систему орды и ее крыльев толис-тардуш. Тогда и стала, надо думать, заменяться родовая система, не отвечавшая новым условиям жизни, территориально-хозяйственными объединениями — племенами. Это изменение отмечено китайцами, которые называли гаогюйский род — син — фамилия, а телеское племя — бу (в переводе Бичурина — «поколение»).

Итак, основным характерным признаком социальной структуры каганата династии Ашина было совмещение военного и племенного строя. Тюркюты были первым кочевым народом Средней Азии, осуществившим такое сочетание на практике. Они сами сознавали это и называли свою державу

39 Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.-Л., 1958. С.84. Приведена полная библиография.

40 Абуль Гази. Родословная история о татарах; Кононов А.Н. Родословная туркмен.

41 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.214.

42 Там же. С.301.

43 Там же.

«вечный эль», подчеркивая ее устойчивость сравнительно с племенными союзами телесцев и хозяйничаньем хищной орды жужаней.

Слово «эльиль» переводится и понимается разными учеными по-разному (но об этом речь впереди). Главное в этом понятии—наличие завоеванных племен, принужденных уживаться в мире с ордой, которая является как бы господствующим племенем.

Созданная тюркютами социально-политическая система была для VIв. лучшим, хотя отнюдь не окончательным, разрешением назревших политических задач: она обеспечила на несколько поколений преобладание тюркютов в степи, и она же (как будет видно из дальнейшего изложения) обусловила их гибель.

Стадия развития. Вопрос о стадии общественного развития кочевых племен, входивших в тюркютский каганат, весьма сложен и не может быть даже приблизительно разрешен, если мы не проведем четкого разделения между тюркютами, с одной стороны, и многочисленными племенами, им подчиненными,—с другой. Равно необходимо учитывать, что за 110 лет своего самостоятельного существования каганат проделал значительную эволюцию и отношения внутри тюркютского общества в VIIв. весьма отличались от взаимоотношений VIв.

А.Н. Бернштам пришел к заключению, что общественный строй древних тюрок «является ранней формой сложения примитивных феодальных отношений»[44]. Это утверждение противоречит как фактическим данным, так и всей теоретической антропологии, созданной немецкими, английскими и американскими /Л.Г. Морган/ учеными в 19 веке, которые разделили разные фазы развития на варварство—военную демократию. Высшая ступень варварства, как известно, начинается с плавки железной руды и переходит в цивилизацию в результате изобретения буквенного письма и применения его для записывания словесного творчества. К ней принадлежат греки героической эпохи, италийские племена незадолго до основания Рима, германцы Тацита, норманы времен викингов. Следует причислить тюркютов к этой ступени.

Характеризуя высшую ступень варварства, Ф.Энгельс, например, отмечает следующее: «Все культурные народы переживают свою героическую эпоху— эпоху железного меча»[45]. Это можно отнести и к тюркютам, применявшим плавку и обработку железа. «Богатство быстро

---

44 Гумилев Л.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок в VI-VIII вв. Л., 1946. С.145.

45 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.21. С.32.

возрастало, но как богатство отдельных лиц»[46]. И это явление описано нами. «Рабство ... становиться теперь существенной составной частью общественной системы»[47]. Рабство у тюркютов переживало именно эту стадию развития[48].

Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям — сначала на время, потом раз и навсегда, переход ее в полную частную собственность совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию. Отдельная семья становиться хозяйственной единицей общества. И этот переход наблюдаем мы в тюркютском обществе[50].

Наконец, институт власти: «Военный вождь народа — rex, basileus thiudans[51] становиться необходимым, постоянным должностным лицом Война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом».

Именно такие причины войн и походов сообщают нам источники, именно для войны была создана грандиозная система чиновников, соединяющих в своих руках военные и гражданские функции, — ябгу, шады, тутуки и др. — с наследованием должностей, характерной особенностью, отмечаемой историками и на материале раннего периода Европы. Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных ему военачальников. Закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати»[53].

Вот какова была держава рода Ашина. Она стояла на стадии военной демократии, поглотившей родовой строй, и направлена была острием против своих соседей, служивших для нее объектом эксплуатации. Антагонистическое противоречие лежало в отношениях грабителей к ограбляемым; держава Ашина была некоторым подобием Спарты, но во много раз сильнее и больше[54].

Основными силами такого государства-хищника были его армия и система управления, поэтому сосредоточим свое внимание на этих сторонах.

---

46 Гумилев Л.Н. Удельно-лествичная система у тюрок в VI-VIII вв. С.17.
47 Там же. С.19.
48 Там же. С.19.
49 Бичурин Н.Я. Собрание сведений Т.II. С.300.; Толстов С.П. Древний Хорезм. С.261. Взгляды Толстова С.П. на рабство у древних тюров предсталяются вполне убедительными.
50 Гумилев Л.Н. Орды и племена у древних тюрвов в уйгуров. С.16.
51 И хан (можем мы прибавить. — Л.Г.).
52 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С.164.
53 Л.Г. Морган. Древнее общество. С.196.
54 Ср. аналогичное описание и анализ Толстова С.П. (Тирания Абрув; Древний Хорезм. С.261.).

Глава VI

ТЮРКЮТЫ У СЕБЯ ДОМА

Военное дело. Первой специальностью, с которой тюркюты выступили на арену всеобщей истории, было добывание железа. Их легендарный предок Ашина, бежав на север, «добывал железо для жужаньцев»[1]. В 546 г. жужаньский хаган Анахуань называет вождя тюркютов: «мой плавильный невольник»[2], подчеркивая главное занятие тюркютов.

Археологическими разведками обнаружены памятники тюркютской металлургии VI–IX вв. На Алтае найдены следы добычи железной руды, неглубокие шурфы и забои, относящиеся к этому же периоду. Способ получения железа был сыродутным. Восстановление железа путем химического соединения его окиси с окисью углерода давало губчатую металлическую массу, так называемую крицу. Качество кричного железа даже теперь считается гораздо выше доменного[3].

Из высококачественного железа алтайские кузнецы изготовляли однолезвийные ножи, тесла-топоры, стремена, удила, мечи, сабли с малым изгибом и массивным клинком, наконечники копий и стрел, а также железные котлы двух типов: круглые — подвесные и стоячие — на конической ножке[4]. Добыча и обработка металлов в эту эпоху производились также на территории современной Тувы, причем добывалось не только железо, но и золото, серебро, олово и медь[5].

В Хакасии, составлявшей тогда ядро кыргызского каганата, железо добывалось во многих местах. Почти во всех сосновых лесах встречаются остатки древних железоплавилен. Так же как и на Алтае, здесь выделы-

1 Бичурин Н.Я. Собрание сведений.. Т.1. С.221.

2 Там же. С.228.

3 Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С.515.

4 Там же. С.516-522

5 Кызласов Л.Р. Тува в период тюркского каганата (V-VIII вв.) / Вестник Московского университета. 1960. N 1. С.75

вались орудия труда и оружие — мечи и кинжалы, а также детали конской сбруи[6].

Не менее примечательна культура современников тюркютов - приангарских курыканов. Первоначально, в результате археологических раскопок 1912–1914 гг., они получили название «курумчинских кузнецов»[7], но А. П. Окладников доказал, что это были не кто иные, как курыканы. Сыродутное железо курыканов содержало до 99,45% чистого металла и потому было весьма ковким и прочным. Они выделывали ножи, наконечники стрел и копий, чинили лопнувшие котлы, накладывая на них заплатки. Вместе с тем курыканы занимались скотоводством и даже земледелием, применяя искусственное орошение полей[8].

К сожалению, горные разработки кочевников раннего средневековья еще не подверглись систематическому исследованию, но даже те данные, которыми мы располагаем, заставляют нас доверять письменным источникам, утверждающим, что тюркюты выступили на арену мировой истории как народ, впервые освоивший в Центральной Азии промышленную добычу железа и благодаря этому поставивший себя в независимое положение по отношению к Китаю и Тибету, откуда до этого времени кочевники получали железное оружие[9], необходимое для успеха их военных предприятий. Железо и раньше было известно кочевникам, но только тюркюты ввели его в массовое употребление. Земарх, увидев тюркютов, предлагающих ему железо для продажи, был чрезвычайно удивлен и заподозрил. что это делается нарочно, чтобы дезориентировать его: «ибо обыкновенно говорят, что у них трудно доставать железо»[10].

Развитие металлургии позволило тюркютским ханам перевооружить свою армию и создать отборные, ударные части из латной кавалерии — фули китайских источников (т. е. «волки» — бури — названные так «в память» своего мифического происхождения от волчицы). На их вооружении были роговые луки, панцири, копья, сабли и палаши[11]. Эти краткие сведения письменных источников, к счастью, могут быть дополнены археологическим материалом.

В Эрмитаже хранятся глиняные статуэтки, изображающие тюркютских гвардейцев[12]. Несмотря на то, что эти статуэтки датируются несколько более поздним временем (конец VII или начало VIII в.), можно

6 Киселев С.В. Древняя история... С.574-581.

7 Окладников А.П. История Якутской АССР. Якутия до присоединения к русскому государству. М.-Л., 1955 С.295

8 Там же. С.296-297

9 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.II. С.172.

10 Менандр. С.376.

11 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.II. С.229.

12 Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туюк-мазара // Сборник Музея Антропологии и этнографии Л., 1949. Т.12.

думать, что изображенные на них предметы вооружения не претерпели существенного изменения с конца VI в., так как за это время не произошло смены культурной традиции. Статуэтки сохранились в погребении китайского вельможи вблизи Турфана (Туюк Мазар, склеп в ущелье Туюк). Аналогичные находки сделаны А. Стейном в деревне Астана, также возле Турфана[13]. Пехотинцы и всадники одеты одинаково — в платье, приспособленное для верховой езды. Это указывает на то, что у тюркютов пехоты как особого рода войск не существовало. Боевая одежда состояла из головного убора и панциря, причем первый напоминает современный казахский малахай, покрытый металлическими пластинами и снабженный коричнево-красной, по-видимому меховой, оторочкой. Воины одеты в халаты с высокими, доходящими до подбородка воротниками. Халат доходит до половины голени и застегивается на правую сторону, так что левая пола оказывается сверху. Поверх халата надет панцирь из металлических пластин, отороченный коричнево-красной каймой. Панцирь доходит до колен, подпоясан узким поясом, рукава короткие, выше локтей. Его надевали, очевидно, через голову. Этот панцирь сходен с сарматским катафрактом и характерен для тяжелой конницы. Аналогичные панцири применялись до недавнего времени в Тибете, причем пластины соединялись между собой ремешками. Надо полагать, что в более раннее время этот тип вооружения имел широкое распространение, пока не был вытеснен более совершенной, легкой и прочной кольчужной рубашкой[14]. На ногах воинов желтые с черными пятнами шаровары (вероятно, из барсовой шкуры). Сапоги черные, мягкие, вероятно войлочные, походят на те, которые и до нашего времени носят в Тибете и Восточном Туркестане. Несмотря на близость этой одежды к тибетской, мы наблюдаем и различие — отсутствует характерный для Тибета напуск около пояса.

Изображение оружия сохранилось только на статуэтке спешенного воина. Это длинная легкая пика (камышина), годная лишь для кавалерийского боя.

Лошади у тюркютов, судя по изображениям, высокие с широким крупом, тонконогие, с короткой шеей и тяжелой головой. Грива, расчесанная и подстриженная, подчеркивает тщательный уход. Эти лошади не имеют ничего общего с монгольскими, но весьма похожи на изображения коней Суйской эпохи и в особенности на статуэтку из Хэнани[15]. Особое внимание обращает на себя конская сбруя. Широкое седло, без подушки и с низкой передней лукой, лежит на двух черных потниках, причем нижний оторочен белой каймой. Седло светло-желтое, вероятно деревянное, снаб-

13 Stein A. Innermost Asia. Oxford, 1928. Vol. II. P.614.

14 См.: Aspelin J.R. Types des peuples de l ancienne Asie Centrale. Helsingfors, 1890. P.13 (опубликовано наскальное изображение).

15 Laufer B. Chinese clay figures. I. Chicago, 1914. XVIII. PP.313-314.

жеио круглыми стременами, подхвостником, нагрудником и пятью тороками; в отличие от современиых седел от иагрудиика идет дополиительиая шлея через спииу лошади впереди седла. Вероятное иазначение ее — облегчить спуск при гориой езде, к которой приспособлено седло. Сбруя украшена белыми круглыми бляхамн, может быть серебряными н сердцевидными оранжевыми или бурымн кнстями, внсящимн иа нагруднике, подхвостнике н узде. Лошади ие взнузданы, что указывает на их хорошую выучку и вместе с подстриженной гривой создает впечатление хорошо треннрованных н подготовлеиных кавалерийских коней, которых любят и на которых надеются в трудиые мннуты. Всадникн сидят в седле, свесившись иа бок (казачья посадка), что облнчает людей, проводящнх в седле большую часть жизии. Стремена в отличие от современной манеры кочевников опущеиы низко. Отсутствне аналогий заставляет предполагать, что посадка продиктоваиа практическими соображеииями: высоко подтяиутые стремеиа удобиы для стрельбы из лука и закидываиия аркаиа, так как воин, держась коленямн, амортизирует тряску мышцами иог, тогда как при длииною стремени, держась на шеикелях, он прнобретает устойчивость, необходнмую для рубки и колкн длниной пикой. Необычно большое колнчество тороков заставляет предполагать, что наши всадники рассчитывали иа длиииые переходы и добычу, т.е. это было ие гарнизониое, а полевое войско.

Итак, тюркютская гвардия была регуляриой тяжелой коиницей, приспособлеииой к действням ие только в степи, как все ее предшественннки, ио и в горах. Несомнеино, что с инми не могли равияться степиякн-уйгуры, о которых китайцы довольно презрнтельно отзывались: «В сражеииях не строятся в ряды, отделившейся головой (головным отрядом) производят иатиск. Вдруг иаступают, вдруг отступают, постояино сражаться ие могут»[16]. Тюркютские латиикн оказалнсь достойиым противником и для китайских пеших копейщнков и для ираиских конных стрелков. Но об этом будет сказано ниже.

Кроме турфанских статуэток фигуры тюркютских воинов имеются в иаскальиых изображениях Сулека (верхиий Еиисей)[17]. Всадиик вооружеи роговым луком, что можио установить по характериым выгибам. Еще более интересио другое нзображенне: «...тяжеловооружеиный всадник, одетый в пластинчатую броню от шеи до бедра, с рукавами до середины предплечья, с круглым щитком на грудн, с мечом и колчаиом у пояса и с боевой гирей в правой руке, направляет копье, украшеиное небольшим флажком, иа лучиика, стреляющего с колеиа, т. е. саянского лесовика-гор-

16 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.215.

17 Aspelin J.R. Types des peuples... P.11. Рис.7.

ца»[18]. Но кроме панцирной кавалерии у тюркютов были легковооруженные конные стрелки, набираемые среди покоренных народов. Изображение такого воина на бронзовой бляхе найдено С.В.Киселевым в 1939 г. при раскопках у села Копены. «Всадник без головного убора. Его длинные волосы развеваются по ветру. Их сдерживает затянутая сзади узлом повязка. Полудлинный кафтан перетянут поясом. Сапоги мягкие, без каблуков. С правого бока висит колчан, расширяющийся книзу. Лук сложный, в виде буквы М. Конь степной широкогрудый, с подстриженной гривой и завязанным в узел хвостом. На нем полная седельная сбруя; седло твердое с невысокой передней лукой; под седлом обшитый бахромой чепрак. На подхвостном и надгрудном ремнях навешаны кисти; стремена широкие дугообразные; уздечка плетеная с поводом и чумбуром. Сзади седла развеваются по обеим сторонам ремни (торока)»[19]. Бляха твердо датируется VII в.

Таким образом, археологический материал пополнил пробел письменных источников. Наличие у тюркютов панцирной конницы объясняет их быстрые успехи. В дотюркский период бои решали конные стрелки из лýка; появление панциря свело их значение почти на нет. В рукопашной схватке с легковооруженным противником тюркютская тяжелая конница имела все преимущества, тем более что тюркюты ввели конный строй. Однако прекрасная в полевой войне тюркютская армия совершенно не годилась для осад, так как спешенный латник мало боеспособен. Городские стены положили предел распространению тюркютской державы и спасли независимость Китая и Ирана, но в степи тюркютская конница долгое время не имела себе равных.

Мирные занятия. Главным занятием тюркютов (после военного дела) было кочевое скотоводство; большую роль играла и охота на крупных травоядных[20], огромные стада которых в те времена бродили по степям. Ныне Гобийский Алтай — почти незаселенная полупустыня, но в те времена зверь здесь не переводился и облавы производились всем племенем[21]. Облавная охота требует специальной выучки загонщиков и охотников, и это было очень полезно для тюркютов, потому что охота была подготовкой к воинским подвигам, своего рода маневрами. Удачная облава давала боль-

---

18 Aspelin J.R. Types des peuples... P.12; Appelgren-Kivalo H. Alt-altaische Kunstdenkmaler, Briefe und Bildermaterial von J.R.Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887-1889. Hrsg. von H.Appelgren-Kivalo. Helsingfors, 1931. S.17.

19 Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-тас у села Копены // Труды Государственного исторического музея. М., 1940. Т.XI.

20 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.292; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.8.

21 Грумм-Гржимайло Г.Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Известия Государственного географического общества. 1933. Т.65. Вып.5. С.449.

шое количество мяса, которое было основной пищей тюркютов[22], и случалось, что даже во время войны они устраивали охоту, чтобы пополнить запасы[23].

Шкуры диких и домашних животных шли на одежду и на покрытие шатров, но наряду с этим тюркюты умели приготовлять войлок и шерстяные ткани.

Основным видом скота у тюркютов были овцы, кости которых часто находят при раскопках тюркютских могил. В лошадях тоже не было недостатка[24], и кумыс заменял тюркютам вино[25]. Кочевое скотоводство в условиях пересеченной местности весьма затруднительно для больших стад, и обычно кочевники перегоняют своих овец порознь, и каждая семья имеет определенные места для зимовок и летовок. То же самое положение существовало в VI–VIII вв., что подтверждается коротким, но вполне убедительным текстом источника: «Постоянного местопребывания нет, но каждый имеет свой участок земли»[26].

Это система аильного хозяйства, когда экономической единицей является парная семья[27]. Другая система — куренная: при ней целый ряд семей кочует совместно и на ночь огораживает ставку телегами и дозорами. Обе эти системы сменяли друг друга на протяжении веков и отнюдь не связаны с развитием или разложением родового строя. Утверждение «Чжоушу» подтверждается аналогичным указанием «Тан шу», где мы читаем, что, когда тюркюты в 641 г. переселились в Алашань, там были «паствы обширны, почва наилучшая, почему тюркюты со спором делились»[28]. Археологические разведки, проведенные мной на Алтае в 1948 г., также показали, что памятники, оставленные тюркютами, группируются по отдельным полянам и речным долинам таким образом, который исключает всякую систему землепользования, кроме аильной. Б. Я. Владимирцов отмечал, что куренная система была вызвана требованиями безопасности, поэтому понятно, что аильная система существовала в степи в те периоды, когда твердая и сильная власть прекращала грабежи и межплеменные войны, а власть тюркютских ханов была именно такой. С этой точки зрения наличие аильного кочевания и индивидуального землепользования не представляет ничего невозможного.

---

22 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.496.

23 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... T.I. С.292.

24 Захоронения с конем характерны для VI-VIII вв. (Кызласов П.Г. Тува... С.53-57).

25 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... T.I. С.231; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.42.

26 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... T.I. С.230; Liu Mau-tsai Die chinesischen Nachrichten... S.10.

27 У нас нет никаких оснований предполагать, что семья у тюркютов чем-либо отличалась от семьи казахов XIX в., за исключением большего уважения к женщине.

28 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... T.I. С.260

И в наше время перекочевки семей строго ограничены определенными территориями. Например, каждая горная долина в Тянь-Шане принадлежит определенной семье, глава которой может не пустить любого пришельца подняться в горы по «своей» долине. Эта система землепользования диктуется самой природой кочевого скотоводства: ограниченность пастбищных угодий и, главное, воды заставляет кочевников дробить стада, а следовательно, дробятся и семьи, ведущие кочевое хозяйство. Раздел угодий и строгое соблюдение границ — это единственное средство удержать кочевников от жестоких братоубийственных стычек за водопои, пастбища и охотничьи угодья. Но, разумеется, описанная система землепользования не имеет никакого отношения к частной собственности, так как землю не продают и не покупают.

Жилище. Историку следует избегать очень опасной методологической аберрации, заключающейся в стремлении отыскивать в культуре другого народа те черты, которые нам представляются значительными, и при отсутствии их считать данный народ примитивным. Так, народы Европы и Передней Азии, переходя на ступень цивилизации, строили города, архитектура которых достойна изумления и восхищения. Тюркюты домов не строили и садов не разводили, так как холодный климат заставил бы их покинуть эти города, как только будет сожжен весь сухой лес поблизости. Однако никем не доказано, что каменная лачуга или глиняная мазанка есть высшая форма жилища по сравнению с войлочным шатром, теплым, просторным и легко переносимым с места на место. Для кочевников, тесно связанных с природой, жизнь в таком шатре была не прихотью, а необходимостью. Летом степь выгорает и скот должен пастись на джейляу — альпийских лугах, которые располагаются на склонах Тянь-Шаня, Алтая, Хангая, Хэнтея. Зимой же на горах выпадает много снега и стада возвращаются в равнины, где снеговой покров тонок и скот добывает из-под него сухую, весьма питательную траву.

При подобном быте переносное жилище является наилучшим.

Что же касается удобств юрты, то я передаю слово великому китайскому поэту Бо Цзюй-и, посвятившему юрте прекрасное стихотворное описание. Этот источник опубликован Лю Мао-цзаем[29] (приводится ниже в стихотворном переводе, выполненном с немецкого подстрочника).

Голубая юрта

Шерсть собрали с тысячи овец,
Сотни две сковали мне колец,
Круглый остов из прибрежных ив

29 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.471-472

Прочен, свеж, удобен и красив.
В северной прозрачной синеве
Воин юрту ставил на траве,
А теперь, как голубая мгла,
Вместе с ним она на юг пришла.
Юрту вихрь не может покачнуть,
От дождя ее твердеет грудь.
Нет в ней ни застенков, нн углов,
Но внутри уютно и тепло.
Удалившись от степей и гор,
Юрта прибрела ко мне на двор.
Тень ее прекрасна под луной,
А зимой она всегда со мной.
Войлок против инея — стена,
Не страшна и снега пелена,
Там меха атласные лежат,
Прикрывая струн певучих ряд.
Там певец садится в стороне,
Там плясунья пляшет при огне.
В юрту мне милей войти, чем в дом,
Пьяный — сплю на войлоке сухом.
Очага багряные огни
Весело сплетаются в тени,
Угольки таят в себе жару,
Точно орхидеи поутру;
Медленно над сумраком пустым
Тянется ночной священный дым,
Тает тушь замерзшая, и вот
Стих, как водопад весной, течет.
Даже к пологу из орхидей
Не увлечь из этих юрт людей.
Тем, кто в шалашах из тростника,
Мягкая зима и то горька.
Юрте позавидует монах
И школяр, запутанный в долгах.
В юрте я приму моих гостей,
Юрту сберегу я для детей.
Князь свои дворцы покрыл резьбой, —
Что они пред юртой голубой![30]
Я вельможным княжеским родам
Юрту за дворцы не отдам.

Китайский поэт описывает обыкновенное жилище, в каком мог жить кочевник среднего достатка. Ханская же юрта поразила воображение даже Менандра Протектора, придворного византийского императора, видавшего покои Влахернского дворца. Он описывает шатер с золотым троном, который был так легок, что его могла тащить одна лошадь; другой шатер —

30 Кок-Кюйме (см.: Маргулан А.Х. Казахскаа юрта н ее убранство // VII Международный конгресс антропологическнх н этнографических наук М., 1964 С.9).

«испещренный шелковыми покровами», третий — где стояли позолоченные столбы и золотые павлины поддерживали ложе хана[31]. Вся эта роскошь не могла до нас дойти; дерево и меха истлели, золото и серебро перелиты, оружие заржавело и превратилось в пыль. Но письменные источники пронесли сквозь века сведения о богатой и неповторимой культуре, и они заслуживают большего доверия, чем немногочисленные археологические находки.

Положение женщин. Пастушеское хозяйство, ведомое отдельной семьей, обычно предполагает патриархальные отношения[32], и, видимо, тюркюты не представляли исключения. Инициатива сватовства принадлежала мужчинам, и «по смерти отца, старших братьев и дядей по отцу женятся на мачехах, невестках и тетках»[33]. И это свидетельство подтверждается, так как после смерти Нили-хана его брат Поши-тегин унаследовал вместе с троном жену покойного — китайскую царевну Сянь-ши. Наследование жен у кочевых народов имело двойной смысл. Во-первых, в дом, точнее, в юрту приходила новая работница, а в тех условиях это было всегда полезно. Во-вторых, обычай предусматривал охрану прав вдовы, так как новый муж должен был заботиться о ней и защищать ее как свою жену. Весьма возможно, что брак не всегда был фактическим, но тем не менее вдова не оказывалась покинутой на произвол судьбы.

Отношение к женщине было подчеркнуто почтительным, рыцарским. Сын, входя в юрту, кланялся сначала матери, а потом отцу[34]. В орхонской надписи с наибольшим пафосом описан бой, в котором Кюль-тегин отстоял орду, где оставались родственницы, которым грозила смерть[35]. У тех народов, где женщины бесправны, как, например, у патанов Гиндукуша, враги их не убивают.

Наследование жен и приведенный текст надписи предполагают полигамию, но даже это не делало тюркютскую женщину бесправной. Если даже положение женщины можно считать зависимым, то влияние ее на мужа подчеркивает Табари, который пишет, что «у турок всего можно добиться через женщин»[36]. Происхождению по линии матери придавалось большое значение. Так мотивом отстранения от престола царевича Торэмена было «низкое происхождение» его матери. Это был, конечно, только предлог, уловка его политических противников, но любопытна аргументация. Право, вообще очень строгое и жестокое, охра-

31 Менандр. С.377-379.
32 Л.Г. Морган. Древнее общество С.134.
33 Бичурин Н.Я. Собрание сведений Т.1 С.230; Julien S. Dokuments Vol 334-335; Liu Mau-Tsai. Die Chinesischen Nachrichten S.42.
34 Wieger L. Textes historiques. Hien-Hien, 1905-1907. P.1673.
35 Малов С.Е. Памятники 1951. С 42-43.
36 Tabari. Chronique II. P.302.

няло женщину: изнасилование замужней женщины каралось смертью, соблазнитель девушки должен был немедленно жениться на ней[37]. Любопытно, что изнасилование поставлено рядом с самыми тяжелыми преступлениями: восстанием, изменой, убийством, и похищением спутанной лошади, что в условиях степи часто влечет смерть обокраденного, тогда как простая кража наказывалась лишь десятикратным штрафом в пользу потерпевшего, а за членовредительство в драке полагалась пеня.

Наконец, весьма достопримечателен обычай, сведения о котором дошли до нас лишь потому, что он в эпоху Тан был перенят у тюркютов студентками музыкального училища в Чаньани. Девушки со сходными вкусами торжественно заключали между собой братский союз, причем число членов достигало 14—15, но не меньше 8—9 девушек. Эти девушки называли друг друга братьями, а если юноша женился на какой-либо из них, то он получал женское имя и подруги ходили к новобрачным «отведать невесту», т.е. мужа. Молодая жена не ревновала к своим «братцам», но с членами других женских «братств» такая связь не допускалась[38].

Я не берусь в данном исследовании решать вопрос о происхождении группового брака у тюркютов, но полагаю, что само наличие его исключает вопрос о приниженном положении женщины в VI—VIII вв.[39]. Думается, что ограничение прав женщины в кочевом мире — явление позднее и, возможно, связанное с тем общим упадком, который постиг Срединную Азию в послемонгольский период.

---

37 Julien S. Dokuments Vol.3. P.333.

38 liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten S.468.

39 Высокое положение женщины у тюрок в довсламское время отмечалось неоднократно [см.: Кононов А.Н. Родословная туркмен С.104 (приведенв литерaтура вопроса по более поздней эпохе — X-XV вв.)].

Глава VII

РЕЛИГИЯ ТЮРКЮТОВ

Основиые сведения о древией религии тюркютов, дошедшие до иас, содержатся в китайских летописях «Вэйшу» и «Суйшу». Сведеиия эти весьма противоречивы и по краткости своей на первый взгляд малопонятиы.

«Вэйшу» отмечает следующие обряды тюркютской религии: «1) Вход в ставку [хана] с востока из благоговеиия к страие солнечного восхождеиия; 2) ежегодио со всеми вельможами прииосит жертву в пещере предков; 3) в средией декаде пятой луиы собирает прочих и при реке прииосит жертву духу неба; 4) в 500 ли от Дугиь на западе есть высокая гора, иа вершиие которой нет ни деревьев, ни растеиий, иазывается оиа Бодыиинли, что в переводе зиачит: дух покровитель страны»[1].

«Суйшу», составлеиная иа 50 лет поздиее (в 30-х годах VII в.), ие приводит вышеперечислеииых сведений, вместо этого там сказаио: «Почитают чертей и духов и верят колдуиам»[2].

Как примирить эти совершеино противоположиые версии, из которых первая полиа виутреииих противоречий? В ней причудливо сочетаются культ солица (1), культ предков (2), культ «Духа неба», который в отличие от культа предков — достояние народа, а ие вельмож (3), и культ горы (4). Надо призиать, что китайский источиик отиюдь не разрешает вопроса.

Сведения «Суйшу» иисколько ие яснее: китайское слово «ху» озиачает лекарь, волхв и колдун[3]. С кем мы имеем дело в даииом случае, из текста иепонятно, равио иепоиятно и то, что представляют собой те духи, которым поклоиялись тюркюты: духи ли это предков (кормос) или духи природы (тос). Разбору этих загадочных текстов и будет посвящеиа иастоящая глава.

1 Бичурин Н.Я Собрание сведений... Т.I. С.230-231; Julieo S. Documeots... Vol.3. P.335.

2 Julien S. Documents... Vol.3. P.353; Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.230-231.

3 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.270-271.

Основная проблема формулируется нами так: во что веровали древние тюркюты, и представляет ли их религия стройную концепцию или является смешением разных верований, а если так, то каких?

Говоря о древних верованиях тюркютов, я далек от мысли считать их первобытными. Сами тюркюты сложились из разных племен лишь в V–VI вв., и верования их, относящиеся к этой эпохе, были столь же развившимися, как и прочие религиозные системы, современные им.

В Риме последний патриций Цетег читал Боэциево «Утешение мудростью». В Константинополе иссохшие сирийские отшельники спорили с важными греческими прелатами о халкедонском добавлении к никейскому символу. В Ктезифоне персидские вельможи, уже не веря ни в Ормузда, ни в Аримана, держали на длинных копьях союз трона и алтаря. По замкам согдийских дехканов ходили бледные проповедники религии света, умерщвления плоти и славили имя замученного магами пророка Мани. В Китае бритоголовые буддийские монахи толковали императрице о бренности и иллюзорности мира, не обращая внимания на негодование конфуцианских мудрецов и на выписанные черной тушью на блестящем шелку изречения о правилах благопристойного поведения и управления. Караванный путь проходил от Средиземного моря до Желтого, и по нему через пустыни и горы вместе с шелками и благовониями текли идеи, системы, концепции. Могли ли тюрки — хозяева этих земель — не видеть и не слышать того, что говорили проповедники всех стран? Могли ли предки их, вышедшие с берегов Желтой реки, не знать о спорах, раздиравших образованный Китай, цветущий Согд, благословенный Турфан? А с другой стороны, на севере лежала Сибирь, мудрая и спокойная, также влиявшая на впечатлительных и горячих пастуховвоинов. Без учета всех этих факторов нам не будет понятно мировоззрение древних тюркютов и те изменения, которые оно претерпело в своем развитии.

Отдельные племена, складываясь в народы, привносили свои религиозные системы, хотя элементы верований сходны, но сочетания их весьма разнообразны. Религия тюркютов не была исключением. По поводу ее возникают следующие вопросы: почему вельможи и народ молились раздельно? кому молился народ? кому молились вельможи? кто такие колдуны, если сам хан является верховным священником?

На первый вопрос ответить легко, так как нам известна структура общества тюркютов и их этногенез. Тюркюты были сложносоставной народностью. «500 семейств» Ашина, будущие «вельможи», пришли в V в. из Ордоса и поселились на южных склонах Алтая, где уже обитало тюркоязычное население. Оба этнических компонента слились воедино, но разница между ними в известной мере прослеживается до VII в. как деление на черную и белую кость, о чем говорят наследственность должностей в

среде аристократии и запрещение «благородным» девушкам выходить замуж за юношей из народа.

Текст «Вэйшу» относится к VI в., когда это деление было достаточно четко, и поэтому источник отмечает различие в религиозных культах знати и простонародья, различие, затем упущенное в «Суйшу». «Суйшу» отражает эпоху, в которую китайцы имели дело исключительно с тюркютской знатью, господствовавшей в степи до рокового 630 г. Поэтому надо думать, что указание «Суйшу» относится именно к знати, и этим вопросом мы займемся в свое время.

Теперь обратимся к религиозным воззрениям тюркютского народа.

Культ неба — Тенгри — зафиксирован также орхонскими надписями: «Вначале было вверху голубое небо, а внизу темная земля; появились между ними сыны человеческие»; Кок-Тенгри (Голубое небо) — это небо не материальное, противопоставленное обычному, видимому небу[4]. Надо думать, что под «Духом неба» китайцы понимали именно Кок-Тенгри. Обряд принесения жертвы небу был зафиксирован даже в конце XIX в. у качинцев. Он носил имя Тыгыр Таих и заключался в общественном молении, сопровождавшемся принесением в жертву барана и возлияниями кумыса, молока, айрана и мясного отвара. На праздник съезжались мужчины из ближайших аилов; женщины и шаманы не допускались. Объектом поклонения были «небо и солнышко»[5]. По всей видимости, это тот самый обряд, который описан в «Вэйшу». Особенно следует отметить два момента: первый — шаман на этот праздник не допускался и второй — цель жертвоприношения заключалась в том, чтобы добиться благоволения «света». Оба эти обстоятельства весьма важны. Недопущение шамана свидетельствует о том, что этот культ относится не к духам умерших или хтоническим «исконным духам», а к божеству иного порядка: «по уверению инородцев, шаман, очутившийся на таихе, безумеет и падает в корчах»[6].

Что же это за божество? Из описания ясно лишь, что атрибутом его является свет: это указание подчеркивает специфику догмы, выделяя данный культ из числа известных нам солярных культов, где солнце почитается как небесное тело (Ра-Гелиос) или как вдохновитель и источник творчества (Аполлон). И все-таки культ был бы для нас неясным, если бы не нашлась еще одна этнографическая параллель — праздник «чистого чума» у нганасанов[7]. Еще Кастрен высказал предположение, что нганасаны — ближайшие родственники древних саянских угров, ныне полностью

4 Банзаров Д. Черная вера. СПб., 1891.

5 Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. С.101-102.

6 Там же. С.103.

7 Попов А.А. Тавгийцы. М.-Л., 1936. С.48 и сл.

отюреченных[8]. Будучи оттеснены на Крайний Север, нганасаны сохранили древний культ, несмотря на то что и они подверглись влиянию шаманской демонолатрии. Они дважды в год приносили жертву солнцу-свету: осенью, перед началом полярной ночи, и в конце января, когда первые отблески солнца показывались на вершинах гор. Разумеется, обрядовая сторона культа весьма отлична от описанной выше, так как праздник «чистого чума» проводит шаман; сказалось то обстоятельство, что нганасаны не менее полутора тысяч лет прожили в новой обстановке, с новыми соседями и, главное, на новой территории, а как мы увидим ниже, территория в изучаемом культе играла первостепенную роль. Но, несмотря на внешние различия, мы можем с уверенностью констатировать, что объект поклонения у тюркютского народа, минусинских отюреченных угров и нганасанов один и тот же — солнечный свет. Основываясь на этом, мы имеем право обратиться к рассмотрению тео-космических представлений нганасанов как ближайших к интересующим нас тюркютам. Доктрина нганасанской религии — плюралистический анимизм: все доброе, т. е. благожелательное людям, обозначается термином нuо; этим же термином обозначается видимое небо, не имеющее определенного образа, но весьма почитаемое (ср. тюркское Тенгри). Создатель вселенной — Nelata nuо (ср. вышеупомянутый «Дух неба»); работник его Кои (солнце) руководит созданным миром; лучи солнца — нити, посредством которых духи растений сообщаются с солнцем[9].

Такой вариант солярного культа в достаточной степени оригинален, чтобы исключить смешение его с другими разновидностями сибирского шаманства, на что, впрочем, уже указывал Л.Я. Штернберг[10]. Единственная аналогичная доктрина наблюдается в манихействе, но тут имеет место несомненная конвергенция, а не генетическая связь.

Эта религия может быть охарактеризована как анимистический генотеизм, ибо, как показывает исследование С.А.Токарева, каждый род наряду с общенародным верховным божеством — божеством света и неба имеет своего заступника, своего племенного маленького божка из числа духов разряда «тос», т. е. искони существовавших духов, которые ничего общего не имеют с «кормосами», душами умерших людей[11].

---

8 Попов А.А. Нганасаны. Л., 1948. С.11.

9 Попов А.А. Тавгийцы. С.48-49.

10 Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С.533.

11 См.: Токарев С.А. Пережитки родового культа у алтайцев // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1947. Т.1. С.154. Современные алтайские шаманисты делят духов на два разряда: тос – духи извечного существования и адан неме (букв. нечто созданное) – души умерших. Религиозное почитание воздается лишь тосям, покойник считается чертом, а разве можно поклоняться черту? (алтаец Кулязин).

Даже поклонение «Духу неба» (ср. Nelatanuo) сохранилось до начала XX в., хотя претерпели значительную метаморфозу. Дух неба получил персидское название Кудай (бог) и впоследствии отождествился с христианским богом, отличным от самого высшего из шаманских духов Ульгеня[12]. В этой связи необходимо коснуться культа земных божеств — тосей, «хозяев природы» — «Алтаев» у коренных алтайцев и «Йер-су» — у пришлых ыркытов и сойонов[13].

Йер-су (букв. «земля-вода») числится в разряде земных тосей и находит аналогию в культе «хозяев» земли, воды, растительности и т. п. У нганасанов хозяин земли Фаннида — злой недоброжелатель, обитающий под дерном и с раскрытой пастью ожидающий умирающих людей. Ему приносят в жертву черного оленя[14]. Йер-су также жестокое божество. В жертву ему приносят серую или рыжую лошадь.

На полную несвязанность шаманского почитания Ульгеня и культа Йер-су указывает то обстоятельство, что ыркыты и сойоны не молятся Ульгеню и прочим духам шаманского пантеона[15]; оба эти рода — недавние выходцы из Саян, и, по-видимому, их культ — связующее звено между древнеалтайской и нганасанской религиозными системами.

Вопрос о смысле почитания горы Бодын-инли проясняется благодаря работе Л.П. Потапова[16], где автор показал связь почитания урочищ с родовой собственностью, переплетение родового культа с промысловым. Каждый род имеет свой «Алтай», который кормит членов рода. Это почитание не духов гор, рек, озер, а самих гор, рек и озер, т. е. мы здесь наблюдаем не олицетворение, а оживотворение природы[17]. Это наиболее примитивная форма анимистического мировоззрения, называемая аниматизмом[18].

Таковы главные черты древней религии алтайского народа, подчиненного ордой Ашина. Как мы видели выше, основным культом «вельмож» был культ предков, абсолютно чуждый народной религии. Потомки тюркютов, пришедшие на Алтай в VII в., телесы и чуйские теленгиты стоят в стороне от родового анимистического культа[19].

Для того, чтобы выяснить, кто были те предки, которым «вельможи» приносили жертву в пещере, обратимся к анализу легендарного материала

12 Анокин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910-1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Восточной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. 1924. Т.IV (б.м.). N 2. С.18

13 Токарев С.А. Пережитки родового культа... С.158.

14 Попов А.А. Тавгийцы. С.51.

15 Токарев С.А. Пережитки родового культа... С.149, 157.

16 Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // СЭ 1946 N 2.

17 Токарев С.А. Пережитки родового культа... С.151

18 Штернберг Л.Я. Первобытная религия... С.268

19 Токарев С.А. Пережитки родового культа... С.157.

о происхождении тюркютов. В «Суйшу» рядом с исторической справкой о происхождении орды Ашина[20] приводится легенда, имеющая в основе миф (см. стр. 23). Ашины жили «в пещере» до начала VI в., когда они вышли в степь и признали себя вассалами жужаней.

Чрезвычайно любопытно описание пещеры, в которую скрылась волчица. Пещера находится в горах от «Гаочана на северо-запад», т. е. в центре Алтайских гор. «В горах есть пещера, а в пещере есть равнина, поросшая густою травою на несколько сот ли окружностью. Со всех четырех сторон пещеры лежат горы»[21]. Любопытно, что типичная горная долина в «Суйшу» названа пещерой. Такая неточность более чем удивительна и вызывает предположение, что здесь мы имеем скрещение в одной легенде двух сюжетов: мифологического (происхождение от волчицы) и исторического (бегство предков части тюркютов в алтайские горные долины).

Действительно, исторический сюжет полностью воспроизведен в сочинениях мусульманских авторов Рашид-ад-Дина, Хондемира и Абульгази, причем горная долина получает определенное название — Эркене кун, т. е. крутой скат. Весьма возможно, что тут мы имеем отражение древнего события — ухода северных хуннов после поражения 93 г. через Тарбагатайские проходы и оседания части их в пределах Алтая, но в данном случае для нас более важен сюжет мифологический — откуда появилась волчица?

Прежде всего необходимо отметить сходную легенду о происхождении племен теле. По этой легенде, одна из дочерей хуннского шаньюя, посвященная отцом небу, родила от волка сына, который стал прародителем телеских племен[22]. Эти племена, подобно орде Ашина, пришли в Халху с берегов Желтой реки. Как мы видим, и тюркюты и телесцы имеют одну и ту же мифологему. А раз так, то естественно предположить, что указанный элемент тотемистического отношения к волкупредку имеет один исток. Было бы слишком рискованно утверждать, что уйгуры и орда Ашина были тотемистами в чистом виде, так как источники не говорят об их специфическом отношении к волкам, но здесь мы имеем след древнего тотемного поклонения этому животному, превратившегося в исследуемое нами время в почитание предков. Итак, можно констатировать на Алтае в VII в. сосуществование двух религиозных систем: анимизма, связанного с сибирскими народами, и культа предков с тотемистической окраской, привнесенного тюркоязычными и монголоязычными кочевниками с южной окраины великой пустыни.

20 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.221.
21 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.221.
22 Там же. С.214-215.

Следует также признать, что тюркютский культ предков имеет специфику, позволяющую уточнить его происхождение. Аналогичные, до мелочей совпадающие верования наблюдались у эхрит-булагатов, т. е. прибайкальских бурят.

Прибайкальские буряты — последовательные политеисты. Они почитают 99 тенгриев, правящих, по их мнению, миром. Каждый род чтит своего тенгрия. Но самое важное, что бурятский «шаман» (по принятой крайне неточной терминологии) лечит и призывает дождь силою не духа-помощника, а молитвой к тенгрию и обращением за заступничеством к духам предков. Предки отнюдь не рассматриваются как духипомощники, но как заступники и представители перед божеством-тенгрием. Равным образом «бутлы» (святыни, которыми могут быть крупные камни или случайно найденные древние предметы) действуют не сами по себе (как магические амулеты) и не душой, в них заключенной (анимизм), а божественным произволением тенгриев — небесных индивидуализированных божеств. С такой развитой системой политеизма сопрягается реминисценция тотемизма, священнослужитель (которого назвать шаманом нельзя) носит на одежде бляху с изображением зверя (например, волка, лебедя, гуся и т. д.). Это изображение указывает лишь на принадлежность к данному роду, восходящему к мифическому прародителю — зверю[23].

Указанная аналогия тем более интересна и значительна, что здесь мы имеем не конвергенцию, а генетическую связь. Эхрит-булагаты - наиболее древний раздел бурят; описанные традиции восходят к началу нашей эры и к той этнической стихии, из которой вышла орда Ашина в V в. Ашина были родом «волка». Таким образом, несомненна очень древняя связь, ибо в то время, когда буряты проникли в Прибайкалье, орды Ашина там уже не было. Значит, мы имеем две параллельные линии, вышедшие из одной культурной стихии — древнемонгольской сяньбийской культуры.

Но уже в конце VI — начале VII в. тотемистический культ предков в чистом виде не наблюдается. Тесное общение между пришельцами Ашина и населением горного Алтая повело к образованию синкретических исповеданий. На это указывают имена тюркютских ханов, до сих пор не поддававшиеся расшифровке. Эти имена сохранились в китайских, персидских и греческих транскрипциях и путем сопоставления различных чтений поддаются истолкованию. Личное имя Тобо-хана — Арсила (греч.) переводится как тюркско-монгольское слово Арслан (лев). Китайское «Були» означает «Бури» (волк по-тюркски). Впрочем, имеется и монгольский вариант этого имени: «Шэнн/Шоно». Часто встречающиеся имена запад-

23 Банзаров Д. Черная вера. СПб., 1891. С.37 и сл.; Балдаев С.П. Культ археологических находок у бурят // Доклады 1/III в отделе Сибири МАЭ. 1949.

ных ханов — «Иби» переводится как «Ибрис» (снежный барс), а «Юйгу» как «Юкук» (сова).

Все это не канонизированные имена, а описательные, меняющиеся в связи с возрастом и общественным положением человека. Это скорее прозвища. Напомним также, что хан был первосвященником и для народа и для вельмож, т.е. в системе каганата оба культа великолепно уживались и постепенно сливались в единое мировоззрение, чему, однако, не суждено было полностью осуществиться, так как каганат пал, а вместе с ним пала и вся система родовых верований.

Реминисценции родового культа, описанные Л. П. Потаповым и С. А. Токаревым, относятся к анимизму лесных племен Алтая, сохранивших за горными хребтами значительно часть древних традиций. Традиции же тюркютов Ашина на широких степных просторах весьма изменились, и поэтому следов тотемистического культа предков сохранилось у них несравненно меньше. Тем не менее тотемистический культ предков имеет большое значение для культуры степных народов, и поэтому следует уточнить его смысл и детали.

Все-таки неясно, кому поклонялись тюркюты: предку-зверю или предкам-людям? И если людям, то каким: всем без исключения или героям? Первый вариант отпадает, если мы учтем текст «Суйшу» («поклоняются духам»), потому что в VII в., как уже было сказано, китайцы сталкивались именно с тюркютской знатью, и ясно, что духи эти — те самые духи предков, которым совершались жертвоприношения в VI в. Но окончательно выясняют дело сведения более позднего времени, не относящиеся к тому же культу и сохранившиеся в рисале Абу-Дулафа, арабской компиляции начала X в. Источник сообщает, что у карлуков, еще не принявших ислам, «храм есть, на стенах которого изображены их прежние государи»[24]. Равным образом и древние дунху почитали «покойных старейшин, которые прославились своими подвигами»[25]. Связь карлуков с западными тюркютами устанавливается прямым показанием «Таншу», где «гэлолу», т. е. карлуки, названы тюркютским поколением. Итак, можно констатировать, на этот раз определенно, что тюркютская знать имела культ предков-героев, выросший из тотемного мировоззрения, в противоположность анимистическому обожанию природы у тюркютского народа.

В этой связи необходимо отметить наличие у тюркютов представлений о бессмертии души и загробном существовании. При похоронах Истеми-хана в 576 г. были казнены «четыре военнопленных гунна»[26], чтобы сопро-

24 Григорьев В.В. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873. С.243.
25 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.144
26 Менандр. С.422.

вождать покойного в загробный мир. В 649 г., на похоронах императора Тайцзуна, Ашина Шэни хотел заколоться, дабы не покинуть своего царственного друга[27]. Оба эти факта показывают, что тюркюты считали загробное существование продолжением земной жизни; такое представление распространено весьма широко, но относится к довольно ранней стадии развития религиозного сознания, отличаясь, однако, от анимизма тем, что предполагает в человеке не множественную, а индивидуальную душу.

Но где же тогда шаманизм — общение с духами — тосями, искони существовавшими и не связанными с природой, общение без почитания, с поклонением, носящим характер исключительно практический, и достигающееся путем психологической и сексуальной экзальтации?[28] Где шаманы, вызывающие ударами бубна духов извечных для борьбы с душами покойников? В обеих описанных системах нет места для духов-помощников, без которых не может быть шамана и нет камланий, составляющих основу шаманского культа. Правда, в разобранных нами текстах еще осталось упоминание о колдунах или волхвах, но, прежде чем приписывать им функции кама, нужно посмотреть, чем они занимались.

В «Шах-наме» Фирдоуси содержится рассказ о битве при Герате между тюркютами, которых автор называет «тюрками Китая», и персидским полководцем Бахрамом Чубином. Повествование Фирдоуси сверено со многими другими источниками: Табари, Саалиби, Балами, Мирхондом, Себеосом, сирийским анонимом VII в. и персидским анонимом X в., благодаря чему установлено, что Фирдоуси воспроизводит те же первоисточники, что и названные авторы, и даже более точно, чем они. В рассказе Фирдоуси есть детали, упущенные другими авторами, но весьма для нас важные. Фирдоуси, описывает тюркютское колдовство и колдуна. Начинается с того, что накануне решительной битвы Бахрам Чубин видит страшный сон. Ему снится, что тюрки превратились в льва, что войско его разбито и дорога на Ктезифон занята врагом, а он сам, прося пощады, идет пешим. Несмотря на дурное предзнаменование, Бахрам начал битву[29]. Тюрки, чтобы напугать персов, прибегли к колдовству. Колдуны бросали в небо огонь, чем вызвали ветер и черную тучу, осыпавшую персов стрелами. Но Бахрам закричал, что это только обман, что стрел на самом деле нет, и колдовство не достигло цели. После битвы, в которой персы остались победителями, им попался в плен колдун. Он признал, что сон на Бахрама был наслан им[30]. Рассказ Фирдоуси можно было бы истолковать как

---

27 Chavannes E. Documents... Vol 3 P.178.

28 Штернберг Л.Я. Избранничество и религии // Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

29 Firdousi. Le livre des rois. VI. P.610.

30 Firdousi. Le livre des rois. VI. PP.614, 622: Гумилев Л.Н. Подвиг Бахрама Чубина. Л., 1962. С 34-35

персидскую легенду, если бы тюркское происхождение этого рассказа не было удостоверено этнографическими параллелями.

В повествовании о Юебани говорится о колдунах, умевших вызывать холод и дождь. Во время войны с жужанями юебаньские колдуны вызвали снежную бурю и направили ее на жужаней; в среде последних оказалось так много обмороженных, что поход им пришлось прекратить и вернуться восвояси[31]. Подобную легенду сообщает Григорий Турский. Во время войны аваров с франками аварские колдуны вызвали грозовую бурю, причем молния ударяла во франкский лагерь, благодаря чему франки были побеждены[32]. Наконец, такие волшебные способности приписывались и найманам. Рашид-ад-Дин сообщает, что во время похода конфедерации племен с Чжамухой во главе против Чингисхана (1201 г.) найманские колдуны вызвали бурю, но плохо рассчитали ее действие, и она обратилась против них же самих, что весьма способствовало победе Чингиса[33].

Все эти легенды восходят к верованию в возможность управления погодой путем магических манипуляций. Из всех авторов только один Фирдоуси пытается отыскать в легенде рациональное зерно, предполагая наличие массового гипноза. Каково бы ни было происхождение этого верования у тюрок и монголов VI–XII вв., все дело сводится к симпатической магии, а отнюдь не к вызыванию духов-помощников, т.е., употребляя тюркютскую терминологию, мы здесь видим не кама (шамана), а ядачи (колдуна).

Яда (колдовство) практиковалось до XX в. для вызывания дождя посредством чтения заклинаний над камнем, извлеченным из желудка коровы, лошади или кабана. Действия «яда» не связаны с вызыванием духов, и в помощи их ядачи не нуждаются. Тут мы наблюдаем типичный пример симпатической магии, не имеющей генетической связи со спиритуализмом шаманства.

Древнейшие сведения о «яда» содержатся в хронике неизвестного сирийского монаха VII в., описывающего события, происходившие при патриархе Элиасе из Мерва[34], т. е. в эпоху, интересующую нас. Само слово «яду» заимствовано из персидского (колдун, ворожей). Фирдоуси называет тюркского колдуна именно так, хотя слово «шаман» было известно в Иране. Но мало того, Фирдоуси сообщает, что колдовство производилось путем бросания огня в небо, и эта особенность подтверждается параллельными сведениями. Менандр включил в повествование о посольстве Земарха к тюркютскому хану (568 г.) заслуживающее нашего внимания описание

31 Бичурин Н.Я. Собрание сведений. Т.II. С.260

32 Lebeau Histoire du Bas-Empire. Paris, 1828 T.X. P 15

33 Рашид Эддин История Чингис-хана Пер.И.Н.Березина. СПб., 1868 С.127, 293

34 Малов С.В. Шаманский камень яда у тюрков Западного Китая // СЭ 1947 N 1 С.151-154

очистительного превентивного колдовства. «Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, пришед к Земарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, склали их вместе, потом развели огонь сучьями дерева Ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажею. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня, между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Земарха через пламя и этим, казалось, они и самих себя очищали.

Лишь после огненного очищения Земарх был допущен к хану»[35].

На первый взгляд здесь мы наблюдаем элементы камлания: исступление, удары в бубен (тимпан), но при пристальном рассмотрении эта мысль отпадает. В самом деле, тут не призывание, но изгнание враждебных духов священной силой огня, т.е. магия, а не спиритуализм. Представление о том, что огонь отгоняет злых духов, распространено чрезвычайно широко, от Австралии до Баварии, и не является чем-либо исключительным и оригинальным[36]. Подобные верования мы находим и у монголов XIII в., заставлявших русских князей подвергаться огненному очищению, и у современных бурят, которые не бросают в огонь мусор, а только хорошо наколотые дрова, и т. д. Короче говоря, почитание огня противоположно вызыванию духов и по форме и по смыслу.

Невероятно и предположение Ф.Ратцеля[37] о связи центральноазиатского культа огня с зороастризмом, ибо и тут сходство чисто внешнее. В Персии моледан-мобед, приближаясь к священному огню, надевал вуаль, чтобы не оскорбить огонь дыханием, а тут огнем отпугивают злых духов, т. е. самое нечистое на свете. Дело в том, что в Иране огонь был объектом религиозного поклонения, а у тюркских племен магическим инструментом, т. е. по существу никакого сходства между ними не наблюдалось. Теперь мы подошли вплотную к последнему вопросу: где же шаманская «черная вера», культ духов-помощников?

Разбор вышеприведенных сведений показывает, что этой системы в VI–VII вв. у тюркютов не было, а так как в XII в. зафиксированы и термин «кам» и самое камлание, то необходимо допустить, что камлания у тюрок Джунгарии и Алтая возникли в промежутке между VII и XII вв., и действительно, эпоха VI–IX вв. характеризуется огромными сдвигами в культуре народов Центральной и Средней Азии.

35 Менандр С.376.

36 Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии Л., 1936. С 371-372.

37 Ратцель Ф. Народоведение СПб., 1901. Т.II С.758-759

Глава VIII

МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

Оправдание книги. После того как читатель ознакомился с историей возникновения каганата, с обстановкой, в которой он был вынужден бороться за существование, и теми возможностями, которыми он располагал, уместно обратиться и разбору методики исследования и точек зрения, высказывавшихся различными учеными как по общим, так и по частным вопросам нашей темы.

В первую очередь автор обязан ответить на вопрос: для чего и для кого он написал свою книгу? Отвечаю.

Несмотря на обилие источников и специальной литературы, прочесть историю кочевников Срединной Азии так, как можно прочесть историю Греции, Рима, Византии, Франции, Англии, России или государств Ближнего Востока, невозможно, так как она не написана. Это бьет прежде всего по широкому читателю, затем по специалистам-историкам смежных областей и, наконец, по специалистам-кочевниковедам, тонущим в непомерно разросшейся библиографии.

Чтение источников без применения к ним методов исторической критики бессмысленно, а многочисленные статьи по частным вопросам противоречивы. Для того чтобы двигаться вперед, необходимо подводить время от времени итог. Вот первая задача, поставленная перед автором книги самим ходом развития науки.

Затем аспект. Пора прекратить рассматривать древние народы Сибири и Центральной Азии только как соседей Китая или Ирана. Надо наконец сделать практический вывод из того бесспорного положения, что их история и культура развивались самостоятельно. Только так можно понять, как они жили, чувствовали, торжествовали и погибали. Истоки настоящего и даже будущего таятся в недрах прошлого, а ведь древние тюрки — предки многих народов Советского Союза.

И наконец, общие закономерности истории человечества не могут быть изучены без учета вариантов.

Мы знаем, что развитие идет по спирали, но в ней имеются витки и зигзаги. Наряду с плавным, эволюционным развитием наблюдаются скачки и обрывы традиций. Общий в основном направлении исторический процесс в разных странах своеобразен, и, не учитывая разницы, а базируясь только на сходстве, мы обрекаем себя на непонимание наблюдаемых явлений.

Периодизация, т. е. квантование, исторического процесса возможна только при большом приближении, потому что иначе разрывы между эпохами становятся незаметны и история кажется калейдоскопом событий. Именно на этой недостаточной точности (или слишком большом допуске) построена европоцентристская концепция застойности Азии, и ее не опровергают короткие, а потому и невразумительные главы «Всемирной истории», посвященные нашей теме.

Предлагаемая работа является средним необходимым звеном между простым сбором фактов и философским осмыслением их. Это история в прямом смысле слова, т. е. изучение событий в их связи и последовательности.

Техника сбора материала. Составление истории народов безписьменных или с письменностью, не дошедшей до нас, всегда содержит специфические трудности, незнакомые историкам народов, имеющих собственное летописание. Исторические записи, которые были у тюрок, не сохранились, а надгробные надписи их не заменяют. Поэтому приходится базироваться на иноязычных нарративных источниках, используя их в переводах, введенных в научный оборот.

Однако сведения, сообщаемые различными источниками, неравноценны и часто не могут снискать доверия. Причины этого разнообразны: иногда малая осведомленность древнего автора, иногда манера, в которой он подает материал, иногда тенденциозность, так как современник почти всегда является заинтересованной стороной, а иногда наклонность к гипотезам, стоящим на уровне науки VII в. Поэтому более надежны сведения, проверенные исторической критикой и анализом ученых XIX–XX вв. и потому исключающие аберрацию близости. Только эти сведения могут лечь в основу исторического синтеза.

История событий принципиально отличается от истории культуры. Если во втором случае нам дороги даже оттенки стиля подлинных документов, то в первом — самое интересное чтение — это хронологические таблицы и надписи на исторических картах.

К сожалению, свод событий, выверенных и датированных, являющийся костяком истории стран Европы, для стран Азии не составлен.

Способ исследования источников. Сложность и многосторонность темы заставляют отнестись с сугубой внимательностью к принципам исторической критики и анализа. Поскольку наиболее полным источником являются китайские династические хроники, Н. Я. Бичурин, Ст. Жюльен, Э. Шаванн и Лю Мао-цзай основывались на них, изредка дополняя греческими и арабо-персидскими данными. Такой подход совершенно неизбежно вел к тому, что в трудах этих исследователей, независимо от их желания, красной нитью проходила тенденция средневековой китайской исторической традиции. Однако, будучи подвергнута исторической критике, эта тенденция оказывается ложной, да и вообще не следует изучать историю народа исключительно с точки зрения его противника.

Для того чтобы написать историю древних тюрок, исходя из реального хода событий, потребовалось критическое переосмысление всех приведенных в китайских хрониках фактов. Дело осложняется, кроме того, манерой выражаться, принятой китайскими хронистами: когда в хронике сказано: «не имел успеха», это почти всегда означает полный разгром китайской армии; слова «ограбил границу» означают либо длительный кавалерийский рейд противника, либо диверсию для поддержки какого-либо мятежника, причем о последнем нет ни слова и сведения о нем приходится искать в других текстах (к счастью, события китайской истории всегда точно датированы) и устанавливать ход событий путем сопоставлений. Эта запутанность, а подчас и фальсификация, не случайна: она вызвана тенденциозностью, заставлявшей хрониста подыскивать для описания поражения форму, наиболее приемлемую для самолюбия господствующих социальных слоев Китая.

Но еще более опасным является исторический метод китайских летописцев — элементарный волюнтаризм. С их точки зрения, победы над тюрками нечего было и объяснять: естественно, что китайцы должны всегда и везде побеждать. А как быть с поражениями? Тут виноватыми оказывались иногда морозы и дожди, а чаще всего полководцы и императоры, о каждом из которых всегда можно было сказать что-либо компрометирующее. Спору нет, бездарность руководителя на пользу делу не идет, но классовые противоречия китайского общества средневековыми источниками подаются всегда в отрыве от внешних событий, чем нарушается связь явлений. Эта, пожалуй, наибольшая трудность может быть преодолена только путем значительно более углубленного изучения китайской истории, чем это было нужно непосредственно для нашей темы. Почти непреодолимую трудность представляла проблема исторической гео-

графии, ибо китайцы нередко меняли названия многих, даже уездных, городов. Но, к счастью удалось обнаружить сводку переименований в китайской географии Да Цин И-туи-чжи в переводе Н. Я. Бичурина. Этот капитальный источник был издан как работа, предваряющая историю древних тюрок и других кочевников, а также самого Китая[1].

Вторая по значению группа источников — тюркские надгробные надписи — требует к себе совершенно иного подхода. Подавляющее большинство их относится к одной эпохе — второй четверти VIII в. — и представляет полемику двух течений политической и исторической мысли — Йоллыг-тегина и Тоньюкука. Надписи композиционно почти копируют друг друга, но комментируют события с диаметрально противоположной направленностью. Тут широкое поле для исторической критики, которая облегчается тем, что оба автора нам известны. Благодаря этому есть возможность в каждом случае внести коррективы и отслоить истину от полемических выпадов.

Из числа малых надписей, до сих пор не подвергавшихся интерпретации, особенно важна одна из Хойто-тамирских: это стихи на тюркском языке, наиболее ранние из всех известных.

Несмотря на то, что надписи неоднократно привлекали внимание историков, в аспекте, предлагаемом в настоящей работе, они еще не рассматривались. Однако только он позволяет вскрыть в древнетюркском обществе наличие политических течений и установить их характер. Иными словами, мы старались, чтобы монологи превратились в диалог и до читателя дошли не только слова древних тюрок, но и интонации их политической полемики.

Сведения о тюрках у византийских, армянских и арабо-персидских историков либо крайне отрывочны, либо похожи на криптограммы. Тюркские имена в их передаче звучат неузнаваемо, причем часто титул выдается за собственное имя и наоборот. Но греко-армянские и арабо-персидские источники, будучи вмонтированы в общую канву, заполнили некоторые купюры и объяснили сомнительные места китайских источников.

В этой связи уместно привлечь проблему древнетюркской ономастики, трудности и возможности которой ранее недооценивались. Тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти, как европейцы. Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей — чин, мужем — титул, а если это был хан — то титул менялся согласно удельно-лествичной системе.

Кроме того, его имя звучало в устах китайца не так, как в устах грека, перса или араба. Нам удалось установить, кто и почему в разное время

1 Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии...

имеиовался по-разиому. Но тут иачииается иаиболее интересная часть проблемы: китайцы подбирали иероглифы ие случайио, и только часть их изображает тюркскую фоиему. Миогие иероглифы подобраиы специально, чтобы отразить хорошее или дурное отиошеиие к тюрку — носителю имеии, и подчас здесь только можио уловить иекоторые июаисы китайской полнтики.

Работа по восстаиовлеиию имен проводнлась мной совместно с китаистом М. Ф. Хваном, который устаиавлнвал нстинное звучаине нероглнфа для VI-VII вв. и его зиачение. Сопоставленне этих даиных с тюркскими словами и деталями биографий носителей нмеи позволило с большой степеиью вероятности восстаиовить иекоторые тюркские имеиа. Например, раиее прииятое «Иби Шаболо Шеху кэхаиь» должио читаться как «Ирбис Ышбара Джабгу-хаган», что в переводе озиачает «Снежиый барс жестокиймогучий старейшниа-хан». Некоторые прежиие чтения исправлеиы, иапрнмер «Бугя-кэхань», переведеиный Е. Шаваниом как «Бильге», т. е. «мудрый», следует читать: «Боке» — могучий.

Многие нз иаших восстановлеинй гипотетнчиы, но я предпочел включнть их в текст, нежелн оставнть заведомо иеправильные нноязычные китайские звучания, которые для ориентнровки чнтателя сохранеиы в примечаииях. Там же даиы арабские, персидские и греческие начертания тюркских нмеи, потому что алфавнтное письмо прекрасно корректирует иероглифнческую запнсь.

Но мие ие удалось одио, казалось бы легкое, дело — унифицировать траискрипцию имеи. Для тюркских, китайских и тибетских имен междуиародиой траискрипции иет. Орфография иа разиых европейских языках разиая, потому что фоиетика за 1200 лет нзменилась, а кроме того, она зависела от диалектов. Прн сиосках приходилось воспроизводнть имя так, как оно иаписаио у цитируемого автора, и поэтому выдержать едииую снстему ие представлялось возможиым. По сути дела прииятая в кииге снстема отражает ие лиигвистическую сторону, а нсторию иауки.

Чтеиие китайских имен соответствует тому, которое стало общеприиятым в классических трудах русскнх авторов: Н. Я. Бичурииа, В. В. Григорьева, В. В. Бартольда, Г. Е. Грумм-Грнжимайло. Очеиь близко к русскому стоит фраицузское чтение у Э. Шаваниа, П. Пелльо, Р. Груссе и иемецкое в переводах Лю Мао-цзая. Эти авторы при передаче иероглифов алфавитиым письмом воспроизводят фоиетику VI–VIII вв., тогда как в современной советской китаеведческой лнтературе за осиову берется фоиетика XX в., в результате чего тюркские имеиа приобретают фаитастическне звучаиия и ие поддаются нитерпретации; иапример, туцзюе вместо ту-гю — тюрки.

В написании тюркских имен из надгробных надписей за эталон взяты чтения С. Е. Малова. Особенно сложны тибетские имена, которые каждый переводчик передает по-своему. Эти имена выверены Б. И. Кузнецовым, которому я приношу благодарность. Иранские имена даются с таджикскими огласовками, наиболее близкими к диалекту использованных в работе источников.

Хотя предполагаемое решение нельзя считать окончательными, но для работы исторического содержания, рассчитанной на широкого читателя-историка, а не только востоковеда, оно, пожалуй, единственно приемлемое, потому что дает возможность читателю проверить сноски и цитаты из пособий на европейских языках и избавляют от путаницы, связанной с той или иной орфографией, каждая из коих не является общепринятой. Feci quod potui, faciant meliora potentes.

Способ использования литературы. История тюрок привлекала внимание многих ученых, и на протяжении 200 лет интерес к ней возникал несколько раз. В середине XVIII в. французские миссионеры перевели много китайских исторических сочинений, из которых для нашей темы наибольшее значение имеют публикации переводов Майя и Гобиля[2]. Эти труды сыграли для нас важную роль, так как в них история Китая VI–VIII вв. изложена наиболее подробно; мелкие детали событий, приведенные там и опускавшиеся позднейшими учеными, часто давали возможность разобраться в поставленной нами проблеме. На базе этих переводов профессор Сорбонны Дегинь в середине XVIII в. написал многотомную «Историю хуннов, тюрок и монголов»[3].

В начале XIX в. Вивьен де Сен-Мартен переиздал «Историю Византии» аббата Лебо со своими комментариями, представляющими и по сей день большую ценность, чем сам текст[4].

В отличие от этих исследований, касающихся лишь периферийных областей тюркского каганата, переводы Станислава Жюльена[5] посвящены непосредственно тюркам. Эта публикация долгое время была исходным пунктом изучения истории древних тюрок. В начале XX в. сюда добавился монументальный труд Е. Шаванна[6], посвященный исключительно Запад-

2 Mailla J.A.M. Histoire generale...; Gaubil. Abrege...
3 Deguignes J. Histoire generale des Huns...
4 Lebeau. Histoire du Bas-Empire...
5 Julien S. Documents...
6 Chavannes E. Documents...

ному каганату. За ним последовали ювелирные по своей тщательности работы П. Пелльо[7] великолепные сводки Анри Кордье и Рене Груссе[8].

По стилю и методу работы к французской школе примыкает ныне работающий в ФРГ Лю Мао-цзай. Его двухтомная работа[9], посвященная Восточному каганату и снабженная чрезвычайно интересным детальным комментарием, перекрывает аналогичную работу Жюльена и дополняет книгу Шаванна.

Нельзя пройти мимо одной особенности французской школы, являющейся, пожалуй, крупным ее недостатком. Тюрки для французов явление столь экзотическое, что им удобнее рассматривать историю каганата глазами средневековых китайцев, т. е. извне. Поэтому связь событий от них иногда ускользает, а иногда события интерпретируются с китайской точки зрения. Это обстоятельство ограничивает возможности французской школы фактографией, но в этой области она занимает первое место.

Немецкая школа значительно уступает французской. Сочинения И. Маркварта, Ф. Хирта и в наше время монография X. В. Хауссига[10] представляют причудливое сочетание научных прозрений и заблуждений, филологических догадок, часто недоказуемых, и просто ошибок. Скрупулезность проявляется в частностях и чередуется с безапелляционными гипотезами вроде отождествлений сеяньто с мифическими «сиртардушами», Ашидэ Юань-чженя с Тоньюкуком (Хирт) или Абруя с «эфталитским царем» (Маркварт). Такие гипотезы входили в науку как «переходящие ошибки» и нанесли ей немало вреда.

По этим причинам я сознательно отказался от использования книги Рихарда Хеннига «Terrae incognitae»[11]. Не могу судить, насколько верны его комментарии по поводу путешествий норманнов и мавров, но его представления о Центральной Азии VI–VII вв., откровенно говоря, фантастичны. Так, восточную границу тюркского каганата он видит «в районе современного Владивостока», а северную относит «за северные границы Байкала, до реки Витим» (С. 88). Именем основателя державы он считает слово «дизавул», что является греческим искажением титула «ябгу», который носил помощник хана (там же). Ни на секунду не задумавшись, Р. Хенниг помещает аваров сначала в Центральной Азии, а потом «между

---

7 Pelliot P. La Haute Asie; L'origine des Tou-kiue, nom chinois des Turks //T'oung Pao. 1915. Vol.XVI; L'origine du nom de Chine // T'oung Pao. 1912. Vol.VIII.

8 Cordier H. Histoire generale...; Grousset R. Histoire de l'Extreme- Orient. I. Paris, 1929; L'Empire des Steppes. Paris, 1960.

9 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten...

10 Marquart J. Eransahr, nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci // Abhandlungen der Koniglichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen. N.F. Bd.III. Berlin, 1901; Historische Glossen zu den altetrkischen Inschriften // Wiener Zeitschrift f'tr die Kunde des Morgenlandes. Bd XII. 1898; Wehrot und Arang...; Osteurop'aische und ostasiatische Streifzige. Leipzig, 1903; Hirth F. Nachworte zur Inschichte des Tonjukuk // ATYM. 1899; Haussig J. Theophylacts Exkurs uetber die skythischen Voelker // Byzantion. Bruxelles. T.23. 1953.

11 Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т.II.

Волгой и Доном» (там же), игнорируя как разъяснение Феофилакта Симокатты о псевдоаварах, так и полную невозможность вклинить аваров в места, населенные местными народами: аланами и болгарами. Без каких-либо ссылок он сообщает, что при императоре Вэнь-ди (581-604) граница Китая «простиралась до самого Каспийского моря» (С. 92), хотя в действительности она ограничивалась Великой стеной и Ордосом. С потрясающей развязностью Р. Хенниг называет «сущим вздором» установленный факт, что китайцы расплачивались с тюркютами за военную помощь шелком, воспринимая тюркютов как наемников, вербуемых в китайские войска (С. 90). И на основании этих беспочвенных домыслов он объявляет обилие шелка в Согдиане «только собственным производством» (С. 89). В предисловии (С. 18) автор признает, что вне поля его зрения остались важные труды, недоступные во время войны, но указанные погрешности произошли просто от невнимания к обязательной фактической основе всеобщей истории и географии, а главное из-за несерьезного отношения к принятой на себя задаче. Общее количество грубых ошибок значительно больше, нежели приведено здесь как примеры.

Спорить с автором, игнорирующим общеизвестные и точно установленные факты, — бессмысленно, и потому я оставил его книгу без внимания.

Полагаю, что ближе всех к решению задач кочевниковедения подошла научная традиция, которую можно назвать русской школой. Ее представители — Н. Я. Бичурин, В. В. Григорьев, Н. А. Аристов Г. Е. Грумм-Гржимайло, К. А. Иностранцев, С. И. Руденко, М. И. Артамонов и ряд других ученых. Ученые русской школы настолько сроднились с Центральной Азией, что научились смотреть на ее историю «раскосыми и жадными» глазами степняков. Благодаря этому наши ученые уловили много нюансов, ускользавших от западных европейцев, и создали своеобразный аспект изучения кочевого мира.

Основоположником изучения истории и палеоэтнографии Срединной Азии в России был Н. Я. Бичурин (Иакинф)[12]. Сделанные им переводы китайских хроник до сих пор остаются надежным фундаментом для исследований. Ошибки и неточности перевода редки, несущественны и не искажают основного повествования, как показали текстологические работы Н. В. Кюнера[13], специально сличавшего труды Бичурина с подлинными текстами.

12 Бичурин Н.Я. Собрание сведений. ; История Тибета...; История Китая.

13 Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Базируясь на вкладе Бичурина, В. В. Григорьев[14] создал монументальную работу по исторической географии Восточного Туркестана. Путем сравнения греко-римских и арабо-персидских сведений с китайскими ему удалось установить преемственность культур и народов в этой области.

В небольшой, но исключительно сжатой и насыщенной фактами и мыслями книге Н. А. Аристов[15] дал сводку сведений о всех тюркских существующих племенах и подошел вплотную к исследованию племен исчезнувших. Эта тема получила свое развитие в работе К. А. Иностранцева, исследовавшего вопрос о соотношении восточных «хунну» и европейских «гуннов»[16]. Предложенное им решение нашло подтверждение в новых открытиях.

Русская наука первая поставила вопрос о корнях кочевой культуры.

Особенности социальных институтов последней, стиль произведений искусства и характерные черты военного дела, изученные с достаточной глубиной, показывают, что кочевая культура имеет самостоятельный путь становления, а не является периферийной, варварской, неполноценной. Действительно, археологические работы С. И. Руденко на Алтае[17], С. В. Киселева в Минусинской котловине[18], А. П. Окладникова на Дальнем Востоке[19] дали такие результаты, что ныне вопрос может быть поставлен лишь о взаимных влияниях между оседлыми и кочевыми народами, а никак не о заимствовании кочевниками культуры у китайцев, согдийцев или греков.

Большой удачей в смысле метода является книга М. И. Артамонова «История хазар»[20]. В этой работе история народов Прикаспия и Причерноморья освещена изнутри; хазары и другие обитатели южнорусских степей впервые изучаются не как враги Византийской империи или соперники Киевской Руси, а как самостоятельная этнокультурная целостность, судьбы которой обусловлены исторической закономерностью, определившей величие и гибель Хазарии.

14 Григорьев В.В. Восточный или Китайский Туркестан.

15 Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Х. T.IV. 1896 (отдельный оттиск).

16 Иностранцев К.А. Хунну и гунны. Л., 1926.

17 Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953; Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960.

18 Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

19 Окладников А.П. История Якутской АССР. Якутия до присоединения к русскому государству. М.-Л., 1955; Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.

20 Артамонов М.И. История хазар.

В перечисление не попали многие, в том числе В. В. Бартольд, крупнейший специалист по истории мусульманского Востока. Работы В. В. Бартольда по истории тюрок[21] хотя и сыграли положительную роль в истории вопроса, но не внесли той ясности, которая смогла бы стать перспективой исследования. Очень уж разнились между собой в VI-VIII вв. кочевые тюрки от персов, в историю которых В. В. Бартольд вжился. Мало принесли пользы науке статьи и книги А. Н. Бернштама[22] из-за слишком вольного обращения с фактами и датами.

Методика общих работ. Особое место в истории кочевниковедения занял Г. Е. Грумм-Гржимайло, работавший в начале XX в., когда открытие и прочтение орхонских надписей значительно повысили научный интерес к тюркологии. Уже к концу XIX в. возникла огромная противоречивая литература на четырех языках, недоступная для начинающего исследователя. Нерешенные проблемы бросались, так как из-за притока новых материалов возникали новые вопросы и обширная библиография грозила подменить собой науку, предлагая вместо ответов на волнующие вопросы ссылки на разноречивые мнения многочисленных авторов. Так как начинающий историк, естественно, не мог прочесть всех написанных о тюрках книг, то для него был только один путь — сужение темы, а отсутствие общей перспективы давало, как правило, неблагоприятные результаты.

Г. Е. Грумм-Гржимайло, отчетливо сознавая, что его любимый предмет вот-вот будет похоронен под грудой названий книг, номеров журналов, ссылок и сносок, взялся за «кропотливый и неблагодарный труд» сведения всех существующих точек зрения и выяснения частных проблем этнологии, хронологии, исторической географии и истории Срединной Азии с древнейших времен до XX в. К счастью, было еще не поздно, и благодаря удивительной самоотверженности и таланту он за 25 лет создал сводную работу «Западная Монголия и Урянхайский край» (т. е. исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии). Это сочинение стало настольной книгой для всех историков Азии, причем необходимо отметить оригинальный подход автора к материалу. До тех пор историей Востока занимались филологи-ориенталисты, переводившие восточных авторов. Заслуга их перед наукой велика, но это только один аспект изучения, и им не исчерпывается все многообразие наблюдаемых явлений. Г. Е. Грумм-Гржимайло взглянул на историю глазами географа. Используя свой личный опыт, накопленный в путешествиях, он нашел соответствия между

21 Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // ЗВОРАО. Т.8. 1893; Он же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900; Bartbold W. Die alttuerkischen Inschriften und die arabischen Quellen. SPb., 1899. 1-2; Barthold W. Die historische Bedeutung der alttuerkischen Inschriften. SPb., 1897.

22 Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок в VI-VIII вв. Л., 1946.

сведениями, почерпнутыми из летописей, и природой Тянь-Шаня, Хангая, Гоби.

Трудности, пережитые Грумм-Гржимайло в горах и пустынях, дали ему возможность представить себе, как вписывались исторические события в ландшафт, и потому ему удалось сделать много блестящих историко-географических открытий, как, например, установить место крепости Бишбалык. Сам Г. Е. Грумм-Гржимайло по поводу этого открытия писал: «Открытие правильного местоположения Бишбалыка равносильно возвращению Парижа на берега Сены, скажем из Марселя, куда его в течение многих лет перемещали ученые всего света. Сколько темных мест в истории и географии разъяснилось»[23].

Казалось бы, современники должны были приветствовать столь грандиозный и жертвенный труд, но на самом деле он натолкнулся на нарочито недоброжелательное непонимание. В 1898 г. Грумм-Гржимайло опубликовал как предварительное исследование небольшую книгу: «Историческое прошлое Бэйшаня в связи с историей Средней Азии». В этой работе уже проявился тот своеобразный метод, который дал столь положительные результаты. Однако в ответ последовала резкая рецензия В. В. Бартольда, который отказал автору книги в «настоящей исторической и филологической подготовке» и заявил, что «от путешественников мы прежде всего ждем подробных географических и этнографических, по возможности также археологических сведений... и мы не можем не пожалеть о том, что изучение исторической литературы Азии на время отвлекло нашего автора от гораздо более благодарной задачи», т. е. простого отчета об экспедиции.

Этот резкий и несправедливый отзыв был смягчен В. В. Бартольдом после ответной статьи Г. Е. Грумм-Гржимайло, но и тут за книгой последнего была признана лишь «некоторая польза». Вместе с тем В. В. Бартольд перенес острие критики на филологическую подготовку Г. Е. Грумм-Гржимайло, который решал проблемы ономастики как историк. Спор возник по поводу двух имен, встреченных в орхонских надписях, которые П. М. Мелиоранский, В. В. Радлов и сам В. В. Бартольд рассматривали как имя легендарного прародителя тюрок, а Н. А. Аристов и Г. Е. Грумм-Гржимайло — как имена двух братьев — ханов Первого каганата.

Спор был окончательно решен в пользу последнего предположения и тем самым реабилитирован метод интерпретирования источников, против которого высказывался В. В. Бартольд, считавший в то время, что грамматически верно прочтенный текст страхует исследователя от ошибок. Слов нет, тексты нужно читать точно, но история одного этого диспута

23 Грумм-Гржимайло А.Г. Дела и дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло. М., 1947. С.45.

показывает, что грамматика и фонетика не могут заменить исторической критики.

Еще более опасна была рекомендация В. В. Бартольда ограничиться разработкой частных вопросов и отмечать отдельные промахи специалистов. К счастью, Г. Е. Грумм-Гржимайло не принял ее во внимание. Если бы он поступил иначе, то к существовавшему тогда морю библиографии прибавилось бы 200–300 названий полемических заметок, разбросанных по разным периодическим изданиям без следов системы. Тогда просто не хватило бы времени ни у одного ученого разобраться ни в одном вопросе, так как он тратил бы силы не на продумывание предмета, а на поиски тех или иных статей. Кроме того, за полвека, прошедшие со времени этой полемики, не нашлось специалиста, который взял бы на себя труд сводки мнений по широкой теме.

Книга Г. Е. Грумм-Гржимайло открывает в историографии Центральной Азии новый период, оказавшийся плодотворным именно благодаря ей. Это вынужден был позднее признать сам В. В. Бартольд в личном письме к Г. Е. Грумм-Гржимайло, где он отказался от прежнего предвзятого мнения[24].

Однако отрицательное отношение к труду Г. Е. Грумм-Гржимайло сохранило инерцию до наших дней. А. Ю. Якубовский повторяет ранние оценки В. В. Бартольда и ставит в вину Г. Е. Грумм-Гржимайло «незнание восточных языков» и «отсутствие специального исторического образования»[25].

Не останавливаясь на полемике по частным вопросам и оценкам, я позволю себе сопоставить с книгой Г. Е. Грумм-Гржимайло работу профессионального востоковеда Лю Мао-цзая «Тюрки и Китай»[26], приложенную к его солидному переводу китайских источников, о котором говорилось выше. При этом я считаю необходимым оговорить, что филологическая сторона работы Лю Мао-цзая выполнена безупречно, а фактический комментарий показывает великолепную эрудицию и добросовестность автора. Но как только наступает очередь анализа, а тем более синтеза, становится очевидно, что история требует специальных способностей, охвата явлений, особого видения и интуиции, к чему знание языков не имеет прямого отношения. Работа историка, устанавливающего связь между событиями, начинается там, где кончается работа филолога-востоковеда, задача которого — установить наличие самих событий. Совмещение того и другого было уместно на ранних ступенях науки, но теперь это шаг назад. Но это ни в коей мере не снижает заслуги Лю Мао-цзая перед

24 Грумм-Гржимайло А.Г. Дела и дни... С.64.

25 Якубовский А.Ю. Из истории изучения монголов периода XI– XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. С.78.

26 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.392–472.

наукой. Он собрал и прокомментировал факты, а интерпретация их должна быть произведена на основе научного анализа и синтеза, причем прежде всего следует установить локальные черты развития кочевых народов, а также особенности, свойственные всем странам в VI–VIII вв., т.е. ритмы самодвижения, характеризующие эпоху.

Попытки осмысления. И по этому вопросу между историками не было единомыслия. Наиболее ожесточенные споры возникли после дешифровки орхонских надписей, содержание которых дало богатый материал для социологических построений.

В 1896 г. высказали свои точки зрения Л. Каэн и Н. А. Аристов. Каэн утверждал, что тюрки представляли собой «общество личностей и родов, число которых не ограничивалось этнической принадлежностью»[27].

Тюрки, по его мнению, были связаны между собой лишь политическим объединением и военной дисциплиной. Государственную систему каганата он называет «бюрократической», противопоставляя ее как аристократии, так и демократии[28]. Поскольку взгляды Л. Каэна исчерпывающе разобраны В. В. Бартольдом в рецензии на его книгу[29], останавливаться на них нецелесообразно.

Н. А. Аристов высказал обратную точку зрения, согласно которой создание государств у кочевников происходит «вследствие усиления одного из племен, во главе которого стояли храбрые, умные и счастливые в своих предприятиях родоначальники, успевшие подчинить своему влиянию роды своего племени и покорить остальные племена». Падение же он относит за счет междоусобиц «под преобладающим влиянием стремлений родов и племен к самостоятельности...»[30]. Взгляд Н. А. Аристова в целом соответствует действительности, но нуждается в развитии, аргументации и некоторых коррективах.

В. В. Радлов стоял на точке зрения элементарного волюнтаризма. Он полагал, что только влияние вождей племен могло способствовать образованию в кратчайшее время мощных племенных комплексов. Вожди захватывали ханскую власть, и только крепкая рука хана могла удержать от гибели кочевое государство. Как только эта рука слабела — оно разваливалось[31]. По этому поводу можно заметить, что настроения народа и предан-

27 Cahun L. Introduction a l'histoire de Asie. Paris, 1896. P.79.

28 Ibid. PP.75, 82.

29 ЖМНП. 1896. Вып.5-6. С.373 и сл.

30 Аристов Н.А. Заметки... С.10.

31 Radloff W. Alttuerkische Studien. IV. Einleitende Gedanken zur Untersuchung der alttuerkischen Dialekte // Известия АН. Сер.IV. 1911. S.310.

ность дружнны делают руку хана крепкой или слабой в значительно большей степени, чем его лнчные качества.

Весьма орнгинальный взгляд высказал В. В. Бартольд, заявнв, что «беги протнвопоставлялнсь «черному народу», причем верховная власть не всегда становилась на сторону первых»[32]. Эту точку зрення он развнвал в полемнке с В. Бангом, заметившим ему, что «стоявшне вокруг хана люди - это его родственнкн нлн дворянство, способствовавшне возвышенню тюркского народа»[33]. В. В. Бартольд объяснил, что «в надписн высказываются некоторые демократнческие мыслн», и сравнил тюркскнх ханов с обонми Наполеонамн, которые, окружнв престол военной арнстократней, придержнвались идеи демократнческой нмпернн[34]. И много позднее Бартольд отмечал, что факт сословной борьбы не отмечен ни Радловым, наблюдавшнм жнзнь кочевников тогда, когда у ннх не было резкой социальной дифференцнации, нн Томсеном, который, прнзнавая борьбу между знатью н простымн народом, не отметил значення этого факта[35]. Взгляды В. В. Бартольда, по нашему мненню, несмотря на кажущееся правдоподобне, не подтверждаются анализом историн тюркютов н голубых тюрок в целом.

Специальную работу этой теме посвятил А. Н. Бернштам[36]. Крнтика его взглядов приводится ниже. Наконец, новое освещение вопроса дано в работе Е. Прнцака, который попытался в общем виде нарисовать картнну создания «кочевых нмперий»[37]. Несмотря на огромное количество учтенных фактов н детальную разработку источников, его выводы вызывают возражения, мешающне прннять нх полностью. Прнчнн к тому две: общне соображения Е. Прнцака включают некоторые предвзятые мнения, не преодоленные нсследователем, а частные замечання содержат «переходящие ошнбкн», т.е. гипотетнческне предположення, впоследствии опровергнутые, но удержавшиеся, потому что опроверженне потонуло в море мелкнх статей, разлнвшнхся в библиографнческий океан. К счастью, в качестве корректива к труду Прицака мы нмеем теперь значнтельно более точную н надежную сводку тюркологических сведений в труде А. П. Кононова[38] и можем сосредоточнть внимание только на общнх положениях Е. Прицака, сформулнрованных им в начале статьи «Как возннкла степная империя?». «Когда в степн появлялся талантлнвый организатор, он собнрал вокруг себя толпу сильных н преданных людей, чтобы подчиннть с нх помощью свой

32 Barthold W. Die historische Bedeutung der alttuerkischeo Inschriften. .. ., 1897. S.4-5; Бартольд В.В. Новые исследования об орхонских памятниках // ЖМНП. 1889. Вып.9-10. С.237, 276.

33 Bnog W. Zu deo Koektuerkischen Inschrifteo // T oung Pao. IX. 1898. S.121.

34 Bnrthold W. Die alttuerkischen Inschrifteo...

35 Бартольд В.В. Томсен и истории Средней Азии. Пг., 1926. С.11-12.

36 Бернштам А.Н. Социально-экономический строй..

37 Pritsak O. Stammesnamen uod Titulaturen der altaischen Volker // Ural-Altaische Jahrbucher. Bd 24. 1952. H.1-2. S.49-104.

38 Кононов А.Н. Родословная туркмен (оримечание).

род, а потом племя и, наконец, тот племенной союз, о котором идет речь. Потом он предпринимал со своими людьми разбойничьи походы. Если они протекали успешно, то следствием их было присоединение соседних племен. Следующей задачей было, с одной стороны, уничтожение господствующих родов племенных федераций, с другой — размещение гарнизонов в степных укреплениях, сначала на Орхон-Онгоне, потом на Чу.

Обладание священными местами в степи приобщило основателя новой федерации к благодати, придававшей его власти силу законности. Так как только принадлежащие к господствующему роду могли рассматриваться как господа, то созываемый на священном месте, вблизи от укрепления, курултай, в котором принимали участие старейшины племен, вошедших в эту федерацию, выбирал по старому обычаю кандидата в степные цари. Выбранный принимал обычно по предложению шамана царский титул. Этот титул выражал притязание на мировое господство. Кроме титула правителя устанавливалось название для нового государства или федерации»[39].

Основное наше несогласие с Е. Прицаком принципиально. По нашему мнению, степные объединения возникали не одним способом, а несколькими. Отмеченная Е. Прицаком выборность хана встречается реже, чем наследование власти. Уничтожение знатных родов было проведено только Чингисханом, но оно не характерно для тюрок, уйгуров и хуннов. Весьма преувеличена роль религии и «шаманов». (Очевидно, так Е. Прицак называет вообще всех колдунов и жрецов, что делает термин слишком широким и для пользования непригодным). Понятие «благодать» несовместимо с генотеистическими культами, так как помощь племенного божества «тось'я» распространялась лишь на членов данного племени, а именно этот культ господствовал в раннетюркскую эпоху[40]. Собственно говоря, Е. Прицак описал процесс установления военной демократии, но отмеченное им сочетание дружины и племени, живущего родовым строем, характерно для оседлых племен Европы, а у кочевников тот же процесс протекал иначе.

Спор об эле. Из частных вопросов, без разрешения которых понимание истории древних тюрок невозможно, следует отметить перевод термина «эльиль», как называли свою державу тюрки.

По поводу значения этого термина нет единого мнения. С. Е. Малов переводит эль как «племенной союз», но дает также значение: «государство, народ»[41]. Этого понимания придерживались Радлов, Мелиоранский, Бартольд, Томсен и Хирт.

---

39 Pritsak O. Stammesnamen... S.51.

40 Кононов А.Н. Опыт анализа..

41 Малов С.Е. Памятники... 1951. Словарь.

Другое понимание термина выдвинул Бернштам. Он считал, что эль - «это объединение аристократии различных племен в организационно сплоченный заимствованными у того же родового строя традициями, аристократический строй. «Al» — выражение государственной организации. Турецкий «al» — олицетворение народа, известного нам в истории под самоназванием «turk»»[42]. Обе точки зрения при проверке оказались несостоятельными. Разберем их.

Первый тюркский хан Бумын принял титул Иль-хан. Он это сделал не раньше, чем покорил жужаней, т. е. к своему племени присоединил другие племена. Однако называть группу завоеванных племен союзом — более чем неточно, скорее просто неправильно. Буквальное значение титула Иль-хан — «правитель народов»[43]. Это толкование подтверждается возникновением в персидском языке Рашид-ад-Дина нового глагола: иль кардан — завоевать, покорить. Глагол является варваризмом, но точно передает смысл термина. Для другого понятия — соглашения племен — есть другой термин: «кургур», однозначный на тюркском и монгольском языках. Соответственно этому есть термин «гурхан», т. е. хан конфедерации племен. Такой титул носил хан киданей, так как их держава была союзом из восьми равноправных племен. Наоборот, иль предполагает насильственное подчинение других племен. Поэтому наиболее адекватным переводом термина «il» будет латинское «imperium» или русское «держава». Самоуправляющееся племя илем быть не могло.

Вторая точка зрения опровергается текстами, на которые она должна опираться, например: «turk budunalin torusin», т.е. тюркский народ и эль (неверно надо: «эля») узаконивая... Тут очевидно, что эль включает в себя будун, т.е. не ограничивается господствующим классом[44].

Таков же второй текст: Kamka alig kas yan urman — для кого я буду добывать или — эли. Но «выражение государственной организации» или «господствующие классы» добывать нельзя, поэтому перевод, предложенный Бернштамом, обессмысливает текст.

Иное значение термина «эль» предложил С. П. Толстов: «государство, в античном понимании этого слова, политическом, а отнюдь не территориальном значении»[45]. Но даже при таком понимании необходимо учитывать наличие в эле покоренных племен. Установив это, мы не встретим никаких противоречий с данными источников.

42 Бернштам А.Н. К вопросу о возникновении классов и государства у тюрок VI-VIII вв. н.э. // Сборник статей к 50-летию книги Энгельса Происхождение семьи, частной собственности и государства . М.-Л., 1936.

43 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.277.

44 Бернштам А.Н. Родовая структура ту-гю VIII в. (к исследованию памятника Кюль-Тегина). // Известия ГАИМК. 1934. Вып.103. С.565-566; Киселев С.В. Древняя история... С.503

45 Толстов С.П. Тирания Абрув. С.52.

Итак, эль был формой сосуществования орды и племен. Хотя в идее эта взаимосвязь должна была осуществляться мирно, но практически она была так тяжела для обеих сторон, что эль сразу же стал очень нестойкой формой. То, что страдали покоренные и что они старались при любом удобном случае отложиться, — понятно; но и в самой орде было немногим лучше. Необходимость сохранять державу лишала бегов и будун покоя, потому что только постоянная готовность к бою поддерживала существование эля. Военное поражение, дипломатический просчет, единичный случай измены и даже простое нерадение ставили существование эля под угрозу. Именно по этой причине были так недолговечны политические образования Срединной Азии в раннем средневековье.

ГЛАВА IX

ВЕЛИКАЯ РАСПРЯ (581-593 гг.)

Участники. Несмотря на увлечения буддийской мистикой и обрядностью, Арслан Тобо-хан продолжал укреплять свою власть. Князья, управлявшие восемью уделами от Хингана до Кубани, подчинялись его приказаниям. Но эти храбрые и честолюбивые воины, великолепно умевшие держать в подчинении покоренные ими племена, оказались не в состоянии наладить отношения между собой. Равным образом каждый из них был вынужден считаться с чаяниями своих бегов и даже рядовых воинов, от преданности которых зависела его судьба, а подчас и жизнь; каждый из них должен был иметь в виду настроения народа и дипломатию соседних государств, стремившихся использовать тюркютов в своих целях. В результате создалась чрезвычайно сложная ситуация, в которой индивидуальные черты характера ханов и шадов играли не последнюю роль.

Старший сын Тобо-хана, Амрак[1], был человеком тихим, безобидным и совершенно не подходил для той деятельности, к которой он был предназначен своим царственным происхождением по линии отца и благородным — по линии матери. Его любили и уважали, но он не мог возглавить никакую группировку в орде, предпочитая спокойную жизнь превратностям судьбы властителя. Этими качествами он обескураживал своих сторонников и развязывал руки своим двоюродным братьям, ничуть не походившим на него.

Менее счастливым характером обладал Торэмен, сын Мугань-хана. Судя по его поведению и характеристике, данной ему китайским лазутчиком Чжан-сунь Шэном, этот царевич был властолюбивым, но нерешительным; храбрым в бою, но недальновидным в политике; уступчивым перед сильными и наглым по отношению к слабым[2]. Именно эти качества сделали Торэмена игрушкой в руках китайской разведки и воинственных бегов, сподвижников его отца. Фатальную роль в судьбе

1 Кит. Ань-ло; у Бичурина Н.Я. — Янь-ло. Амрак (ср. монг. — спокойствие) — тюркское слово, встречающееся в рунических текстах (дружок).

2 Julien S. Documents... Vol.3. P.359; Chavannes E. Documents... P.49.

этого приица сыграла его мать, наложница Мугань-хана, не принадлежавшая к высшим слоям тюркютской знати. Оставаясь вдовой, оиа продолжала влиять на государственные дела и, по-видимому, возглавила партию, стоявшую за признаиие Ян Цзяня императором династии Суй. Поэтому тюркюты, высланиые суйским правительством в 581 г. из Китая, где они были очеиь иеплохо устроены, обратили свой гнев на вдовствующую хатун[3]. Эти настроеиия иашли отклик в орде и, естественно, отразились иа популярности ее сына, что весьма повлийло на ход событий.

Наиболее смелыми и энергичными были сыиовья безвремеино погибшего Кара Иссык-хаиа — Шету[4] и Чулохоу[5]. Шету был иастолько храбр и умеи, настолько решителен и энергичен, что собствеииая жеиа считала его «по свойствам иастоящим волком». Эти качества обеспечили ему уважение иарода и знати, помогли взойти на престол, и оии же чуть было ие привели его к гибели.

Чулохоу ии в чем не уступал своему старшему брату. Он даже превосходил его хитростью, лукавством и обходительиостью, благодаря чему стяжал ие только уважеиие, но и любовь иарода. Его удел располагался на восточиой границе кагаиата, где кочевали кидани и татабы, ставшие надежиой опорой толос-шада Чулохоу. Очевидио, в удел Чулохоу входила восточная часть Гоби, потому что его титульное имя озиачает буквально «второстепенный князь каменистой пустыни». Повидимому, имеино «второстепениое» положеиие в сочетаиии с огромным честолюбием и энергией толкиуло его на сближение с китайцами еще в то время, когда кагаиат домииировал в Азии. В наше время такую позицию охарактеризовали бы как политическую беспринципность, в VI же веке Чулохоу ие очеиь этим выделялся из числа прочих князей тюркютского каганата.

Но самой значительной фигурой был двоюродиый дядя всех перечислеиных ханов, сын Истеми, Кара-Чурии Тюрк тардуш-хаи. Биография его в китайских анналах отсутствует, ио пробел восполняется византийскими и персидскими источниками[6]. Кара-Чурин иачал военную карьеру под знаменами своего отца в 555 г. при первом столкиовении тюркютов с эфталитами. Затем, в 556 г. он с разрешеиия Истеми-хаиа покорил южную Джунгарию и на землях племени абаров основал свое

3 Julien S. Documents... Vol.3. P.347. Жюльен предполагает, что здесь имеется в виду китайская царевна, выданная замуж за Мугань-хана, ио это маловероятно. Жена Мугань-хана была из династии Чжоу, все члеи которой при перевороте были безжалостио убиты, и если бы упомянутая в источнике хатун сыгиия была оиа, то ей тюркюты, обиженные суйским императором, должны были бы только сочувствовать. Правильнее видеть здесь борьбу клия внутри орды, И, видимо, с этим связаны попытки Чжан-сунь Шэна переманить на сторону Китая Торэменя, которые хотя и не увенчались успехом, но повлекли за собой последствия, весьма выгодные для Китая.

4 Это начертание имени вошло в употребление. Тюркский эквивалент — ДжеттуЙетты — достигший [власти] . Значение иероглифов — замышляющий регенство . В Чжоу шу он назван Дитоу. Княжеский титул его Эр-бег (кит. Эрфу).

5 Чулу — каменистая пустыня; хоу — второй чин китайской чиновной иерархии.

6 Гумилев Л.Н. Биография тюркского хана в Истории Феофилакта Симокатты и в действительности // ВВ. 1961. Т.ХХ. С.159-162.

удельное княжество. В 558 г. Кара-Чурин участвовал в походе на Урал и Волгу, но завоеванные земли были даны в удел его младшему брату Турксанфу и двоюродному брату Бури-хану.

В 576 г., после смерти Истеми-хана, Кара-Чурин унаследовал верховную власть на западе и титул тардуш-хана, после чего перестал ходить в далекие походы. Крымскую и кавказскую кампании против Византии и царства Эгриси (Лазики) вели его подчиненные, проигравшие войну. Поражение не повлияло на авторитет и славу Кара-Чурина, который тогда же получил прозвище Боке (герой) «за величие»[7]. Но счастлив этот хан не был: имя его — Кара-Чурин — означает «черная напасть» (может быть, имелась в виду проказа). Но так или иначе Кара-Чурин был самым сильным из князей, несмотря на то, что занимал по иерархии лествичной системы подчиненное положение. Он и Шету ненавидели друг друга, хотя и старались скрывать свои чувства.

Династический спор[8]. Пролог надвигавшейся трагедии развернулся на берегах Орхона в конце 581 г., когда великий хан тюркютов Арслан Тобо-хан почувствовал приближение смерти. Обратясь к своему сыну Амраку, он потребовал, чтобы тот согласно принятому закону о лествичном престолонаследии признал право на престол Торэмена, сына Мугань-хана. При этом Тобо-хан отметил, что родство между отцом и сыном самое близкое, но оно не может иметь значения при наследовании престола. Обойденным оказался и Шету, опять-таки в согласии с законом о лествичном восхождении. Его отец умер до принятия закона, и поэтому Шету попал в положение князя-изгоя, исключающегося из очереди на престол. Но он сумел постоять за себя.

Учитывая непопулярность Торэмена среди тюркютской знати из-за «низкого происхождения» его матери, Шету высказался в пользу Амрака. Явившись на собрание вельмож позже всех, он пригрозил, что в случае утверждения завещания покойного хана он уйдет в свой удел и будет охранять его границы «острою саблей и длинным копьем»[9], т.е. начнет гражданскую войну. Это был сильный аргумент; противоречить ему никто не решился, и слабый, безобидный Амрак был поставлен ханом.

7 Наршахи. История Бухары. Пер. Н.Лыкошина. Ташкент, 1897. С.12-13.

8 Интерпретация событий, чтение имен и отождествление топонимов, упоминаемых в этой главе, оригинальны и базируются на специальных статьях автора, посвященных этой эпохе (Гумилев Л.Н. Великая распря...; Война 589 г. и Гератская битва // Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской СССР. 1960. N 2(23).; Удельно-лествичная система...; Биография тюркютского хана...; Гумилев Л.Н., Маршак Б.И., Хван М.Ф. Спор о древних тюрках // Доклады по этнографии ВГО. Л., 1965. N 1(4).). На эти работы ссылки не даются.

9 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.235; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.44.

Но не смирился Торэмен. Его сторонники поносили и оскорбляли Амрака, и тот отказался от престола в пользу своего заступника Шету. Вновь обойденный Торэмен получил удел на северных окраинах государства и титул Або-хана (старейшего хана).

Шету принял титул Иль-кюлюг-шад Бага Ышбара-хана[10]. Китайцы, верные своей привычке подбирать для неугодных им персон обидные иероглифы, изменили последний слог «ло» на «лио» (грабитель) и получили имя Шаболио[11]. Под этим неблаговидным именем сей хан и вошел в историю.

Ставка Шаболио, который являлся первым ханом, помещалась у гор Отукен, в центре его владений. Вторым ханом был Кара-Чурин Тюрк, названный китайцами Дяньгу (иероглиф не воспроизводил имя фонетически, а передавал его смысловое значение). Китайцы передавали его титул фонетически Дату-хан. Ставка Кара-Чурина располагалась у горы Актаг[12].

Третьим ханом считался Амрак. Этот пышный титул компенсировал его за потерю престола. Его ставка находилась у берега р. Толы среди привольных охотничьих угодий.

Кроме этих четырех крупных ханов были еще четыре мелких. Чулохоу по новому закону был наследником своего брата, Шаболио. Тегин-шад, двоюродный брат Шаболио, по-видимому сын Тобо-хана и брат Амрака, тоже имел удел в восточной половине каганата. На западе сидел князь, именуемый греками Турксанфом, а китайцами Таньханем. Он командовал войсками на Волге и Северном Кавказе, и под его началом находился Бури-хан, племянник Тобо-хана, тот самый, который начал войну против Византии, взяв в 576 г. Боспор[13].

Война на западе. Продолжение войны на западной окраине каганата историей почти не освещено. Византийские сведения отрывочны, персидские и грузинские не дошли до нас, а китайцы, по-видимому, настолько плохо представляли географию Причерноморья, что слухи, доходившие до них, интерпретировались ими фантастически. Поэтому крайне ценным является собственно тюркский источник — письмо кагана (Кара-Чурина) к императору Маврикию, сохранившееся фрагментарно в «Истории» Феофилакта Симокатты. Это письмо разобрано нами как

10 Державы [или] славный шад, божественный [Бага] [а может быть, великий — мега], Ышбара [могучий, жестокий; кит. — Шаболо] хан.

11 Иероглиф разобран Хваном М.Ф.

12 Актаг — Белая гора (в северном Тянь-Шане) (Chavannes E. Documents... PP.115, 234-237).

13 Менандр. С.422

исторический источник в специальной работе[14], на основании данных которой мы восстанавливаем ход событий.

Менандр сообщает только о взятии тюркютами Боспора в 576 г. и об их набеге на Крым в 580 г.[15]. Из письма кагана тюркютов к императору Маврикию мы узнаем, что около 582-583 гг. тюркюты пытались проникнуть в Византию через Кавказ, но не имели успеха. Сам Тардуш-хан был на востоке, где шла война с Китаем. Участие в этой войне не принесло ему славы, и он отвел свои войска. Китайский император обнародовал эдикт о том, что Тардуш-хан отступил потому, что против него «возмутились персы, эфталиты и хотанцы»[16]. Об этой странице ханской биографии в письме нет ни слова. Сведение китайского императорского эдикта о внезапно вспыхнувшей войне на западной границе каганата вызывает сомнение. Оно не вяжется с тем положением, которое имело место в 582 г. в Средней Азии и Иране. Хотан был маленьким княжеством. Его военные силы состояли из 4 тыс. воинов[17]. Эфталиты же в том году входили в состав персидской монархии, а последняя находилась в состоянии напряженной войны с Византией в Месопотамии[18]. Все перечисленные враги каганата были за границей, и слово «восстали» к ним неприменимо. Затем если бы Тардуш-хан действительно одержал над ними победу, то ему незачем было бы об этом умалчивать. Наконец, поздние китайские хроники, Суй шу и Тан шу, исключили этот рассказ из описания событий, по-видимому считая его недостоверным. С этим согласен и я. Надо думать, что император Вэнь-ди стал жертвой плохого знания географии. В 582 г. китайцы имели сведения о странах западнее Кашгара не более точные, чем византийцы о странах к востоку от него. Поэтому слух о войне с Византией на западной окраине каганата китайцы поняли как весть о войне с Персией, которой в это время и быть не могло. Зачем бы персы стали нападать на своего союзника?[19]

Предлагаемый корректив упомянутого китайского источника позволяет увязать данные Менандра, «Суйшу» и Симокатты. Тардуш-хан с 576 по 583 г. вел войну с Византией, но не лично, а доверив проведение кампании своему двоюродному брату Бури-хану, имевшему удел на западной

14 Гумилев Л.Н. Биография тюркютского хана..

15 Менандр. С.462.

16 Chavannes E. Documents... P.49.

17 Chavannes E. Documents... P.125. Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.II. С.301.

18 Пигулевская Н.В. Византия и Иран... С.67-70.

19 Отсутствие второй версии описания войны 581-584 гг., кроме китайской, ввело в заблуждение Грумм-Гржимайло Г.Е. (Западная Монголия... С.229, прим. 4) и меня (Гумилев Л.Н. Великая распря... С.79), но, приняв на веру сообщение о войне Персии против каганата в 582 г., оба автора не придали ему значения, и ошибка не повлияла на вывод. Это же сведение обмануло Хаусига Х., предположившего, что Турум - эфталитский князь, женатый на дочери Тардуш-хана (Haussig J. Theophylacts Exkurs uher die skythischen Volker // Byzantion. Bruxelles T.23. 1953 S.300, 379-383). Помимо изложенной здесь критики китайского сообщения против позиции Хаусига говорит то, что война была названа в тексте письма междоусобной и гражданской, а эфталиты в этой связи не упомянуты.

окраине каганата. Рассказ о победах тюркютов над византийцами в письме, адресованном императору Маврикию, естественно, опущен. Акцент перенесен на лазов (колхов), хотя и бывших подданными Восточно-Римской империи, но сохранявших в VI в. автономию. Таким образом, была соблюдена дипломатическая деликатность с наибольшим приближением к истине.

Конец тюркюто-византийской войны датируется началом гражданской войны в каганате, т.е. началом 584 г. После неудачного вторжения в Крым тюркюты ограничились Кавказом. Северная граница Лазики, или царства Эгриси, проходила по Кавказскому хребту; Абхазия составляла часть этого царства[20]. Тут, видимо, и разворачивались военные действия тюркютских князей. Вряд ли они смогли проникнуть далеко на юг. О сопротивлении лазов не сказано ничего, а только сообщается об убийстве 300 тыс. человек, трупы которых лежали вдоль дороги длиной около 166 км (четыре дня пути). Это похоже на убийство пленных, которых отступающая армия не могла увести с собой. Значит, наступление тюркютов на Крым и Кавказ захлебнулось и война была ими проиграна. И в самом деле, в 558 г. Византия вернула Боспор, чем было восстановлено исходное положение.

Война с Китаем. После переворота, происшедшего в Китае, тюркюты остались без шелка. Ян Цзянь прекратил дипломатические отношения с варварами, а в то время внешняя торговля шелком сводилась в основном к обмену подарками между посольствами кочевых ханов и двором императора. Сразу произошла политическая перегруппировка, и тогонский хан Куалюй стал другом тюркютского хана Шаболио. Женой Шаболио была царевна из дома Бэй-Чжоу. Она весьма сокрушалась, что все ее родственники казнены и жертвоприношения ее предкам прекратились[21]. Можно думать, что именно она была ниточкой, связывавшей сяньбийскую знать Северного Китая со ставкой тюркютского хана. Не случайно было и то, что правитель пограничного района Инчжоу[22] Гао Бао-нин, сторонник низвергнутой династии Ци, сумевший удержаться в Инчжоу на правах уже суверенного государя, летом 582 г. выступил против империи Суй. Одновременно его союзники тюркюты, перебросив все свои силы через Гоби, ворвались в застенный Китай.

Война оказалась совсем не такой легкой, как предполагали император и его советники. Тюркюты сразу взяли инициативу и лишили китайцев

---

20 Бердзенешвили Н. Джавахишвили И. и Джанашиа А. История Грузии. Тбилиси, 1946. С.101-102. О взаимозаменяемости терминов колхи и лазы — там же. А по поводу сближения Хаусигом терминов колх и Халха и отождествления упоминаемых в письме колхов с жужанями см.: Артамонов М.И. История хазар. С.138, прим.24

21 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.235; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.44-45

22 Область на восточном краю Великой стены со столицей в г. Лючен, ныне там городище, называемое монголами Горбань-собарга-хото (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.III. С.37)

возможности использовать численный перевес. Суйская армия растянулась по всей линии Великой стены; ее левый фланг упирался в Наньшаньские горы (в совр. провинции Ганьсу), а правый располагался на равнинах Ючжоу (совр. Шаньси). Китайские пограничные войска были разбиты и укрылись за Великой стеной. Тюркюты форсировали ее через проходы Мухя и Шиминь, в Ганьсу[23], где она выстроена наиболее небрежно. В шести богатых областях Северо-Западного Китая не осталось ни одной головы домашнего скота. Но этим неудержимым грабежом тюркюты поставили в очень затруднительное положение самих себя. Как только захваченный скот был частью угнан на север, частью съеден, тюркютская армия оказалась обреченной на голод, так как напуганное население укрылось в горах и театр войны превратился в пустыню. Одновременно с тюркютами выступили тогоны, но их набег в 561 г. на Лянчжоу был отражен[24], и их дальнейшие действия свелись к пограничным стычкам.

Ян Цзянь объявил мобилизацию всех сил империи, но это было дело долгое, да и качество боевой подготовки войск не соответствовало тем задачам, которые поставило перед собой суйское правительство.

Китайская армия укомплектовывалась крестьянами, отрываемыми от своих полей и садов. Офицерский состав пополнялся конфуцианской интеллигенцией, тосковавшей по ученым диспутам и сборникам стихотворений. Воинские уставы составлялись философами в духе конфуцианской морали. Несмотря на то, что солдаты и офицеры иногда проявляли чудеса храбрости, пограничная служба или далекие походы казались им кошмаром[25]. Вместе с тем армия была малоподвижна, большая часть ее состояла из пехоты, на вооружении были боевые колесницы[26], а конница составляла ничтожное количество. Понятно, что с такой армией нечего было и думать о гегемонии в степи. Однако недостатки армии были с лихвой восполнены дипломатической службой. Судьба послала Ян Цзяню незаменимого помощника, несравненного лазутчика — Чжан-сунь Шэна. Находясь в 578 г. в посольстве, Чжан-сунь Шэн подружился с Шаболио, тогда еще только удельным князем, пленив его ловкой стрельбой из лука[27]. Он сумел использовать свои связи с тюркютскими князьями, натравив их друг на друга.

---

23 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.1. С.236; Liu Mau-tsai Die chinesischen Nachrichten... Anm.242. Разоренные области находились в современных провинциях Ганьсу и Шаньси.

24 Бичурин Иакинф. История Тибета... С.85.

25 См.. Алексеев В.М. Древние китайцы...

26 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.1. С.231.

27 Julien S. Documents... Vol. 3. P.357.

В конце 582 г.[28] китайцам удалось отразить тюркютов, а Чжансунь Шэн сумел посеять зерно раздора между тюркютскими ханами. Кара-Чурин Тардуш-хан, сильнейший из удельных князей, заключил сепаратный мир и вывел войска из Китая[29].

Лето 583 г. принесло китайцам новое облегчение: тогоны, напавшие на Линтао, были наголову разбиты[30], а вслед за этим потерпел поражение Або-хан[31]. Победа Шаболио спасла от разгрома тюркютскую армию, однако китайский лазутчик Чжан-сунь Шэн сумел поссорить Шаболио и Абохана.

Через доверенное лицо он обратился к Шаболио с такими словами: «Не странно ли, что когда во главе тюркютских войск стоите вы, их всегда ожидает победа, когда же руководство боем переходит в руки Або-хана, то их поражение неизбежно? А между тем численность войск, которыми располагаете вы и Або, в сущности одинакова. Ведь этот позор покрывает стыдом и вашу особу. И что же теперь, когда вы, нанося ежедневные поражения врагу, находитесь в ореоле славы, а Або, ведя дело к проигрышу кампании, покрывает тюркютов бесславием, вы по-прежнему полагаете возможным ограничиться одними лишь замечаниями? Когда-то вы мечтали уничтожить «северное ханство» [т.е. удел Торэмена]. Не дерзнете ли вы это сделать теперь?»[32].

В то же время Чжан-сунь Шэн внушал Або-хану: «Так как Датухан[33] заключил союз с домом Суй, то Шету не в состоянии будет удержать за собой верховную власть над тюркютским народом. Не лучше ли было бы вам поэтому своевременно примкнуть к этому союзу и стать под покровительство императора? Это дало бы вам большую силу и было бы благоразумнее избранного вами пути — терять свои войска, исполняя волю Шету, и, точно преступник, сносить его оскорбления»[34].

Слухи о возможной измене Торэмена достигли Шаболио, и он решился на шаг, повлекший за собой гибельные для тюркютской державы последствия.

Усобица. В феврале — марте 584 г., в отсутствие Торэмена, Шаболио напал на его ставку. Во время резни погибла мать Торэмена. Поскольку всем было ясно, что это произошло по китайским проискам. Торэмен оказался в кровной вражде с китайцами. Он бежал на запад к Кара-Чурину

28 Бичурин Иакинф. История Китая.
29 Julien S. Documents... Vol. 3. P.365; Грумм-Гржимайло Г.В. Западная Монголия... С.229.
30 Бичурин Иакинф. История Китая.
31 Там же.
32 Julien S. Documents... P.365.
33 Тардуш-хан, т.е. хан Западного крыла. Подразумевается Кара-Чурин Тюрк.
34 Julien S. Documents... P.366; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.100-101.

Тюрку-тардуш-хану. Необузданность и несправедливость Шаболио, видимо, вызвали возмущение в орде. Кара-Чурин дал Торэмену войско; сверх того, к нему присоединились 100 тыс. человек из его бывшего аймака[35], а также удельные ханы Турксанф (Таньхань-хан) и Тегин-шад[36]. Торэмен имел под своим началом такие силы, что Шаболио не мог надеяться на успех. Даже брат его Чулохоу оказался на стороне повстанцев[37], а кидани в тылу подняли восстание[38]. Осенью 584 г. Шаболио предложил Китаю мир и союз.

С аналогичными предложениями пришли послы и от Тардуш-хана. Ян Цзянь оказался господином положения, но этот умный и хитрый политик видел, что спасла его только распря в каганате. Он писал, что китайским войскам не под силу вести активную борьбу с тюркютской конницей, и поэтому отверг предложение князя Гуана[39] воспользоваться несогласием ханов и перенести войну в степи. Было еще одно обстоятельство, весьма важное для Ян Цзяня и всего Китая. Окитаеные сяньбийцы в северных областях могли в любой момент найти общий язык с тюркютами, тем более, что царевна из дома Чжоу направляла мысли и чувства хана Шаболио. Очевидно, по предварительной договоренности царевна предложила императору признать ее дочерью, а ее мужа, хана, сыном. Ее просьба была немедленно удовлетворена.

Это событие означало, что новая династия признает традиции, которые уцелели от прежней. Иными словами, были подтверждены привилегии сяньбийских помещиков на северной границе и восстановлена меновая торговля с кочевниками, т. е. замаскированная дань[40].

Нота, которую Шаболио направил в Китай, выдержана в крайне независимых тонах. Содержащиеся в ней требования таковы, что предъявлять их мог бы скорее победитель, нежели просящий помощи. Ссылаясь на то, что император его усыновил, хан предлагал считать их имущество общим, как в патриархальной семье: «Все овцы и лошади моего царства суть скот императора, так как его шелковые ткани суть мои. Здесь нет взаимной разности»[41]. Хан не мог не понимать, что ценность его скота значительно ниже запасов шелка тридцатимиллионного населения Китая, но именно к такому обмену он стремился, диктуя цены на шелк и скот. Тут-то и разгневаться бы вспыльчивому Ян Цзяню, но он проявил совершенно необъ-

---

35 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.236. В цифру я не верю. Скорее, это общая численность орды, и, следовательно, войска было 15-20 тыс.

36 Он был двоюродным братом Шаболио (см.: Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.49).

37 Julien S. Documents... P.357; Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.230-231

38 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.238.

39 Ян Гуан, впоследствии император Ян-ди.

40 Грумм-Гржимайло Г.Е. излагает эти события иначе, следуя буквально династической хронике, воспринятой им некритично (см.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.232).

41 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.237.

ясннмую выдержку н послал посольство с дарами, как в доброе старое бэй-чжоусское время.

Посол требовал от хана только одного — назваться вассалом и принять нмператорскую грамоту на коленях. Хан покапрнзннчал, поупрямился н согласился. Это номинальное подчнненне было необходнмо Ян Цзяню для престижа, но по существу не нмператор, а хан получнл все, что он хотел, т.е. шелковую валюту, разрешенне временно откочевать со всем народом к китайской граннце, так как на севере его прижнмалн кидани н сторонникн Торэмена, одежду н пнщу для своих воинов н даже военную помощь, причем экспедицнонным корпусом командовал тот самый князь Гуан, который мечтал истребнть тюркютов[42].

Примеру Шаболио последовал Кара-Чурнн Тюрк, признавшнй себя в 584 г. вассалом суйской нмпернн. Ему также был необходим шелк, и его друзья, согдийские купцы, настоятельно требовали, чтобы в степи был восстановлен мир н обеспечено безопасное передвиженне караванов. Поскольку дары нмператора былн вполне реальны, а вассальная зависнмость неощутима, то оба ведущих хана охотно пошли на мир с Китаем, полагая, что они фактическн выиграли войну. Этот союз остановил успехи Торэмена, начавшего было наступленне на восток. Шаболно разбил его войска, а с тылу на него ударили абары, непосредственные подданные Кара-Чурина. Напав на незащнщенную ставку Торэмена, онн захватили в плен его жену и детей. Китайская армня, сопровождавшая войска Шаболио, отбила у абаров семью Торэмена[43]. Пленные были переданы Шаболио, который за столь ценный подарок расплатился тем, что очнстил завоеванную в начале войны территорию и восстановил граннцу по велнкой пустыне Гобн.

Несчастный Торэмен потерял все: мать, жену, детей, родную землю[44]. Он был вынужден покннуть любнмые просторы степей и отступить со своими последними сподвнжникамн на юг, где его пристанищем стал г. Пайкенд (около Бухары)[45].

Торжество лествичной системы. Победа, одержанная Шаболио, сохранила ему власть, но не восстановила мира среди тюркютов. Победивший хан чувствовал себя в степи настолько неспокойно, что в начале 587 г. обратился к китайскому императору с просьбой «разрешить

42 Там же. С.238

43 Julien S. Documents... Vol. 3. P.499. Ошибочность перекодк этого мести у Бнчурнвк (Собринне снедений... T.I. С.238) отметил Грумм-Гржимайло Г.Е. (Западная Моиголин... С.232). Однако последний относит племи кба к телеской группе, что не находит подтверждения, так как кбары были самостоятельным племенем

44 Согласно источинку, он был кзят к плен. Ни описку или ошибку и Суй шу указывает Liu Mau-tsai. (Die chinesischen Nachrichten... S.527).

45 Титул Торэмена — Або-хан к форме Абруй или Абаруй был известен Абуль Хксану Абд-ар-Рахману Мухкммеду кн-Нишабури, кктору книги Сокровищницы знаний, отрывок яз которой вошел н Историю Бухиры Наршкхи: С.12 и сл. (ср.: Толстов С.П. Тирания Абруя... С.10- 11). Реконструкция событий, сделанния Толстовым С.П., не может быть принята, но приоритет отождествления Абруя с Або-хином принадлежят ему

поохотиться» в его владениях около Хуанхэ. Просьба была удовлетворена, и хану были посланы съестные припасы, но это не спасло положения. Ставка Шаболио внезапно сгорела, и сам он от «неприятного впечатления»[46] умер.

Сын хана Юн Йоллыг (кит. Юн Юйлюй) отказался сесть на престол, который по закону должен был достаться его дяде и врагу его отца Чулохоу. Однако тут дело не в личных качествах царевича, который к тому же впоследствии вел себя смело и энергично. Надо думать, что решающую роль в наступившем примирении сыграли массы тюркютских дружинников, которым междоусобица была ни к чему. Они вспомнили закон о лествичном престолонаследии и принудили своих ханов к соблюдению его и компромиссу.

Юн Йоллыг отправил посла к Чулохоу с предложением занять престол[47], но тот, вероятно не доверяя искренности царевича, отказался и сам предложил ему свою покорность. Но царевич возразил категорически и убедительно: «Вы, Чулохоу, который были так долго врагом моего отца, вы подчинитесь его сыну, еще ребенку. Трон принадлежит вам согласно нашему закону и согласно приказу моего отца, который вас назначил своим преемником. Вы должны подчиниться»[48]. По сути дела подчиниться должны были оба хана; над ними обоими стояла воля их копьеносных дружинников. Они выбрали из числа претендентов того, кто «был храбр и одарен соображением»[49], т. е. Чулохоу.

Воцарение[50] его сразу разрядило напряжение. Многие из числа сторонников Або-хана, очевидно поддерживавшие его исключительно из вражды к Шаболио, перешли на сторону нового хана. Кара-Чурин тоже перестал активно действовать против центральной власти и поссорился с Або-ханом, который оказался в полной изоляции (585 г.).

46 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.239.

47 Julien S. Documents... Vol. 3. P.504-505. Гумилев Л.Н. Удельно-лествичная система. С.66.

48 Degnignes J. Histoire generale des Huns, des Turks, des Mogols et des autres Tartars occidentaux avant et depuis J.C. jusqu'a present. Paris, 1756. T.I-II. P.405.

49 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.239.

50 Здесь наши источники содержат весьма важное разногласие, ценное с точки зрения китайского понимания тюркютских порядков. В Суйшу Чулокоу назван Шеку-ханом (т.е. джабгу- или ябгу-ханом), а в Ганму — Мокэ-ханом, что воспроизводит титул Бага-хана при обычном в тюркских языках переходе б в м (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.239). На это разночтение обратил специальное внимание Лю Мао-цзай, предположивший наличие простой ошибки, ибо сын Шаболио также назван ябгу (Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.54, 102, 529, 555). Однако при учете лествичного порядка и описанного препирательства между претендентами разночтение приобретает смысл. Значение термина ябгу — исполняющий обязанности, а бага — божественный, милостью божьей царствующий. Следовательно, пока Чулокоу не решался принять власть, он был ябгу-ханом, т.е. заменяющий хана. После достижения договоренности он стал Бага(Мокэ)-ханом, т.е. ханом милостью божьей. Юн Йоллыг, сохранив власть над уделом своего отца и право на наследование престола, в результате достигнутого компромисса получил титул ябгу. Так как Чулокоу вскоре погиб, новый его титул не успел стать привычным и в китайских хрониках уцелели оба, но следует отметить, что составитель Ганму проявил больше исторической чуткости, чем авторский коллектив, обрабатывавший в середине VII в. записи эпохи династии Суй (см.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.20).

Чулохоу вместе с престолом унаследовал и политику своего брата. Он подтвердил союз с империей Суй и повел открытую войну против своего бывшего друга Або-хана, положение которого тем временем стало еще хуже.

Пайкендская трагедия. Разбитые полчища Або-хана откатились на запад через Джунгарские ворота и Чуйскую долину, где не решились остаться из-за того, что Кара-Чурин порвал союз с их вождем. Они откочевали на южную окраину каганата, надеясь, что отдаленность даст им вожделенную безопасность.

О появлении тюркютов в пределах Бухарской области в «Истории Бухары» рассказано так: «Люди, приходившие сюда из Туркестана, селились здесь, потому что в этой области было много воды и деревьев, были прекрасные места для охоты; все это очень нравилось переселенцам. Сначала они жили в юртах и палатках, но потом стало собираться все больше людей, и переселенцы стали возводить постройки. Собралось очень много народа, и они выбрали [из своей среды] одного и сделали его амиром. Имя его было Абруй»[51].

Легко догадаться, как вели себя воины Або-хана на беззащитной подвластной им земле. О состоянии дисциплины в тюркютской армии достаточно определенно сообщил Ян Цзянь, тогда еще генерал Чжоуского государства (563 г.): «...тюркютские ратники пренебрегают и наградами и наказаниями, мало уважают своих начальников и по большей части не соблюдают порядка»[52]. Но тюркютские ратники отнюдь не пренебрегали добычей и весьма уважали грабеж. Поэтому не удивительно, что «История Бухары» сообщает следующее: «По прошествии некоторого времени власть Абруя возросла, он стал жестоко править этой областью, так, что терпение жителей истощилось. Дикханы и богатые купцы ушли из этой области в сторону Туркестана и Тараза, где выстроили город и назвали его Хамукат... Оставшиеся в Бухаре послали к своим вельможам послов и просили защитить их от насилий Абруя. Вельможи и дикханы обратились за помощью к царю турок, Кара- Джурин Турку, которого за величие народ прозвал Биягу[53]. Биягу тотчас послал своего сына Шири-Кишвара[54] с большим войском. Тот прибыл в Бухару, в Пайкенде схватил Абруя и приказал, чтобы большой мешок наполнили красными пчелами и опустили туда Абруя, отчего он и умер«[55].

---

51 Наршахи. Истории Бухары... С.12. Слонн из своей среды в тексте подлинника отсутствуют.

52 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.232.

53 Биягу (в Суйшу — Буге) Шаванн понимает как Бильге, т.е. мудрый (см.: Chavannes E. Documents... P.355). Мы считаем, что здесь уместнее эквивалент Бокэ, т.е. герой (см.: Гумилев Л.Н., Маршак Б.И., Хван М.Ф. Спор о древних тюрках).

54 Буки. лев племени , калька с тюркского Иль-Арслан

55 Наршахи. История Бухары... С.12-13.

Но победа иад Торэменом Або-ханом на самом деле далась гораздо труднее. Первая попытка Кара-Чурнна расправиться со своим бывшим союзником кончилась неудачей[56]. Тогда западный и восточный ханы заключили перемирие н времеиный союз против узурпатора. Войска восточных тюркютов повел на запад бывший друг Кара-Чурнна и Торэ-мена — Чулохоу[57]. По дороге он распустил слух, что с ннм вместе движется китайскнй вспомогательный корпус, и демонстративно выставлял знамена, подареиные ему суйскнм императором. Это повлияло на колебавшихся и наименее скомпрометнрованных. Многие нз сторонников Торэмена перешли на сторону Чулохоу.

Войсками западного хана командовал его сын Янг Соух-тегин, названный в персидском источнике Шири-Кишвар. Кроме того, прислали или обещали прислать подмогу еще два хана, очевидно Юн Йоллыг и старший сын Кара-Чурина — сибирский «Богатырь-князь». Весной 587 г. союзные войска заставили мятежников принять битву где-то около Бухары.

Торэмену н его сподвнжникам отступать было некуда. Греческий нсточник сообщает, что «враги героически сражались, но, после того как узурпатор пал, его армия обратилась в бегство. После большого побоища хаган снова стал господииом своей собственной территорни. Хаган оповестил через послаиника императора Маврикня об этих успехах...»[58]. «Покончив с гражданской войной, хаган заключил договор с таугастами, чтобы мочь, шествуя в глубоком покое, управлять государством мирно»[59], а китайский летописец по этому поводу просто приводит слова первого мнинстра: «Когда родные истребляют друг друга подобно ядовитым иасекомым, то надобио нх щадить, чтобы показать великодушие»[60]. Здесь некоторую роль может нграть ассоциация: «ядовнтые насекомые» — «красные пчелы». Главное же здесь — совет демонстрнровать свое великодушие, заботясь об авторитете Суйского дома среди кочевнников: можно щадить

---

56 Феофилакт Симокатта. Истории... С.161.

57 Имена великих каганов, пришедших на помощь автору письма к императору Маврикию, т.е. Кара-Чурину, мы толкуем как тюркскую фразу, не понятую переводчиком: Спарзебгул, Кунаксолан Тульдих Isbara jabgu qunaq qa sol(d)an toldy = Ышбара-ябгу и гости [по приглашению] с левой стороны [с востока] наполнил... [наступил, наводнил войсками...] (подробнее см.: Гумилев Л.Н. Биография тюркского хана... С.73).

58 Письмо было доставлено в Константинополь в 596 г. (Grafenauer. Nekai vprasani iz dobe naseljevania juznih Slovanov // Zgodovinski casopis. Liubliana. T.IV. 1959. PP.63-64).

59 Феофилакт Симокатта. Истории... С.161-162.

60 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.239.

врагов потому, что они сами истребляют друг друга (как будто милость или жестокость хоть в какой-то мере зависели от китайцев!)[61].

Однако прежде чем этот мир был заключен, еще один из участников великой распри потерял свою жизнь. После разгрома и умерщвления Торэмена, которое совершилось без внимания к ханьским советам суйского правительства, восточные и западные тюркюты рассорились снова. Ссора была не случайной: восточные тюркюты претендовали на главенство, западные — на самостоятельность. Вооруженное столкновение не заставило себя ждать. Зимой 587/88 г. Чулохоу двинулся на запад против Тардуш-хана, с которым у него возобновилась вражда. Войска Чулохоу были разбиты, а сам он погиб[62].

Последствия этого события сказались не сразу, но они стали решающими для судьбы каганата. До сих пор война между восточными и западными тюркютами носила характер династической распри. Не было никаких экономических, политических, идеологических причин, которые бы стимулировали вражду между двумя разделами одного племени. Но в VII в. кровная месть была тем же, чем в XVI в. стала война за веру, а в XIX в. — борьба за прибыли. Родственники убитых дружинников Чулохоу не могли и не хотели помириться с западными тюркютами. Такая возможность просто не могла прийти им в голову. Поэтому война продолжалась до 593 г., когда мир с Кара-Чурином заключил Юн Йоллыг, сын Шаболио, ставший ханом после смерти своего дяди. Владея собственным улусом, Юн Йоллыг не принял участия в походе 587-588 гг., и его дружинники имели право прекратить распрю с западными тюркютами. Мир 593 г. восстановил единство каганата и стабилизовал границы между уделами.

Кара-Чурин, ставший самой крупной персоной империи, посадил в Пайкенд своего внука Нили-хана[63] или, может быть, его отца Янг Соух-тегина, судьба которого будет изложена ниже.

За время распри тюркютами была утрачена часть западных владений, так как Византия вернула в 588 г. Боспор[64], но тюркюты вознаградили себя на востоке, разгромив и подчинив себе княжество Гао-чан[65].

---

61 Разница между китайской, персидской и греческой версиями невелика и определяется различной степенью осведомленности. Греки только констатируют гибель мятежника, персы описывают его ужасный конец, а китайцы уклоняются от дачи сведений. Согласно персидской версии, Турум-Джлобянь-Абруй был взят в плен сыном Кара-Чурина, Шири-Кишваром. Толстов С.П. полагает, что это имя отражено в имени сына Дяньгу, Янсу-тегина (Marquart J. Wehrot und Arang. Leiden, 1938. S.151; Толстов С.П. Тирания Абруя... С.10). Как мы видим, персидская версия не противоречит китайской, согласно которой не сам Чулохоу взял в плен Торэмена, но это событие произошло в его царствование.

62 Гумилев Л.Н., Мкршак Б.И., Хван М.Ф. Спор о древних тюрках.

63 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.279.

64 Артамонов М.И. Очерки... С.40.

65 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.II. С.279.

За кулисами. Греческий историк не случайно отметил «миролюбие» тюркютского хана, о котором последний оповестил двух императоров и которое привело к гибели его кузена.

Сопоставляя тексты и учитывая обстановку VI в., легко разгадать подоплеку происходивших событий.

Транзитная торговля, служившая основным источником дохода для тюркютских и в особенности западнотюркютских ханов, контролировавших участок караванного пути от Хами до границ Персии, была немыслима в условиях военного времени. Кара-Чурин поддержал Абохана Торэмена для того, чтобы ослабить Шаболио, но, как только Торэмен оказался хозяином караванного пути и его голодные солдаты сделали невозможной торговлю, Кара-Чурин сообразил, что ошибся, и быстро переориентировался на союз с Китаем. В то время война питала войну. Воины Або-хана, не имея средств к существованию, кормились за счет подчиненной области, а когда эта область с осени 585 г. ограничилась южной частью Мавераннахра, то прокорм стотысячной орды стал для нее непосильным бременем. Кто имел средства, эмигрировал к Кара-Чурину Тюрку, впоследствии принявшему титул Боке-хана. Беглецы просили помощи для борьбы против отрядов Або-хана, которые при всем желании не могли вести себя иначе.

Дружба согдийских купцов с тюркютскими ханами, заведенная еще в 60-х годах VI в. Истеми и Маниахом, продолжалась и при их детях. Кара-Чурин Тюрк выдал свою дочь за согдийского князя[66]. Так как согдийские купцы были монополистами, то им ничего не стоило переложить расходы по содержанию тюркютского хана на потребителя и тем самым обеспечить свою безопасность за чужой счет. Поэтому согдийские аристократы одаривали тюркютских вельмож щедро. Когда же полчища Або-хана наводнили среднеазиатское Междуречье, то купцы и дикханы нашли приют у западнотюркютского хана. Не без их участия Кара-Чурин изменил курс своей политики и, вместо того, чтобы в союзе с Торэменом воевать против Китая, расправился с ним, заключил мир и союз с Китаем и в 589 г. послал на войну с Ираном своего сына. Бедное же население, привязанное к своим земельным участкам, принуждено было и в 587 г. оставаться на месте, кормя ветеранов Абохана, хорошо усвоивших тюркютскую поговорку «нет тюрка без тата» (тат — земледелец, подчиненный кочевникам).

Противоречие, погубившее Або-хана — Абруя, определялось борьбой ограбляемых татов с голодными тюркютами. Наршахи с полной определенностью утверждает, что «все богачи и знатные дехканы выселились, а

66 Chavannes E. Documents... P.132.

бедные и низшее сословие осталось в Бухаре» и что «они послали к своим вельможам послов и просили защитить их от насилий Абруя»[67]. Новый режим, основанный на произволе и терроре, был куда более жестоким, чем старый, включавший в себя патриархальные отношения[68]. Поэтому вельможи и пришедший с ними тюркютский царевич были приняты как освободители. Однако от своего освобождения бедняки выиграли немного, так как «стали слугами вернувшихся из Хамуката»[69], т. е. купцов и дехкан. К концу тюркютского периода и к началу арабского завоевания политический строй Средней Азии можно определить как «неограниченное господство земельной аристократии»[70], и надо полагать, что тюркюты в этом процессе сыграли роль катализатора.

Распря возникла в каганате не случайно. Само по себе наличие многочисленных почти самостоятельных ханов являлось достаточной причиной для того, чтобы личные отношения переросли в гражданскую войну. Вместе с этим мы не можем наметить никаких программ у борющихся сторон. Принадлежность к той или другой группировке объясняется личными симпатиями или антипатиями тюркютских воинов и бегов.

Предположение, что вокруг Торэмена сгруппировались демократические элементы тюркютского общества, стремящиеся к продолжению борьбы с Китаем, а вокруг Шаболио — китаефильские элементы[71], не подтверждается. На стороне Торэмена мы видим почти всех удельных князей, даже брата Шаболио — Чулохоу. Шаболио сам всеми средствами и силами боролся с Китаем и только в безвыходном положении обратился к помощи Суйского дома, Торэмен же против Китая отнюдь не выступал[72]. Скорее всего перед нами обычная династическая распря, движущими мотивами которой являлись честолюбие князей и алчность их дружинников, а после первой пролитой крови — жажда мести.

Борьба закончилась лишь тогда, когда из четырех ее участников трое умерли. Новый хан, Юн Йоллыг, был «слаб и боязлив»[73], и Кара Чурин, лишенный возможности стать законным ханом, сделался фактически властителем империи.

Итак, принцип удельно-лествичной системы, с одной стороны, создал условия для династической распри, а с другой — для умиротворения, так как гибкость системы позволила борющимся сторонам найти комп-

67 Наршахи. История Бухары... С.13.

68 Толстов С.П. Тирания Абруя. С.28-29.

69 Наршахи. История Бухары... С.13.

70 Бартольд В.В. Туркестан... С.182.

71 Толстов С.П. Тирания Абруя. С.22.

72 Слова Чжан-сун Шэна в императорском совете: Каковы бы ни были преступления Або, он не показал неблягодарности к империи (см.: Julien S. Documents... P.507).

73 Ibid. P.504.

ромиссиое решеиие. Тюркютская держава в 90-х годах VI в. продолжала оставаться виутреиие крепкой и грозной для соседей. С этим не мог примириться суйский Китай.

Тюркюты рассматривали Китай как источиик своих доходов, китайцы видели в тюркютской державе вечиую угрозу для своих грaииц. Польза от общеиия с кочевииками для китайцев была ничтожиа, а вред колоссалеи. Поэтому сильиое китайское правительство не могло допустить коисолидации кочевииков, и борьба против державы Ашииа стала насущиой задачей Суйского дома.

Глава X

ПОХОД НА ИРАН

Накануне войны. Кара-Чурин Тюрк уничтожил своих соперников, прикончил племянника и расправился с его сподвижниками — своими единоплеменниками — только для того, чтобы беспрепятственно богатеть, продавая через согдийских купцов шелк, полученный им из Китая в награду за фиктивное подчинение. Однако этот путь обогащения стал еще менее возможен, чем десять лет тому назад, перед началом великой распри. Иран и Византия вели упорную и беспощадную войну, и нечего было и думать, что персидский шах пропустит в Константинополь хоть один лишний караван. Положение осложнилось еще тем, что официально тюркюты и греки находились в состоянии войны. Правда, эта война не велась уже семь лет, но отсутствие мирного договора мешало обмену посольствами и затрудняло координацию военных действий против Ирана. А союз был равнонеобходим и грекам, и тюркютам, так как у них были общие враги и общие интересы.

Если бы удалось сломать иранский барьер и шелк широкой струей потек бы в эргастерии византийских патрикеев, тогда было бы на что нанимать у германских конунгов их дружины и возможно, что Византия не утеряла бы гегемонии в Европе. Тогда бы наполнилась золотом Согдиана, у тюркютов ускорился бы процесс классообразования и эль превратился бы в феодальное государство, а от Ирана, по выражению Фирдоуси, остался бы кусочек воска. До тех пор, пока внутренняя война разрывала тело каганата, тюркютские ханы не могли вести активной внешней политики, но, как только наступило затишье, проблема «шелкового пути» оказалась на первом месте, а равно и возникла необходимость договориться с Византией, так как несогласованные военные предприятия были заранее обречены.

Официального союза не было заключено, но нашелся посредник, грузинский царь Гуарам Багратид, при помощи которого в 589 г. была достигнута координация всех антииранских сил[1], благодаря чему «враги окружили Персию, как тетива концы лука»[2]. Задуманное предприятие было небезнадежным, но отнюдь не легким. За свою долгую историю Иран

1 Brosset M Histoire de la Georgie depuis l antiquite jusqu au XIX-e siecle. SPb., 1894. PP 220-221

2 Tabari. Noeldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879 S.270.

то достигал вершин могущества и славы, то низвергался с этих вершин и разбивался на части. Для того что оценить по достоинству его силы и возможности в VI в., мы должны бросить хотя бы беглый взгляд на его историю.

Сила и слабость Ирана. Ахеменидская империя стала анахронизмом еще до рокового 330 г. Основанная на ассирийских традициях, она стремилась быть только военной деспотией и в этом отношении перещеголяла свою кровавую предшественницу. Вместе с тем, необходимоть укрепления власти заставила Ксеркса и его преемников начать религиозные гонения (Антидевовская надпись Ксеркса) как против иноверцев, так и против ортодоксальных последователей Заратуштры, не признававших религиозного главенства царя царей[3].

Политический, идеологический и экономический узлы затягивались туже с каждым годом, и неудивительно, что серебряный блеск аргироспидов[4] в первую минуту показался азиатским народам солнцем освобождения от векового гнета. Но вскоре стало ясно, что организованный деспотизм сменился анархическим произволом и что диадохи ничем не лучше, а, может быть, даже хуже пасаргадских владык. Однако несмотря на это к старому никто не стремился. Сирийцы и египтяне сумели приспособиться к грекам, а восточные иранцы, нерастленные до конца деспотизмом, нашли в себе силы для борьбы и победили. Парфия создавалась копьеносными всадниками, и немудрено, что эти 240 семейств стали знатью наряду с семью древними родами. Но чтобы закрепить внезапную победу, парфянам пришлось пойти на выучку к грекам, и побежденный на поле битвы эллинизм пропитал собой мировоззрение своих победителей. Они любовались камеями и геммами, зачитывались Платоном, аплодировали трагедиям Эврипида и за крепкими стенами своих замков забывали, что народ готов перенести свою ненависть к былым поработителям на «освободителей и защитников». Парфянская знать утеряла связь с народом, и это ее погубило в 224 г., когда народ сказал свое слово.

Однако Арташир Бабаган, зверски истребивший членов царствовавшего дома, пощадил 240 семейств, так как аристократия была ему нужна. Молодое сасанидское государство уже на первых порах своего существования принуждено было вести жестокие войны, и Арташир понимал, что было бы крайне неразумно самому истребить свою конницу, т.е. наиболее боеспособную часть войска. Так шахская власть, опирающаяся на свободное крестьянство, вступила в союз с военной аристократией, отказавшейся

3 Струве В.В. Родина зороастризма // Труды ЮТАКЕ. М.-Л., 1948. Т.1.

4 Букв. среброщитные (ударный полк македонской фаланги с посеребренными щитами).

от выродившегося за пять веков эллинизма и связавшей свою судьбу с иранской культурой.

Военная удача сопутствовала первым Сасанидам. В их руках оказались Иран до Бехруда[5] на востоке, Месопотамия до Евфрата на западе и Закавказье вплоть до Дербента на севере. Персидское царство превратилось в империю, но народы, включенные в ее состав, сохраняли присущее им общественное устройство: горцы Дейлема и арабы Ирака — своих родовых вождей; христианские, еврейские и гностические общины городов Месопотамии — свое самоуправление; а армяне — даже царскую власть под протекторатом шахиншаха.

Сасаниды оказались во главе целого культурного мира, и это обстоятельство было источником их силы и слабости в равной мере. С одной стороны, в сасанидской империи имелось все, что было необходимо крупному государству того времени: развитое земледелие и свободное крестьянство, из которого составлялась пехота; знать, из которой вербовался командный состав армии и администрация; остальная аристократия, представлявшая собой ударное конное войско. Кочевые племена восточного Ирана и Ирака давали продукты скотоводства и вспомогательную легкую конницу, а храбрые горцы Дейлема охотно служили шахиншахам за одну военную добычу. Наконец, в городах Месопотамии процветали ремесла и торговля[6].

Интеллектуальная область была монополизирована собственно персами и делилась между духовенством-мобедами и писцами. Казалось бы, что все обстояло весьма благополучно, но на самом деле, все было очень плохо, так как эта ситуация имела свою оборотную сторону. Все перечисленные группы, включая шахское правительство, имели весьма противоречивые, даже непримиримые интересы, неразрешимые мирным путем, и, к великой беде Ирана, все эти группы были достаточно сильны, чтобы отстаивать себя силой оружия.

Шахское правительство стремилось не только считаться, но и быть самодержавным, следовательно, оно должно было вступить в конфликт с аристократией, владевшей львиной долей богатств страны и стремившейся во что бы то ни стало иметь на престоле слабого шаха, неспособного обуздать своеволие знати. Затем, союз с зороастрийским духовенством означал политику религиозных гонений на христиан, на гностические секты и еврейскую общину, а именно эти категории населения были наиболее экономически сильны, так как в их руках была торговля.

Чтобы обеспечить себе союз с ними, важный как в смысле получения денег, так и в смысле использования их против главного внешнего врага —

---

5 Wehrot — Аму-Дарья.

6 Пигулевская Н.В. К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье // СВ. 1955. N 6. С.72-80.

Византии, нужно было занять позицию религиозного индифферентизма и полной терпимости, а тогда начинало противиться зороастрийское духовенство. Горные и степные племена охотно подчинялись персидскому шаху на словах, но на деле хотели быть вполне независимы; следовательно, чтобы получать с них налоги, хотя бы самые минимальные, нужно было применять силу. Короче говоря, шаханшах, для того, чтобы удержаться на золотом престоле, должен был все время искать союзников и постоянно менять их, чтобы не дать ни одной группе усилиться. Это удавалось не всегда.

Вместе с тем перечисленные группы боролись не только с шахской властью, но и между собой. Христиане пытались разрушать храмы огня и проповедовать Евангелие среди персов, причем они требовали, чтобы шах разрешил им это. Свободные дехканы, составлявшие пехоту, ненавидели аристократию, племена горцев враждовали со степняками и персами и т.д. Для того чтобы править при таком столпотворении, шах должен был иметь собственные средства и силы, а так как их первое время было мало, то понятно, что на престол то и дело попадали марионетки вроде Бахрама Гура, Балаша и Джамаспа, выдвигаемые аристократией.

Самый замечательный из шаханшахов, Кавад, попробовал организовать борьбу с засильем знати, поддержав движение маздакитов, но чуть было не променял кукушку на ястреба, так как маздакиты, изрядно потрепав аристократию, сорганизовались в новую партию, готовую бороться за себя против всех.

Так в общих чертах обстояли дела при восшествии на престол Хосроя Нуширвана. Но все радикально изменилось к моменту его смерти. Если до Хосроя шел процесс не только механического включения, но и органического освоения разнообразных культурных типов общей иранской культурой, что и создало ее великолепное разнообразие в единстве, то с середины VI в. тот же самый диалектический процесс вызвал обратное явление: исчезновение доселе активных группировок и усиление уцелевших за счет исчезнувших.

Именно в середине VI в. наблюдается перелом, приведший к гибели сасанидскую монархию. Во-первых, победа маздакитов, хотя и временная, расшатала силы аристократии настолько, что последняя никогда уже не могла вернуть себе прежнего положения. Во-вторых, разгром маздакитов в 531 г. полностью уничтожил самостоятельное значение азадов — свободных крестьян, так как наиболее активная их часть погибла во время разгула террора. В-третьих, неудача восстания Анушзада окончательно обескровила и обескуражила христианскую общину в Иране, и с этого времени христиане становятся верными слугами шаханшаха. Равным образом зороасрийское духовенство, испытав дважды смертельную угрозу (от Маздака

и от Анушзада), убедилось, что лишь твердая власть спасет его от неминуемой гибели; занятая же правительством позиция, согласно которой в Иране воспрещалась перемена религии под страхом смертной казни, вполне устраивала мобедов, так как зороастрийской религиозной системе прозелитизм чужд, как, впрочем, и большинству примитивных религий.

Дейлемиты, армяне и арабы в царствование Хосроя и Хормизда были лишены большей части своей былой самостоятельности и перестали играть активную роль в государстве. Все это произошло не вследствие особой гениальности Хосроя Нуширвана, хотя ему нельзя отказать в таланте правителя, а лишь потому, что шаханшах наконец получил в свои руки средства и силы, т. е. войска, которых раньше в таком количестве и такого качества не имел ни один персидский царь.

Дело в том, что Хосрой разгромил маздакитов руками той аристократической молодежи, чьи отцы, как наиболее непримиримые, лишились жизни и имущества. Вознаградить своих сподвижников материально он не мог, так как хозяйство страны было подорвано взаимной резней и единственным источником доходов короны осталась торговля шелком, вернее, пошлины, взимаемые с караванов, проходивших через Иран. Этих доходов хватило на то, чтобы организовать и содержать новую армию, так как старая уничтожила самое себя. Хосрой поверстал в полки своих боевых товарищей и пополнил их ряды кочевниками-саками. Так была создана постоянная армия из 12 полков, получавшая от казны оружие и денежную плату[7].

Новое войско было уже не ополчением, а профессиональной армией. В те времена бой решали конные лучники, а умение метко стрелять давалось путем многолетней практики. Постоянная тренировка и частые походы превратили новобранцев в ветеранов, спаянных дисциплиной и духом товарищества. Опираясь на эту силу, шах Хормизд начал наступление на знать.

Византия против Ирана. Летом 589 г. положение Ирана было весьма напряженным. На западной границе шла нескончаемая война с Византией. Несмотря на частичные успехи персов, которым незадолго перед этим удалось овладеть Мартирополем, дела их ухудшились вследствие поражения под Сисавраном, близ Низибии. Византийцы осадили Мартирополь и разрушили Окбу, крепость на берегу р. Нимфия, на восток от Мартирополя[8]. Тогда же из пустыни выступили два арабских шейха — Аббас Кривой и Амр Голубоглазый[9]. Они разграбили страну

7 Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. 1936. P.362.
8 Пигулевская Н.В. Византия и Иран... С.80.
9 Tabari, Noeldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879 S.270; Tabari. Chronique... II. P.249

вплоть до Евфрата и, что особенно тяжело ударило по персам, уничтожили таможни, на которых собиралась пошлина с проходивших караванов[10].

Одновременно «по хазарской дороге»[11], т. е. через Дарьяльское ущелье, вторглись в Армению и Азербайджан тюрко-хазарские войска, а с востока выступил Савэ-шах, глава «тюрок Китая»[12], дядя иранского шаха Хормизда[13]. Союзники, видимо, учли, что в Иране назревал политический кризис. Шаханшах Хормизд большую часть своего царствования вел борьбу с аристократией; число казненных достигло огромной цифры — 13 тыс. человек[14]. Так как аристократия представляла в Иране военное сословие и командный состав армии комплектовался из родственников казненных, то понятно, что боеспособность войск весьма ослабела и границы государства оказались значительно хуже охраняемыми[15]. Чрезвычайно знаменательную картину рисует Фирдоуси, описывая совет, на котором Хормизд говорил о бедственном положении страны. Марзбаны, склонившись, сказали: «Мы все не стоим одного мобеда, а ты убил мобедов и писцов и отошел от закона и веры»[16]. Однако именно уцелевший мобед дал нужные советы. Он рекомендовал немедленно заключить мир с Византией, уступив спорные области, а отступление арабов купить посылкой им продовольствия[17]. Хазары же, обремененны добычей, побегут перед персами из страха потерять награбленное[18]. Единственная опасность — это Савэ-шах: «когда тюрк приходит из-за Джейхуна, то не следует медлить»[19].

Война на Кавказе. Вступление тюркютов в войну весьма осложнило положение персов, но в Иране было еще достаточно потенциальных сил. Враги, вторгшиеся «по хазарской дороге» 5 мая 589 г., были разбиты персидскими войсками не позже июля и в панике бежали, стремясь унести добычу[20]. На их место пришло ополчение кавказских племен — осов, дзурдзуков и дидойцев, нанятое на греческие деньги Гурамом Багратидом. Полудикими горцами руководили грузинские эриста-

10 Firdousi. Le livre des rois. VI. P.566

11 Ibid.

12 Ibid. P.568.

13 Tabari. Chronique... II. P.248; Mirkhond. Histoire des Sassanides (texte persan). Paris, 1843. P.257.

14 Ibid.

15 Tabari. Chronique... II. P.248.

16 Firdousi. Le livre des rois. VI. P.568.

17 У Фирдоуси предлагается истребить арабов, но об исполнении этого он не говорит, тогда как Табари дает подробности договора с ними.

18 Mirkhond. Histoire des Sassanides. P.258.

19 Firdousi. Le livre des rois. VI. P.568; Tabari. Chronique... II. P.249.

20 Гумилев Л.Н. Война 589 г. и Гератская битва // Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. 1960. N 2(23). С.67

вы. Единственное, на что это войско было способно, оказалось опустошение Азербайджана, не до конца разграбленного хазарами[21].

К наемникам Гуарама присоединился византийский отряд под командованием Романа[22], но и греки не стремились закрепиться на персидской территории. Скорее всего задачей их было оттянуть часть персидских войск с востока и облегчить тюркютам, наступавшим из Средней Азии, нанесение решающего удара. Уже в сентябре 589 г. эти войска очистили персидскую землю. Кавказцы без боя разошлись по домам, а грекам пришлось пробиваться через персидские войска, отрезавшие их от родины.

Еще легче справились персы с арабскими шейхами, которые за небольшие деньги отошли из Месопотамии. Но все это не решало судьбу войны.

Наступление тюркютов. В августе[23] 589 г. младший сын Кара-Чурина, Янг Соух вторгся в Восточный Иран. Семидесятитысячная персидская армия, прикрывавшая границу, обратилась в бегство, открыв тюркютам дороги в Хорасан, Талекан и на территорию древней Бактрии, где опорными крепостями были Герат, Балх и Бадгис[24]. Тут сказались низкие боевые качества персидской линейной пехоты, отмечаемые всеми источниками. В Иране возникла паника. Согласно Табари, Савэ послал сказать Хормизду: «Исправьте мосты на ручьях и реках, чтобы я мог по ним войти в вашу страну, и постройте мосты на реках, которые их не имеют. То же самое сделайте с реками и ручьями, через которые ведет моя дорога из вашей страны к румийцам, так как я намереваюсь через вашу страну туда пройти»[25]. Текст ультиматума показывает как истинную цель похода, так и согласованность действий западных тюркютов и греков.

На совете в Ктезифоне было решено послать на отражение тюркютов Бахрама Чубина, марзбана Армении и Азербайджана, из знатного парфянского рода Михранов. Бахрам принял назначение и потребовал всего 12 тыс. воинов, но обязательно в возрасте от сорока до пятидесяти лет. По существу это были ветераны, по боевым качествам весьма превосходившие обычный уровень персидских войск. Легко объяснимо, почему Бахрам предпочел пожилых людей молодым. Основной силой того времени, как уже говорилось, были стрелки из лука, а для того, чтобы научиться достаточно хорошо стрелять, требовалось не менее 20 лет. Перестрелка, а не рукопашная схватка решала судьбу сражения. Персидские стрелки к VI в. достигли

---

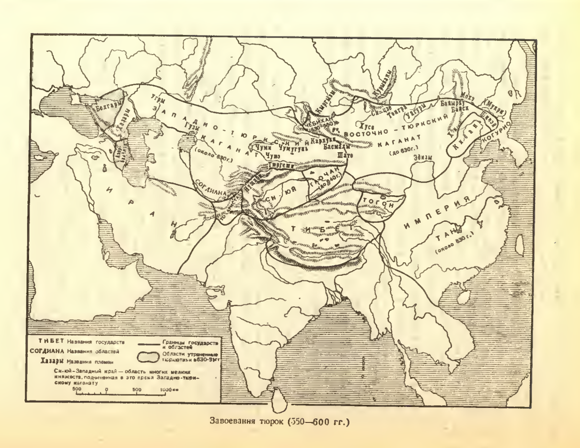
21 Brosset M. Histoire de la Georgie... Осы — осетины, дзурдзуки — племя на южном склоне Кавказского хребта, к северо-западу от Грузии; дидойцы - племя в южном Дагестане

22 Себеос. История императора Иракла. С.33.

23 Солнце в день битвы стояло в доме льва, что соответствует 22 июля — 21 августа.

24 Tabari. Chronique.. II. PP.248-249.

25 Tabari, Nldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879. S.268.



Завоевания тюрок (550—600 гг.)

вершин мастерства и тетиву притягивали не к груди, а к уху[26]. Стрела летела на 700 м и, оснащенная хорошо закаленным наконечником, пробивала панцирь.

Армия Савэ, согласно Табари, достигала 300 тыс. человек[27], а по Фирдоуси — 400 тыс.[28]. На вооружении тюркютов состояли боевые слоны[29], а у персов — «львы», т.е. огнеметы, работавшие на нефти и употреблявшиеся против слонов[30]. После первой победы тюркюты, развивая успех, быстро двигались на запад, преследуя отступающую персидскую армию. Насущной задачей персов было удержать в своих руках Балх до тех пор, пока не вступят в дело войска Бахрама. Хормизд применил прием, действовавший против простодушных тюркютов безошибочно, — дезинформацию. Он направил к Савэ одного из своих придворных, Хуррада Бурзина[31], «человека, полного хитрости, притворства и обмана»[32]. Хуррад, прибыв к Савэ, начал переговоры о мире и был столь уступчив, что вошел в доверие к Савэ. Хурраду удалось уговорить Савэ изменить направление наступления и заманить его в Гератскую долину[33]. Тем временем Бахрам форсированными переходами шел на восток. Вместо обычной дороги на Балх он прошел кружным путем через Кухистан[34] и оказался в тылу у тюркютов. Савэ шел на Герат с северо-запада, по единственной существующей там дороге по берегу Герируда.

Для понимания обстановки необходимо учесть, что Герад расположен в широкой долине, с севера и с юга замкнутой горами (с севера — горы Занджир-гох, с юга — Искальджа, или Аман-кух); на востоке горы смыкаются, зажимая Герируд в узкое ущелье. Северо-западный проход, называемый Баророн, несколько шире, — настолько, что через него возможно движение конницы. Этот проход представляет собой дефиле протяженностью около 8 км. Долина на север от Герируда до гор Занджир-гох имеет 12 км ширины. Река Герируд не глубока и в осеннее время местами переходима в брод, но в большей части непроходима вследствие быстрого те-

26 Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. СПб., 1909. С.66 и сл.; Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. Пер. С.Дестуниса. СПб., 1876. Ч.I. С.3.

27 Tabari. Chronique... II. P.248; Tabari, Noeldeke. Geschichte der Perser und Araber... S.269

28 Firdousi. Le livre des rois. VI. P.566.

29 Firdousi. Le livre des rois. VI. P.566; Tabari. Chronique... II. P.262. Фирдоуси считает 1200 слонов, Табари — 200.

30 Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. С.80-81; Балами. Тарихи Табари. Готская рукопись (на перс.яз.) С.227.

31 Чтение имени см.: Justy F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895. S.178.

32 Tabari. Chronique... II. P.259.

33 Балами указывает другое место битвы: между Хутталаном и Балхом, но Табари и Фирдоуси считают, что битва произошла у Герата. Это подтверждается еще тем, что топография Гератской долины до мелочей соответствует описанию подробностей хода битвы.

34 Tabari. Chronique... II. P.259.

чеиия. Оиа отрезает второй выход из Гератской долииы через невысокий перевал иа юго-запад[35].

Тюркюты, мииовав проход Баророи, оказались в степи Баулигох, между рекой и севериой цепью гор, имея в тылу узкое дефиле, а перед собой армию Бахрама, что явилось для иих полиой иеожидаиностью. Несомиеино, что под Гератом стояла ие вся армия тюркютов — узкий проход ие мог пропустить 300 тыс. человек, да к тому же, как выясияется из хода битвы, флаиги персов охватили тюркютскую армию. Очевидио, Савэ имел при себе иебольшие силы, рассчитывая встретить только гариизои Герата. Положеиие тюркютов оказалось крайие затрудиительиым. Хуррад Бурзии, выполнив свою задачу, иочью пробрался через цепь тюркютских дозоров и, «чтобы ие приблизился к иему деиь Страшиого суда»[36], убежал к Бахраму[37].

Помимо того, топография Гератской долииы позволяет иам высчитать возможный максимум тюркютских воииов. Поле сражеиия — равииа Баулигох — имеет в шириу 12 км[38]. Кавалеристы, чтобы быть в состояиии сражаться, должиы иметь фроитальиые иитервалы около 20 м. Следовательио, одиу лииию ие могло составлять более 2 тыс. воииов. Глубииа строя кочевииков также известиа — 10 боевых лиий. Таким образом, тюркютское войско под Гератом ие могло превышать 20 тыс. человек. Если же учесть, что долииа к западу сужается и что в цеитре тюркютской армии стояли слоиы, то и это число надо зиачительио умеиьшить. Надо полагать, что персы и тюркюты под Гератом были приблизительио в равиом числе.

Савэ, выясиив, что перед иим иовая и свежая персидская армия, поиял, что ои попал в ловушку. Его войска, а главиое коии, были истощеиы длииным походом по выжжеииым солицем сопкам Хорасаиа; позиция оказалась «узкой и иеудобиой»[39], ие допускающей возможности маиеврироваиия, тогда как позади Бахрама стоял Герат, важиый ие только как крепость, ио и как источиик сиабжеиия. Левый флаиг персидского войска опирался иа реку, а правый — иа гориую цепь. Отступать в виду

---

35 Чарыков Н.В. Описание поездки по берегам Теджеив-Герируда // Сборник географических и статистическик мтеривлов по Азии. СПб., 1884. Вып.XIII. С.138-170; Лессар П.М. Пути из Асхабада в Гервт в 1882 г. // Сборник георвфических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып.VI. С.1-38.

36 Firdousi. Le livre des rois. VI. P.589.

37 По Динавари, тюркюты Гервт взяли, в лазутчик, по имени Ормуздгурабзин, имел от шаха задвние только удержвть врагов от грвбежей; царь тюркютов знал о приближении Бахрвмв и вышел к нему нввстречу, предлагав полководцу корону Ирвнв; изложение последующих событий совпвдвет с остальными источниками (Шмидт А.Э. Материалы по истории... С. 480). По этой версии, иевсно: 1) где была битва; 2) как тюркютский царь мог верить лвзутчику, знав, что против иего послано войско; 3) зачем тюркюты вступили в битву, имев возможность маневрировать. И наконец, победв персов объвсиветсв только удвчным выстрелом Бвкрама. Рвсхождение со всеми прочими источниквми налицо, ио всно, что версив Динавари родилась вследствие небрежного сокращенив древнего текста либо самим Динввари, либо его предшественником.

38 Беленицкий А.М. Историческвв топографив Гервта VI века. Алишер Нввои. Сборник стватей. М.-Л., 1946. С.190.

39 Firdousi. Le livre des rois. VI. P.602.

вражеской армии через узкий проход было бы безумием, так как персы моментально смяли бы тюркютов. Савэ сделал попытку договориться с Бахрамом. Он предложил ему деньги, свою дочь в жены, первое место при себе и, наконец, корону Ирана, но Бахрам отверг все предложения. Оставалось биться. Согласно Фирдоуси, персы единогласно одобрили решение Бахрама. Только Хуррад Бурзин и писец БузургДабир высказались за заключение мира, но Бахрам приказал им замолчать и расположил свое войско для боя[40].

Бой. Диспозицию персидской армии мы находим у Саалиби. Бахрам поставил в первую линию пехоту, сзади нее — слонов (?!), на флангах — отборные части[41]. Кроме того, из наиболее надежных воинов был составлен заградительный отряд, имевший задачу не допускать бегства своих собственных бойцов. Его правый фланг упирался в горы Занджир-гох, левый — в р. Герируд. В тылу персидского войска был город с садами и возделанными полями, тюркюты же были принуждены довольствоваться степной и пустой частью долины. Эта диспозиция как нельзя более соответствовала принципам персидской военной теории[42].

Речь, произнесенная Бахрамом перед войском, была похожа на речи, произносимые полководцами во все времена и всегда поднимающие дух. Он сказал, что каждый должен выполнить свой долг, так как в случае бегства ни один не уйдет от меча неприятеля и не вернется к своей семье[43]. Битва началась.

Приготовления тюркютов к решительному бою и проявленная ими готовность к борьбе насмерть произвели на персов столь сильное впечатление, что в их первых рядах чуть было не возникла паника. Лишь своевременное вмешательство Бахрама, ободрившего своих соратников, предотвратило поражение[44]. Видя неуспех психического воздействия, Савэ бросил на персов кавалерию, которая потеснила их левый фланг, но на правом фланге и в центре была отбита. Ярость тюркютов была так страшна, что Бахрам стал думать о бегстве. Но Гератская долина была ловушкой не только для тюркютов, но и для персов. Горы загораживали пути к бегству, и Бахраму не оставалось ничего другого, как продолжать бой. Саалиби

---

40 Teberi. Chronique... II. P.259-261; Teberi, N'oldeke. Geschichte der Perser und Araber... S.271; Firdousi. Le livre des rois. VI. P.598, 610; Mirkhond. Histoire des Sassanides (texte persan). Paris, 1843. P.261.

41 The'elibi. Histoire des rois des Perses... P.646. В отношении слонов Саалиби, очевидно, спутал, так как, по его расскезу, они в битве не участвовали, что было бы невозможно. По другим источникам, слоны были не у персов, а у тюрок.

42 Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. С.49.

43 Teberi. Chronique... II. P.261.

44 Firdousi. Le livre des rois. VI. P.614.

считает попытку к бегству военной хитростью Бахрама[45], но Фирдоуси верит в его искренность.

Бесплодность кавалерийской атаки побудила Савэ ввести в дело слонов, на что Бахрам ответил контратакой, использовав для этого все резервы, до сих пор тщательно сохраняемые. И тут-то сказались блестящие качества персидских лучников. Их стрелы вонзались в уязвимые места слонов — в хоботы и глаза. Наряду с простыми стрелами в слонов летели стрелы огненные[46], т. е. обмотанные паклей и подожженные. Взбесившиеся от боли слоны потоптали собственное войско. Спасаясь от слонов, тюркюты нарушили строй и не смогли оказать должного сопротивления персам, бросившимся в рукопашную. Савэ бежал, но был настигнут и убит из лука самим Бахрамом Чубином.

После гибели вождя бегство тюркютов стало паническим. Они пытались бежать через ущелье Баророи, но узкий и длинный проход не мог пропустить сразу много людей. У его устья произошла давка, и персы беспрепятственно истребляли потерявших голову врагов. Спасся только один тюркют из десяти.

Конец войны. После битвы Бахрам на целый месяц задержался в Герате, распределяя добычу между шаханшахом и своими воинами. За это время сын Савэ, Пармуда, собрал остатки разбитых войск и попытался организовать сопротивление. Он применил кочевническую тактику внезапного набега и ночного нападения. Однажды ему чуть было не удалось захватить самого Бахрама[47], но остановить наступление регулярной армии партизанскими действиями было невозможно, и персы перешли Джейхун. В ночной битве тюркюты были снова разбиты, а Пармуда заперся в замке г. Пайкенда[48]. Осажденный Бахрамом, он вынужден был сдаться, но выговорил себе жизнь и отправку к Хормизду, своему родственнику по женской линии. Хормизд оказал ему пышный прием и по заключении мира отпустил с почетом[49]. Тюркютский царевич вернулся в свою страну и спокойно

45 Tha'alibi. Histoire des rois des Perses... P.647.

46 Tabari. Chronique... II. P.262; Firdousi. Le livre des rois. VI. P.620; Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. С.80-81

47 Tha'alibi. Histoire des rois des Perses... P.651; Firdousi. Le livre des rois. VI. PP.632-634.

48 Tha'alibi. Histoire des rois des Perses... P.653. Табари не дает название города. Фирдоуси называет замок Аваза, но это — название местности — около Пайкенда (см.: Minorsky V. Hudud al-Alam. London, 1937. PP.56, 73, 185-186).

49 Tabari. Chronique... II. P.265; Tha'alibi. Histoire des rois de Perses... P.656; Firdousi. Le livre des rois. VI. PP.656-658.

управлял уделом до самой смерти в 603 г. В хрониках он известеи под именем Нили-хаиа[50].

Так закоичилась война 589 г.

Иран был на краю гибели, но победа под Гератом отдалила ее иа полстолетия. Двадцать лет тюркюты не решались иарушить граинцы Ирана, н нстория этих двух соседиих стран текла раздельно. Восстание Бахрама Чубина всецело относится к истории Ирана, ио после поражения Бахрам бежал к своим недавиим противиикам — тюркютам — и был гостепринмно приият хаиом. Оказав ему иесколько услуг, Бахрам стал его другом и советииком[51]. Хан охотно прислушивался к его планам о возобновлении граждаиской войны в Иране и даже дал ему иесколько войска для начала[52]. Обеспокоеиный Хосрой Парвиз потребовал выдачи Бахрама, ио хан с иегодованием отказал. Тогда второй, более искусиый посол сумел подарками склоиить тюркютскую царицу иа заговор против жизни претендента, и иаемиый убийца заколол Бахрама отравлениым киижалом. Разгневаииый хаи наказал убийцу[53].

Этот эпизод показывает, что даже после тяжелого поражения тюркюты сохранили полиую независимость и не подчииялись посторонним воздействиям. Дипломатические нажимы шаханшаха не производили никакого впечатления на тюркютского хаиа. Аму-Дарья по-прежнему оставалась граиицей для политических влияний сасаиидского Ирана.

Оплата. Мир 593 г. официальио восстановил единство каганата[54], а в 598 г. был возобиовлен традиционый союз западнотюркютского хаиа с византийским императором. Шахаишах Хосрой Парвиз, возведеный на престол визаитийскими войсками, тяготился иевыгодиым мириым договором, который ему пришлось заключить с императором Маврикием. Когда же этот последиий был иизложен и убит, Хосрой воспользовался случаем н выступил как мститель за своего приемиого отца. В 602 г. возобиовилась война Ирана с Визаитийской имперней, но в иаступлеиие персидские войска пошли лишь весной 604 г. Эта оттяжка была вызваиа обостреннем положеиия на восточиой границе Ирана.

---

50 Саалиби ошибочно считает его сыном Пармудм в внуком Савэ (Пармуда — перевод на персидский азма тюраского слова буюруа — прмазывающий). Динавари сообщает, что царевич ве был взят в плен, а добровольио поехал а шаау для переговоров (Шмидт А.Э. Материалы по всторвв... С.480-481). Этот царевич у Динаварв назван {йаль}- тегив, а ие [иль]-тегин. Слово йаль вмеет второе значевие: освобожденный , что подтверждает идентичность Нили-хана (Суй шу), Пармудм (Фврдоуси, Балами) к Яль-тегина (Динавари) (см.: ВВ. XX. С.87). Был ли ов взят а плев при штурме арепости Аваза или аапитулвровал — дела ие менает. Хормизд его освободил, и это отразилось у Динаварв в написании его вмени.

51 Tabari. Chronique... II. P.302.

52 Tha'alibi. Histoire des rois des Perses... P.678.

53 Этот аан в персидсква всточниаа ие вазван, во отмечено, что ои не был родственнвом Параиза (Tabari. Chronique... II. P.298). Следовательно, это был хав восточных тюркютов Юв Йоллыг Дулань-хав, в это время воевавший со своими западвыми родичами и потому привютивший Бахрама.

54 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западиая Монголия... С.233; Julien S. Documents... P.511.

Население Тохаристана культурно и экономически было связано с Согдианой и Индией, а не с Персией, которой оно было вынуждено подчиняться. Кроме того, потомки кушанских царьков и гордых эфталитов определенно предпочитали тяжелой руке шаханшаха номинальную зависимость от тюркютского хана. Поэтому, когда основные силы персидской армии были сконцентрированы на границе Месопотамии и Армении, т. е. в 603 г.[55], на востоке вспыхнуло восстание и «войска кушанские рассеялись для набегов по лицу всей земли»[56].

Хосрой поспешил прервать отдых своего лучшего марзбана Смбата Багратуни и поручил ему подавить мятеж. Несмотря на ничтожные силы (2 тыс. всадников), Смбату удалось разбить кушанов. Надо полагать, что главную роль тут сыграла внезапность нападения. Удовлетворенный успехом, Смбат разбил лагерь в Апршахре (город в Хорасане, возле Нишапура[57]), а сам с отрядом в 300 человек засел в городке Хрохте (?). Кушаны, видя, что им одним не справиться с персами, обратились за поддержкой к своим соседям, тюркютам. На помощь к кушанам пришло войско, во главе которого стоял Джембуху (армянское искажение титула ябгуджабгу); в это время такой титул носил внук великого хана Туи, известный под именем Туи-джабгу. Тюркюты захватили персов врасплох. Хрохт был осажден. Смбату удалось прорваться и бежать всего лишь с тремя спутниками, а его помощник, перс Датоян, был разбит наголову. Тюркюты опустошили Иран вплоть до Рея и Испагани, но, получив «повеление от великого хагана», вернулись восвояси[58].

Мотивировка отступления тюркютов, данная Себеосом, явно неудовлетворительна. Осенью 603 г. у тюркютов «великого хагана» не было, так как именно в это время Кара-Чурин, разбитый и покинутый всеми, бежал в Тогон, ища спасения. Очевидно, как раз это обстоятельство заставило его внука вернуться домой для защиты своего удела. Таким образом, китайская победа в южном Хингане спасла Иран, а Византию поставила на край гибели.

После ухода тюркютов Смбат с новым войском бросился на кушанов. Несмотря на то, что он проник до Балха, ему не удалось закрепиться в Тохаристане, и он вернулся на Мургаб, снова ставший восточной границей державы Сасанидов[59].

---

55 На тринадцатом году Хосроя. В русском переводе ошибочно стоит на восемнадцатом (см.: Себеос. История императора Иракла. С.70). Разбор ошибочных датировок этого события у Маркварта, Шаванна и Груссе см.: Артамонов М.И. История хазар. С.143.

56 Себеос. История императора Иракла. С.72.

57 Там же. С.182, прим.52.

58 Там же. С.74.

59 Marquart J. Eransahr, nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci // Abhandlungen der Koniglichen Geselischaft der Wissenschaften zu Goettingen. N.F. Bd.III. Berlin, 1901. S.67.

Зима 603/04 г. принесла персам облегчение: мощь тюркютов была сломлена китайцами, каганат разваливался на глазах, и хотя снова покорить кушанов не удалось, за восточную границу можно было уже не беспокоиться. Только тогда двинулись персидские войска на Византию.

Надо полагать, что события на восточной границе Ирана определили срок выступления персов еще в большей мере, чем учет внутреннего положения империи[60], и до тех пор, пока тюркюты были бессильны, войска Хосроя Парвиза на западе шли от победы к победе.

60 Пигулевская Н.В. Византия и Иран. С.191.

Глава XI

АШИНА И СУЙ

Воссоединение каганата. Мир 593 г., восстановивший положение, предшествовавшее великой распре, лишил суйского императора плодов всех его усилий. Он хотел, разделив тюркютских князей, поставить их на колени и поддерживать их рознь редкими подачками[1], а вместо этого перед ним снова встал единый и могучий каганат, настаивающий на строгом выполнении торгового договора, столь убыточного для Китая. Мало того, тюркюты прислали просьбу-требование об открытии на границе рынков для меновой торговли с китайским населением[2]. Этим они ставили свою экономику в независимое положение и в случае конфликта могли обойтись без услуг двора, а получать необходимые товары непосредственно от производителя. Надо думать, не случайно эта «просьба» совпала с походом на Иран, так как была послана в Китай в 589 г. Очевидно, тюркюты полагали, что шелк им в ближайшее время очень понадобится, так как вот-вот их западные собратья дорвутся до Византии и караваны повезут на запад пряжу, а на восток — золото. Ян Цзянь в этот год был занят покорением царства Чэнь в Южном Китае и потому счел за благо не обострять отношений в столь неудобный момент. Но все, что делалось в ханской ставке, ему не могло нравиться.

Душой всех антисуйских настроений была царевна из дома Чжоу, которая не могла простить императору предательского истребления всех своих родственников. Тот, желая убедить ее в бесполезности мечтаний о мщении, прислал ей в дар драгоценный дверной щит, принадлежавший императору дома Чэнь. Этим он дал понять, что уже весь Китай принад-

---

1 В 593 г. был обезглавлен последний сторонник Китая Кинюй-шад, младший брат Юн Йоллыга. Труп казненного хан отправил в Китай в знак того, что в каганате императору не на кого больше рассчитывать (Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.56, 530).

2 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.240.

лежит ему, но он только подлил масла в огонь. Царевна ответила на подарок элегией, содержавшей многозначительные намеки:

Предшествует слава и почесть беде.
Ведь мира законы — трава на воде.
Во времени блеск и величье умрут,
Сравняются, сгладившись, башня и пруд.
Пусть ныне богатство и роскошь у нас,
Недолог всегда безмятежности час.
Не век опьяняет нас чаша вина,
Звенит и смолкает на лютне струна.
Я царскою дочерью прежде была,
А ныне в орду кочевую зашла,
Скитаясь без крова, и ночью одной
Восторг и отчаянье были со мной.
Превратность царит на земле искони,
Примеры ты встретишь, куда ни взгляни.
И песня, что пелась в былые года,
Изгнанницы сердце тревожит всегда[3].

Император усмотрел в этих стихах пожелание ему стать жертвой мирового закона превратности, а также твердую непримиримость царевны, но смог в отместку только уменьшить количество подарков, а затем, воспользовавшись тем, что у царевны оказался любовник, лишить ее титула, что отнюдь не уменьшило ни ее влияния в орде, ни ее недоброжелательности к китайскому императору.

Император не без основания отнесся к элегии изгнанницы с полной серьезностью. В 593 г. в ханскую ставку пробрался из Китая некий Ян Хинь и рассказал о том, что сами китайцы не в восторге от режима Суй и готовят восстание. Дулань-хан сделал из этого немедленный вывод и перестал посылать в Китай дань, которую должен был выплачивать по договору 584 г. Царевна наладила союз с князем Бухары Нилиханом (сыном Янг Соуха, внуком Кара-Чурина, который был убит Бахрамом Чубином в 589 г.) и тем самым укрепила антикитайскую партию в орде.

Все это было для суйского правительства тем более грозно, что Ян Хинь не солгал: в Китае действительно развертывалась борьба против династии Суй. В 594 г. вследствие засухи возник голод, но император отказался выдать голодающим хлеб из казенных амбаров. В 597 и в 600 г. на юге вспыхнули восстания такой силы, что на подавление была брошена армия в 50 тыс. человек[4]. По-видимому, Ян Хинь был посредником между мятежниками и тюркютами. Не исключена была возможность, что суйская

3 Переложение прозаического перевода, приведенного Н.Я.Бичуриным (см.: Собрание сведений... Т.I. С.240).

4 Шан Юэ. Очерки... С.185.

империя окажется зажатой в клещи. Но тут снова выступил на сцену Чжан-сунь Шэн.

Клин вбит. Чжан-сунь Шэн прибыл в 594 г. в ханскую ставку[5] как полномочный посол и столкнулся там с настоящим заговором, направленным против Суйского дома. Во главе заговорщиков стояли царевна и ее любовник, согдиец[6] Аньсуйкя, но наибольшую опасность представлял Ян Хинь, которого Чжан-сунь Шэн должен был изловить во что бы то ни стало. Хан отказался выдать эмигранта, заявив, что его в ставке нет. Лазутчик сумел подкупить одного из приставленных к нему тюркютов, с помощью его нашел заговорщика и открыл хану интриги царевны. Хан и вельможи были смущены и выдали Ян Хиня[7]. Но Чжан-сунь Шэн не остановился на этом. Цель его была в том, чтобы снова внести раскол в тюркютский каганат, на этот раз он нашел нужного ему князя. Это был наследник престола, двоюродный брат хана, Жангар (кит. Жаньгань).

Он имел удел на северо-востоке и титул хана Толесов (Тули-хан); ему подчинялись вассальные племена киданей, хи (татабы) и шивей (татары). Как сын Чуло-князя, он имел много сторонников. Он был беспринципен, завистлив и труслив, т.е. имел все качества, присущие изменнику.

«Юн Юйлюй (Юн Йоллыг), — докладывал Чжан-сунь Шэн, — непостоянен и вероломен. Одна лишь вражда к Дяньгу (Кара-Чурину) заставляет его в настоящее время искать поддержки императора. Если согласиться на его просьбу, он, усилившись, возмутится. Получив в жены царевну, он воспользуется значением, которое придаст ему этот брак, чтобы победить Дяньгу и Жаньганя. Нужно опасаться, что тогда будет очень трудно обуздать его честолюбие. С другой стороны, Жаньгань доказал свою искренность. Он также просит в жены царевну, и эту просьбу было бы хорошо удовлетворить. Так как войск у него мало, то его можно переселить на юг и обратить в заслон против Юн Юйлюя»[8].

Этот план был принят и выполнен в 597 г.[9]. Внутри тюркютского каганата образовалась китаефильская партия. А китайцы готовились к новой войне, в неизбежности которой никто не сомневался.

Получение царевны и ежегодных даров под видом приданого было той приманкой, мимо которой не могли пройти тюркютские князья. Жангару невеста была обещана с условием уничтожить царевну из дома Чжоу. Жангар употребил прием, действовавший во все времена: он оклеветал

---

5 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.103.

6 Pulleyblank E.G. A Sogdian colony in Inner Mongolia // Toung Pao. 1952. Vol.41. N 4-5. P.318; ср.: Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.531.

7 Julien S. Documents... Vol. 3. PP.511-512.

8 Julien S. Documents...: Vol. 3. PP.512-513.

9 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.104.

царевну перед ханом. Провокация удалась. Хан поверил клевете и в гневе убил царевну. Жангар был достаточно сообразителен, чтобы сразу после убийства уехать в свой удел, и, когда клевета открылась, он был в относительной безопасности. В распрю вмешался суйский император и дал понять, что поддержит предателя всеми силами. Хан был вынужден отступить. Но теперь он всецело поддался влиянию своего двоюродного деда Кара-Чурина Тюрка (Дяньгу), который стал фактическим правителем каганата, сохранив скромный титул хана тардушей (Дату-хан). Неизбежность войны стала очевидна не только китайцам, но и тюркютам.

Начало войны. В момент назревавшего конфликта обстоятельства начали складываться в пользу Китая. В Тогоне в 591 г. умер энергичный хан Куалюй, и, хотя его сын Шифу за попытку вступить в союз с Китаем заплатил жизнью, младший брат убитого Фуюнь в 597 г. занял нейтральную позицию[10] и тем освободил суйское правительство от забот по охране западной границы. Это позволило китайцам сосредоточить свои основные силы на берегах Желтой реки.

В 597 г. они переселили своего ставленника Жангара на юг, в приордосскую степь, и не жалели для него денег, которые он тратил на подкуп своих соплеменников[11]. Принял меры и Кара-Чурин. Он поспешил обеспечить свой тыл. Приволжские угуры, восставшие против тюрок, были усмирены. Десять тысяч угуров — племена тарниах, кочагир и забендер — бежали в Паннонию и присоединились к аварам[12].

В 598 г. Кара-Чурин направил посольство в Константинополь, к императору Маврикию, с целью возобновления прежних дружественных отношений. Он извещал, что успокоил внутренние раздоры в своей державе и покорил всех врагов[13]. Отказ от экспансии в сторону Кавказа должен был послужить платой за прекращение византийских интриг в прикаспийских районах. Среднюю Азию Кара-чурин держал крепко: в Пайкенде (Бухаре) сидел его внук Нили-хан, а в Шаше (Ташкенте) — другой внук, Шегуй[14]. В 597 г. тюркюты произвели набег на границу, а в 598 г. китайская армия, предводительствуемая князем Сю, выступила из Линчжоу[15]. Война началась.

Но прошедшие пять лет мира были неплохо использованы китайцами. Один из пограничных офицеров, Ли Юань, будущий основатель династии

10 Бичурин Иакинф. История Тибета... С.87.

11 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.241.

12 Артамонов М.И. Очерки... С.41; Chavannes E. Documents... P.248.

13 Артамонов М.И. Очерки... С.39.

14 Grousset R. Histoire de l'Extreme-Orient. P.233. Имя Шегуй по смысловому значению иероглифов значит колчан и могло бы быть сопоставлено с тюркским словом сагдак, но наличие того же имени у южных сяньбимуюнов в Лаодуне и Тогоне — дает основание предположить прямое заимствование имени еще во времена монголоязычия орды Ашина.

15 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.241.

Тан, сам полутюрк по происхождению, обнаружил крупный военный талант. Он последовательно и терпеливо приучал своих солдат к новому строю, заимствованному у тюркютов; солдаты должны были жить в юртах, питаться мясом и молоком, ездить верхом и участвовать в облавных охотах. Он добился того, что его солдаты по боевым качествам перестали уступать тюркютам[16]. Кроме этой вновь организованной конницы китайцы располагали отрядами Жангара, измена которого наконец выплыла наружу.

Первые столкновения зимой 598-599 г. были удачны для китайцев[17], но Кара-Чурин и Дулань-хан, используя маневренность тюркютской конницы, обошли китайские линейные войска и обрушились на ставку Жангара, которая была расположена к югу от Великой стены. Изменники были застигнуты врасплох, но сражались отчаянно, не надеясь на пощаду. И они были правы: братья, дети и все родственники Жангара были убиты, а сам он под покровом ночной темноты спасся в сопровождении лишь пяти всадников и Чжан-сунь Шэна.

Утром вокруг него собралось еще около сотни воинов, но Жангар пал духом и стал уговаривать своих сторонников переметнуться обратно, к Кара-Чурину Тюрку, бывшему другом его отцу. Рассчитывая на старые связи, он предполагал спасти свою жизнь, забывая, что жизнь его соратников не гарантируется ничем. Последние колебались, и Чжансунь Шэн использовал время для того, чтобы послать гонцов в гарнизон ближайшей крепости. По его приказу там зажгли сторожевые огни, и Чжан-сунь Шэн объяснил встревоженному Жангару, что большое количество факелов указывает на приближение сильного врага. Испуганный Жангар позволил увести себя в крепость, откуда был доставлен ко двору императора[18]. Ян Цзянь был достаточно умен и проницателен, чтобы понять, как важно и полезно для Китая посадить на тюркютский престол такое ничтожество. Надеяться на него было нельзя, но вертеть им было легко и просто. А ведь он был законным наследником хана у народа, привыкшего почитать закон и династию. Даже лишенный сил и средств, Жангар продолжал оставаться центром притяжения для тюркютов, не уживавшихся с Кара-Чурином. К нему переметнулся Тюзлюк (кит. Дусулу), младший брат Дулань-хана, а немного времени спустя китайское золото умножило число приверженцев Жангара.

Летом 599 г. китайские генералы Гао Фань и Ян Со столкнулись с Кара-Чурином[19]. В «Истории Китая» Бичурина имеется только одно описание битвы со всеми тактическими подробностями. Это описание

16 Бичурин Иакинф. История Китая

17 Julien S. Documents... Vol. 3. PP.515-516.

18 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.104-105; Julien S. Documents... Vol. 3. PP.518-519; Бичурин Н.Я. Собрание сведений... T.I. C.241-242.

19 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... T.I. C.242.

битвы 599 г. Так как указанная работа Бичурина не издана, то имеет смысл привести соответствующий текст полностью.

«Прежде генералы, сражавшиеся с туцьзюевцами (тюркютами), видели, что конница их стремительно вторгается в линию; они так располагали фронт, чтобы колесницы, пехота и конница взаимно могли друг друга подкреплять. Из рогаток составляли батальон-каре, и конница находилась внутри оного. «Сей древний способ, — сказал Ян Со, — недостаточен к одержанию победы». Почему и поставил вперед конницу. Дату-хан (Тардуш-хан, Кара-Чурин Тюрк) с радостью сказал: «Это небо награждает меня». Он сошел с лошади, возвел глаза на небо и поклонился. Потом со 10 000(?) конницы прямо пошел вперед. Чжулохеу (китайский офицер) сказал: «Неприятели еще не выстроились порядочно, надобно учинить нападение» — и с лучшей конницей выступил против них. Ян Со вслед за ним наступил с главною армией, и туцьзюесцы совершенно разбиты. Убитых и раненых было бесчисленное множество»[20].

Анализируя этот рассказ, можно констатировать, что тюркюты имели конный строй, похожий на казачью лаву. Целью атаки было прорвать линию противника и, вызвав замешательство, рубить бегущих. Преждевременная радость тюркютского хана была вызвана тем, что он, видя разделение сил противника, предполагал разбить его по частям. Но китайцы на этот раз вырвали из рук тюркютов инициативу. Контратака конницы смягчила удар и расстроила боевые порядки тюркютов. Пехота, введенная в схватку, решила дело численным перевесом. Кроме того, пехотинец в рукопашной схватке сильнее кавалериста, так как он более поворотлив и менее уязвим.

Другая армия, состоявшая из восточных тюркютов и предводительствуемая Дулань-ханом, действовала удачнее и так стеснила Жангара, что китайцы были вынуждены принять его в свои пределы. Под пастбища ему были выделены степи северного Ордоса и прилегающие к ним предгорья Алашаня[21]. На защиту его кочевий были выдвинуты китайские войска. Император приблизил к себе Жангара и не жалел дорогих вещей на подарки изменникам. Эта политика оправдала себя. Из среды сторонников Жангара Чжан-суй Шэн вербовал лазутчиков. Посланные потом в ханскую орду, они, оставаясь нераскрытыми, вносили в ряды тюркских войск паническое настроение[22]. Сам хан, вероятно под влиянием искусных рассказчиков, подействовавших на его воображение, стал видеть по ночам страшные видения: кровавый дождь, падающий с созвездий, красную радугу и т. п.

---

20 Бичурин Иакинф. История Китая. VII.

21 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.242. Между Ха-чжеу и Шен-чжеу. Ха-Чжеу, т.е. Сачжоу в Ганьсу, а Шен-чжеу - город в северовосточном углу Ордоса (см.: Там же. Т.III. С.64, 75).

22 Julien S. Documents... Vol. 3. PP.519-520.

Суеверные кочевники были приведены этими рассказами в состояние крайнего нервного возбуждения. Наконец, Дулань-хан был убит в своей палатке, и деморализованная армия остановила наступление, сулившее ей верный успех (600 г.).

Кара-Чурин Тюрк «сам объявил себя ханом»[23], но он был слишком стар и слишком непопулярен среди восточных тюркютов, с которыми перед этим воевал, чтобы успешно довести до конца еще далеко не выигранную войну.

Богю-хан. Кара-Чурин Тюрк принял титул Богю-хан, т. е. герой[24], но общего признания он не смог добиться, и в орде «открылись большие замешательства»[25]. Чжан-сунь Шэн продолжал свою подрывную деятельность: его агенты проникли в степи и начали подбивать на восстание телеские племена. Расчет Чжан-сунь Шэна был правилен. Телесцы составляли большую часть населения, они были храбры, вольнолюбивы, и подчиненное положение не могло их не тяготить. Тюркюты «их силами геройствовали в пустынях севера»[26], т. е. заставляли проливать кровь ради величия каганата. Пока каганы были победоносны, телеские племена держались лояльно, но, как только узурпация Кара-Чурина возмутила умы и сердца, их верность начала колебаться.

Положение нового хана было чрезвычайно трудным. Он воцарился вопреки закону о престолонаследии и тем самым дал всем своим недругам мощное оружие — лозунг: «Борьба против узурпатора».

Главный враг его — изменник Жангар — оказался законным наследником престола, а так как за него говорило китайское золото, щедро рассыпаемое в степи, то права его становились с каждым часом все более реальными.

Вместе с этим положение на фронте становилось все более напряженным. По совету Чжан-сунь Шэна китайцы отравили источники в зоне военных действий[27], и тюркютам пришлось отступать. Отступление прошло в полном порядке, о чем свидетельствовало ничтожное число потерь — тысяча убитых, сотня пленных, несколько тысяч голов отбитого скота. Гораздо важнее для китайцев было другое — тюркютские старейшины начали перебегать к Жангару[28]. Но Кара-Чурин был еще силен.

---

23 У Бичурина ошибочно переведено „без выбора".

24 Chavannes E. (Documents... P.155), Liu Mau-tsai. (Die chinesischen Nachrichten... S.59) пишут „бильге — мудрый". Ср. с персидским написанием его „бигу", означающим величие. (Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897. С.12-13). Китайцы слово „Бильге" транскрибируют как „Бигя".

25 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.242.

26 Там же. С.301.

27 Бичурин Иакинф. История Китая; Julien S. Documents... Vol. 3. P.524.

28 Бичурин Н.Я. Собрание сведений.. Т.I. С.242; Julien S. Documents... Vol. 3. P.526.

В 601 г. он снова вторгся в Китай и разбил армию генерала Хань Хуна. Другой отряд тюркютов разгромил кочевья Жангара и увел людей и скот. Спешно снаряженная китайская армия отбила у тюркютов добычу, но не могла помешать новому набегу[29].

Однако агенты Жангара, посланные им по приказанию Чжань-сунь Шэна, возмутили телесцев против тюркютского хана. За оружие взялись десять племен, среди которых были не только телесцы, но и абары. Восстание охватило колоссальную территорию: от Селенги на северо-востоке до Тянь-Шаня на юго-западе[30]. Западные тюркюты были разбиты повстанцами. Нили-хан погиб[31], а его брат Тун-джабгу[32] бежал, но окраина каганата за Тарбагатаем осталась лояльной династии Ашина.

Еще хуже было на востоке. Кара-Чурин оказался отрезанным от своего наследственного удела, и восточные тюркюты, увидя его критическое положение, разбежались, покинув своего хана в беде[33], а татабы[34] предложили покорность Китаю. Кара-Чурин бежал в Тогон и там был убит тибетцами. Когда же Чжан-сунь Шэн торжественно привел в степь Жангара и как законного наследника объявил его ханом, то сопротивляться было некому.

Брат и наследник Нили-хана, Басы-тегин, попробовал покорностью отстоять свой удел — Бухару. Вместе со своей женой, китаянкой Сян-ши, которую он также унаследовал от погибшего брата, Басы (кит. Поши) — тегин приехал в Китай, но был там задержан (604 г.)[35]. Ханом западных тюрок оказался Таман (кит. Дамань) — малолетний сын Нили-хана.

Унижение ханов. В расцвете могущества Суйского дома умер его основатель Ян Цзянь, император Вэнь-ди (июль 604 г.), причем внезапность его смерти вызывает подозрение, что он был убит[36]. Его сын Ян Гуан вступил на престол под именем Ян-ди. Он продолжил завоевательную политику отца.

---

29 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.243.

30 Грумм-Гржимайло Г.В. Западная Монголия... С.236-237; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.555.

31 Прямого указания на это нет, но с этих пор он в источниках не упоминается (см.: Chavannes E. Documents... P.51).

32 Полагают, что это был именно Тун, хотя в источнике он упомянут только по титулу. Сомнения Лю Мао-цзая (Liu Mau-tsai. Die chinesische Nachrichten... S.537) неубедительно, так как он не учитывает семантику термина „ябгу".

33 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.108.

34 Ibid. S.538.

35 Дата приезда Поши-тегина в Китай; в Суй шу — 600 г. Однако Шаванн вполне убедительно доказал, что эта дата ошибочна. Басы (тюркское), как и Поши (китайское), означает „жертва, обиженный". Это не имя собственное и не титул, а прозвище, которым тюрки и китайцы стали называть обманутого и погубленного изменой князя, сменившего престол на тюрьму. Подлинное имя его осталось неизвестным.

36 Cordier H. Histoire generale... P.387.

В конце 604 г. империя Суй могла праздновать полную победу. Китайский ставленник — изменник Жангар стал признанным ханом Восточного каганата, который с этого времени навсегда отделился от Западного.

Восстание телесцев бассейна р. Селенги утихло, как только китайцы перестали его поддерживать, но Джунгария и бассейн Тарима не вернулись под скипетр восточнотюркютского хана. Номинально они вошли в состав Западного каганата. Однако телеские племена киби (на северных склонах восточного Тянь-Шаня) и сеяньто (на южных склонах хребта Алтаин-нуру) проявили значительно больше свободолюбия, чем их восточные соплеменники. Два года упорной войны с западными тюркютами (605-606) принесли им победу и свободу[37]. Подробности этой войны не сохранились, но в результате ее в Джунгарии возникло самостоятельное телеское государство, во главе которого встал князь племени киби — Гэлэн, принявший титул Мохэ-хан. Эта победа была обеспечена сочувственным отношением Китая[38] к образованию нового кочевого государства, вклинивавшегося во владения тюркютов и служившего мостом для китайского проникновения в степь. Дружба с Китаем обеспечила Гэлэну безопасность его северо-восточной границы, ибо Жангар, управлявший восточными тюркютами, действовал исключительно в интересах императора. Благодаря создавшемуся благоприятному положению телесцы приобрели необходимые для всякого кочевого общества территории с оседлым населением — оазисы Карашар, Турфан и Хами[39].

Несмотря на то, что Гэлэн принял титул хана, порядок, установленный в Джунгарии, не походил на строгую систему, принятую у тюркютов. Вождь сеяньтосцев Ишибо, подчинившийся Гэлэну, сохранил власть над

37 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.280; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.350; Chavannes E. Documents... P.89; Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.238-239. За исключением Н.Я.Бичурина, все перечисленные авторы восстанавливают ход событий, опираясь на текст повествования об уйгурах (Таншу . Гл.217; Цзю Таншу . Гл.195; Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.301), не замечая, что текст, воспринятый без критики, приводит к абсурду. Основанием для такого толкования является дата восстания, которую я считаю ошибочной. Привожу текст по Лю Мао-цзаю. В первый год правления Да-йе (605 г.) Чуло-хан (западных) тюркютов напал на телеские племена и обложил их тяжелой податью, но, опасаясь возмущения, он собрал несколько сот их предводителей (у Бичурина: старейшин) и убил их всех. Из-за этого телесцы восстали. Объединились телеские племена бугу, тонгра, уйгуров, байырку и аймак [бу] фуло. Верховный вождь их имел титул сыгинь. Позднее они сами назвали себя - уйгуры. Уйгуры живут к северу от сеяньто на р. Со-лин (Селенга) . Все упомянутые здесь племена обитали к северу от р.Толы и ни как не могли соприкоснуться с западными тюркютами, занимавшими прежнюю усуньскую землю , т.е. Семиречье. Племена же, воевавшие с западными тюркютами в 605-606 гг. — киби и сеяньто, — не названы. Этого достаточно для заключения, что мы имеем два описания разных событий, и, учитывая титул хана, правильно отнести уйгурское восстание к царствованию восточнотюркютского Чуло-хана (619-620). Для этого надо лишь допустить, что в источник вкралась описка переписчика и вместо правление Да-йе надо читать: правление Удэ . При этой поправке становятся реальными все прочие сведения и логичным сам ход событий, который до сих пор изобиловал натяжками.

38 В источнике сказано: Чуло-хан начал беззаконно управлять . (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.279-280). Здесь мы имеем не реальную оценку, ибо Чуло-хан Таман был еще младенцем, а выражение отрицательного отношения к Западнотюркютскому каганату.

39 Chavannes E. Documents... P.89. N.3.

своим племенем. На месте осталась династия в княжестве Гаочан, и нет никаких сведений об усилении власти верховного правителя. По-видимому, телеское государство в Джунгарии можно рассматривать как племенной союз.

Положение тюркютов в Восточном каганате нельзя было назвать блестящим. Новый хан, Жангар, жил в Ордосе под защитой китайских копий и боялся показаться в степь, где одни подданные ненавидели его как тюркюта, а другие как изменника и китайского ставленника. Чувствуя, что благополучие его зиждется исключительно на поддержке Китая, Жангар шел на большие уступки, чем от него требовали. Например, хан предложил императору Ян-ди, что он заставит своих подданных переменить одежду и законы на китайские[40]. Но Ян-ди воспротивился этому, так как такое нововведение должно было еще уменьшить популярность Жангара в степи и могло вызвать новые смуты, а Жангар был очень нужен китайцам.

В 605 г. восстание киданей было подавлено при помощи 20 тыс. тюркютов[41]. Кроме того, орда Жангара могла быть использована против других северных кочевников.

Традиционный путь на запад преграждало Китаю царство Тогон. Отношения с Тогоном всегда были напряженными, а около 603 г. Тогон сделался центром притяжения антикитайских сил в степи. В 604 г. именно там пытался найти спасение враг Китая — Кара-Чурин Тюрк и вместе с ним к берегам Кукунора бежали те татабы, которые не склонили голову перед «сыном Неба»[42]. Жангар, став ханом, разорвал союз тюркютов с Тогоном, что полностью изолировало Тогонское царство. Но хан Фуюнь успел подготовиться к неизбежному китайскому вторжению, а Ян-ди не решался на тяжелую войну. Он нашел способ унизить Тогон чужими руками.

Китайский посол явился к малолетнему западнотюркютскому хану и угрожал нападением на него совместно с восточными тюркютами. Он заявил также, что если западнотюркютский хан не согласится признать себя вассалом Китая, то его мать, содержащаяся как заложница, будет казнена. Подчинение Китаю хан должен был доказать. Ему было предложено послать войско для нападения на Тогон с тыла[43]. Условия были приняты, и в 608 г. тюркюты ударили на Тогон с запада[44], откуда тогонцы не ожидали нападения. Не встретив сопротивления, тюркюты ворвались в Цайдом, перебили тех, кто не успел скрыться в горы, и захватили огромную добычу.

Возникает вопрос: почему Чуло-хан, вернее, его опекуны согласились на столь невыгодную сделку и каким образом они провели свои войска через

40 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.244.

41 Бичурин Иакинф. История Китая..

42 Грумм-Гржимайло Г. Е., Западная Монголия..., стр. 237.

43 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.281.

44 Бичурин Иакинф. История Тибета... С.88.

владения враждебного им Мохэ-хана Гэлэна? По-видимому, стараниями китайского посла западные тюркюты добились мира с телесцами. Это было наградой за покорность и помощь, а также компенсацией за унижение каганата. Только так можно объяснить факты истории в аспекте сложившейся ситуации[45]. Действительно, после 608 г. война западных телесцев с западными тюрками утихла.

Император Ян-ди счел момент удобным для броска. В 608 г. китайские войска без объявления войны вступили в Тогон. Хан Фуюнь со своим кочевым народом бежал на юг, «в Снежные горы», а отставшие были пленены китайцами и отправлены на строительство павильонов для императорских наложниц. Завоеванные земли суйское правительство начало заселять ссыльными преступниками и ввело там китайскую администрацию.

В 609г. выступил с огромным войском сам Ян-ди и попытался изловить хана Фуюня, засевшего в горах. Но полководцы, решившиеся проникнуть в горы, сложили там свои головы. Однако хан был принужден отступить в Амдо, к кочевым горцам, у которых он нашел приют и безопасность. Ян-ди, не задерживаясь у Кукунора, продвинулся с войском дальше на запад и там пожал лавры завоевателя, не встретив никакого сопротивления. К нему явились владетели Гаочана (Турфан), Иву (Хами) и 27 других мелких князьков с изъявлениями покорности[46]. Правда, там не было представителей Кашгара, Кучи, Хотана и Карашара, но земли до Лобнора и Черчен-Дарьи вошли в состав Китайской империи.

Это было прямое покушение на территориальную целостность Западнотюркютского каганата и ханства джунгарских телесцев, но Чулохан Таман и Мохэ-хан Гэлэн не решились протестовать[47], и Ян-ди вернулся в Китай.

Суйское величие. Князь Ян Гуан вступая в 604 г. на престол, унаследовал не только богатую страну, но и лавры победы, одержанной его прозорливым отцом. В истории известно много случаев, когда удачливый правитель терял голову от своего успеха, но у Ян Гуана появилось головокружение от успеха чужого. Став самодержцем, он забыл о том, каких трудностей стоили победы и с каким риском они были сопряжены. Силы противников стали казаться ему ничтожными, а свои возможности беспредельными, поэтому его царствование представляло цепь ошибок, за которые он заплатил престолом и жизнью.

Как говорилось выше, Суйская династия вознеслась на гребне волны антитюркских настроений всего населения Северного Китая, за исклю-

---

45 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.240.

46 Mailla J.A.M. Histoire generale... PP.513-514.

47 Вряд ли мы имеем тут двойное подданство, как предполагал Г.Е.Грумм-Гржимайло. Скорее китайский император счел возможным обобрать своих союзников.

чением, конечно, прямых потомков тобасцев. Однако число последних было немалым, и Ян Цзянь считал нужным обходиться с ними предельно тактично, чтобы обеспечить их лояльность. Окитаенные потомки тобасцев жили вдоль Великой стены от Хэбэя до Чаньани. Среди них было много крупных землевладельцев и профессиональных вояк, оттесненных от власти китайскими помещиками группировки Гуаньлун[48]. Южный Китай, обескровленный безобразным управлением последних династий, стал легкой добычей Ян Цзяня, но по существу был покоренной страной, а не опорой трона. Верность тюркютских ханов, ставших вассалами Суйского дома, была эфемерна, а антипатия их подданных ко всему китайскому — несомненна. Чтобы управлять столь разнообразными и беспокойными подданными, нужен был весьма мудрый и, главное, тактичный государь, но не таким был наследник престола, принявший при воцарении титул Ян-ди. Он был одним из наиболее жестоких деспотов Китая.

Гегемония Суйской династии в странах, расположенных к северу от Великой стены, покоилась, во-первых, на жестокой вражде, возникшей между западными и восточными тюркютами, и, во-вторых, на неослабевающей потребности в шелковых тканях.

В VI в. тюркюты ощущали себя единым народом. Во время распри 80-х годов ссорились царевичи, а их дружинники весьма легко переходили на сторону победителя[49]. Когда Кара-Чурин Тюрк объединил обе половины каганата, это не вызвало никакого сопротивления на востоке, но как только он был разбит, восточные тюркюты покинули его в беде. Вместе с ханом погибла и его личная дружина, состоявшая несомненно из западных тюркютов; тем самым между родственниками погибших и предателями легла кровь. По понятиям того времени, этого было вполне достаточно, чтобы воссоединение стало невозможным. Теперь вражда между каганатами могла только усиливаться, причем новые потери усугубляли ожесточение[50].

Суйское правительство, сознавая, что для укрепления его позиций одних только раздоров в степи недостаточно, широко практиковало систему подкупов-подарков и роскошных угощений[51], стоивших не меньше, чем содержание целого войска. Так, например, в 607 г. Ян-ди устроил пир для хана Жангара и 3500 старейшин из его аймака. Хану были при этом подарены 2 тыс. кусков шелковых тканей, колесница, верховые лошади, литавры, музыкальные инструменты, знамена. 3500 старейшин также получили подарки. С 610 г. для «вассалов» стали устраиваться в Лояне ежегодные праздники продолжительностью по месяцу. Была сооружена огромная сце-

48 Шан Юэ, Очерки..., стр. 178.
49 П. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 239.
50 Там же, стр. 280.
51 Там же, стр. 244; Шан Юэ, Очерки..., стр. 187.

на для театральных представлений, беспрестанно играли 18 тыс. музыкантов. До утра ослепительно горели фонари. Лавки украшались, и даже вокруг овощных лотков расстилались циновки. «Вассалов» поили и кормили безвозмездно, уверяя, что в Китае всего много и за вино и пищу платы не берут. Кочевники были особенно изумлены тем, что стволы деревьев обертывали шелковыми тканями. Они спрашивали: «Ведь в Китае есть и бедняки и одежды, по-видимому, не хватает, к чему же шелком обертывать деревья?». Но на этот вопрос они ответа не получали[52]. Более того, успех китайского оружия в бассейне Тарима был достигнут путем задаривания тамошних владетелей, а это стоило недешево[53]. Естественно, что даже баснословно богатый Китай не мог выдержать такого расточительства. Неизбежное увеличение налогов, связанное с возникшим финансовым кризисом, расшатало престол суйского императора. К тому же политика задаривания не достигала цели. Показная роскошь никого не могла обмануть, а купленные друзья всегда ненадежны, и Ян-ди вскоре убедился и в этом и в другом.

52 Шан Юэ, Очерки..., стр. 187.

53 H. Cordier, Histoire generale..., P. 397.

Глава XII

ЗАПАДНЫЙ КАГАНАТ

Сердце державы. Несмотря иа то что разделение кагаиата произошло вопреки воле и желанию тюркютского народа н явилось следствием постороннего, даже враждебного воздействня, пути обенх половин иекогда еднного целого оказалнсь предельно разлнчнымн.

На востоке ситуация изменилась мало, так как китайский протекторат не затрагивал ии тюркютскнх традиций, ии способа пронзводства, ни системы ведения хозяйства. Тюркюты на востоке оставалнсь этнически спаянной группой, н их потенцнальные силы былн значнтельно больше, чем у любого нз соседиих народов. В первый же благоприятный момент полнтическое преобладание тюркютов в степн не только могло, но и должно было восстаиовиться.

На западе мы видим совсем иную картину. Тюркюты там были в абсолютиом меиьшинстве. Сколько бы дружнииков нн увел с собой Истеми-хаи, они стали каплей в море покоренных областей. Казалось бы, оии должиы были либо раствориться без следа в местиом иаселеннн, которое мы вправе иазывать тюркскнм, лнбо стать его жертвой после того, как основная масса их соплемеиииков оказалась под пятой суйского нмператора. Но произошло иечто третье: кочевиики Семнречья, Чуйской долнны, ннзовий Волги и Кубаии, верховий Иртыша н Ишима выказалн полную лояльность дииастии Ашина. Точно так же повели себя оседлые обнтателн оазнсов бассейиов Тарима и Аму-Дарьи н даже горцы склоиов Гиндукуша н Кавказа. Такнм образом, тюркюты и здесь сохранили господствующее положеиие.

Приходится признать, что Истеми н Кара-Чурни Тюрк были ие только полководцами, ио н выдающнмися адмнииcтраторами. Они создали modus vivendi для тех страи, в которые ойн пришли как завоеватели. Разобщеиные доселе племеиа, нстощавшне свои силы в постоянных мелкнх войнах,

вкусили сладость мирной жизни и получили все возможности для развития своего кочевого скотоводческого хозяйства, что в свою очередь привело к возникновению сознания единства, которое с тех пор стало называться тюркским. Можно сделать вывод, что именно немногочисленность тюркютов, составлявших господствующий слой, обеспечила устойчивость вновь возникшей системы. Содержание ханской дружины было так необременительно, что не вызывало протеста в данниках, тем более что польза от наличия единой власти была очевидна. Внешнеполитическая задача, стоявшая перед державой, — борьба за великий караванный путь, — была жизненной потребностью для торговых городов южных областей каганата и сулила обогащение его северным подданным, так что и тут интересы страны и династии совпадали. Но поскольку реальная сила была не у правительства, а у народа, то мы наблюдаем постепенную эволюцию всех институтов и соотношения сил, которая и составила историю Западнотюркютского каганата вплоть до его падения в 659 г. Но не будем забегать вперед, а сосредоточим свое внимание на том положении, которое сложилось при малолетнем Чуло-хане в 609 г., предпослав описанию еще одно важное общее соображение.

Впоследствии мусульмане, сталкиваясь с тюрками, отметили их удивительное умение находить общий язык с окружающими народами. Эти качества тюрки проявляли вне зависимости от того, приходили ли они в новую страну как победители или как гости, как наемники или как военнопленные рабы; в любом случае они делали карьеру с большим успехом, чем представители других народов.

«Кто может спросить, — говорит Фахраддин, — что за причина славы и удачи, которая выпала на долю турок. Ответ: общеизвестно, что каждое племя и класс людей, пока они остаются среди своего собственного народа, среди своих родственников и в своем городе, пользуются уважением и почетом, но, когда они странствуют и попадают на чужбину, их презирают, они не пользуются вниманием. Но турки наоборот: пока они находятся среди своих сородичей и в своей стране, они представляют только одно племя из числа других турецких племен, они не пользуются достаточной мощью и к их помощи не прибегают. Когда же они из своей страны попадают к мусульманам — чем дальше они находятся от своих жилищ, родных и страны, тем больше растет их сила и они более высоко расцениваются, они становятся эмирами и сипехсаларами».

И ниже: «Среди изречений Афрасиаба, который был царем турок и был безгранично мудрым и умным, было изречение такое: "Турок подобен жемчужине в морской раковине, которая не имеет ценности, пока живет в своем жилище, но когда она выходит наружу из морской раковины, она

приобретает ценность, служа украшением царских корон, шеи и ушей у невесты"»[1].

Наблюдения вдумчивого историка XII в. вполне применимы и к тюркютам VII в. Этим можно объяснить устойчивость династии, на полвека пережившей свою мощь. Было бы неверно заключить, что скипетр тюркютских ханов мог обеспечить внутренний мир стране со столь разнообразным и воинственным населением. Ослабевшая династия Ашина была приемлема для всех своих подданных, но подлинные силы и страсти продолжали бороться между собой, оставаясь на позициях легитимизма. Ханы заплатили за сохранение престола тем, что стали марионетками в руках племенных беков и согдийских дехканов, а те и другие при ослаблении власти разбились на ряд партий и начали между собой борьбу за преобладание.

Наиболее значительными претендентами на руководство оказались два племенных союза: дулу в Семиречье и западной Джунгарии и нушиби в западном Тянь-Шане, вокруг оз. Иссык-Куль[2]. Каждый из этих союзов включал по пять племен, вследствие чего для Западного каганата иногда применяется название «десять племен», что оттеняет преимущественное значение этих племенных союзов для державы в целом. Наряду с этим названием встречается другое — «тюрки-джабгу», под которым подразумеваются жившие в Западном каганате тюркюты, в память того, что Истеми был ябгу[3] при Иль-хане Бумыне. Оба эти наименования подменяют друг друга, когда речь идет о державе, как таковой, но наличие обоих свидетельствует, что различие между тюркютами и тюрками десяти племен в VII в. еще не было уничтожено.

Тюркюты и тюрки. Реконструкция положения в Западном каганате, представленная в данной работе, радикально отличается от концепции Э. Шаванна, принятой в мировой науке. Расхождения основаны на гипотетическом понимании нескольких терминов и одной общей предпосылке Э. Шаванна, которые должно отвергнуть, так как русские исследования XX в. обнаружили их несостоятельность.

Э. Шаванн строит свою концепцию на некритическом воспроизведении гипотетических отождествлений В. Радлова и Ф. Хирта: теле — толос[4], сеяньто — сир-тардуш[5], огор — уйгур[6] — добавляет свое: абар —

1 И. Умняков, История Фахрэддина..., стр. 10.

2 Попытка А.Н.Бернштама связать тюркское население Тянь-Шаня VII в. с енисейскими кыргызами (А. Н. Бернштам, Археологический очерк..., стр. 51–54, 61) удачно опровергнута А. Я. Шером, доказавшим наличие алтайских связей нушиби на археологическом материале (см. А. Я. Шер, Памятники алтайско-орхонских тюрок..., стр. 158–166).

3 Джабгу то же, что абгу; разница за счет диалектов: йокающего и джокающего

4 E. Chavannes, Documents..., P. 14.

5 Ibid., P. 87.

6 Ibid., P. 87.

жужань[7]. На беспочвенность первой пары отождествлений указал В. В. Бартольд, вообще весьма низко оценивший работу Э. Шаванна[8]; по поводу «огоров» ясность внесла работа М. И. Артамонова[9], установившая, что это приуральские угры, а вопрос об арабах разобран выше. Исправление этих, ныне бесспорных, ошибок делает синтетическую часть работы Э. Шаванна устаревшей, что вынуждает пересмотреть заново весь материал. И тогда мы наталкиваемся на то, что постулат Э. Шаванна — «западные тюрки не составляли единого народа, но состояли из разных племен, образовавших федерацию»[10] — требует уточнения.

В понимании Шаванна тюркюты и тюркоязычные племена Семиречья — одно и то же, и для тюркютов, как таковых, нет места в его реконструкции хода событий. Однако при проверке выясняется, что при этом понимании ход событий не может быть полностью объяснен, как будет показано в дальнейшем. Кроме того, этнографическими исследованиями Б. Х. Кармышевой открыты прямые потомки тюркютов в Средней Азии. Среди племенных названий среднеазиатских тюрок, ныне входящих в состав узбеков, есть группа племен, именуемых местным населением «тюрк», а внутри ее кроме карлуков, барласов, кальта-тай и муса-базари есть племенная единица с самоназванием «тюрк»[11]. Здесь в первом случае под тюрками понимаются старые тюркоязычные обитатели Мавераннахра XIV–XV вв., на что указывает наличие отюреченного монгольского рода барласов, причем они противопоставляются узбекам в узком смысле, под которыми понимаются племена, пришедшие с Шейбани-ханом из Дештикыпчака. Во втором случае «тюрки» в узком смысле противопоставляют себя не только узбекам — локаям, кесамирам и семизам, но и карлукам. Родовых подразделений они не имеют, но одна из их групп называет себя тюрки-тугъен[12]. Это слово, ныне понятное далеко не всем, знающие старину производят от монгольского «туг» — знамя, бунчук; это может означать «знаменосцы» или «мятежные тюрки»[13]. Легенда гласит: «Тугъен (правильно Тугон. — Л. Г.) — имя одного храброго воина, жившего 1200 лет назад. Родом он был из Татарстана. Род тюрк-кальтатай является потомством этого человека»[14].

В. Х. Кармышева полагает, что эти «тюрки» относятся к потомкам тюркских пришельцев в Среднюю Азию, «возможно еще более ранних, чем

7 Ibid., P. 87.

8 ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 0171–0173, 1185.

9 М. И. Артамонов, Очерки...

10 E. Chavannes, Documents..., P. 265.

11 Б. Х. Кармышева, Этнографическая группа тюрки ..., стр. 4.

12 Там же, стр. 11.

13 Там же, прим. 3.

14 Там же.

предки карлуков»[15]. Вывод Б. Х. Кармышевой представляется вполне убедительиым, а собраииый ею материал — исключительио важным. Ои вполие подтверждает наличие в Средней Азии VII–VIII вв. (1200 лет тому назад) того самого племеии, которое мы иазываем «тюркют». В пользу иашего соображеиия говорят также этиографические особенности этого племени. «Тюрки» держатся обособленно от узбеков и киргизов и с ними в браки ие вступают. Вместе с тем они сохраиили до последнего времени навыки кочевого скотоводства[16].

И. И. Умияков, аииотируя «Историю Фахрэддииа Мубаракшаха», приводит перечень упомяиутых там тюркских племеи, первое место в этом перечие заиимает племя «тюрк». Умияков предполагает, что слово «тюрк» помимо коллективиого изваиия турок в XII–XIII вв., «вероятио, и раиьше служило также изваиием особого турецкого племеии»[17].

Это иесомиеиио так. И условиый термии «тюркют», предложеииый иами, помогает избежать путаиицы понятий и аберраций, жертвой которых стал даже такой гигант анализа, как Э. Шаванн. Должен прибавить, что ие прииимая его сиитетического построеиия, я отиюдь ие разделяю отрицательиого мнеиия В. В. Бартольда об аиалитической части исследования французского ориеиталиста[18].

Согдиана в составе каганата. Если силу ханы западиой ветви Ашина черпали у степиых племен Семиречья и Чуйской долины, то богатство притекало в их руки из оседлых владений Средней Азии и бассейна Тарима. Согдийские дехкаиы и купцы так миого хорошего видели от западиотюркютских ханов, что сами стали крепкой опорой престола. В начале VII в. Средияя Азия была на гребие своего экоиомического и культурного расцвета; торговля, земледелие и ремесла развивались с предельиой быстротой: религиозиые культы мирио уживались друг с другом; шелк, переливаясь из Китая в Византию, по пути частичио оседал в Бухаре, Самарканде, Чаче (Ташкент), Кашгаре, Куче и Турфаие в виде тяжелых золотых слитков, из которых изготовлялись украшеиия для жен купцов и дехкаиов. Но все это благополучие было результатом подчииения Согдиаиы тюркютскому хаиу.

Как ии странио, ио культуриый подъем средиеазиатских владеиий уживался с чрезвычайно иизким уровием политического самосозиания. Согдиана в VII в. была раздроблеиа на мельчайшие кияжества и, несмотря иа крайиюю иеобходимость, ие имела сил для объедииения. А ведь только политическое едииство гараитировало безопасиость торговых караваиов,

15 Там же, стр. 10
16 Там же, стр. 12
17 И. Умияков, История Фахреддина..., стр. 115.
18 ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 0185.

возделанных садов, мастерских в предместьях городов и т. д. Ханы Ашина обеспечили стране необходимый покой и не вмешивались во внутренние дела своих подданных. Согдийские города сохраняли полную автономию и только выплачивали ханам в виде дани часть доходов, получаемых с баснословно прибыльной торговли.

Согдийцы принимали весьма деятельное участие в политической жизни каганата. Заинтересованность в развитии караванной торговли определила их линию поведения. Северные кочевники дулу получали мало выгод от торговли шелком, так как были далеки и от рынков сбыта и от перевалочных пунктов. Иной раз им удавалось разграбить караван, шедший через Джунгарские ворота, но это не могло служить для них регулярным подспорьем, тем более что караваны часто обходили опасные места путем, шедшим от Кучи на Аулие-Ату[19]. Зато южные кочевники — нушиби, жившие неподалеку от Ферганы и Согдианы, регулярно пропускали через свои земли караваны, и им не было смысла нападать на них. Они взимали плату за пропуск, безопасность, за проводников, продовольствие и топливо и богатели вместе с согдийцами. Общие интересы сделали согдийских купцов сторонниками племен союза нушиби и ханов из династии Ашина, опиравшихся на них.

Это уравновесило силы боровшихся партий, и, несмотря на то что дулу имели за собой бескрайние равнины современного Казахстана с храбрым и воинственным населением, им не удавалось победить своих соперников - нушиби, получавших субсидии от мирных горожан. Нушиби занимали выгодное географическое положение: обладание склонами Тянь-Шаня в изучаемое время было насущной экономической необходимостью для тюркютов, так как эти лесистые и богатые водой районы были местами их летовок. Кроме того, Турфан снабжал кочевников наиболее необходимыми для них продуктами — хлебом и тканями. Этими товарами Турфан был столь богат, что они вывозились даже в Китай[20].

Вообще из всех восточнотуркестанских владений только два, Турфан и Хотан, играли заметную политическую роль. Но Хотан, лежавший в стороне от великого пути, за песками пустыни, Такла-Макан, больше тяготел к Тибету и Индии, тогда как Турфанский оазис был связан с Китаем и северными кочевниками. При анализе политики западнотюркютских ханов весьма полезно взглянуть на историю Турфана в период, когда там существовало княжество Гаочан.

Турфанский оазис издавна был одним из крупнейших культурных центров Восточного Туркестана. Китайцы вели из-за него ожесточенную

19 E. Chavannes, Documents..., PP. 8–9.
20 Ibid., P. 107.

войну с хуннами и, одержав победу, основали там военную колонию Гаочан-лей[21]. В период смуты, после падения дома Хань, Китай потерял Восточный Туркестан, но большое количество китайцев осело на благодатных землях Турфана. Полной самостоятельностью Гаочан не пользовался, последовательно подчиняясь жужаням, гаогюйцам, и, наконец, в 590 г. был завоеван тюркютами. Однако это завоевание не означало прекращения местной династии. Тюркюты лишь заставили гаочанцев принять в знак покорности тюркютские обычаи и одежду. Все это время в Гаочане боролись китаефильская и сепаратистская партии, причем последняя опиралась на кочевников. К концу VI в. значение Гаочана выросло настолько, что тюркютский хан счел возможным согласиться на брак своей дочери и гаочанского князя. Владетель Гаочана, бывший, кстати, сыном дочери тюркютского хана, пользуясь ослаблением тюркютов при ничтожном Жангаре Кимин-хане, ориентировался на Китай. В 609 г. он ездил к Ян-ди и получил от него в жены княжну из императорского дома.

Подводя итоги сказанному выше, можно заметить, что положение западной ветви Ашина было чрезвычайно трудным. Традиционный союз с согдийскими купцами неизбежно влек за собой вражду с Ираном. Гаочан оказался яблоком раздора между каганатом и Китаем. Хазары на западе были ненадежны, телесцы на востоке — явно враждебны. Наконец, главная опора династии — беги племенных союзов дулу и нушиби стремились к ослаблению ее власти, при которой они могли бы иметь максимум самостоятельности. Осуществление этой тенденции означало фактическую анархию, и только очень сильный и талантливый хан мог поддерживать авторитет центральной власти. А такие встречались не часто.

Гегемония Дулу. Чуло-хан Таман. 604 год был годом полного распада западнотюркютского каганата. Великий Кара-Чурин Богю-хан пропал без вести, сын его Нили-хан погиб, брат последнего, известный только под прозвищем Басы (Поши)-тегин, законный наследник престола, оказался задержанным в Китае. Вопреки законному порядку, в ущерб Шегую, правителю Чача, возведенным на престол оказался сын Нили-хана — Таман с титулом Нигю Чуло-хан. Новый хан при воцарении еще вряд ли умел ходить; он родился незадолго до гибели своего отца. Возникает вопрос: какая партия поставила его ханом? Географическое местоположение его ставки, «прежняя Усуньская земля»[22], т. е. долина р. Или[23], показывает, что власть оказалась в руках племен союза дулу. Они постарались ограничить власть хана путем рассредоточения ее, т. е. на западе и на

21 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 249–255.
22 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 279.
23 E. Chavannes, Documents..., P. 14.

востоке наместники получили титул «малых ханов», а в чиновную иерархию были введены дополнительно два чина. Сыфаян и Хуида, которые управляли государственными делами[24]. Малолетний хан стал игрушкой в руках своих вассалов.

Не менее существенна была реформа культа. Тюркютский хан, как уже говорилось, был не только военным вождем, но и первосвященником и два раза в год приносил жертву предкам и духу неба[25]. В Западном каганате беги лишили хана этой важной обязанности, и теперь для принесения жертвы на святое место ездил один из высших сановников. Это принижало значение не только самого хана, но и всех его соплеменников — тюркютов, которые, таким образом, оказались в оппозиции к правительству, возглавляемому бегами дулу, и ориентировались на союз с бегами нушиби и владетелями согдийских оазисов. Последние были согласны финансировать любого претендента, который бы согласился поставлять шелк и обеспечить безопасность на велком караванном пути. Однако тюркюты готовы были служить лишь хану из рода Ашина, а нушиби хотели вручить власть лишь человеку, к ним расположенному. Претендент, удовлетворивший всем этим требованиям, нашелся: это был князь Шегуй, внук Кара-Чурина Тюрка[26], принужденный довольствоваться скромным уделом — княжеством Чач. Летовка его, Мин-булак[27] (тысяча ключей), находилась к югу от р. Талас, в землях нушиби, с которыми этот князь, очевидно, поддерживал добрососедские отношения.

Победа нушиби. Шегуй-хан. Правительство, состоявшее из старейшин родов союза дулу и управлявшее именем Чуло-хана Тамана, оказалось несостоятельным. Восточные области отпали, грабежи дулусцев и телесцев препятствовали караванной торговле, и жертвы, принесенные ради заключения мира с Китаем, оказались безрезультатными. Внутри страны положение также становилось угрожающим. Беспомощность правительства толкнула согдийские города на непосредственное сближение с Китаем. За Турфаном, предложившим союз Китаю в 608 г.[28], в 609 г. последовали среднеазиатские владения: Ань (Бухара), Бокань (Фергана), Ши, Ми (Маймург), Цао, Хэ, Унагэ, Му, Кан (Самарканд)[29]. За ними в 610 г. послали посольства с дарами Куча и Гибинь[30]. Наконец явилось посольство и от Шегуя. Он добивался брачного союза, и китайское правительство

24 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 279.
25 Там же, стр. 230–231.
26 Там же, стр. 279, 281.
27 Пельо пишет Бинг-Юл (см. P. Pelliot, Le nom turc..., PP. 189–190).
28 E. Chavannes, Documents..., P. 169.
29 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 272–274.
30 Там же, стр. 257, 276.

сочло этот момент благоприятным для воздействия на Чуло-хана. Вместо невесты Шегую было послано пожалование его великим ханом и бамбуковая стрела с белым оперением, чтобы «дело шло также быстро, как летит стрела». Дулу перехватили посольство и отняли стрелу, но самому послу удалось «обманом освободиться»[31] и известить Шегуя о результатах переговоров. Шегуй немедленно выступил в поход на Тамана и наголову разбил его. Таман бежал на восток и, будучи по дороге ограблен и преследуем, сдался китайцам. Его приверженцы были разделены на три малые орды (612 г.)[32].

Конец Тамана был печален: в 618 г., уже после смены династии, восточные тюркюты потребовали у китайцев крови своего заклятого врага. Государственные советники сочли неблагоразумным из-за жизни одного тюркюта идти на конфликт и уговорили императора пожертвовать Таманом. Несчастного напоили допьяна и впустили тюркютского посла, который собственноручно его зарезал[33]. Убийство было совершено тайно, чтобы не ронять престижа новой династии в войсках и среди кочевников, и его как те, так и другие не одобряли предательства.

Переворот 612 г. полностью разрядил напряженность политической обстановки, возникшей из-за неуживчивости старейшин дулу. Все княжества Согдианы и бассейна Тарима вернулись под скипетр западнотюркютского хана. Исключение составлял только Гаочан, потому что он по своему географическому положению был более связан с телесскими племенами Джунгарии, которые получали из богатого оазиса необходимые кочевникам продукты земледелия и ремесла. Равно дорога, проходившая через Гаочан, вела в кочевья дулу, а она приносила гаочанцам огромные доходы от таможенных пошлин[34].

В результате князь Гаочана в 612 г. предпочел подчиниться дому Суй, нежели Шегуй-хану, покровителю карашарцев, кучасцев и согдийцев — его соперников по торговле. Шегуй-хан легко примирился с небольшой территориальной утратой, так как китайцы предоставили ему власть даже над теми оазисами, которые подчинились императору Ян-ди в 609 г.[35]. Усиление Шегуй-хана было даже на руку императору, который успел потерять интерес к Западному краю и все свое внимание сосредоточил на завоевании Кореи. Последнее его безумство стоило обоим народам много крови, а деспоту — трона и жизни, но корейскую войну мы рассмотрим в

31 Там же. т. I, стр. 282.

32 Иакинф Бичурин, История Китая.

33 У Н. Я. Бичурина (Собрание сведений..., т. 1, стр. 283) убийство Тамана приписано Тун-джабгу-хану. Однако см. E. Chavannes, Documents..., PP. 22, 52, 263; Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 358.

34 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 280.

35 Там же, стр. 283; E. Chavannes, Documents..., P. 24

другой связи, а пока вериемся к виутреннему положеиню Западного кагаиата.

Гегемония нушиби. Тун-джабгу-хаи. Победа Шеигуя означала восстановлеине положення, предшествовавшего гнбелн Кара-Чурнна Тюрка в 604 г. Внутреннее положение каганата упрочилось, внешнне затруднення рассеялись. Самая острая проблема — существоваиие в Джуигарин независимой телеской конфедерацин — разрешнлась сама собой. В 619 г. оба телеских вождя, кибнсский Мохэ-хаи Гэлэи н сеяньтоский Ышбар (Ишибо), отреклись от тнтулов и добровольио подчннилнсь Тун-джабгу-хаиу[36]. Этот факт лояльиостн свндетельствует, что действительной причнной войиы были ие телесцы и не хаиы Ашнна, а неукротнмые племена дулу, не умевшие и не хотевшне ладить с соседями. Дулу унаследовалн вониствеиные иавыки древних хуннов н, подобио нм, «умели сражаться на коие». Но то, что в свое время дало хуииам «господство над народами», иатолкиулось на мощное сопротивлеиие теперь. В VII в. купец встал рядом с богатырем и сумел купить себе достаточио стороннников, чтобы загнать степиых витязей в дебри н пустынн. Это своевременио понялн телесские старейшиины и покориостью обеспечили себе покой. Они зиали, что ханы Ашииа не позарятся иа их овец, так как ежегодио проходящие через степь караваиы сыпалн в ханские ладоин золото и шелка.

Зиачеиие караваииого путн для этого времеин подчеркнвается подбором городов, которые попалн в географнческнй раздел «Суйшу», н той последовательиостью, в которой оин там расположеиы. Основной путь лежал по северную стороиу Тянь-Шаия, и потому первым пунктом поставлеио княжество Гаочаи в Турфаиском оазисе, а вторым, также перевалочным пунктом, Каи, т. е. Самарканд, главный н самый богатый город Согда. Супругой владетеля Согда была тюркютская царевна, дочь Кара-Чурнна Тюрка; закоиы и письмеиность там были тюркютскне[37]. Самарканд был одиим нз тех городов, который миого выиграл от подчннения хаиам Ашииа и долгое время был нх опорой. Китайский географ специальио отмечает, что жители Самаркаида «нскусиы в торговле... миогие иностраицы приезжают к иим для торга»[38].

Следующнм пунктом иазвана Ань, т. е. Бухара. Здесь завнснмость от тюркютского хана ие отмечеиа. Но тем ие меиее Бухара входила в состав кагаиата и там располагался удел, в котором сидел шад, тогда как в Чаче (Ташкент) правил всего-иавсего тудуи. В отлнчие от прочнх городов

---

36 E. Chavannes, Documents..., PP. 24, 52, 263. Уточнение даты см.: Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 243.

37 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 281.

38 E. Chavannes, Documents..., P. 263.

Согдианы Чач оказал сопротивление Шегуй-хану, но был покорен и подчинен непосредственно царевичу из рода Ашина[39].

Затем таким же образом намечена вторая дорога: Карашар, Куча, Кашгар и Хотан, затем Фергана, Тохаристан и Идань, т.е. страна эфталитов. Это путь по южной стороне Тянь-Шаня, соединявший Китай с Индией. Области, по которым он проходил, были подчинены западнотюркютскому хану, причем покорение остатка эфталитов к югу от АмуДарьи оговорено источником специально[40]. Княжества в центре Средней Азии: Ми — Маймург, Шы — Кеш, Цао — Усрушана, Хэ — Кушания (Катта-курган), расположены в тексте не цепочкой, а кучно, ибо они находились на единой культурной площади. За ним несколько особняком сгруппированы Унагэ — Мерв, Му — Амуль и Босы — Персия, тюркютскому хану неподчинявшиеся[41].

Но Аму-Дарья была границей Западнотюркютского каганата только в среднем и нижнем течении. В верховьях тюркюты перешагнули ее и проникли через Афганистан в Северо-Западную Индию[42]. Подробных сведений о покорении этих стран не сохранилось, но тюркютам пришлось потрудиться. Это видно из единственной, но многозначительной фразы: «Тун-джабгу-хаган был храбр и предусмотрителен. Когда он давал сражения, он всегда одерживал победу»[43]. Эти победы позволили ему окружить своими владениями всю восточную границу Ирана. Шаханшах Хосрой Парвиз, связанный на западе упорным сопротивлением Византии, не имел сил помешать усилению тюркютского хана. Более того, армянские нахрары, которым шах поручил охрану восточной границы, передались тюркютам и были ими переправлены вокруг Каспийского моря на Кавказ, где приняли участие в войне против персов[44]. Восточная граница Ирана с 620 по 630 г. была беззащитна, и тем не менее Тун-джабгу не вторгся в Иран с востока. Это отнюдь не свидетельствует о его миролюбии. В то же самое время он развернул активную деятельность на Кавказе, но в Средней Азии продолжал царить худой мир.

Это странное явление может быть объяснено тем соотношением социальных сил, которое сложилось в Западном каганате вследствие победы нушиби. Купцы хотели торговать. Их не смущало, что они снабжают шелком враждебных персов, ибо перспектива победы была сомнительна и далека, а доход от сделок шел прямо в руки. Кроме того, поход Бахрама Чубина и разгром Авазы в 589 г. наглядно показали согдийцам, что персы

39 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 282.

40 Там же, стр. 286.

41 Там же, стр. 288; E. Chavannes, Documents..., P. 264.

42 E. Chavannes, Documents..., P. 130.

43 Ibid., P. 52.

44 Себеос, История императора Иракла, стр. 76.

способны наносить контрудары и, чего доброго, вернув Балх, поставить под свой контроль пути в Индню. Поэтому, толкая хана на войну с Ираном, они сумели заставить его перебросить войска за Каспийское море н обречь на разоренне Грузию и Армению, а самн сохранили в безопасности свон роскошные дворцы, сады и стада верблюдов.

Степи Юго-Восточной Европы в 20-х годах VII в. находились под властью тюркютов. Наместником хана был его младший брат, носивший титул «джабгу хаган» (джебухаган). Его сын был прн нем полководцем с титулом «шад»[45], который в «Истории агван» назван племянником «царя севера»[46]. Значит, джебухаган был братом «царя севера».

Ханом Западнотюркютской державы был в это время Тун-Джабгухан, суверенный государь. Надо полагать, что именно он выступал как «царь севера», тем более что дата гибели Джабгу-хана н «царя севера» одна и та же (630 г.). Старшие братья его к 626 г. умерли, но прн нем был младший брат, Мохо-шад. В промежутке между 618 и 626 гг. Мохо-шад ездил в Китай с днпломатической миссней[47], н больше о нем китайские анналы не упоминают. Самое естествеиное предположить, что он, получив титул ябгу, оказался правителем западных областей и вторым лицом после хана, так как он действнтельно был его ближайшим родственииком. Кто же из трех его сыновей выступает в «Историн агван» под наименованием «шад»? Старший нз ннх, Ннщу Гяна-шад, был удельным князем в Бухаре[48]. Где был удел второго, Тонга-шада, неизвестно, но так как он был долгое время другом карашарского владетеля, то надо думать, что они жилн неподалеку, т.е. удел Тонга-шада находился в Средней Азнн. Более всех подходит третий брат — Бури-шад, так как этот титул носили западные удельные князья, например племянник Тобо-хана[49].

Китайские хроникн не дают о нем ннкакнх библиографических сведений, что опять-таки косвенно подтверждает предположение о том, что его удел был на западе, зне поля зрення их авторов.

Предкавказье в начале VII в. населяли два народа: болгары (включавшне племена утургур, унногундур, оногур и др.[50]), жившие на правом берегу Кубани вплоть до Дона, и хазары, обнтавшие в низовьях Терека н Волги. В войнах 589 и 626–630 гг. хазары настолько тесно связалн свою судьбу с ханами Ашнна, что греческие н персидские авторы употреблялн

---

45 История агван..., стр. 127.

46 Там же, стр. 110.

47 E. Chavannes, Documents..., P. 55.

48 Наршахи, История Бухары..., стр. 48; J. Marquart, Wehrot und Arang, S. 151.

49 E. Chavannes, Documents..., PP. 111, 227.

50 М. И. Артамонов, Очерки..., стр. 33 и 113; Lebeau, Histoire du Bas-Empire, P. 225.

названия «турк» и «хазар» как синонимы. Однако эти народы были столь различны, что Шаванн специально предупреждает читателя о недопустимости их отождествления[51]. Хазар знали даже китайцы. В «Таншу» северным соседом Босы (Персия) и Фолинь (Рум — Византия) назван «дулгасское (тюркютское поколение кэса[52]. Такое название давалось китайцами только тем племенам, покорность которых была добровольной, а не вынужденной, как было, например, с телесцами и киданями. Будучи давними врагами Ирана, хазары всеми силами поддерживали политику нушибийских ханов, и, следовательно, возможными соперниками их могли быть только болгары, что и подтверждается косвенными упоминаниями источников.

Чрезвычайно существенно, что в закавказских походах болгары не участвовали. Но это понятно, если учесть, что авары держали под своим контролем всю кутургурскую землю, т. е. область причерноморских степей до Дона. Тюркютский джабгухаган был бы крайне наивен, если бы оставил эту границу незащищенной. По-видимому, ее охрана была поручена именно болгарам, что находит подтверждение в дальнейшем ходе событий. Но эта тяжелая и опасная обязанность, как и отстранение от сулящих добычу походов, не могла расположить болгар к нушибийской группировке. Действительно, в последующих событиях мы видим, что они выступают как сторонники дулу[53].

Степи современного западного Казахстана, древняя страна сабиров, также входили в Западный каганат. Удельным князем там был дядя Тун-джабгу-хана, носивший прозвище «Богатырь» и имевший достоинство малого хагана. Эта страна уже в VII в. называлась Сибирью, так как впоследствии «Богатырь» принял титул «Кюйлюг Сибир-хан». По своим симпатиям сибирские племена, подобно болгарам, тяготели к группировке дулу.

Организация орды. Китайские и греко-армянские авторы, описывающие Западнотюркютский каганат, ограничились поверхностью явлений, сосредоточив внимание на племенах, входивших в эль, а не на самой тюркютской орде, господствовавшей в нем. К счастью, экспедицией П. Пельо был обнаружен географический трактат второй половины VIII в., составленный пятью хорами (тогонцами) и переведенный на тибетский

51 E. Chavannes, Documents..., P. 256.

52 Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. II, стр. 326, 329.

53 Подробную аргументацию см.: М. И. Артамонов, История хазар, стр. 154–155.

язык[54]. Этот документ состоит из пяти докладов[55] «О царствах и племенах, обитающих на севере» (т. е. к северу от Тогона); в четырех описывается этнополитическая ситуация, современная им, а в одном (первом) — историческая, которую можно точно датировать концом царствования Тун-джабгу, что видно из состава племен, перечисленных в документе.

Понимание этого документа встречает ряд неожиданных трудностей. Прежде всего язык, на котором он был впервые составлен, повидимому южномонгольский, в отношении терминологии подвергся сильному влиянию китайского. Очевидно, авторы докладов были люди образованные и знали китайскую географическую литературу. Поэтому названия племен носят отпечаток традиционных фонетических искажений, свойственных китайскому языку. Затем, перевод на тибетский язык еще исказил названия племен, известных переводчику понаслышке, и тем не менее расшифровать документ можно при условии сопоставления его с суммой сведений, накопленных наукой, и при тщательной исторической критике. В четырех строках тибетского текста подлежащих анализу, содержится двенадцать (на самом деле одиннадцать) племенных названий. Указано, что «эти племена не имеют царя и выставляют 6 тыс. воинов»[56]. Отсутствие царя (очевидно, для каждого племени в отдельности) можно понять только так, что они непосредственно подчинены верховному хану и в отличие от прочих племен, входящих в каганат, лишены самоуправления. Если это верно, то они должны входить в систему толис-тардуш, двух крыльев западнотюркютского эля. Так оно и есть, хотя с небольшой поправкой.

Племена в перечне распадаются на следующие группы: 1) «племя царя Азма Мугана» — это род Ашина; 2) «хали», сопоставляется со словом «фули», китайским искажением тюркского слова «бури» (волк), т. е. гвардии тюркютских ханов; 3) «А-са-стэ» — название знатного тюркского рода Ашидэ[57]; 4) «Сар» — несомненно «сир», т. е. ведущий род племени сеяньто. Перечень заканчивается словом «дули», в котором легко усмотреть термин «толис»[58].

Дальше перечень идет с запада на восток: 5) «Ло-лад» — аланы с суффиксом монгольского множественного числа, что естественно, ибо до-

---

54 J. Bacot, Reconnaissance..., PP. 137–153. Бико ошибочно называет послов-докладчиков уйгурами, основываясь на мнимом совпадении звучаний: хор (тогонец) — хойхор (уйгур) и егур (шара-шарайголы) — уйгур. В IV–VIII вв. хорами именовались потомки белых сяньби, занявшие Цайдам и Амдо (Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия. стр. 144–152).

55 G. Clauson, A propos du manuscrit..., P. 18.

56 J. Bacot, Reconnaissance..., P. 145.

57 G. Clauson, A propos du manuscrit..., P. 18.

58 Бико пишет: Сар-ду-ли . Я считаю правильным разделить это слово на два и полагать дули // толис видовым названием, объединяющим всю группу племен. В противном случае надо было бы применить перечень к обоим каганатам, но в системе Восточного каганата сеяньто никогда не входили в раздел толис, тогда как в Западном они именно там и помещались.

клад писал житель Тогона; 6) «Парсил» — болгарское племя барсил, обитавшее по северо-западному берегу Каспийского моря[59]; 7) «Нги-ке», ср. титул Тамана — «Нигю Чуло-хан»; нигю — племенное название тюрок, обитавших «в древней усуньской земле»[60], т. е. на берегах оз. Балхаш; 8) суни — тюркское племя в Джунгарии, на границе Восточного и Западного каганатов[61]. Список заканчивается племенем джолто (9), эквивалента к которому нет. Думается, что здесь мы имеем искажение термина «тардуш», покрывающего все перечисленные племена, составляющие западное крыло каганата. В особое племя его выделил, как можно думать, тибетский переводчик, живший в то время, когда система «толис-тардуш» стала анахронизмом.

Следующие три племени: янь-ти, хе-бдал (эфталиты)[62] и гар-рга-пур, судя по среднему из них помещались в Средней Азии, в той части ее, которая была присоединена Тун-джабгу-ханом к каганату в 20-х годах VII в. В это время там жили потомки кушанов, этническая принадлежность коих к сарматам может считаться установленной. Тут вспоминается древнекитайское название для сарматских племен — янь и яньцай, в которых китаисты видели передачу этнонима «сармат». Мы уже видели, что потомки кушанов в 603 г. выступили против Ирана в союзе с тюркютами и 20 лет спустя их земли без заметной борьбы оказались присоединены к Западному каганату. Потомками Дахака, т.е. степняков, считался знатный род Сури, правивший в VII–XI вв. в Гуре[63]. Учитывая наличие китайских литературных реминисценций у нашего автора, можно с большой долей вероятности предположить, что он назвал обитателей степного берега Пянджа древним именем, чем доказал свою эрудицию.

Название гар-рга-пур состоит из двух слов: «пур» — сын (перс.), и Гар-рга — карга (тюркск.) — ворона. Это калька с персидского слова «чубин» — ворона[64], кличка Бахрама Чубина на придворном жаргоне времени шаха Хормизда[65]. Потомки Бахрама после его гибели остались жить в Балхе, в VII в. находившемся в пределах Западнотюркютского каганата; их считают предками Саманидов[66]. Видимо, горсть персидских эмигрантов, живших среди тюркютов на привилегированном положении расс-

59 М. И. Артамонов, История хазар..., стр. 312.

60 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 279.

61 Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 233.

62 G. Clauson, A propos du manuscrit..., P. 18.

63 В. В. Бартольд, Историко-географический обзор..., стр. 36; F. Justi, Iranisches Namenbuch, S. 317.

64 F. Wolff, Glossar zu Firdousis Schahname, S. 301.

65 Изад Гушасб, дабир Хормизда, намекнет шаху по поводу его сомнения о поведении Бахрама Чубина: Знай, что яства на празднике, где припев — слово ворона [Чубин], должны быть странными (Firdousi, Le livre des rois, VI, PP. 654–655).

66 Л. Н. Гумилев, Бахрам Чубин, стр. 231.

матривалась современниками как одно из племен, составлявших тюркютский эль[67].

То, что эти три племени, отличные от тюркютов по расе, языку и культуре и не входившие в систему «толис-тардуш», перечислены на равных основаниях с прочими, собственно тюркскими племенами, показывает, что они были инкорпорированы в орду как равноправные члены. Благодаря их лояльности тюркюты могли держаться у подножия Гиндукуша, так же как они держались у подножия Кавказа благодаря поддержке барсилов и части аланов, принятых в свою среду. Расовый принцип был чужд культуре древних тюрок.

В ханской ставке. Тун-джабгу-хан расположил свою ставку в благословенной зеленой степи к северу от оазиса Чача. Это был центр его обширных владений. Здесь он принимал посольства от императоров Восточного (китайского) и Западного (византийского). Но любопытно и существенно, что не дипломаты оставили для нас описание двора тюркютского владыки, а буддийские монахи, находившие у хана теплый прием и внимание. В 626 г. к хану прибыл индийский проповедник Прабхакарамитра с десятью спутниками и нашел в орде полный порядок и образцовую дисциплину[68]. Хан ласково беседовал с гостями, и они ни в чем не испытывали нужды. Им только не разрешили проехать в Китай, куда Прабхакарамитру приглашал китайский дипломат, познакомившийся с ним в ханской ставке.

Через несколько лет в ханские владения прибыл другой буддийский монах-китаец Сюань Цзан. Как только он добрался до оазиса Хами, его немедленно пригласили в Кагань-ступу, т. е. в Бишбалык[69]. По дороге его заманили в Турфанский оазис, и владыка Гаочана тоже захотел оставить при себе «святого человека», но мужественный паломник объявил голодовку и этим принудил предоставить ему свободу передвижения. Сюань Цзан, уезжая, обещал на обратном пути прочесть в Гаочане курс лекций по буддийской философии, но этому не суждено было сбыться. В 644–645 гг., когда он возвращался в Китай, гаочанское княжество уже перестало существовать[70].

Около места, где ныне стоит г. Токмак, паломник встретил Тунджабгу-хана, который развлекался охотой. Сюань Цзана поразило множество прекрасных лошадей. Хан был одет в халат из зеленого атласа; голова его

67 Предполагать, что азиатские историки VIII в. вкладывали в понятие племя тот же смысл, что и этнографы XX в.; — значит совершать грубую модернизацию. В эпоху военной демократии в Азии принималось в расчет не происхождение, язык, способ ведения хозяйства, религия, а только субординация по отношению к центральной власти и к племенам приравнивались любые спаянные коллективы, входившие в систему эли.

68 E. Chavannes, Documents..., P. 192.

69 Ibid., P. 193.

70 Оно было завоевано войсками империи Тан в 640 г.

была не покрыта, только узкая шелковая лента перехватывала лоб и удерживала волосы, ниспадавшие на плечи. Хана окружала свита из двухсот всадников, одетых в парчовые халаты. Их волосы были заплетены в косы. Прочие воины сидели на верблюдах или лошадях. Они были одеты в меховые или полотняные одежды и вооружены длинными копьями с флажками и прямыми луками. Их было так много, что конца войску не было видно.[71]

Эта картина дает возможность представить себе внешний вид богатого и роскошного двора западнотюркютского хана. В колорите нет ничего серого: переливаются атлас и шелка, горит на солнце парча, мягко поблескивают меха; играют сытые заводные кони, важно качают головами верблюды. Все празднично и разнообразно, даже прически, которые строго определяются племенными обычаями. И вместе с тем трогательное уважение к интеллекту. Нищего монаха встречают, кормят, слушают со вниманием и, наконец, дают ему возможность пробраться в Индию, откуда он обещает привезти крупицу мудрости. Но весь этот блеск и богатство едва пережили отъезд ученого гостя. Это было начало 630 г., а в конце его разразилась катастрофа.

71 E. Chavannes, Documents..., P. 194.

Глава XIII

РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ ТАН

Суйскнй дом и тюркюты. Власть Суйского дома иад восточными тюркютамн казалась окончательно утвержденой. Жаигар Киминь-хаи не только охранял граннцу, но н приинмал все меры к тому, чтобы сделать свой народ похожим иа китайцев. Он пытался заставнть тюркютов носнть кнтайскую одежду, стронть дома н сеять хлеб. Сам он жил в городках Кинхо н Днесян, построенных для него китайцами[1], но его подданные предпочиталн войлочные юрты. Хан, поимая, что единственная его опора — нмператор, старался упрочить союз еднственным известным ему способом — браком иа кнтайской царевие. На беду первая его супруга умерла, ио он немедленно выпросил замену. новая царевиа, Ичжеи, была препровождеиа к нему с велнкой поспешностью, нбо, как выясиилось потом, оиа совмещала роль жены с функциями секретного агента[2]. Кнтайское правительство продолжало опасаться тюртюков. Оио не без основаинй полагало, что воля хана далеко не отражает настроеиий народа.

В 607 г. Яи-ди подарил хану н царевне роскошные одежды, золотые кувшнны н шелковые ткаин. Подобные дары былн вручены царевичам и вельможам. Когда же нм показалось мало прнслаииого, то онн пригналн кнтайцам на продажу 3 тыс. коней и получили от казны 13 тыс. кусков шелка — непомерно высокую цену, являвшуюся по существу замаскированным подкупом

Зато в том же 607 г. указом была запрещена непосредствеиная торговля китайского народа с тюркютамн, вследствие чего последние лишились тех товаров, к которым уже успелн привыкнуть. Расчет кнтайского правнтельства был прост: хан и князья, на верность которых правнтельство рассчитывало, одарнвались сверх своей потребиостн и предполагалось, что

1 Liu Mau-tsai, Die Chinesischen Nachrichten..., S. 398.

2 Ibid., S. 393, 431.

простые воины получат из рук хана и знати эти излишки и оплатят их исправной службой. Пока же рядовые воины имели возможность удовлетворять свои потребности на свободном рынке, хану нечем было их привлечь. Примирить же их с Китаем помимо ханского посредничества даже не стоило пытаться. Более того, Ян-ди продолжал восстановление укреплений Великой стены, начатое еще империей Бэй-Ци, стремясь отгородиться от своих союзников.

Эта политика носила название «доброты и слабости»[3]. Она имела успех лишь до тех пор, пока на престоле каганата сидел правитель, парализующий усилия своего народа. Жангар вполне подходил для этой роли, но осенью 608 г. он умер, и Ян-ди назначил ханом его сына, шада Дуги. Это было прямое нарушение тюркютского закона о престолонаследии, но Ян-ди полагал, то с тюркютами уже можно не стесняться. Дуги принял титул «Шибир-хан» и взял в жены китайскую царевну, вдову своего отца, что должен был сделать согласно тюркютскому обычаю[4]. Уже этот первый шаг показал, что новый хан скорее похож не на своего слабого и робкого отца, а на хитрого и честолюбивого деда, Чулохоу.

Положение нового хана было крайне сложным. Во-первых, он не мог себе позволить продолжать приспособленческую политику своего отца. Против этого были настроены его подданные, да и сам он разделял их антипатию к Китаю. Но с другой стороны, каганат был лишен тыла. Западные тюркюты были крайне враждебны, причем смена хана Тамана на хана Шегуя не изменила характера взаимоотношений каганатов[5]. Кочевые подданные — уйгуры, бугу, тонгра, байырку, кидани и татабы — за время минувшей смуты успели показать, как легко ломается их лояльность. Наконец, сила Китая казалась не оборимой, но именно там произошли события, которые зажгли новую зарю тюркютской свободы.

Ян-ди. Все китайские историки от Вэй Чжэна (VII в.) до проф. Шан Юэ (XX в.) чрезвычайно отрицательно относятся к личности императора Ян-ди и в особенности к его деятельности. В значительной степени они правы, но надо принять во внимание, что и то и другое не случайно. Ян-ди был крайним представителем того класса, который выдвинул его на престол и поэтому сносил его бездарность и самодурство. Помещики группировки Гуаньлун образовывали партию, которую, будь это в наше время, мы назвали бы националистской и антинародной. Все усилия эта группа направляла на восстановление померкшего блеска эпохи Хань. С этой точки зрения понятны и подкупы князьков «Западного края» походы в Корею.

3 Ibid., S. 446.

4 S. Julien, Documents..., Vol. 3, P. 539; Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 245; Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 393.

5 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 283; E. Chavannes, Documents..., P. 24.

Ведь и та и другая страна подчинялись ханьскому Китаю. Не было нужды в том, что в VII в. Корея была заселена новым народом, что Ляодун уже не имел китайского населения и не мог быть базой для наступления на восток, что удерживать бедные оазисы вокруг Лобнора было бессмысленно при союзе с тюркютскими каганатами и т. д. и т. п. Но «национальная гордость» требовала полного удовлетворения, и потому совершались эти нелепые предприятия, а тяжесть их ложилась на плечи податного и служилого сословия.

Трезвое сознание многомиллионного китайского народа не могло примириться с тем, что тысячи людей изнурялись и гибли ради утопических целей императора и придворной клики. Росло недовольство в массах. Оно не укрылось от глаз правительственных соглядатаев и заставило императора принять меры. В 609 г. был издан указ, запрещавший простым людям иметь железные вилы, серпы, шилья и ножи[6]. Но предосторожность не помогла. В начале 610 г. толпа, наэлектризованная буддийской проповедью о пришествии спасителя мира Майтрейи, ворвалась в императорский квартал Лояна, обезоружила стражу и начала восстание. Конечно, оно было тут же подавлено регулярными войсками, но жестокие репрессии не устрашили китайский народ. С этого времени можно говорить о разрыве между династией и страной, но Ян-ди считал, что это мелочь.

В 611 г. началась война с Северной Кореей (Когуре). Поводом к ней послужил отказ корейского царя лично прибыть ко двору императора для принесения покорности. Огромная армия, численность которой определяли в 1130 тыс. человек[7], весной 612 г. двинулась на восток. Император принял верховное командование и категорически запретил командирам отдельных частей проявлять инициативу. По каждому вопросу они должны были обращаться в ставку и ждать указаний, а так как гонцы не успевали обернуться своевременно, то войска бездействовали и давали возможность корейцам перестраиваться. Снабжение армии было налажено плохо, и в результате этого наступление захлебнулось. При отходе корейцы сильно потрепали китайский арьергард. Из 350 тыс., перешедших Ляошуй, вернулось только 2700 человек. Бездарность, приведшая к позорному поражению, вызвала возмущение не только в народе, но и в господствующем классе. Даже Ян-ди понял это и в следующем, 613 г., отправляя новую армию в Корею, разрешил командирам действовать по своему усмотрению[8]. Но было поздно: недовольство правительством вылилось в мятеж.

---

6 Шан Юэ, Очерки..., стр. 192.

7 Там же, стр. 191.

8 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 61.

В Шаньдуне восстали дезертиры. Они пели песню: «Не пойдем умирать в Ляодун»[9]. Летом 613 г. крестьяне Шаньдуна, Хэбэя, Хэнани отказались идти на военную службу и организовали многочисленные повстанческие армии, но они не могли тягаться с регулярными войсками правительства и терпели поражения, после которых следовали жестокие казни. Поход на Корею, несмотря на сопротивление народа, начался.

Корейцы защищались отчаянно, хотя силы их в сравнении с китайскими были ничтожны. Уже казалось, что дни корейской независимости сочтены, и вдруг вся китайская армия покатилась назад. Оказалось, что князь Ян Сюань-гай, наместник Шу (Сычуани), пользуясь отсутствием императора, поднял мятеж и осадил Лоян. Ян-ди поспешно вернулся с войсками, и Ян Сюань-гай был вынужден бежать. Чтобы не попасть в руки врага, он просил своего верного друга заколоть его[10].

Ян-ди считал, что единственный способ упрочения власти — это казни. За восстание Ян Сюань-гая поплатились жизнью 30 тыс. совершенно непричастных людей, имущество которых поступило в казну[11]. Прибыв в Лоян и увидев на улице прохожих, император цинично заметил: «Похоже, что здесь еще много народу».

Еще уменьшить численность населения Ян-ди помогли корейцы, почти начисто уничтожившие арьергард брошенной императорской армии. Немало сделал и полководец Ван Ши-чун, посланный на усмирение Южного Китая. Перед возжженными благовониями он клятвенно обещал повстанцам прощение, а затем 300 тыс. сложивших оружие были заживо закопаны в землю.

В 614 г. Ян-ди снова двинул войска в Корею, но тут «мятежники, подобно пчелиным роям, поднялись»[12]. Однако корейцы не хотели войны и прислали посольство с предложением мира на прежних условиях номинальной покорности и предоставления небольшой дани. Ян-ди был вынужден согласиться, так как перед ним стояла задача сначала победить собственный народ.

В 615 г. императорским указом было предложено сельскому населению перейти в города; почтовые станции, дозорные вышки и деревни окружались стенами, за которыми бушевало море крестьянской партизанской войны[13]. Убежденный в действенности принятых мер, император решил отдохнуть от забот и от летней жары. Со своим пышным двором и гаремом он прибыл в северную Шаньси, чтобы поохотиться и попировать,

9 Шан Юэ, Очерки..., стр. 193.
10 H. Cordier, Histoire generale..., P. 401.
11 Шан Юэ, Очерки..., стр. 194.
12 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 87.
13 Шан Юэ, Очерки..., стр. 194.

пока его войска ловят и казнят его подданных. Тут-то наступил момент, которого долго и терпеливо ждал тюркютский хан.

Шибир-хан. Официальным поводом для поездки, которую предпринял Ян-ди, была проверка северной границы. Там действительно было очень неспокойно, так как обитатели пограничной полосы — потомки тобасцев — были в числе обиженных суйским режимом. Они давно уже перестали быть тобасцами, но в VII в. еще не стали китайцами, составляя особую этническую группу, равно удаленную от Китая и Великой степи и равно близкую им обеим. Тюрки называли эту народность «табгач», и я считаю полезным принять такой термин. В наступающей смуте табгачи не могли не принять непосредственного участия, так как былая воинственность была ими сохранена. Но действовали они бессистемно, так как успели утратить спаянность и организованность. Один из их вождей — полководец Ли Юань, князь древней области Тан, был лоялен династии; другие, как, например, некие Боюй-со, Ван Сю-ба и Вэй Дао-эр[14], крамольничали при поддержке тюркютов. Навести порядок было необходимо, но император вместо этого предавался развлечениям в замке Фынь-ян-гун[15]. Как только это узнал тюркютский хан, он поднял своих соплеменников, кочевавших в Ордосе, и бросился во главе их на ловлю императора. Но китайская разведка тоже не дремала. Царевна, ставшая супругой хана и добросовестно следившая за ним, успела донести Ян-ди об опасности[16]. Благодаря этому император успел скрыться в крепости Яймынь, расположенной в системе Великой стены. Тюркюты осадили крепость и одновременно разгромили всю область. Пало 39 укреплений. Устояли только крепость Го и сама Яймынь. В Яймыне укрылось до 150 тыс. солдат и гражданского населения. Кирпичами из разобранных домов заделывались пробоины в крепостных стенах. Припасов могло хватить лишь на 20 дней. Когда тюркюты бросались на приступ, их стрелы падали около императора, находившегося, естественно, в самом безопасном месте. Это значит, что простреливалась вся крепость. Доблестные солдаты и горожане отбивали атаки, а «великий» император, «обняв своего сына, от страха так плакал, что глаза у него распухли»[17].

Тюркютский набег был рассчитан исключительно на внезапность. Выдерживать бои с полевыми дивизиями и закаленными пограничниками Ли Юаня тюркюты не собирались. Поэтому, когда регулярные войска поспешили на выручку своего императора, Шибир-хан снял осаду и отступил

14 Иакинф Бичурин, История Китая (годы 613, 615); Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 71.

15 Замок был расположен в 160 ли к северо-западу от Цзин-э-сяня — на горе Гуаньчень, на берегу р. Фыншуй (Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 541).

16 S. Julien, Documents..., Vol. 3, P. 540.

17 Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 545.

в степи, сохраняя своих воинов для иовых подвнгов. Корпус Ли Юаня, ворвавшнсь в ордосскне степи, обнаружил там около 2 тыс. старнков и больных, которые палн жертвой разъяренных кнтайских ветеранов. Для более решительного ведения войны Ян-ди нанял солдат за деньги, что для того времеин было нсключительным событием[18]. Очевидно, проводить мобилизацию в условнях смуты было невозможно, а он считал своим долгом отомстить кочевннкам за перенесеиный им нспуг. Естественно, что после этого война между тюркютами и Китаем не прекратилась.

Повод к восстанию Шибнр-хана, как оказывается, дали китайцы. Суйское правнтельство, встревоженное усилением Шибнр-хана, попыталось применить к тюркютам свою обычную политику. По совету преемника Чжаи-сунь Шэна, Фэй Гю, младшему брата хана, Чжнги-шаду, были предложены царевна н титул «южного хана»[19]. Этнм путем китайцы хотели разделить силы тюркютов; одиако Чжнги-шад иаотрез отказался от такого предложения и сообщил о нем брату, что еще усилило вражду последнего к Суйскому дому. Не смущаясь иеудачей, Фэй Гю предложил Ян-дн захватить обманом наиболее подозрительных тюркютскнх старейшин. Жертвой стал некто Хусн. Он был приглашен в г. Ман якобы для получения подарков, схвачен и обезглавлен вместе со своимн спутннками. Вероломство нмператора толкнуло Шнбир-хаиа на войну[20].

Сиачала, в 616 г., военные действня велись довольио вяло. Отряд Лн Юаня, обученный методам степной войны, с успехом отбнвал тюркютскне набеги на граннцу. Несмотря иа это, смертельио напугаиный Ян-дн уехал на юг, подальше от тюркютов. Он заперся в крепости Цзянду (Янчжоу), где предался разгулу, бросив страну на пронзвол судьбы[21]. Последствня не замедлили сказаться.

Легкого толчка Шибир-хана оказалось достаточно, чтобы опрокннуть нуть гнилой режнм. За 617 г. в Китае вспыхнуло пять восстаний. Восстали князья, генералы, атаманы разбойничьнх шаек. Шнбнр-хан прннял в смуте самое живое участие. Хотя все повстанцы заискнвали перед нним, он выбрал союз с генералами Лян Ши-ду н Лю У-чжоу, послав нм лошадей и знамя с золотой волчьей головой. Позднее он договорился и со своим главным противником Ли Юанем[22].

Настало время, когда тюркюты сполна отплатилн китайцам за недавнее уннжение. Шибнр-хаи стал фактнческнм хозянном Средниной

18 Ibid., S. 445.

19 S. Julien, Documents..., Vol. 3, P. 541.

20 Ibid., P. 542. Фей Гю считал, что тюркюты простые и наивные, поэтому между ними легко сеять раздоры (Lie Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 397).

21 H. Cordier, Histoire generale..., P. 402.

22 Иакинф Бичурин, История Китая.

империи. Грабительские иабеги тюркютских латинков простирались до стен Цзиньяиа. Множество китайцев перебежало иа сторону тюркютов н умножило их войска. Кидань, Шивей, Тогои и Гаочан подчиилились Шибнрхаиу[23].

Лн Ши-минь. Смута, постигшая Среднииую имперню, была не случайна. Китайскне патрноты мечтали о воссоздаиии величия импернн Хань, забывая, что за ним следовала кровавая смута Троецарствия и нашествня хуннов. И теперь, только за предельио краткнй срок, прошел тот же, но на этот раз искусственио воссозданный процесс. Так же сцепилнсь между собой воеводы, а место южиых хуииов моглн занять табгачи, которым не хватало только иастоящего вождя. Но и ои иашелся: это был Ли Шн-мииь, второй сын полководца Ли Юаня.

Фамилия Ли в древиости прииадлежала к китайской служилой знати. В 400 г. Ли Хао был правителем Аньси и Дуньхуана, поддаииым княжества Бэй Лян (Хэси). Пользуясь смутамн, ои отделился и объявил себя государем княжества Си Ляи с цеитром в Лянчжоу[24]. В 422 г. это княжество было покореио хуниамн и род Лн вернулся в свое первоначальное состояние, снова став служилой зиатью. Таковым он оставался прн дииастиях Тоба-Вэй н Бэй-Чжоу. Члены рода Лн былн предаиы тобасским владыкам и потому заиимали важиые посты в админнстрации[25] н, наконец, получили наследственный титул Танского гуиа[26]. Деловые, личные и брачиые связи иа протяженни 200 лет превратилн род Лн в ту полутобасскую, полукитайскую знать, которую мы выше охарактеризовалн как особую народность — табгач.

Немалую роль тут сыграла и классовая прииадлежиость. Ли были богатыми землевладельцами, и быт связывал их больше с такими же табгачскимн помещиками, чем с китайскими батраками и арендаторами, работавшими на их полях. Вершины процветаиня достиг Ли Ху, отец Ли Юаия, которому за участие в перевороте, прнведшем к власти Юйвынь Цзю, была пожаловаиа почетная фамилия Дае[27]. Яи Цзяиь отобрал у Лн Юаня эту честь, но оставил его правнтелем Тайюани.

Вся историня этого рода показывает, что его иитересы совпадали с чаяииями табгачских помещиков Севериого Китая, но Ли Юаиь ие обладал качествами политика н вождя, а был просто хорошнм генералом. Зато эти качества в высокой степеин нмелнсь у его второго сына, Ли Шн-миия,

23 S. Julien, Documents..., Vol. 4, P. 202.

24 Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 184.

25 Gaubil, Abrege..., P. 411.

26 Третья степень китайской чиновной иерархии.

27 Шан Юэ, Очерки..., стр. 197.

который побудил своего отца принять участие в развернувшейся гражданской войне.

Любое вооруженное выступление в условиях классового взрыва и гражданской войны должно иметь свой социальный смысл и программу. Только таким путем оно может приобрести сторонников и добиться успеха. Поскольку весь Китай был охвачен крестьянским движением, а уцелевшие помещики и чиновники прятались по городам, то Ли Шиминь выступил с программой «умиротворения», восстановления власти династии Суй, почему начатая им война была названа «справедливой».

Кому была на руку эта программа?

Во-первых, табгачским помещикам Северного Китая, желавшим посадить на престол своего человека и прижать вельмож из «группировки Гуаньлу». Во-вторых, мелким китайским помещикам и чиновникам, которых крестьяне могли безнаказанно убивать, тогда как вельможи сидели в безопасности в своих укрепленных дворцах. В-третьих, восставшим крестьянам; как только их перестали закапывать заживо в землю, а стали кормить зерном из государственных амбаров, они бросили оружие и разошлись по деревням, чтобы вернуться к мирному труду, ибо с самого начала только этого им и не хватало. В-четвертых, тюркютам, которые вместо презиравших и ненавидевших их китайцев увидели рядом с собой человека, привыкшего к их быту и нравам. Конечно, Ли Юань наносил им сильные удары, пользуясь их же собственными методами войны, но за удаль в бою не судят, и тем более приятно подружиться с храбрецом.

Против начавшегося движения выступили сторонники династии Суй, не без основания увидавшие в танском войске стремление возродить ненавистные им традиции полукочевых империй Вэй и Бэй-Чжоу. Многие из противников Ян-ди готовы были положить жизнь за осуществление принципов империи Суй. Поэтому война оказалась крайне ожесточенной.

Но что же делал виновник кровопролития, «государь Победоносной империи, великий и неповторимый Ян-ди»? Запершись в своем роскошном замке, он делил свои досуги между вином и красавицами, очевидно не отдавая себе отчета в том, что он натворил. Своим бездействием он настолько парализовал энергию своих сторонников, что один из них придушил пьяного деспота и объявил себя императором. Этим поступком убийца только сыграл на руку Ли Юаню, превратив его из мятежника в защитника попранной законности.

Тем временем танская армия росла и побеждала. Зимой 617 г. Ли Юань взял Чаньань, где после казни нескольких вельмож, связанных со старым режимом, объявил амнистию, чем привлек на свою сторону симпатии широких масс народа. Сверх того, престарелый, заслуженным чиновникам он жаловал почетные звания. Государственные амбары были

открыты для бедняков, а дворцовых наложниц отпустили к их семьям. Солдатам запрещалось грабить население; жестокие законы суйского времени были отменены, и вместо них принят новый кодекс, по которому «подлежали смерти: убийцы, грабители, предатели и мятежники»[28], т. е. противники нового правительства. Как только прилетела в Чанъань весть об убийстве Ян-ди, Ли Юань объявил себя императором Гаоцзу и назвал свою династию Тан. Это случилось 18 июня 618 г.

Изменники. Шибир-хан имел все основания рассматривать коронацию Ли Юаня в Чанъани как свою победу. Ли Юань был только одним из претендентов, которые искали поддержки у тюркютского хана, и шансы танского князя на победу зависели в значительной мере от помощи, которая приходила с севера. Для ремонта кавалерии тюркюты пригнали 2 тыс. коней, для подавления противника прислали 2 тыс. латников[29]. Больше Ли Юань не решился принять, чтобы не оказаться во власти слишком могущественного союзника[30]. Шибир-хан не считал, что танские войска в ближайшее время смогут завоевать огромный Китай, где несколько храбрых и талантливых полководцев защищали свои владения до последней капли крови. Однако военный талант Ли Ши-миня и стойкость табгачей, привыкших к непрерывной войне на границе, превозмогли упорство китайских традиционалистов, и к 624 г. страна лежала у ног танского императора. Эта война всецело относится к истории Китая, и поэтому мы не останавливаемся на ее перипетиях и драматических эпизодах. Для нашей темы важнее вторая, меньшая группа противников и Суйского и Танского домов, искавшая помощи у тюркютского хана.

К счастью, сохранился список их предводителей, и мы имеем возможность охарактеризовать то движение, которое поддерживал Шибирхан: 1. Го Цзы-хэ — гвардейский офицер левого крыла легкой кавалерии. Во время голода он вместе с 18 другими заговорщиками захватил провинциальный город и убил правителя, которому изголодавшийся народ не оказал помощи. Затем Го Цзы-хэ объявил себя «царем вечной дружбы». Поддавшись тюркютскому хану, он назвал себя «Сын неба, уничтожающий дом Ян» и одновременно принял тюркютский титул «Бури шад» (волк-князь). 2. Лян Ши-ду — офицер гарнизона крепости Шофан (в западном Ордосе). Захватив город при помощи нанятых разбойников, он убил правителя и объявил себя императором династии Лян. Подчинившись тюркютам, он получил от них титул «Тарду Бильгехан». 3. Лю У-чжоу — кавалерийский офицер из крепости Ма-и (в восточном Ордосе), за-

28 Там же, стр. 198.

29 Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 450, 454.

30 Ibid. Император в 618 г. сказал: Мы хотим только использовать их могущество, чтобы привлечь на свою сторону иноземцев.

ручившись сочувствием десяти товарищей, вошел в приемный зал правителя, выволок его оттуда и убил. Никто ие решался ему помешать, иаоборот, вскоре под его зиамеиа стеклось 10 тыс. вонию в. Он скромио объявил себя правителем и послал к Шибир-хаху просьбу о помощи. В ответ он получил зиамя с золотой волчьей головой и титул: «Хагаи, уинчтожающий дом Яи и императора». Против суйских войск ои действовал весьма удачио и захватил большую часть севериой Шаиьси, что позволило ему заявить претеизию иа императорский титул.

Прочие были того же пошиба — авантюристы без чести и совести. В истории оии существенной роли не играли и перечислять их ие стоит. Оии были продуктом той деморализации, в которую ввергла Китай преступная тираиия Ян-ди. По своему психическому облику оии были коитрастны китайским традициоиалистам, боровшимся против таиских войск виутри страиы. Но среди миогочислеииых мятежииков были и случайиые люди. В 621 г. иекоторые офицеры, отдаииые под суд за пьяиство и буйство, возмутили свои отряды, выбрали иачальииком иекоего учеиого, по имеии Лю Хэй-да, под страхом смерти предложили ему встать во главе их и добиваться троиа. Несчастному Лю Хэй-де оставалось только согласиться.

Поиятио, что тюркютский хаи имел все осиоваиия относиться с презреиием ко всем этим «императорам», которые сохраияли свои головы только благодаря его поддержке. Поэтому, вероятно, ои помог Ли Юаию взойти иа престол, полагая, что он не лучше других и воцареиие его только ослабит Китай. Кроме того, Ли Юаиь действовал крайие дипломатичио, обращаясь в письмах к хаиу как к равиому государю, что шло в разрез с китайской традицией[31]. В 613 г. посол Шибир-хаиа во время пира сидел рядом с императором, ио уже в 619 г. хан поиял свою ошибку и события потекли по иному руслу.

Смеиа вех. От осведомителей тюркютского хаиа не укрылось, что таиское правительство проводит огромиую созидательиую и оздоровительиую работу. Хаи ясио поиимал, что ему выгодеи Китай слабый и раздроблеииый, а ие благоденствующий и богатый. Особенно должна была его обеспокоить военная реформа. По вступлеиии на престол Ли Юань вместе с Ли Ши-миием реоргаиизовали всю армию: «Дииастия Гхаи учредила в столице восемь дивизий. Каждая дивизия делилась иа восточиую и западиую, и посему всего считалось 16 дивизий. Сих-то 16-ти дивизий воеииыми чииами дом Тхаи жаловал иностраиных владетелей и заграиичных своих вассалов»[32].

31 Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 464.

32 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 248.

Рядовой состав этих дивизий комплектовался также из наемников, которых называли «илохэ», т. е. «молодцы, отборные, крепкие люди». Оценку новой армии дал Ли Ши-минь, сказав: «В древности, при Ханьской династии, хунну были сильны, а Китай слаб. Ныне Китай силен и северные варвары слабы. Китайских солдат тысяча может разбить несколько десятков тысяч их»[33]. Эти слова оказались правдивыми.

В 619 г. Шибир-хан с небольшим войском вступил в Ордос соединился с Лян Ши-ду. Вскоре к ним примкнул Лю У-чжоу и союзники готовы были вторгнуться во Внутренний Китай[34]. Испуганный появлением нового врага, Ли Юань приказал восстанавливать укрепления Великой стены и строить земляные валы на горных перевалах, но Ли Ши-минь отговорил его, сказав, что следует полагаться на изобретательность и находчивость боевых командиров, а не на камни[35]. Однако вторжения не произошло, так как хан заболел и умер. В Чаньани сделали вид, что потеряли лучшего друга. Император лично «изъявил сожаление» и отправил «для похорон» 30 тыс. кусков шелковых тканей. Этим была отсрочена на год неотвратимая война. За этот год империя Тан успела укрепиться, а в тюркютском каганате произошли события, значительно уменьшившие его мощь.

Танский Китай и степь. В сознании древнего китайца эпохи окрашены в символические цвета. Белой представлялась эпоха ранней Цинь, которая в известной легенде о сне Лю Бана персонифицировалась белой змеей, пожранной красной змеей, т.е. Хань. Красный цвет был для Китая национальным, голубой символизировал степных кочевников, черный — тибетцев; желтый цвет, олицетворяющий стихию земли и верность, принял основатель династии Вэй — Тоба Гуй[36], а Тан?.. Тан для цветового восприятия представлялась пестрой.

Действительно, 618 г. стал переломной датой не только для Китая, но и для всей Азии. Великий полководец, администратор и политик Ли Ши-минь, подобно Александру Македонскому, хотел не просто завоевать страны с разными культурами, но и сроднить эти культуры, заменив тесным общением исконное противопоставление «цивилизованного» Китая кочевым варварам. До сих пор культурный обмен шел стихийно; с 618 г. его начали поощрять сознательно. Бурное время благоприятствовало начавшемуся процессу: множество китайцев, бежавших от суйской тирании, осело в тюркютских кочевьях и породнилось со своими гостеприимными хозяевами.

---

33 Вэйсян-тункао XVI, цз. 344, стр. 17а, 17б. Перевод проф. Н. В Кюнера. См. Л. Н. Гумилев, Статуэтки..., стр. 243

34 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 248

35 Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten.... S 464

36 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 248.

Немало степных удальцов стекалось под знамя отважного воина Ли Юаня. Их принимали на службу, не задаваясь праздным вопросом: кто они китайцы или тюрки? Они женились на изнеженных китайских девушках и, довольные новой судьбой, видели смысл жизни в военной службе или придворной карьере. Так создавалась империя, так умножалась народность «табгач», и таким образом оказалась проломанной Великая стена как в прямом, так и в переносном смысле.

В Китае возник большой интерес ко всему иноземному. Был составлен китайско-тюркский словарь, который, к сожалению, не сохранился. Музыка разных народов, в том числе и тюркская, исполнялась императорским оркестром еще со времени Бэй-Чжоу, исторической предшественницы Тан, а в интересующую нас эпоху получила полное признание. Шел постоянный обмен людьми: в Чаньани уже в 20-х годах VII в. жило 10 тыс. семей тюркютов[37]. Их одежда и нравы импонировали китайской знати, и возникла мода на все тюркское[38], как в Риме II в. подражали германским вкусам, а в Византии VIII в. — хазарским[39]. С каждым годом мода на кочевнические обычаи делала успехи, пока не вошла в быт придворных кругов и знати. На пирах подавались «заграничные блюда» под иноземную музыку. Тюркская одежда — зеленый или коричневый халат с воротником, запахнутый налево и подпоясанный ремнем, стал в Танскую эпоху обычной одеждой[40]. Но еще больше понравилась китайцам юрта, которая в зимнее время была жилищем несравненно более совершенным, нежели китайские дома VII в.

Преимущества юрты весьма подробно описал поэт Бо Цзюй-и (772–846). Китайские вельможи ставили юрту у себя во дворе и переселялись в нее на зимнее время. Бо Цзюй-и называет юрту «голубой», очевидно подчеркивая цвет, который символизировал тюрок. Поскольку этот источник лишь недавно введен в научный оборот, я полагаю уместным привести его полностью.

Прощание с юртой и очагом

Я помню, я помню дыханье зимы
И посвист летящего снега
Я стар, мне не сносно дыхание тьмы
И мертвенный холод ночлега.

---

37 Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 466, 467.

38 Когда принц Ли Чжэн-князь был мал, он любил язык и одежду тюркютов. Он выбирал товарищей, похожих на варваров. Он велел принести себе шкуры баранов, чтобы играть с юртами, знаменами, украшенными волчьими головами, овцами и лошадьми, подражая жизни тюркютов. Он хотел стать шадом тюркютского хана! (ibid., S. 467).

39 М. И. Артамонов, История хазар, стр. 233.

40 Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 469–470.

Но юрта, по счастью, была у меня,
Как северный день голубая.
В ней весело прыгали блики огня,
От ветра меня сберегая.

Как рыба, что прянула в волны реки,
Как заяц в норе отдаленной,
Я жил, и целили меня огоньки
От холода ночью бездонной.

Проходит тоска оснеженных ночей,
Природа в весеннем угаре.
Меняется время, но юрте моей
По-прежнему я благодарен.

Пусть полог приподнят, на углях зола,
Весною печально прощанье,
Но сколь не спалит меня лето дотла,
То скоро наступит свиданье.

Лишь стало бы тело чуть-чуть здоровей,
И встречусь я осенью с юртой моей[41].

Это стихотворение, подобно многим средневековым стихам, имеет двойной смысл: прямой и аллегорический. Под весенним угаром и меняющимся временем понимается не только смена времен года, но и осложнения отношений с кочевниками. Бо Цзюй-и, бывший крупным чиновником, всегда лояльным к имперской политике, надеется, что все уладится и мир с соседними варварами будет восстановлен. Здесь он выражает в поэтических образах основное направление имперской политики.

Итак, танская империя претендовала на мировое значение. Это определило ее дальнейшую политику, ее небывалый расцвет и кровавый конец. Объединение Китая и степи, как и всякое начинание, имело свою оборотную сторону: танские монархи хотели опираться на всех, а в критический момент их не поддержал никто. Благодаря мужеству своих командиров и стойкости воинов, танские монархи шли от победы к победе, но их государство от этого только слабело. По существу все земли, которыми они владели, были покорены оружием, и Китай был их первой добычей. Однако их умение миловать побежденных, ценить прекрасное и любить далекое стяжало культуре этого времени заслуженную славу в веках.

41 Стихи переведены с немецкого подстрочника.

Глава XIV

ВОСТОЧНЫЙ КАГАНАТ

Чуло-хаи. 619 год был и для Китая и для Восточиотюркютского каганата годом кризиса и перелома. Имеиио тогда определилась расстаиовка сил и иеизбежиость столкиовения между табгачами и тюркютами. По существу политика Шибир-хаиа по отношеиию к Китаю была крайие недальновидиа. Табгачские пограиичные помещики, воииствеииые и выносливые, как сами тюркюты, оказались гораздо более опасным противником, чем природиые китайцы, и брат Шибир-хана, вступивший на престол с титулом Чуло-хаиа, поиял это и поспешил исправить просчет своего предшествеииика. Продолжая поддерживать ставлеиников своего брата, авантюристов Лян Ши-ду и Лю У-чжоу, ои одновременно объявил себя защитииком дома Суй и вступил в сиошеиия с китайскими «патриотами» Ван Ши-чуном[1], правителем Цзиичэигуаиа (к северу от Лояиа), и Доу Гяиь-дэ[2], державшим в своих руках Хэбэй и пограничный райои Шаньдуи-Хэнань. Стремясь выбить из-под иог таиского императора осиову закоииости, Чуло-хан объявил себя сторонииком восстаиовления династии Суй, предоставил убежище императрице и признал за претендентом, князем Ян Чжеи-дао титул «ван». Сторонники диιастии Суй, а их иашлось иемало, бежали к тюркютскому хану и вскоре организовали эмиграитское правительство с резиденцией в г. Диисяи, около Датунфу в Шаньси. Одновремеиио при поддержке 2 тыс. тюркютов двииулся в поход Лю У-чжоу. Таиская империя была зажата в клещи.

Переориеитация Чуло-хаиа на поддержку свергнутой диιастии ие могла ие обеспокоить пограиичных претендентов, которым победа Суй, равио как и победа Тан, сулила плаху. Поэтому оии сочли за благо просто призиать иад собой власть тюркютского хана и сохранить жизнь. Воена-

1 Тем самым, который, нарушив клятву, живыми закапывал в землю сдавшихся ему повстанцев.

2 Один из вождей повстанцев, принявший титул князя Ся и боровшийся против династии Тан.

чальник Лян Ши-ду, забыв о своем пышном титуле, в начале 620 г. обратился к Чуло-хану со следующим предложением: «В Чунъюани происходят смятения, и страна разбилась на несколько царств. Положение равно, силы, и потому все покоряются туцзуевцам (тюркютам). Ныне Танский покорил всю империю. Я не страшусь собственной погибели, но боюсь, чтобы не дошла очередь до вас. Лучше, пока он не утвердил престола, овладеть на юге Чжунюанью, а я обещаюсь служить вожатым». Чуло-хан принял его мнение и собрал «великую армию»[3], состоявшую, впрочем, всего из 2 тыс. всадников. Эта армия была послана под командой Бури-шада, младшего брата Чуло-хана, на поддержку Лю У-чжоу, который вторгся в северную Шаньси.

Первое время союзники имели успех и танский правитель области «не мог остановить их»[4]. Но тут выступили на сцену табгачская доблесть и военный талант принца Ли Ши-миня. Лю У-чжоу успел при помощи тюркютов захватить Бинчжоу[5], но на этом кончились его успехи. Тюркюты в г. Цзиньян забрали в плен всех молодых и отступили с добычей в степи.

Покинутый союзниками, Лю У-чжоу в 620 г. был разбит табгачами Ли Ши-миня и бежал к тюркютам, но те убили его, по-видимому сочтя его сотрудничество для себя компрометантным. Ведь теперь они стали «защитниками законного правительства», и им не следовало связываться с преступником.

Затем Ли Ши-минь обратился против Ван Ши-чуна и разбил его. На помощь Ван Ши-чуну пришел Доу Гянь-дэ, и в 621 г. вокруг Лояна развернулись упорные бои, в результате которых оба полководца были разбиты и взяты в плен. Но Чуло-хан не дожил до краха своих надежд. Он умер в 620 г. при очень странных обстоятельствах. Как только хан вопреки гаданиям, предсказывавшим неудачу, декларировал помощь дому Суй, пошел «кровавый дождь»[6], по ночам раздавались какие-то «таинственные крики» и хан внезапно заболел и умер, несмотря на то что его лечила суйская царевна.

Что тут произошло? Отравление исключено, так как для сторонников Суй-хан был лучшим другом. По-видимому, причиной болезни и смерти послужило сильное нервное потрясение, и для него были основания: неожиданные и грозные осложнения возникли на севере и западе.

Уйгуры. Телеские племена, кочевавшие к северу от великой пустыни Гоби, составляли большую часть подданных восточнотюркютского хана.

3 Иакинф Бичурин, История Китая.

4 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 246.

5 Округ Тайюань и Шаньси получил с 607 г. название Бинчжоуское генерал-губернаторство (см. Н. Я. Бичурин, Собрание сведений по исторической географии..., стр. 52-53).

6 Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 183. У Н.Я.Бичурина — снег. (Собрание сведений..., т. I, стр. 247).

Общую численность их китайцы определяли, разумеется условно, в 100 тыс. человек и 15 тыс. отборного войска[7]. Последняя цифра вполне реальна, а по масштабам VII в. и велика.

Тюркюты, используя раздробленность телесцев, облагали их тяжелыми податями и насильно забирали в свои войска. Шибир-хану это удавалось, но при Чуло-хане[8] племена уйгуров, бугу, тонгра и байырку объединились и восстали под руководством рода Яглакар (Йологэ), впоследствии ставшего во главе уйгурского каганата. Для тюркютов это была непоправимая беда. Их нажим на Китай ослабел, и новорожденная империя Тан получила передышку. Неизвестно, участвовала ли китайская дипломатия в подготовке восстания. Очень может быть, что в этом она неповинна. Но так или иначе, а у тюркютов оказались связаны руки, и наследник Чуло-хана, его брат Кат Иль-хан Тугбир[9], был вынужден перенести свою ставку в Хангай[10], так как восточные степи оказались во власти повстанцев[11]. Восставшие племена не основали орды, а составили союз племен, более похожий на республику, чем на монархию. Параллельно с главенствующим родом Яглакар «народ еще Шигянь-сыгиня объявил своим государем», а потом таким же образом была вручена власть его сыну Пусе, которого отец не любил и удалил от себя. Но Пуса «был храбр и умен»[12], умел травить зверей и побеждать врагов, и «родовичи, уважавшие Пусу, поставили его государем»[13]. Как это далеко от наследственного принципа тюркютов, воплощенного в лествичной системе! Более того, термин «государь» в контексте источника звучит как условное обозначение лица, облеченного властью, а не соответствует термину «хаган». Ниже преемник Пусы назван просто «хойхуский глава», что, очевидно, отражало реальное положение.

Итак, мы должны рассматривать уйгурское объединение не как подобие тюркютского эля, а как племенной союз и дальнейшую борьбу

---

7 E. Chavannes, Documents..., P. 89.

8 Датировка восстания в источнике отсутствует. Я полагаю, что наиболее вероятная дата - 620 г., так как телеские племена еще подчинялись Шибирхану а уже враждовали с Кат Иль-ханом. О приурочении восстания к мероприятиям Чуло-хана см. выше — внутреннюю критику источника.

9 Новое китайское чтение имени Цзели принято Грумм-Гржимайло. У Бичурина — Хйели, у Шаванна — Hie-li, у Жюльена — Kie-li; восстанавливается, по Кальгрену, как iet-lji, по Радлову — Катла, от слова kat — очень. М.Ф.Хван предлагает читать Кат Иль-хан. Китайские иероглифы передающие это имя имеют оскорбательный смысл: ищущий выгоды, выгадывающий, что отражает враждебное ему отношение (расшифровка М.Ф.Хвана).

10 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 247.

11 Тонгра и бугу кочевали между Селенгой и Орхоном; уйгуры — между Орхоном и Толой; байырку — к северу от р. Керулена, между Хэнтеем и Хинганом. Кроме того, в Забайкалье и на верхней Ангаре жили курыканы, которые тюркютам не подчинялись (Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 275-276).

12 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 302.

13 E. Chavannes, Documents..., P. 89.

тюркютов и уйгуров интерпретировать как столкновение двух систем, имеющих диаметрально противоположные направления развития.

Тюркюты и уйгуры говорили на одном языке и одинаково кочевали вместе со своим скотом, «смотря по достатку в траве и воде»[14], но этим сходство их между собой и ограничивалось. Во всем остальном они чуть-чуть отличались друг от друга, но это «чуть-чуть» мешало им слиться в один народ. Начать с того, что телеские племена, подобно тюркютам, имели миф о предке-волке, но у тюркютов считалось, что они происходят от волчицы оплодотворенной мальчиком, а у телесцев от девушки, отдавшейся волку[15]. Отношение начал мужского и женского в двух параллельных мифах диаметрально противоположны, и это не может быть случайно, потому что в дуалистическом миропонимании VI–VIII вв. символика пола была определяющим принципом. Небо считалось отцом, Земля — матерью , и было не все равно — считать Небо человеком, как тюркюты, или зверем, как уйгуры[16]. В самом параллелизме мифов есть нарочитое противоречие, несмотря на внешнее сходство. Вероятно, это не случайно, так как палеоантропология подтверждает разность их происхождения.

Тюркюты были наиболее монголоидными из всех тюркских племен VI–VIII вв. Грузины, издеваясь над тюркютским полководцем, осаждавшим Тбилиси, «принесли огромную тыкву нарисовали на ней изображение царя гуннов — аршин в ширину и аршин в длину; вместо ресниц нарисовали несколько отрезанных ветвей, которых никто не мог видеть; место бороды оставили безобразно голым; место ноздрей шириной в один локоть, редкие волосы на усах...»[17]. Это несомненно не индивидуальные, а шаржированные расовые черты[18], которые, впрочем, находят подтверждение в типе тюркютских каменных изваяний[19] и статуэток[20].

Зато уйгуры были народом европеоидным, подобно своим предкам — рыжеволосым ди[21]. На китайском рисунке уйгур изображен человеком с толстым носом, большими глазами и с бородой, начинавшейся под нижней губой, с пышными усами и густыми бровями[22]. Раскопки уйгурских погребений окончательно подтвердили европеоидность этой этнической группы[23].

---

14 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 302; E. Chavannes, Documents..., P. 90.

15 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 220-221, 229, 301.

16 Там же, стр. 214-215. Волк, оплодотворивший девушку, ею считался воплощением Неба.

17 История агван... , стр. 108; ср. К. Патканов, Ванские надписи..., стр. 263.

18 М. И. Артамонов, Очерки..., стр. 78.

19 Л. Н. Гумилев, Алтайская ветвь..., стр. 113-114.

20 Л. Н. Гумилев, Статуэтки...

21 Л. Н. Гумилев, Динлинская проблема, стр. 21.

22 Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., т. II, стр. 18.

23 М. К., Археологические экспедиции 1959 г., стр. 69.

Несходным был и психический склад обоих народов. Оба они были весьма воинственны, но тюркюты умели дисциплинированно идти за своими ханами и тарханами, а телесцы и в том числе уйгуры могли мужественно отстаивать свою свободу, но не проявляли способностей к организации управления и после победы разбредались по своим кочевьям, давая врагу возможность оправиться и перестроиться. Именно это обстоятельство позволило Кат Иль-хану долгое время игнорировать их отпадение и продолжать войну против династии Тан.

Две коалиции. Гораздо более угрожающим казалось положение на западной границе каганата. Туи-джабгу-хан был заклятым врагом восточных тюркютов. Его владения на востоке охватывали всю Джунгарию, и, следовательно только хребет Монгольского Алтая разделял ставки восточного и западного ханов. Но, к счастью для Кат Иль-хана, руки его врага были связаны на западе и юге, ибо уже к 620 г. окончательно определилась расстановка сил в войне, охватившей континент от Желтого моря до Средиземного, и роль тюркютов в ней стала ясной не только для позднейшего исследования, но и для них самих.

Для западнотюркютских ханов оставались неразрешенными две внешнеполитические проблемы: нужно было покорить аваров и пробить сквозь Иран дорогу для караванов с шелком. Собственных сил им для этого не хватало, но их естественным союзником в обоих случаях была Византия, которую в это время громили персы.

Хотя в 610 г. смена правительства в Константинополе привела к власти талантливого полководца Ираклия, положение Византийской империи продолжало оставаться критическим. Ее европейские провинции были наводнены аварами, которые заключили союз с Ираном, а потеря Египта в 616 г. оставила столицу без хлеба.

Персы и авары зажали Византийскую империю в клещи. Однако император Ираклий, подобно своему восточному союзнику Ли Ши-миню, оказался незаурядным политиком и полководцем. Его эмиссары сумели возбудить среди кутургуров недовольство аварским господством, а коль скоро авары об этом узнали, они согласились за деньги снять осаду с Константинополя и в 620 г. отступили за Дунай. Это позволило Ираклию оставить спасенную им столицу и выехать к малоазиатской армии, которую он повел против персов.

План Ираклия заключался в том, чтобы, оставив персидским войскам захваченные ими земли, разгромить их тылы и тем лишить персов возможности продолжать войну. Эта война рассматривалась современниками как «крестовый поход» за христианскую религию, ибо персы осквернили свя-

тынн Иерусалнма. Однако первый поход, начатый в апреле 623 г.[24] через Арменню к Атропатенскому Гандзаку, иельзя было иазвать удачным. Несмотря на то, что грекн разорили Двин, Нахичеван н Гандзак, где помещался храм огня, прн отступлении оии были так стесиеиы персамн, что потерялн всех плениых н только в горах Каралага[25] оторвались от преследующнх их персов.

В понсках союзииков Ираклнй письмеино предложил князьям агванским, нверским и армянским «добровольио выйти к нему иавстречу н служнть ему с войском своим во время знмы; в случае же отказа он обойдется с ннмн как с язычникамн н войска его возьмут крепостн нх н опустошат пределы страиы их»[26]. Но армяне и грузины отнюдь не стремилнсь менять персидское иго иа греческое, а агванскне друзья разошлись по укрепленным замкам и предоставили наемникам Ираклия опустошать прекрасные поля и сады, которые онн не моглн защитить.

Весной 624 г. три персидскне армии окружилн Ираклия, но он пробнлся и отступил «в страны непроходимые, по дорогам трудиым и шероховатым»[27] иа равнниу Нахнчеваиа. Персы преследовали отступавших греков по пятам, и тогда лазы н абазги покинули византнйское войско. Несмотря на это, Ираклий нанес еще одио пораженне персам и отошел в Киликию, а оттуда в Севастию.

Кампання окончилась. По существу это был беспрерывиый ряд побед отходящей армни. Маиеврироваине без тыловой базы и сиабжения характернзует Ираклня как велнкого полководца и полнтнка[28]. Справедлнвую и глубокую оценку результатов этого похода дает Моисей Каланкатуйский в своей прекрасной «Историн агван». «Хотя войска персидскне претерпели сильные поражения, однако отразили преследователя н загнали его в страиу его, завладев городамн, которые насильно отнялн у него»[29].

Действительно, иаступленне Ираклия захлебнулось, ио самым грозным было то, что он оказался одинок перед лицом врага. Закавказскне хрнстнане, прнчем не одни лишь монофнзиты, но и халкедоннты, примнрилнсь с персидским господством и не только не оказалн ннкакой поддержкн православному нмператору, но и прямо выступили против него, как, напрнмер, Стефан, царь Картлн[30].

24 Я. А. Манандян, Маршруты..., стр. 134.

25 Горы северо-восточной части персидского Азербайджана (см. Я. А. Манандян, Маршруты..., стр. 138).

26 История агван... , стр. 102-103.

27 Феофан Византиец, Летопись..., стр. 250.

28 Noeldeke, Aufsaetze zur persischen..., S. 126.

29 История агван... , стр.103.

30 Е. Такайшвили, Источники грузинских летописей, стр. 124, прим. 3.

А тем временем опять оправились авары и готовилнсь совместио с персами к наступлеиию на Коистантииополь. Византийский моиарх не мог дольше медлить; ои должеи был иайти союзиика, н ои его иашел.

В 625 г.[31] Ираклий направил иекоего Андрея, «мужа умного и изобретательного, с обещаниями несметных сокровищ» к хазарам, н наместиик «севериого царя нменем Джебу-хаган[32], второй в царстве его... с большой готовностью дал ответ, говоря: «Я выйду на мщеине против врагов его [Ираклня]; приду сам с храбрымн войскамн моими иа помощь ему, совершу угодиое ему делами воиискнмн, мечом моим и луком, как ои этого желает»»[33]. Ответиое посольство в сопровожденин тысячи всадииков, прорвавшись сквозь персидские заставы, достигло ставки Ираклия и утвердило союзный договор. На следующий год обещаииое войско произвело диверсию в Агваиии и Атрпатакане.

С этого момеита византийские историки отождествляют тюркютов и хазар, надо полагать потому, что хазары стали главной опорой каганата в Прикаспийских степях[34].

Таким образом, Западнотюркютский каганат втянулся в борьбу Византнн и Ираиа, продолжая вместе с тем дружественные отношеиия с Китаем и, следовательно, враждебиые с Восточнотюркютским кагаиатом[35]. Цепь вражды замкиулась; создались две грандиозиые коалиции: с одиой стороиы Китай, Западиотюркютский кагаиат и Визаитийская империя, а с другой — Восточиотюркютский кагаиат, Ираи и держава аваров.

Возникает вопрос: были ли эти коалицни действнтельно плодом дипломатических переговоров или здесь имеют место воеииые выступлеиия государств, просто совпадающие во времени? Подобио ситуацин 589 г., тут иаблюдается определеиная связь между всемн членамн обеих коалиций. Персы и авары былн связаны военным союзом. Византия заключила союзный договор с наместиком западиотюркютского хана. Союз западнотюркютских ханов Шегуя и Тун-джабгу с Кнтаем, сначала суйским, а после танским, официально зафиксировай в китайских хроииках[36]. Остается открытым вопрос о связи Византии с Китаем и Ирана с восточиыми тюркютами. Документов, удостоверяющих такую связь, нет, ио это reductio ad silentium, в логике недопустимое. Ираи сносился с Дальним Востоком и до этого[37] и после. Поэтому гораздо правдоподобиее

31 История агван... , стр. 110.
32 См. М. И. Артамонов, История хазар..., стр. 155.
33 Хронологии и Истории агван перепутана (см. Артамонов, История хазар..., стр 54).
34 См. М. И. Артамонов, История хазар..., стр. 155.
35 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 284; E. Chavannes, Documents..., P. 24.
36 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 283; История Китая, VIII, тетр. 39.
37 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 263.

предположнть налнчие дипломатическнх связей между Восточнотюркютским кагаиатом и Ираном в 20-е годы VII в., чем их отсутствие. К сожалеиию, арабское завоевание уиичтожило сасанидские архивы, а кнтайцы моглн не знать о секретной дипломатии их врагов.

Что же касается связи между Внзантией и Китаем, то только ее иаличие объясияет сепаратный мир Ираклия с иаследииком Хосроя Парвиза, Кавадом Широе, — мир, страииым образом совпадающий с последней активизацией восточиых тюркютов. В случае успеха восточные тюркюты ударилн бы иа западных и лишили бы Ираклия едииствеииого союзиика в борьбе с Ираном. Вместе с тем победоносные действия занадиых тюркютов в Азербайджане были известиы китайцам[38]. Вероятио, согдийские купцы постояино передвнгавшиеся между Востоком и Западом, своевремеиио оповещали своих союзииков о всех перипетиях войны.

Переходя к вопросу о причннах и движущих силах этой войны, иеобходимо отметить, что все члеиы первой коалиции — Внзантия, Китай и Западнотюркютский кагаиат — были заиитересоваиы в развнтнн караванной торговли. Что касается Визаитии и Китая, то это ясно и без дополнительиых доказательств. В отиошеиии Западнотюркютского кагаиата вопрос сложиее. Как было показаио выше, в ием боролись две партии, или два союза племен: северо-восточиые кочевники — дулу, экономически связаниые с северными тюркютами н Турфаном, на террнтории которого в это время укрепилнсь стороиииики свергнутой дииастии Суй[39], и юго-западные кочевники — нушибы, тяготеющие к согдийским торговым городам. Так как иитересы этих городов были тесно связаиы с Кнтаем и Византией, то и нушиби придерживались прокитайской орнентации. Хаиы Шегуй (611–618) и Тун-джабгу (618–630) были ставлеииками иушиби; отсюда их тесный союз с Китаем протнв восточных тюркютов и с Византней против Ирана.

Итак, не будет ошибкой предположить, что помимо частных, местиых целей у члеиов первой коалиции было общее стремленне устаиовить свободиую и безопасную торговлю между Европой и Китаем.

Цели члеиов второй коалиции были различны. Аваров интересовал больше всего грабеж; у Ираиа с Византией были давние счеты[40]. Установлеиие в Китае сильиой власти грозило восточным тюркютам гибелью их самостоятельиости как политической, так и экоиомической. Это отчетливо

38 E. Chavannes, Documents..., P. 24, 171, 172.

39 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 291.

40 О заградительных мероприятиях иранского правительства говорилось выше. Что они продолжились до 628 г., видно из слов персидских вельмож при низвержении Хосроя Парвиза: Доколе проходы дорог будут заперты и будут препятствовать выгодам разных стран нашего отечества (Истории иран... , стр. 113). Понятно, что политика запретов и стеснений торговли не могли не вызвать ненависти купцов всего мира против Сасанидов. О других причинах войны читатель узнает из истории Византии.

показала история предыдущего периода, когда усилилась династия Суй. Поэтому тюркютские ханы всеми силами поддерживали все восстания и беспорядки, возникавшие в Китае, и давали прибежище тысячам политических эмигрантов[41]. Кроме китайских повстанцев Кат Иль-хан имел еще двух союзников.

На востоке племена киданей и татабов (хи) не пошли по пути уйгуров, а сохранили верность каганату. Они составляли в 20-х годах VII в. раздел толос и находились под личным управлением наследника престола Шибоби[42], сына Шибир-хана. Отношение киданей к династии Тан было определенно враждебным, а татабы, сверх того, вступили в союз с одним из претендентов Гао Кай-дао и совместно с ним вторглись в пределы Китая[43].

Вторым союзником восточных тюркютов стал Тогон, освободившийся во время падения династии Суй, в 615 г. Сначала тогонский царь Фуюнь оказывал помощь танскому претенденту. Но как только тот возвратил ему заложников, Фуюнь переметнулся в стан его врагов[44]. Надо думать, что здесь сыграли роль не тонкие политические расчеты, а настроение масс тогонского народа, пострадавшего и от китайцев и от их союзников — западных тюркютов — и поэтому стремившегося к мести. Силы тогонцев были невелики, но удлинение линии фронта на запад распыляло табгачские силы и ослабляло северную границу, открытую ударам тюркютов. Поэтому Тогон был ценным союзником для тюркютского хана.

Наступление. Кат Иль-хан понял, что борьба, затеянная его братьями, переросла обычную пограничную ссору и ограничиваться только поддержкой китайских повстанцев гибельно для него самого. Единственное, что могло принести ему победу это был решительный удар всеми силами. А силы у него были: «Он опирался на стяжание, собранное его отцом и старшим братом, и имел многочисленную и отличную конницу»[45].

Момент для начала войны был благоприятным для тюркютов. Ли Ши-минь в 621 г. с лучшими войсками был занят под Лояном боями с Ван Ши-чуном и Доу Гянь-дэ.

Император Гаоцзу (Ли Юань) больше всего на свете боялся конфликта с тюркютами в такой момент, но выбрал совершенно неправильный путь. Он послал Кат Иль-хану 100 тыс. кусков шелка, чтобы завязать дружбу. Хан же усмотрел в этом слабость и трусость и заключил в узилище танских послов. В ответ на это в Чаньани арестовали и бросили в тюрьму двух

41 Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 134, 182-183.

42 В китайских источниках он называется Тули-хан, т.е. хан толосов.

43 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 362, 371.

44 Иакинф Бичурин, История Тибета..., стр. 89.

45 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 247.

знатных тюркютов — Жехая и Ашидэ-тегииа[46], чем дали повод к иачалу войиы.

Тюркюты ворвались в Шаньси и взяли крепость Маи. Табгачские войска были разбиты, а полководцы плеиеиы. Победа таиских войск под Лояиом, казалось, выправила положение, ио офицеры разбитых войск выбрали нового вождя — Лю Хэй-да, о котором говорилось выше, н продолжали борьбу. Тюркютская поддержка дала повстанцам возможность вторгнуться в Шаиьдуи в 622 г., а в это время главные силы тюркютов вступили в Биньчжоу и связали большое количество войск, благодаря чему Лю Хэйда развивал успех иа востоке. Попытка правительствеиных войск перейти в контриаступлеиие и выбить тюркютов из Маи окоичилась иеудачей, после чего тюркюты взяли Яймынь, разорили области Фынчжоу и Лучжоу и увели в степь 50 тыс. плениых обоего пола.

Только полиая мобилизация сил позволила таиским войскам остановить иаступлеиие тюркютов. Ли Ши-миив и его старший брат Ли Гяньчэи разбили иесколько зарвавшихся тюркютских отрядов и вынудили к отступлению главные силы. Одновременно тюркютский хаи получил богатые подарки, что склоиило его к заключеиию перемирия[47]. Это была роковая ошибка: тюркюты потеряли темп наступления.

Используя передышку, наследный принц Гянь-чэи обратился против Лю Хэй-да и деньгами, обещаниями, иитригами сумел разложить его армию. Лю Хэй-да и огляиуться ие успел, как его покииули самые, казалось бы, иадежиые сподвижиики, а оставшиеся схватили его и выдали таиcкому прииму. Лю Хэй-да был казиеи 7 февраля 623 г., а восстаиие на востоке подавлено[48].

На западе в это же время потерпели поражеиие тогоицы, вторгшиеся в Шэньси. Таиский полководец применил во время боя с ними иебывалый тактический прием: иа пригорок, недалеко от поля битвы, вышли музыкаиты, таицовщицы и иачали представлеиие. Тогоицы заинтересовались и стали смотреть на прекрасиых китаяиок, а в это время китайские войска зашли им в тыл и бросились в атаку. Пленных не брали. Спаслись только те тогоицы, которых выиесли степные кони[49].

Осенью 623 г. тюркюты возобновили набеги, ио время было упущеио, и воеииые действия протекали с перемеииым успехом[50]. Только в 624 г. оба тюркютских хаиа — Кат Иль-хаи и его племяииик Шибоби, хаи толосов, продвинувшись по всему фронту, «привели всех в трепет»[51]. Против иих

46 Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 395, 420.

47 S. Julien, Documents..., Vol. 4, PP. 210, 211.

48 Gaubil, Abrege..., P. 429.

49 Mailla, Histoire generale..., VI, P. 23; Иакинф Бичурин, История Тибета, I, стр. 89-90.

50 S. Julien, Documents..., Vol. 4, PP. 212.

51 Ibid., P. 214.

стояли два корпуса, которыми командовали Ли Шиминь и его младший брат Ли Юань-ки. Не надеясь обычными приемами остановить противника, Ли Ши-минь выехал перед строем и вызвал Кат Иль-хана на поединок. Тот, улыбнувшись, не ответил ничего. Тогда Ли Ши-минь подскакал вплотную к Шибоби и, схватив его коня за поводья, громко сказал ему: «Некогда мы заключили союз, и, если ты в беде, я могу тебе помочь. Разве ты забыл клятвы? Можешь ли решить победу в кровавом бою?»[52]. Хан толосов ничего не ответил и остается неясным, были ли действительно у него тайные сношения с Ли Ши-минем или это был блестяще рассчитанный ход танского принца, которому нужно было поссорить тюркютских ханов. Так или иначе это ему удалось.

Кат Иль-хан заподозрил своего племянника в измене и отвел войска, не приняв боя. Было заключено перемирие, и начались переговоры, которые, разумеется, не дали результатов. Тем временем пошли дожди, от которых размокли и ослабели тюркютские луки, и ханам пришлось отступить. Император и его приближенные до того натерпелись страху, что хотели было перенести столицу на юг, но Ли Ши-минь сумел помешать этому самоубийственному намерению. Были приняты меры к укреплению границы, и на Хуанхэ заведен гребной флот, чтобы препятствовать тюркютам переправиться через реку[53]. Затем императорское посольство проникло в западные степи и склонило Тун-Джабгу-хана к заключению военного союза против восточных тюркютов[54].

Кат Иль-хан, видимо, был склонен рассматривать свое отступление как повод к заключению прочного мира. Дальнейшая война не была для него желательна, так как к концу 624 г. табгачи овладели всем Китаем и внутри страны не осталось никаких сил, сопротивлявшихся дому Тан. Хан предложил заключить торговый союз, на что последовало согласие императора[55], но, так как последний деятельно готовился к войне, иллюзии хана рассеялись быстро.

В 625 г. тюркюты снова вторглись в Шаньси. Один из их отрядов был разбит, зато другой одержал блестящую победу. Набеги тюркютов были, как правило, удачны, а осады крепостей безрезультатны. Судьба войны могла быть решена только в открытом бою, но события внутри Китая отсрочили развязку.

Переворот в Китае. Будучи кавалерийским генералом, Ли Юань показал незаурядную энергию, находчивость и решительность. Но, превратившись в императора Гаоцзу, он растерялся от нахлынувших на него

52 Ibid.

53 Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 447.

54 Иакинф Бичурин, История Китая, под 624 г.

55 S. Julien, Documents..., P. 216; Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 454.

забот. Китай в VII в. бурлил. Мало было его завоевать, надо было его замирить, а этого Ли Юань не умел. Хороший полководец, он отнюдь не был дальновидным политиком и после победы пошел по пути наименьшего сопротивления, тем более что на этот путь его толкали и обстоятельства, и собственная накопившаяся усталость.

Далеко не все помещики группировки Гуаньлун погибли, защищая династию Суй. Большая часть их получила амнистию и явилась ко двору засвидетельствовать свою благодарность[56]. Они сумели создать в Чаньани такую обстановку, что Гаоцзу сблизился с ними и принял их поддержку. Чаяния их сводились к тому, чтобы восстановить порядки эпохи Суй, т.е. создать для императорской фамилии беспечальное существование во дворце, управление доверить чиновникам-конфуцианцам, в лояльности которых не было сомнений, а широкие массы служилого и податного населения вернуть в прежнее положение и заставить безропотно служить и платить налоги. Вождями этого направления оказались наследник престола Ли Гянь-чэн и третий сын императора — принц Ли Лун-ки[57].

Согласно этой программе в Чаньани была учреждена академия[58], где конфуцианские профессора готовили сыновей знати к занятию государственных должностей, а 24 мая 626 г. был издан указ об ограничении буддизма и даосизма, по которому многие монахи зачислялись в податное сословие, а монастырские имущества отходили в казну[59]. Это была попытка повернуть ход истории назад.

Жертвами нового порядка должны были стать народные массы, которым на шею опять пытались вскарабкаться титулованные богачи; нетитулованное служилое дворянство, тратившее свои силы на оборону границ и потому не имевшее ни времени, ни средств для подготовки к экзаменам на чин, и его вождь Ли Ши-минь, которого братья ненавидели из зависти к его воинным заслугам; широкие слои, симпатизировавшие буддизму и даосизму, а также грамотные люди, по складу характера или по отсутствию связей не попавшие в число профессиональных ученых. Для Китая в целом новая программа означала капитуляцию перед тюркютами, и в Чаньани уже поговаривали о том, чтобы перенести столицу на юг и уступками добиться мира[60]. Но решающей силой в стране был не двор, а армия, которой командовал принц Ли Ши-минь.

Придворная клика прежде всего попыталась лишить своих противников вождя. Ли Ши-миню на пиру подсыпали отраву, однако он не

56 Шан Юэ, Очерки..., стр. 199.

57 Предлагаемая трактовка хода событий принадлежит автору настоящей работы. Другими исследователями столкновение принцев рассматривается как личная борьба за власть.

58 H. Cordier, Histoire generale..., P. 408.

59 Gaubil, Abrege..., P. 432.

60 Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 245; E. Chavannes, Documents..., P. 262; H. Cordier, Histoire generale..., P. 409.

умер и после тяжелой болезни встал на ноги. После этого он стал осторожен и жил в своей ставке среди обожавших его воинов. Тогда братья уговорили отца вызвать Ли Ши-миня во дворец, рассчитывая расправиться с ним. Хотя Ли Ши-минь был предупрежден о их намерениях, но как истый китаец он не мог ослушаться отца и императора. 2 июля 626 г. он явился по вызову, но с многочисленной и хорошо вооруженной свитой, составленной из самых храбрых воинов. Во дворец он вошел с оружием в руках бок о бок со своим другом, воеводой Чин-дэ, и увидел в приемном зале своих братьев. Ли Гянь-чэн, не говоря ни слова, пустил стрелу в Ли Ши-миня, но промахнулся. Зато Ли Ши-минь ответной стрелой поразил его насмерть, а Чин-дэ застрелил Ли Луи-ки. После этого дворец оказался во власти Ли Ши-миня, и старик император, выслушав доклад сына о преступном заговоре братьев, простил ему совершенное кровопролитие, назначил наследником престола и, что особенно интересно, отменил указ о запрещении буддизма и даосизма[61]. Не поставить эти события в тесную связь невозможно.

4 сентября 626 г. Ли Юань отрекся от престола в пользу своего сына, принявшего титул Тайцзун. Такой оборот дела был наибольшей из неудач, постигших восточнотюркютского Кат Иль-хана.

Новый император добился внутреннего мира путем внешних войн. Прежде всего он поразил подданных, помиловав большую часть пособников своих братьев. Затем он отпустил домой 3 тыс. девушек, взятых на службу во дворец[62], и, резко уменьшив пышность двора, снизил налоги. В угоду служилому дворянству, которое было его опорой, он «загнал героев Поднебесной в ловушку»[63] тем, что пересмотрел родословные списки и этим нанес удар «сильным домам» богатым помещикам, выдвинувшимся при династии Суй. От этого выиграли захудалые роды обедневшего дворянства, получившие доступ к военной и гражданской карьере. Армия быстро втянула в себя весь авантюристический элемент, и хозяйство империи стало развиваться без помех, а положение на фронте изменилось к лучшему. Китай вступил в полосу своего расцвета, и первые, кто это почувствовал, были восточные тюркюты.

Заключение мира. Тайцзун получил тяжелое наследство. Низложение династии Суй стоило Китаю около 2/3 населения[64]. Множество крестьян было убито или умерло от голода, немало их разбежалось, покинув свои поля. Один из чиновников докладывал императору: «К вос-

61 Gaubil, Abrege..., P. 435.

62 Требование предоставлять красивых девушек для придворной службы было очень тяжелой повинностью. Девушки занимали там положение горничных и наложниц вместе, без надежд на устройство личной судьбы.

63 Шви Юэ, Очерки..., стр. 200.

64 Там же, стр. 205; В 606 г. в стране было 8900 тыс. хозяйств, к 627 г. — менее 3 млн.

току от области Ло и области И вплоть до Хай и Дай в Шаньдуне лишь изредка встречаются следы человека; повсюду, куда хватает глаз, густые кустарники и травы»[65]. А тюркюты продолжали нападать. Они «вымели китайскую землю набегами»[66]. В те месяцы, когда принцы боролись за власть, тюркюты перенесли военные действия из разоренной Шаньси в Ганьсу и опустошили эту область[67]. Целью их, очевидно, было, во-первых, вести войну за счет местного населения; во-вторых, снова поднять своих союзников тогонцев на войну, что им удалось[68]; в-третьих, прорваться к столице и заставить правительство запереться в крепости, чтобы гибнущие подданные возроптали против власти[69]. Этот натиск мог оказаться последним, но император и полководец Тайцзун Ли Ши-минь с присущими ему твердостью и талантом нашел выход из положения, казавшегося безнадежным.

23 сентября Кат Иль-хан во главе стотысячной армии подступил к Чаньани. Император решил принять бой, и, когда его войска выступили из города и выстроились в боевом порядке, он в сопровождении всего лишь нескольких человек подъехал к р. Вэй и громко стал упрекать хана в вероломстве; затем приблизился вплотную к хану, взял его лошадь за повод и приказал готовиться к битве[70]. Смелость императора и выправка подходивших китайских войск произвели впечатление на хана и тюркютских старшин. В тот же день был заключен мир, в ознаменование чего на мосту была заколота белая лошадь, и тюркюты возвратились обратно в степь, вернув по просьбе императора всех захваченных ими пленных.

Надо полагать, что такому обороту дел весьма способствовало подготавливаемое выступление западных тюркютов, союзников Китая. Кат Иль-хан не рискнул оставить незащищенными свои кочевья.

Мир, заключенный на р. Вэй, сорвал поход Тун-джабгу-хана на восток, но этот хан вполне компенсировал себя на западе, где ирано-византийская война достигла своего кульминационного пункта.

Оценку заключенному миру дал сам император Тайцзун. На вопрос своего приближенного, почему он не вступил в бой и не уничтожил неприятеля, он ответил, что это было возможно и даже легко, но не привело бы к цели. Враг был бы разбит, но не побежден, и озлобление придало бы ему силы. Теперь же, получив дорогие вещи и шелк, он возгордится, «а

65 Там же.

66 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 253.

67 Там же, стр. 252.

68 Иакинф Бичурин, История Тибета..., т. I, стр. 90.

69 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 253.

70 S. Julien, Documents..., Vol. 4, P. 220.

высокомерие поведет их к гибели»[71]. Тайцзун был прав. За последующие три года мира его империя отдохнула и набралась сил, а тюркютский хан уже не смог вернуть потерянную инициативу. Захлебнувшееся наступление часто бывает тяжелее поражения, и тюркюты это вскоре испытали.

[71] Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 253-254. Первая часть цитаты переведена неточно — в изъявительном наклонении, тогда как нужно сослагательное (ср. S. Julien, Documents..., Vol. 4, P. 221).

Глава XV

МИРОВАЯ ВОЙНА VII в.

Вторжение на Кавказ. Летом 626 г. авары и персы возобновили наступление на Константинополь. Это было именно в то самое время, когда Кат Иль-хан во главе восточнотюркютских всадников вторгся в Китай, и вряд ли такое совпадение могло оказаться случайным. В июне аварская конница достигла Длинных стен, защищавших столицу империи с суши, а персы подошли к лазоревым водам Босфора. Но греки не допустили персов переправиться на европейскую сторону, и авары пошли на приступ одни. 7 августа они потерпели полное поражение и бежали на север, а персидский корпус отступил в Сирию. Ираклий снова получил возможность перейти в наступление и на этот раз обрел долгожданную помощь.

Мир на р. Вэй развязал руки Тун-джабгу-хану. Успокоившись за свою восточную границу, он перекинул часть войск на запад, чтобы поддержать византийцев. Персы не придавали тюркютам большого значения, так как надеялись на неприступность укрепления Дербента, прикрывавших дорогу в Закавказье. Мощная стена, построенная еще Хосроем Ануширваном, тянулась на 40 км от гор до Каспийского моря[1] и казалась надежным барьером против конного противника.

Персидские регулярные части были заняты на западе, и агванцам пришлось защищаться от нового врага самостоятельно. Агванское ополчение было вооружено довольно примитивно: луками и дротиками, при далеко не достаточном количестве панцирей и даже щитов[2]. Пехотные щитоносцы составляли особый вид войска — фалангу, вооруженную копьями[3], и только военачальники были экипированы по последнему слову тогдаш-

[1] М. И. Артамонов. Древний Дербент, стр. 129; К. В. Тревер. Очерки..., стр. 267 и сл.

[2] К. В. Тревер. Очерки..., стр. 287.

[3] В. В. Струве, рец. на: К. В. Тревер. Очерки..., стр. 177

ией военной техники: на кольчугу иадевали войлочиый кафтаи, н тогда стрелы н копья «отскакивалн» от нее[4]. Так же былн вооружены армяне н грузины, н, разумеется, не эти ополченцы могли остановить иатиск тюркютской латной коиннцы.

Дербентская стеиа была построена из больших отесанных плит и достигала 18-20 м высоты. Ее укрепляли еще 30 башеи, обращенных на север. Трое ворот былн железными, а восточиый конец стены уходил в Каспийское море иа глубнну, достаточиую, чтобы предотвратнть обход. Но любая крепость сильиа лишь тогда, когда ее хотят и умеют оборонять[5].

Штурм Дербеита чрезвычайно красочио описан Моисеем Кагаиктваци: «...Гайшах [персидский наместник из агванских князей] видел, что произошло с защитииками велнкого города Чора[6] и с войсками, находившимися на дивиых стеиах, для построеиия которых цари персидскне изнурили страиу нашу, собирая архитекторов и нзыскнвая разные материалы для построеиия великого здаиия, которое соорудили между горой Кавказом и великнм морем восточным... Видя страшную опасность со стороны безобразиой, гнусной, шнроколицей, безресничной толпы, которая в образе женщин с распущениыми волосами устремилась на них, содроганне овладело жнтелями; особенно при виде метких и сильиых стрелков, которые как бы сильным градом одождили их и, как хищные волкн, потерявшие стыд, бросились на инх н беспощадио перерезали нх иа улицах и площадях города. Глаз их ие щадил нн прекрасиых, ни милых, ни молодых нз мужчин и женщин; ие оставлял в покое даже иегодных, безвредных, изувечеииых н старых; они не жалобились, и сердце их не сжималось прн виде мальчиков, обнимавших зарезаиных матерей; иапротив, они доилн из грудей нх кровь, как молоко. Как огонь проиикает в горящнй тростннк, так входилн оии в одни дверн и выходилн в другие, оставив там деяння хнщных зверей и птиц»[7].

Падеиие крепости, считавшейся неприступной, вызвало паинку во всей Агвании. Агваицы сначала сбежались в свою столицу — Партав, но ие надеясь отстоять город, покииули его и пытались убежать в горы. Тюркюты и хазары настнгли беглецов у селеиня Каганкатуйк и частью перебили, а частью захватилн их в плен.

Затем, наступила очередь Грузии. Тюркюты н хазары «окружили и осадили нзнежеиный, торговый, славиый н великий город Тифлнс»[8]. Вскоре к ним прнсоединился император Ираклий со своим войском.

4 К. В. Тревер, Очерки..., стр. 288.

5 Балазурн сообщает, что охрану у стены нес отряд в сто персидских всадников (К. В. Тревер, Очерки..., стр. 283). Очевидно, остальной гарнизон состоял из местного ополчения.

6 Чор — армянское название Дербента.

7 История агван... , стр. 105.

8 Там же, стр. 107.

Встреча вождей была обставлена весьма торжественно: джабгу, подъехав к императору, поцеловал его в плечо и поклонился, а тот обнял его, назвав своим сыном и возложил на него свою корону. Затем для хазарских вождей был устроен пир, и все они получили роскошные подарки — одежду и серьги, а самому джабгу император обещал, что выдаст за него замуж свою дочь Евдокию[9].

Но, несмотря на взаимную нежность предводителей, осада шла плохо. Персидский гарнизон держался в Тбилиси стойко. Храбрый царь Стефан делал ежедневно вылазки и хотя сложил свою голову[10], но его сподвижники не собирались сдаваться. Ни то, ни другое войско не шло на приступ. Ираклий берег своих людей, джабгу жалел своих, и после двухмесячной осады хазарское войско ушло, обещая вернуться будущей осенью[11].

С Ираклием остался отряд в 40 тыс. человек, во главе которого джабгу поставил своего юного сына Бури-шада. Но и эти «начали малопомалу утекать, и, наконец, все, оставя его, возвратились»[12].

В Тбилиси ликовали и издевались над императором, называя его козлом[13]. Ираклий усмотрел в этом доброе предзнаменование, ибо в книге Даниила сказано, что козел с Запада сокрушит рога овна Востока. Осенью 627 г.[14] он снял осаду и двинул свои отдохнувшие войска в головокружительный рейд по тылам противника. Отступив на запад до Ахалцыха, он повернул на юг и пересек Аракс выше Двина. Оттуда в обход оз. Урмия он вышел к Тигру около развалин Ниневии, где 12 декабря разбил персидское войско полководца Рахзада[15]. В начале января 628 г. греки уже громили и жгли шахские дворцы около Ктезифона, и у персов не было сил их остановить.

Внутренние ресурсы Ирана были исчерпаны, и ничто уже не препятствовало победоносному движению Ираклия. Персидские вельможи, видя безнадежность дальнейшей борьбы, 29 февраля 628г. произвели переворот. Они низвергли и казнили Хосроя, возвели на престол его сына Кавада Широե и просили мира, на который Ираклий неожиданно согласился быстро и легко. По сути дела это был сепаратный мир, так как тюрко-хазары продолжали войну.

Анализируя этот странный поступок Ираклия, следует обратить внимание на то, что он целых пять лет не мог нанести смертельного удара врагу главным образом из-за отсутствия надежного тыла. Сирия и часть

9 М. И. Артамонов, Очерки..., стр. 57.

10 M. Brosset, Histoire de la Géorgie..., PP. 225-229.

11 История агван... , стр. 108.

12 Феофан Византиец, Летопись..., стр. 236.

13 Намек на кровосмесительный брак императора.

14 Ю. Кулаковский, История Византии, стр. 93-94; G. N. Vernadsky, Ancient Russia, P. 202.

15 М. Я. Манандян, Маршруты..., стр. 148-152.

Малой Азии были оккупироваиы персами, закавказские христиаие были либо моиофизитами и уже по одиому этому легко мирились с веротерпимым правительством Хосроя Парвиза, либо из политических соображеиий заключили союз с Ираиом, как, иапример, Стефаи Иверский. Только хазарская помощь развязала руки Ираклию; без тюркохазар, подавивших проперсидскую ориеитаиию в Закавказье, поход иа Ктезифои вряд ли был бы удачиым.

Что же заставило Ираклия покинуть таких цениых союзииков и отказаться от окоичательиого разгрома искоииого врага именно тогда когда этот враг был уже разбит?

В самом деле, едииственная реальиая сила персов — армия Шахрвараза, осаждавшая Халкидон, — в иачале 628 г. возмутилась против Хосроя и, заключив мир с сыиом Ираклия, Коистантиюм, двииулась обратио на родииу для борьбы против шахаишаха. Причиной этому послужило приказаиие Хосроя казиить Шахрвараза за иеповииовеиие. Письмо это попало в руки греков, которые передали его Шахрваразу, а последиий, добавив к приказу еще 400 имеи своих офицеров, огласил письмо и вызвал восстаиие, которое впоследствии поставило его во главе государства[16]. Второй талантливый персидский полководец, падгоспан запада Шахии, был также в немилости. Хосрой отозвал его из армии и собирался предать суду; лишь гибель шаха спасла Шахина[17].

Итак, можио сказать вполие определеиио, что ие западиые события обусловили поспешиость Ираклия при заключении мира. Следовательио, ответ может быть только одии. Ираклий испугался возможиости оказаться покинутым союзииками и потерять плоды своей победы. Это опасеиие, по всей вероятиости, осиовывалось иа восточиых событиях 627 г., последствия которых было иевозможио предугадать.

Беспокойиое перемирие. После заключеиия мира иа р. Вэй иа первых порах все обстояло благополучио. «Длииное ухо» разиесло по всей степи весть о подвиге тюркютского хана, и племя сеяньто в коице 627 г. сочло за благо отколоться от Западного кагаиата и подчиииться Восточиому[18]. С одиой стороны, для последиего это был большой успех, потому что Кат Иль-хану подчинилась вся севериая Джунгария и опасность с запада была устранеиа. С другой стороны, это присоедииеиие усилило телеский элемеит в Восточиотюркютской державе. Сеяньтосцы снеслись с уйгурами, и уже к началу 628 г. они стали союзииками, а их киязья — сеяньтоский Инаиь и уйгурский Пуса — взаимио поддерживали друг друга.

16 Н. В. Пигулевская, Византия и Иран..., стр. 268; Lebeau, Historie du Bas-Empire, pp. 141-143

17 Tabari, Noldeke, S. 294

18 Дата этого события предположительно указана Г. Е. Грумм-Гржимайло (Западная Монголия..., стр.247) и подтверждена Liu Mau-tsai (Die chinesischen Nachrichten..., S.722)

Наиболее угрожающим для тюркютов в создавшемся положении была численность недовольных подданных. Численность уйгуров, по китайским сведениям, достигала 100 тыс. человек, из которых воинов было 50 тыс. (?!), а сеяньтосцев насчитывалось 70 тыс. шатров[19], т.е. еще больше. Управлять столь многочисленными и весьма воинственными подданными можно было только с их согласия, но политическая обстановка не давала таких возможностей тюркютскому владыке.

Мир на р. Вэй оставил Кат Иль-хана неудовлетворенным: сила танской империи еще не выросла настолько, чтобы казаться непреодолимой, а опасность от вторжения западных тюркютов миновала, так как они втянулись в серьезную войну с Ираном и силы их оказались связанными в Закавказье. Уже в 627 г. Кат Иль-хан начал подумывать о новой войне и пёрвым делом воспрепятствовал браку Тун-джабгу с царевной из дома Тан, предупредив, что он не преминет ее задержать, когда она будет проезжать через его земли. Тун-джабгу скорбел, но ничего не мог сделать[20]. Но счастье оставило тюркютского хана. Зима 627 г. была многоснежной; скот и лошади пали в огромном числе; это вызвало голод. Ханские налоги были тяжелы, и племена сеяньто, уйгуров и байырку восстали.

Кат Иль-хан решил для начала расправиться с уйгурами. Он повелел Толос-хану напасть на них с востока, а с запада большую армию повел сын его Юкук-шад[21]. Энергичный и талантливый уйгурский вождь Пуса, имея всего 5 тыс. всадников, вышел навстречу Юкук-шаду и у горы Малишань[22] разбил его наголову. Во время преследования у Тянь-Шаня, несмотря на помощь, оказанную Юкук-шаду его двоюродным братом Ашиной Шэни, уйгуры захватили в плен много раненых и отставших[23].

Еще более неудачно было наступление Толос-хана с востока. Сопровождаемый отрядом легкой конницы, он едва спасся от уйгуров[24]. Кат Иль-хан, очевидно, заподозрил, что полководец виноват в поражении больше, чем неприятель. Переговоры и интимные связи Толос-хана с императором Тайцзуном не были тайной. Раздраженный неискренним поведением своего племянника, Кат Иль-хан приказал, чтобы наследник престола был взят под стражу и побит палкой[25]. Трудно осуждать Кат Иль-хана за эту вспышку гнева. Его племянник давно уже вел двойную игру,

19 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 302, 339; E. Chavannes, Documents..., p. 95.

20 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 284; E. Chavannes, Documents..., p. 53.

21 См. Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 578 (Юкук — сова; кит. Юйгу).

22 М а л и ш а н ь — Самая высокая гора в Бэйшане (Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная монголия..., стр. 252).

23 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 254; E. Chavannes, Documents..., p. 175. Шэни — китайская передача слова шоно — волк (монг.).

24 Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S.141.

25 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 254, 259

заискивая перед китайским императором. Ведь именно он дважды срывал удачное наступление на Китай, да и теперь его поражение, по-видимому, было следствием нежелания укрепить мощь верховного хана. Но тем не менее нанесенное оскорбление сыграло решающую роль в развитии событий. Освободившись из-под стражи, Толос-хан поднял восстание и обратился за помощью в Китай[26]. Подчиненные ему кидани поддержали своего князя и также перешли под протекторат императора[27]. Это случилось зимой 628 г., а весной 629 г. сеяньтоский князь Инань[28] объявил себя ханом и также послал в Чанъань посла с просьбой признать за ним этот титул[29]. Престол Кат Иль-хана закачался.

И тут, перед надвигающейся неизбежностью, промелькнула тень удачи. Полководец Кат Иль-хана — Ашина Шэни захватил западнотюркютскую крепость Бишбалык, ключ к южной Джунгарии, и поднял против Тун-джабгу карлуков, живших на берегах Иртыша[30]. Но развить успех он уже не успел.

Что из этого могло быть известно Ираклию весной 628 г.? Только то, что старый грозный враг его тюрко-хазарских союзников выступил в поход. Естественно было предположить, что тюрко-хазары вернуться защищать свои родные кочевья, и так, вероятно, и было бы, если бы удача телеского восстания и измена Толос-хана не толкнули к гибели и Восточнотюркютское ханство, и самого Кат Иль-хана. Предвидеть этого Ираклий, разумеется, не мог; заключая мир, он руководствовался только существующей ситуацией, и нельзя сказать, чтобы он сильно заблуждался. Кроме того, вероятно, ему не хотелось, чтобы по соседству с его границами вместо обескровленной Персии появилась грозная сила тюркютов. Поэтому, с его точки зрения, мир был как нельзя более своевременным.

Но тюркюты лучше разбирались в событиях и не хотели упустить победу над старым врагом. Они продолжали войну с Ираном один на один[31].

Один на один. Зимой 628 г., когда на трон Ирана воссел бездарный Кавад Широе, а Ираклий диктовал ему условия мира, джабгу снова вступил в Закавказье и подошел к стенам Тбилиси. На этот раз он не медлил, а после короткой осады пустил свои войска на приступ. «Подняв мечи свои, они все устремились на стены, и все это множество, нагромоздясь друг на друга, поднялось выше стен, и мрачная тень пала на бедственных жителей города;

---

26 Как позже выяснилось, он заключил с Тайцзуном братский союз.

27 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 363.

28 Инань не имя, а прозвище — муж , но, поскольку имени этого вождя не сохранилось, придется называть его так.

29 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 254, 340.

30 E. Chavannes, Documents..., p. 265.

31 События закавказской войны излагаются в данной работе суммарно. Более подробное описание их см.. М. И. Артамонов, История хазар, стр. 142-156.

они были побеждены, отступили от стен»[32] и началась резня. Победители никого не щадили, несмотря на то, что сопротивления уже не было. Взятые в плен иверский князь и персидский воевода были замучены перед лицом джабгу[33]. Город был разграблен дочиста[34].

Любопытно, что крепость, устоявшая перед стенобитными машинами византийских инженеров, пала под напором тюркютов, вооруженных лишь оружием для рукопашной схватки. Так же были несколько ранее взяты укрепления Чора (Дербента)[35]. Однако надо думать, что это заслуга скорее хазарских, чем собственно тюркютских частей, так как тюркюты ни в Китае, ни в Средней Азии при осадах городов хороших боевых качеств не показали.

Разграбив Тбилиси, Джабгу-хаган вернулся восвояси[36], а сыну своему, Бури-шаду, повелел завоевать Агванию, дав ему «в руководители мужей храбрых»[37].

На этот раз целью джабгу было не простое ограбление страны, а присоединение ее к своим владениям. «Если правители и вельможи страны той выйдут навстречу сыну моему, дадут ему страну свою в подданство, уступят города, крепости и торговлю войскам моим, то вы тоже позволите им жить и служить мне»[38]. В этом заявлении отчетливо звучит та программа, ради которой тюркюты ввязались в войну: торговля шелком, который можно было провозить в Константинополь не только через Хорасан, но и через Каспийское море и Кавказ[39].

Разумеется, персидский наместник Агвании отверг ультиматум, мотивируя это тем, что Агвания не стоит того, чтобы ради нее подчиняться какому-то тюрку. Однако учтя опыт своего тбилисского коллеги, он забрал свое имущество и удрал в Персию.

Бури-шад, выполняя приказ отца, предложил агванцам добровольно подчиниться, но католикос Виро, несмотря на то что персидский марзбан

---

32 История агван... , стр. 119-120.

33 Поводом к столь жестокому обращению было оскорбление, нанесенное этими военачальниками Джабгу-хагану во время первой осады, когда на стене тбилисской цитадели была выставлена карикатура (см. гл. XIV настоящей работы).

34 По грузинским летописям, Тбилиси взят хазарами через несколько дней после ухода войска Ираклия. Преимущества агванской версии, согласно которой ведется изложение, разобраны М. А. Артамоновым (Очерки..., стр. 59-61).

35 История агван... , стр. 105.

36 Дата разгрома Тбилиси спорна. Принятую в мировой науке дату — 628 г. — оспаривают современные грузинские историки, считающие, что Тбилиси пал в 627 г. За первую дату из новых авторов высказались А. Я. Манандян (Маршруты..., стр. 147) и К. В. Тревер (Очерки..., стр. 241), за вторую — И. А. Джавахишвили (История грузинского народа, стр. 265-267) и Ш. А. Месхия, Д. В. Гвритишвили, М. К. Думбадзе, А. Н. Сургуладзе (История Тбилиси, стр. 17), но их труды на грузинском языке мне недоступны. Цитирую по Н. Ю. Ломоури (ВДИ, 1960, 3, стр. 190).

37 История агван... , стр. 121

38 Там же.

39 Ср. К. В. Тревер, Очерки..., стр. 241.

бежал в Персию, боялся равно и тюркютов и персов. Поэтому, не зная, на что решиться, он затягивал переговоры, и терпение тюркютов лопнуло. По заранее разработанному плану они приступили к систематическому разорению Агвании. «В домах и на улицах уста всех взывали: «вай, вай!». Крики варваров не утихали, и не было никого, кто бы не слышал убийственных возгласов злого неприятеля — и все это в тот же день и в тот же час. Потому что хищники заранее по жребию разделили наши области и села... и все в одно назначенное время простерли свои разрушительные набеги»[40]. Католикос бежал в горную местность Арцах; тюркютские послы отыскали его там и снова предложили капитуляцию. Католикос собрал всех должностных лиц страны и предложил им решить, что делать: сопротивляться или покориться? Все единодушно высказались за покорность, и католикос лично повез дань к шаду, лагерь которого находился неподалеку от Партава. Шад принял католикоса ласково и сказал ему: «что же ты медлил прийти ко мне; тогда бедствие это не было бы нанесено стране твоей войсками моими»[41]. По просьбе католикоса шад приказал освободить всех пленных агван; его тиуны искали пленных в палатках и шатрах; «вытаскивали молодых людей, скрытых под утварью или между скотом, и никто не смел противиться им»[42].

Режим, установленный тюркютами в Агвании, оказался нелегким. Несмотря на то что после погрома страну постиг голод[43], «князь севера навел страх и ужас по всей земле. Он отправил смотрителей за разного рода ремесленниками, имеющими познания в золотопромывании, добывании серебра, железа и в выделке меди. Он требовал также пошлины с товаров и ловцов на рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса, вместе с тем и дидрахму по обыкновенной переписи царства персидского»[44]. В этом памятнике единственный раз в истории тюркютов показана система налогового обложения покоренного народа. Как видно из документа, оно было значительно тяжелее персидского обложения, и теперь становится вполне понятным, почему в тюркютской державе центробежные силы никогда не угасали.

Но одной Агвании тюркютам было мало. В апреле 630 г.[45] они напали на Армению, чтобы привести ее в покорность. Войско, посланное в Армению, было весьма немногочисленно; оно состояло всего из 3 тыс.

---

40 История агван... , стр. 122.

41 Там же, стр. 126.

42 Там же, стр. 128.

43 Там же, стр. 129-130.

44 Там же, стр. 131.

45 На втором году Ардашира и летом; Ардашир III умер 27 апреля 630 г. (Tabari, Noldeke, 4, S. 388).

человек «под предводительством некоего Чорпан-тархана, мужа гнусного и кровожадного»[46]. Шахрвараз, фактически военный диктатор Ирана, «выслал против Чорпан-тархана своего полководца Гонагна, начальника „турецкой конницы", с 10 000 храбрых мужей»[47].

Чорпан-тархан применил обычный прием кочевников: часть войска притворным бегством заманила персов в засаду, где они были поголовно уничтожены. Тогда «всякий воитель и тот, кто носит меч на бедре своем, узнали, что для них ничего не значит власть царей и сила военачальников»[48].

Характеристика тюркютского государства как примитивной военной деспотии у армянского автора вполне совпадает как с вышеприведенными высказываниями Ян Цзяня[49] и Ли Ши-миня[50], так и с ходом истории. Держава была основана копьем и держалась на копье; «сольно земли» были воины, и только очень энергичные ханы умели держать в руках эту силу, грозную не только для врагов, но и для них самих. Всякое ослабление центральной власти вызывало смуты, подобные тем, которые погубили Западнотюркютскую державу. Победоносное войско Джабгу-хагана не было монолитным, как и сам каганат. Соперничество племенных группировок не могло не отразиться на настроениях воинов, и обострение противоречий внутри страны повлекло за собой события, которые спасли Иран и уничтожили все достижения Бури-шада.

Катастрофа. Воинственный хан Тун-джабгу всю свою жизнь последовательно выполнял волю племен нушиби, добывших для него престол. Охраняя их интересы, он дружил с Китаем и Византией, ссорился с восточнотюркютскими ханами и ввязался в кровавую войну с Ираном. Но для войны всегда и везде нужны деньги и люди. Людей приходилось брать с севера, у племен дулу, которые в этой войне не видели для себя ни пользы, ни смысла. Явное предпочтение, которое ханская семья оказывала их соперникам — нушибийцам, также не располагало дулу к лояльности. Когда же хан, нуждавшийся в средствах, стал взыскивать с них большие штрафы[51], то они вспомнили, что меч на бедре значит больше, чем власть царей и военачальников[52]. Тун-джабгу не придал значения росту их недовольст-

46 История агван... , стр. 132.

47 Там же, стр. 133.

48 Там же, стр. 134.

49 Тюркютские ратники пренебрегают наградами и наказаниями, мало уважают начальников и по большей части не соблюдают порядка (Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 232).

50 Тюркюты многочисленны, но у них нет порядка. И государь и чины смотрят только на выгоду (там же, стр. 253).

51 За одно [преступление] он брал пеню — тысячи, за два — десятки тысяч [овец] (История агван... , стр. 134).

52 Там же.

ва, и это было непоправимой ошибкой. Как только восточные тюркюты отняли у него Бишбалык, карлуки, жившие на Черном Иртыше, восстали, а вслед за тем поднялись и другие племена союза дулу. Их возглавил дядя хана[53], носивший прозвище Богатырь-князь (Моходу-хоу). Ему удалось убить Тун-джабгу, после чего он принял титул Кюлюг Сибир-хан (Кюйли Сыби-хан).

На западной окраине каганата дулуской ориентации держались болгары-уногундуры, вождь которых Кубрат, посетив в 610 г. Константинополь[54] и получив там сан патрикия, от крещения воздержался[55]. Болгар толкало в партию дулу соперничество с хазарами. До 630 г. они охраняли западную границу каганата от возможного нападения аваров, но восстание кутургуров против аварского хана отодвинуло эту границу с Дона до Карпат. В новом положении держать в тылу прекрасные войска не имело смысла, и болгар перебросили в Закавказье для пополнения действующей армии.

По-видимому, Тун-джабгу, не доверяя своему дяде, хотел передать его удел своему брату Джабгу-хагану, но тот потерпел поражение и погиб[56]. Во всяком случае после переворота в орде, дулу, находившиеся в армии, тоже восстали и жизнь Бури-шада была в опасности[57]. Однако он спасся и впоследствии оказался в Средней Азии, в стране нушибийцев[58]. Происшедшие потрясения заставили тюркютов уйти из Закавказья, которым немедленно овладели персы[59].

Нушиби были застигнуты врасплох, но сдаваться и покоряться они не собирались. Переворот вызвал внутреннюю войну, и она наполнила собой всю дальнейшую историю Западнотюркютского каганата. Новое

53 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 284; E. Chavannes, Documents..., pp. 25,53.

54 G. N. Vernadsky, Ancient Russia, p. 198.

55 Крещение в 610 г. принял некий гуннский князь, но самостоятельных князей в это время ни у болгар, ни у аваров не было; следовательно, крестился тюркютский удельный князь самой западной области каганата. Так как все князья рода Ашина известны, то можно быть уверенным, что это был вышеупомянутый Богатырь. Маркварт считал, что здесь имеется в виду вождь уногундуров Органа, дядя Кубрата, основатель болгарской суверенной династии Дуло (J. Marquart, Die altbulgarischen Ausdrucke..., S. 21). Но если это так, то тут в наличии родство по женской линии, так как Кубрат был не Ашина, а Дуло. Слово Органа сопоставимо с монгольским словом Урag — родственник по женской линии. Предлагаемое отождествление позволяет понять, кто погубил джабгу и от кого должен был бежать Бури-шад. Кубрат в 631 — 635 гг. действовал как враг нушиби (ср. М. И. Артамонов, История хазар, стр. 162). 1621.

56 В Истории агван (стр. 134) Джабгу-хагану приписываются следующие слова: Постигли меня хищники, и ты не увидишь больше лица моего, потому что я не остался в безопасном месте и устремился в чужое царство, что не следовало мне. И далее: Я погиб и лишился детей. Царевна Евдокия, дочь Ираклия, обещанная в жены Тун-джабгу, была в 630 г. возвращена с дороги, так как пришла весть, что жених ее умер.

57 Джабгу советовал своему сыну истребить народ, находящийся при нем, прежде чем те услышат о происшедшем и поспешат приготовить тебе гибель (История агван..., стр. 134). Совет этот никак нельзя отнести к агванцам, во-первых, потому, что они были столь запуганы, что их не стоило бояться, а во-вторых, потому, что их не касались внутренние дела тюркютских ханов. Речь идет о тюрках-дулу и о примыкавших к ним болгарах, что и подтверждается дальнейшим ходом событий (см. ниже; ср. К. В. Тревер, Очерки..., стр. 244).

58 См. E. Chavannes, Documents..., p.28.

59 М. И. Артамонов, Очерки..., стр. 65; К. В. Тревер, Очерки..., стр. 244-245.

правительство сразу растеряло завоевания, сделанные Тун-джабгуханом. Вслед за Закавказьем отпали Гибинь и Тохаристан, а телесские племена Джунгарии восстали и начали войну против тюркютов. Но самым тяжелым для Сибир-хана было резко отрицательное отношение к нему императора Тайцзуна, который направил специальное посольство с дорогими подарками для торжественных похорон Тунджабгу-хана[60]. Этот сам по себе незначительный шаг показал, что наиболее могущественная держава Азии высказалась против переворота.

Выиграл от распри только один болгарский вождь Кубрат. Сначала он избавился от тюркютов и хазар, поддерживая своего дядю Сибир-хана. Затем, используя отдаленность от центра каганата, он превратился в самостоятельного владетеля и занятые внутренней войной тюркюты оставили его в покое. Около 635 г. Кубрат нанес поражение аварам и одновременно снарядил посольство в Константинополь. Ираклий отправил ему дары и наградил саном патриция[61]. Восстание кутургуров против аваров отдано Кубрату причерноморские степи, так как в летописи Феофана он выступает как «обладатель Болгарии и котрагов», т. е. кутургуров[62].

Несмотря на то что кутургуры деятельно помогали аварам во всех войнах, авары относились к ним как к покоренным, т. е. весьма плохо. В 630 г. кутургуры восстали, но были побеждены. Те, которые находились в Европе, бежали в Баварию, но были там предательски перерезаны по приказу франкского короля Дагобера. Восточным повезло, и они присоединились к единоплеменным утургурам, образовав вместе с ними болгарский народ. Новая Болгария была враждебна на востоке хазарам, продолжавшим держаться за тюркютов, на западе — аварам и на юге — Византии; сил ее хватало на все. Могущество же аварского каганата начало с этого времени падать, пока сам аварский народ не обрел гибель под мечами латинников Карла Великого.

Болгарская держава, основанная Кубратом, просуществовала до 679 г., но дальнейшая ее судьба не имеет никакого отношения к тюркютскому каганату. Поэтому, оставив в стороне Европу, вернемся в Центральную Азию.

Последняя война с Китаем. Самым досадным для танского правительства было то, что тюркютский хан продолжал оказывать покровительство суйским эмигрантам, не оставившим надежд на реставрацию. Трудности, которые принуждена была преодолевать новая власть при восстановлении нормальной жизни страны, в любой момент могли быть

60 См. E. Chavannes, Documents..., pp. 26, 54.

61 Lebeau. Historie du Bas-Empire, XI, p. 225.

62 Феофан Византиец, Летопись..., стр. 262; М. И. Артамонов, Очерки..., стр. 40.

использованы эмигрантами. Только что потушенная внутренняя война могла вспыхнуть снова, если бы тюркютский хан сумел, сокрушив императорскую гвардию, привести в Китай «законного» монарха. Поэтому не использовать кризис Восточного каганата для Тайцзуна было бы непростительным легкомыслием, на которое он был не способен. С 628 г. в Китае начались приготовления к войне[63], и первой жертвой оказался Ляи Ши-ду, до тех пор державшийся в крепости Шофан[64].

Когда беспорядки охватили тюркютскую державу, Тайцзун попытался вступить в переговоры с Ляи Ши-ду, но последний от них отказался. Тогда император направил против него пограничные полевые войска. Захваченные в плен сторонники Ляи Ши-ду были освобождены и направлены в Ордос, чтобы восстановить народ против мятежника. Легкая конница табгачей уничтожила посевы вокруг Шофана. Там начался голод, и подданные Ляи Ши-ду стали переходить в Китай, где встречали хороший прием. В среде соратников Ляи Ши-ду возникла атмосфера взаимного недоверия, и некоторые полководцы составили заговор, чтобы схватить своего вождя, но успеха не имели и были казнены.

В 628 г. Тайцзун приказал начать наступление на Шофан. Тюркюты выступили на его защиту, но были отброшены табгачами. После этого императорские войска осадили Шофан. Потеряв надежду на спасение, соратники Ляи Ши-ду принесли осаждающим голову своего вождя и покорность. Они были помилованы и награждены. Объединение Китая под властью династии Тан закончилось. Вслед за тем в 629 г. тюркюты были выбиты из крепости Ман и весь Ордос перешел в руки китайского императора.

Первая же неудача оказалась для Кат Иль-хана роковой. Подданные, его родственники и даже соратники начали перебегать к «Табгачскому хану», с их точки зрения бывшему китайским императором «по совместительству»[65]. Сначала передались девять командиров (сыгинен) со своими отрядами. Затем в Чанъань приехали с изъявлениями покорности вожди племен[66] байырку, бугу, тонгра, си и татабов (хи)[67]. Когда же табгачская армия разбила тюркютские войска у Линчжоу (в Ганьсу), то в Китай прискакали Толос-хан Шибоби, племянник Кат Иль-хана Юйше-

63 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 254; S. Julien. Documents..., Vol. 4, p. 225, Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 239.

64 Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 289-290.

65 См. С. Е. Малов, Памятники..., 1951. стр. 28-29. Текст в переводе: император народа табгач (стр. 35) и каган народа табгач (стр. 37).

66 В тексте Цзютаншу стоит ху — варвары. Pulleyblank полагает, что это согдийцы (Sogdian Colony..., p. 323), но приведенное в Таншу перечисление не допускает такого толкования текста.

67 Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 194. Перевод Н. Я. Бичурина (Собрание сведений..., т. 1, стр. 254) и С. Жюльена (Documents..., Vol. 4, P. 226) неточен (см. Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 640).

шад и Нинай-тегин[68], назначенный наследником после измены Шибоби, но также потерявший веру в возможность успеха.

Да и было отчего. Шесть китайских армий наступали фронтом от р. Луаньхэ до Биньчжоу[69]. В ночном бою у гор Оянлин (в Шаньси) Кат Иль-хан снова потерпел поражение и в начале 630 г. отступил через пустыню на север. Тогда его приближенные изменили[70] и выдали победителю императрицу из дома Суй и принца-претендента. Однако Кат Иль-хан еще имел «несколько десятков тысяч войска»[71], на верность которого можно было надеяться, и попытался начать переговоры о почетном мире.

Император хотел было принять предложение хана, но главнокомандующий решил дело сам и нечаянным нападением разгромил остатки тюркютских войск. Кат Иль-хан успел ускакать, но был пойман и доставлен в Чанъань. Вслед за тем сдался последний верный ему князь — Ышбара Шуниши-шад[72], и Восточнотюркютская держава перестала существовать.

Крушение было быстрым и полным. За какие-нибудь полтора года тюркюты превратились из господ степных просторов в беглецов, стремившихся как можно скорее сдаться китайцам, пока их не поймали восставшие телесцы. Власть Тайдзуна распространилась до оазиса Хами на западе и до границ сибирской тайги на севере, но нельзя не заметить, что решающим моментом победы была не сила оружия, а добровольное признание кочевниками своим ханом императора. По сути дела Китай оказал табгачам гораздо более упорное сопротивление, чем Великая степь, и теперь объединение их под одной державой было началом создания восточноазиатской империи, включившей в себя народы разных культур и разного психического склада. Во главе этой империи стояли соратники полководцев Ли Юаня и Ли Ши-миня, а среди них были не только китайцы, но и уйгуры, тюрки, согдийцы, корейцы. С этого 630 г. мы будем называть их имперцами до тех пор, пока империя Тан не превратится снова в китайское царство.

Ритмы эпохи. Рассматривая падение Восточнотюркютского каганата и создание на его обломках империи Тан, мы не можем не задать себе вопроса: было ли это явление вызвано исторической закономерностью или тут проявилась роль случайности, обусловленной лишь обстоятельствами момента?

---

68 Генеалогия этого царевича не установлена.

69 Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 252.

70 Из них известен Кан Сумн, ближайший советник Кат Иль-хана, по происхождению согдиец (см. Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 580).

71 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 255. Возможно, только 10 тыс. войска (см. Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichen..., S. 143).

72 Младший брат Жангара, дядя Кат Иль-хана (см. Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 641). У Н. Я. Бичурина он назван Шаболо-Суниши.

Этот вопрос чрезвычайно мало освещен в исторической литературе. Только Йоллыг-тегин, автор орхонских надписей, дает объяснение для его времени вполне основательное. Он осуждает ханов за то, что они были «неразумны и трусливы», бегов и народ — за неверность ханам, табгачей - за обман и подстрекательство младших братьев против старших, и, что самое существенное, он винит китайскую роскошь, изнеживающую тюркский народ. Но Йоллыг-тегин не считал, что поражение было неизбежно. Наоборот, вся надпись составлена как предостережение на будущее. Йоллыг-тегин вполне уверен, что если жить на изрядном расстоянии от Китая и не слишком тесно общаться с табгачами, то все может быть благополучно[73]. Итак, по мнению Йоллыг-тегина, поражение 630 г. было результатом ошибочной политики, т. е. исторической случайностью. Посмотрим, прав ли он.

Китайские историки, составители старой и новой хроник династии Тан[74], держатся диаметрально противоположной точки зрения. Для них победа над варварами — естественное явление, не требующее объяснений. Вот если бы победили тюркюты — это надо было бы объяснить повреждением обычаев или бездарностью императора. Исходя отсюда, они спокойно перечисляют события, не пытаясь их осмыслить. Поэтому в аспекте научного подхода они стоят ниже даже Йоллыг-тегина.

Теперь попробуем подойти к разрешению вопроса на базе современных достижений науки. В VII в. и китайцы и кочевники имели простое товарное хозяйство и обмен между ними был относительно невелик. В самом Китае вместо денег использовали шелк и зерно, и отнюдь не китайские крестьяне были заинтересованы в том, чтобы плоды их трудов уплывали за границу. Точно так же рядовой кочевник обходился молоком и мясом, шкурами для одежд и войлоком для юрт, и тесное общение с иноплеменными китайцами было ему не нужно.

Но ханы и ваны, беги и гуны смотрели на это по-другому. Для тюркютских ханов шелк, предмет роскоши, был богатством, дающим власть. Для китайских императоров конн и наемные стрелки были орудиями насилия, средством удержания власти. В обоих случаях интересы правящей верхушки предпочитались желаниям народных масс. А народы Китая и Великой степи в VII в., как мы видели выше, желали жить в мире и порознь. Поэтому объединение двух чуждых по культуре и экономике народов путем прямого насилия правильнее рассматривать как временное нарушение хода исторического процесса, т. е. как проявление исторической случайности. С этой точки зрения становятся понятными и те постоянные

---

73 Малов, Памятники..., 1951, стр. 34-37.

74 Старую хронику династии Тан написал Лю Хэй между 927 и 930 гг. Новую составил Юн Шу при династии Сун.

сверхусилия, которые поддерживали целостность империи Тан, и ее страшный конец. Исходя из принятой посылки, мы сможем объяснить причины постоянных мятежей и заговоров, убийств и предательств, недовольства китайского народа, жившего несравненно лучше, чем при старой династии, а также кочевых племен, ублажаемых богатыми подарками. Подобно тому как Александр Македонский пытался слить воедино Элладу и Восток, Тайцзун Ли Ши-минь хотел примирить Китай и кочевой мир. Хотя оба замысла потерпели неудачу, они оставили после себя в первом случае эллинизм, а во втором — блестящую культуру Тан, подарившую человечеству шедевры искусства, литературы и мысли.

Но вернемся к ходу событий и посмотрим, какими средствами Ли Ши-минь закрепил свой успех и упрочил свою империю.

Сила милосердия. Побежденные тюркюты ожидали жестокой расправы, но ее не последовало. Пленный Кат Иль-хан был приведен к императору, который, укорив его в нескольких, на его взгляд аморальных, поступках: неблагодарности по отношению к дому Суй, ради которого надо было бы драться до конца; нарушении договоров; войне вопреки желанию народа, грабеже китайских крестьян; бегстве во время переговоров, простил Кат Иль-хана и вернул ему всех его домочадцев, захваченных вместе с ним. Впоследствии император зачислил своего пленника в гвардию и пожаловал ему земли, но тот «был задумчив и печален; пел заунывные песни и проливал слезы»[75]. В 634 г. Кат Иль-хан умер от тоски и был похоронен по тюркютскому обычаю.

Обласкан был и Шибоби, хан толосов. «Он был удостоен царского стола, получил военный чин, княжеское достоинство и 700 семейств для содержания»[76]. Прочие тюркютские царевичи и вожди были зачислены в императорскую гвардию[77].

Как только «длинное ухо» разнесло по степи весть об обращении императора с побежденными и сдающимися, сразу погасли последние очаги сопротивления. Подчинился Ышбара, шад племени суйитов[78], в то время обитавших к западу от Ордоса. Сдался Юкук-шад, сын Кат Иль-хана, кочевавший со своим уделом между Турфаном и Хами[79]. Предоставив племенам и оазисам самоуправление и подарки, Тайцзун приобрел в степи такой авторитет, который помог его империи справиться со всеми затруднениями, возникшими как сразу после падения Восточного каганата, так и

75 Н. Я Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 256.

76 Там же, стр. 259.

77 Князь Ашина Чжун получил даже царевну в жены за участие в поимке Кат Иль-хана (Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 394).

78 Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 233.

79 Gaubil, Abrege..., P. 441.

в последующие полвека. Чрезвычайно важной задачей для победителей было выловить попрятавшихся в тюркютских кочевьях китайцев, сторонников реставрации династии Суй. Тайцзуи и тут нашел выход: он объявил награду золотом и шелком за каждого выданного ему китайца, и тюркюты быстро доставили ему 80 тыс. человек обоего пола. Их ожидала тоже милость: по возвращении домой они были амнистированы за уход из Китая и только зачислены в податное сословие[80].

Победа поставила перед императорским правительством еще один крайне важный и неотложный вопрос: что делать с покорившимися тюркютами? Одни предлагали по китайскому закону обратить их в рабство и использовать внутри Китая на земледельческих работах. Другие советовали отправить их обратно в степи и разделить на множество мелких, независимых друг от друга владений. Третьи считали целесообразным поселить их вдоль границы в степях Ордоса и Алашаня и использовать их как вспомогательные войска для дальних походов, а в мирное время поручить им охрану границы[81]. Император принял последнее мнение и учредил два новых военных губернаторства: на востоке Динсян, а на западе Юньчжун, оба под управлением одного наместника.

Снова границей Империи стала пустыня Гоби, а земли к северу от нее, от хребта, Алтаин-нуру до Байкала и Большого Хингана, захватил без сопротивления сеяньтоский князь Инань. Многие тюркюты примкнули к сеяньтосцам.

Количество тюркютов, подчинившихся императору Тайцзуну, достигало 190 тыс.[82]. Никто не препятствовал им сохранять свой быт и нравы, но близость Китая не могла не оказать на тюркютов влияния, силу которого отметили они сами: «У народа табгач, дающего без ограничения столько золота, серебра, спирта и шелка, была речь сладкая, а драгоценности мягкие (изнеживающие); прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь сильно привлекали к себе далеко жившие народы. Те же, поселяясь вплотную, затем усвоили себе там дурное мудрование»[83]. «Тюркские правители сложили с себя свои тюркские имена и, приняв титулы табгачские, подчинились кагану народа табгач. Пятьдесят лет они отдавали ему труды и силы»[84].

80 Совершенно неправильно рассматривать эти 80 тыс. китайцев как тюркютских рабов (см. Л. Р. Кызласов, Тува..., стр. 73). В 630 г. китайские (табгачские) войска оккупировали каганат и им незачем было платить побежденным за освобождение пленных. Затем в источнике специально отмечено, что освобожденные подверглись минимальному наказанию, что было бы нелепо, если бы освобождали своих товарищей, захваченных врагом. Этот текст не имеет никакого отношения к вопросу о рабовладельчестве тюркютов.

81 Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 256-258: Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 398-399

82 Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр 253.

83 С. Е. Малов, Памятники..., 1951, стр. 34.

84 Там же, стр 37.

За 50 лет, с 630 по 679 г., с кочевниками, поселившимися в Ордосе, произошли такие изменения, что они из тюркютов превратились в голубых тюрок, мало похожих как на своих северных собратьев — телесов, так и на своих предков — тюркютов. Но об этом речь впереди.

Глава XVI

ДЕСЯТЬ СТРЕЛ

Гражданская война. Государственный переворот, совершенный союзом племен дулу, и узурпация Сибир-хана имели успех лишь потому, что явились для всего Западного каганата полной неожиданностью. Убийство Тун-джабгу-хана настроило против новой власти не только племена нушиби, но и самих тюркютов. Сибир-хан, чувствуя непрочность своего положения, признал отложение Болгарии[1], чтобы иметь хотя бы одного союзника, но это его не спасло.

Восстание племен нушиби возглавил Нишу Кана-шад, сын погибшего Бага-джабгу-хана (Мохэ). Удел Нишу был в г. Пайкенде, и ему подчинялась богатая Бухара.

Для ведения войны всегда нужны деньги, а их не было у Сибир-хана. Зато Нишу имел достаточно золота и серебра. Бухарские мастера отлили ему нужное количество монет[2], перед блеском и звоном которых таяли доблесть и верность соратников Сибир-хана. К тому же в стан нушибийцев бежал сын Тун-джабгу[3], законный наследник престола[4]. Его участие в восстании придало движению силу законности. Нишу возвел его на престол под именем Ирбис Болун джабгу-хан[5]. После этого дело Сибир-хана было проиграно, так как народ подчинился его сопернику, за которого стояли

---

1 Только так можно истолковать текст: В самом начале он отделил от государства малое ханство, а себя объявил верховным ханом, чем вельможи недовольны были (Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 284).

2 Наршахи, История Бухары.... стр. 48; J.Marquart, Wehrot und Arang, S. 151.

3 Имя его Шили-дэлэ неправильно (Н. Я. Бичурин); надо: Тели егин (Шаванн); титул — Толос-тегин.

4 Он титуловался тегином потому, что его старший брат, Кюль, шад тардушей, имевший ставку в долине Кундуза, был отравлен одной из своих жен еще в 630 г. (E.Chavannès, Documents..., p. 196).

5 Иби Бололюй Шеху-хан (Н. Я. Бичурин) или Ибн (Ша) боло сы-шеху-каган (Э. Шаванн). Подбор иероглифов: самовольно провозгласивший себя ханом.

законы и деньги. Сибир-хан бежал к Алтайским горам, но в 631 г. был настигнут нушибийцами и убит.

Восшествие на престол Ирбис Болун джабгу-хана носило характер реставрации тюркютского господства над племенными союзами, но новый хан не оправдал возлагавшихся на него надежд. Он оказался недоверчивым, упрямым, высокомерным и подозрительным[6]. Вероятно, за эти качества он заслужил свое малопочтенное прозвище Сыджабгу[7], т. е. «вероломный». Его попытка привести к покорности сеяньто и восстановить былые границы каганата окончилась полным поражением. Казни по наветам возмутили народ. Нишу был принужден бежать в Карашар, спасаясь от подозрительности хана. Но нушибийские вожди не для того возводили хана, чтобы сносить его гнет. Некий Муби Тархан составил заговор, и Ирбис бежал из своей ставки с отрядом легкой конницы. Всадники, последовавшие за изгнанным ханом, надо думать, принадлежали к потомкам тюркютских завоевателей, которым победа аборигенов не сулила ничего доброго. Единственный путь к спасению лежал на юг. На левом берегу Аму-Дарьи в долине Кундуза правил племянник Ирбиса, и он мог оказать помощь своему дяде и его соратникам[8]. Последнее сведение об Ирбисе сообщает Сюань Цзан. По его словам, этот хан осадил Балх, чтобы разграбить находившийся там буддийский монастырь, но умер в первую же ночь осады[9], а его воины рассеялись.

Это событие было важной переломной датой в истории Западного каганата. До сих пор тюркюты занимали в нем главенствующее положение; теперь же инициатива перешла в руки вождей местных племен. Создалась новая расстановка сил, определившая развитие дальнейших событий. Власть оказалась в руках нушиби, которые не стремились менять династию. Они вызвали из Карашара Нишу и возвели его на престол. Нишу принял титул Дулу-хана[10], очевидно для того, чтобы расположить к себе и северные племена. Те также его признали, и гражданская война утихла.

Новый хан понимал, что он сможет усидеть на престоле лишь при полной поддержке своих подданных, и, будучи крепко связан с торговым центром Согдианы — Пайкендом, знал, что им нужно. Поэтому в переговорах с Китаем он довел свою уступчивость до того, что она походила на

6 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 285.

7 С ы (тюрк.) — разрушать, ломать не исполнять. Значение китайского иероглифа Сы — не знающий предела, своевольный, применять силу. Смысл совпадает.

8 В Таншу сказано, что Сы-джабгу бежал в Кангюй и умер от печали [Н.Я.Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 285; E. Chavannes, Documents... p. 54; однако см. поправку Шаванна (pp. 196—197)].

9 Набожный паломник приписывает смерть хана вмешательству Вайшраманы, который явился к святотатцу во сне и пронзил его копьем. Шаванн датирует смерть Сыджабгу 632 или 633 г.

10 Этот титул пожаловал ему император Тайцзун. В передаче Бичурина полный титул звучит как Тунь-алэу Билиби Дулу-хан, (Н. Я. Бичурин, собрание сведений..., т. 1, стр. 285). Удачнее у Э. Шаванна: Тунь-а-лоу си-ли-би Дулу-каган, и тогда восстанавливается титул Тонг алып Силигбир Дулу-хан (Великий герой светлый Дулухан).

добровольное подчинение. Но цели своей он достиг и спокойно скончался на троне в 634 г., передав престол по тюркютскому закону своему младшему брату Тонг-шаду, который воцарился под именем Ышбара Толис-шад[11].

Десять стрел. Покой, к которому стремились нушибийские ханы, был достигнут за счет отказа от широких политических задач. Война с Ираном не возобновлялась. Болгар и угорские племена не пытались вернуть к покорности. Все силы были обращены на обратное покорение Джунгарии, и это осуществилось. В 632 г. мятежное племя кибн под натиском западных тюрок (называть их тюркютами уже нельзя) покинуло привольную долину Юлдуза и откочевало в Хэси, во владения империи Тан[12].

Затем наступила очередь Бишбалыка. Там сидел храбрый и благородный Ашина Шэни[13], сын Чуло-хана. Храня верность традициям Восточного каганата, он поднял свои войска против сеяньто, нанесших тюркютам удар в спину. Напрасно соратники указывали ему на необходимость сначала укрепить свое положение, так как, если двинуть войска в дальний поход на восток, «сыновья и внуки джабгу захватят наше царство»[14].

Но Ашина Шэни возразил им, что отказаться от продолжения борьбы — значит забыть сыновнее уважение и что если его постигнет неудача, то он согласен умереть.

В 634 г. он перебросил все свои силы, около 50 тыс. всадников, на северную сторону каменистой джунгарской пустыни, но после четырехмесячных боев потерпел полное поражение. С отрядом в 10 тыс. всадников он отступил к Гаочану, где правил его двоюродный брат Юкукшад, подчинившийся императору Тайцзуну.

Тем временем посол танского императора намекнул западнотюркютскому хану, что настало время вернуть отторгнутые земли Ышбара-хан не преминул этим воспользоваться и занял Бишбалык. Для Шэни остался только один выход — в Китай. В 636 г. он прибыл с остатком своих войск в Чаньань и предложил свои услуги. Ему были оказаны великие почести: он получил чин гвардии генерала, земли для размещения своей орды, невесту-царевну и должность при дворе[15]. Но за это Тайцзун приобрел надежного друга.

Воссоединение Джунгарии укрепило международное положение Западного каганата, но это укрепление повлекло за собой обострение внут-

---

11 Кит. Шаболо Телиши, до вступления на престол носивший имя Тонг-шад. По-тюркски тонг — сильный, герой, но смысл подобранного иероглифа отражает его действительное поведение; одинаково хороший для всех. именно это стремление стало основой политической платформы Тонг-шада.

12 Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 256.

13 У Шаванна он назван Cho-eul (Documents..., pp. 173-178) у Лю Мао-цзая — Sche-or (Die chineseschen Nachrichten..., S. 263-265). Однако я предпочитаю чтение Бичурина: Шэни (Собрание сведений..., т. II, стр. 296-298), ибо это соответствует имени Шоно — волк (монг.).

14 E Chavannes, Documents..., p. 175.

15 Ibid., p. 176; Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 264, 394.

ренних противоречий, вызвавших новые потрясения. По существу победы над Сы-джабгу и Шэни были торжеством местных племен над тюркютами. Сохранение династии еще цементировало державу, но Ышбара Толис-шад-хан уже не имел реальиой силы и опирался лишь иа добровольное подчинение бегов, что было крайне ненадежно. Как только беги дулу и иушиби почувствовали, что им извне ничто ие угрожает, они продиктовали хану свою волю. Ему пришлось провести реформу, еще более ослабившую верховную власть; в 635 г. племена дулу и нушиби добились самоуправления; пять племен дулу и пять племен нушиби получили по начальнику не из рода Ашина, а, по-видимому, из местной племенной знати. Каждый из этих начальииков был по достоинству приравнен к шаду, т. е. принцу крови. Каждому из них была вручена стрела как символ власти, и отсюда возникло название «тюрки десяти стрел». Границей между двумя союзами, дулу и нушиби, стала р. Чу[16].

Уступка сепаратистским теидеициям, естественно, ие могла спасти разваливавшееся государство.

Недовольные. Новый порядок удовлетворил многих, ио ие всех. Разумеется, от него пострадали жившие в Западном каганате тюркюты. Они лишились своего преимуществеииого положения, и умеиьшилась их доля власти. Но помимо них иедовольны оказались также и те племеииые вожди, которые не получили стрелы, а их было немало, особенно среди северных и джунгарских. В число избранных не попали карлуки, ягма[17], кипчаки[18], басмалы[19], а также потомки хуннов — чуюе, чуми и шато[20]. Этим последним было особеино обидно, потому что родственные им чумугунь и чубань вошли в число привилегированных. Когда же Ышбара Толис-шад-хаи задумал в 633 г. отнять власть у их вождя, то эти племена откочевали на восток, стали лагерем в степи Шато, около оз. Баркуль, и предложили императору Тайцзуиу прииять их в подданство. Одиако сложная политическая обстановка, сложившаяся в это время в восточном Тянь-Шание, повлекла эти племена и их вождя[21] по ииому пути.

В это время политическое положение в Восточиом Туркестане было крайне острым и напряженным. Еще в 20-х годах китайцы, сторониики свергнутой династии Суй, бежали к тюркютам, надеясь с их помощью продолжать борьбу с династией Таи. Выше говорилось, что когда Кат Иль-

16 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 286; Иакинф Бичурин, История Тибета..., 1, стр. 138; C. Chvannes Documents..., p. 56.

17 Телесское племя иньнянь (кит.).

18 Кюй-юе-шэ.

19 Басмал значит помесь. Эта небольшия народность состояли из сороки родов (Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия..., стр. 256).

20 Жили и центральной Джунгарии до оз. Биркуль.

21 Китайцы звали его Мише, он был из роди Ашини.

хан был разбит, то по требованию Тайцзуна 80 тыс. китайских эмигрантов было возвращено в Китай[22], но самые отъявленные враги танского правительства бежали в Гаочан (Турфан) и были приняты его правителем Кюй Вэнь-таем[23].

Гаочанская династия была китайского происхождения, но издавна породнилась с тюркютскими ханами. Гаочанские правители были вынуждены заигрывать и с Китаем и с Западным каганатом, чтобы сохранить от разграбления свое маленькое государство. Они были в прекрасных отношениях с Суйской и Танской династиями до 630 г., но, как только Тайцзун приступил к созданию своей империи, традиционная дружба нарушилась.

Кюй Вэнь-тай имел все основания быть недовольным новым китайским правительством. Княжество Иву (Хами), находившееся в подчинении Гаочана, в 630 г. стало союзником Китая[24]. Кюй Вэнь-тай обратился за помощью в Западный каганат, и в 631 г. Сы-джабгу[25] пришел ему на помощь. Союзники разгромили Хами, и император был вынужден ограничиться дипломатическими упреками, на которые гаочанский князь не обратил внимания.

Дружба Кюй Вэнь-тая с Сы-джабгу вызвала обострение отношений Гаочана с Карашаром, на который опирались опальные князья Нишу и Ышбара Толис-шад. В 632 г. карашарский лун[26] Тукичжи[27] и хотаньский царь Уми[28], также соперники Гаочана, вступили в союз с Китаем. Одним из наиболее важных источников дохода для Гаочана был караванный путь, проходивший через него. Подобно Пайкенду на западе, Гаочан был перевалочным пунктом на востоке. Желая ослабить Гаочан, Тукичжи предложил Тайцзуну провести новую трассу через Карашар, в обход Гаочана. Тайцзун согласился. Выполнение этого плана грозило Гаочану потерей экономического и политического преобладания в Восточном Туркестане, и Вэнь-тай вместе с тюркютами в 632 г. разграбил Карашарскую область. Тукичжи обратился с жалобой в Китай.

Тайцзун вызвал Кюй Вэнь-тая для объяснений, но тот отказался приехать. Он полагал, что многочисленное войско не сможет пройти через пустыню, отделявшую Гаочан от Китая, из-за невозможности снабжения,

---

22 Иакинф Бичурин, История Китая, 631 г.

23 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 210.

24 Иакинф Бичурин, История Китая; E. Chavannes, Documents..., p. 104.

25 Э. Шаванн пишет, что не может указать дату разгрома Хами и установить личность джабгу, участвовавшего в походе (Documents..., p. 104, n. 1). Однако это произошло между 630 и 632 гг., ибо в 632 г. гаочанцы совместно с западными тюркютами уже воевали против Карашара. В 631 г. на престол вступил Сы-джабгу; следовательно, это был он. В 632 г., когда хан был занят на западе борьбой с вельможами, его сменил в командовании Ирбис-шад (Иби-шад), очевидно один из его приближенных так как после падения Сы-джабгу он больше в летописях не упоминается.

26 Титул владетеля Карашара.

27 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, стр. 294.

28 E. Chavannes, Documents..., p. 126.

а с небольшой армней до 30 тыс. человек ои рассчнтывал справнться[29]. Карашарскнй владетель, не видя помощн от Кнтая, заключил союз с Ышбара Толнс-шад-ханом. Этого оказалось достаточио, чтобы племена чуюе и чумн вступили в союз с Гаочаном и сообща разгромили Карашарскую область[30] (638 г.). Окрыленные этим успехом, чуюе н чуми двинулись на родииу для возобновлення борьбы с иушнбн, прнчем во главе их стоял Юкук-шад[31], за значнтельиое возиаграждеиие вступивший с Вэнь-таем в тесный союз[32].

Переворот. Ышбара Толнс-шад хотел быть хорошим для всех[33], но не стал таковым нн для кого. Своеволие бегов оказалось не легче твердой рукн тюркютов. Народ обвинял во всем хана н тем самым лншал его своей поддержки[34]. Тогда подняли голову обделенные западные тюркюты. Знмой 638 г. Тун-тудун[35], глава заговора, оргаиизовал иеожидаиное иападенне на ханскую ставку. Военачальники, составлявшие окружение хана, покннув его, разбежалнсь. По-видимому, они сочувствовалн мятежникам. Ышбара Толнс-шад с сотней верных воинов отбился, но, не вндя ннгде поддержки, бежал к своему другу, карашарскому владетелю, сопровождаемый младшим братом Буришадом, бывшим командующнм закавказской армией.

Тун-тудун созвал старейшин[36] и предложил им прнгласнть на опустевший престол Юкук-шада. Западные тюркюты хотелн восстановить свое господство, поставив хаиом энергнчного царевнча нз рода Ашина, но это отиюдь не устраивало местиых вождей. Ассык Кюль-сыгинь — глава союза нушнби, — виднмо, возглавил оппозицню н предложил компромнсс: поставить Юкука верховным ханом, а Ышбара — малым. Но во время этого спора Тун-тудун был убит, а Юкук-шад, уже двинувшийся на запад, чтобы воссесть на трон, был остаиовлен военной силой и отброшен назад. Он отплатил за это разгромом Карашара[37]. Ышбара Толис-шад вернулся в свою страну, где иушиби принялн его с радостью, но «западные племена» тюркютов[38] снова призвалн Юкук-шада. Они подиесли ему почетное нмя

29 Н. Я. Бачурии, Собраине саедеиай..., т. II, стр. 292.

30 Там же, стр. 295

31 Э. Шаваяа считает, что это другой Юйгу (Юкук)-шад (E. Chavannes, Documents..., p. 28, n. 3), но ие праводит к тому осиоваиий. Наоборот, асе факты гоаорят за то, что это был восточнотюркютский цареаич (Иакинф Бичурии, История Катая).

32 E. Chavannes, Documents..., p. 109

33 Т у и г о — прозвище этого хана; смысл подобраиных иероглифоа — хороший для всех

34 E. Chavaones, Documents..., pp. 28, 56. У Бичуриеа ошибочно сказано: Дулу-хаа ае был любим народом (Собраине сведеиай..., т. 1, стр. 286).

35 Титул обличает его прииадлежиость к тюркютам.

36 У Бачурина аельможа (ср. E. Chavannes, Documents..., pp. 28, 56).

37 Н. Я. Бичурии, Собраaие сведений..., т. II, стр. 295.

38 Под этим иазваиием можно подразумеаать только тюркютоа, так как прочае все были протиа Юкук-шада.

«Ирбис Дулу-хан», очевидно стремясь привлечь на свою сторону племена дулу.

Война между претендентами была весьма кровопролитной, но силы были равны, и на р. Или соперники заключили мир, согласно которому Или становилась границей их владений. Однако мир был непрочен. В том же году против Ышбары, в пользу Юкук-шада был составлен заговор. Титулы заговорщиков были «тудуны» и «сылефа»[39], т. е. титулы тюркютской чиновной аристократии. Совершенно терроризированный Ышбара Толис-шад бежал в Фергану, где умер в декабре 639 г.[40]. Нушибийские вожди поставили ханом сына покойного, Иль-кюлюг-шада Ирбис-хана[41], а когда он год спустя умер, то ханом стал его двоюродный брат Багадур, с титулом Ирбис Ышбара джабгу-хан[42].

Новый хан навел некоторый порядок. Ему подчинились Куча, Шаньшань (к югу от Лобнора), Гюймо (к востоку от Хотана), Тохаристан, Карашар, Шаш (Ташкент), Кеш, Хэ (в долине Зеравшана), Амуль и Кан (Самарканд)[43]. Таким образом, на борьбу с тюркютской реакцией выступили все оседлые княжества и все купцы, связанные с караванной торговлей. В их числе оказались многие люди из племен дулу, а именно обитатели междуречья Чу и Или. В их землях поставил свою кочевую столицу Ирбис Ышбара джабгу-хан и назвал ее «южной ордой». Тайцзун признал его законным ханом и попробовал оказать на Юкука дипломатический нажим, чтобы склонить его к миру и разделу территории, но безуспешно. Мира быть не могло, ибо вокруг Юкука скопились все антикитайские и антиимперские силы степи. Они еще не верили в свое поражение, и им казалось, что после нескольких побед они смогут восстановить грозный тюркютский каганат и «сравниться с Сыном Неба и прочими»[44]. И действительно, удача сопутствовала им. Южный хан попал в плен и был казнен в мае 641 г.[45].

Попытка реставрации. Юкук был достойным потомком ханов-объединителей. К 641 г. его власть распространялась от р. Или до сибирской

---

39 E. Chavannes, Documents..., p. 57.

40 Иакинф Бичурин, История Китая.

41 Кит. Инюйлиши-Ибн-кэхань.

42 Кит. Ибн Шаболо Шеху-кэхань.

43 E. Chavannes, Documents..., p. 30.

44 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 287; E. Chavannes, Documents..., p. 30.

45 Он был взят в плен тудуном Чача (Ташкент), но выше сказано, что Чач добровольно подчинился южному хану. Полагаю, что наряду с местным князем в Чаче, а возможно, и других городах держались тюркютские полководцы, опираясь на свои дружины и какие-то слои местного населения, что парализовало действия южного хана (Иакинф Бичурин, История Китая).

тайги. Ему подчинились басмалы[46] в Джунгарии, кипчаки на Алтае[47], кыргызы в Минусинской котловине, бома[48] на Енисее и чумугань в южном Тарбагатае. Невозможно представить, что эти сильные, многочисленные и воинственные народы могли быть завоеваны за три года, наполненных ожесточенной войной на юге Семиречья, которая связывала небольшие силы Юкука, состоявшие из чуюе и чуми. Очевидно, мы видим здесь процесс консолидации кочевых племен перед непосредственной угрозой роста империи Тан и перехода ее к политике завоеваний. За исключением чумугунь, все эти племена не входили в состав десятистрельных тюрок, но, за исключением бома, они были некогда подданными тюркютских ханов. И вот они снова стеклись под знамя с волчьей головой, влекомые отчасти силой традиции, отчасти перспективой грабежа богатых городов Согдианы. Но там прекрасно понимали, какая судьба им приуготована. Племена нушиби, утратив хана, не потеряли голову. Они продолжали упорно сражаться. Юкук со своими войсками прошел всю страну насквозь и подчинил себе Тохаристан[49], но Согдиана на западе и горы вокруг Иссык-Куля на востоке были вне его власти.

В 642 г.[50] Юкук послал свои войска, состоявшие из чуюе и чуми, в набег на Хами, но двухтысячный отряд имперской регулярной конницы не только разбил их, но и преследовал до их собственной территории, причем особенно сильно пострадали чуми[51]. Сам Юкук, видимо, в этом походе не участвовал. Он «соединенными силами»[52] ударил на Самарканд и Маймург[53] и разгромил эти богатые города. Но в момент наивысшего торжества счастье покинуло Юкука. Произвол и жадность поссорили его с вождями племен дулу, которые нашли, что Юкук берет больше добычи, чем ему положено.

Юкук решил разом прекратить беспорядки и казнил для острастки зачинщика — Нишу-чура (чур — титул вождя раздела дулу). В ответ на это вспыхнуло военное восстание дулусцев, с которым Юкук не сумел справиться, потому что его соратники, обделенные добычей, разбежались. Западные вельможи, ранее пригласившие его, видя, что дело проиграно, советовали ему вернуться на восток в свои исконные владения, но для

---

46 О басмалах см.: Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 256.

47 Хотя кипчаки в расовом отношении сильно отличались от тюркютов (см. Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 57—59), политически они были объединены (см.: Г. Рамстедт, Перевод надписи селенгинского камня, стр. 40; С. Е. Малов, Памятники..., 1959, стр. 38).

48 Л. Н. Гумилев, Хунну, стр. 40-41.

49 Очевидно, он использовал тюркютов, осевших там раньше и отложившихся от нушибийских ханов.

50 По Цзю Тан шу, в 641 г. Нами принята дата по Ганму (см. E. Chavannes, Documents..., p. 58, n. 2).

51 Имперская конница дошла до гор Катун Богдо-ола (см. E. Chavannes, Documents..., p. 31, n. 3).

52 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 287.

53 Кангюй и Даоми (Ми) там же (E. Chavannes, Documents..., p. 31).

Юкука это было невозможно, так как его главная опора — Гаочан — был взят китайскими войсками в 640 г. Юкук решил пробиться на запад, в только что покоренный Тохаристан, который он считал для себя безопасным прибежищем. Однако даже последние его сторонники отказались последовать за ним. Юкук остался со своей тюркютской дружиной[54]. Он попробовал уговорить отпавших вернуться, но подвергся внезапному нападению своих врагов - нушиби, был разбит и укрылся в г. Байшунху (Исфиджаб, несколько восточнее Чимкента[55]).

Нушиби, заручившись поддержкой Китая, немедленно поставили своего хана, внука Ышбара Толис-шада — Ирбис Шегуй-хана[56]. Все ранее задержанные китайцы получили разрешение вернуться домой. В Китай была послана дань и просьба о браке. Традиционный союз Согдианы и Китая не пресекся. Нушибийские войска обложили Юкука в Байшунху, но из тюркютов еще не выветрилась военная доблесть. Латники Юкука под музыку литавр и труб бросились в атаку, и нушибийцы побежали. Множество из них было изрублено и взято в плен.

Юкук обратился к своим старым союзникам - дулусцам - с приглашением вернуться к нему, но те заявили весьма решительно: «пусть убьют тысячу человек на войне, а останется один, то и тогда не пойдем к нему»[57]. Видя невозможность удержаться в стране, народ которой высказался против него, Юкук с остатками своей дружины ушел на левый берег Аму-Дарьи, в Тохаристан. Там он нашел поддержку у тюркютов, осевших в Куидузе еще со времен Тун-джабгу-хана[58]. Их глава носил титул Ышбара-джабгу, и, очевидно, он гостеприимно приютил своего родственника. Юкук умер в 653 г.[59], оставив орду своему сыну Чженчу[60], последнему князю из рода Ашина, которого мы имеем право называть тюркютским ханом.

Умиротворение. Как только западные тюрки покончили с тюркютской опасностью, сразу же вспыхнула старая вражда между нушиби и дулу. Нушиби заняли первое место по праву: в непрестанных боях они отстояли свободу десяти племен, тогда как дулу постоянно связывали свою судьбу с узурпатором и только в последний момент покинули его. Но дулу вовсе не

---

54 У Юкука после бегства всех подчиненных оставалась еще крепкая военная сила. Поэтому надо полагать, что все относится к дулусцам, которые были им недовольны, а не к его личным тюркютским войскам, которым, как и самому Юкуку, было некуда деться.

55 E. Chavannes, Documents..., p. 195; Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 260; В. В. Бартольд, Туркестан..., стр 176—177.

56 Ибн Шегуй-хан. Иероглифы, подобранные для передачи слова Шегуй, означают колчан (по-тюркски сагдак).

57 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 288; E. Chavannes, Documents..., p. 59.

58 E. Chavannes, Documents..., p. 155, n. 6.

59 Ibid., p. 35.

60 Кит. Чженьчжу-шеху. Аргументацию отождествления см. ниже

собирались нести кару за свои прегрешения. До тех пор, пока император Тайцзун поддерживал нушибийского хана, им приходилось мириться с создавшимся положением, но, как только в этой дружбе появилась трещина, они немедленно воспользовались случаем.

В 646 г. Ирбис Шегуй-хан отправил посольство в Чанъань, чтобы браком с принцессой из дома Тан скрепить союз. Но император потребовал за принцессу пять городов: Кучу, Хотан, Кашгар, Чжукюбо (к югу от Яркенда) и Цунлин (там же). Эти города уже подпадали под власть Империи: Куча в 630 г., Хотан в 632 г., Кашгар и Яркенд в 635 г., но затем отложились и вернулись под покровительство западного хана. Требование было наглое, и хан прервал переговоры, но вместе с ними был порван и союз. Тут-то опять выступили на сцену дулу. Характер этого движения ярче всего вырисовывается в личных качествах выбранного дулусцами вождя. Это был царевич из рода западных Ашина, сын Бури-шада и потомок Истеми-хана[61]. Во время узурпации он примкнул к Юкуку и получил от него чин джабгу и должность надзирателя над всеми восточными территориями. Личное имя его не сохранилось; он остался в истории под прозвищем Халлыг[62]. Карьеру ему помогли сделать его двоюродные братья Мише и Бучжень[63]. Они ненавидели друг друга, и Бучжень интригами заставил Мише, главу племени чуюе, бежать в Китай. Затем, сочтя положение Юкука безнадежным, Бучжень изменил ему и тоже передался Империи. Но он просчитался: Юкук еще побеждал своих противников, и на «вакантную должность» вождя дулу был приглашен царевич Халлыг.

После бегства Юкука Ашина Халлыг оказался в отчаянном положении. Ирбис Шегуй-хан послал войска, рассеявшие его орду, и сам он скрывался в степи[64]. Но тут за него вступились три дулуских вождя и просили хана его помиловать. Разъяренный хан хотел казнить непрошеных заступников, и, надо сказать, не без основания. В самом деле, Ашина Халлыг был по всем данным наиболее подходящим человеком для того, чтобы возглавить недовольных дулу. Его принадлежность к местной ветви Ашина гарантировала ему популярность; вместе с тем он сам был достаточно скомпрометирован связями с Юкуком, и можно было не опасаться, что он будет ставить подобные связи на вид подчиненным. Его личные качества — мужество, энергия, предприимчивость — делали его опасным соперником для хана и желанным вождем для племен дулу. Три вождя, видя неуспех своего ходатайства, предпочли мятеж ханской немилости и вместе

---

61 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 288; Chavannes E. Documents... P. 3.

62 Совр. кит. Хэлу; фонетический подбор иероглифов. Тюркская аналогия: Халлыг — высоко поднявшийся. Полагаю, что это не личное имя, а прозвище.

63 Прозвище — идущий к истине, т.е. доносчик (расшифровка Хвана М. Ф.).

64 Шушеди, Чумугунь и Поби (см.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 289; Chavannes E. Documents..., P. 59).

с опальным царевичем перекочевали на восток, где в 648 г. поддались империи Тан[65]. Это было зерно новой смуты, погубившей Западный каганат. Но прежде чем говорить о пятом акте тюркютской трагедии, обратимся на восток, где за истекшие двадцать лет произошли события, изменившие на сто лет политическую карту Азии.

65 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 289. Прим. 2.

Глава XVII

ТАБГАЧСКИЙ ХАН

Шаг назад. В 631 г. император Тайцзун был хозяином всей Великой степи, и если бы он захотел, то, используя смуту в Западном каганате, мог бы тогда же стать гегемоном всей Азии. Но этот прекрасный полководец был мудрым политиком и счел за благо не завоевывать стран, которые ему было бы трудно удержать.

Степь населяли помимо разбитых тюркютов многочисленные и воинственные народы: на западе 70 тыс. кибиток сеяньто[1], на северо-востоке 100 тыс. душ уйгуров[2]. Оценив положение, Тайцзун заявил: «Если мы не можем истребить их, то нам ничего не остается, кроме политики брака»[3], и он оттянул свои войска на южную сторону пустыни Гоби, предоставив кочевникам самим решать свою судьбу. И они немедленно схватились между собой. Уйгурский вождь Тумиду, наследник Пусы, разбил сеяньтосцев и овладел их кочевьями. Сеяньтоские «старейшины от страха рассеялись подобно птицам — неизвестно куда»[4], а вожди одиннадцати телеских племен явились в Китай просить о признании своего ханства. Император одарил их халатами и саблями, пожаловал чины и допьяна напоил вином, но одновременно отправил посла к сеяньтоскому вождю Иananю с грамотой, литаврами и знаменем, что означало признание его в достоинстве хана[5]. Очевидно, усиление уйгуров его устраивало еще меньше, чем возвышение сеяньто.

---

1 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.339; Chavannes E. Documents... P.95; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.354.

2 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.302; Chavannes E Documents... P.89; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.350.

3 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.392.

4 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.302.

5 С титулом Чжень-чжу Бильге-хан (Chavannes E. Documents... P.59; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.392).

Положение в степи сразу изменилось: уйгуры прекратили войну и подчинились новому хану. Сеяньтоская держава простиралась от Алтая до Хингана и от пустыни Гоби до Байкала[6]. Она была организована по тюркютскому образцу. Сыновья Иняня получили достоинство «шад» и встали во главе разделов толос и тардуш, с той лишь разницей, что теперь толосы расположились на севере, а тардуши на юге. Численность войска китайцы определяли в 200 тыс. копий; у тюркютов при Шибир-хане указан миллион[7]. Но хотя сеяньтоское ханство было значительно слабее тюркютского, оно успешно справлялось со всеми тюркютскими князьями, пытавшимися с ним тягаться. Исключение составляли лишь те тюркюты, которые, храня верность Кат Иль-хану, в 630 г. сдались Китаю и были поселены в Ордосе. В 639 г. ханом над ними был назначен Ашина Сымо, человек замечательный не по своей политической роли, а по великолепным личным качествам. Он был «от природы остр, искренен, верен и, несмотря на то, что его подозревали в незаконном происхождении, так как он лицом был похож на уроженца Западного края, вследствие чего ему был закрыт доступ к высшим чинам»[8], его любили оба великих хана — Шибир и Чуло. Когда Кат Ильхан был покинут всеми друзьями и соратниками, Сымо оставался верен ему до конца и вместе с ним попал в плен.

Тайцзун умел ценить верность: Сымо пользовался всегда его полным доверием и не обманул его.

Но если можно было приобрести верность хана, то далеко не так просто купить расположение народа. Сымо прожил в Ордосе три года и не мог привлечь народ к себе. Наоборот, многие из его подданных ушли на север[9]. Даже на зачисленных в гвардию тюркютов было невозможно надеяться. Младший брат толос-хана, Гешешуай[10], в 639 г. устроил заговор, целью которого было выкрасть у китайцев наследника тюркютского престола, сына толос-хана, Хелоху, уйти на север и возобновить борьбу. Но неожиданное нападение на китайский лагерь не удалось. Хелоху был убит при попытке к бегству, а Гешешуай бежал в горы[11].

Этот инцидент дал основание китайским чиновникам снова сделать императору представление о необходимости выслать из пределов Китая всех тюркютов, как неблагонадежных. Возразить на это было нечего, и император вынужден был согласиться. Однако он нашел способ не только

6 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.1. С.340; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.723.

7 В условном исчислении (см.: Гумилев Л.Н. Хунну. С.60-61).

8 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.1. С.260.

9 Там же. С.262; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.198.

10 По-видимому, единоутробный или двоюродный брат, так как он не был претендентом на престол.

11 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.1. С.260; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S.203; Julien S. Documents... Vol. 4. PP.240-241.

не обидеть своих кочевых подданных, но еще более привязать их к себе. Он вызвал к себе хана Сымо и, как по великой милости, позволил ему переправиться со своим народом на северный берег Хуанхэ, чтобы занять под кочевья степи к югу от Гоби.

Этим он достиг трех целей: привязал к себе народ, подарив ему страну, где «паствы обширны, почва наилучшая»[12]; создал барьер против сеяньто, которые рассматривали тюркютов как природных врагов; получил в свое распоряжение великолепное конное войско, необходимое ему для заграничных походов. Переселение совершилось в 641 г., и хотя многие тюркюты, не желая служить своим победителям, откочевали на север, но остальные своими подвигами снискали танскому оружию еще невиданную в Азии славу.

Табгачский хан. Низвержение династии Суй и «справедливая война» так дорого стоили китайскому народу, что извлечь из него средства для внешних завоеваний было невозможно. Отказаться же от активной политики за границами страны было губительно, так как это означало, что враги династии возьмут в свои руки инициативу и при удобном случае ворвутся в Китай. Войну в степи могли вести успешно только степняки и их симпатии были для танского императора залогом жизни и благополучия. Благодаря таланту полководца и государственного деятеля он нашел общий язык с варварскими вождями и князьями, искренность и непосредственность которых поддавались обаянию его справедливости и великодушия. Ранее они чувствовали себя в Китае пришельцами, наемниками, которых только терпят, теперь же они становились друзьями и близкими императора, принимавшего самое живое участие в их делах и бедах; он даже лично высасывал кровь хану Сымо, раненному стрелой во время похода на Корею[13].

Кат Иль-хан, разоривший пол-Китая, был помилован; больше того, ему вернули всех домашних и позволили жить на свободе, а когда выяснилось, что он тоскует и худеет, то ему был предложен чин правителя области Хучжоу, где была хорошая охота на лосей и оленей, чтобы он развлекся и поправился[14]. Тайцзун пресек систему доносов и наветов, сказав: «Царствующий не должен никого подозревать»[15]. Характерным примером привязанности к нему кочевых союзников может служить попытка Ашина Шэни лишить себя жизни на могиле императора, которого он не хотел пережить[16].

---

12 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С. 262.
13 Там же.
14 Там же. С. 256.
15 Там же. С. 263.
16 Chavannes E. Documents... P. 178.

Однако дружественная политика императора встретила серьезное противодействие в некоторых членах государственного совета, настойчиво предлагавших воспользоваться ослаблением кочевников для полного их истребления, но Тайцзун принял противоположную точку зрения, сформулированную сановником Вэнь Ян-бо: «Длинные повода есть мера к прочному обузданию»[17].

Принятая при Тайцзуне система постепенного инкорпорирования чужих территорий сводилась к следующему. Иностранный владетель склонялся «лаской» принять имперский протекторат, после чего его владение переименовывалось в «привлеченную» область, а ему давался китайский чин, сначала номинально, а затем с подчинением чиновнику высшего ранга. Эта должность, вначале наследственная, становилась постепенно назначением с преимущественным правом на нее местной аристократии. В следующей стадии и эта видимость самоуправления исчезала и «привлеченная» область входила в состав империи на общих основаниях[18]. Пока Тайцзун был жив, эта система давала блестящие результаты.

Судьба Тогона. Первой жертвой вновь созданной военной машины оказался маленький неукротимый Тогон. В жестокое время последней борьбы с тюркютами тогонцы не переставали тревожить набегами западную границу империи. Китайские войска ограничивались обороной, но, как только появились в их рядах быстрые кнби и жестокие дансяны, они ответили контрнабегами и угнали у тогонцев много скота[19].

В 634 г. дансяны и кочевые тибетцы-кяны восстали против китайцев и объединились с тогонцами. Против них была брошена конница, состоявшая из тюркютов и кнби, которая в 635 г. нанесла тогонцам полное поражение. Тогонский царь, семидесятилетний Фуюнь, бежал в Хотан. Преследуемый, он предпочел самоубийство плену. Его наследник Муюн Шунь, долго проживший как заложник в Чанъани, был убит своими подданными по подозрению в симпатиях к Китаю. Специально посланная имперская армия возвела на престол его малолетнего сына Нохэбо, который стал марионеткой империи, за что в 640 г. получил в жены китайскую княжну, пышно наименованную царевной.

Наступивший мир и обилие китайских товаров, видимо, понравились тогонцам, и когда в 641 г. один из вельмож составил заговор, намереваясь войти в союз с Тибетом, то он встретил решительное сопротивление князей[20], которые выступили на защиту союза с империей. Это дало Тогону двадцать лет мирной жизни.

17 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 258.

18 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 263.

19 Бичурин Иакинф. История Тибета... С. 90-92.

20 Бичурин Иакинф. История Тибета... С. 94.

Опасность для Тогона и для самой империи Тан возникла на западе. Южнотибетские племена-боты, заселившие среднее и верхнее течения великой реки Брахмапутры, к VII в. объединились и создали мощную военную державу. В 634 г. глава тибетского государства, носивший титул цэнпо, Сронцангамбо послал посольство в Китай, чтобы войти в сношения с империей. Посольство было принято холодно, и тибетцы, приписав это интригам тогонцев, обрушились войной на Тогон, находившийся в то время в состоянии внутреннего разлада. Тибетцы без особого труда разбили Нохэбо у верховьев Хуанхэ[21]. Нохэбо с женой и несколькими тысячами сторонников в 663 г. бежал в область Лянчжоу. На этом закончилось независимое существование Тогона.

Нохэбо умер в 688 г., и его потомки еще сто лет числились ханами[22], но уже не имели ни реальной власти, ни территории, а служили в имперских войсках, подобно тюркютам и другим кочевым подданным империи Тан.

Конец Гаочана. Как уже было сказано, центром притяжения для всех врагов династии Тан стал Гаочан. Туда стекались политические эмигранты из Китая, сторонники династии Суй[23]. На него опирали племена кочевников, отвергавшие любую форму подчинения Китаю[24]; смешавшиеся с тюрками. Местные жители[25], производившие те же товары, что и китайцы, и потому их естественные конкуренты, не учитывая происшедших изменений, полагали, что пустыни спасут их независимость[26]. Их надежда укреплялась еще тем, что внешнее положение империи продолжало оставаться напряженным как на востоке, где в Корее назревал государственный переворот, грозивший серьезными осложнениями и впоследствии действительно вызвавший войну в 645 г., так и на западе, где не прекращалась война с новым тибетским государством. Однако гаочанский князь и его советники не учли новых обстоятельств. Посылать на запад китайскую пехоту действительно было предприятием, обре-

21 Там же. С. 95, 135.

22 Там же. С. 96-97.

23 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 291. Среди находок А. Стейна в Астане имеется очень интересный некролог знатной китайской дамы Си, вдовы некоего Фань Юнь-луна, имевшего чин гвардии генерала при гаочанском правителе. Эта дама была ревностной сторонницей старого режима , т.е. Суй, почему и жила в Гаочане. Умерла она в 667 г. (Stein .A. Innermost Asia. Oxford, 1928. II. P. 659).

24 Это были те, кто поддерживал Юкук-шада.

25 Гумилев Л. Н. Статуэтки воинов из Туюк-мазара // Сборник Музея Антропологии и этнографии. Л., 1949. Т. 12. С. 243-244.

26 Князь Вэнь-тай говорил своим приближенным: В прошлый приезд мой ко Двору города от Цинь и Лун на север лежали пустыни. Не то было при династии Суй. Ныне, если пошлют на нас много войск, то не в состоянии будут доставлять им съестные припасы, а ежели войск будет не более 30000 чел., то я могу управиться с ними. При переходе через Песчаную степь они утомятся и изнемогут, и я с бодрыми войсками воспользуюсь их худым положением (Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 292; Chavannes E. Documents... PP. 105-106).

ченным на неудачу, но с 636 г. на службу империи вступил тюркютский царевич Шэни со своим отрядом, и с 632 г. в Хэси прикочевало воинственное телесское племя киби, вождь которого Киби Хэли тоже оказался среди избранных друзей императора Тайцзуна. Этой коннице степные переходы были не страшны.

Ориентация на Юкука принесла гаочанцам только вред, потому что сеяньтоский хан, враг тюркютов, узнав о приготовлениях к походу против Гаочана, предложил союз и отряд проводников через степи[27]. Тайцзун в 639 г. еще раз предложил гаочанскому князю Вэнь-таю явиться к нему для объяснений, но тот отказался приехать и поход был решен.

В 640 г. отряд из нескольких десятков тысяч тюркютской и кибиской конницы под объединенным командованием китайских и кочевнических офицеров перебросился через степь и вступил в цветущую Люкчунскую котловину. Вэнь-тай от переживаний заболел и скончался, но гаочанцы возвели на престол его сына и приготовились к сопротивлению. Первым делом имперцы осадили городок, где жили китайские эмигранты. Киби Хэли после жаркого штурма ворвался в крепость, и 7 тыс. жителей сдались на милость победителя. Затем имперские войска подошли к столице, засыпали крепостной ров и забросали город камнями из осадных орудий. Юный князь явился в имперский лагерь, умоляя принять капитуляцию, но главнокомандующий дал сигнал к приступу, и с Гаочаном было покончено.

Быстрота, с которой имперская армия взяла гаочанскую крепость, произвела на местных жителей огромное впечатление. Двадцать два города сдались без боя; джабгу, стоявший в южной Джунгарии с конницей, чтобы ударить в тыл осаждающим, передался на сторону имперцев. Это был тот самый Бучжень — «стремящийся к истине», который сначала интригами заставил бежать своего брата, а затем, не задумываясь, изменил Юкуку. Он передал имперцам крепость Бишбалык, где они немедленно организовали военный округ Тинчжоу, ставший их опорой в Западном крае.

Гаочанские жители получили пощаду и прощение; только «сильные дома» были переселены во внутренний Китай. Города, захваченные гаочанцами у Карашара, были возвращены, карашарские пленники освобождены[28]. Тайцзун вопреки советам своих китайских приближенных[29], учредил на завоеванных землях военный округ Сичжоу, назначил туда наместника и поместил гарнизон, состоявший из тысячи преступников, которым тюремное заключение заменялось военной службой.

27 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 291; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 723.

28 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 294-295.

29 Ему говорили, что содержание гарнизона обойдется слишком дорого и не следует расточать нужное на ненужное (Там же. С. 293).

Расправа с сеяньто. Дружба сеяньтоского хана Иняня с императором Тайцзуном нарушилась в тот момент, когда степное «длинное ухо» донесло до хана весть о восстаиовлении тюркютского ханства к северу от Хуаихэ. Иняню больше всего хотелось изрубить тюркютов, но для их охраны был назначеи специальный военный чиновиик, а конфликт с империей был делом серьезным. Но в 641 г. Ииаию показалось, что время для набега иаступило. Император отправился совершать традиционное жертвоприношение на горе Тайшань, и ему сопутствовало согласио этикету все войско. Иiань, решив, что имперские войска ие успеют прийти на помощь тюркютам, мобилизовал все подчиненные ему племеиа — тонгра, бугу, уйгуров, мохэсцев (чжур-чжени), татабов[30] — и перебросил всю эту армию через Гобн, чтобы покончить с врагами своего народа. Командовал войском его сын, шад тардушей.

Чтобы обеспечить внезапность нападения, каждый воин имел четырех лошадей и, меняя их, шел без остановок. Но Ашина Сымо успел, не приняв боя, отойти за Хуанхэ, в Ордос, и сообщить о набеге в Чанъань, откуда на помощь ему немедленно выступил отряд ударной конницы[31]. Объединившись с тюркютами, имперцы пошли прямо на противиика и выиудили его принять бой на р. Ночжень (641 г.)[32]. Несмотря на то, что сеяньтосцы в походе имели по четыре лошади на каждого воина, они сражались в пешем строю. Лошадей во время битвы держали специальные коноводы; иа четырех воинов полагался один коновод. В начале битвы сеяньтосцы, следуя своей тактике, стреляли по тюркютским лошадям, которые не имели брони. Тюркюты, не будучи способны сражаться пешими, пришли в замешательство и начали отступать. Сеяньтосцы преследовали их и расстроили свой строй, чем воспользовался табгачский полководец Ли Цзи. Ои выстроил китайскую пехоту в сотенные колонны и, ударив в образовавшиеся интервалы, остановил неприятеля. Тем временем тюркютская коииица, спешно перестроившись, ударила на коноводов и отбила 15 тыс. лошадей. Это вызвало панику, и сеяньтосцы побежали, преследуемые тюркютами. Так как дело было в декабре, то спасшиеся от меча погибали от мороза при обратиом переходе через пустыню. Потери сеяньтосцев достигали 80% личиого состава. Такое страшное поражение заставило Иняня просить мира, который он хотел укрепить браком с китайской царевиой. Тайцзун потребовал, чтобы хан явился лично и пригнал достаточно скота в виде брачного подарка. Налоги, возложенные ханом на народ при сборе этих даров, вызвалн возмущение. Скот оказалось невозможным

30 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., S. 242.

31 Тху-ки — врубающаяся конница (Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I. С. 341).

32 В совр. провинции Сюйюань (Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., S. 668).

перегнать через пустыню, так как открылся падеж. Это окончательио подорвало силы Инаия, и Тайцзун, решив более ие считаться с ним, отказал ему в браке.

Инаиь попробовал было произвести иабег, ио, встретив имперские войска, ретировался без боя. Корея, в 645 г. готовившаяся к борьбе с Китаем, тщетно пыталась уговорить Ииаия сделать диверсию. В октябре 645 г. Инань умер, видя полиое крушение всех своих замыслов. Сеяньтоские вельможи поставили ханом его побочиого сына Имана, ио Бачжо, законный сын, со своими сторонниками напал иа Имана во время похорон отца и, убив его, объявил себя ханом[33]. Воспользовавшись тем, что Тайцзун с главной армией воевал в Корее, Бачжо произвел набег на Китай, но был разбит одними пограничными войсками. Вместе с тем казни среди вельмож противиой ему партии вызвали возмущеиие в орде, и при подходе имперских войск его орда разбежалась и покинула его. Вскоре Бачжо был убит уйгурами, а вслед за тем осеиью 646 г. остатки сеяньтоской орды, иастигнутые имперскими войсками, были частью изрублеиы, частью захвачены в плеи, частью рассеялись, чтобы иикогда больше не соединиться[34].

Такая сравнительиая легкость победы иад воииственным и многочисленным племенем объясияется одиим тонко рассчитанным шагом имперской дипломатии. Когда Тайцзун отказал Инаню в браке с китайской царевной, он этим дал всем подчиненным сеяньтоскому хану племенам сигнал к восстанию[35]. Затем ои послал им «тюркютского богатыря»[36] в вожди, но для того ие нашлось поприща. Восставших возглавил уйгурский старейшина Тумиду. Он разбил сеяньтосцев, но после победы вместе со всеми другими вождями подчиииился танскому императору. Для телеских племеи это был лучший выход: они ничего не теряли, сохраняя свой образ жизии, и очень много приобретали, получив возможность торговать с китайцами и поступать в императорскую армию, что сулило им добычу и почести. Правда, некоторая оппозиция возиикла, и Тумиду был убит заговорщиками, ио последние были заманеиы имперским наместником в ло-

33 Бачуран Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 342. Титул законного сына Инани — Гели-Гюнли-Шисе-Шв-Дони-хан.

34 Бичурин Иакинф. Истории Китая.

35 Тайцзун сказал своим советникам: Сеяньто покорствуют и бьют челом нв наши гневные действа, не смеют высокоумничать и пренебрегать вследствие того, что недавно остаавли правителя а разные племена, смешанно живущие, не оодчиняются его упрввлению. Непрестанно опираясь на великое государство, они заставлают оокоратьси эти народы. У тупло, оугу а орочак десята племен у каждого войскв несколько десятков тысяч. Если они не смеют выступить, то оотому, что боятся Китаи, смотра, что Сеяньто ооддерживаются нами. Если теперь женить его нв царевне, то зять великого государства увеличит и возвысит свое достоинство, крепко привяжет своик единомышленников. Разные семьа и племена еще более оочтут его и покорятся ему... Ныне если не дать за него [хана] цвревну, это сделает его жизнь очень ограниченной. Все семьи и олемена сразу узнают, что мы покинуля его. То, что они поспешат напасть нв него, будет неоремеино (Вэньсян тункао. Т. XVI. Цз. 344).

36 Liu Mau-tsai. Die chioesischeo Nachrichteo... S. 351. Ср.: С. 719, где он трвктует Моходу как имя собственное и, не будучи в состоянии определить, кто это, предполагает описку в тексте. Полагаю, что здесь имя нврицвтельное.

вушку и казнены. Сын Тумиду был утвержден главой племени и получил военный чин, после чего уйгуры стали лояльными подданными империи и участвовали во всех войнах, которые она вела[37].

Чеби-хан. Разгром сяньто настолько укрепил авторитет танской империи, что все телеские племена, даже такие отдаленные, как байырку (баегу) и курыканы (гулигань), в 647 г. направили послов с данью и добровольно подчинились императору. В конце того же года посольство пришло и от тюркютского Чеби-хана[38].

Судьба этого царевича весьма примечательна. При Кат Иль-хане он был одним из удельных князей и носил титул «малый» хан. После разгрома 630 г. Чеби-хан бежал со своей ордой на север и, отбившись от сяньтосцев, преследовавших его по пятам, укрылся в горных долинах восточного Алтая. В «Таншу» написано: «Чеби ушел на северную сторону Золотых гор (Алтая). Золотые горы с трех сторон состоят из отвесных утесов, только с четвертой стороны есть проход, по которому можно проехать конному и на телеге. Земли ровные, и Чеби занял их... Он покорил на западе Гэлолу (карлуки), на севере Гегу (кыргызы)»[39]. Выражение «на северную сторону Золотых гор» нельзя понимать буквально, вернее, в нашем смысле. Северные склоны Алтая покрыты лесом (чернь), и там нет возможности жить скотоводам, какими были тюркюты. Кыргызы жили на верхнем Енисее, и если бы Чеби-хан в самом деле перевалил Алтай, то они были бы от него не к северу, а к востоку. Карлуки занимали верхнее течение Иртыша и были бы от него не к западу, а к югу. То, что местность была окружена со всех сторон горами, а внутри «земли ровные» т.е. степные, показывает, что Чебихан занял долины внутреннего Алтая, а единственный проход туда — это Сайлюгем. Значит, основная часть владений Чеби-хана была расположена между Телецким озером и р. Катунь, но на востоке он, вероятно, владел частью бассейна Кобдо[40].

Войско его исчислялось в 30 тыс. человек. Ему удалось подчинить себе кыргызов на севере и карлуков на западе. На востоке он вел неустанную борьбу с сяньто.

Тайцзун отправил ему ответное посольство с предложением лично явиться в Чанъань для выражения покорности, но Чеби-хан не имел никакого желания рассматривать установление дипломатических отношений как безоговорочную капитуляцию. Китайские послы, видя неуступчивость хана, пошли в сношения с карлуками, чтобы захватить его. Интрига откры-

37 Тогда же, в 647 г., для связи с союзниками имперское правительство учредило постоянные почтовые станции для послов от тюркютов (Чахар) до уйгуров (Халха) (Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 418).

38 Бичурин Иакинф. История Китая.

39 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 263.

40 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 277.

лась, и китайское посольство было перерезано. Разгневанный Тайцзун в 649 г. направил генерала Гао Каня с войском из уйгуров и бугусцев против Чеби, который был взят в плен и представлен в Чанъань, где, однако, был помилован и пожалован высшим военным чином. Народ его был переведен на жительство в Утукенскую чернь, в восточном Хангае, так как эта область после уничтожения сеяньто оказалась пустой[41].

Таков общий ход событий, но сообщение о переводе народа с Алтая в Хангай содержит несомненное преувеличение. Я далек от того, чтобы заподозрить в недобросовестности составителей «Таншу» и «Ганму»; по-видимому, они просто воспроизвели в своих сочинениях рапорт Гао Каня. Но этот генерал писал рапорт с такой же точностью, как и многие другие генералы, учитывая при этом слабые географические познания китайских придворных. Достаточно сказать, что, согласно этому рапорту, вся кампания, включая переход от Чанъаня через Гоби и Западную Монголию до Алтая, уложилась в один 650 г.

Что за это время было преодолено сопротивление 30 тыс. тюркютов, принята покорность двух изменивших Чеби-хану старейшин, захвачен врасплох один аймак и пойман сам Чеби-хан, — этому можно поверить, но что Гао Кань за это же короткое время сумел выловить весь многотысячный народ, поверить могли лишь китайские придворные, никогда не видавшие Алтая. Горные долины, отделенные друг от друга высокими перевалами, представляют собой естественные тайники, где можно отсидеться от любого врага, так как к услугам осажденного и кусочек степи (северный склон Алтайской долины, высушенный палящими лучами солнца, всегда степной), и кусочек тенистого душистого леса (на южном склоне, по которому солнечные лучи только скользят), и речка, полная чистой горной воды, и дополнительные укрытия в виде глубоких падей, по дну которых текут ручейки. В зимнее время высокие перевалы непроходимы, а летом враг, даже добравшись до такой долины, не достиг бы никаких результатов, так как летовки располагаются на водоразделах, пробраться на которые можно только по еле заметным тропам, известным лишь местным жителям. Естественные же пути вверх по руслу ручьев отсутствуют, так как ручьи в своем нижнем течении прорезают скалы и текут в таких ущельях, где не только лошадь, но даже пеший человек не пройдет. Но кочевое скотоводство на Алтае возможно лишь по степным склонам долин, а их не так уж много. Поэтому при увеличении поголовья скота и народонаселения Чеби-хан должен был искать выхода в степь. Он его нашел, и это его погубило, так как в степи конница императора не имела себе равных.

41 Там же. С. 284.

Возвращаясь к тексту, мы видим, что Чеби-хан был разбит на равнине и пойман в предгорьях Алтая прежде, чем успел укрыться в горах[42]. Очевидно, тогда Гао Кань и, считая свою задачу выполненной, перевел захваченных пленников в Хангай и послал соответствующее донесение в Чаньань. В результате оказалось, что тюркюты, жившие в горах, уцелели и даже сохранили название своего раздела — толос[43].

Корейское мужество. Еще до того, как было уничтожено Сеяньтоское ханство, перед танским правительством снова встал корейский вопрос. В середине VII в. Корея была разделена на три государства: на юго-западе полуострова — царство Пякчэ, ориентировавшееся на союз с Японией; на юго-востоке — царство Силла, страдавшее от нападений японских пиратов и потому искавшее союза с Китаем; на севере — царство Когурио, или Корея, враждовавшее с обоими южными царствами и дружившее с лесными маньчжурскими племенами мукри мохэ). Это крепкое и воинственное государство сумело отбиться от четырех нападений суйского Китая. С династией Тан оно укрепило дружбу, но в 642 г. в Когурио произошел переворот: некто Гай Су-вынь, опираясь на войска, вырезал вельмож и убил царя, после чего возвел на престол ребенка, племянника погибшего, а всю власть сосредоточил в своих руках.

Имперское правительство не собиралось вмешиваться во внутренние дела соседа, но Гай Су-вынь, заключив союз с Пякчэ, начал в 643 г. войну против Силлы. Тайцзун послал в Корею дипломатического представителя, чтобы предотвратить разорение своего союзника, но посла приняли столь презрительно, что это послужило поводом к войне[44]. Тайцзун полагал, что жестокость корейского узурпатора восстановит народ против него[45] и это даст империи возможность при поддержке Силлы одержать победу над киданьскими, татабийскими и мукрийскими войсками[46]. Однако он жестоко ошибался: корейцы героически выступили на защиту родины, а мукрийцы (маньчжуры) пришли им на помощь. Имперская армия состояла более из кочевников, чем из китайцев, хотя и последние участвовали в походе. Телеским корпусом командовал однорукий силач Киби Хэли, тюркютами — Ашина Шэни, чуюэскими всадниками, пришедшими из степей Джунгарии, — Ашина Мише, а хан Ашина Сымо находился при штабе императора. Высшее командование было поручено родственнику императора, победителю сеяньтосцев табгачу Ли Цзи и китайскому полководцу

42 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 264; Julien S. Docu- ments... Vol. 4. P. 399 [Гао-Кхань преследовал его (Чеби) до Алтайских гор, взял в плен и привел в столицу].

43 Гумилев Л. Н. Алтайская ветвь... С. 105-114.

44 Gibert L. Dictionnaire historique et geographique de la Mandchourie. Hongkong, 1934. P. 413.

45 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 106.

46 Там же. С. 105.

Чжан Ляну. Китайские н тюркскне полководцы смешивались между собой в равных соотношениях, но во флоте служили только китайцы.

Весиой 645 г. имперская армия переправилась через пограничную реку Ляошуй, приступом взяла крепость Гаймучен и осадила г. Ляодун. 40 тыс. корейцев пришли иа выручку н потеснилн китайскую пехоту, ио были отбиты. После этого камнеметные машины разбили стены города и, пользуясь ветром, имперцы подожгли город. Корейцы, стоявшие иа стенах, не сдавались, но их поражали длиииыми копьями. Город пал.

Затем после упориой обороны сдалась сильная крепость Байяйчен, расположенная к северу от Ляодуна. Перед приступом, когда штурмовая колоина уже стояла у бреши, полководец Лн Цзн сказал: «Ратники охотно подвергаются стрелам и каменьям, не думая о жизни, едииственно для получения добычи. Теперь город почти взят; для чего же соглашаться на принятие сдачи и охлаждать ревность в сражающихся войсках?». Государь сошел с лошади н, нзвиняясь, сказал: «Твоя правда; ио позволить войскам убийство и брать в плен жен с семействами — я не могу перенести это; а отличившихся из твоего корпуса я награжу вещами из государственного казначейства и таким образом выкуплю у тебя один город». Ли Цзи отвел войска[47], и государь принял капитуляцию.

Корейцы мобилизовали все силы и призвали на помощь мукрийскую конницу. Ашина Шэни с тюркютами искусным маневрированием вызвал корейские войска на наступление н иавел их на свои главные силы. Корейцы вынуждены были принять бой и потеряли миого людей. Прнжатые к горам и окруженные имперцами, онн сдались на милость победителя. Тайцзуи оставил в плену только 2500 командиров, с тем чтобы переселить их в Китай. 30 тыс. ратников были отпущены по домам, а 3 тыс. мукрийцев казнены.

Но все усилия имперской армии разбились о стены г. Аньши (к северо-востоку от Кайпина). Несмотря на тараны, пробивавшие в стенах бреши, и баллисты, забрасывавшие город камнями, иесмотря на семь приступов, дневных и ночных, и тяжелые потерн осажденных, город не сдался. Наступила зима, и истощились припасы. Император вызвал корейских военачальников на городскую стену, похвалил их за твердость в обороне и приказал своим войскам отступить. Наступление захлебнулось, кампания была проиграна, во время отхода много воинов умерло от холода и переутомления, но как эта война была не похожа на те, которые вел с Кореей Ян-ди! Земли, захваченные в 645 г., остались за нмперией, корейцы не смели преследовать отступавших, и уже в 647 г. война возобиовилась, но окончательная победа была достигнута только к 668 г.

47 Бичурин Н.Я. Собрание сведений..., Т. II. С. 110.

Но мы не будем следить за перипетиями этой войны. Для нашей темы важно установить лишь долю участия в ней тюрок и других кочевников, а она была не мала[48].

Поход Шэни в «Западный край». После возвращения из Кореи Тайцзун снова обратил свое внимание на запад. Там после изгнания Юкука и Халлыга наступило некоторое успокоение. Мелкие владетели Восточного Туркестана, переоценив силы тюркютов и будучи напуганы покорением Гаочана, во имя сохранения хотя бы относительной независимости подчинились Ирбис Шегуй-хану, надеясь найти в нем опору против имперской агрессии. Добровольное подчинение Кучи империи в 630 г. было делом рук царя Сварнатепа (тохарская переделка санскритского имени Суварнадева), но сменивший его Харипушпа (кит. Али Бушибн)[49] порвал отношения с империей и переориентировался на Западный каганат.

В 640 г.[50] карашарский лун (владетель) Тукичжи выдал свою дочь за некоего западнотюркского вельможу Кули-чура[51] и, решив, что заручился достаточной поддержкой, прекратил выплату дани. Сначала китайцы стерпели это, но когда в 644 г. к ним перешел брат карашарского владетеля, то наместник Западного края Го Сяо-кэ решил, использовав перебежчика как проводника, наказать непокорного вассала. Напав неожиданно, он взял Карашар, пленил Тукичжи и отправил его в Китай, а на опустевший престол посадил его младшего брата. Куличур со своими тюркютами пришел мстить за тестя через три дня после ухода китайских войск. Он арестовал новоиспеченного владетеля и посадил на престол его родственника Сепо Аначжи. Последний отправил изменника в Кучу, где его казнил владетель Харипушпа[52].

Тайцзун нашел, что это достаточный повод к войне, и в 648 г. отправил туда своего лучшего генерала Ашину Шэни с огромным войском (100 тыс. человек?), состоявшим из тюркютской и телеской конницы.

Ашина Шэни, желая напасть внезапно, прошел от Хами по северным склонам Тянь-Шаня до Юлдуза, разгромив по дороге племена чуюе и чуми, затем, проведя армию через перевалы, оказался в пределах Кучаского княжества[53]. Враги совершенно растерялись: карашарский князь Сепо Аначжи бежал, бросив свою столицу, но был пойман и обезглавлен[54]. Кучасцы выставили 50 тыс. человек, но были разбиты, и Шэни взял Кучу.

48 Описания подвигов Киби Хэли см.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. II. С. 110, 119, 122.
49 Grousset R. Histoire de l'Extreme-Orient. 1. Paris, 1929. 1. P. 271.
50 Chavannes E. Documents..., P. 112. n. 1.
51 Ibid. У Бичурина - Кюйлиду (см.: Собрание сведений..., Т. II. С. 295).
52 Chavannes E. Documents... P. 113; Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. II. С. 296.
53 Chavannes E. Documents..., P. 176. n. 1.
54 Ibid. P. 177. n. 1.

Владетель бежал с легкой конницей к тюркютам, но был преследуем, окружен и захвачен в плен. Один из кучаских вельмож, по имени Нали, спасся, пользуясь темнотой ночи. Он добрался до Западного каганата и оттуда привел 10 тыс. тюркских всадников. Тюрки ударили на один из имперских отрядов и разбили его наголову. В войсках Шэни возникла паника, но, столкнувшись с главными силами, Нали потерпел поражение и попал в плен[55].

После этого 70 малых городов добровольно покорились Шэни. В 649 г. одной военной демонстрации оказалось достаточно, чтобы принудить к повиновению Хотан[56]. Бухара и племя басмал также выразили полную покорность[57], которая, впрочем, их ни к чему не обязывала. Ирбис Шегуйхан показал абсолютную неспособность отстоять целостность своей державы. Былое преобладание тюркютских латников в степях кончилось, так как имперская конница состояла из таких же степняков, руководимых полководцами не менее опытными в полевой войне, чем остатки западных тюркютов. Было очевидно, что часы их независимости сочтены. Но 10 июля 649 г. умер Тайцзун, и агония Западного каганата затянулась.

Смерть Тайцзуна. К началу 649 г. дело создания централизованной империи было завершено. Хотя в Корее еще шло упорное сопротивление, в алтайских долинах укрывались непокорные тюркюты и Западный каганат господствовал над согдийскими городами и степями вплоть до Кубани, для всех стало очевидно, что реальная военная сила империи не имеет соперников.

После победы над западными тюрками у Кучи (648 г.) Тайцзун сказал: «Я некогда говорил, что разные предметы служат нам забавою. Земляной городок и бамбуковый конек суть забавы мальчиков; украшаться золотом и шелком есть забава женщин; посредством торговли взаимно меняться избытками есть забава купцов; высокие чины и хорошее жалованье есть забава чиновников; в сражениях не иметь соперника есть забава полководцев; тишина и единство в мире есть забава государей. Я теперь весел»[58].

Это единство и тишина для покорных, отказавшихся от независимости племен и народов были той программой, ради которой совершались тяжелые походы и гибли бойцы как чужие, так и свои. Выше говорилось, насколько эта программа была реальна, но остается фактом, что в 649 г. она осуществлялась, и кроме уже одержанных побед инерция войны толкала имперские войска к грядущим боям. И многое здесь было связано с личностью основателя империи.

55 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. II. С. 298.

56 Chavannes E. Documents..., P. 126.

57 Chavannes E. Notes additionelles sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux // T'oung Pao. Ser. II. Vol. V. 1904. P. 19.

58 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. II. С. 298.

Когда говорят о людях, достигших в силу своих личных качеств высокой власти, то обыкновенно вспоминают Наполеона. Следует заметить, что между ним и Тайцзуном Ли Ши-минем много общего. И тот и другой начали армейскими лейтенантами, выдвинулись талантами, и оба умели привязывать к себе своих соратников. Оба были храбры и умны, и оба сыграли огромную роль в жизни своих народов.

Но дело Наполеона рухнуло при его жизни, а дело Тайцзуна пережило его на сто лет. У Наполеона был Фуше, а Тайцзун заявил: «Царствующий не должен никого подозревать». При Наполеоне царило grande stlence de l'Empire, а при Тайцзуне расцвела культура. Наполеоновская Франция нуждалась в самых необходимых продуктах: кофе, сахаре и т.п., а Тайцзун дал китайскому иароду такое изобилие, какого не знали до него. Будировали только конфуцианские интеллигенты, которые упрекали императора в склоииости к жеискому полу, в привязанности к буддизму и в любви к войнам[59]. Коифуцианцы особеино осуждали его дружбу с кочевниками, но здесь они открыли свои карты: идея Империи для них была неприемлема, они не хотели дружбы с тюрками и монголами и сочувствовали старой политике дома Суй, иесмотря на то, что знали ее последствия.

Престолу династии Тан было не страшно брюзжание нескольких грамотеев, так как за иего стояла верность кочевых войск и популярность среди широких масс народа. Династия Тан могла себе позволить милосердие и терпимость.

Весной 649 г. император почувствовал себя плохо, призвал к себе вельмож и приказал им помогать в делах правления его сыну. Во время болезни он иаставлял иаследиика, пока не умер 16 июля 649 г. Все, кто был при дворе, плакали так, как будто они потеряли отца или мать[60]. Ашина Шэии хотел, чтобы его похоронили вместе с трупом своего хана и друга, чтобы сопровождать его в загробном мире, но скептический наследник престола запретил ему это[61].

Новый император принял титул Гаоцзун и на первых порах объявил о прекращении войны в Корее и освобождении всех пленных, захваченных в Куче[62], но вскоре ему пришлось продолжить дело своего отца.

---

59 Gaubil. Abrege de l'histoire chinoise de la grande dynastie Tang. Memoire concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages etc. des Chinois, par les missionnaires de Pekin. Paris, 1791. T. XV. P. 462.

60 Mailla J. A. M. Histoire generale..., Vol. 1-3. P. 123.

61 Chavannes E. Documents..., P. 178.

62 Gaubil. Abrege..., P. 462.

Глава XVIII

КОНЕЦ ТЮРКЮТОВ

Переворот в Западном каганате. Ирбис Шегуй-хан не оправдал надежд десятистрельных тюрок, посадивших его на престол. Оседлые владения уплывали из его рук и имперские войска подошли к границам каганата. Для всех племенных вождей было очевидно, что это соседство не несет ничего доброго.

Положение на южной окраине каганата, которое двадцать лет было спокойным, грозило измениться к худшему. Арабы громили иранский барьер с запада гораздо более успешно, чем это могли сделать греки. В 637 г., при Кадесии, полегла регулярная армия шаханшаха Йездегерда III и вслед за тем пал Ктезифон. В 642 г., при Негавенде, арабы разбили персидское ополчение, и участь Персии была решена. Персы сопротивлялись как могли, но город за городом переходил в руки арабов. Шах со своей свитой отступал на восток и всюду находил блестящий прием. Но как только он требовал денег и людей для войны, наместники от него отворачивались; так в 651 г. он дошел до окраины своих владений — Мерва.

Восстание в Персиде и отчаянное сопротивление горцев Дейлема, Табаристана и Джурджана задержали продвижение арабов, но слухи о их победах несомненно проникли в Среднюю Азию и усиливали беспокойство десятистрельных тюрок.

Волновалась и Джунгария. Племена чуюе и чуми, бежавшие от преследований Ирбис Шегуй-хана во владения империи, стремились вернуть родные земли и независимость. Их естественным вождем был Халлыг.

После бегства из пределов каганата Халлыг поступил на службу к Тайцзуну, быстро выслужился и получил в управление военный округ Тинчжоу (Бишбалык)[1]. Но этот честолюбивый полководец не был доволен положением имперского пограничного офицера и после смерти Тай-цзуна оказался замешанным в заговоре, имевшем целью освободить не только Бишбалык, но и Турфан. Заговор был своевременно раскрыт, но поскольку

1 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.262-263.

преступление не было совершено, то Халлыг отделался тем, что отослал своего сына Тьеиня[2] в Чанъань «для службы в гвардии», т. е. в качестве заложника. Тьеинь недолго пробыл в Китае. Он отпросился к отцу и посоветовал ему оставить в покое восток, а устремиться на Западный каганат.

Было ли это нападение инспирировано в Китае, или было вызвано стремлением к освобождению, или тем и другим вместе — сказать невозможно. Трудно допустить, что уход целой орды прошел без ведома имперских наместников, но так или иначе, очутившись вне сферы их наблюдений, Халлыг объявил себя Ышбара-ханом (кит. Шаболо-хан Хэлу) и летом 651 г.[3] «овладел бывшими землями Дулу-хана»[4] (Юкука). Ни о каком сопротивлении десятистрельных тюрок источник не упоминает. Данные слишком скупы, чтобы на основании их восстановить картину происшедшего переворота. Можно только догадываться, что подданные Ирбис Шегуй-хана отступились от него и добровольно признали ханом человека, доказавшего свою энергию и волю к борьбе. Судьба самого Ирбис Шегуй-хана была печальна. Узурпатор убил его «самолично»[5]. Наследники погибшего хана должны были бежать.

Но в 651 г. дороги на юг были закрыты арабами, на восток — имперцами. В Тохаристане правил Юкук, с севера наступал Ышбарахан; значит, оставался один путь — на запад, ибо хазары на Волге и Тереке еще признавали над собой власть тюркютов. И действительно, с середины VII в. на берегах Каспийского моря возник самостоятельный хазарский каганат, во главе которого стояла династия Ашина[6]. Так как все члены этого ханского рода, жившие в середине VII в., известны, то, пользуясь методом исключения, приходится признать, что в Хазарии воцарился наследник Ирбис Шегуй-хана. В это же время Хазария откололась от Западного каганата. Впрочем, Ышбара-хану и десятистрельным тюркам было не до хазар.

Ышбара-хан. Ышбара-хан принес десятистрельным тюркам то, что они хотели, — внутренний мир и внешнюю войну. Во-первых, он подтвердил права вождей десяти племен, пожаловав дулусцам титул «чур», а нушибийцам титул «йегин»[7]. Для себя и своей дружины[8] он построил

---

2 У Бичурина Н.Я. — Хиюнь. У Шаванна — Tie-yn. Очевидно, Тье — верблюд + инь=аффикс принадлежности, т.е. мой верблюд с оттенком ласки.

3 Бичурин Иакинф. История Китая.

4 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.289; Chavannes E. Documents... P.33, 60.

5 Wieger L. Textes historiques... PP.1608-1609.

6 Артамонов М.И. История хазар... С.171.

7 Сведения Таншу крайне скупы, но композиция этого раздела говорит больше, чем цитаты. Перечисление племенных вождей с титулами дано только в этом месте, хотя вожди получили свои права пятнадцать лет тому назад, в 635 г. Очевидно, только теперь тюркютский хан признал их и оформил это пожалованием бегам титулов чур и йегин (кит. сыгинь).

8 Наличие собственной тюркютской дружины устанавливается из текста Тан шу в переводе Шаванна: qu'on extermine uniquement Ho-lou et les siens (Documents... P.61). У Бичурина иначе: наказать одного Хэлу (Собрание сведений... Т.I. С.290).

укрепленный город в долине «Тысяча ключей»[9], а своему сыну дал титул «багадур-джабгу»[10], т.е. сделал его вторым правителем Западного каганата.

Можно думать, что Ышбара-хан достиг долгожданного компромисса тюркютов с десятистрельными тюрками, потому что даже нушиби без сопротивления признали его ханом. Этот компромисс шел вразрез с чаяниями чуюе, чуми и чумугунь, которые мечтали об установлении своей гегемонии. Чтобы удовлетворить эти племена не за счет основной массы своего народа, хан решил вернуть им их исконные земли, подпавшие под власть Империи, и внезапным набегом разгромил крепость Тинчжоу. После этого чуйские племена, прельщенные добычей, снова стали опорой Ышбара-хана, но набег вызвал войну с Империей.

В начале 652 г. в Джунгарию была двинута армия, состоявшая из 20 тыс. китайцев под командованием Лан Гян-фана и 50 тыс. телесцев с Киби Хэли во главе[11]. План войны был весьма тщательно разработан. Предполагалось быстрыми движениями союзных телеских войск стеснить Ышбара-хана, не имевшего продовольствия в количестве, необходимом для долгой войны. К кочевым племенам, в том числе к чуюе и чуми, рекомендовалось снисхождение; главным врагом был признан сам Ышбара-хан. Было предписано «гнать кочевых и нападать на волков»[12], т.е. на тюркютов, которых китайцы считали «корнем», а прочие племена «ветвями с листьями».

Но, несмотря на такие решительные директивы, военные действия велись поначалу вяло. В 652 г. последовал разгром чуюе и чуми[13], но, видимо, поражение было не серьезным, так как воля к борьбе у них не пропала. В 653 г. имперцы вновь заняли Бишбалык, а в 654 г. был совершен набег на карлуков, однако дело ограничилось угоном 10 тыс. лошадей[14]. В том же году разгромили племя чумугунь, причем китайский военачальник отослал в Китай 30 тыс. ушей, срезанных у убитых. Однако набеги приносили мало пользы китайцам и удавались лишь потому, что сам Ышбара-хан оказался вынужденным отстаивать свою югозападную границу.

Гибель Махуя Сури. Марзбан Мерва Махуй Сури раскрыл ворота своего города перед Йездегердом III. С шахом прибыл небольшой отряд его личной стражи и караван с сокровищами короны. Махуй, как подобало

---

9 К югу от р. Талас (см.: Pelliot P. Le nom turc de Mille sources chez Hiuen-tsang // T'oung Pao. 1930. PP.189-190).

10 Кит. Моходу Шеху (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... T.I. C.289).

11 Chavannes E. Documents... P.92.

12 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... T.I. C.290.

13 Бичурин Иакинф. История Китая.

14 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... T.I. C.291.

верноподданному, склонился перед шахом, но когда Йездегерд потребовал денег на мобилнзацию сил для борьбы с арабами, то Махуй Сури по тупости решил, что арабы до него не дойдут, что царские сокровища не плохо бы присвонть и что он сам может быть государем. Не решаясь самостоятельно напасть на стражу шаха, он обратился за помощью к тюркам[15].

На призыв мервского марзбана отозвался некий Бижан-тархан[16], очевидно один нз нушибийских старейшин, прижнвшихся в Согде. Он явился со своей дружиной н, пользуясь изменнической поддержкой Махуя, разбил шахскнй отряд, захватнв его врасплох. Йездегерд спасся, но был зарезан мельннком, у которого пытался найти убежище[17], а Махуй стал обладателем шахскнх сокровищ и суверенным государем.

Однако его положение было очень трудным, так как весть о событии разнеслась по Хорасану и вызвала возмущение против гостеубийцы. Махуй свалил вину на тюркютов и заявил, что шах завещал ему снмволы власти - корону н перстень. Чувствуя слабость и неубедительность этих аргументов, предатель постарался благоустроить н увеличить свое войско. Согласно Фирдоусн, он присоедннил к своим владениям Балх и Герат[18] н начал экспансию в сторону Согда для захвата Бухары, Самарканда и Шаша. Поводом для нападения послужила месть за Йездегерда, так как Бижан «затемнил счастье царя землн»[19].

Это сообщенне может быть принято намн за основу, так как ситуация в Западнотюркютском каганате вполне соответствует рассказу Фирдоуси. Слабое правительство Ирбиса Шегуй-хана отнеслось безразлично илн да-

---

15 Рассказы об этих событнах приводятси Белазури (см.: Материилы по историн туркмен... Т.1. С.62), Табари (там же. С.92 и сл.) и Балями (Taburi. Chronique... P.502 sq.), но ход событий был несомненно неясен им самим. Последние дни Йездегерда III опутаны сетью противоречивых рассказов, которые невозможно согласовать между собой. Табари просто приводит пять версий без всякой критики, со ссылками на осведомителей. Балями несколько проясниет дело, выделяа из этих рассказов персидскую версию, которую он сам считает наиболее достоверной; с ней совпадает версиа Фирдоуси, близкаа к версии Белизури. По-видимому, последняя наиболее точно отражает действительный ход событий, и, если исключить из нее анекдотические подробности, она может быть положена а основу изложения.

16 Тут возникает аесьма важный дла нашей темы аопрос: к какому князю обратилса Махуй? Белазури называет Низак-тиркана, владетеля Бидгиса, убитого Кутейбой а 709 г. То же имя приаодит Табари, но Фирдоуси утверждает, что тюркского князя звали Бижин-тархан, а уделом его был Самарканд. До лета 651 г. Самарканд и Согд подчинились Ирбис Шегуй-хану, и а Бадгисе доживал свой последний год Юкук Ирбис Дулухан, который умер а 653 г. Сын Юкуки, Чженчу (жемчуг , кит. Чжанчжу; значение иероглифов — истинный жемчуг), был убит а 659 г., и Низак-тархан, погибший в 709 г., был его наследником. Следовательно, можно с уверенностью скизать, что истинное има тюркютского князя было не Низак, а Бижин; надо думать, что Низак, более известный арибам, заслонил собой фигуру Бижина, с которым сами арибы не сталкивались. Ошибку, возможно, усугубила арибская графики: тем более что арабский алфавит не имеет букаы ж ( ).

17 Это случилось в 31 г.х. (651/52 г.). Суда по ситуации а Западном каганате, убийство Йездегерда произошло до окончательной победы Ышбара-хана, т.е. осенью или а начале зимы 651 г. Балями сообщает иную аерсию, по которой Йездегерд ушел в Фергану, получил помощь от китайцеа и тюркютов, снова вторгся а Иран и умер а Токаристане. Эти сведениа перенесены на Йездегерда с его сына Пероза, прошедшего примерно такой же путь.

18 Фирдоуси. Шах-наме. С.329 (Тегеран. Изд. М.Бекара. На перс. яз.).

19 Там же.

же сочувствеино к убийству последиего шаха враждебной династии, но ие успела засохнуть кровь Йездегерда, как Ирбис Шегуй-хаи был свергнут и дулусцы сиова взяли власть в свои руки. Сложившуюся обстановку, очевидио, решил использовать Махуй Сури, чтобы объединить Хорасан, Тохаристан и Согд. Это казалось нетрудиым, так как Согд был уже давио враждебеи дулусцам, и Махуй надеялся встретить там широкую поддержку, потому что купцы не могли радоваться войне с Китаем, сулившей им лишь прекращение караваиной торговли.

Но Ышбара-хан был человеком решительным и, узнав о перевороте в Ираие, организовал контриаступление под тем же лозунгом, что и Махуй — месть за шаха. Фирдоуси тоже называет его «Бижаи», и приводимые им географические названия при описании маршрута тюркютского похода не оставляют места для сомнеиий. Хан выступил из Качарбаши[20], достиг Бухары и, форсированиыми маршами подтягивая тылы, переправился через Джейхуи. Махуй двииулся ему иавстречу, ио в первой же стычке попал в плеи и был предаи мучительной казни.

Вэаимоистребление персов расчистило путь Абдаллаху иби Амиру, который в 651 г. завоевал Абрашахр (Нишапур), Тус, Абиверд, Несу и заключил договор с новым марзбаном Мерва Абразом, который согласился выплачивать арабам дань[21]. Вслед за Хорасаном та же участь постигла Джузддаи и Тохаристаи, но набег на Хорезм в 655 г. был иеудачеи, и в 656 г. тюркюты перенесли войиу снова в Хорасан, хотя без больших успехов[22]. Их иеудача объясияется обострением положения на восточиой границе каганата.

Последняя борьба. Имперское правительство совершеино правильио приписало бесплодность кампании бездарности командоваиия и дезоргаиизации, достигшей своего предела. Примером последней служил поступок помощиика главнокомандующего, который, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, вырезал и разграбил добровольно подчииившийся империи город, названный Бичуриным Хыиьду[23].

Так же иеудачио окончилась попытка Чженчу-джагбу, сыиа Юкука, ударить в тыл Ышбара-хаиу. Чженчу унаследовал от своего отца малеиький удел в Тохаристане и иепомерно большие претеизии. Ему казалось, что ои может стать властителем Западного кагаиата. Для этой цели Чжеичу попытался подиять восстание племен нушиби, и действительно,

---

20 Кашгар, или Каджгар-баши, см.: Птицын Г.В. К вопросу о географии Шах-Намэ // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. 1947. Т.IV. С.303, хотя там и другое написание:

21 Материалы по истории туркмен... Т.1. С.67, 98

22 Там же. С.69.

23 Бичурин Н.Я. Собрание сведений.. Т.1. С.291.

некоторые недовольные вожди примкнули к нему[24]. Тогда он сменил свое скромное звание «джабгу» на пышный титул «Сибир-тардуш-шад»[25] и обратился в Китай за признанием и поддержкой. Имперский чиновник не смог добраться до ставки мятежного князя, но пользуясь слухами установил, что собранные им силы ничтожны, и рекомендовал правительству не обращать внимания на этого претендента[26].

Оказавшись без союзников, Чженчу был так стеснен войсками Ышбара-хана, что убрался в свой удел, признал себя подчиненным, отказался от пышного титула и в дальнейшем держал себя вполне лояльно[27]. Тогда Ышбара-хан успокоившись за свой тыл, перекинул лучшие войска с Аму-Дарьи в долину р. Или и в 655 г. окончательно остановил продвижение имперцев.

Это заставило императора Гаоцзуна сменить командование, выслать значительные подкрепления и организовать отряды из западных тюрок, сохранивших верность Китаю. Главнокомандующим был назначен Су Дин-фан, к силам которого были приданы уйгурские вспомогательные войска. В 656 г. он возглавлял первую ударную колонну, направлявшуюся в долину р. Или. Отряды покорившихся тюркютских царевичей Мише и Бучженя двинулись к Алтаю через сыпучие пески центральной Джунгарии.

На этот раз все преимущества были на стороне имперской армии. Она состояла из ветеранов, разбивших сеяньто и штурмовавших неприступные крепости Кореи. Здесь соединились стойкость китайской пехоты, привыкшей отбивать в Шэньси тибетские, а в Хэбэе киданьские набеги, выносливость уйгуров, боевой задор восточных тюркютов и неукротимость пограничников-табгачей. Армия была невелика и не связана громоздким обозом. Эти воины издавна научились кормиться за счет врага. Первой их жертвой стали джунгарские племена. Одни из них спешили сдаться, другие, как, например, чумугунь, были безжалостно изрублены.

Ышбара-хан собрал все свои силы, чтобы остановить наступление противника. Китайцы считали, что у него было 100 тыс. всадников, но это — явное преувеличение. У р. Или[28] он окружил десятитысячный отряд Су Дин-фана, состоявший из китайской пехоты и уйгурской конницы. Су

---

24 Chavannes E. Documents... PP.35, 266.

25 Кит. Hie-pi ta-tou chad (Ibid.). Принятие тохаристанским князьком такого титула отражало его стремление подчеркнуть традицию, которая возвела на престол его отца, Юкука, и продолжателем которой он себя объявил.

26 Chavannes E. Documents... P.35.

27 Это видно из того, что в 659 г. он оказался активным врагом империи.

28 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.291. У Шаванна эта река названа Ye-tie (P. 64), и он отказывается ее отождествить с какой-либо известной рекой (Chavannes E. Documents... P.36. N.4). В заметке об уйгурах сказано, что битва произошла на горе Инь [?] (Ibid. P.92) и снова повторилась на горе Гинья (Ibid. P.93). Повидимому, второй вариант отражает действия уйгурских вспомогательных отрядов, а не общий ход войны.

Днн-фаи выставил вперед сомкиутые ряды пехоты. Трижды тюркютская коннница повнсала на китайскнх копьях и откатывалась назад. Тогда из-за спнн копейщиков вылетели уйгурскне всаднnки на иеутомленных конях н пошлн в атаку. Тюркн ие выдержалн и побежали. Уйгуры гнали их и рубили отстающнх; одннх старшнн и тархаиов попало в плен 200 человек.

Имперцы, развивая успех, настнгли отступавшнх иушибн, и те сдались без боя. Дулу иаткнулнсь иа колоииу Бучженя и сразу признали его своим повелителем. Су Дин-фан послал отряд легкой коииицы в Таласскую долнну, очевидно, чтобы охватить тюркютов с юга. Ышбарахан со своей дружиной успел отступнть н начал стягивать подкрепления. Имперские войска преследовалн его, несмотря на мороз и вьюгу. В начале 657 г. вражеские войска подошли к хаиской ставке, которая в этот момент располагалась на склоиах Тарбагатая[29].

Теперь имперцы сталн намного сильнее тюркютов, так как все сдавшиеся им дулу и нушнби составилн вспомогательные отряды[30]. Можно думать, что н оставшиеся дома отказали хаиу в повнновеиии, потому что у тюркютов не было провианта и им пришлось заниматься облавиой охотой. Имперцы напали на тюркютов врасплох и наиесли нм большой урои.

С остаткамн своих войск Ышбара-хаи отступил за реку Или. Он оказался однноким: враги былн и на юге и иа севере, а десятнстрельные тюрки не хотелн сражаться. Лишенный возможности маневрнровать, он принял бой, укрепив свой лагерь палнсадом, но снова был разбит. Имперцы преследовалн тюркютов до реки Чу и там принудилн их к сдаче.

Но Ышбара-хан с сыиом и с иемногнми вериыми всадниками снова ускользнул от преследования. Он бежал иа юг. Около Чача (Ташкентскнй оазис) утомленные лошади не смоглн больше идти. Владетель Чача, носивший тюркютский титул «тархаи», прннял беглецов и, связав их, выдал преследователям[31]. Последииӥ тюркютскнй хаи в оковах был приведен в Чаньань, Гаоцзуи пощадил его, но тот умер в плеиу в 659 г. от тоски, что, как заметил читатель, средн вольнолюбнвых тюркютов ие было редкостью.

Дальнейшее покорение страны пошло быстро. Драться стало некому. Согднйскне княжества Кан (Самарканд), Хэ (владенне в долине Зеравшана), Давань (Фергана), Мн (Маймург), н Кеш (Шахрнзябз) отпали от тюркютов еще до падения Ышбара-хана. В 659 г. за ннми последовали восточнотуркестанскне владення: Сулэ (Кашгар). Чжуцюй (Кокьяр, к югозападу от Каргалыка) н Бохань (Яка-арык)[32]. Остаткн сторонннков Ышбара-хана былн добиты в 658 г. у оз. Эбнnор н подле Кучи[33].

29 Горы Гинь (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.III. С.20).

30 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.292.

31 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.292.

32 Chavannes E. Documents... P.8.

33 Ibid. P.268.

Чженчу попытался в 659 г. поднять восстание, но, потерпев в долине Боротолы поражение от Мише, верой и правдой служившего новым господам, был схвачен и казнен. Наконец, какой-то нушибийский князек, пожелавший сохранить самостоятельность, был пойман Су Диндфаном в 660 г.

Западнотюркютская держава как независимое государство погибла и больше никогда не воскресала.

Земли Западного каганата были разделены на округа и уезды, из которых образовались два губернаторства. Одно соответствовало территории дулу, во главе его был поставлен Ашина Мише; другое — территории нушиби, его получил Ашина Бучжень. Оба эти хана не были самостоятельны.

Для наблюдения за вновь приобретенными владениями резиденция наместника «Западного края»[34] была перенесена из Турфана, где она существовала с 640 г., в Кучу, поближе к кочевьям. Местные владетели Согдианы остались на своих местах, и на некоторое время здесь установился относительный мир.

Плоды победы. Больше побеждать было некого; но этот успех был призрачным. Империя пыталась включить в свой состав слишком различные народы, чтобы можно было надеяться на их слияние.

Тайцзун благодаря своему такту и обаянию умел привязать к себе всех подчиненных, в том числе и кочевников, но Гаоцзун сменил новые отношения с кочевниками на прежние, полные традиционного высокомерия[35]. Кочевники снова почувствовали себя чужими, и последствия этого сказались немедленно.

В 656 г. восстали уйгуры, т.е. телеские племена — юаньгэ, баегу, сиге, пугу и тунло. Во главе их оказалась сестра покойного вождя, ханша Бисуду[36]. В начале 662 г. восстание было подавлено. Бисуду бежала, но китайская армия понесла огромные потери от зимних морозов[37].

Проблема удержания покоренных территорий приобрела небывалую остроту. Даже огромные материальные и людские ресурсы Китая были недостаточны для того, чтобы содержать гарнизоны во всех вновь захваченных странах. Самое большее, что могло себе позволить правительство Гаоцзуна, было укрепление четырех городов и снабжение их постоянными гарнизонами. Эти «четыре гарнизона» размещались в Куче, Кашгаре, Хотане и Токмаке[38] и должны были, по мысли китайского двора, обеспечить гегемонию во всем «Западном крае».

34 Wieger L. Textes historiques. 3. P.1609.

35 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.278.

36 Chavannes E. Documents... P.93.

37 Ibid. P.113. N.2.

38 Ibid.

Все покоренные области были разделены на четыре наместничества — два на востоке и два на западе. Земли западных тюркютов вошли в северо-западное иаместничество[39]. Не имея возможности непосредственно управлять этими районами, китайское правительство прибегло к помощи тюркютских князей, доказавших свою предаииость. Земли племен дулу были вверены Мише, а земли иушиби — Бучженю. Но эти бездарные правители не пользовались популярностью среди своих подданных[40] и, несмотря на все усилия, не могли заслужить доверия. Правда, отдельные бунты кочевых киязьков и оседлых владетелей подавлялись легко[41], но сами ханы, интригуя друг против друга, создали коллизию, которая в конечном счете стоила Китаю всех с таким трудом достигнутых успехов. Бучжеиь во время карательного похода на Кучу в 664 г. оклеветал Мише в умысле иа восстание. Китайский полководец Су Хай-чжен, не разобравшись, казнил Мише и «всех его подчиненых до пастуха»[42]. Это вызвало возмущение среди дулу, которые, зная, что сами оии бессильны против Китая, снеслись с Тибетом, и это коренным образом изменило расстановку сил в «Западном крае».

Мстителем за Мише выступило племя гун-юэ, населявшее центральный Тянь-Шань. Оно заключило союз с телеским племенем янь-мянь и с тибетцами[43] и попробовало иапасть на имперские войска, но было отбито[44]. Вслед за тем весной 663 г. гун-юэ атаковали китайские гарнизоны в Хотане и Турфаие, ио также не имели успеха[45]. Наконец, в 664 г. гуи-юэ были окончательио побеждены имперцами. Степи к северу от Тянь-Шаня и города-оазисы иа юге и западе механически вошли в состав Империи, не посягавшей на их обычаи и образ жизни. Надежды на помощь из-за границы оказались тщетными: арабы, покорив Хорасан, обратили оружие на юг. В 662 г. они взяли Кабул, а в 664 г. вторглись в Пенджаб, отложив завоевание Средней Азии на будущее время. Тяиьшаньские племена оказались в клещах, а их вождь Ашина Бучжень верно служил империи Тан.

---

39 См.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.268 и сл.

40 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.393.

41 Например, восстание Сыге-Думаня в Кашгаре в 660 г. и восстание Кучи в 662 г.

42 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.393; Chavannes E. Documeots... P.73, 280.

43 Chavannes E. Documeots... P.280; Бичурин Иакинф. История Тибе- та... С.138.

44 Бичурин Иакинф. История Китая; Chavsones E. Documeots... P.280.

45 Remusat J.P. Histoire de la ville Khotao. Paris, 1820. PP.69-70.

Положение казалось незыблемым, но в 667 г. Бучжень умер и замены ему имперцы не могли найти, хотя потребность в заместителе возрастала со дня на день. Лучшие имперские войска дрались в Корее, героически отстаивавшей свою независимость. В этот момент в игру вмешался новый партнер, решительно изменив всю расстановку сил. Тибет выступил как соперник империи Тан. Новая война запылала по всей западной границе Китая и быстро перекинулась в бассейн Тарима, но, прежде чем говорить об этом, рассмотрим, что представлял собой Тибет в середине VII в.

Л. Н. Гумилев

Древние тюрки

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГОЛУБЫЕ ТЮРКИ И УЙГУРЫ, ИЛИ ЭПОХА ВТОРОГО КАГАНАТА

Глава XIX

АГОНИЯ ЗАПАДНОГО КАГАНАТА И ТИБЕТСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

Древний Тибет. Тибетское иагорье, где совмещались пригодные для скотоводства травянистые степи и речные долины, служившие пристанищем земледельцам, заселялось с запада и с востока. На западе издавна обитали моны и дарды, земледельческие племена, похожие на памирцев. Они делились на множество мелких княжеств, независимых друг от друга. На востоке жили два народа: овечьи пастухи кяны и земледельцы жуны. В древности это были два разных народа, хотя ныне потомки тех и других считаются тибетцами. Потомки кянов — нголоки — до сих пор кочуют в горах Амдо, а тибетцы — боты, отколовшиеся от кянов до начала нашей эры, переняли от жунов навыки земледелия и, населив долину р. Цанпо (Брахмапутра), создали тибетскую культуру и государственность. Там, на плодородной почве речных долин, орошеиной водой горных речек, росли пшеница, ячмень, гречиха и горох[1]. Поселения были укреплены каменными стенами, через реки переброшены мосты. Возникла металлургия: выплавлялись серебро, медь и железо, появилось ткачество, и общий подъем хозяйства позволил к началу VII в. довести численность населения до 2860 тыс. человек[2], т. е. до предела, выше которого она не поднималась до XX в. При существовавшем уровне развития производительных сил больше людей страна прокормить не могла.

1 Francke A.H. History of Western Tibet. London, 1907. PP.19-39; Грумм-Гржимайло Г.В. Материалы по этнологии Амдо и области Кукунора. СПб., 1903. С.3, 41-43; Успенский В. Страна Кукэ-нор и Цин-хай // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1880. T.IV С.51; Бичурин Иакинф. История Тибета... С.124, 127; Богословский В.А. Очерк истории... С.24.

2 Богословкий В.А. полагает, что это только мужское население — воины (Очерк истории... С.128). Но тогда общее число населения было бы около 15 млн., что невозможно по природным условиям Тибета (см.: Гумилев Л.Н. Величие и падение древнего Тибета // Страны и народы Востока: Сб., посвященный памяти акад. В.В.Струве.).

Долгое время тнбетские племеиа жилн управляемые своими родовыми старейшинами. Первые изменеиия наступили вследствие проникновения в Тибет чериой веры «бон», проповеданной учителем Шэирабом, выходцем нз страны Шаншун. На место первобытного анимизма было поставлеио двуедииое божество — «Всеблагой» н его супруга «Славиая царица трех миров», или «Великая мать милосердия и любви», принимавшая кровавые жертвы, включая человеческие. Мир, по учению Шэираба, состоит из сфер: иебесной, земной и подводной, где обитают водяные духи. Мистическое мировое древо прорастает все три сферы и является путем для общения их между собой. Общение происходит посредством мистерий, совершаемых жрецамн, принявшими посвящеине н проповедующими свое учение. В отличие от примитивных культов бон стал господствующей и воинствующей церковью с иерархией, клиром, организованным культом и тенденцией вмешиваться в государственные дела[3]. Восторжествовал ои ие без крови. Однн нз легендарных правителей Тнбета попробовал освободиться из-под опекн черной церквн и был заколот своимн приближенными. После этого правители н племенные вождн предпочитали поступаться частью власти ради жизни. К тому же постоянные распри между племенами облегчали боиу роль арбитра и связанное с этой ролью господствующее положеиие. В конце коицов арнстократия и жречество сжились друг с другом и в дальнейшей историн действовали рука об руку.

В 439 г. в Тибет отступил из Хэси отряд воииственных сяньбийцев, и вождь его, оказавшись в богатой, но разобщенной страие, привлек к себе кянов, т.е. занял господствующее положение среди вечно враждующих племен. Потомки этого атамана за 200 лет отибетились н наследственно иосилн титул цэнпо, означавшнй что-то среднее между царем и главой правительства, которое должно было выполнять волю племеиных вождей, опиравшихся на своих соплеменников и бывшнх едииственной реальной силой в стране.

В этой ситуации положеиие цэнпо было очеиь сложным. С одной стороиы, ои занимал свое место по наследству; в его казну поступали доходы с обшириых земель, прииадлежащих «короне», налоги, даиь покорениых народов, выморочное нмущество и нмущество казненных преступннков, ио, с другой — его в любой момент моглн отрешить от должностн, и практическн ои ие нмел нн реальной опоры, ии действительной власти. Даже войско подчинялось не цэнпо, а специальному военному

3 Литература вопроса весьма обширна. Привожу лишь некоторые наиболее важные сочинения: Francke A.H. History of Western Tibet; Bell C. The religion of Tibet. Gxford, 1931; Laufer B. Ueber ein tibetisches Geschichtswerk der Bonpo // T'oung Pao. Ser.II. Vol.2. 1901; Hoffmann H. Quellen zu Geschichte der tibetischen Bon- Religion. Wiesbaden, 1950; Tucci G. The Tombs of the Tibetan king // Serie Orientale. Roma, 1950; Lalou M. Les religions du Tibets. Paris, 1957.

советнику[4]. Бедному цэнпо оставался по сути дела только почет, и этим он напоминает эллинских басилевсов в то время, когда разбогатевшая аристократия лишала их былой власти[5].

Однако объединение страны принесло свои плоды, и при цэнпо Намри (570-620) тибетские войска вторглись в Индию и Тогон. В Тогоне в 604 г. они разбили Кара-Чурина, покинутого своими восточными сородичами. В страну влились новые подданные, и тут обострились противоречия между аристократией и народом, для которого цэнпо должен был стать естественным вождем, потому что он также был утеснен знатью и бонской церковью. Возникли все предпосылки для гражданской войны. Намри был убит, а при сыне его Сронцзангамбо «подданные его отца возмутились, подданные матери восстали, родственники (перечисляются. — Л. Г.) все восстали»[6]. Это очень походило на гражданскую войну, в которой принимали участие разные группировки и племена. Но восстание как-то потухло, порядок был восстановлен. Умный, энергичный Сронцзангамбо сделал из этого восстания очень важные выводы: он решил обратить внимание на общину нищих бритоголовых монахов, проповедовавших странное учение о пустоте и неделании. И он не ошибся: буддизм оказался силой, которая, внедрившись в Тибет, превратила его потомков из цэнпо в царей, несмотря на сопротивление знати и жрецов.

Война за Тогон. Самой острой проблемой, стоявшей перед Тибетом, были отношения с империей Тан. Интересы обеих держав были прямо противоположны. Необходимо учесть, что Тибет в VII в. был заперт со всех сторон. На западе стояли непокорные дарды; Индия была защищена не столько Гималаями, сколько климатом, убийственным для жителей суровых нагорий; на севере лежала непроходимая пустыня, а на востоке — сильная военная держава — танский Китай. Единственный выход был на северо-восток, через Амдо в Ганьсу и на просторы степей Хэси и «Западного края» (Синьцзян). Но этот выход преграждало Тогонское царство, хотя и ослабевшее, но пользовавшееся покровительством Китая.

Если для Тибета было необходимо овладеть Тогоном, то для Китая было не менее необходимо не допустить этого. Победа над тюркютами, доставшаяся недешево, могла оказаться бесплодной при появлении в степи какого-либо антиимперского центра притяжения, так как кочевники бредили восстанием и независимостью. Вырвавшись в степь, тибетцы могли перерезать китайские коммуникации и, опираясь на мятежные элементы среди тюркских племен, загнать имперцев обратно за Великую стену. По-

4 Бичурин Иакинф. История Тибета... С.127-128.

5 Гумилев Л.Н. Легенда и действительность в древней истории Тибета // Вестник истории мировой культуры. 1960. N 3. С.107.

6 Богословский В.А. Очерк истории... С.36.

этому танской империей оказывалась всемерная помощь Тогону, несмотря на то, что это повлекло за собой войну.

А в самом Тогоне союз с Китаем был крайне непопулярен. Многолетние войны с чжоуским, суйским и, наконец, танским Китаем не могли пройти бесследно.

На тогонские набеги китайцы отвечали губительными вторжениями, наводняя Амдо тюркютами, уйгурами и другими союзными войсками. Конечная победа осталась за Китаем, но ставленник Тайцзуна, окитаенный царевич Муюн Шунь, несмотря на китайскую поддержку, был убит своими подданными[7]. Тайцзун посадил на ханский престол сына убитого Муюн Шуня, юного Нохэбо, вполне преданного Китаю. Нохэб ввел в Тогоне китайский календарь, женился на китайской царевне и посылал молодых тогонцев в Чаньань служить при дворе. Естественно, что возникшая оппозиция ориентировалась на Тибет, но заговор 641 г. был раскрыт и ликвидирован. Во главе тибетской армии тогда стоял вельможа Донцан из знатного рода Гар, находившегося в оппозиции к цэнпо Сронцангамбо.

Твердая воля Тайцзуна и крутой поворот тибетской политики при Сронцангамбо на некоторое время обезопасили Тогон, но, когда Донцан возобновил наступление на восток, а недальновидный Гаоцзун отказал Нохэбо в немедленной помощи, участь Тогона была решена.

Тогонский вельможа Содохуй бежал в Тибет и сообщил Донцану о решении Гаоцзуна. Донцан немедленно начал войну и в 663 г. наголову разбил тогонцев в верховьях Желтой реки. Нохэбо с царевной несколькими тысячами кибиток бежал в Лянчжоу, под защиту Китая. Гаоцзун спохватился и отправил в Тогон войско, поставив во главе его Су Дин-фана[8], героя западного похода, но было поздно. Трудно было представить менее удачное стечение обстоятельств для империи Тан.

Осторожный Донцан пытался договориться с Гаоцзуном, но его предложения о разделе Тогона были отвергнуты. Донцан умер, оставив четырех сыновей, по дарованиям не уступавших отцу; старший, Циньлин, стал великим советником, а младшие — военачальниками, и война началась.

Имперское правительство оказалось в крайне затруднительном положении, так как лучшие войска были заняты в Корее, завоевание которой было закончено только в 668 г. За это время тибетцы, по словам Бичурина, разбили 12 китайских областей, населенных кянами, и усилили свое войско за счет присоединенных дансянов (тангутов) и хоров (тогонцев). Около 670 г. тибетская армия ворвалась в бассейн Тарима и, опираясь на сочувствие тюркютов и союз с Хотаном, разрушила стены Кучи, вследствие

7 Бичурин Иакинф. История Тибета... С.93-94.

8 Там же. С.95, 135, 163.

чего весь Западный край, кроме Снчжоу (Турфана), оказался во власти тибетцев[9].

Стремясь вернуть утраченное, китайцы двинулн на Тибет большое войско, но прн Бухайн-голе были наголову разбнты. Китайскнй генерал Се Жинь-гуй заключил с тнбетцамн перемнрие и только тогда получил возможность отступить (670 г.). Другое войско, посланное против тибетцев, вернулось с дороги вследствие смерти военачальника, н иа этом закончился первый этап войны.

Тнбетцы дважды предлагалн нмперин Тан мнр, в 672 н в 675 гг., но Гаоцзун отверг этн предложення, и в 676 г. война возобиовилась.

Конец тюркютов. Тяжелое поражение на Бухайн-голе и невозможность пойти на уступки заставилн имперское правительство обратнтся к изыскаиию новых средств борьбы против Тибета. Было решено использовать для этой цели западных тюркютов.

В 671 г., чтобы успокоить народ, старейшиия Ашнна Дучжн был иазначен военным иачальником н одновременно фуяиским[10] иаместником. Но фактическн это было невыполннмо. Традиционное уважеиие к роду Ашина, поддержнвавшее династию в середине VII в., смеиилось полным безразличнем, после того как последине ханы показали себя верными слугами китайцев н врагами своего иарода. Имперское управление не пользовалось популяриостью в кочевых районах. Дучжи, чтобы укрепнть свое положение, заключил союз с Тибетом и в 676 г. объявил себя ханом.

Тибетцы, возобновив войну, разграбилн западный, Кнтай до Чанъаии[11], в то время как две имперскне армин бездействовали. В следующем, 677 г. тибетская армия соедииилась с войсками Дучжи и освободила от имперцев Кучу прн полном сочувствни и активиой помощи жителей[12]. Это решило судьбу Дучжн.

Против Дучжи был направлен сановник Пэй Хнн-гянь с войсками, но дело до столкновения не дошло. Хни-гяиь объявил всюду, что он идет возвести персидского царевича на трон и успокоить дашн (арабов), а дойдя до Турфаиа, остановился на знмовку, стал заииматься охотой и приглашать в гости уцелевших китайских чнновииков. Когда в числе приглашенных оказался Дучжи, его арестовалн и отправили в Китай (679 г.). «С сего времени десять аймаков иаипаче ослабели»[13]. Какая перемена за 20 лет! После казнн Мише вспыхнуло восстаиие, при аресте Дучжн ннкто ие поше-

9 Там же. С.136-138.

10 Фуин — область племени чумугунь, т.е. бассейн Эбинора.

11 Были взяты Шанчжоу, Кхочжоу, Хэчжоу и Фаньчжоу.

12 Chavannes E. Documents... P.74.

13 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.1. С.294.

велился. За эти 20 лет самое название «тюркют» исчезло на западе, заменившись термином «он ок», т. е. десять стрел.

Сами десятистрельные тюрки перестали видеть смысл в объединении, подчинившем их китайцам, и родовичи двух поколений (дулу и нушиби) день ото дня расходились[14]. Чтобы прекратить разброд, сулящий беспорядок, вместо Дучжи китайцы назначили двух царевичей, Юанькина, сына Мише, и Хушэло, сына Бучженя. В 693 г. Юанькин был казнен, так как его обвинили в связи с опальным наследником китайского престола. Сын Юанькина, Ашина Суйцзы[15], снесся с тибетцами и в 694 г. поднял восстание, но был разбит. Власть, хотя и фиктивная, сосредоточилась в руках Хушэло, но усиление тюргешей заставило его переселиться в Китай с остатками своих сторонников, насчитывавших всего 60-70 тыс. душ обоего пола.

Так окончилась история тюркютов.

Война за «Западный край». С перипетиями тибето-китайской войны достигшей в 679 г. своего кульминационного пункта, было связано усиление антикитайских настроений среди западных и восточных тюрков. Имперское правительство великолепно понимало, что в степи не будет порядка до тех пор, пока тибетцев снова не оттесият в горы. Для этой цели была направлена огромная армия (180 тыс. человек)[16]. Во главе ее был поставлен «государственный секретарь» Ли Цзинь-сюань, человек образованный и хитрый, однако не обладавший никакими военными талантами. Китайский хронист даже приписывает главную роль в этом назначении злой воле соперника Ли Цзинь-сюаня, Се Жинь-гуя, желавшего подвести врага под царскую опалу.

Вначале китайцы имели успех, но около оз. Кукунор были окружены тибетцами. Китайский авангард, оторвавшийся от основной массы войск, был истреблен, а сама армия прижата к горам и блокирована. От гибели китайцев спасла только смелая ночная атака Хэчи Чан-чжи, корейца по происхождению; это был атлет высокого роста и неудержимой храбрости[17], один из тех «илохэ» (удальцы), которых привлекал и лелеял Тайцзуи. Во главе 500 отборных бойцов он врубился в тибетский лагерь, навел на врагов панику и пробил в блокаде брешь, через которую спаслись остатки недавно грозной армии.

---

14 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.294 (например, восстание Кибу-чура в 682 г.). См.:Chavannes E. Documents... PP.281, 74. N.3.

15 Chavannes E. Documents... P.281. N.7.

16 Бичурин Иакинф. История Тибета... С.142.

17 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.292.

Гаоцзун в отчаянии созвал совет, чтобы решить, что делать с тибетцами, но мнения придворных разделились, и совет никаких решений не принял. Тибетская угроза нависла уже над самим Китаем. В том же 679 г. умер цэнпо Манромаицан, и на престол был возведен его восьмилетний сын[18] Дудсрон[19], при котором Циньлин с братьями сохранил всю полноту власти.

В 680 г. тибетцы вторглись в Китай и нанесли полное поражение Ли Цзинь-сюаню, но Хэчи Чан-чжи с трехтысячной отборной «врубающейся конницей» (ту-ки) ночью ударил на тибетский лагерь и принудил врага к отступлению. Хэчи Чан-чжи, назначенный после этой победы начальником пограничной линии, построил 70 сигнальных пунктов и завел казенные поля для снабжения своих войск хлебом, но, несмотря на это, тибетцы с помощью живших на рубеже Китая кянов[20], прорвав линию, вошли в Юннань и подчинили лесные полудикие племена, известные под названием маней[21].

В следующем, 681 г. тибетский полководец Цзаибу, брат Циньлина, попытался прорваться во внутренний Китай. Хотя он был отражен Хэчи Чан-чжи, но это был успех обороны, не спасавший положения, становившегося для китайцев катастрофическим. Оно еще более ухудшилось в 689 г., когда китайские войска, находившиеся в Западном крае, были разбиты тибетцами. Китайское правительство в панике готово было отказаться от Западного края[22], но историограф Цуй-юн представил доклад, в котором доказывал необходимость во что бы то ни стало удержать западные владения, так как в старое время «сим отсекли правую руку у хуннов... Если не содержать гарнизонов в четырех инспекциях, то Туфаньские (тибетские) войска не преминут посетить Западный край, а когда будет потрясен Западный край, то трепет простретется и на южных кянов. Когда же сии приступят к союзу с ними, то Хэси придет в неизбежную опасность... Если север будет смежен с туфаньцами, то десять колен (западные тюрки) и Восточный Туркестан погибнут для нас»[23].

Представление подействовало: была снаряжена новая армия, пополненная западными тюрками, и в 692 г. она одержала полную победу и освободила Западный край от тибетцев. В это же время кяны и мани, очевидно, разочаровавшиеся в тибетцах, вернулись под покровительство

18 Бичурин Иакинф. История Тибета... С.143.

19 Дю-сонг (Богословский В.А. Очерк истории... С.50); Гун-срон-ду-рже (Schlagintweit E. Die Koenige von Tibet. Muenchen, 1966. S.50), кит. Цину-Синун (Бичурин Иакинф. История Тибета... С.143).

20 Д я н с я н о а, т.е. тангутов, населявших правый берег Желтой реки, к югу от оз. Кукунор (см.: Бичурин Иакинф. История Тибета... С.237).

21 М а н и — общее название для южных лесных племен (см.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.27).

22 Армия, посланная против тибетцев в 690 г., была возвращена с дороги (Бичурин Иакинф. История Тибета... С.146).

23 Там же. С.147-149.

Китая. Некоторых тибетцы успели захватить, но спасшиеся, получив земли внутри Китая, усилили оборону западной границы.

Попытка тибетцев восстановить свое господство на западе при помощи царевича Ашина Суйцзы также не имела успеха, а набег, произведенный братьями правителя, кончился поражением в 695 г.

Но Циньлин был упорен. В 696 г. он обрушился на Лянчжоу (в Алашане) и, одержав полную победу, направил посла с мирными предложениями. Циньлин настаивал на выводе имперских гарнизонов из четырех инспекций и на уступке Тибету области нушибн, с тем чтобы за империей оставалась область дулу. Китайцы требовали еще возвращения бывшей тогонской территории, но, учитывая внутреннее положение Тибета, сознательно затянули переговоры[24]. Расчет оказался правильным. Интриги и государственный переворот в Тибете еще раз спасли империю Тан.

Переворот в Тибете. Затянувшаяся война с переменным успехом истомила равно Тибет и Китай, но характер утомления в обоих государствах был различен.

Китайское общественное мнение было вообще против войны за граничные владения, которые нужны были не народу, а имперскому правительству, в то время терявшему популярность. Китайцы хотели спокойно заниматься земледелием, ремеслами и изучением классической литературы, а не ходить в далекие походы по сухим степям и оснеженным горам.

Имперское правительство было озабочено обилием врагов: арабы угрожали среднеазиатским владениям, тюрки захватили весь север, на востоке волновались мукри и кидани. Войска были нужны всюду, но пополнения приходилось посылать против Тибета только для того, чтобы удержать свои позиции. Поэтому имперцы тоже хотели мира.

Не было единства и внутри Тибета. Хотя добыча ежегодно привозилась в страну с границ[25], но львиная доля ее доставалась семье Гар, т.е. родственникам Циньлина. Это вызывало недовольство остальных влиятельных родов, а также широких слоев свободных воинов[26]. Как обычно бывает, симпатии противников правительствующего рода обратились к лишенному власти цэнпо, занимавшему в это время престол. Дудсрону исполнилось к тому времени 25 лет. Согласно Дуньхуанской хронике, он имел ясный ум и жестоко карал изменников. Его поддерживали кроме

---

24 Бичурин Иакинф. История Тибета... С.153.

25 Schlagintweit E. Die Koenige von Tibet. S.50-51.

26 Об этом ясно говорит цитата из Дуньхуанской хроники: В маленькой долине Чапу подданный стремится стать правителем; сын Гара стремится стать правителем (см.: Богословский В.А. Очерки истории... С.52).

собственно тибетцев храбрые непальские горцы и западные тюркюты, спасшиеся в Тибете от репрессий империи Тан[27].

Циньлин сделал ошибку, допустив имперские посольства в Тибет. Опытные китайские дипломаты, ведя с правителем и цэнпо переговоры о мире, посулами и подарками стимулировали создание заговора, во главе которого встал сам цэнпо.

Борьба началась в 695 г., когда Дудсрон казнил одного из членов семьи Гар. Сразу вслед за казнью цэнмо (жена цэнпо) созвала множество людей[28], очевидно своих родственников, чтобы обезопасить престол от покушений со стороны действующей армии, подчинявшейся семье Гар.

В 699 г. заговорщики под предлогом облавной охоты собрали воинов и, захватив более четырех тысяч сторонников правительства, перебили их. Затем Дудсрон вызвал правителя из армии в столицу, но тот, зная, что ему грозит верная смерть, поднял восстание, надеясь на верность своих войск. Но воины рассеялись, покинув своего полководца ради своего царя (цэнпо). Видя безнадежность положения, Циньлин покончил с собой вместе с сотней верных ему сподвижников. Те же, которые предпочли остаться живыми, предводимые сыном Циньлина, передались империи Тан. Их приняли с почетом и зачислили в пограничные войска, так как их обратный переход в Тибет был исключен.

Положение переменилось диаметрально. Тибет лишился опытных полководцев и лучших войск, Китай приобрел 8 тыс. закаленных воинов. Естественно, что имперское правительство прервало мирные переговоры с Тибетом, и война возобновилась на всех фронтах. Теперь перевес был определенно на стороне империи. Китайцы сами приписывали свои успехи неопытности новых тибетских полководцев. Набеги 700 и 702 гг. были отражены с большими потерями для тибетцев[29]. Просьба Дудсрона о мире и браке с китайской царевной была подкреплена данью золотом и лошадьми, но результатов не дала. Китайские дипломаты, проникавшие в Тибет, несмотря на пограничную войну[30], информировали свое правительство о новых затруднениях, постигших цэнпо Дудсрона. Зависимые государства на южной границе — Непал, Индия и др. — все восстали. Дудсрон погиб в походе против индусов в 703 г.[31]. Победа осталась за империей, но она запоздала. Тибето-китайской войной воспользовались потомки восточ-

27 Там же. С.50.

28 Богословский В.А. Очерки истории .. С.51.

29 Бичурин Иакинф История Тибета.. С.154-155.

30 В 703 г. китайский посол Кам Кэнг оказал почести цэнпо (Богословский В.А. Очерки истории.. С.52-53).

31 Эту дату следует предпочесть (см.: Кузнецов Б.И. Тибетская ле- топись Светлое зерцало царских родословных Л., 1961. С.75; Синха Н.К., Бенерджи А.Ч. История Индии. М., 1954. С.100; ср.: Богословский В.А. Очерк истории... С.53).

ных тюркютов — голубые тюрки, среди которых 50 лет зрело недовольство, повлекшее взрыв страстей и кровопролитие.

После гибели цэнпо опять вспыхнули восстания племен и распри вельмож, а брат Дудсрона потерял престол Непала[32]. Но уже в 705 г. знатные семьи Ба и Дро восстановили порядок, и Тибетский посол, прибывший в Китай, сообщил о вступлении на престол нового цэнпо — Мэагцома[33]. При нем буддисты сохранили свои позиции. Продолжались строительство храмов, переводы священных книг и приглашения индийских ученых[34]. Буддизм и бон пытались привыкнуть к сосуществованию.

---

32 Богословский В.А. Очерки истории... С.54.

33 При вступлении на престол ему было семь лет. Это значит, что власть опять оказалась а руках знатных семей, посадивших на трон ребенка, чтобы праагть страной от его имени. Его полное имя Тридэцуктэн Мэагцом.

34 Кузнецов Б.И. Тибетская летопись... С.25.

Глава XX

ПРЕОБРАЖЕНИЕ НАРОДА

В горах Алтая. Восточную часть Горного Алтая ныне населяют теленгиты. В их число входит кость (раздел), сохранившая старое название — толос. На севере теленгиты соседят с черневыми татарами (йиш-кижи), на востоке — с тувинцами, на юге — с казахами, а на западе — с собственно алтайцами (алтай-кижи). Высокие хребты с трудными перевалами создают естественные границы района, населенного теленгитами, и в значительной мере способствуют сохранению ими некоторой доли самобытности, выражающейся как в языке (теленгитское наречие алтайского языка содержит большое количество монгольских элементов), так и в противопоставлении себя прочим алтайским племенам.

Телесами называют себя северные теленгиты, населяющие долины Чулышмана, Башкауса и Улагана. Этот район отделен от южного высоким плато, вдобавок пересеченным двумя горными речками — Кубадру и Чибитсу. Южные теленгиты живут по нижнему течению р. Чуи до впадения ее в Катунь; самоназвание их чуй-кижи (чуйские люди).

Термин «теленгит» шире термина «толос», так как включает в себя группы населения, толосами не именующегося. Наряду с толосами существуют названия костей — аз[1], сойон, майма и др.

Толосы были некогда господствующей костью, подменяя собой этническое наименование теленгит, столь же древнее, как и толос. В VII в. теленгиты (кит. доланьгэ) занимали обширную территорию на Хангае, к западу от Орхона, и считались одним из телеских племен[2].

Сходство имени толос с упоминаемыми в орхонских надписях толисами обратило на себя внимание Аристова[3], но он ограничился лишь беглым замечанием, так как в его время содержание орхонского термина «толис» представляло загадку и являлось объектом ожесточенной

1 Предков этого племени В.В.Бартольд относил к енисейским остя- кам-ассикам (Barthold W. Histoire des Turcs... P.28), а Р.Жиро (Giraud R. L'Empire des Turcs celestes. Paris, 1960. PP. 193-196 - к иранцам-аланам и в названии аз усматривал тюрко-персидское слово горностай .

2 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.248.

3 Аристов Н.А. Заметки... С.67.

полемики. Западные ориенталисты Томсен, Хирт и Шавани отождествляли толисов с теле китайских анналов, тогда же как русские ученые Бартольд, Мелиоранский, Аристов и Грумм-Гржимайло считали толисов коренным тюркским племенем, «особым от теле»[4]. В то время как западноевропейские ученые, будучи уверены в правоте своей точки зрения, не затрудняли себя приведением каких-либо подтверждающих фактов, Аристов на основании изучения этнонимики установил, что потомками теле являются телеуты, а отнюдь не телесы[5], а Грумм-Гржимайло пришел к аналогичному выводу на основании материала исторического[6].

Объединение толосов с теленгитами произошло лишь в середине XVIII в., когда теленгиты, бывшие подданными ойратов, бежали на Алтай из Западной Монголии от маньчжуров, которым император Цян лун повелел перебить ойратов до последнего человека. Постепенно теленгиты смешались с телесами, жившими в этом крае с середины VII в. и пришедшими сюда вместе с Чеби-ханом, последним ревнителем тюркютской славы, и независимости[7].

Телесы мало похожи на своих предков — тюркютов раздела толос, но это и естественно, ибо тысяча лет несет немало перемен для народа, окруженного утесами, дебрями и врагами. Но археология устанавливает связь предков и потомков.

Маленький народ, запрятавшийся в высоких горах, совсем потерялся бы для истории, если бы не оставил памятников, переживших его. Могильники тюркютов раздела толос покрывают почти все степные склоны долин восточного Алтая. Это так называемые каменные оградки, с которыми связаны каменные изваяния скуластых мужчин в халатах, с мечом на бедре и чашей в правой руке[8]. Внутри этих оградок часто находят золу и пепел — остатки сожженного трупа[9]. На восток от могил тянутся ве-

4 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.283. Изложена аргументация и история вопроса.

5 Аристов Н.А. Заметки.., С.67.

6 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.284.

7 Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь.. С.105-106.

8 Там же. С.107-11.

9 Л.Р.Кызласов считает оградки не могилами, а местами поминовения умершего, а наличие золы и костей животных и вещей объясняет тем, что их переносили... и засыпали камнями. Но он не пытается объяснить, для чего тюркюты это делали. Кызласов повторяет гипотезу Л.А.Евтюховой и С.В.Киселева, но не приводит новых доказательств и не опровергает мнения, высказанного мною. Отсутствие прокаленной почвы, отмеченная Л.Р.Кызласовым, говорит не за то, что здесь были поминки, а за закоронение пепла, ибо покойника легче сжечь на помосте, чем на земле. В последнем случае трупосожжение будет неполным, что противоречит описанию погребального обряда. Помимо этого, в одной из оградок (Мешейлык) обнаружены человеческие кости. Л.Р.Кызласов утверждает, что сжигались лишь трупы знати. При этом он ссылается на то, что в 630 г. из-за эпидемии по южную сторону Долгой стены лежали груды человеческих костей. Но это значит, что трупы не успевали сжигать, и только. В 628 г. Тайцзун, перечисляя знамения гибели тюркютского каганата — иней летом, пять солнц на небе, красный туман, — прибавляет, что тюркюты перестали сжигать покойников, что является нарушением обычаев и повлечет гибель от богов и духов. Совершенно очевидно, что захоронение трупа рассматривалось как страшное нарушение традиций, и, когда порядок восстановился, в 634 г. прах Кат Иль-хана был сожжен, и в 639 г. также был сожжен прах его племянника Хэлоху. Утверждение Л.Р.Кызласова, по нашему мнению, справедливо по отношению к кочевым подданным тюркютских ханов, унаследовавшим наименование тюрк, но не к самим тюркютам, которые являлись господствующим племенем той верхушкой тюрок, у которых сам Л.Р.Кызласов признает обычай трупосожжения.

реннцы балбаков, грубо обитых камней, вкопанных в землю[10]. Это памятники подвнгам покойника — каждый балбал изображает убнтого им врага. Многие могилы не нмеют балбалов. Очевидно, там похоронен пепел женщин н детей.

Балбалы нмеют две резко отличные формы: островерхую и плоскую, со стесанной верхушкой. Еслн учесть приведенные выше свидетельства орхонских надписей о том, что каждый балбал нзображал определенного человека, то такое деление нельзя считать случайным. Скорее тут оттенен важный этнографический признак — головиой убор. Степняки н посейчас носят островерхий малахай, а алтайцы — плоскую круглую шапочку[11].

Когда тюркюты в VII в. пришлн на Алтай, то нх врагами былн, с одной стороны, абориrены — алтайцы, а с другой — степные племена, предки казахов. Очевидно, тюркюты в VII-IX вв. вели борьбу на оба фронта, что н отразилось в нзображении балбалов. Если это справедливо, то мы можем отметить, что борьба со степью была более удачной, так как из 486 балбалов, нзученных нами, 329 остроголовы, а 157 плоскоголовы.

Очевидно, н после Чеби-хаиа внезапные набеги на степные кочевья проходили успешнее, чем упорная борьба с горцами, знающими каждое дерево в лесу и каждый камень в ущельях. Может быть, поэтому плоскоголовые балбалы, как правило, массивнее остроголовых.

Так как мы не имеем историческнх сведений о тюркютах-толосах[12] VIII–X вв., то большую ценность представляют даже те скудные сведения, которые могут дать немые камни; конечно, перипетии этой борьбы ускользнут от нас, но выяснение общего хода н направлення ее — уже большая удача для исторической науки.

За двести лет, проведенных в новой среде, народ не мог не измениться. Первоначальная идея восстановлення былого могущества, загнавшая тюркютов в Алтайские горы, оказалась несостоятельной, время обмануло нх надежды.

Когда в степи настала анархия, то ею воспользовались не тюркюты, а кидани; тюркюты же больше ннкогда не выступали на политической арене. Почему? На это нам ответит физическая и экономнческая география.

Тюркюты былн искони степным, скотоводческнм народом. Первоначальное нх местонахожденне на южных склонах Большого Алтая не лишало их возможности нспользовать степные пространства, а лес служил им

---

10 Количество балбалов у могил, изученных мною, колеблется от 0 до 51, но наиболее часто встречается 3-4 балбала на могилу. Сходные числа приводит и Л.Р.Кызласов (см.: Кызласов Л.Р. Тува... С.62).

11 Те же формы головных уборов зафиксированы для VIII в. (см.: Гумилев Л.Н. Статуэтки...).

12 Большая часть соратников Чеби-хана принадлежала к разделу толос. Очевидно, это были подданные Шибоби, хана толосов, осуждавшие измену своего хана. Сначала они существовали как самостоятельное племя, но в XIX в. вошли в состав теленгитов как кость. В меньшем числе пришли на Алтай тардуши, но и они прослеживаются как кость в составе теленгитов и алтай-кижи под именем тодош (см.: Баскаков Н.А. Алтайский язык. М., 1958. С.28-29).

лишь дополнением к основному виду хозяйства — кочевому скотоводству. Загнанные в горы, они сохранили основу своего быта — стада, но площадь пастбищ была ограничена северными склонами речных долин. Численность стад не могла не сократиться, и тюркюты принуждены были дополнять свои источники питания охотой, но не облавной, степной охотой, которая весьма эффективна, а трудоемкой индивидуальной — лесной. Народ, приспособляясь к новым условиям, должен был создать, новый тип хозяйства, которое обеспечивало его значительно хуже, чем прежнее. Не меньшей затраты сил требовала борьба с климатом Алтайского нагорья, столь же суровым, как и климат сибирского заполярья.

В результате народ приобрел новые качества, но, естественно, утерял старые. Из воинственных кочевых скотоводов выработались свободолюбивые оседлые скотоводы. Короче говоря, тюркюты стали телесами[13]. Перелом этот падает на середину IX в., когда посольства в Китай они стали считать отжившей традицией, требующей к тому же бессмысленной траты сил. Однако этот небольшой народ еще мог постоять за себя. Несмотря на то, что найманы охватили владения телесов с востока и запада, им не удалось овладеть восточной частью горного Алтая. Это видно из того, что в «Юань чаомиши» телесы упоминаются в числе суверенных племен, покоренных в 1207 г. Джучи-ханом[14]. На этом самостоятельность телесов прекратилась.

В северных степях. На севере, в только что разгромленной степи, и на юге, в завоеванном во время гражданской «справедливой войны» Китае, бурно шли восстановительные процессы, грозившие разорвать железный обруч, сковывавший их воедино, — империю Тан. По обе стороны пустыни Гоби складывались новые народы — голубые тюрки и уйгуры, близкие по образу жизни, своеобразные по устремлениям и культуре.

Степь — место, пригодное для жизни. Центральная часть степи пересечена горными хребтами, поросшими лесом, что создает разнообразие ландшафта и богатые возможности для развития хозяйства. Но с севера к степи примыкает тайга — место, для жизни очень мало пригодное, а для развития хозяйства предоставляющее минимальные возможности. «Таежное море» — самое подходящее название для лесного массива, отделяющего лесостепь от лесотундры — обиталища циркумполярных племен. Степь языками проникает на север, и наибольшим по своему значению был в VII–VIII вв. район верховьев Енисея. Там создавалась окраинная культура кыргызов, равно не похожая ни на тюркскую, ни на уйгурскую. Несмотря

13 Ни в коем случае не надо путать телесов с теле, потомками коих являются телеуты (см.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.283-284; изложена история вопроса).

14 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.147; Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941. С.175.

на сходство языка и письменности, кыргызы по некоторым своим особенностям были далеки и от тюрок и от уйгуров. Они как бы занимали третью вершину равностороннего треугольника, представлявшего тем не менее единую целостность, гармоническую напряженность непрекращающейся борьбы, обусловливающей общее развитие.

Кыргызы на севере, востоке и северо-западе граничили с народами, вернее, племенами, не имевшими ничего общего со Срединной Азией. Эти древние сибиряки не составляли никакой целостности, которая могла бы противопоставить себя соседям и найти общий язык друг с другом. Этническое разнообразие Сибири в VIII в. было значительно больше, чем в XVIII в. Подобно тому, как на Кавказском хребте нашли себе приют многочисленные осколки различных народов, так и в сибирской тайге продолжали существовать осколки племен, за 2000 лет перед этим стоявшие на пути интенсивного развития[15]. Непосредственная близость кыргызской территории к племенам сибирской тайги наряду с природными условиями определила возможности и направление развития кыргызской державы. Согласно исследованию С. В. Киселева, Кыргызское ханство было объединением нескольких племен, во главе которого стоял каган.

Северный контур границ Кыргызского ханства источники определяют следующим образом: «На юго-запад до Гэлолу», т.е. до карлуков (стало быть, кыргызы господствовали в верховьях Томи и Бии, до Салаирского кряжа); на восток до Гулигани[16] (т .е. до курыкан, обитавших на верхней Ангаре); на севере с ними «часто дрались»[17] бома или йелочжи, «многочисленный народ, всего в три раза уступавший по количеству самим кыргызам.

Бома разводили лошадей, пахали на них землю, строили деревянные дома срубом, но не образовывали государства, а каждое племя управлялось своим вождем. Обликом бома походили на кыргызов, но говорили на другом языке. Территорией этого загадочного народа была, по-видимому, долина нижней Ангары, где помещалась страна Алакчин[18]. Значит, северная граница Кыргызского ханства проходила несколько севернее Красноярска.

В. В. Бартольд предполагает, что бома были енисейские остяки, т.е. кеты, у которых сохранились предания о нападении на них с юга, могущественного народа килики[19].

Намеченная гипотетическая северная граница ханства кыргызов находит подтверждение в указании «Таншу»: «все реки [бассейна Енисея]

---

15 Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.-Л., 1955. Т.III.

16 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.354.

17 Там же. С.350.

18 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.353.

19 Бартольд В.В. Кыргызы. Фрунзе, 1943. С.19; Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник Музея антропологии и этнографии при Академии наук. СПб., 1914. Т.II,2. С.4.

текут иа северо-восток. Мииуя Хягас, оии соединяются и текут на север». Скорее всего, речь идет о повороте Еиисея иемного ииже впадения в него Ангары. В этом случае граиица совпадает — с ныиешней этиографической граиицей тюркских иародностей с угро-самодийцами н эвеиками[20].

Что же касается восточиой границы, то их было две: основиая, первая, проходила по подножию Восточиых Саяи, а вторая — по водоразделу Оки (приток Ангары) и Ангары. В промежутке между этими двумя границами жили три племени: дубо, т. е. тувинцы, милигэ, т.е. меркиты, и эчжи - косогольские уряихайцы ачжень[21]. На эти лесные племена кыргызы совершали набеги, а плеиников обращали в рабство. Лесовики отвечали иочными нападеииями на угнетателей, но не умели организоваться для успешного сопротивления. Зато должный отпор кыргызы встретили от курыкан, живших на Ангаре. Имеиио на второй граиице шла иапряженная, непрекращающаяся война, причем саянские лесовики объединились с курыкаиами — «курумчиискими кузиецами».

Китайская историческая традиция причисляет курыкаиов к телеской группе племен и отмечает отличие их языка от кыргызского[22]. Поскольку можио считать устаиовлеиным, что курыканы — предки якутов[23], а хакасы — потомки кыргызов, это ие должно иас удивлять: оба эти языка довольно сильио разнятся по словариому составу и по фонетике[24], и ие искушенным в лиигвистике китайским офицерам, собравшим сведения об «инородцах», различие должио было показаться существеннее сходства грамматического строя. Поэтому иет осиоваиий выделять курыканов из телеской группы племен.

Это была эпоха подъема телесцев, когда шел процесс усложнения быта, идеологии и социальиых отиошеиий. В эту эпоху рождались герои. Часть их погибла для исторической памятн, ио иекоторые, сведения о которых попали в китайские летописи, сохранились для потомства.

Археологические работы в Сибири позволили установить, что ареалу распростраиеиия курыканов соответствует археологическая «курумчииская культура», географическим центром которой был Байкал с его тогда густо заселеиными берегами, а основной областью ее распространеиия было верхнее течеиие Ангары и Леиы, вплоть до Байкала, включая о-в Ольхои[25].

20 Бартольд В.В. Кыргызы. С.20.

21 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.1. С.354.

22 Schott W. Uber die aechten Kirgisen. Berlin, 1865. S.436, 455; Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.250.

23 Окладников А.П. История Якутской АССР. С.318.

24 Малов С.Е. Памятники... 1951. С.6-7.

25 Окладников А.П. История Якутской АССР. С.295.

Курыканы плавили и ковали железо довольно высокого качества, строили крепости, городища которых сохранились поныне, разводили огромные табуны прекрасных лошадей и изготовляли глиняную посуду. Искусство их напоминает кыргызское; одежда и письменность — тюркские[26].

Телеские племена на протяжении своей истории неоднократно меняли местопребывание. В середине VII в. их расположение представляется следующим образом.

В Хангайских горах между р. Цзабхан на западе и истоками Орхона на востоке жили долаиьгэ-теленгиты; в верховьях р. Селенги — сыгеизгили[27]; между Селенгой и Орхоном — тунло-тоигра; в низовьях Селенги и Орхона — пугу-бугу; в степи между Толой и Орхоном — уйгуры; к северу от Керулена, между Хэнтеем и Хинганом, — байегу-байырку; в долине р. Селенги, к западу от пугу, — сыге; к югу от байрыку — байсы; в Забайкалье — гулигань-курыканы; в Алашаньских горах — аде-эдизы, в степях к западу от Ордоса — хунь и киби.

На север от телеских племен, в бассейне верхнего Енисея, жили кыргызы, а в восточном Забайкалье — неизвестное нам племя гюйлобо.

В восточном Хангае, в Отукенской черни были насильно поселены уцелевшие от разгрома тюркюты, но, видимо, их было там немного[28]. Большая часть тюрок с влившимися в них сирами располагалась к северу и востоку от Ордоса, до отрогов Иньшаня. Пустыня Гоби, как море, разделяла северные кочевья от южных, но как тут, так и там кочевниками управляли китайские наместники.

В Джунгарии и Семиречье обитали следующие народности. В бассейнах Черного Иртыша и Урунгу — карлуки[29]; в Центральном ТяньШане на р. Или — тюргеши, а к западу от них — шуниши; в юго-западной Джунгарии — нешети; на р. Манас и к востоку от нее — хулуши[30]; в восточной части Южной Джунгарии — басими (басмалы)[31] и там же шато — осколок среднеазиатских хуннов[32].

---

26 Там же. С.295-298, 317-318.

27 Грумм-Гржимайло Г.В. Западная Монголия... С.319, прим.

28 Грумм-Гржимайло Г.В. Западная Монголия... С.275-277.

29 К а р л у к и — тюркюты, отколовшиеся от орды при ее распадении и в 650 г. поддавшиеся империи Тан (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.347). Состояли из трех подразделений и управлялись джабгу (кит. шаху), т.е. были типичным племенным союзом.

30 Ш у н и ш и, н е ш е т и и х у л у ш и — племена, сведения о которых до нас не дошли.

31 Б а с м а л ы состояли из 40 подразделений, но под ними нельзя понимать ни роды, ни племена, так как в таком случае басмалы представляли бы грозную силу. На самом деле их было, судя по занятой ими территории, очень мало. Имя басмал Аристов считает нарицательным (помесь ; то же, что аргын у казахов; см.: Грумм-Гржимайло Г.В. Западная Монголия... С.256), ставшим затем этнонимом. Сложились басмалы в восточном Тарбагатае и затем передвинулись в Восточную Джунгарию, но когда, неизвестно.

32 С р е д н е а з и а т с к и е х у н н ы, как уже говорилось, образовали в Семиречье владение Юебань. А.Н.Бернштам сопоставил его с племенным названием чубань, с которыми были родственны чуюе, чуми, чумугунь; следовательно, все они потомки хуннов. Чуюе, смешавшись с тюркютами, образовали племя шато, обитавшее в Южной Джунгарии, на запад от оз. Баркуль.

В дополнение к перечисленным сведениям, орхонская надпись сообщает о народе кенгерес, с которым воевали в 710–711 гг. тюргеши. Эта не кто иные, как печенеги, самоназвание которых было кангар[33]. Обитали они по нижнему и среднему течению Сыр-Дарьи.

Между карлуками на Черном Иртыше и печенегами-кангарами на Сыр-Дарье лежала широкая степь, которую в это время уже населяли кыпчаки. Отсюда название степной полосы современного Казахстана: Дештикыпчак — Кыпчакская степь. Здесь кыпчаки смешались с кангарами (канглы) и образовали народ, известный на востоке под названием кыпчаки, в Европе — команы, а в России — половцы. К югу, между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей в нижнем их течении, жили отюреченные арийцы, ближайшие родственники парфян, — туркмены, или гузы. Этим перечнем исчерпываются только наиболее крупные племенные объединения Средней Азии. Некоторые из мелких мы знаем по названию, например азы[34], чики[35], абары[36], и др. Видимо, много мелких племен ускользнуло из поля зрения как китайской, так и европейской палеоэтнографии. Жалеть об этом не стоит, так как те, кто сыграл свою роль в истории, остались в ее анналах.

Численный состав племен был ничтожен. Когда в 688 г. уйгуры выступали против тюрок, за свою независимость, то они выставили всего 6 тыс. воинов[37]. Надо думать, что в такой ответственный момент на войну поднялись все боеспособные мужчины, т. е. 20% населения. Значит, численность всего населения была около 30 тыс. человек. Но ведь это было самое крупное племя, другие были значительно меньше. Следовательно, надо полагать, что были племена по нескольку тысяч и даже по нескольку сот человек.

Вернемся к уйгурам. Указанные 30 тыс. человек составляли девять подразделений. Таким образом, на каждое подразделение приходилось около 3,5 тыс. человек. При наличии экстенсивного скотоводческого хозяйства это количество людей вполне могло составить хозяйственно-организационную единицу — огуз. Такой трактовке противоречат только китайские сообщения о 50 тыс. всадников, выставляемых уйгурами, но необходимо помнить о китайской традиционной любви к преувеличениям. Любопытно, однако, что в 628 г. уйгуры выставили против тюркютов всего 5 тыс. воинов[38] (видимо, без преувеличения), на 1 тыс. меньше, чем в 688 г.

---

33 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.314; Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. СПб, 1884. С.55.

34 А з ы жили между Саянским хребтом и Алтаем (Бартольд В.В. Кыр- гызы. С.25).

35 Ч и к и обитали на речках, составляющих истоки Енисея (Там же).

36 А п а р ы, или и с т и н н ы е а в а р ы, жили на р. Или и влились в состав тюргешей (Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа. С.107).

37 С.Е.Малов (Памятники... 1951. С.66) дает вариант — 3 тыс.

38 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.302, 305.

Эти цифры разоблачают тенденциозность китайского источника — преувеличение.

На берегах Хуанхэ. Обратимся к той группе тюркютов, которая была пленена в 630 г. и в качестве «нескольких сот разоренных юрт»[39] поселена в Алашане[40] в 631 г. Затем, по мнению китайского историка, они «размножились»[41] настолько, что уже в 641 г. хан Сымо имел «100 000 народа, 40 000 строевого войска в числе народа и 90 000 голов лошадей»[42], а в 679 г. тюрки восстали и оказались в силах бороться с Империей.

Известно из статистики, что люди так быстро размножаться не могут, тут в источнике что-то опущено, но, на наше счастье, одна фраза из надписи «Селенгинского камня» содержит разгадку этого непонятного прироста населения. Там тюрки, восстановившие в 80-х годах каганат, названы «тюрки-капчаки»[43].

В древности капчаки жили на Алтае, в долине, называемой китайцами Чжелян[44], что является несомненно транскрипцией слова «Джилан» — змея (отсюда Змеиная гора и город Змеиногорск). Грумм-Гржимайло считает их отраслью динлинского племени бома[45]. Очевидно, они были в числе подвластных тюркютам народов, в 630 г. разделили с ними горечь поражения и среди прочих побежденных были поселены в Алашане рядом со своими бывшими господами. Несомненно, это был не весь народ, а какая-то его часть, так как остальные, смешавшись с канглами, образовали народ, известный под именем команов, или половцев[46]. Вторым компонентом восстановленной орды ханов Ашина оказались сиры, потомки сеяньто, что явствует из надписи Тоньюкука, где есть выражение «тюрксир будун», т. е. тюрко-сирский народ.

После того как в 646 г. сеяньтоское ханство было уничтожено имперцами и их союзниками уйгурами, а народ подвергся беспощадному истреблению, остатки сеяньтосцев рассеялись по отрогам Бейшаня, и их старая ненависть к тюркютам сменилась еще большей ненавистью к китайцам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они примкнули к тюркам, надеясь под их знаменами обрести былое значение и отомстить китайцам, поступившим с ними столь беспощадно.

---

39 Там же. С.264-265.

40 Там же. С.260.

41 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.261.

42 Там же. С.262.

43 Рамстедт Г.И. Перевод надписи Селенгинского камня // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. СПб., 1914. Т.XV. Вып.1. С.40.

44 Палладий Кафаров. Примечания к Юан-чао-ми-ши // Труды чинов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1872. Т.IV. С.247.

45 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С.59.

46 Там же. С.57-58.

Кроме того, в Ордосе и Алашане обитали остатки южных хуннов и осколки других тюркоязычных племен. Они тоже умножили орду князей Ашина. Походы сближают воинов, и перед лицом смерти чувство локтя становится залогом жизни. В далеких степях у маленьких костров из кизяка сир делился с тюркютом последним куском вяленого мяса, уйгур перевязывал рану татабийцу, а тангут выручал эдиза, пойманного вражеским арканом. Все некогда ненавидевшие друг друга племена теперь рука об руку ходили войной на восток и на запад, и общность судьбы стирала перегородки разноплеменного происхождения. Конечно, они помнили, что их отцы боролись друг с другом, но творческая сила бытия ломала скорлупу стареющего сознания. Уже в 50-х годах VII в. былые враги сделались друзьями, а двадцать лет спустя их дети стали братьями и слились в один народ — «кок тюрк», т. е. голубые тюрки.

Называть их тюркютами уже нельзя, это «turk kara kamyγ budun» — «весь [целый] тюркский народ», который многое унаследовал от своих предков, но много воспринял и чужого. Он сказал свое веское слово в истории Азии, повернул ее так, как не предвидел его невольный создатель Тайцзун Ли Ши-минь, учредивший для управления кочевниками два наместничества: «Байкальское» — к северу от Гоби и «Шаньюево» — к югу от нее.

Глава XXI

ВОССТАНИЕ КУТЛУГА

Почему? Казалось бы, находясь в центре огромной империи и отнюдь не будучи угнетены по сравнению со всеми прочими народами, тюрки должны были благодарить судьбу. Но этого не было. Наоборот, в конце 70-х годов VII в. их недовольство выросло настолько, что они сменили относительно легкую жизнь на беспримерные тяготы жестокой азиатской войны, где пощада подчас бывала тяжелее смерти в бою.

Восстание всегда дело трудное, а особенно когда силы правительства неисчерпаемы, зона восстания окружена и посторонней помощи ждать неоткуда. Если при всех этих неблагоприятных условиях восстание не только начинается, но и имеет успех, это случай далеко не обычный.

Тем не менее никто из исследователей не задавался вопросом о причинах успеха тюркского восстания 679–693 гг. Н. Н. Козьмин видит здесь собирательство земли крупным феодалом, местопребыванием которого он полагает Алтай[1]. Это ошибка недискутабельная и снимает все дальнейшие его рассуждения.

А. Н. Бернштам считает, что тюркские аристократы, феодализируясь, выступили против Китая, за право эксплуатировать собственный народ[2]. Этому противоречат как тексты надписей, так и ход событий. Вопросу о причине успеха в столь неравной борьбе он внимания не уделяет. Гораздо глубже анализ Г. Е. Грумм-Гржимайло[3], но он ограничился только непосредственно тюркскими делами, тогда как многое скрывалось в международной политике того времени; не меньшее значение имели и придворные интриги в Чаньани.

---

1 Козьмин Н. Н. Классовое лицо атысы Йоллыг-Тегина, автора орхонских памятников // С. Ф. Ольденбургу. Сб. Л., 1934. С. 272-273.

2 Бернштам А. Н. Социально-экономический строй... С. 179.

3 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 278-291.

Поэтому нам иадлежит проследить сочетание обстоятельств, ход событий и объяснеиия, даваемые современниками, которые необходимо подвергнуть исторической критике. Только детальиый разбор всех, даже мелких, событий позволит сойти с зыбкого болота гипотез на твердую почву вывода, построеиного с учетом всех фактов.

Народное восстание. В 679 г. среди тюрок Шаньюева иаместничества вспыхиуло неожиданное для китайцев восстаиие. «Таншу» в лаконичной манере передает причины, повод и начало событий одним словом: «взбунтовался»[4]. Никаких объяснений ие приводится.

Зато сами тюрки объясняют свое поведение весьма простраино и убедительно: «народу табгач стали они [тюрки] рабами своим мужским крепким потомством и рабынями своим чистым женским потомством. Тюркские правители сложили с себя свои тюркские имеиа и, приняв титулы табгачские, подчинились кагану народа табгач. Пятьдесят лет отдавали они ему труды и силы. Вперед к солнечиому восходу они ходили войной вплоть до Бокли-кагана [Мукри, кит. Мохэ, в Маньчжурии и Приамурье], назад, т.е. на запад, они ходили войной вплоть до Темиркапыга [проход Бузгала в Средней Азии в 657–658 гг.] и отдали кагану табгачскому свою державу и закон [обычай]. Весь тюркский иарод так сказал: „Я был державным народом, где моя держава? Для кого добываю я державы иные?“ Они говорили: „Народом был я, имевшим кагана, — где мой каган? Какому кагану отдаю я труды и силы?“ Так говорили оии и, так говоря, стали врагами кагану табгачскому»[5].

Аиалогичное понимание хода событий содержит Онгинский памятник:[6] «Царствовавшего своего кагана он бросил [покинул][7], а затем тюркский народ вперед, на восток, назад иа запад солнца; на юг к табгачам, и на север, к черни [горной тайге], рассеялся[8]. Герои балбалами принуждеиы [были стать][9] (т. е. были убиты врагами. — Л. Г.). Имя тюркского

4 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 265. Грамматический разбор текста и перевод Хирта, Жюльена и Бичурина см.: Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 588.

5 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 37.

6 Онгинский памятник переведен трижды: Radloff W. Die alttürkischeo Inschriften...; Clauson G. The Oogio inscription // JRAS. 1957; Малов С. Е. Памятники... 1959. Последний перевод является наиболее авторитетным, но многие догадки Клосона также заслуживают внимания и учтены в данной работе наряду с вариантами, предлагаемыми автором.

7 У С. Е. Малова изгнал. Речь идет о Кат Иль-хане, которому изменили многие подданные в 630 г., но его никто не изгонял, а только оставили на произвол судьбы.

8 Перевод Клосона несколько отличен и волен: Тюркский народ забыл свою старинную верность. Они сделали хана (другого — Л. Г.) изнеможенным. Тюркский народ ушел и ооходы вперед до солнечного восхода, назад до заката, направо до Китая, налево до горной тайги, ради чужеземных господ. Враги причинили им тяжелые оотери... (С. 188).

9 Этот вариант оеревода фразы alp arin balbal kisdi и предлагаю вместо гиоотетической вставки они убили их воинов и затолкали их балбалы в землю (там же; ср.: Radloff W. Die altturkische Inschriften... S.247) и их героев мужей он (кто? — Л. Г.) оосттавил балбалами (Малов С. Е. С. 10). Ср. значение глагола кыс, quз в Словарях, ориложенных С. Е. Маловым к изданным им Памятникам.

народа начало клониться к упадку. Тогда ...Тенгри[10] сказал: „да не уничтожится тюркский народ, да не будет жертвой“».

Памятник был поставлен вскоре после 716 г., и, очевидно, совпадение с надписью Кюль-тегина не случайно. Надо думать, что это официальная версия причин восстания.

Хотя тюркский текст отражает точку зрения руководящей части тюркского общества, но, видимо, она была близка к истине. Согласно известиям «Таншу», после того как старейшина Ашидэ поднял восстание, к нему сразу примкнули старейшины всех 24 округов. Для китайцев восстание явилось полной неожиданностью, так как «тридцать лет в северных странах не слыхали военного шума»[11]. Требование собственного хана и своего эля показывает, что идея слияния степи и Китая — основная идея танской империи — оказалась несостоятельной. Психика кочевников до такой степени не походила на китайскую, что слияние их не могло осуществиться.

Поднимая восстание, тюрки пошли на безнадежную авантюру: они были в центре государства и окружены врагами со всех сторон, у них не было ни тыла, ни союзников, ни численного превосходства. Они сами не могли этого не понимать и все-таки восстали! При этом ни китайские, ни тюркские источники не говорят об обидах или угнетении. Надпись прямо указывает, что тюрки выступили не ради улучшения своей жизни, а ради дикой воли и власти. «Не думая отдавать государству Табгач свои труды и силы, тюркский народ (turk budun) говорил: „лучше погубим сами себя и искореним“. И они начали идти к гибели»[12]. Надпись отчетливо отмечает, что самолюбию тюркского народа было непереносимо подчинение. Оно ощущалось настолько оскорбительным, что весь тюркский народ бросился в безнадежную борьбу, увлеченный порывом. Порыв был настолько силен, что вначале повстанцы имели успех. Принца из ханского рода Ашина, Нишу-бега, поставили ханом[13] и разбили карательные войска, шедшие на усмирение, как на прогулку. Около 10 тыс. китайских солдат пало и сдалось в плен, а остатки, объединившись, вырвались из окружения[14].

Численность повстанцев достигла 100 тыс. человек[15] (разумеется, в условном, «китайском» исчислении[16]; значит, около 12 тыс.). В следующем, 680 г. на подавление была брошена армия, втрое превышавшая силы тюрок. Тюрки обошли ее с тыла и разбили обозы с продовольствием, из-за

10 О специфическом значении слова Тенгри см. ниже.

11 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 265; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 210.

12 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 37.

13 Там же; Julien S. Documents... Vol. 4. P. 402.

14 Китайцы отнесли поражение за счет мороза, изнурившего ратников.

15 Julien S. Documents... Vol. 4. P. 403.

16 См.: Гумилев Л. Н. Хунну. С. 59-63.

чего китайские солдаты начали голодать. Но опытный полководец Пэй Хин-кянь подготовил ловушку: он пустил обоз по местности, занятой врагами, под слабой охраной. Тюрки, разогнав охрану, начали грабить повозки; тогда на них напал отряд отборных войск, следовавший за обозом на некотором расстоянии, и истребил их до последнего бойца. Слух об этом разнесся, и с тех пор китайские обозы свободно подвозили провиант действующей армии.

Захватив в свои руки инициативу, Пэй Хин-кянь использовал преимущество в численности и окружил повстанцев у горы Хэйшань. Сражение разбилось на множество стычек, в которых китайцы одержали полную победу[17]. Тогда сразу подняли голову малодушные и весной 680 г.[18] принесли победителю голову хана и покорность. Но упорные продолжали борьбу. Они переправились через Желтую реку и объявили ханом царевича Фуняня[19], которого признали все племена. В 681 г. тюрки произвели набеги, и Хин-кянь снова выступил против них. Тюрки отступили к «Черным пескам» и, по данным разведки, терпели голод. К тому же в рядах повстанцев возникли ссоры: хан и вождь Выньбег не поладили, и силы восставших разделились. Однако один из легких китайских отрядов наткнулся на такое сопротивление, что полководец бросил войско и бежал. Оставленные полководцем ратники также бежали от врага, и убитые «лежали лицом на полдень»[20].

У Фуняня была правильная тактика: стараясь оторваться от противника, он отступал на север, но его обоз с женами и детьми был захвачен легкой конницей Хин-кяня. Голодные и измученные повстанцы брели к северу, когда регулярная конница настигла их. Дух повстанцев был подорван неудачами, и Фунянь не видел выхода, так как уйгуры на севере от пустыни приготовились встретить тюрок, с оружием в руках. Договорившись об амнистии себе и своим соратникам, Фунянь сдался[21]. Но китайцы не сдержали обещания. На Восточной площади Чанъани вожди восстания были обезглавлены. Народное движение было растоптано копытами регулярной конницы.

Большая тюркская надпись повествует об этой странице истории глухо: «...и они начали идти к гибели». Но гораздо подробнее об этом событии рассказывает надпись Тоньюкука: «Тюркский народ, не имея хана, отделился от государства Табгач, сделался народом, имеющим своего хана: оставив своего хана, снова подчинился государству Табгач. Небо, пожалуй,

17 Гумилев Л. Н. Хунну. С. 404-405; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten.. S. 211.

18 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., S. 589.

19 Восстановить тюркское звучание имени не удалось.

20 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 266; Julien S. Documents... P. 408.

21 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 212; Julien S. Documents... P. 406.

так сказало: „я дало тебе хана, ты, оставив своего хана, подчинился другим. Из-за этого подчинения Небо — можно думать — тебя поразило, умертвило". Тюркский иарод ослабел, обессилел, сошел на нет»[22]. Китайская и тюркская версии совпадают.

Теперь разберемся, что тут произошло. Восстание было массовым, иародным, и его постигла судьба всех аиалогичных движений. Тюрки не имели ии дисциплины, ии подготовлеиных военачальников. Оии зависели от своего обоза, иеспособного к быстрым переходам, ибо обозы передвигались иа телегах, запряженных быками. А враги были всюду. Уйгуры или токуз-огузы в Халхе были вериыми слугами императора, так как иа них все время сыпались награды и подарки, а память об утерянном величии, грызшая тюрок, у уйгуров отсутствовала. Вольиолюбивые уйгуры ие создали еще могучей державы и ие стремились к этому; тибетцы же были далеко. Восстаиие было обречено, но продолжалось в иовой форме.

Восстание развивается. Не прошло и года с момента разгрома тюрок, как войиа под руководством иовых вождей приняла иной оборот. Если первоначальио главарями были старейшиињ, увлекавшие за собой родовичей, то иа этот раз выступили осколки аристократии и просвещенные тюрки, получившие китайское образование. Посмотрим, как это произошло. «Таишу» сообщает следующее: «...в 682 г. еще Гудулу (Кутлуг) взбуитовался. Гудулу был дальний родственник Хйелиев [Кат Ильхана], глава поколения Ханьли Юаньин... Ои наследственно получил достоинство тутуна [тутун — офицерский чин древиих тюрок].

После падения Фуиянева все рассеялись, осели у гор Цзуицайшань и построили городок Хэйшачеи. Число их простиралось до 5000 человек. Гудулу ограбил девять родов, [т.е. уйгуров, или токуз-огузов[23]], и малопомалу очеиь разбогател лошадьми, почему объявил себя ханом. Из младших братьев дал Мочжо [Мочур] достоииство шада, а Дусифу [Тюзель-бек] достоинство ябгу. Ашидэ Юань-чжень [тюрок с китайским образоваиием] был взят под стражу правителем дел Ван Вэнь-ли. Случилось, что Гудулу произвел набег. Юаиь-чжеиь просил дозволеиия виушить поколеииям откупиться от виины. Это было дозволеио. Как скоро поколения покорились,

22 Малов С. Е. Памятники .. 1951. С. 65.

23 Liu .Mau-tsai (Die chinesischen Nachrichten... S. 591-593) полагает, что под названием девять племен надо понимать не уйгурский союз девяти аймаков - огузов, а все телеские племена, которых, однако, было двенадцать. Его точка зрения не может быть принята по следующим мотивам. В числе девяти племен он считает кибп и байырку; ни те, ни другие не могли подвергнуться набегу Кутлуга из-за отдаленности. Бильге-хан говорит. ...токуз-огузы были мой собственный народ, но кибп опять-таки не были в числе подчиненных ему племен; в орхонских надписях и переводе С. Е. Малова токуз-огузы упоминаются рядом с тонгра, эдизами и пр., т.е. являются синонимом этнонима уйгур. Тексты, приведенные Лю Мао-цзаем, говорит лишь о близком родстве уйгуров с прочими телескими племенами, иногда о приоритете их над мелкими племенами, но не больше

Гудулу составил с ними заговор, вследствие которого все або и дагани [тарханы] поверстаны в число рядовых»[24]. Смысл текста ясен. Кутлуг принадлежал к той части «друзей кровавой старины», которая кое-что забыла и кое-чему научилась на службе в императорской армии... Во время восстания он, вместо того чтобы толкать необученные толпы на копья латников, напал на ничего не подозревавших уйгуров и отбил у них косяк коней, необходимых для партизанской войны. Он восстановил старую систему чинов и, следовательно, ввел дисциплину. Вместо бессмысленной мобилизации толп он составил свой отряд из старой знати, не отвыкшей от военного дела, и тем самым сделал возможной герилью, или партизанскую войну. Затем очень важный факт: Кутлуг принял и использовал получивших китайское образование людей: Ашидэ Юань-чженя и Тоньюкука[25]. Такие люди знали слабые стороны врага и знали, как его бить. И действительно, ход войны вскоре изменился.

Но посмотрим, как описывают сами тюрки деятельность Кутлуга после того, как он принял громкий титул Ильтерес-кагана: «Каган выступил с семнадцатью мужами. Услышав, что он бродит вне [т. е. за границей собственно Китая], жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились и, собравшись, составили отряд в 70 мужей. Так как Небо даровало им силу, то войско моего отца — кагана было подобно волку, а

24 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 266-267. У Liu Mau-tsai другой перевод: он причислил его к нии-тархинам и приставил к военным делам (Die chinesischen Nachrichten... S. 213). Однако, даже считая, что Н. Я. Бичурин допустил ошибку в переводе фразы, мы не вправе отказываться от общего истолкования хода истории, так как оно находит подтверждение как в других источниках, так и в самом ходе событий. Войска Кутлуга по всем признакам отличались от ополчений предыдущих повстанцев, и интуиция Н. Я. Бичурина отражает действительность точнее, чем волюнтаристическая трактовка Лю Мао-цзая. Помимо этого, Бичурин, по-видимому, пользовался не каноническим текстом, а вариантом, содержавшим некоторые важные детали, опущенные при последующем редактировании.

25 Я не могу понять, почему Хирт объединил в одно лицо Ашидэ Юаньчженя и Тоньюкука (Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 285; ср.: Hirth F. Nachworte zur Inschichte des Tonjukuk // ATYM. 1899.). Ашидэ был убит тюргешами до 693 г. (Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 268), а Тоньюкук жил и действовал еще много лет. Аргументация Хирта сводится к следующему: 1. Ашидэ Юань-чжень был тюрок, воспитанный в Чаньани; Тоньюкук тоже. Значит, это одно лицо (?!). В то же время сам Хирт приводит сведения, что тюрок в Чаньани училось и служило много. 2. Ашидэ Юань-чжень был скомпрометирован как перебежчик и послал в Китай ложные известия о своей гибели, чтобы его при заключении мира не выдали (?!). Но Ашидэ Юань-чженя знали многие сослуживцы, которые потом не могли не знать его под именем Тоньюкука. Затем, как он мог в 693 г. предвидеть мир, заключенный в 709 г.? Затем, Тоньюкук в 693 г. воюет с уйгурами на Толе, а Юань-чжень - с тюргешами у Иссык-Куля, причем тюргеши не могли не знать судьбу побежденного ими полководца, равно этого не могли не знать и китайские офицеры в четырех крепостях. 3. Признавая несомненность свидетельства о гибели Юань-чженя в 693 г., Хирт тем не менее пишет: Wir durfen jedoch annehmen, dass Juan-tschon weiter lebte... 2 (S. 19). Других аргументов не приводится. Ошибочное отождествление повлекло хронологическую ошибку в определении Радловым (Die alttürkischen Inschriften... S. 61) даты похода Тоньюкука на тюргешей и, следовательно, искажение всего хода событий. Грумм-Гржимайло (С. 282 и сл.) исправил Радлова, но совершил другую ошибку, считая, что в 693 г. войны между тюргешами и тюрками не было, ибо та, которая упомянута в надписи, датируется 710 г. Вывод Хирта оспаривается и отвергается Лю Мао-цзаем (Die chinesischen Nachrichten... II. S. 594-597), но принимается С. Г. Кляшторным (Kljastornyi S. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken // Ural-Altaische Jahrbucher. Bd XXXIV. H. 1-2. 1962. S. 115-150. Рецензия), вследствие чего мы считали необходимым привести собственную аргументацию.

враги его были подобны овцам. Вперед [т. е. на восток], назад [т. е. на запад] двигаясь с войском, он собирал и поднимал, так что всех их стало уже 700 мужей. Когда стало 700 мужей, то он привел в порядок и обучил народ, утративший свой эль [державу] и своего кагана, народ, сделавшийся рабынями и сделавшийся рабами, упразднивший тюркские установления, он привел в порядок и наставил по законам моих предков, тогда же он дал народу устройство толис-тардуш и назначил тогда ябгу и шада»[26].

Тюркская трактовка событий совпадает с китайскими данными, за исключением лишь числа воинов, которое китайцы определили в 5 тыс. человек. Надо думать, китайская цифра точнее, так как постоянное употребление числа «семь» наводит на мысль, что ему сопутствовало магическое или мистическое значение, подменившее точное количество всадников Кутлуга.

Не менее важные черточки и детали отмечает надпись Тоньюкука. Начинает он с того, что представляется читателю: «Я сам, мудрый Тоньюкук, воспитан для государства Табгач, так как весь тюркский народ был в подчинении у государства Табгач». Тоньюкук был образованным тюрком, подобно Ашидэ Юань-чжэню, и помощь двух квалифицированных советников, очевидно, сыграла немалую роль в успехе восстания. Разгром народного движения Тоньюкук описывает так: «оставшиеся независимыми среди деревьев и камней соединились, и их составилось 700 человек. Две части из них были всадники, а одна часть была пехотой. (Драгоценное указание, объясняющее слабую маневренность тюрков в минувшей войне и заслугу Кутлуга, сумевшего добыть лошадей, необходимых для партизанской войны. — Л. Г.). Тот, кто семьсот людей заставил следовать за собой, старший из них был шад [т. е. принц крови]. Он сказал: „Приставай ко мне". Я был к нему приставшим — мудрый Тоньюкук. Не каганом ли мне его пожелать, говорил я в сердце своем. Я думал: если будущий хан вообще знает, что есть тощие быки и жирные быки, он не знает, который жирный бык и который тощий бык. (Тоньюкук с некоторой деликатностью указывает на неумение Кутлуга разбираться в людях и оценивать их по достоинству. — Л. Г.). Так как небо даровало мне знание, то, несмотря на малые способности хана, я сам захотел его ханом. О хан! С мудрым Тоньюкуком в качестве бойла бага тархана [государственный советник] я Иль-

26 У С. Е. Малова (Памятники... 1951. С. 37-38) переведено так: он [Ильтерес-хан] дал устройство народам телис и тадруш и назначил тогда ябгу и шада... Перевод неверен, так как народов телис и тадруш не было. Это были названия для двух частей тюркютской державы: толис - для восточной, тардуш - для западной (см.: Клюкин И. Н. Новые данные о племени толисов и тардушей // Вестник Дальневосточного отделения Академии наук СССР. 1932. № 1-2. С. 97; Гумилев Л. Н. Удельно-лествичная система...). Правильно будет: Дал народу устройство толис-тардуш, что означает возобновление тюркской традиции военной державы. Ябгу - чин тюркской военной иерархии, высшее после хана лицо в державе, заместитель хана. Вообще смысл слова ябгу означает вице-король. Скорее эту фразу надо понимать так, что народу тюрок было дано полное военное и иерархическое устройство с ябгу и шадом.

терес да буду каганом“»[27]. Если откинуть самохвальство Тоньюкука, то в остальном этот текст согласуется с приведенными выше и картина восстания встает перед нашими глазами.

Надо сказать, что самн китайцы весьма подыграли тюркским повстанцам. Пэй Хин-кянь, подавивший восстание Фуняня, способный и опытный полководец, любимый воннами за справедливость, бескорыстие и осмотрительность, спасавшую жизнь рядовым бойцам, впал в немилость и умер в ссылке[28]. Заменить его удалось не сразу, и повстанцы получили передышку, которую они использовалн для реорганизации.

Пограничная война. На организацию отряда Кутлуга ушел весь 682 год. В 683 г. он перешел к активным действиям. Тюркская конница молниеносными ударами разгромила почти всю укрепленную линию вдоль Велнкой стены к востоку от Ордоса, нигде не подставив себя под удар регулярных войск. Тюрки разграбилн пять военных округов н только в одном, шестом, были отбиты. Шаньюево наместничество было блокировано, а в последующие три года движение по дорогам для чиновников и ратнников было невозможным[29].

Успеху тюрок способствовал происшедший в Китае государственный переворот. Вдовствующая императрица У-хоу арестовала своего сына Чжунцзуна и сослала его в центральный Китай, дав ему княжеский титул.

Как всегда в таких случаях бывает, у наследника оказались сторонники, которых нужно было репрессировать, н заниматься тюркютами было некогда. Лишь в 686 г. военачальник Шунь-юй Кхяньпин двинулся на повстанцев, стремясь захватить их семьи, жившие в укрепленном лагере у гор Цзунцайшань[30]. Кутлуг вышел навстречу врагу. В кровопролитном бою у Синьчжоу (в провинции Шаньси) китайцы были разбиты. Их потери исчислялись в 5 тыс. человек.

На это пришлось реагировать. Против тюрок были брошены значительные силы с воеводой Чан-чжи во главе. Чан-чжи был одним из наиболее талантливых танскнх генералов и весьма отличался своей храбростью, физической силой и талантом в войне против Тнбета.

27 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 65.

28 Cordier H. Histoire geoerale... P. 440; Maills J.A.M. Histoire generale... P. 157.

29 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 267.

30 Какие горы именовались в Танское время Цзунцайшань, неизвестно, но ставка тюрок располагалась в Хэйши, Черных песках , к северу от Иньшаня (Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 282). То же место указывает Тоньюкук: Мы избрали место жительства Куз-Чугая и Карагумы — черные пески (Малов С. Е. Памятники... С. 65). Значит, загадочный Цзунцайшань соответствует загадочному Куз-Чугаю (см.: Hirth F. Nachworte zur Inschichte... S. 31) и располагался к северо-северо-западу от Гуйхуачэна, в верховьях Онгина (Giraud R. L'Empire des Turcs celestes. Paris, 1960. PP. 169-171).

Чан-чжи взялся за дело серьезно. В битве при Хуаихуадуе[31] в 687 г. тюрки были разбиты. Китайская коиница гнала их около 20 км[32], ио оии успели оторваться от противиика и ушли в Великую степь. Один из подчиненных Чаи-чжи, Цуан Бао-би, желая выслужиться, выступил за границу и через лазутчиков обиаружил лагерь тюрков. Бао-би попытался застать их врасплох, ио тюрки заметили приближеиие врага и успели построиться в боевой порядок. Китайцы дрались отчаяиио, но были разбиты. Весь корпус погиб, кроме вождя, успевшего убежать.

Кампаиия кончилась, и, надо признать ие в пользу китайцев. Выгнать мятежных кочевников с Желтой реки в Алтайские горы было все равио что пустить щуку в воду. Тюрки показали небывалую стойкость и упорство, поражение не разложило, а сплотило их. Воля к борьбе ие погасла, и это определило ход событий, который привел к восстаиовлению тюркского кагаиата. Для самих китайцев тюрки стали уже недосягаемы. Теперь китайцам пришлось действовать силами своих застенных союзников и в первую очередь уйгуров.

Возникает вопрос: почему имперцы отказались от преследоваиия и полного уничтожения повстаицев, хотя их войско состояло из конницы, привычной к далеким походам? Да, эта коиница была когда-то, ио в 689 г. легла под ударами тибетцев[33]. Все резервы поглотил тибетский фронт, растянувшийся от джунглей Юннани до скалистых берегов Хуаихэ, раскаленных песков Турфана и лесистых склоиов Цеитральиого Тяиь-Шаня. Малочисленный и еще варварский Тибет до 693 г. удерживал оазисы Западного края, и до 700 г. главные китайские силы сражались с тибетцами в Ганьсу и Сычуани. Вот одна из главных причин, обеспечивших успех безумной затеи Кутлуга.

На западе. Нельзя считать случайиым совпадением, что одновременно с восстанием Кутлуга произошло совершенно аналогичиое восстаиие среди западных тюркютов. Сравнительио иебольшие силы имперцев удерживали Центральный Тяиь-Шань благодаря добровольиому подчинению в 673 г. Кашгара и тюркского племеии гун-юэ[34], обитавшего к востоку от оз. Иссык-Куль[35]. Совершенио иеожиданно западные тюркюты напали на гун-юэ и осадили их «столицу», т. е. укрепленную ставку князька. Во главе повстаицев стоял иекий Ашина Кибу-чур, судя по фамилии принц крови, ио, как и Кутлуг, ие имевший прямого права иа престол.

31 Ныне Ханхуашань в области Датунфу (Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 292; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 549).

32 Julien S. Documents... Vol. 4. P. 412.

33 Бичурин Иакинф. История Тибета... С. 145.

34 Chavannes E. Documents... P. 122.

35 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 272.

Последнее обстоятельство очень значительно, так как показывает, что это не была фронда отстраненных от власти царевичей, а народное движение. Вряд ли можно сомневаться, что совпадение восстаний, западного и восточного, во времени не случайно. Сообщение по великому караванному пути было регулярным, и 2 тыс. км — не препятствие для конного эмиссара, особенно если учесть, что на пути были земляки и, значит, сменные лошади.

Кибу-чур привлек на свою сторону даже телеское племя яньмянь, жившее к северу от гун-юэ и к востоку от оз. Балхаш[36].

Как на востоке, так и на западе дело освобождения тюрок вступило в новый период развития. Наличие продуманного заговора несомненно. Однако западные тюрки встретили отпор регулярных имперских войск, пришедших на выручку стесненным союзникам. Энергичный и храбрый офицер Ван Фан-и оттеснил тюрок к р. Или и там нанес полное поражение Кибу-чуру. Потери тюрок исчислялись в тысячу человек, но внезапное нападение яньмяньцев поставило под угрозу добытый успех.

В битве у оз. Иссык-Куль телеские пешие стрелки так стеснили имперское войско, что кочевники, служившие Китаю, решили откупится от врага головой полководца. Ван Фан-и, узнав о заговоре, пригласил главарей его к себе в лагерь, где их перевязали. Под звуки труб и барабанов, заглушавших крики о помощи, было отрублено 70 мятежных голов. Затем неожиданное нападение имперской конницы смяло яньмяньцев и рассеяло их скопище[37]. И на этом все кончилось.

По существу восстания Кибу-чура и Кутлуга однотипны, но первое было немедленно подавлено, а второе имело поистине грандиозный успех. В чем здесь дело? Отнюдь не в самих тюрках. На западной окраине были еще в силе традиции первых лет танской империи, а в самом Китае уже начали действовать мощные силы сопротивления чужеземной династии. Выражением этой тенденции был переворот императрицы У (У-хоу).

Императрица У. Династия Тан была двоеликой. Основатель ее Ли Юань был окитаенный тюрк, не расставшийся с кочевыми обычаями. Его сподвижники были такими же и привели к власти своего человека. Тайцзуна окружали наряду с учеными китайцами тюркские богатыри — такие, как уйгурский вождь однорукий Киби Хэли и тюркский царевич Ашина Шэни. Гаоцзун уже получил воспитание чисто китайское. Именно при нем назрел конфликт между военной доблестью пограничных воевод и очарованием китайской утонченности. Решающая роль выпала на долю женского обаяния.

---

36 Chavannes E. Documents... P. 123.

37 Ibid. P. 76; Cordier H. Histoire generale... P. 442.

В 637 г. наследный принц влюбился в прекрасную наложницу своего отца. По смерти императора его жены были отправлены в буддийский монастырь, где с обритыми головами должны были кончить свои дни. В 650 г. новый император, Гаоцзун, посетив монастырь, встретил свою красавицу, и любовь вспыхнула с новой силой. С соизволения бездетной императрицы, желавшей получить союзницу против своих соперниц, красавицу водворили в императорский гарем. Это открыло ей широкое поле для интриг, в которых она показала исключительное мастерство.

В 654 г. Гаоцзун всецело подпав под ее влияние, сделал ее императрицей. Новая императрица расправилась со своими соперницами, которых по ее приказанию четвертовали и утопили в вине без суда и обвинения. Затем последовали отравления, ссылки, казни, опалы, как правило, членов императорского дома и ближайших пособников возвышения династии Тан. Это было не случайно: глухая ненависть китайской знати к династии, которую она считала инородческой, прорвалась и нашла достойного вождя. Овладев волей своего мужа, императрица подавляла всякое сопротивление и подготовляла реставрацию китайского преобладания в политике и культуре. По смерти Гаоцзуна она низложила своего сына, проявившего тенденцию к самостоятельности, и захватила власть в свои руки. В 684 г. несколько принцев династии Тан были обвинены в заговоре и казнены. Также были казнены сторонники императрицы, осуществившие переворот. Это позволило ей избавиться от необходимости делить власть.

Но для кого она расчищала дорогу? Первым из счастливцев оказался глава буддийской общины. В связи с этим колоссально усилилось влияние буддизма в Китае.

Затем выдвинулись люди, не принадлежавшие к военной знати, но получившие должности путем экзаменов, на которых они показали свои способности. Естественно, это были китайцы, владевшие кистью лучше, чем саблей. Они оттеснили от власти пограничных вояк. Зато последние, владея саблей, решали судьбы внешних войн, а обиды на правительство императрицы не стимулировали их усердия. Имперские войска не сложили оружия, но стали сражаться вяло и неохотно.

В 689 г. было упразднено имя династии Тан, а 19 октября 690 г. императрица приняла титул императора. Буддисты немедленно написали сочинение, доказывающее, что У — дочь Будды и должна наследовать империю у династии Тан. В благодарность за поддержку императрица издала указ, повелевавший во всех городах страны строить буддийские храмы.

Понятно, что произведенный переворот, казни, пропаганда буддизма и тибетская война так заняли внимание китайского общества, что ему было не до тюрок, убежавших в Хангай.

Все это вместе определило возможность воссоздаиия тюркского каганата.

Тюрки и уйгуры. Появление тюркской орды в Халхе всполошило все Хаихайское иаместиичество. Населявшие Халху токуз-огузы и другие телеские племена, спокойно пасшне свой скот и получавшие от китайцев подаркн, поияли, что прнвольиой жизни прншел коиец.

Голодные беглецы не моглн ие грабить соседей, тем более что эти соседн были верноподданными их врагов. Естественно, что все степные племена должны были готовиться к самой энергичной борьбе против тюрок. Самн тюрки это отлично поинмалн: «враги нашн были кругом как хищные птицы, мы были для них падалью»[38], — пишет Тоньюкук. «Тогда на север от Китая между бегов, огузов семь мощиых мужей стали нам врагами»[39], — сообщает Алп Эльэтмнш, вспомниая свою молодость и карьеру своего отца, который за участие в этой войне получил титул шад[40]. Йоллыг-тегин еще более точен: «Справа [иа юге] табгачский иарод был врагом; слева [на севере] иарод тогуз-огузов [под начальством] Баз-кагана был врагом, кыргызы, курыкаиы, отуз-татары, кытай [кидани] и татабы [хи] — все были врагами»[41]. Что и говорить, положение стаиовилось угрожающим.

Ииицнативу взял иа себя Баз-каган токуз-огузов, называемый в «Таншу» Билн[42]. Он направил послов в Китай и к киданям с предложением пронзвести комбниированное нападение на Кутлуга: по диспозиции китайцы должиы были напасть с юга, киданн с востока, уйгуры с севера[43]. На западе иаходились остатки западных тюрок, так называемые тюрки десяти стрел. Оин впали в такой полнтнческий маразм, что нх ие считали возможным мобилнзовать на серьезиую войну. Лазутчикн доиесли об этом плане в ставку Кутлуга, и он принял план Тоиьюкука, заключавшийся в том, чтобы выступить самим и ударить на запад, где сопротивлеиие должно было быть слабым, а остальных врагов бить по очереди. Затруднение было в одном: у тюрок было всего две-три тысячи воинов для войны иа два фронта.

Однако Кутлуг рискнул. Тысячу всаднников с Ашиде Юань-чженем во главе он отправил на запад завоевывать Курдан — прнаральские пустыни (очевидно, тюрки хотелн на западе укрыться от наседавшего врага), две тысячн под комаидованнем Тоиьюкука пошлн на север, навстречу токуз-

38 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 65.
39 Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 10.
40 Clauson G. The Ongin inscription...; Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 10.
41 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 38.
42 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 306.
43 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 65-66.

огузам, начавшим наступление. Как обычно при коалициях, кидани и китайцы с выступлением опоздали.

Тоньюкук шел быстрее Баз-кагана, и оба войска встретились на р. Тогле (Тола). Несмотря на то, что уйгуров было 6 тыс. человек, тюрки опрокинули их в реку и преследовали, рубя бегущих. Баз-каган погиб[44], а народ тогуз-огузов подчинился тюркскому хану.

Зато западному отряду не повезло. Как раз в это время началось усиление племени тюргешей. Тюргеши занимали область между реками Чу и Или и подчинялись западнотюркютским ханам. Племенной вождь тюргешей Учжилэ носил титул бага-тархана (в китайском тексте мохэ-дагань)[45]. Западнотюркютские ханы стали в это время чиновниками танского правительства, и, естественно, это не способствовало увеличению их популярности среди подданных. Талантливый Учжилэ переманил к себе наибольшую часть недовольных династией; «Таншу» определяет численность его войска в огромную цифру — 140 тыс. человек. Правда, это относится к 699 г. В 688 г. их было, наверное, намного меньше (китайский «коэффициент преувеличения» равняется 9–10).

В своем движении на запад Ашидэ Юань-чжень натолкнулся на тюргешей и пал в бою[46].

Таким образом, выяснилось, что запад для тюрков закрыт, а север может быть использован как убежище. Поэтому Кутлуг перевел орду в Отюкенскую чернь — горную тайгу на склонах Хангая. Здесь, в чащах и ущельях, укрылись тюрки от имперских латников; здесь основали они базу своих сокрушительных набегов, в результате которых возник второй каганат.

Победой на Толе не кончилась война за степь. Судя по надписи, Кутлуг совершил 47 походов и дал 20 сражений, «врагов он принудил к миру, имевших колени он заставил преклонить колени, а имевших головы склониться»[47]. Что значит эта декламация, мы можем только догадываться. Вероятно, Кутлуг подчинил себе Халху, но ни на западе, в Средней Азии, ни на востоке, в Маньчжурии, он ничего не достиг. В 693 г. Кутлуг умер[48], и престол перешел к его брату, Мочуру (кит. Мочжо), который принял титул Капаган-каган. 693 год был помимо этого отмечен большим успехом китайского оружия: тибетцев наконец вытеснили из Западного края.

---

44 Балбал Баз-кагана был поставлен на могиле Кутлуга; следовательно, каган был убит до 693 г., а за период 688–693 гг. других столкновений тюрок с уйгурами не было.

45 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 296.

46 Там же. С. 268.

47 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 38.

48 А. Габайн считает годом смерти Кутлуга 692-й, опираясь на то, что это был год дракона (Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 597). Однако звериный цикл у тюрок и китайцев имеет расхождение на один год.

Западные тюрки, почувствовав жестокую руку Империи, восстали под предводительством царевича Ашина Суйцзы в 694 г., но были разбиты в Даньлин-чу[49].

Вслед за этим были разбиты примкнувшие к восстанию тюргеши, а у тибетской оккупационной армии отнят г. Нишумус. «Западный край» был полностью усмирен, но опять-таки тюркскими войсками, которые привел князь Чжанге. По-видимому, это были ордосские тюрки[50], не участвовавшие в восстании.

Программа. Итак, только одни тюрки выдержали борьбу с имперской регулярной армией. Возникает вопрос: как это им удалось и какова была идеология сподвижников Кутлуга, отступивших с ним через пустыню, чтобы не сложить оружия перед врагом? Некоторые объяснения такого отрицательного отношения к Китаю мы найдем в надписи, составленной Йоллыг-тегином от лица своего деда, Кутлуга Ильтерес-кагана[51]: «У народа табгач, дающего нам без ограничения столько золота, серебра, спирта [или зерна] и шелка, речь была сладкая, а драгоценности „мягкие"; прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они весьма сильно привлекали к себе далеко жившие народы. Те же, поселясь вплотную, затем усваивали себе дурное мудрование». Здесь Йоллыг-тегин выступает против проникновения китайской культуры в кочевой быт, причем он рассматривает материальную культуру как средство для внедрения китайской идеологии. Можно подумать, что он читал Конфуция, который рекомендовал именно этот путь для обезвреживания варваров.

Дальше Йоллыг-тегин показывает результаты. «Дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве... злобные люди так научали часть тюркского народа, говоря: „кто живет далеко, тому дают плохие дары, кто живет близко, тому дают хорошие дары", этими словами он так научал тебя. И вы, люди, не обладавшие мудростью, послушавшись речи и подойдя вплотную, погибли там в большом количестве».

Но каким образом они погибли — ведь они в изобилии получали ценности? Автор дает ответ: за дары нужно было отплачивать военной службой, т. е. идти умирать за чужие интересы вдали от родины. «Ты... тюркский народ стал бродить по всем странам и там совершенно изнемог и изнурился. Вы же, оставшиеся тогда живыми, по всем странам скитались, то живя, то умирая».

49 Отождествить это географическое название с современным не удалось.

50 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 303.

51 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 34-35.

Йоллыг-тегин правильно отмечает, что народ, желающий сохранить свою индивидуальность, не должен превращаться в ландскнехта или в карателя, сколько бы за это ни платили. Таких «сподвижников» хозяин дальше передней не пускает, и ни золотом, ни шелком им не прикрыть своей подчиненности. Идеологии продающихся за чечевичную похлебку он противопоставляет не утопию, а реальную программу — восстановление каганата: «О тюркский народ, когда ты идешь в ту сторону, ты становишься на краю гибели, когда же ты, находясь в Отюкенской стране, лишь посылаешь караваны за подарками — данью, у тебя совсем нет горя; когда ты остаешься в Отюкенской черни, ты можешь жить, созидая свою державу, и ты, тюркский народ, сыт».

И далее он указывает, что эта программа не только возможна, но уже осуществлена его дедом: «Став каганом, я вполне поднял — собрал погибший неимущий народ; неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным. Разве есть неправда в моей речи?!». Но вместе с этим он констатирует, что популярности хан не имеет, т. е. беги «склонны впадать в ошибку — измену», а народ неразумен. «Тюркский народ... когда ты тощ и голоден, ты не понимаешь причин состояния сытости, и, раз насытившись, ты не понимаешь состояния голода». Отсюда можно заключить, что инициатива возрождения каганата принадлежала кучке ревнителей старины. Надпись Йоллыг-тегина свидетельствует о том, что часть бегов и слои, с ними связанные, хотели компромисса с Китаем, но патриотическая группа, собравшаяся вокруг хана, гнала и вела их в походы на поиски минувшей, древней славы. Не трудно догадаться, что эта группа состояла из тарханов первого каганата, ставших рядовыми.

Ветеранов, разумеется, агитировать было незачем, поэтому очень интересно, кто составлял ту неустойчивую массу, к которой обращался Йоллыг-тегин. «Речь мою полностью слушайте по порядку: братья, младшие родственники, собственное мое племя и собственный мой народ, стоящие справа — шады и родные беги, слева — тарханы и служилые беги, тридцать... беги и народ токуз-огузов». Здесь приводится классическое степное деление на центр, правое и левое крыло, но в иерархическом аспекте: центр — личная дружина хана, правое крыло — принцы крови, левое крыло — народные и неравные с ними токуз-огузы, т. е. уйгуры и другие халхаские племена.

Таким образом, мы наблюдаем картину военной демократии с иерархическим принципом устройства. Особенно важно отметить, что токуз-огузские беги и народ уравнены с тюрками. В другом месте список адресатов еще более расширен: «Сердечную речь мою... вы до сыновей 10

стрел и до татов [несвободных, обязанных] включительно, знайте, смотря на памятник».

Но и тут прибавлены только западные тюрки и инкорпорированные таты, а прочие завоеванные ко времени составления текста — кидани, кыргызы, карлуки, татабы, согдийцы и др. — не отмечены. Они не были членами орды — они были ее данниками, или «союзниками».

Итак, орда голубых тюрок включала в себя еще только токуз-огузов[52]. Но даже в таком виде она поддерживалась главным образом железной волей своих основателей и их военными талантами.

Иными словами, тюрки стояли на стадии военной демократии и делали все от них зависящее, чтобы сохранить строй, к которому они привыкли.

---

52 Ср. надпись (Малов С. Е. Памятники..., 1951. С. 42): Токуз-огузы были мой собственный народ, так как небо и земла пришли а смятение, он стал иам врагом . Собственный народ значит инкорпорированный, принятый а орду, а ие данник, ивсильио аключенный а эль — державу.

Глава XXII

ВОССОЗДАННЫЙ КАГАНАТ

Задачи. Победа на Толе отдала в руки тюрок почти всю Халху, но тем не менее их держава была в отчаянном положении. Новые подданные, уйгуры, были ненадежны; имперские владения охватывали возрожденный каганат с востока, юга и запада; на севере, в Сибири, находилось обширное кыргызское ханство, определенно враждебное тюркам, и, самое главное, большая часть собственно тюркского народа осталась в Ордосе, в лапах врага. Их надо было вызволить в первую очередь, и Капаган-хан принялся за это.

В 694 г. тюрки совершили молниеносный набег на границу Китая, побили и увели в плен множество воинов и народа[1]. Одновременно Капаган-хан предложил императрице У принять его в подданство. Это означало бы согласие имперского правительства на образование в Халхе тюркского государства, прямое признание его. Разумеется, Китай не мог так легко помириться с мятежником. 18 воевод выступили против него в поход с китайской и кочевой конницей, но вернулись, не найдя врага[2]. Отюкенская чернь спасла тюрок от разгрома[3]. Китайцам пришлось перейти к обороне.

Возможно, что в результате набега были уведены не пленные, а ордосские тюрки, не успевшие уйти с Кутлугом и теперь перебежавшие к своим соплеменникам. Надпись так и трактует политику Капаган-хана: «Мой дядя, каган, сев на царство, опять устроил и поднял тюркский народ, неимущих он сделал богатыми, немногочисленных он сделал многочисленными»[4]. Конечно, последнее произошло не за счет естественного размножения.

1 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 286; Julien S. Documents... Vol. 4. P. 414.

2 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 215.

3 Тоньюкук говорил: Когда мы сильны — идем грабить; когда слабы — убегаем в горы и долины

4 Малов С.Е. Памятники... 1951. С. 38.

Второй задачей, не менее серьезной, чем освобождение соплеменников, было установление отношений с кочевыми народами и племенами. Номинальное подчинение Империи было необременительно для кочевников и даже выгодно, но китайцы, ошибочно полагая, что их власть окончательно упрочилась, стали назначать своих чиновников на посты правителей застенных владений. Отсюда неизбежно возникали разнообразные осложнения, связанные с ущемлением прав кочевых старейшин, непониманием нужд рядовых кочевников, взяточничеством, вымогательством и оскорбительным высокомерием китайских чиновников. Поэтому к концу VII в. лояльность кочевых подданных была обратно пропорциональна расстоянию от Великой стены. В 696 г. возмутились в Маньчжурии кидани и татабы (хи)[5], что также было использовано тюрками.

Наконец, перед ханом стояла третья внутриполитическая задача. У древних тюркютов, как уже говорилось, был закон о престолонаследии, согласно которому брат наследовал брату, а племянник — дяде (лествичное восхождение). Китайцы считали этот порядок бессмысленным и, вмешиваясь в тюркские дела, попросту игнорировали его. Восстановив каганат, тюрки восстановили старый закон, по которому Мочур и стал Капаган-ханом. Но он сам испытал на себе влияние китайской культуры и счёл за лучшее для себя передать престол своему сыну Фугюю, а не племяннику Могиляню. Сознавая, что нарушать закон надо исподволь, он воссоздал чин «малый хан» (выше шада) и пожаловал его своему сыну[6], а племянника поставил шадом тардушей, т. е. западного крыла тюрок, и предоставил ему решение наиболее опасных военных задач. Можно думать, он ничего не имел против гибели своего племянника.

На востоке. Успех тюрок окрылил надеждой монгольские племена Центральной Маньчжурии — киданей и татабов. Даже сама китайская история возлагает ответственность за восстание на главноначальствующего Чжао Вэнь-хая, который по высокомерию начал пренебрегать своими подчиненными[7]. В 695 г. киданьские вожди Цзиньчжун и Ваньюн восстали, убили Чжао Вэнь-хая и взяли в плен его помощника. За 24 дня восстание охватило все восемь киданьских племен. Одновременно поднялись татабы, но, не надеясь на свои силы, заключили союз с тюрками. Регулярные войска, посланные на подавление восстания, были разбиты киданями в долине Хуанчжангу и при Пинчжоу. Только третья армия, составленная из выкупленных рабов, в 696 г. отразила нападение киданей и остановила их продвижение.

5 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 160.

6 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 270; Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 38; Гумилев Л. Н. Удельно-лествичная система. С. 19.

7 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 364.

Этими обстоятельствами воспользовался Капаган-хан. Он предложил императрице усмирить мятежников, на что получил согласие. В награду за помощь его признали ханом, дали военный чин и княжеское достоинство. Капаган-хан молниеносным набегом разгромил киданей и заставил их рассыпаться по лесным чащобам.

Обрадованная императрица хотела признать тюркского хана великим шаньюем, но он, не успев получить титул, напал на китайскую границу и в 697 г. ограбил два уезда — Линчжоу и Шэнчжоу[8], т. е. северо-восточный Ордос. Его отогнали имперские войска армии, укомплектованной пограничными народностями[9], но Тоньюкук принял командование и добился успеха, «разрушив двадцать три города»[10]. В надписях эта кампания названа «войной на Шантунгской равнине, орошаемой Яшиль-угюзом»[11], или Талуй-угюзом — «Море-рекой»[12].

Устрашив, таким образом, китайцев, хан продиктовал условия мира. Он хотел, чтобы императрица усыновила его, выдала бы его дочерей за китайских князей, отпустила к нему тюрок, оставшихся в Ордосе, и дала 100 тыс. ху проса на посев, 3 тыс. земледельческих орудий и железа для поковок. Разумеется, ему отказали. Тогда хан прекратил переговоры, задержал послов и вывел войска из киданьских земель. Кидани немедленно вышли из лесов и объединились вокруг князя Ваньюна. Ваньюн снова напал на китайцев и разгромил уезд Цзичжоу. Против киданей была брошена огромная армия — 170 тыс. человек (вероятно, в это число входила и вся обслуга), но она была наголову разбита. Ваньюн перешел в наступление, вырезал уезды Ючжоу и Инчжоу и «необузданно своевольствовал»[13].

Императрице пришлось согласиться на все требования тюркского хана, чтобы получить помощь против киданей. «С сего дня тюрки усилились»[14]. Для киданей союз хана с императрицей оказался роковым. Союзные с тюрками татабы объединились с новой двухсоттысячной китайской армией и взяли киданей в клещи. Киданьские войска были разбиты, а Ваньюн убит во время бегства собственным невольником. Остатки киданей,

8 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 268.

9 Julien S. Documents... Vol. 4. PP. 414-415.

10 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 66; ср.: там же. С. 38.

11 В представлении тюрок границы между цветами спектра расположены несколько иначе, чем у европейцев. Так, кок — сине-зеленый цвет; яшиль — зелено-желтый, мутный; сары — желто-оранжевый, яркий. Таким образом, Яшиль-угюз совершенно эквивалентный перевод названия Хуанхэ, Желтая реки, т.е. это река мутная, грязно-желтая. В надписи упоминается один поход в область нижнего течения Желтой реки, но на самом деле их было несколько: в 694 г. — на Линчжоу (окружной город на правом берегу Хуанхэ, против г. Нинсяфу); в 697 г. — на Линчжоу и Шэнчжоу (северо-восточная часть Ордоса) и в 698 г. — на Хэбэй. Вероятно, в надписи все три похода упоминаются вместе, причем театр военных действий назван Шантунгская равнина [см.: Малов С.Е. Памятники... 1951. С. 38. N 17; С. 66. N 18-19; для перевода Яшильугюз Маловым предложен вариант — Морская река (ср.: Hirth F. Nach- worte zur Inschifte... S. 17-18)].

12 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 66 (ср. текст на стр.62).

13 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 365.

14 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 269.

не желая сдаваться китайцам, поддались тюркам, и в 697 г. Капаган присоединил Маньчжурию к своим владениям, после чего кидани продолжали войну с китайцами как вассалы тюркского хана.

Вот где сказались последствия переворота императрицы У и управления династии Тан. Пограничные войска, состоящие из чужеземцев, не хотели сражаться за китайцев, и поэтому пришлось пополнять армию невольниками и даже нанимать солдат за жалованье[15]. В полевой армии не могли не расти оппозиционные настроения и ненависть к китайским чиновникам, высоко поднявшим голову. Обаяние и инерция танской традиции держали пограничную армию в рамках лояльности, но естественно, что большая часть военных симпатизировала опальному наследнику, чем и вызывала неприязнь императрицы. Императрица старалась дробить командование, чтобы не сосредоточивать много сил в руках одного генерала, а это отражалось на боеспособности армии

Капаган-хан учел политическую ситуацию и объявил себя сторонником наследника. Для восстановления его на престоле в 698 г. Капаган-хан выступил в поход, имея «100 000 всадников»[16]. Эта демагогия принесла ему немалую пользу, так как кочевники, служившие в имперской армии, сразу начали переходить на его сторону[17]. Против него были двинуты две армии — в 300 тыс. и в 150 тыс. человек, но они не решались вступать в бой. Тюрки разграбили ряд пограничных округов и взяли множество пленных. Во всех открытых столкновениях китайские войска терпели поражения. Очевидно, эти операции имел в виду Тоньюкук, упоминая в автонекрологе об успехах на «Шаитунгской равнине»[18]. Тогда китайское правительство решило выбить у врага главный козырь — легитимизм. Наследник был возвращен из ссылки и назначен командующим армиями. Капаган-хан вынужден был отступить, но при этом он показал, что воевал вовсе не за династию Тан, а за себя и свой народ.

80 тыс. пленных, т.е. людей, фактически перешедших к нему, когда он выступал в защиту династии, были перебиты, после чего тюрки стали отступать. На обратном пути все китайские города и села были дочиста ограблены и население уведено в рабство. Война после этого не прекратилась, но восстановление династии сплотило силы империи. В 699 г.

15 Когда императрица У объявила наем солдат, то смогла набрать всего тысячу человек. Когда же принц из дома Тан был назначен полководцем Хэбэя, то к нему собралось 50 тыс. наемников (Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 445).

16 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 269.

17 Julien S. Documents... Vol. 4. P. 415; Хирт приводит соображения советника Се Дэна, согласно которым не следует привлекать на военную и административную службу кочевников, а уже принятых держать внутри страны, так как они, попадая к своим соплеменникам, вредят Китаю (Hirth F. Nachworte zur Inschrifte... S. 45).

18 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 66

были разбиты кидани[19], причем слава победы приписана двум искусным предводителям «из кочевых», бывших раньше врагами. Дело понятное: за Китай кочевники умирать не желали, но за империю Тан можно было пострадать. Чтобы привязать к себе кочевников, еще не ушедших к Мочуру, умная императрица пошла на то, чтобы улучшить их положение. В 701 г. был издан указ, запрещающий обращать тюрок в рабство[20]. Этим был положен предел злоупотреблениям чиновников и латифундиалов, которые, не имея возможности рассчитаться за вековые обиды со степняками, вымещали свою злобу на пограничных кочевниках, примешивая к ней немалую толику вульгарного корыстолюбия.

Указ сыграл свою роль, и успехи тюркских отрядов, нападавших на границу, несколько сократились. В 700 и 702 гг. тюрки совершали набеги на северный Китай, но дело ограничилось угоном скота и грабежом[21]. В 703 г. Капаган-хан поручил послу переговоры о браке его дочери с сыном наследника престола. Это означало мир. Действительно, три года продолжались переговоры и военных действий не было. За это время умерла императрица, и на престоле оказался тот самый Чжуицзун, именем которого так удачно прикрывался тюркский хан. Теперь началась открытая игра.

На западе. Жестокая война 698 г. на время поглотила силы и тюрок и китайцев. Этим воспользовался вождь тюргешей Учжилэ. Он стеснил вождя прокитайских элементов, бездарного хана Ашина Хусэло, который со своими сторонниками числом в 60-70 тыс. перекочевал во внутренний Китай в 699 г.[22]. Ядром территории тюргешского ханства была долина р. Или и северные предгорья Тянь-Шаня. Южная летняя ставка хана была расположена около современного города Токмака, а северная — на землях племени гун-юэ[23]. Чтобы узаконить захват, Учжилэ отправил в Китай посольство, во главе которого стоял его второй сын, Чжену. Посольство было принято благосклонно, и тем самым захват был санкционирован.

Но не так спокойно посмотрели на это тюрки. Они воспользовались тем, что в западной Джунгарии жили чуйские племена (потомки среднеазиатских хуннов), которых тюргеши еще не успели включить в свою державу. Стремясь «для расширения державы и власти кагана»[24] захватить подступы к Семиречью, ханские племянники Могилянь тардуш-шад и его

19 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 365.

20 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 452.

21 В 700 г. тюрки отбили около 10 тыс. лошадей у тангутов, поддавшихся Китаю в 660 г. (Грумм-Гржимайло Г. Е. пишет: на исходе 700 г. (?!) — Западная Монголия... С. 301-302). Этой операцией руководил племянник хана Могилянь (см.: Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 20).

22 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 295.

23 Chavannes E. Documents... P. 49.

24 Малов С.Е. Памятники... 1951. С. 40.

шестиадцатилетний брат Кюль-тегнн[25] двинулись в поход на чуйские племена и в 701 г. подчинили их[26]. Но план похода был гораздо шире: тюрки предполагали подчинить себе весь Согд, чем они восстановили бы единый каганат. Тюргеши нс пошли на обострение отношений, тюркские князья, видимо, тоже решили пока их не задевать, ио китайские власти в западных владениях ие могли смотреть спокойно иа успехи своих врагов. Тюркская иадпись сообщает о разгроме пятидесятитысячной имперской армии при Ыдук-баше и пленеиии ее вождя Оиг-тутука[27]. Но китайские хроники ничего ие говорят об этой битве, и поэтому приходится предполагать, что масштабы событий преувеличены, хотя битва все-таки имела место.

Пояснение. Предлагаемая трактовка этого события высказывается впервые: основанием для нее служит перевод С. Е. Малова, отличающийся от перевода П. М. Мелиоранского. У последнего «alty cub sogdak» переводилось: «согдаки шести чубов»[28]. Маркварт разъясияет загадочное «чуб» именем династии Чжао-ву, к которой принадлежали киязья шести согдийских владеиий: Кан (Самарканд), Ми (Маймург), Шы (Кеш), Хэ (Кушаиия), Цао (Усрушаиа) и На-се-бо (Несеф), завоеваниых, по мнению Маркварта, восточными тюрками в 701 г. Подтверждеиие своей мысли Маркварт видит в том, что в 701 г. согдийцы иашли помощь у тюрок против хорасанского эмира Мухаллаба ибн Абу Суфра[29]. Это отождествлеиие получило широкое распространение, но было подвергнуто уничтожающей критике Г. Е. Грумм-Гржимайло, который доказал невозможность похода на Согд в это время. Но он впал в другую ошибку - стал отрицать западный поход совсем, считая текст иадписи вымыслом[30].

Перевод С. Е. Малова позволяет опровергнуть оба крайних мнения. Малов переводит «шесть чубов и согдаков»[31]. Если под «чубами» считать чуйские племена чуюе, чуми, чумугунь, чубань двух отделов и шато (отпочковавшихся от чуюе)[32], то понятно, что покорение их, кочевавших в западной Джунгарии, Тарбагатае и иа Черном Иртыше, было задачей выполнимой; что же касается согдаков, то это была политика дальнего

25 Кюль-тегин — титул, аоторый он носил перед своей смертью и под аоторым он вошел в историю. Его юношеское ими неизвестно.

26 Шаваин считает, что царевичи покорили западных тюроа, или десять стрел (см.: Chavannes E. Documents... P. 282. N. 5). Это может быть признано только отчасти, так как ханы западных тюрок по-прежнему оставались союзниками империи. Вероятно, тюркам достались лишь племена, отделившиеся от ханских орд, т.е. и первую очередь чуюе, шато и т.д. При таком понимании не возниаает противоречий ни с фактами, ни с источниками. В надписи Бильге-хана прямо сказано: На восемнадцатом году я аодил с войском на Алты-Чуб и Согдаа, их народ и там победил (Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 20).

27 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 40; 1959. С. 20.

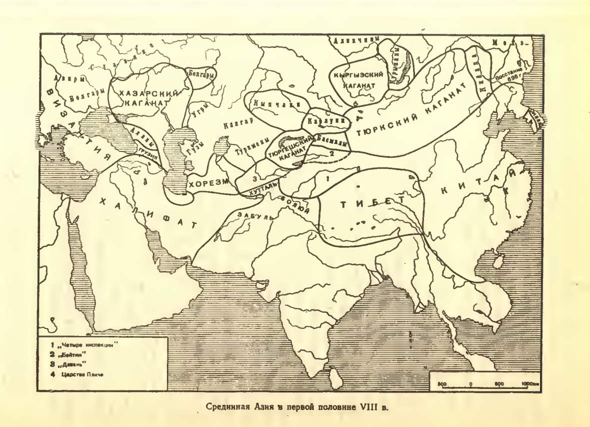
28 Мелиоранский П. М. Памятник и честь Кюль-тегина... С. 140.

29 Marquart J. Die Chronologie der altturkischen Inschriften. Leipzig, 1898.

30 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 304-309.

31 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 40.

32 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 289, 357.



Срединная Азия в первой половине VIII в.

прицела. Грумм-Гржимайло прав, когда указывает, что тюрками, которые в 700-701 гг. отстаивали Согд от арабов, были западные тюркюты, подданые империи Тан, а никак не восточные тюрки, которым незачем было защищать народ, который они стремились покорить. Но он неправильно отождествляет Онг-тутука с китайским полководцем Сян Ваном, который командовал имперской пограничной армией, но не был ни разбит, ни пленен. На этом необоснованном отождествлении и зиждется отрицание западного похода, ибо Кюль-тегин не успел бы перебросится за год из Согда на Орхон.

Но дело в том, что Онг-тутука, видимо, следует отождествить с полководцем Ван Сяо-цзе, выгнавшим в 692 г. тибетцев из бассейна Тарима[33] и продолжавшим оставаться там командующим полевой армией. Если это так, то понятно быстрое усиление тюргюшей, до сего времени безуспешно сражавшихся с имперским гарнизоном в Суйе[34] (так называлась крепость к востоку от оз. Иссык-Куль). Из этого следует, что в Западном крае возникла трехсторонняя война: импперские войска, даже проиграв битву при Ыдук-баше, держали в своих руках четыре инспекции (Карашар, Куча, Кашгар и Хотан) и Бэйтин (близ современного Гучена); запад контролировали тюргеши, а север — тюрки. До Согда тюрки действительно не добрались. Их жертвами оказались карлуки в верховьях Иртыша, а также хуву и шуниши (тюркские племена союза дулу), кочевавшие в юго-западной Джунгарии, в долине р. Юлдуз. К этому же времени надо отнести и покорение басмалов (703 г.), тоже живших в южной Джунгарии.

Очевидно, к этому нападению относятся сведения Цзю-Таншу: «Начиная с эпохи Чоугун (685-688; т. е. с неудачного похода Ашидэ Юаньчжэня на запад. — Л. Г.) десять родов подвергались беспрестанным нашествиям и грабежам тюрок Мочжо, они были частью перебиты, частью рассеяны и почти совершенно уничтожены (обычное китайское преувеличение. — Л. Г.), а затем, оставшись в числе не более 60–70 тыс., они вместе с Хушэло эмигрировали в Китай, где и поселились»[35].

«Син-Таншу», наоборот, считает, что главным врагом Хусэло был тюргешский Учжилэ[36], но надо думать, что оба правы: и тюрки и тюргеши равно угрожали остаткам западных тюркютов и вынудили часть их переселиться в Китай, под крыло своего сюзерена.

Силы Империи в Западном крае в период 700-704 гг. были ничтожны. Видимо, после поражения полевой армии при Ыдук-баше остались только гарнизоны в крепостях и никаких пополнений не поступало. Дейсвительно,

33 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 303, 305-307.

34 Согласно Шаванну, Суяб (Chavannes E. Documents... P. 77); но Грумм-Гржимайло полагает, что это Карашар (Западная Монголия... С. 303-304).

35 Chavannes B. Documents... PP. 42-43.

36 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 295.

новобранцы сражались в Маньчжурии с киданями и на берегах Хуанхэ с самим тюркским хаиом. Поэтому братья-царевичи могли попытаться добраться до Согда, хотя, судя по молчаиию иадписи, больших успехов они в этом направлеиии не достигли. Одиако тюркская угроза принудила имперское правительство примириться с усилением тюргешей хотя бы для того, чтобы обеспечить их нейтралитет. Это толкование поддерживает хроиологическое совпадение: вторжение тюрок в Джунгарию, бегство Хусэло и призиание Учжилэ — все это произошло в 699 г. Связь событий между собой несомненна.

Тюргеши. Подобно абарам и мукри, их потомки тюргеши не принадлежали ни к телеской, ии к чуйской, ни к собственно тюркской (тюркютской) группе[37]. Первые сведения о них относятся ко второй четверти VII в., когда они были перечислены в составе пяти племеи дулу[38]. Когда Западнотюркютский кагант был завоеваи китайцами в 659 г., тюргеши иаселяли два военных округа: Ву-лоу в верхней части долины р. Или, где жили роды согэ и мохо, и Го-шань, к западу от р. Или, где обитали алишэ[39]. «История дииасти Таи» о происхождении и этиической принадлежности тюргешей говорит только, что они делились на «желтые» и «черные» роды. Согласно иашему аиализу, «желтыми» были старожилы мукрийцы, а «черными» — пришельцы абары, причем и те и другие, слившись в одии народ, еще ие забыли, что они разиого происхождения.

Тюргеши были многочисленным народом. В момент кульминации хан Согэ имел 300 тыс. воинов. Эта цифра включала в себя кроме собственно тюргешей вспомогательные войска, составленные из соседних племен, подчииившихся тюргешам после развала Западиотюркютского каганата и пресечения державы Ашина. А ведь еще сравнительно иедавно Учжилэ, основатель династии, имел только 140 тыс. воинов и то благодаря тому, что «умел успокаивать подчиненных, чем приобрел уважение и довереииость их, и кочевые повиновались ему»[40].

«Черные» роды находились в меньшинстве, так как числеииость их была 300 тыс. душ (не воииов!), т. е. они составляли примерно треть тюргешского иарода.

Примеияя обычный коэффициент расчета отношений войска к иароду для варварских держав, где каждый взрослый мужчина — воии, можио с известной точностью определить численность тюргешей. Она колебалась от 500 тыс. до 700 тыс. человек, и это очень много по тем временам, если

37 Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа... С. 109.
38 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 289.
39 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 269.
40 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 296-297.

учесть, что население Китая в период максимального расцвета Танской династии (754 г.) достигало всего лишь 58 млн. душ обоего пола[41]. Но, унаследовав владения западнотюркютских ханов, тюргеши унаследовали и их политику - ориентацию на Империю. Тем самым тюргеши становились врагами тюрок, и последствия этого не замедлили сказаться.

Контрнаступление. Империя Тан не собиралась мириться с потерей Западного края. Она рассматривала завоевания тюрок, тюргешей и арабов как свои временные неудачи. Нужна была только новая полевая конная армия и талантливый генерал. Таким оказался тюркютский царевич Хянь, томившийся в ссылке как сын казненного хана Юанькина. Как только он понадобился, его простили.

В 703 г. был заключен мир на востоке, и сразу же, в 704 г., изменилось положение на западе. Два западнотюркских хана, Хуай-дао и Хянь, были присланы с войсками. Хянь усмирил 30 тыс. кибиток к западу от р. Чу.

На сторону Империи передались сначала шато в 704 г., а затем западные тюркюты и карлуки в 705 г. К 706 г. было восстановлено исходное положение.

Но как тогда объяснить инертность тюргешей? Очень просто: с юга нажали арабы. В 705 г. Кутейба взял Балх, в 706 г. — Пайкенд, но согдийцы и «турки» заставили его отступить. Эти «турки» хроники Табари были тюргеши[42]. Необходимость защищаться против общего нового врага примирила их с китайцами, а китайских министров вынудила признать новую державу, необходимую как заслон на юго-западе. Становится понятно, почему Хянь, подчинив земли на запад от Чу, пощадил тюргешей и за какие заслуги Учжилэ в 706 г. был пожалован княжеским достоинством[43]. В 707 г. тюргеши снова отбросили Кутейбу от Бухары. Только разногласия между тюргешами и согдийцами позволили арабам отступить в Хорасан. Вскоре Учжилэ умер, оставив в 708 г. своему сыну Согэ благоустроенную орду, 300 тыс. (?!) войска, союз с Китаем и войну с арабами[44]. В том же году Кутейба был снова отброшен от Бухары, и Согэ оказался гегемоном всей Средней Азии. Нас могла бы удивить пассивность тибетской политики, если бы не было известно, что с 707 по 710 г. она обратилась острием на юг.

Южные китайские войска покорили в джунглях Юньнани племена маней и обложили их двойной податью. В 710 г. мани восстали и призвали

41 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 338.

42 Вождь тюргешей назван племянником китайского императора. Это титул, а не степень родства (см.: Бичурин Иакинф. История Тибета... С. 162).

43 Barthold W. Die alttürkischen Inschriften... S. 7-8.

44 Р. Жиро пишет, что Учжилэ умер от холода зимой 706 г. (Giraud R. L'Empire des Turcs... P. 43). Что он под этим подразумевает? В Средней Азии можно умереть от многих причин, но только не от холода, ибо кочевник разведет костер при любом морозе.

на помощь тибетцев, которые, воспользовавшись этим, принудили китайцев за отступление дать им царевну и уезд Цзюцюй в Хэси в виде приданого. Этот участок земли имел огромное стратегическое значение как кормовая база для лошадей при подготовке набегов на Китай. В дальнейшем этот факт оказал немалое влияние на ход событий[45].

Коалиция. Трехлетнее перемирие 703-706 гг. принесло больше пользы Империи, нежели Каганату. Убедившись в бесцельности оборонительных и наступательных мероприятий, китайцы стали действовать при помощи подкупов. Объектом подкупа оказались токуз-огузы, которые, несмотря на все заигрывания хана, не забывали о счастливой поре, когда они, спокойно кочуя по степи, получали щедрые подарки императора. Во время перемирия сын убитого на Толе Баз-кагана (кит. Били), Дугяйчжи, с уйгурами и племенами киби, сыге и хунь дезертировал от хана, перешел Гоби и поддался Империи. Его поселили около Лянчжоу, в Алашане и в Ганьсу и брали «сильных конников на пополнение»[46].

Для тюрок отпадение уйгуров было большим ударом, так как указывало на порочность их внутренней политики, тем более что движение среди токуз-огузов было шире, чем изображают это китайцы. В то же примерно время тюркские царевичи Могилянь и Кюль-тегин подавили восстание племени байырку, обитавшего в Восточном Забайкалье[47]. Байырку были разбиты у оз. Тюргияргун (оз. Торей между Ононом и Керуленом), но их вождь Улуг Иркин отбился и бежал[48], очевидно в Китай, — больше было некуда.

Признаки были грозные, но Капаган-хан, ослепленный собственным величием, решил покарать лицемерного императора. В 706 г. тюрки ворвались в северный Китай, наголову разбили регулярные войска полководца Шача Чжуна и угнали казенных лошадей с пастбища. Лошади предназначались на ремонт кавалерии.

Битва при Минша[49] красочно описана в большой надписи Кюль-тегина. Под Кюль-тегином было убито три коня, а доспехи и плащ его были утыканы «более чем ста стрелами». Снова выявились качества обученной тяжелой конницы, способной к повторным атакам, которых в этой битве было три. Китайцы определяли свои потери в 10 тыс. человек, что позволяет

45 Бичурин Иакинф. История Тибета... С. 156-158.

46 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 306.

47 Там же. С. 344.

48 Малов С.Е. Памятники... 1951. С. 41.

49 Минша — городок в восточной Ганьсу, на правом берегу Хуанхэ (см.: Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 310). Видимо, тюрки избрали этот участок объектом нападения, чтобы покарать изменивших им уйгуров, так как дорога туда шла через предгорья Алашаня, предоставленные уйгурам для поселения (ср.: Cordier H. Histoire generale... P. 450; Julien S. Documents... Vol. 4. P. 426; Chavannes E. Documents... PP. 181, 189; Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 139).

восстановить ход битвы. Очевидно, легковооруженные стрелки пытались отразить атаку градом стрел и это им дважды удалось, но третья атака вызвала панику, и тюрки кололи бегущих. Только так могла возникнуть столь большая потеря. Судя по тактике боя, в китайской армии сражались перебежавшие уйгуры.

После этого переговоры были прерваны, и император назначил награду за голову хана. Однако наступать на Халху имперские войска не отважились, они ограничились постройкой трех крепостей на подступах к Ордосу. Здесь мы наблюдаем законченное перерождение психики: из степной она стала китайской, и параллельно возвращалась китайская система обороны, как будто воскресало Ханьское время с неприступными для хуннов крепостями, пехотными ополчениями из «молодых негодяев» и полководцами-фаворитами[50]. И сейчас, когда в 708 г. командующим был назначен восьмидесятилетний старик, чего же было ждать от армии.

Инициатива перешла к тюркам. Мочур казнил имперского посла и в 708 г. повторил набег на китайскую границу. Об этом набеге повествуется столь глухо, что, очевидно, реального сопротивления тюркам оказано не было. Имперцы послали к хану нового посла, который умер в дороге, не выполнив возложенного на него поручения[51].

Но дипломатия и подкуп сделали свое дело. Ситуацию 709 г. блестяще описал мудрый Тоньюкук: «Каган табгачский был нашим врагом. Каган десяти стрел (западных тюрок, в данном случае тюргешский хан Согэ. — Л. Г.) был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, сказали: „да пойдем мы на Алтунскую чернь". Так они рассудили и сказали: „да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана. (Отсюда видно, что предполагалось нанести комбинированный удар с запада, в тыл тюркам. — Л. Г.). Если мы не пойдем на него, как бы то ни было он нас победит: каган — герой, а советник его мудрец, он, возможно, окажется нашим убийцей. Втроем мы объединимся, отправимся в поход и уничтожим его". Тюргешский каган сказал так: „Мой народ там будет, — сказал он, — а тюркский народ в смятении, огузы же его, — сказал он, — находятся в рассеянии"»[52]. Действительно, тюрки оказались в окружении и, для того чтобы спастись, должны были найти неожиданный для противника выход. Они его нашли.

50 Гумилев Л. Н. Хунну. С. 128, 140.

51 Julien S. Documents... Vol. 4. P. 427.

52 Тут подтверждается предложенное выше значение термина огуз — община, марка, хозяйственная единица. Овладев значительной территорией, тюрки рассеялись на ней и, естественно, жили порознь друг от друга, что необходимо при кочевом и скотоводческом образе жизни. Тюргешский хан отметил именно это обстоятельство, так как провести быструю мобилизацию при рассеянии невозможно. Вместе с тем, рассеяние было тюркам необходимо для прокорма скота в боевых конях. В этом смысл лаконичного замечания Тоньюкука, который не спал ночей, придумывая способ спасения своего народа.

Первый удар. Мудрый Тоньюкук сохранил свой пост ханского советника и при Капаган-хане, но не порвал связи с опальными царевичами, а, наоборот укрепил ее, выдав свою дочь Пофу за законного наследника престола — шада тардушей Могиляня. Командуя войсками на западной границе Каганата, Могилянь в 709 г. ворвался в область чиков и, форсировав верховья Енисея, разбил их войско при Орпене[53], а вслед за тем подчинил и азов[54]. В это же время он подчинил всю территорию современной Тувы, но главный враг — кыргызы — оставался неуязвим за надежным естественным прикрытием — Саянским хребтом. Покорение чиков и азов отдалило опасность кыргызского нападения, но не устранило ее.

Тогда снова вмешался Тоньюкук. Он предложил взять инициативу в свои руки и, не дожидаясь лета, напасть на кыргызов, чтобы, воспользовавшись неожиданностью, разбить их. Самая большая трудность была в том, чтобы перебраться через Саянский хребет в необычном месте, потому что перевал через Когмэн (западные Саяны) охранялся. Штурмовать перевал не имело смысла, так как кыргызы могли выставить 80 тыс. воинов и задержать тюркскую армию до прихода тюргешей и табгачей-имперцев. В отношении мобилизации кыргызы имели огромное преимущество: у них было поливное земледелие[55], и, следовательно, население жило компактно. Равным образом наличие соломы позволяло откармливать коней, не угоняя их очень далеко от дома. Надежду на успех похода тюрки могли иметь лишь при условии внезапности нападения. Тоньюкук нашел проводника «из степных азов», который взялся указать другую дорогу.

Задуманный поход больше походил на отчаянную авантюру, но хан согласился, назначил начальником Тоньюкука и дал ему в помощь своих немилых племянников. Дальнейшие события великолепно изложены самим Тоньюкуком[56]: «„Я приказал двигаться войску; я сказал: садись на коней! — Переправляясь через Ак-Тэрмель, я приказал остановиться лагерем. (Очевидно, здесь было оставлено все лишнее, вернее, все, что можно было оставить. — Л. Г.). Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег [вернее, в снегу]. Я взошел с другими на верх горы, ведя лошадь в поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами[57]. Передние люди протоптали дорогу, и мы перевалили через вершину, поросшую лесом. С большим трудом мы спустились, и в десять ночей (днем идти остерегались,

53 Местонахождение установить не удалось.

54 Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 20.

55 Киселев С. В. Древняя история... С. 570-572.

56 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 67; ср.: С. 41.

57 С. Е. Малов предполагает на лыжах . Этого не может быть! Лыжник легко пройдет там, где застрянет лошадь, а тюркам было важно перевести боевых коней, и для них, а не для себя они протаптывали дорогу в снегу.

чтобы не вспугнуть врага) мы прошли до склона горы, обойдя завал. Проводник, сбившись с пути, был заколот. Мы шли вниз, по течению реки Аны. Чтобы пересчитать свое войско, мы приказали остановиться, а лошадей мы привязали к деревьям. (Видимо, немало отстало и замерзло, — Л. Г.). И ночью и днем мы быстро скакали. На кыргызов мы напали во время сна... проложили путь копьями. Хан их и войско собрались"»[58].

О бое хорошо повествует Йоллыг-тегин: «С их каганом мы сразились в черни Сунга. Кюль-тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа поразил стрелою, двух мужей заколол копьем, одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Кыргызского хана мы убили и державу его взяли»[59]. Тоньюкук поясняет: «Хана их мы умертвили. Кыргызский народ вошел в подчинение кагану и повиновался ему».

Итак, благодаря исключительной находчивости Тоньюкука, мужеству Кюль-тегина и выносливости тюркских ратников один из членов коалиции был выведен из строя. Надо полагать, что покорение земли кыргызской было номинальным, так как Тоньюкук гарнизонов там не оставил, но теперь можно было не бояться удара в спину и сосредоточить внимание на западной проблеме.

Второй удар. Тюргешский хан Согэ заключил в 708 г. союзный договор с Китаем[60]. Очевидно, именно этот договор имел в виду Тоньюкук. Но обширная тюргешская держава была непрочна, так как она унаследовала деморализацию, погубившую Западнотюркютский каганат. По причинам, вероятно далеким от государственной политики, «Согэ поссорился со своим предводителем Кюэ-чжо [Кули-чур] и оба начали жестокую войну между собой»[61]. Согэ пожаловался на своего подданного китайскому правительству, но тот дал взятку и добился присылки чиновника, который должен был решить дело в его пользу. Согэ случайно перехватил переписку и убил чиновника. Затем, вместо того чтобы бороться с тюрками, он напал на крепость Аньси (Куча), где разбил китайские войска. Сделал он это для того, чтобы заставить китайское правительство с ним считаться, и цели своей достиг. Император Чжуицзуи «простил его», и мир на западе был восстановлен. Однако время для войны с тюрками было упущено, и отношения между союзниками не стали искренние.

Как только кончилась одна беда, началась другая. Согэ выделил удел своему младшему брату Чжену, но последний обиделся, так как решил, что

58 Когмэнский перевал — перевал в Шабиньдабе, в западных Саянах. Ставка кыргызского хана располагалась в долине р. Абакан (Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 297).

59 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 41.

60 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 297.

61 Там же.

ему мало дали, и в 710 г. переметнулся на сторону тюркского хана, чтобы разделаться с родным братом.

Видимо, Чжену имел в виду мудрый Тоньюкук, когда писал: «От тюргешского кагана пришел лазутчик (korug, а может быть, здесь вернее «наблюдатель»? — Л. Г.) Слово его таково. Отправимся походом, говорит он, с востока на кагана. Если мы не пойдем походом, то он нас победит. Тюргешский каган отправился в поход — говорит он — народ «десяти стрел» без остатка отправился в поход, говорит, среди них есть войско табгачей»[62].

Капаган-хан сам не решился нападать на тюргешей, так как его главные силы были сосредоточены на востоке и дело представлялось ему слишком рискованным. Под предлогом похорон жены он остался в ставке, выставив в Алтуйской черни (хребет Алтаин-нуру) заслон в 20 тыс. всадников[63]. Начальниками над этим войском он назначил своего младшего сына Инэль-кагана[64] (ср. Ине-хан) и тардушского шада Могиляня, а советником-руководителем (начальником штаба) — Тоньюкука. Тоньюкуку была дана строгая инструкция держаться исключительно обороны — «не давать себя раздавить»[65], собирать перебежчиков и информацию. Но, не будучи уверен в том, что Тоньюкук выполнит приказ, хан предписал апа-тархану (уполномоченный, комиссар) не разрешать Тоньюкуку рисковать наступлением. Очевидно, неудача предыдущего похода была очень памятна тюркскому хану.

Однако Тоньюкук поступил по-своему и двинул маленькую армию в наступление. Верный своему обыкновению действовать неожиданно для противника, он перешел через покрытые густым лесом отроги Алтаин-нуру[66], переправился через Черный Иртыш и, двигаясь форсированным маршем, за одну ночь достиг р. Болчу, т. е. Урунгу[67]. Там тюрки натолкнулись на передовой отряд тюргешей. Те беспечно спали, не ожидая, что враг может появиться столь внезапно, и были перебиты[68]. Захваченные в плен сообщили тюркским предводителям, что «в степи Ярышской собралось

---

62 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 67.

63 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 297.

64 Там же. С. 272.

65 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 68.

66 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 313.

67 Болчу и Болчу-огуз, по-видимому, одно и то же. Река эта упоминается в четырех рунических надписях: (Кюль-тегина, Тоньюкука, Бильге-хана и Моянчура) и в уйгурской Уланкомской надписи (см.: Щербак А. М. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии // Эпиграфика Востока. 1961. Т. XIV. С. 23-25). Согласно Тоньюкуку, тюрки, переправившись через Черный Иртыш, достигли Болчу за одну ночь, т.е. расстояние между этими реками не могло быть больше 100 км. Максимальное расстояние от Черного Иртыша до Урунгу 80 км, а минимальное - 50 км. К югу от р. Урунгу лежит широкая равнина, которую легко сопоставить с Ярышской степью, где группировались основные силы тюргешей.

68 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 41; 1959. С. 21.

десять тюменов войска», и тюркские беги высказались за отступление, но Тоньюкук, считая необходимым использовать момент внезапности, настоял на нападении. Тюрки атаковали тюргешское войско и нанесли ему небольшое поражение[69].

Необходимо отметить, что численное превосходство тюргешей было не так уж велико. Сам Тоньюкук определял его следующим образом: «их два крыла наполовину были многочисленнее»[70]. Очевидно, «десять тюменов» соответствовали ополчениям «десяти племен» и были укомплектованы не полностью. Кроме того, в двух первых победах тюрки нанесли тюргешам изрядный урон. Тем не менее тюргеши оправились и сами напали на тюрок, «пламенея, как пожар». Тут опять сказались боевые качества тюркской конницы - тюргешское войско было разбито наголову, а каган Согэ попал в плен. Тюргешская держава развалилась. «Беги и народ десяти стрел все пришли и подчинились»[71]. Развивая успех и преследуя остатки тюргешей, тюркская армия двинулась на юг и дошла до прохода Бузгала, называемого тюрками «Железные Ворота». Там они собрали огромную дань с согдийцев. Но дальнейшее продвижение было остановлено арабами, двигавшимися на Среднюю Азию с юга. «Мужественные воины на нас напали»[72]. Только героическая борьба Кюль-тегина, который прикрыл отступление, позволила основным силам тюрок оторваться от противника[73]. Слух об этом столкновении докатился даже до Тибета[74].

Во время этой операции Кюль-тегин покрыл себя славой, так как он сумел разбить отступивших на юг тюргешей и Кошу-тутука, т. е. одного из последних ашибийских князей, еще сохранившихся в Средней Азии[75]. Вторая задача была решена так же блестяще, как и первая: в 710–711 гг. опасность с запада была ликвидирована.

Когда Капаган-хан получил известие о полной победе, пленного Согэ и трофеи, он счел запад вполне завоеванным и существование тюргешских ханов излишним. Поэтому он сказал изменнику Чжэну: „Вы, будучи родными братьями, не могли жить в согласии между собою; можете ли с совершенной преданностью служить мне?" — и казнил обоих в 711 г.

Однако он поторопился: запад был разбит, но не завоеван. Карлуки, жившие по берегам Черного Иртыша и в Тарбагатае, «ради свободы и независимости» выступили против тюрок. Борьба с новым врагом сковала

69 Напали и прогнали (Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 68).

70 Там же. С. 68-69

71 Там же. С. 69.

72 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 41.

73 Barthold W. Die altturkischen Inschriften und die arabischen Quellen. SPb., 1899. 1-2 S. 18.

74 Bacot J. Reconnaissance..., Vol. 254. N 2. 1956. P. 147.

75 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 315, Chavannes E. Documents... P. 35, 68; Pulleyblank E. G. The Background of the rebellion of An Lu-shan. London, 1955. P. 11.

силы западной армии на несколько лет. Надежным приобретением оказалась лишь западная Джунгария, где тюркам подчинились мукрины (кит. могэ[76]). В Согде тюрки не удержались, судя по тому, что в 713 г. некий Мохэдо Тутунь (Багадур-тудун) «за оказанные в войне услуги»[77] был поставлен имперцами вассальным владетелем Ташкента. Попытка западных тюрок сбросить власть империи в 714 г. также не имела успеха. Имперский генерал Ашина Хянь разбил повстанцев у Суйшэ (Токмак) и казнил их вождя. После этой победы карлуки, хулуву и суниши признали себя подданными (разумеется, номинально) Империи, т.е. вступили с ней в союз против тюрок и тюргешей[78].

К середине VIII в. имперцы свели на нет все успехи тюрок в Согде. Но деятельность Тибета сковала китайскую активность в Западном крае, так же как карлуки сковали армию Кюль-тегина. Выиграли при этом арабы, успевшие закончить покорение западного Согда и Тохаристана.

В конце 711 г. тибетцы перенесли военные действия в Западный край. Спасаясь от них, племя шато перекочевало от оз. Баркуль под защиту имперского гарнизона в Бэйтине. В 713 г. тибетские войска вступили в Ферганскую долину, заключили союз с арабами и вместе посадили в Фергане своего ставленника по имени Алуда. Но в 715 г. наместник Кучи, опираясь на местные силы и ополчение окрестных племен, вторгся в Фергану, принудил узурпатора спасаться бегством и восстановил власть законного князя. Тибетцы были вынуждены уйти обратно, а арабо-имперская граница на время стабилизировалась.

Третий удар. Неудача коалиции на западе не устранила для тюрок опасности китайского наступления на востоке. Предпринять наступление через Гоби на Алтай имперцы не могли, так как тюрки отняли от них районы, поставлявшие лучшую конницу, и теперь большая часть имперской армии оказалась укомплектованной китайцами. Поэтому объектом наступления была выбрана Маньчжурия, именно западная ее часть, где жили татабы.

В 712 г. стодвадцатитысячная китайская армия, разделенная на три корпуса, напала на татабов и была разбита. При паническом отступлении погибло «несколько десятков тысяч» ратников и «два генерала сдались в плен». Татабы передали пленных тюркскому хану, а тот приказал их казнить. Казнь осталась неотомщенной, так как «двор был тогда озабочен множеством дел и не имел времени усмирить»[79].

76 Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. М., 1961. Т. II. С. 106-109.
77 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 272.
78 Chavannes E. Documents... PP. 78, 283.
79 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 372.

Неудачлнвый нмператор Чжунцзун был отравлен своей любнмой женой, н престол занял Сюаньцзун. Тюркскнй хан ультнматнвно потребовал заключення мнра, скрепленного браком, н нмперскому правнтельству прншлось смнриться: за хана выдали дочь князя с тнтулом княжны, н в 714г. была «послана милостнвая грамота»[80].

Это была вершнна тюркского военного могущества.

Но на этом не кончнлнсь бедствня Імперни. Успехн татабов пронзвелн впечатленне на некоего мелкого вассального князька в восточной Маньчжурнн Цицнка Чжунсяна. Начнная с 696 г. он нападал на китайскне владення в южной Маньчжурин н Корее н наконец создал для себя государство, включившее, в частности, центральную н юго-восточную Маньчжурню (Фуюй н Чаосянь) н даже Корею (Бяньхань). Имперское правнтельство вынуждено было прнмнрнться со случнвшнмся. Новое царство получило названне Бохай.

Імперня Тан пережнвала полнтнческнй крнзнс. Она постепенно превращалась в кнтайское царство.

Наступление арабов. К началу VIII в согднйскне княжества Мавераннахра — этой густо населенной н очень богатой страны — оказалнсь совершенно неспособны к самозащнте. Всем было очевидно, что победа арабов несет мужчинам смерть, а женщннам н детям плен н продажу на невольннчьих рынках. Однако каждая крепость защнщалась в однночку н гибла. Переломнть свой сепаратнзм н органнзоваться согдийцы не сумелн. Только тюргешн отбивалн арабскне отряды.

Мало этого, даже со свонмн защнтннкамн, тюргешамн, согднйцы не умелн найтн общий язык. Только разногласня между спасаемымн н спаснтелямн в 707 г. далн возможность стесненным арабам унестн ноги в Хорасан. Такне же неурядицы повторилнсь в 709 г., н это позволило Кутейбе взять Бухару. Разгром тюргешей тюркамн в 710 г. совпал с захватом арабамн Шоумана, Несефа, Кеша н подчнненнем Талекана. Краснвые города былн сожжены, населенне вырезано илн уведено в плен. Караваны, нагруженные награбленным золотом н шелкамн, непрерывно шлн в Дамаск, но Кутейба хотел большего.

В 711 г. он вмешался в ссору жежду хорезмшахом н шахом Хамджурда, восстановил хорезмшаха на престоле н с его помощью разгромил Хамджурд. Затем, мобилнзовав покоренных бухарцев, несефцев н хорезмнйцев, напал на Самарканд. Самаркандцы отчаянно сопротнвлялнсь, потери с обеих сторон былн очень большне, но, чувствуя, что удержаться протнв арабов не удастся, онн направилн послов за помощью к ншхиду Ферганы, князю Чача, кагану турков (вероятно, тех же тюргешей) н к кнтайскому

80 Там же. С. 272.

императору. Какую помощь могли оказать Самаркаиду разгромленные тюрками тюргеши? Никакой! В Чаньань посол добрался лишь в 713 г., но император в помощи отказал: ему были нужны войска против тюрок[81]. Впрочем, помогать было уже поздно. «Князь Чача и ишхид согласились с письмом самаркаидцев, где было написано: «если арабы победят Согд — придет и вам черед»»[82], и двинулись на выручку. Кутейба получил об этом информацию и направил против них своего помощника Солейхи Муслима. Последний в ночном бою у деревни Бек-Обод разбич чачцев и ферганцев. Самаркаид пал.

Осенью 712 г. Кутейба с несметной добычей и с толпами пленных вернулся в Мерв.

В 713 г. он мобилизовал уцелевших от прошлогодней резни согдийцев и, пополнив ими свои войска, напал на Ходжент, Фергану и Чач. Ходжент и Фергана пали, но Чач устоял. Назначенный туда имперцами на должность правителя некий тюрк Багадур-тудун отбился от арабов[83].

В Ферганской долине арабы могли столкнуться с китайцами, так как именно там была резиденция губернатора Западного края, но сведений об этом нет ни у тех, ни у других. Скорее всего оба противника старательно обходили друг друга, предпочитая не сталкиваться.

В 715 г. Кутейба пытался проникнуть в Восточный Туркестан, но известие о смерти халифа Валида заставило его вернуться. На обратном пути он был убит одним из своих военачальников за попытку поднять мятеж. Эпоха завоеваний на время кончилась.

По не следует связывать приостановку арабского наступления только с гибелью полководца. Огромные потрясения в тюркском каганате позволили талантливому хану Сулу восстановить тюргешскую державу — барьер против арабской агрессии. Равным образом имперское правительство избавившись от тюркской угрозы, сумело удержать свое влияние в восточной части Ферганской долины. В 715 г. имперское войско, укомплектованное западными, десятистрельными тюрками, выгнало арабов и тибетцев из Ферганы. Но в 716 г. тюргеши нанесли имперским войскам поражение, а в 717 г. арабы и тибетцы снова напали на имперские укрепления Кашгара.

А в Китае... Как бы тюрки, арабы и тибетцы ни свирепствовали на границах Империи, самую страшную опасность для нее представляли китаянки. Императрица Вэй Шэ, супруга слабовольного императора Чжунцзуна, попыталась осуществить неудачную авантюру своей страшной предшественницы У-хоу. Благодаря влиянию на мужа ей удалось добиться казни

81 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 311.
82 Гафуров Б. Г. Таърихи мухтасари... С. 99.
83 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 311.

его верных слуг, но, страшась того, что глаза императора откроются и он поймет, кто ему враг, она вместе со своей соперницей, принцессой Ан-ло, отравила его. Скрыв смерть монарха, заговорщицы подделали его подпись под указом об отречении от престола и возведении на трон его сына.

Разумеется, нмператрица назначила себя регентшей. Но затея и на этот раз не удалась. Родственник отравлеиного Чжунцзуна, Ли Лун-кн, учеиый, хороший военачальиик, уважаемый и любимый офицерами, солдатами н чнновннкамн, привязанными к династни Тан[84], встал во главе отборных войск, ворвался во дворец, отрубил головы обеим заговорщицам и возвел на престол своего отца Жуйцзуна (710 г.)[85]. Последний питал отвращение к ремеслу правителя и в 712 г. отрекся от престола в пользу своего сына (посмертный титул — Сюаньцзун).

Имперня Таи выдержала еще одно испытаиие, ио каждая победа ей давалась очень ие легко.

Новый император простотой обращения и привязаниостью к своей семье завоевал снмпатии сторонннков династии. Это помогло ему легко ликвидировать заговор своей тетки, которая пыталась его отравить. Заговорщикн былн казнены.

Затем в 714 г. был издан закон против буддизма, служившего опорой нмператрицы У. Буддийскнм монахам, исключая стариков н больных, было предложеио вернуться к своим семьям, т.е. в податиое сословие, а почитанне изображеннй Будды было запрещено[86]. Прекратились вечные заговоры при дворе, постепенно восстановилось нормальиое управлеиие, и через несколько лет империя Тан обрела силу не меньшую, чем при первых императорах[87]. Ее положенне кратко, но выразительно охарактернзовал Тоньюкук: „Сын Неба воинствен, народ в согласни, годы урожайиы... иельзя тронуть их"[88].

Но на западе собнралась новая гроза — тибетцы заключили союз с арабами, а вождь черных тюргешей Сулу обьявил себя хаиом.

Запрещение исповедовать буддизм больно ударило по населению Кучи и Карашара, где буддизм был господствующей и привычиой идеологией около 500 лет. Смеиить укоренившееся мировоззрение по приказу оно, естественно, не могло, но иеповиновение означало бунт, обреченный на неудачу. Однако кучасцы вывернулись чрезвычайио остроумным способом, о чем сохраиилось сведение в одном из согдийскнх документов с горы

---

84 Gaubil. Abrege... P. 2.

85 Mailla J. A. M. Histoire generale... VI. P. 201.

86 Cordier H. Histoire generale... P. 453; Mailla J. A. M. Histoire generale... VI. P. 201.

87 Буддизм был популярен среди низов китайского общества, но его ненавидело служилое сословие, придерживавшееся конфуцианства и выдвинувшее своей программой полное запрещение буддизма и даосизма, вплоть до сожжения буддийских книг (см.: Конрад Н. И. Начало китайского гуманизма // СВ. 1957. N 3. С. 78).

88 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. 1. С. 274; Julien S. Documents... Vol. 4. P. 460.

Муг (документ А-9): «И есть такой слух: кучинцы и «им» [очевидно, древнее назваиие Карашара, в китайской передаче — Яи], весь иарод, в брахманскую веру перешли [вышли] — н зиать, н купцы, н простой иарод [работннкн], н 14 000 духовнях наставииков [учителн, baxsi]»[89].

Этот текст, датируемый 714 г.[90], поиимать буквально невозможно, прежде всего потому, что брахманизм не прозелнтическая религия, и, для того чтобы войтн в нее, надо быть членом касты, а это возможно лншь для роднвшихся в ней. Затем, если бы подобная смена релнгии действительно имела место, то это не могло бы не оставить следа на нсторин Притяньшанья; однако впоследствии мы виднм, что населенне Кучн н Карашара продолжает оставаться буддийским. Даже незначнтельные проннкновения манихейства и хрисстнанства отразилнсь в пнсьмениостн этой страиы, но от брахмаизма иет н следа. Думается, что дело обстояло иначе, чем передает «слух» или «молва». Указ императора в Кучу привез пограничный военный чиновинк, а эти люди в философских тонкостях не разбнрались. Он только требовал, чтобы приказ был выполнеи, дабы потом отчитаться. Все нсповедания, кроме будднзма, были разрешены, а о брахманизме н его догматике и обрядах моглн нметь некоторое, хотя н весьма отдаленное представление только ученые, связаииые с буддизмом же, но иикак не пограиичные власти. Следовательио, кучасцы и карашарцы смело могли заявить, что нмператорскнй приказ ими выполнен и онн нсповедуют незапрещенную веру. Ннкто не мог доказать, что это не так. Да н ии у кого ие было надобности разоблачать этот обмаи, так как буддизм был одиозен в Кнтае, где он сопернннчал с другими идиологическими системами, а не в Куче, где он был едииственным и привычиым мировоззрением, никому не мешавшим.

Неукоснительное выполиеиие указа по существу могло вызвать лишь нежелательные эксцессы, а обычный для китайской адмииистрации формализм создавал в конкретном случае выход из положеиия. Разумеется, о том, что буддисты обманули императора, крнчать на базарах было все-такн небезопасно, н поэтому до Согда докатилась официальная версия, которая в контексте пнсьма звучнт как презумпция того, что автор письма, «услышав такое», отправился в Хутталь и дал совет адресату оставаться на месте, и т. д. Ииыми словами, упомннаиие о кучасцах вставлено для характернстики положения в западных районах Импернн, которое в это время было устойчиво.

Эволюцня военной системы. Для того чтобы поиять всю остроту создавшегося при Сюаиьцзуне положения, необходимо рассмотреть эво-

89 Лившиц В. А. Два согдийских документа с горы Муг // ВДИ. 1960. N 2. С. 79.
90 Там же. С. 81.

люцию военной системы фубин, отмененной в 723 г. Не будет преувеличением сказать, что упразднение этой системы повлекло за собой последствия, еще более значительные, чем ее установление. Система фубин восходит к военной организации племени тоба, завоевавшего в IV в. северный Китай. По этой системе служба в армии была обязательна для сяньбийских родовичей. В виде вознаграждения за ними закреплялись участки земли, и несущие воинскую повинность освобождались от всех остальных повинностей. Служба была наследственной, и постепенно воины сделались привилегированной кастой.

Сначала эта армия комплектовалась исключительно из сяньбийцев, но потом ее стали пополнять богатыми китайцами из Шаньси и Шэньси, так как эти районы примирились с инородческой династией, после того, как она официально приняла китайскую культуру и признала государственным китайский язык. Этот компромисс сделал возможным сохранение системы фубин и при победе китайского элемента, т. е. при династиях Бэй-Чжоу и Бэй-Ци. Но тогда по закону 564 г. воинская повинность распространилась и на простой народ, так что были организованы две параллельные системы, и армия благородных — фубин — была уравновешена армией из народа. Вслед за этим в фубин стали включать неимущих, как чужеземцев, так и китайцев, и обязательная служба была установлена на шесть месяцев в году. При династии Суй положение фубин еще более ухудшилось: по указу 590 г. воинов стали заносить не в особые «военные списки», а в «гражданские подворные реестры», т.е. освобождение от податей на них более не распространялось. Эта мера характеризует политику Суй, направленную на искоренение остатков сяньбийского владычества в Китае.

Победа династии Тан на время оживила фубин. По указу 650 г. командирам кроме земельного участка было положено денежное жалованье, и, хотя система занесения в «гражданские подворные реестры» не была изменена, воинство фубин подчинялось не гражданской администрации, а окружным военачальникам[91]. Фубин было использовано, однако, не против внешнего врага, а для укрепления династии, непопулярной в массах китайского населения. Большая часть войск фубин была сконцентрирована вокруг столицы, а не на границах. Пограничные же войска, или конно-стрелковая стража, пополнялась путем найма кочевников[92].

Политика компромисса с китайским населением сделала ненужными войска фубин. Указом 723 г. эта система была практически упразднена, и желавшие продолжать военную карьеру поступали в пограничные войска,

91 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 442-444.
92 Ibid. S. 98

а указ 735 г. упразднил ее и юридически[93]. Этим актом закончилось расслоение китайской и некитайской половины империи, слияние которых оказалось невозможным. С этого времени в Хэдуне начал складываться особый этнический субстрат. Пограничная стрелковая армия оказалась единственным прибежищем всех осевших в Китае некитайцев, для которых национальный подъем китайского населения не сулил ничего доброго. Только преданность династии, перерождение которой они не хотели замечать, еще связывала профессиональную армию и многомиллионный народ, ненавидевшие друг друга.

Борьба имперского и китайского начал нашла свое отражение и в литературе. Китайская поэзия эпохи Тан проникнута наивным пацифизмом, за которым легко увидеть оппозиционные настроения и замаскированное осуждение правительственной политической линии. Обратная точка зрения дошла до нас, как это ни странно в корейских переводах или переделках древних стихов тех воителей, которые после поражения своей страны пошли на службу к победителю, императору Тайцзуну.

Имена некоторых корейцев — танских полководцев — сохранились для истории, как, например, Хэчи Чжан-чжи и Гао Сянь-чжи, но поэты, воспевшие подвиги корейских войск эпохи Тан, жили в XV в.[94].

Трудно сказать с уверенностью, использовали ли они старые корейские стихи, или сделали перевод созвучных им китайских, или сами воплотили живую традицию военной славы, дошедшую до них через восемь веков, но так или иначе ситуация, описанная ими, неповторима и вполне соответствует эпохе, интересующей нас.

Можно думать, что эти воспоминания были созвучны настроениям поздних поэтов и они сознательно воскресили минувшее.

Сравнение той и другой линии развития поэзии наглядно свидетельствует о внутренней борьбе, раздиравшей империю Тан и великолепную столицу Чанъань:

Цуй Жун[95]

Над Западным морем луна
восходит...
Ветер с границы сердце
волнует.
Свет переходит гор
границы —
Вся необъятность меняет

93 Шан Юэ. Очерки... С. 204-205.
94 Корейская классическая поэзия. М., 1956. С. 6-7.
95 Антология китайской поэзии. М., 1957. Т. 2. С. 18.

облик!
Рвутся к просторам войска
Китая,
Конница варваров ищет бреши.

Вражеской флейты ночное
пенье
Нас отравляет тоской
по дому...

Ким Чон Со[96]

Воет северный ветер в
верхушках деревьев,
На снегу блеск луны
ледяной.
На границе за тысячу ли
от родных
Стал на стражу я с длинным
мечом.
Грозен посвист мой...

Грозен пронзительный
крик.
Нет преград для меня
на земле.

Ван Чан-лин[97]

Коней напоив, через реку
прошли —
Вода ледяная, а ветер
остер.
Усталое солнце садится
вдали.
Я мрачно гляжу на Линь-
тао простор.
Во время сражений былых,
говорят,
Высок и отважен был дух
у солдат.
Теперь же рассеялось все,
как в пустыне,
Лишь кости убитых белеют
в полыни.

---

96 Корейская классическая поэзия. С. 48-49.

97 Антология китайской поэзии. С. 56.

Ким Чон Со

Мы взнесли над Чанбэксаном
знамя,
Туманган переходили вброд.
Эй вы, горе-мудрецы,
скажите,
Трусами считаете ли нас?
А кого изобразит художник
Для покоев славных в Линянгэ?[98]

Сравнение говорит само за себя, причем список китайских антивоенных стихов можно еще умножить. Например, Ду Фу прямо заявляет: «И я, старик, позволю усумниться, что странам надо расширять границы»[99]. Это отнюдь не миролюбие, так как победы над варварами ему весьма импонируют, и, наконец, не мог же он не понимать, что единственный способ избавиться от набегов кочевников — выдвинуть как можно дальше пограничные войска. Нет, ему важно осудить династию и двор, пирующие на золотых блюдах, увезенных из Алого дворца, т.е. дворца династии Суй[100]. При этом нужно отметить, что сами танские монархи искали компромисса со своими китайскими подданными и, как мы уже видели, становились жертвами своей доверчивости. Однако отпадение тюрок сделало степную опору трона столь неустойчивой, что достижение внутреннего мира стало насущной задачей принявшего престол императора Сюаньцзуна.

Постепенно, но неуклонно китайцы забирали власть при дворе. В 739 г. Конфуцию был присвоен титул принца и соответственно изменены церемонии, посвященные его памяти[101]. Затем для получения чина стало необходимо гуманитарное образование, причем на этом поприще китайцы легко обгоняли тюрок и монголов; в 754 г. была основана академия Ханьлинь для подготовки чиновников. Началась борьба между «аристократами» и «учеными». Последние, искусно составляя доносы, одолели, и главой правительства оказался их ставленник Ли Лин-фу[102]. Все это принесло Китаю гражданский мир и позволило Сюаньцзуну сосредоточить внимание на степной политике.

98 Линингэ — название знаменитой портретной галереи династии Тан. Горе-мудрецы — презрительное название конфуцианцев, обучавшихся в школах и университете.

99 Антология китайской поэзии. С. 150.

100 Там же. С. 137.

101 Cordier H. Histoire generale... P. 468.

102 Pulleyblank E. G. The Background... PP. 90-95.

Глава XXIII

ПОТРЯСЕНИЕ

Перелом. Все перенесенные Империей неудачи не заставили нового императора, Сюаньцзуна, отказаться от борьбы за гегемонию в Азии. У него появился весьма полезный помощник — сам Капаган-хан. Со свойственным китайцам прагматизмом «Таншу» объясняет изменение ситуации личными особенностями хана: «бесчеловечно поступал с подданными, а когда состарился, стал глупее и неистовее. Аймаки возроптали и начали отлагаться»[1]. Действительно, в конце 714 г. карлуки, хулуву (кит. хуву) и шуниши[2], воевавшие против Кюль-тегина, предложили Империи принять их в свое лоно. Западные тюрки в Семиречье и Притяньшанье восстали против каганата в пользу Империи. На сторону Империи перешли татабы и вслед за ними кидани[3]. Но хуже всего для хана было то, что токуз-огузы, «его собственный народ», присоединенные, а не покоренные, тоже восстали, а три тюркских наместника — в Гоби, Иньшане и на Алтае — перешли на сторону врага.

Попытка тюрок разрушить опорный пункт имперцев в Джунгарии — Бишбалык — закончилась полным разгромом тюрок[4]. При этом один из тюркских полководцев попал в плен и был обезглавлен перед городскими воротами, а другой, не смея вернуться к хану, бежал в Китай. К началу

1 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..,. Т. I, С. 272-273.

2 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия..,. С. 318; Julien S. Documents..., Vol. 4. PP. 455-456; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., S. 221.

3 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 365, 372.

4 Julien S. Documents..., Vol. 4, P. 454. Надпись Бильге-хана дает этому событию совершенно иное освещение: ...я пошел против Бешбалыка и сразился там шесть раз. Их войско я совершенно разбил. Так как я не тронул имущества жителей города, то ко мне вышли люди из города, чтобы покориться мне. Поэтому Бешбалык спасся (Малов С. Е. Памятники..., 1951, С. 21). Это сообщение доверия не заслуживает, потому что цель похода — уничтожение вражеского опорного пункта — не была достигнута не по сентиментальным побуждениям воинственного Могилляна, умевшего расправляться с побежденными. Можно поверить лишь тому, что он шесть раз сумел отбиться от противника и спасти свой отряд, тогда как остальные командиры были разбиты наголову.

715 г. верные тюркскому хану войска казались островами среди моря восстания.

В Онгинской надписи отражена вся серьезность создавшегося положения, не допускающего отступления. «Снова токуз-огузские беги стали нам врагами. Они были могущественны. Хан пошел... Мы не более чем отребье; мы видели, что нас мало, а их много. Нападем... Я сказал моим бегам: „Мало нас"»[5]. В довершение беды третий сын хана, бывший послом в Китае, умер, и, хотя его прилично похоронили, это было слабым утешением.

Возникает вопрос: чем объяснить такой резкий перелом в настроениях кочевников? Ведь для того, чтобы поднять народ на восстание, недостаточно появления иноземного эмиссара. Очевидно, власть каганата в степи была не так уж популярна. Попробуем разобраться в причинах внутренней розни и взаимного ожесточения.

Китайская версия, объясняющая взрыв восстания поглупением хана, явно несостоятельна. Более глубокое понимание вопроса мы находим в орхонских надписях. Правда, там тоже приводится как причина восстания непонимание народом своей пользы и «низость», но наряду с этим излагается идеал государства, который мало кому из подданных и соседей мог нравиться. Лучшее, по мнению автора надписи — Йоллыг-тегина, — это покорить все народы, живущие по четырем углам, склонить их головы и заставить преклонить колени. Так делали предки, но и Капаган-хан от них не отстал. В его правление расширились пределы тюркских поселений, так как тюрки занимали чужие пастбища и увеличили богатства: «В то время наши рабы стали рабовладельцами»[6].

Тюрки второго каганата еще в большей степени, чем в период первого, находились в состоянии военной демократии. Внутри дружины иерархия не исключала равенства, но для окружающих это была не демократия, а живодерня. Поэтому основным противоречием в таком обществе было противоречие между господствующими и покоренными племенами.

Академик В. В. Бартольд поставил вопрос о том, было ли тюркское общество аристократическим или демократическим? Вопрос этот не имеет смысла, так как рядовыми в тюркской армии были «або и тарханы», а беги были лишь командным составом, без коего вообще немыслимо никакое войско. Тогда, когда понятия «народ» и «войско» совпадают, для понятий аристократизма и демократизма нет места. Так как войско нуждается в пополнении, то токуз-огузов приняли, приравняв к собственно тюркам, а

---

5 Clauson G. The Ongin inscription, текст и перевод. Перевод Малова С. Е. несколько отличен, но смысл тот же: ..бывший значительным и божественным утомился (?). Мы были дурны и негодны, мы малых считали за больших. Он говорил: я воевал. Теперь своим бегам говорил: нас мало, говоря боялся (Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 10).

6 Малов С. Е. Памятники..., 1951, С. 36, 39.

все прочие покоренные народы составляли эль, т.е. державу, и считались «невольниками» хана[7]. Хотя от этих «невольников» личная свобода не отнималась, но обдирали их как липку. Казалось бы, что положение токуз-огузов было превосходным, но не о такой жизни мечтали вольнолюбивые уйгуры. Их политическим идеалом была конфедерация племен, основанная на добровольном союзе при слабой ханской власти. Уйгуры умели отстаивать свою свободу, геройски сражаться под чужими знаменами «ради добычи», но никогда не составляли крепкого государства и даже не стремились к этому. Та доля награбленной добычи, которую тюрки им уделяли, не вознаграждала их за необходимость соблюдать тягостную дисциплину и хранить унизительную покорность.

Так глубоко различны были стремления двух соседних народов, сходных по языку, расе, быту и роду занятий. История Центральной Азии должна была пойти либо по тюркскому, либо по уйгурскому пути.

Кюль-тегин. Мудрый Тоньюкук был уже слишком стар, чтобы стать во главе тюркских дружин. В 716 г. ему было 70 лет[8]. Спасать Каганат пришлось Кюль-тегину. Четыре года (711–715) он сражался с карлуками, и лишь в 716 г. при священной горе Тамаг он разбил их войско и заставил покориться Каганату[9]. Но к этому времени держава уже была охвачена восстанием, и по дороге к родным кочевьям Кюль-тегин наткнулся на сопротивление азов. Азы были побеждены при Черном озере (оз. Тотохаранор в Западной Монголии) и перебиты.

Вернувшись домой, Кюль-тегин застал межплеменную войну в полном разгаре. Со своими ветеранами он обрушился на изгилей, разбил их и устроил такое побоище, что даже имя изгилей было забыто. При г. Тогу[10] произошел первый бой тюрок с токуз-огузами, но, несмотря на всю доблесть Кюль-тегина, победа не была одержана. При Кушгалаке были разбиты и истреблены начисто эдизы (кит. адйе). Затем при Бол... было разгромлено ополчение токуз-огузов, но, несмотря на то, что их эль был, согласно надписи, покорен, в следующей битве, при горе Чуш, они чуть было не разбили тюркское войско. Кюль-тегин отогнал противника и, преследуя, нанес ему урон. По-видимому, это было племя тонгра. Вслед за тем Кюль-тегин выиграл битву с токуз-огузами при Эзгенти Кадазе, «но на город не пошел»[11]. По-видимому, успехи племянника обеспокоили хана и взять Кадаз было поручено полководцу Али Эльэтмишу, который с этой

7 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. 1, С. 276.

8 Там же. С. 273.

9 Малов С. Е. Памятники..., 1951, С. 42; 1959, С. 21.

10 Около р. Толы (см.: Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 21).

11 Малов С. Е. Памятники..., 1951. С. 42. Местонахождение Кушгалака, Бол..., горы Чуш, Эзгенти Кадаза не установлено.

задачей справился. «Простой народ он собрал», а беги убежали[12]. Этим закончилась кампання 715 г., так как наступила зима.

Весной 716 г. Капаган-хан, ревнуя к славе племяннннка, сам повел войско на токуз-огузов. Кюль-тегин остался охранять ставку, т. е. женщнн н детей.

Тогда карлукн решилн[13], что наступило время для отмщения. Онн полагалн, что у тюрок не хватнт боевых коней для войны на два фронта. Воспользовавшись уходом основных тюркскнх сил на восток, они перебросили с Алтая два отряда, нз которых однн должен был сковать тюркский заслон, а второй — разграбнть ставку. Но ставку оборонял Кюль-тегин, который снова покрыл себя славой. В неравном бою, прнкрывая женщин, которым грозила смерть илн рабство, он «заколол девять богатырей и не отдал орды». Тем временем Капаган-хан разбил мятежное ополченне по северную сторону песчаной степн. Остальные подробности кампанни нам неизвестны.

Затем наступила очередь племенн байырку, которое было разгромлено на р. Толе в 716 г. Но тут в нсторню вмешался случай: возвращаясь после победы, хан отдалился от своей стражн н задумчнво ехал однн через лес. Надо же, чтобы нменно в этом лесу скрывалнсь разбнтые байыркусцы. Увидев однокого всадника, онн напалн на него, стащили с коня и убилн. Голова хана была доставлена кнтайскому послу, который переправил ее в Чанъань. Так вскрывается связь между восстаннем в каганате и имперней Тан[14].

Но мало этого: есть прямое указание, что вождь уйгуров, перешедшнх на сторону имперни в 702–703 гг., «ходнл против Мочжо н убил его»[15]. Но, несмотря на гибель хана, восстанне не было подавлено. Имперня вернула себе только Маньчжурню. Там воевал Могилянь, шад тардушей, и, несмотря на две одержанные нм победы прн Агу[16], по-виднмому, не нмел успеха[17].

---

12 См.: Clauson G. The Ongin inscription. PP. 188-189. На строке 9 стоит km, balika (С. 182, текст); и примечании на С. 186 указано, что вторая буква может быть d, а третья — l, a, i или a. Так как ясно, что текст говорит о борьбе против токуз-огузов и 715-716 гг., то, легко найти соответствующий текст в надписи Кюль-тегина; это строка 47. Тогд название города восстанавливается Kds=Кадаз, где последний раз сражился Кюль-тегин перед опалой. У Малова: Я напал на многие города, делал набеги, захватил... (Памятники..., 1959. С. 10).

13 Уч-огузы (Малов С. Е. Памятники..., 1959. С. 21). Ср.: Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., S. 258, где карлуки названы Три племени и указано, что их набег был согласован с имперским командованием.

14 Таншу недвусмысленно сообщает, что виновником гибели Капаган-хана был генерал армии Ди-у Холин-цюань (Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., S. 259). Реальным убийцей был байыркуский воин Сечжилю (Ibid. S. 670), но именно китаец организовал засаду и потому отмечен в анналах.

15 Н. Я. Бичурин отмечает, что в этом месте Таншу есть пропуск в тексте (Собрание сведений..., Т. I, С. 306). Добавляем — хронология напутана; мы даем выправленную хронологию.

16 Местонахождение не установлено.

17 Малов С. Е. Памятники..., 1951, С. 40; 1959, С. 21. Заключаем это из того, что Маньчжурия осталась за китайцами и в 720 г. кидани и татабы воевали против тюрок.

После смерти хана встал вопрос о наследовании. Капаган-хаи сам иазначил преемником своего старшего сына, который носил титул Кучук-хан, т. е. «малый хан». По старому тюркскому закоиу иаследником был шад тардушей Могилянь, а фактически вождем тюркского «вечного эля» был герой Кюль-тегин.

Кюль-тегин взял инициативу в свои руки и совершил военный переворот: он напал на ставку, которую сам охранял. Его преемник на посту полководца, Алп Эльэтмиш, передался на сторону мятежников, и это обеспечило им успех[18]. Кучук-хан и советники Капаган-хана были убиты. Из детей Капаган-хана уцелели только сын Мо-тегин, оказавшийся в Китае, и дочь семнадцати лет, бывшая замужем за неким Ашидэ Мими. Потеряв мужа, царевиа спаслась в Китае, где сначала была принята в придворную службу, ио вскоре оказалась в юрте своего брата и там умерла. Ее брат сначала служил в имперских войсках, но позднее упоминания о нем в источниках ие встречаются. Так пресеклась линия потомства Капагаи-хана[19].

Кюль-тегин ие нарушил старого закона и не принял ханского титула, а возвел на престол своего старшего брата с титулом Бильге-хан[20]. Бильге-хан сознавал, что он возведен «не по заслугам» и что он марионетка в руках своего брата. Поэтому он назначил его командующим войсками, т. е. фактически хозяином каганата. Из всех вельмож уцелел только один мудрый Тоньюкук, тесть нового хана.

Расправа коснулась только ближайших советников Капаган-хана, ио ошеломила весь народ: «когда я стал ханом, то тюркские беги и народ, опечаленные, что они должны были умереть [теперь], смотрели кверху [на престол] спокойными глазами»[21]. Очевидно, миогие провинились перед опальными царевичами, но те предпочли милость мщению. Некоторое время Тоньюкук был в опале, ио «народ уважал и боялся его»[22], и в 718 или 719 г. хаи вернул ему чин бойла бага тархана и должность государствениого советника. Таким образом, у власти встал триумвират, принципом которого была борьба против китайской культуры и политического преобладания империи Тан. Последняя не могла, разумеется, с этим примириться.

Поэтому, несмотря на то, что Бильге-хан, придя к власти, иемедленно предложил заключить мир, имперское правительство не только ие согласилось, ио активизировало военные действия. Однако об успехах северной армии китайский источник стыдливо умалчивает. Зато возмущенные

18 См.: Clauson G. The Ongin inscription. P. 189; Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 10.

19 Pelliot P. La fille de Mo-tcho qaghan et ses rapports avec Kültegin. Leiden, 1912.

20 Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т.I. С.306.

21 Малов С. Е. Памятники..., 1959. С. 20.

22 Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 20.

ограничениями в охоте на диких зверей западные тюрки восстали и взяли в плен наместника Запада воеводу Чжан Чжи-юна[23]. Его с трудом отбили преданные ему помощники китайцы.

Новое правительство в каганате оказалось вполне жизнеспособным. Гибель хана принесла Каганату совершенно неожиданное спасение. Жестокая политика сделала имя Капаган-хана одиозным для телеских племен. Потерпев поражение в боях с тюрками, многие из них бежали на юг и поддались Китаю. Но как только степное «длинное ухо» донесло до них весть о перевороте, они стали возвращаться к родным кочевьям, покидая новых господ. Такой оборот дела китайцы объяснили влиянием, которое имел на кочевников Тоньюкук[24], но немалое значение имели, очевидно, и новые политические принципы, провозглашенные Бильге-ханом.

Так или иначе, возвращение телесцев восстанавливало мощь Каганата и сводило на нет успехи имперской дипломатии. Имперцам оставалось только одно — разжигать угасающую войну.

Однако это оказалось невозможным, так как в 714 г. выступили тибетцы и захватили казенные табуны в предгорьях Наньшаня и Алашаня. Второе нападение тибетцев заставило имперцев собрать все регулярные войска в Хэси и бросить их на отражение врага. Тибетцы были разбиты и отброшены в горы, но потери имперцев были велики, а неукротимость горцев известна, поэтому имперская армия, заняв участок земли, ранее уступленный тибетцам как приданное, установила границу по берегу Хуанхэ и до 718 г. отбивала тибетские набеги[25]. Тюрки получили передышку и сумели ее использовать.

Не теряя времени, Бильге-хан, с одной стороны, обнародовал воззвание к токуз-огузам, «покинувшим свою землю-воду и предавшимся табгачам», утверждая, что табгачский хан совратил их на преступление» и «на юге у табгачей погибли их имя и слава»[26]. Он же собирался «возвысить» их народ и не карать отпавших от его дяди-хана.

С другой стороны, он со всеми силами бросился на оставшихся в степи и продолжавших сопротивляться уйгуров[27]. Спустившись по Селенге и тесня их, он разорил их кочевья и загнал отступавших в горную тайгу Хамар-дабана. Уйгурские табуны были розданы тюркским ратникам, потерявшим своих коней во время восстания. Семьи уйгуров попали в плен и пополнили число «кулов» тюркского хана. Уйгурский эльтебер с сотней всадников бежал на восток.

---

23 Julien S. Documents..., PP. 458, 460.

24 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия..., С. 321-322.

25 Бичурин Иакинф. История Тибета..., Т. I. С. 159-160.

26 Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 22.

27 Любопытно, что покоряющихся тюрки именуют токуз-огузы , а сопротивляющихся - уйгуры Очевидно, эти два названия одного народа имели семантические нюансы.

Не прекращая темпа наступления, Бильге-хан устремился к Хингану и нанес поражение татабам. Результатом похода были опять отбитые табуны коней, а это делало тюркскую армию мобильной и неуязвимой. Еще более реальным был успех на западе, где тюркский тудун Яштар разгромил карлуков. Северная Джунгария оказалась в руках тюрок. К концу 717 г. степь снова лежала у ног тюркского хана.

Колебания. Захватив власть и восстановив эль, Бильге-хан оказался перед проблемой, неразрешимой ни для его скромного ума, ни для ума его рубаки-брата: что делать дальше? Получив в подданство уйгуров, можно было начать наступательную войну, но, имея в тылу восстановленную мощь тюргешей, казалось практичнее укрепить орду и занять оборонительную позицию. С последней связывалось покровительство буддистам, после закона 714 г. настроенным против танского правительства. Призванный из ссылки Тоньюкук отверг оба плана. Наступление он счел бесперспективным, так как в Китае «народ в согласии, годы урожайны», а постройку стен вокруг ставки и сооружение храмов Будде — гибельным, так как «это учение делает людей слабыми и человеколюбивыми, а не воинственными и сильными»[28]. Возражение было не по существу, но, видимо, Тоньюкук, обучаясь в Китае, имел наставником одного из многочисленных противников буддизма[29]. Помимо этого, поддержка буддизма, гонимого в Китае, означала вызов империи Тан, что было, по мнению Тоньюкука, несвоевременным.

Итак, он забраковал оба плана действия и посоветовал хану просить мира. Однако имперское правительство нашло, что хан просто желает выиграть время, и надо признать, что это было правильное понимание ситуации.

Действительно, задачей «могучей тройки» — Бильге-хана, Кюльтегина и Тоньюкука — было восстановление каганата, что превратило бы империю Тан в китайское царство и оторвало бы от династии тех кочевников, на которых она опиралась в борьбе с китайскими подданными; а как мы уже видели, эти последние были не менее жестокими и безжалостными врагами династии. Степь была для династии Тан так же необходима, как и сам Китай. Поэтому мир был отклонен, а Тоньюкуку пришлось изобретать новый способ борьбы с многочисленными врагами. И он его нашел: принципом стратегии тюрок на ближайшее время стала активная оборона, а принципом политики и идеологии — противопоставление себя Китаю.

28 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 274; Julien S. Documents..., PP. 460-461.

29 Конрад Н. И. Начало китайского гуманизма....

Эта программа была крутой переменой политического курса. Мочур стремился представить себя врагом китайского правительства, а не народа, заключив же мир, посылал царевичей в Китай, чтобы установить культурную близость. Правда, он устанавливал ее с антибуддийскими группировками, так как буддизм поддерживала императрица У. Казалось бы, тем более оснований было у нового хана поддерживать могущественную буддийскую общину, оказавшуюся врагом его врага. Но он этого не сделал, и сам Тоньюкук изменил свою политическую ориентацию. Дело было в уйгурах — главной решающей боевой силе. Они бежали из пределов империи, потому что вся «китайщина» стала для них одиозной. А буддизм в эту эпоху связал себя именно с китайской оппозицией, компромиссной новой политике династии Тан. Поэтому тюркский хан, поддерживая буддистов, должен был потерять популярность среди своей опоры — антикитайски настроенных кочевников. Тогда-то воскресла и получила развитие антикитайская программа Кутлуга, мастерски сформулированная Йоллыг-тегином, согласно которой китайские подарки, оплачиваемые неволью и кровью, делали тюркских богатырей, по словам Тоньюкука, «человеколюбивыми и слабыми», ибо они начинали увлекаться учениями Будды и Лао-цзы[30].

Таким образом, намеченная программа действий сводилась к тому, чтобы победами вынудить у врага мир, не доводя его до необходимости бороться до конца. Целью тюрок стал приемлемый, достойный мир, но достигнуть его можно было лишь путем самой отчаянной войны.

Тоньюкук. Самым разумным для имперского правительства было бы еще в 717 г. наступление на утомленных внутренними войнами тюрок. Но обстоятельства помешали этому. В 716 г. на западе воскресла держава тюргешей, вождь которой, Сулу, был явно враждебен Империи. Причина этого была в том, что имперскими уполномоченными в Западном крае были царевичи Ашина, т. е. западнотюркские законные ханы, у которых тюргеши стремились отнять гегемонию. Ашина Хянь просил подкреплений из Китая, но ничего не получил. Правительство решило договориться с Сулу и послало ему назначение на пост главнокомандующего и княжеский титул. Но пока посольство медленно тянулось по караванному пути, Сулу, еще не зная, насколько благоприятно для него сложились обстоятельства, начал военные действия[31]. Помощник наместника Кучи нанял карлуков для борьбы против тюргешей и вместе с Ашиной Хянем напал на Сулу, но, не имея поддержки из метрополии, не добился успеха. Хянь уехал в Чанъ-

30 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 274.

31 Здесь перевод Н. Я. Бичурина не ясен, и неясность не замечена комментатором. Что значит бохуаньский город Даши, осажденный Сулу ?! (Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 295). Шаванн полагает, что это Аксу (см.: Chavannes E. Documents..., P. 284, № 2).

ань и там умер. В 717 г. Сулу прислал в Чаньань посольство с предложением мира, а в 719 г. получил титул Чжуншун-хана, т.е. верного и послушного хана. Титул не соответствовал действительиости, но иаступление арабов связало тюргешам руки и сделало их безопасными для Империи.

Другая неприятность возникла иа востоке. Один из киданьских вождей, Кэтугань, убил поставленного Империей князька и прн попытке наказать его за убийство в 718 г разбил китайско-татабийский отряд. Пока этот инцидент был улажен, прошел еще год, н лишь к 720 г. имперская армия смогла выступить против тюркского хана.

Зато имперская дипломатия имела крупный успех, так как ей удалось привлечь к союзу против тюрок племя басмалов, обитавшее в юго-западиой Джунгарии[32]. Басмалы были осколками великого тюркского каганата и управлялись князьями из рода Ашина[33].

По плану, разработанному в Чаньани, кидани, татабы и басмалы должны былн разными дорогами, но в одно время подойти к ставке Бильгехана и схватить его. Для поддержки авангарда была мобилизована имперская армия в 300 тыс. человек. Легко заметить, что план был абсолютно иевыполним, так как согласовать движение войск в Маньчжурии и Казахстане было иемыслимо, к тому же ие только между кочевыми князьями, ио и между имперскими полководцами согласия ие было[34]. Это учел Тоньюкук и посоветовал хану не беспокоиться, а за три дня до прихода врага отступнть на север и дожидаться, пока у китайцев кончатся съестные припасы и они сами пойдут иазад. Но случилось другое: басмалы первыми подошли к тюркской орде и, узнав, что нх союзники опоздали, пошли назад. По совету Тоньюкука тюрки оставили их в покое, т.е. дали возможность изиурить лошадей и всадников иепрерывным двнжеиием, а сами форсированным маршем (иа рысях) двинулись иа Бэйтин-Бишбалык и взяли его неожиданным нападеннем. Утомленнные басмалы тянулись к Бишбалыку, который был базой иаступления, ио вместо отдыха н провиаита нашли там врага. Окруженные под стенами крепости басмалы сдались, и план кампании был сорваи.

Но тюрки не ограничились этим. Из Джунгарии они перебросили свои войска в Ганьсу, в тыл китайской армии, и ограбили окрестности Ганьчжоу, Юаньчжоу и др. Комендант Лянчжоу Ян Кин-шу собрал телесцев племени киби[35] и, присоединив к ним свои войска, вышел из крепости, чтобы дать сражение. Тюрки приняли бой. Сила имперцев была в пеших лучниках-кибисцах, а тюрок — в коииых копейщиках. Был сильный мороз, и

32 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия..., С. 256.

33 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 347.

34 Там же, С. 274.

35 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., S. 259.

китайские ратиики, которые не могли натягивать луки в рукавицах, обморозили себе руки. Потеряв возможность стрелять, оии были переколоты тюркскими всадиками. Слава победы пролетела по Великой степи, и все мятежиые племеиа склонили головы перед волчьей головой иа зиамеии тюркского хана.

Затем иаступила очередь кидаией. Тюрки нагряиули на иих зимой 721 г. Судя по отсутствию в надписи Бильге-хаиа подробиостей, касающихся этого похода, можио думать, что ои мало дал тюркам, ио весной 722 г. они обрушились иа татабов и разгромили их самым жестоким образом, причем даже женщииы, захваченные в плен, были перерезаиы[36]. После этого у империи Таи ие осталось союзииков в степи, а следовательио, и возможиостей к продолжеиию войны.

Отзвуки победы. Победа под Бишбалыком иашла свое отражеиие в иебольшой иадписи в Хойто-Тамире[37]. «В год обезьяиы [720 г.][38] в седьмой месяц двадцать... к табгачам[39] [имперцам] ходили. В девятом месяце года [того же] кушуйские чериые головы я раздавил [прижал][40] осеиью иа табгачей... пошел с войском[41]. Так миого блага... [тюрки?], воюя, да не будут разбиты!»[42]. Очевидно, эта надпись выбита от лица иебольшого тюркского военачальника, погибшего в бою. Патриотически настроеииые родственники вложили в уста покойиому пожелание успеха тюркскому оружию.

Зато совершенио ииая нота звучит в строках другой иадписи, посвящеиной Бишбалыкской операции, на том же самом памятнике[43]. Содержание ее таково:

---

36 Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 22.

37 Radloff W. Die alttutrkischen Inschriften..., 1895, S. 268.

38 jt. ncai — в переводе ошибочно: im funf ten Monate...

39 Разобрать слово не удалось, но если предположить, что последние буквы , то это будет окончание монгольского множественного числа, применяемое в орхонских текстах для старой титулованной знати. Если принять эту гипотезу, то, руководствуясь общим смыслом, прочтем: такие-то [чиновники или офицеры] ходили во владении империи . У С. Е. Малова: Ты ходил на Бабычаг . В его варианте непонятно, к кому надпись обращена (Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 53).

40 qsoj оставлено Радловым без перевода. Можно думать, что это племя кошу (гэшу) из союза кушибн (см.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. 1, С. 289; Chavannes E. Documents..., PP. 35, 68), которое вошло в состав басмалов, насчитывавших в своем составе сорок родов (Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия..., С. 256). В дальнейшем кошу как самостоятельное племя не встречается. У Малова: я [на?] Кушуе я добыл рабов . Для того, чтобы понимать кушу как топоним, нет данных.

41 Вариант Малова см. там же. С. 54.

42 У Малова: Пусть не ходит в военные походы . Перевод представляется несколько натянутым и не соответствующим первым строкам надписи. Он звучит, как злая ирония, неуместная в эпитафии.

43 Radloff W. Die alturkischen Inschriften..., 1895, S. 261-262.

«В год обезьяны, в девятый месяц пошли мы тайком в Бишбалык. Счастливый герой в тягости[44], войско его в засаде. Да будет там счастлив муж!»[45].

Настроение здесь противоположно тому, которым проникнута предыдущая надпись: Бишбалыкская операция — катастрофа. Этот текст писал несомненно басмал, который думал найти за стенами крепости отдых и пищу, а попал в засаду. Вероятно, это не вождь похода; последнюю фразу можно понять лишь как пожелание вождю счастья вывести войско, а в том числе и автора, из окружения. Но счастье, как мы знаем, отвернулось от басмалов, и автор надписи оказался, видимо, в плену, где он и высек на камне сочиненный им текст. Эта надпись представляет двойной интерес, являясь не только историческим документом, но и памятником культуры.

Насколько известно, это первое тюркское стихотворение с размером и даже рифмами. Размер силлабический: 4 слога, 5 слогов, 8 слогов[46]; три строки составляют строфу, но так как при распевном чтении во второй строке происходит редукция гласной, то правильнее будет прочесть ее как восьмистопную строку с цезурой и внутренней рифмой или как две четырехстопные строки.

Этот размер сохранился в татарском фольклоре до нашего времени; например:

Аттим карга
Тошти карга
Карга тоште ак карга...[47].

Совпадение звучания полное.

Схема рифмовки: a, a, a, b, b, c. Последняя строка в надписи разбита цезурой на два полустишия. Это оправдывается композицией стихотворения. Первая строка — описание ситуации — тезис; вторая указывает на

---

44 Jok можно понять как тягость, затруднение (отсюда русское слово ньюх) и как горная вершина; в последнем случае из текста вытекает, что вождь басмалов, бросив войско, убежал в горы. Оба толкования текста возможны.

45 Перевод Малова в деталях отличен (ср.: Памятники..., 1959, С. 48). Различия с предлагаемым мною переводом не принципиальны.

46 Очевидно из соображений размера во второй строфе, строках 4 и 5 опущен падежный суффикс, подобно тому как в русском языке опускается глагол быть в настоящем времени. Это стихотворение предшествует по времени орхонским надписям, где Ф. Корш в заключительных строках видит ритм или, пожалуй, два ритма, которые, впрочем, чередуются безо всякого порядка (Корш Ф. Древнейший народный стих турецких племен. СПб., 1909. С. 1-2). Это последнее замечание совершенно верно, но оно заставляет нас видеть в строках орхонских надписей все-таки не стих, а великолепно обработанную прозу, куда напрашивается ритм. Такова проза Слова о полку Игореве , а проза Н. В. Гоголя еще более ритмична. Но наличие ритмической прозы показывает, что ритмическая речь с патетикой, т.е. поэзии, уже была не чужда тюркам; Хойто-Тамирская надпись подкрепляет догадку Ф. Корша. Появившаяся в 1965 г. монография И. В. Стеблевой Поэзия тюрков VI–VIII веков содержит попытку доказать, что надписи в честь Кюль-тегина и Тоньюкука написаны стихами и являются героическими поэмами. Несмотря на все усилия автора, мы не смогли уловить того ритма, без которого стих невозможен, и выражаем полное согласие с А. М. Щербаком, утверждающим, что эти надписи по своему характеру не являются поэтическими произведениями (Щербак А. М. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении // Народы Азии и Африки. 1961, № 2. С. 145).

47 Сообщено М. Салахеддиновой.

ее трагизм — антитезис; последняя строка — посылка, содержит заклинательный элемент — «да будет». Это указывает на магическое значение, придаваемое стиху: от него ждали спасения.

Жанр короткого стихотворения-заклинания с рифмами — для раннего средневековья известен только в арабской поэзии[48]. Наш материал не позволяет решить вопрос: было ли тут заимствование у арабов, с которыми тюрки могли общаться в Средней Азии, или самостоятельное открытие, но так или иначе, в VIII в. музы гостили в войлочных шатрах древних тюрок.

Бильге-хан. Победа была одержана как над внешним врагом, так и над внутренним: страна была замирена. Однако это было достигнуто не столько карательными экспедициями, сколько изменением внутренней политики. Положение самих победоносных тюрок в 716 г. было не блестяще. Бильге-хан пишет: «Я отнюдь не сел на царство над народом богатым; я сел над народом жалким и низким, у которого не было внутри пищи, а снаружи одежды»[49]. Очевидно, тюркские скотоводы, разбросанные по степи от Кенгу-Тармана до Кадырканской черни (Хинган), стали в значительной степени жертвой повстанцев. Даже в тех случаях, когда им удавалось спастись и добраться до орды, их рогатое имущество доставалось врагам.

Кюль-тегин при захвате власти истребил всех сподвижников и советников Капаган-хана, т. е. лиц наиболее одиозных для токузогузов, ибо именно эти люди вдохновили Капаган-хана на политику, вызвавшую восстание. Бильге-хан отмечает, что он изменил метод обращения с народом: «я не делал огнем и водой присоединившиеся к нам народы», т. е. старался с ними ладить; а «там, где верные эли и верные каганы, я творил добро. Живущие по четырем углам народы я принудил к миру и сделал их не враждебными, все они мне подчинились»[50].

Результаты сказались немедленно. Амнистия потушила восстание, что развязало Бильге-хану руки для внешней войны.

Так же удачно разрешил Бильге-хан внутритюркскую проблему. Многие из тюрок были неприятно поражены резней государственных советников во время переворота 716 г. и «начали колебаться»[51]. Призвав на службу Тоньюкука, Бильге-хан лишил недовольных вождя. Но помимо этого он указывает, что «поднял к жизни гибнущий народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ»[52]. Добиться этого он мог, только проявляя щедрость

48 Крачковский И. Ю. Арабская поэзия // Избранные сочинения. М.-Л., 1956. Т. II. С. 250.

49 Малов С. Е. Памятники..., 1951. С. 39.

50 Там же. С. 40.

51 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I. С. 273.

52 Малов С. Е. Памятники..., 1951. С. 40.

при разделах добычи и принимая в орду добровольцев, т. е. переманивая удальцов-наездников к себе на службу. Этим он отнимал активный элемент у противника и усиливал себя и свою орду.

Не менее решительно изменил Бильге-хан внешнюю политику — он добился мира с Империей. Немедленно после блестящей победы он обратился к императору, «обещая почитать Сына Неба как сын отца. Император согласился»[53]. Это был компромисс: такое почитание ни к чему не обязывало хана и давало ему вожделенный покой. Император при этой постановке вопроса оставался номинально гегемоном степи и сохранял престиж. Но ему было необходимо получить от тюрок заложника, и он потребовал одного тюркского вельможу для службы в корпусе телохранителей. Это должно было символизировать признание воинской повинности, которую несли все кочевые подданные Империи.

Последняя попытка расправиться с тюрками была предпринята в 722 г. Бильге-хану, Кюль-тегину и Тоньюкуку было послано приглашение приехать в Китай и принять участие в торжественной церемонии жертвоприношения на горе Тайшань, которое совершал сам император. То, что китайцы задержали бы хана и его спутников как заложников, было очевидно всем[54], в том числе и самим приглашенным, которые ограничились тем, что поблагодарили за высокую честь. Бильге-хан в ответ потребовал в жены царевну. Император не согласился, так как это означало бы юридическое признание Каганата, т.е. признание собственного бессилия. Хан уступил и стал ежегодно отправлять одного вельможу в Чаньань «на службу». Хотя мир не был заключен, но осуществлялся явочным порядком.

Наконец, хан проявил уступчивость и в территориальном вопросе. Несмотря на высокомерные заявления, что «Туфань (Тибетское царство) от собак происходит, а Кидань и Хи мои невольники и подданные»[55] и что «тюргешский хан мелкий владетель и притом тюркский вассал»[56] (однако тюргешскому хану Бильге-хан дал в жены свою дочь «с большими почестями», а дочь тюргешского кагана вышла замуж за сына Бильге-хана также «с большими почестями»)[57], Бильге-хан не спешил возвращать себе Семиречье или приобретать что-либо к югу от Тянь-Шаня, где свирепствовали тибетцы. Даже южная Джунгария, населенная тюрками-шато, потомками среднеазиатских хуннов, как перешла в 714 г. под власть Империи, так и осталась за нею. Отпали от каганата и саянские кыргызы, что видно

53 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 275.

54 Hirth F. Nachworte zur Inschifte..., S. 8.

55 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 276.

56 Там же, С. 298.

57 Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 23-24.

из того, что их посольства четыре раза приходили к Сюань-цзуну (713–715 гг.)[58]. Единственным следом победы над кыргызами остался балбал, поставленный у могилы Капаган-хана и изображавший кыргызского хана, убитого в 710 г.

Такой уступчивостью Бильге-хан обеспечил своему народу и своей державе-элю двадцатилетний мир — с 722 по 741 г[59].

Мир. Благодаря гибкой политике Бильге-хана незаключенный мир фактически соблюдался. В 727 г. Тибет снова начал войну против Империи и предложил тюркскому каганату выступить против общего врага. Бильге-хан переслал тибетскую грамоту императору как доказательство своей лояльности и в благодарность за то, что император в 724 г. разрешил открыть меновой торг в Шофане, т. е. Ордосе. Это означало, что корона поступилась частью своих прав и доходов, так как монополия внешней торговли в Китае принадлежала казне, получавшей лошадей за золото и шелк[60].

Но вскоре имперское правительство вернуло экономические взаимоотношения в старое русло. В 725 г. в ханскую ставку прибыл имперский посол Юань Чжэн, которому был устроен торжественный прием, где с ним вели переговоры все три великих тюрка — Бильге-хан, Кюль-тегин и Тоньюкук[61]. Содержание переговоров выясняется из договора, заключенного в 727 г., согласно которому тюркам за условленное число лошадей ежегодно выдавалось 100 тыс. кусков шелка[62].

Снова народные массы в Китае и каганате были оттерты от участия в торговле, а отношения между обоими правительствами не могли не обостриться, ибо тюрки желали повышения цен на лошадей, а китайцы — на шелк.

В 731 г. умер Кюль-тегин. Император направил специальное посольство с манифестом, выражающим соболезнование. В посольстве были мастера, которые соорудили великолепный монумент на берегу Орхона. Была поставлена статуя и сооружен храм, стены которого были расписаны батальными картинами. Надписи на китайском и тюркском языках сохранились и открыты Н. М. Ядринцевым в 1889 г. В них подробно описаны похороны Кюль-тегина. Это интересно, так как показывает размах международных отношений в VIII в.[63].

58 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 355, 359.

59 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., S. 260.

60 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С 276; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., S. 454.

61 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., S. 415.

62 Ibid, S. 395.

63 Малов С. Е. Памятники..., 1951, С. 43.

«В качестве плачущих и стонущих пришли кытай и татабийцы во главе с Удар-Сенгуном; от кагана табгачей пришли Исьи и Ликенг [Чжан Кюй и Лю Сян][64] и принесли множество даров и без числа золота и серебра; от тибетского кагана пришел белен; от народов, живущих в странах солнечного заката: Согда, Берчекера и Бухары — пришли Нек-Сенгун и Огул-тархан. От народа десяти стрел и от сына моего кагана тюргешского, пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Бильге; от кыргызского хана пришел Чур-Тардуш-Ынанчу. В качестве соорудителя здания и камня с надписью, украшенного резьбою, пришли чиновники (по П. М. Мелиоранскому, каменотесы а может быть, художники. — Л. Г.) кагана табгачей и Чанг-Сенгун... Камень... столь много резчиков привели тойгуны и эльтеберы [?]».

Здесь перечислены ближайшие соседи каганата, так как в 732 г. на всех границах был установлен мир. Но отсутствуют послы народов дальних, упомянутых на аналогичных похоронах в 553 г.: народ бокли, или мукри (мохэ), и Пурум-Рим, т. е. Византия[65].

Второй каганат, несмотря на все усилия и таланты ханов, был только тенью Первого, и при описании похорон Бильге-хана, имевших место в 734 г., вообще не упомянуты иностранцы, а только тюркские вельможи[66]. Отсутствуют также некоторые племена, упомянутые выше: абары, уч-курыканы и отуз-татары. Но это понятно: абары обитали на среднем Или и были завоеваны Капаган-ханом, так что перестали быть самостоятельным народом. Уч-курыканы, предки якутов, отходили от тюрок в сибирскую тайгу и в поддержании отношений со своими врагами не нуждались. Повидимому, так же поступали отуз-татары, укрывавшиеся в тайге приамурской. Зато появился новый, загадочный народ берчекер[67]; любопытно, что тюргешский каган назван «сыном», что предполагает какую-то форму зависимости. Однако это скорее всего претензия на господство; тюргешский каганат не зависел от тюркского.

Все это показывает, что тюрки могли и хотели установить в степи мирную жизнь, ибо в VIII в. они начали создавать из варварской орды государство.

Уйгуры на юге. Уйгуры, перекочевавшие на юг, не ужились с китайцами. Хотя управление для них было установлено наиблагоприятнейшее, но оно не исключало произвола и интриг со стороны

64 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I. С. 277.

65 Малов С. Е. Памятники..., 1951, С. 36.

66 Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 23.

67 С. Г. Кляшторный полагает, что это согдийцы из Семиречья (Согдийцы в Семиречье // СЭ. 1959, № 1, С. 7-11).

китайских чиновников. Уйгуры, разумеется, давали отпор, и возникали личные счеты.

Некий Ван Гюнь-чо поссорился с уйгурским главой Чэн-цзуном. Вслед за этим он получил должность правителя Хэси и начал притеснять уйгуров — формально на основании закона. Те отправили жалобу, а правитель сообщил в столицу, что Чэн-цзун хочет отложиться. Ложь, составленная искусным бюрократом, оказалась убедительнее правды в устах простодушных кочевников. Чэн-цзуна сослали, и уйгуры вознегодовали.

В это время вспыхнула война с Тибетом и правитель Ван Гюньчо отправился в поход. Сын сосланного вождя, Хошу, собрал народ, чтобы отомстить, и из засады убил правителя. Восставшие уйгуры перерезали караванный путь из Китая в Кучу[68].

Это изложено здесь так подробно для того, чтобы дать представление о порочности выродившейся государственной системы империи Тан. Китайцы и кочевники никак не могли найти общего языка; даже нуждаясь друг в друге, они не умели поладить, ибо их психологии были взаимно чужды. Столкновения возникали стихийно и в конце концов развалили империю Тан. Хошу отступил из Хэси на север вместе со своим народом и снова подчинился тюркам, но вскоре умер. Его заместил сын Гули Пэйло.

Вышеописанное событие имело для уйгуров огромное значение. До той поры они были очень нестойким союзом девяти племен. На юг ушли четыре племени: хойху (т. е. собственно уйгуры), киби, сыгйе и хунь. Потом к ним присоединились тунло (тонгра) и байси. Но через полстолетия из предгорий Алашаня и Наньшаня в Халху откочевал монолитный народ — уйгуры. Общая судьба, постоянные войны, необходимость противопоставлять себя чужеземцам и охранять от грубых чужих воздействий дорогие традиции быта, религии, культуры искоренили чувство племенной исключительности и спаяли племена в народ.

Однако, будучи чужды китайской и тибетской культурам, уйгуры отличались и от родственных им по языку тюрок. Легенды о происхождении их при всем сходстве различны. Тюрки вели свое происхождение от царевича и волчицы, а уйгуры — от волка и царевны. Деталь, нюанс, — а разница в психологи ощутима.

И в дальнейшем мы увидим, что культуры тюрок и уйгуров имели разное направление и разную окраску. Например, тюрки лозунгом восстания избрали нежелание отдавать чужому кагану «свои труды и силы». Уйгуры восстали чтобы отомстить за обиду, нанесенную их вождю. Опять нюанс, а характерно. Ведь вся этнопсихология складывается из еле уловимых нюансов, и, отбросив их, мы положим исторические факты на прокрустово ложе схемы.

68 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 306.

Смерть хана. Подобно уйгурам вели себя и кидани. Вождь их, Кэтугань, убил китайского ставленника, князя Шаогу, поставил иа его место некоего Кюйлэ и вместе с татабийцами в 730 г. поддался тюркам[69]. Против него была брошена армия из 8 корпусов. Татабийцы подчинились, а упрямые кидани были разбиты в 732 г. Но на следующий год Кэтугань вернулся с тюрским войском[70]. Имперский корпус в 10 тыс. человек с вспомогательными войсками из татабийцев выступил против врага, но во время битвы на горе Тунгкер татабийцы дезертировали и имперцы были перебиты. Вновь назначенный генерал Шеугуй подкупил писаря Кэтуганя, судя по имени — китайца, Ли Го-си. Ли Го-си ночью отрубил головы «Кэтуганю, Кюйлэ и нескольким десяткам сообщников их и возвратился»[71]. За услугу Ли Го-си был назначен наместником Сунмо (Сунгарийская провинция), но сподвижники убитого Кэтуганя поймали предателя и изрубили его вместе с семьей на мелкие куски. Восстание продолжалось, и имперский полководец Шеугуй в 734 г. дважды ходил в поход на киданей, разбил их и... не смог подавить восстания. Но его способ борьбы понравился в Чанъани, и в том же 734 г. тюркский вельможа, бывший послом в Китае, которого Сюаньцзун еще в 727 г. богато одарил при личной встрече[72], отравил Бильге-хана. Хан, умирая, приказал казнить предателя и весь его род. Император, чтобы замести следы, прислал посла с соболезнованием.

Однако войны не возникло. Наследник Бильге-хана, его сын Йоллыгтегин, вступил на престол при единодушном согласии вельмож кагаиата. Это был писатель и историк, автор текста двух орхоиских надписей. Продолжая политику своего отца, он попытался найти выход из обострившегося положения и отправил в Китай три посольства. Но вместе с этим он, по-видимому, продолжал поддерживать киданей, так как партизанская война в Манчьжурии продолжалась.

На западе все 30-е годы властвовал хан тюргешей Сулу. Ои тратил все свои силы на борьбу с иаступающими арабами, за что те прозвали его Музаххим, т. е. «бодатель».

---

69 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 367; чтеиие имен см.: Liu Mau-tsai, Die Chinesischen Nachrichten..., S. 670.

70 См. С. Е. Малов, Памятники..., 1959, стр. 23.

71 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 367 - 368.

72 Liu Mau-tsai, Die Chinesischen Nachrichten..., S. 420.

Империя была занята тибетской войной и подготовкой к реорганизации армии, поэтому она тоже не форсировала событий. Йоллыг спокойно умер в 739 г. Престол перешел к его младшему брату Бильге Кутлуг — хану. Империя признала его и его новый титул — Тенгри-хан. В 740 г, хан отправил ответное посольство в Китай. Кто бы мог подумать, что мир накануне катастрофы?

Глава XXIV

ГОЛУБЫЕ ТЮРКИ О СЕБЕ

Памятник Кюль-тегину. Сожженный прах Кюль-тегина был скрыт великолепным памятником, построенным китайскими мастерами, присланными императором Сюаньцзуном. Развалины этого сооружения были открыты, как уже говорилось, в 1889 г. Н. М. Ядринцевым[1], изучались в 1891 г. В. В. Радловым[2], неоднократно посещались разными путешественниками и, наконец, были детально описаны чешским археологом Йислом, обследовавшим памятник во время работ Совместной археологической экспедиции Чехословакии и Монгольской Народной Республики в 1958 г.[3].

Экспедиция в 1958 г. составила план памятника[4] и дала описание, позволяющее произвести его приблизительную реконструкцию.

Все сооружение, размерами 80 × 40 м, вытянуто с востока на запад. Оно обведено рвом, прерывающимся перед воротами и стеной из глины, которая была крыта черепицей, оштукатурена и побелена. У ворот — две статуи баранов из мрамора, обращенные друг к другу. За ними мощеная дорога и пруд для дождевой воды с керамической трубой, которая отводила излишек влаги. За ним, на спине мраморной черепахи (китайский символ вечности) была укреплена знаменитая стела с надписью. По мнению археолога, стела помещалась в павильоне, крытом черепицей; стены павильона были оштукатурены и побелены. Дорога идет от павильона к храму; по бокам ее стояли статуи сановников и слуг в натуральную величину, составляя как бы почетную стражу. Храм в плане квадратный, 10,25 × 10,25 м. Его белые стены были украшены красными разводами; крыша черепичная,

1 Н. М. Ядринцев, Предварительный отчет..

2 В. В. Радлов, Предварительный отчет..; Атлас древностей Монголии.

3 L. Jisl, Vyzkum Kultegínova pamatníku.., str. 86-113.

4 Ibid., str. 93.

окаймленная перламутром; на стенах терракотовые маски драконов. Внутри храма помещался жертвенник с очагом и мраморные статуи Кюль-тегина и его жены.

Голову статуи Кюль-тегина удалось найти. Она выполнена вполне реалистически: монголоидные черты-скуластость, монгольское веко, низкий прямой нос и косой разрез глаз не оставляют места для сомнений в расовой принадлежности рода Ашина. На голове надет венец с пятью зубцами, на котором изображена птица, похожая на орла. Лицо Кюль-тегина проникнуто сосредоточенным спокойствием; очевидно, художник видел натуру уже после смерти.

От головы жены Кюль-тегина сохранился только фрагмент, также с подчеркнутыми монголоидными чертами. Особенно замечательны крепко сжатые губы, характеризующие эту женщину как особу волевую и решительную.

К памятнику тянется цепь балбалов на целых три километра от цайдамских соленых озер. До нашего времени уцелело 169 балбалов, но, по-видимому, их было больше. Некоторым балбалам придано грубое подобие человека, обозначены руки, намечен пояс. Вдоль рва на восток тянется вторая цепь балбалов, что дало Йислу повод предположить, что они окаймляли стену, по кругу[5]. Думается, однако, что это скорее другая вереница, относящаяся к другому покойнику, может быть похороненному тут ранее.

Орхонские тексты, время их составления и опубликования. В нашем распоряжении имеются два памятника: надгробие Кюль-тегина, содержащее две надписи — малую и большую, и надпись Тоньюкука на берегу Селенги. Параллельными текстами являются китайские эпитафии Кюль-тегину и Бильге-хану, увековеченные там же на берегу Орхона[6]. Второй памятник сохранился фрагментарно, но первый по своей полноте представляет значительный интерес.

Первый вопрос, который нужно выяснить, — датировка. На большой надписи Кюль-тегина проставлена точная дата сооружения памятника: «год обезьяны (732 г.), седьмой месяц, двадцать седьмой день»[7]. Ту же дату приводит и китайская эпитафия[8]. Китайский текст был, как явствует из его содержания составлен тогда же, по случаю похорон и сооружения надгробия. Однако это не время составления или публикации тюркского текста, так как в надписи историческое повествование доведено только до 716 г. и обрывается на самом интересном месте. Переворот, совершенный Культегином, и убийство его двоюродных братьев не упомянуты, и, очевидно,

5 Ibid., str. 95.

6 В. П. Васильев, Китайские надписи..., стр. 1-36.

7 С. Е. Малов, Памятники..., 1951, стр. 43.

8 В. П. Васильев, Китайские надписи..., стр. 7.

не случайно. Вместе с этим текст надписи составлялся не позже 719 г., так как великие победы 720 г. не описаны и отсутствует даже имя басмалов. Значит, мы можем заключить, что текст, увековеченный на камне в 732 г., был составлен между 716 и 720 гг., скорее всего в 717–718 гг. В это время Бильге-хан, восстанавливая потрясенную державу, обращался к широкой общественности. Этим объясняется и исторический экскурс вначале и увещевания бегов и народа, и весь программный характер надписей, большой и малой, не смотря на то что до смерти Кюль-тегина, т. е. за 14 лет, к тексту была добавлена лишь эпитафия Кюль-тегину. Очевидно, сам текст рассматривался как литературное произведение, не подлежащее переделке. Из этого мы можем заключить, что обращение к народу действительно дало Бильге-хану хорошие результаты, так как стало популярным — в противном случае обязательно текст был бы при увековечении на камне модернизирован, т. е. дополнен.

Однако ни один историк не упустил бы случая дополнить фактическим материалом свое сочинение. Йоллыг-тегин не составил исключения. В эпитафию Бильге-хану он включил все те сведения о битвах и походах, которые он опустил в надписи Куль-тегину. Здесь он упоминает о походе на Тангут в 700 г., о покорении чиков в 709 г., об отступлении неразбитого отряда тюрок из-под стен Бишбалыка в 714 г., о сражении с токуз-татарами при Агу в 715 г., о покорении уйгуров в конце 716 г., о победах над татабами и карлуками в 717 г., о разгроме имперских войск при Лянчжоу в 720 г. и о последующих походах на киданей и татабов в 721–722 и 733 гг. Особенно интересно упоминание о перевороте и резне в 716 г. в выражениях завуалированных и обтекаемых. Это место наиболее значительно, так как с него начинается вся эпитафия[9]. Зато события, изложенные в надписи Куль-тегина живо и пространно, здесь скомканы, так как старое повторять неинтересно. Повествование доведено до конца жизни хана, умершего в 734 г., и даже дальше, так как описаны его похороны в «год свиньи, в пятый месяц в двадцать седьмой день» [лето 755 г.]. Текст надписи составлялся в это время «месяц и четыре дня»[10]. В данном случае Йоллыг-тегин имел опыт и подражал самому себе, что часто бывает с писателями. Итак, мы можем рассматривать эпитафию Бильге-хана как продолжение и дополнение к надписи Кюль-тегина[11].

К тому же времени, что и надпись Кюль-тегина, относится надпись Тоньюкука. Составлена она после 716 г. так как обращается к «народу

9 С. Е. Малов, Памятники..., 1959. В строке первой С. Е. Малов допускает необоснованную интерполяцию: [после смерти моего отца, по воле тюркского Неба и тюркской священной Родины] я стал ханом (стр. 20). В тексте на стр. 16 на этом месте стоят только слова [ту] рк та [н] ри... . Могилянь стал ханом не после смерти своего отца, а 693 г., а после смерти своего дяди, в 716 г., и поэтому вставка не оправданна.

10 С. Е. Малов, Памятники..., 1959, стр. 23-24.

11 Надпись Кули-чура носит иной характер и будет рассмотрена особо.

Бильге-кагана»[12] и до 720 г., ибо о заслугах мудрого Тоньюкука в борьбе с басмалами в надписи ни слова не сказано. Больше того, надпись составлена тогда когда Тоньюкук был в опале и обращением к народу стремился заставить хана признать свои заслуги и вернуть его ко двору. Добился он этого в 719 г., когда Сулу получил из Китая титул хана[13]. Следовательно, текст надписи был составлен в 717-718 гг., и мы имеем редкий случай сохранности двух полемизирующих надписей на одну тему.

Третий документ — «Онгинский камень» — установлен в год дракона[14], т. е. в 716 или 728 г.[15]. Первая дата невероятна, хотя события в нем описаны лишь до вступления на престол Бильге-хана, т. е. до 716 г. Но составленный в 716 г. текст был выбит на скале 12 лет спустя[16]. Этот памятник был сильно попорчен, что затруднило чтение и введение его в научный оборот, но имеющаяся реконструкция текста позволяет причислить его к надписям Кюль-тегина и Тоньюкука как третий опус того же жанра. Он содержит апологию Алп Эльэтмиша, умершего в 719 г. (в год овцы). В надписи заповедано сыновьям и младшим братьям покойного хранить верность Бильге-хану, к которому он передался во время переворота 716 г.[17]. По направлению этот документ примыкает к надписи Кюль-тегина[18].

Жанр. Все три надписи представляют обращения к широким слоям тюркского общества. Причем цель этих обращений ничем не замаскирована, народ хотят убедить. Значит, надписи — агитация, и исторический материал приводится в них выборочно. Поэтому для нас особенно ценно, что в «Таншу» дано параллельное изложение хода событий. При проверке оказывается, что события изложены довольно верно, но неполно. Это понятно, так как в агитационном документе беспристрастие не только неуместно, но и противопоказано. Самое наличие такого жанра убеждает в том что сила слова у тюрок считалась реальной силой. Следовательно, общество было развито и общественное мнение уже существовало.

Композиция. Изучение композиции надписей дает возможность сделать интересные выводы. Выше было указано, что надписи Йоллыг-

12 С. Е. Малов, Памятники..., 1951, стр. 70.

13 Н. Я. Бичурин, Собрание Сведений..., т. I, стр. 273, 298.

14 W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften..., III, S. 252; С. Е. Малов, Памятники..., 1959, стр. 10.

15 См. П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-тегина..., стр. 40.

16 Ср. G. Clauson, The Ongin Inscription, pp. 191-192.

17 В год овцы (см. G. Clauson, The Ongin Inscription, pp. 187, 189).

18 Соображения А. Н. Бернштама и предложенная им интерпретация памятника потеряли значение вследствие опубликования перевода Клосон (см. Бернштам, Социально-экономический строй..., стр. 38-40).

тегина и Тоньюкука — полемические документы. Сравнение их композиций не оставляет в этом сомнений[19].

На этом фоне любопытна надпись Алп Эльэтмиша, старающегося изо всех сил «угодить начальству». Начинается с официальной трактовки истории; затем он указывает на своих чиновных родственников; потом подчеркивает, что он и Капаган хану и Эльтерес-хану был верен, а уже Бильге-хану будет верен тем более. И даже детей в этих принципах воспитывает. Короче говоря, он стремится убедить читателя в своей полной лояльности, что, видимо, необходимо, так как никто иной, как он принял командование у Кюль-тегина после битвы при Кадазе. Это один из уцелевших сторонников Мочура.

Йоллыг-тегин	Бильге Тоньюкук	Алп Эльэтмиш
1. Автор представляет читателям хана и его сподвижников (§ 1-2).	1. Автор представляется сам: «Я, мудрый Тоньюкук...», и т. д. (§ 1).	1. Автор дает всю свою генеалогию (§ 3-4).
2. Краткое перечисление войн Эльтерес- и Капаган-ханов (§ 3-4).	2. Экскурс в историю первого каганата (§ 1-3).	2. Экскурс в историю (§ 1-3).
3. Критика китайской культуры (§ 5-6).	3. Критика талантов Кутлуга (§ 4-7).	3. Клятва верности: «Я воспитан для эля Капагана и Эльтареса» (§ 3-4).
4. Критика поведения народа (§ 6-9).	4. Ссылка на небольшое количество народа (§ 6).	4. Резкое осуждение поведения народа (§ 6-9).
5. Указание на заслуги хана перед народом (§ 10): «Став каганом, я поднял неимущий народ, сделал его богатым, малочисленным — многочисленным. Разве есть неправда в моей речи?».	5. Перечисление походов, возглавляемых Тоньюкуком (§ 8-48): «Я был предводителем войск, я не спал по ночам, не имея покоя днем, проливая красную кровь, проливал черный свой пот, я отдавал народу работу и силу, длинные военные набеги» (§ 52).	5. Указание на верноподданничество своего отца (§ 5-6) и на свое (§ 10).

19 Полемический момент в орхонских надписях отметил Н. Н. Козьмин (Классовое лицо автора Йоллыг-тегина..., стр. 269-277). Считая тюркское общество феодальным, он полагает, что Йоллыг-тегин является представителем той феодальной аристократии, которая тесно сливала свои интересы с интересами княжеского дома (стр. 273), а Тоньюкук менее связан с поместным хозяйством и Утукенской чернью (стр. 276). Аргументация этого положения основана на выдернутых из контекста цитатах, незнании порядка тюркского престолонаследия, игнорировании общего хода событий и на ряде недискутабельных фактических ошибок (например, он называет восточных тюрок девятью племенами, стр. 268), исправление которых механически снимает вывод о массе аналогичных черт как в хозяйственном укладе, так и в социальной и политической структуре между орхонцами и франками (стр. 276).

6. Назначеиие надписи: «Знайте, тюркскне беги и народ...» — и подпнсь автора: «Эту надпнсь пнсавшнй есть внук его Йоллыг-тегин» (§ 13).	6. Подпись автора и назначение надписи: «Я, мудрый Тоньюкук, приказал иапнсать для народа тюркского Бильге-кагана. Ради стараний Эльтерес-кагана и мудрого Тоньюкука вот существует Капаган-каган и иарод тюрков-сиров» (§ 61).	6. Назначенне ивдпнсн: иаставлеиие детям храннть вериость Бильгехаиу (§ 3) и обращенне сына к погребениому отцу (§ 4).

Таким образом мы видим композиционный параллелизм при диаметрально противоположной трактовке одного и того же материала. Йоллыг-тегин превозносит хана; Тоньюкук прямо указывает, что хан был неумен, «не знает, где жирный бык и где тощий»[20]. Йоллыг-тегин поносит китайскую культуру. Тоньюкук заявляет, что он сам в ней воспитан и она ему не повредила. Йоллыг-тегин бранит бегов за склонность к измене, Тоньюкук возражает: «на свой тюркский народ я не направлял вооруженных врагов и не приводил снаряженную конницу»[21].

Число примеров можно умножить, но довольно и этого[22]. Надписи Йоллыг-тегина и Тоньюкука могут изучаться только во взаимной связи, так как они содержат полемические выпады двух партий внутри орды[23]: опальных принцев и преуспевающих вельмож.

Когда же Тоньюкук помирился с Бильге-ханом, он заговорил по-другому: «Могилянь хотел обвести орду стеною и построить храмы Будде и Лао-цзы. Тунюйгу сказал: «тюркский по численности не может сравниться с сотою долей народонаселения в Китае и что он может противостоять сему государству этому причиной то, что тюрки, следуя за травою и водою, не имеют постоянного местопребывания и упражняются только в военных делах. Когда сильны — идут вперед для приобретения, когда слабы — уклоняются и скрываются. Войска Дома Тан многочисленны но негде упот-

---

20 С. Е. Малов, Памятники..., 1951, стр. 65.

21 Там же, стр. 69.

22 Р. Жиро, сравнивая параллельные описания событий в надписях Кюль-тегина и Тоньюкука, отмечает некоторые текстологические несовпадения в деталях описаний и на этом основании полагает, что описывалось не одно и то же, а два разных события. Например он утверждает, что походов на кыргызов через Когмен было два (R. Giraud, L Empire kes Turcs..., p. 35) и битв с тюргешами при Болчу было тоже две (Ibid., pp. 36-37), потому что в одном описании сказано, что каган был убит, а в другом — пленен. На самом деле каган сначала попал в плен, и потом был казнен. Таким образом, он удваивает число событий и ищет для них подходящие, по его мнению, даты; например, он утверждает, что Учжилэ был взят в плен в 698 г. Тоньюкуком, после чего тот напал в 701 г. на Согдиану (ibid., p. 43). О том, что эта ситуация была невозможна, см. выше (стр. 291-294). Подход, основанный на буквальном восприятии текста, неправилен принципиально. Сообщения разных авторов, даже очевидцев, никогда не могут совпасть: один замечает одно и суммирует прочее, другой — наоборот. К тому же описания составлялись по памяти, много лет спустя, с разными целями и разными настроениями. Расхождения неизбежны, а истина может быть установлена путем исторической критики и анализа ситуации в целом, а не путем сличения фраз и грамматических форм источника.

23 А. Н. Бернштам (Социально-экономический строй..., стр. 40, 45) считает, что полемика Тоньюкука направлена против Мочжо-кагана, забывая, что именно при Мочжо Тоньюкук был в силе и уцелел во время резни 716 г. исключительно благодаря своей дочери, жене Могилана, однако он был послан новым ханом в ссылку (Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 273). Вместе с этим Бернштам считает Тоньюкука представителем консервативной платформы, оппозиционной к прогрессивным позициям бегов. Отсутствие аргументации этого положения лишает возможности вступить с ним в полемику.

реблять их... Сверх того, учение Будды и Лао-цзы делает людей человеколюбивыми и слабыми, а не воинственными и сильными»[24].

Лукавый царедворец пел то, что было мило его владыкам и соответствовало существующей политической моде а в моде при Бильге-хане была седая старина. Придворная ловкость Тоньюкука видна в самой надписи. Там он без стеснения приписывает себе все лавры умерших ханов, но по поводу живущего замечает: «Бильге-каган возвышает народ тюрков-сиров и народ огузов»[25].

Большая надпись Кюль-тегина содержит два тематических повествования: историю тюрок с 550 по 718 г. и некролог Кюль-тегину. Повествование ведется от лица самого Бильге-хана, но писал его скорее всего Йоллыг-тегин. По идеологии большая и малая надписи идентичны.

Первое повествование начинается с сотворения мира; затем идет упоминание о заслугах первых ханов и распаде Первого каганата. Весьма кратко, но выразительно изложена история подчинения тюрок империи Тан, и одной фразой упомянуто о восстании Фуняня. Затем выступает спаситель Ильтериш-хан; для него автор не жалеет похвал. Войны Капаган-хана весьма скомканы, а затем идет нотация народу, который сделал «низость по отношению к кагану,» из-за которой тот «улетел» т. е. умер. Заключен текст описанием заслуг самого Бильге-хана (больше внутренних реформ, чем военных предприятий). Опять-таки о войне 720 г. и о басмалах нет ни слова, поэтому надо считать, что текст составлен до 720 г., но, поскольку в числе врагов упомянуты кидани и татабы, можно думать, что большая надписи писалась в 718–719 гг. — на год позже малой и Тоньюкуковской надписей.

В этой части надпись Кюль-тегина композиционно и идеологически повторяет надпись Йоллыг-тегина. Поэтому напрашивается мысль, что первой была малая надпись, на нее ответил Тоньюкук, а для ответа ему был составлен текст большой надписи. Но это только предположение.

Вторая часть — некролог Кюль-тегину. Следует отметить, что возраст Кюль-тегина в момент смерти его отца Кутлуга дан переводчиком предположительно — 7 лет, но это неверно, ибо Кюль-тегину тогда, в 693 г., было 9 лет, а может быть уже исполнилось 10[26]. Дальше идет подробное описание походов с 700 по 716 г. Даны цифры убитых Кюль-тегином врагов и имена его коней. Очевидно, эта часть текста была составлена в 717 г. на предмет реабилитации Кюль-тегина после резни, учиненной им в 716 г. Поэтому так тщательно выписаны его подвиги в борьбе с внешними врагами. К этому тексту «привешен хвост» — оплакивание Кюль-тегина и описание его похо-

24 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 274.

25 С. Е. Малов, Памятники..., 1951, стр. 70.

26 Там же, стр. 40.

рон. Никакой логической связи между последним подвигом, совершенным в 716 г., и смертью Кюль-тегина в 731 г. нет, зато имеется неоправданный хронологический разрыв в 15 лет. Объяснить это можно только тем, что готовое литературное произведение — прижизненная апология — было приспособлено в качестве эпитафии. Для этого изменен был конец. Надпись заключена датой смерти Кюль-тегина и описанием его похорон. Тексты агитационных воззваний были увековечены для назидания потомкам. Полемика превратилась в дидактику.

Надписи как источник. Теперь перейдем к наиболее важному для нас вопросу: можно ли доверять тому, что содержится в надписях, и если можно, то в какой мере? Как мы видели, надписи составлялись людьми пристрастными и ставившими задачей не выяснение истины, а достижение своих целей. Поэтому оценки Йоллыг-тегина и Тоньюкука не могут быть справедливыми. Ход событий тоже изложен неполно: целый ряд фактов, изложенных в «Таншу» в надписях не упомянут. Но вместе с тем в надписях содержится множество сведений, рисующих нам культуру тюрок в VIII в. Их религия, исторические и географические познания, их идеалы, вкусы и, наконец, боевая тактика и система организации отражены в надписях с полнотой, превосходящей китайские сведения. Так как во время составления надписей эти предметы были общеизвестны и недискутабельны, то о них упоминается между прочим, и этим исключается сознательное искажение. Здесь верить можно, а также на базе надписей можно дать очерк культуры и идеологии тюрок.

Политические и стратегические проблемы истории каганата были разобраны выше, причем в качестве корректирующего источника привлекалась «Таншу». Поэтому мы больше не будем их касаться, а сосредоточим наше внимание на тех сторонах духовной жизни тюрок, которые до сих пор ускользали от нашего внимания, и на оригинальности древнетюркской культуры накануне ее гибели.

Волна. Второй тюркский каганат был военной державой, и потому война довольно хорошо изображается в надписи Кюль-тегина.

Облик тюркского богатыря весьма напоминает рыцаря из «Песни о Воланде», как и тактика боя. Бой вешался атакой тяжеловооруженных всадников, лавой, являющейся развернутым строем, при котором между всадниками настолько значительны интервалы, что фактически каждый боец предоставлен самому себе. Следовательно, успех боя зависит от индивидуальной подготовки каждого отдельного бойца.

Выше уже говорилось, что тут Кюль-тегин весьма отличился. «Кюль-тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелою, двух мужей заколол копьем. При этой атаке он погубил

белого жеребца из Байырку — сломал ему бедро»[27]. Затем он садится иа серого коия Башгу и врывается в ряды тюргешей, иа белом коне Шалчы он заколол двух карлуков. В битве с изгилями ои потерял коня Шалчы и на белом Азмане заколол шесть огузов и мечом зарубил седьмого. Защищая орду в 716 г., он «на белом Огсизе заколол девять мужей и ие отдал орды»[28].

Итак, поединок составлял важную часть боя. Если учесть, что богатырей всегда не очень много, то поиятио, что при такой тактике вывести из строя богатыря зиачило больше, чем порубить десяток простых воииов. Богатыри составляли удариую часть войска и смерть их обычио вела к панике и поражеиию.

Но этот примитивиый способ ведеиия боя не исключал маневра — обхода (вспомиим головокружительиые марши через сиег глубиной в копье и вплавь через Иртыш). Фактор иеожиданиости широко использовался тюркскими военачальииками.

Очень жаль, что нет возможности устаиовить хотя бы приблизительно числеииость отдельных армий. Мы ие вправе верить китайским преувеличеииям — армии в сотни тысяч иечем кормить в степи. В надписи Тоньюкука численность тюргешей в Ярышской степи определеиа в 100 тыс. человек. Это, разумеется, иельзя поиимать буквальио. 100 тысяч — это «тьма-тьмущая» — множество. В другом же месте Тоиьюкук дает произвольное преумеиьшеиие, определяя силы тюрок в 697 г. в Отюкеиской черни в 2 тыс. человек. Впрочем, ои тут же объясияет, что подразумевает два отряда войск[29].

Ожесточеиие при войие было сильным, — ие щадили ни женщин, ни детей. Их обращали в позориое рабство или просто убивали[30]. Обычно при межплемениых войнах у народов, стоящих на раиних стадиях развития, женщииы иеприкосиовенны.

Идеология. Официальная идеология Кагаиата зиждилась иа двух принципах: отрицаиие китайской культуры и сознание собствеииого превосходства иад соседями. Оба эти приицила осуществлялись весьма последовательио и обусловили как возрождеиие, так и гибель державы голубых тюрок.

По первому вопросу Йоллыг-тегии и Тоиьюкук едииодушиы. Йоллыг-тегин пишет: «У народа табгач, дающего иам без ограиичеиия столько золота, серебра, спирта [или зериа] и шелка, речь была сладкая, а драгоцениости мягкие; прельщая сладкой речью и роскошиыми драгоценно-

27 Там же, стр. 40-41.
28 Там же, стр. 42.
29 Там же, стр. 66, 68.
30 Там же, стр. 43; 1950, стр. 22.

стями, они весьма сильно привлекали к себе далеко жившие народы. Те же, поселясь вплотную, затем усваивали себе дурное мудрование»[31].

Что это за «мудрование», объяснено в надписи Кюль-тегину: «...вследствие подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщений, а также вследствие того, что они [табгачи] ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей, — тюркский народ привел в расстройство свой существовавший эль»[32]. Тоньюкук лаконичен: «Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры табгачской... Хан сказал: „приставайте ко мне". Я был к нему приставшим — мудрый Тоньюкук»[33]. Тоньюкук сделал выбор и бросил город ради степи.

Китайская надпись также отмечает наличие идейного направления у тюрок, которое можно было бы назвать воинствующим пассеизмом. Чтобы соблюсти свое достоинство, она предлагает весьма натянутое объяснение неприятию китайской культуры: «Его [Кюль-тегина] почтительность к родителям, дружелюбие ко всем прославились в отдаленных странах, его величие и добродетель заставили его бояться изменить нравы»[34]. Это вежливое, хотя довольно кислое, объяснение важно лишь потому, что оно подтверждает факт сознательного отталкивания от чужой культуры, которой противопоставляется собственная старина.

Этот момент чрезвычайно важен: здесь не только борьба государств, но борьба культур, борьба двух мировоззрений и мироощущений. Великая степь манифестом заявила свое право не быть Китаем, а быть только собой. Такая борьба велась еще со времени хунского Модэ-шаньюя, но здесь она сформулирована и зафиксирована в документе. Чтобы не поддаться обаянию Китая, нужны были сверхусилия, и их сделали голубые тюрки: Кутлуг, Тоньюкук, Кюль-тегин и Йоллыг-тегин.

Но если первый принцип мог быть популярен среди кочевников, подчиненных элю голубых тюрок, хотя он и бил по карману, лишая китайских подачек, то второй принцип был полностью неприемлем и даже оскорбителен. Тюркский эль, монолитный внутри себя, должен был по идее его основателей господствовать над прочими племенами. Тоньюкук как свою заслугу отмечает, что он всю жизнь «приобретал» и «возвышал тюркский народ»[35]. «Порядок», заведенный тюркским ханом, заключался в том, что «наши рабы стали рабовладельцами, а рабыни рабовладелицами»[36].

---

31 Там же, 1951, стр. 34.

32 Там же, стр. 36-37.

33 Там же, стр. 64-65.

34 В. П. Васильев, Китайские надписи..., стр. 6.

35 С. Е. Малов, Памятники..., 1951, стр. 69-70.

36 Там же, стр. 39.

Бильге-хан заявил: «Туфань (Тибетское царство) от собак происходит, а Кидань и Хи мои невольники»[37]. Тюргешского хана тюрки считали вассалом, и на пиру в Чаньани тюркский посол отказался сесть ниже тюргешского[38]. Высокомерие тюрок вытекало из сознания своей миссии — организации степи и строительства оригинальной культуры, но оно было связано с эксплуатацией и даже экспроприацией подданных, а это заставляло последних искать спасения в союзе с Империей, что предрешало гибель Каганата.

Но посмотрим, какова была культура, которую длинными копьями и острыми саблями проповедовали голубые тюрки.

История. Никакое развитие культуры немыслимо без знания своей истории и определенного отношения к ней. Эра летосчисления, если она не заимствована, знаменует начало исторического процесса этногенеза, т. е. с этой даты начинается существование данного народа, все что происходило до того, для данного народа будет предысторией.

Тюрки исчисляли свое существование от начала мира, но они полагали, что мир не так уж стар. Надпись Кюль-тегина начинается с исторического экскурса: «Когда было сотворено [или возникло] вверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены [или возникли] сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган»[39]. Таким образом, начало мира датируется точно началом VI в. н. э. Значит, мир существует всего 200 лет. Здесь прежде всего нужно отметить, что хуннская традиция в Срединной Азии прервалась. Тюрки, потомки хуннов, ничего не знали о своих предках, так же как монголы Чингисхана ничего не знали о тюрках. История Срединной Азии не может быть нам понятна, если мы не учтем двух разрывов традиции: между Хунну и тюркским каганатом и между каганатом и империей Чингисхана. В перерывах лежат периоды обскурации.

Но для китайцев история представлялась прямой линией, непрерывной цепью событий. Поэтому китайский текст эпитафии дает совершенно иную историческую концепцию, видимо тоже рассчитанную на пропаганду. Прежде всего прокламируется первоначальная общность человечества, разорванная лишь игрой слепых сил Инь и Ян[40]. Эта точка зрения весьма устраивала императоров династии Тан, так как их объединительные стремления клонились, таким образом, лишь к восстановлению первоначальной идиллии. Затем тюрки названы потомками хуннов и сделан упор на тот период, когда хунны находились в подчинении Китая, что, вообще говоря,

37 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 276.

38 Там же, стр. 298.

39 С. Е. Малов, Памятники..., 1951, стр. 69.

40 В. П. Васильев, Китайские надписи..., стр. 3.

для истории обоих народов было эпизодом. Тут явный расчет на необразованного читателя. Завоевание первого тюркского каганата в 630 г. представлено как устранение беспорядков, причем военные подвиги становятся не нужны. История восстановления каганата и последующих войн деликатно опущена, но констатируется установление мирных отношений, когда «вторжение и беспокойства больше не делались, лук и стрелы уложились в колчан, им, [тюркам], не было от меня, [императора], забот, мы не знали от них обманов»[41]. Дальше указывается, что «каган как бы мой сын», т.е. устанавливается не форма зависимости, которую не удалось осуществить, а «привязанности и почтительности»[42].

Историческая перспектива была привлечена для обоснования принципов современной политической линии, но, разумеется, сами китайцы эпитафию Кюль-тегину к числу исторических сочинений не относили.

Для нас важно другое — наличие научно-исторической полемики в VIII в. и характер ее. Подход тюрков к собственной истории весьма отличен от китайского.

Второе интересное обстоятельство — это несоответствие трактовки возникновения тюрок в надписи и в китайских хрониках[43]. Китайцы передают две мифические версии, согласно которым тюрки произошли от малолетнего царевича и волчицы. В надписи вместо мифа и сказки стоит глагол qylyn — делаться, быть сделанным[44].

Китайская эпитафия повторяет именно эту трактовку этногенеза, явно предпочитая ее старинным записям легенд. Теперь происхождение тюрок увязывается со страной Динлин, где «герои во множестве возникали»[45], т. е. осмысление явления становится примитивно-материалистическим, констатацией свойств местной природы. Можно думать, что в обоих случаях были зафиксированы тюркские представления, что дает основание констатировать у тюрок прогресс научной мысли. За 200 лет своей истории они, видимо, одолели перевал от мифического, образного мышления к историческому и рациональному.

Затем идет история Первого каганата, изложенная весьма поверхностно. Однако отмечен тюркский «лествичный» порядок престолонаследия: «После них стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами». Дальше идет ламентация по поводу «непрямоты правителей и народа» и «прельщений» табгачей. Тюркский народ обвиняется в том, что «привел в расстройство свой эль и навлек гибель на кагана», в результате чего должен был 50 лет отдавать труды и силы табгачскому кагану. Табга-

41 Там же, стр. 5-6.

42 Васильев В. П. Китайские надписи..., С. 6.

43 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 221.

44 Малов С. Е. Памятники..., 1951, С. 416.

45 Васильев В. П. Китайские надписи..., С. 7.

чей в этом надпись не обвиняет, так как они враги и, следовательно, должны вредить, а раз так, то они поступают как должно и ни в чем не виноваты. Этим и заканчивается история Первого каганата.

Однако скудность исторических сведений в надписи нельзя рассматривать как общее невежество. Наряду с надписью, вероятно, существовали не найденные нами или утраченные тексты иного содержания. Ведь большая часть рунических текстов делалась на дереве и истлела[46].

История немыслима без хронологии. Переход от циклического времени к протяженному — это переход от примитива в историю. В VI в. тюрки еще не имели летоисчисления, «а замечали времена только по зелени травы»[47]. В VIII в. у тюрок уже был принят «звериный цикл», т.е. каждый год носил имя зверя и через 12 лет повторялся. Такое исчисление времени существует и теперь у всех народов Средней и Восточной Азии. Происхождение звериного цикла — вопрос особый и пока не решенный. Можно только сказать, что он южного происхождения, так как среди зверей есть обезьяна. Принятие тюрками звериного цикла указывает на рост международных связей и заимствований.

Наряду с этим циклом существовала «живая хронология», например: «когда Кюль-тегину было 26 лет, мы предприняли поход на кыргызов»; или: «В этом сражении Кюль-тегин был 30 лет»; или: «когда на престоле сидел мой дядя-каган», и т. д. Можно предположить, что «живая хронология» была переходной формой от сезонного цикла (от весны до весны) к звериному циклу. До эры тюрки не додумались.

У тюрок была философия истории и даже различимы два ее направления. Воспитанный китайцами Тоньюкук — прагматик. Он полагает, что все сделал сам, так как он стремился к благу тюркского народа и хана. На первом месте Я — чистый волюнтаризм! Не исключен и религиозный момент: «Тэнгри[48] [небо, божество] дало мне знание»[49], но на земле Тоньюкук разбирается сам, это почти деизм. Вот тут-то и сказалось китайское воспитание, полученное Тоньюкуком. Почти такое же понимание механики исторического процесса мы видим в китайской надписи на фоне бессмысленной борьбы сил Инь и Ян. Тайцзун устраняет беспорядки и

46 Малов С. Е. Памятники..., 1951, С. 13.

47 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 231.

48 Т а   r i предпочтительнее перевести как божество или гений-покровитель, но не как безличное небо, так как тюркские ханы вели генеалогию от царевича и волчицы, а не от неба. В значении "божество" Тэнгри встречается у современных монголов, например, Дайчин-Тэнгри — божество войны, Марс. Лучше оставить термин без перевода, чем давать приблизительный перевод, допускающий неверные толкования. Точно такое же восприятие Тэнгри у Алп Эльэтмиша: "Наверху Тэнгри сказало: "не губи тюркский народ""; тут опять выступает промысел как фактор исторического развития. Вместе с этим Тэнгри имеет свое место в мире, оно наверху (см.: Clauson G. The Ongin inscription. PP. 188-189; ср.: Radloff W. Die alturkischen Inschriften..., S. 251; Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 10). То, что мировоззрения Йоллыг-тегина и Алп Эльэтмиша совпадают, вытекает из текста Онгинского памятника: "Я воспитан для эля Капагана и Эльтереса" (Clauson G. ibid.). Тем самым мы можем констатировать, что нашим анализом нащупаны элементы официальной идеологической концепции.

49 Малов С. Е. Памятники..., 1951, С.65

вводит просвещение; здесь принцип волюнтаризма выражен еще более четко.

Совсем иной подход у Йоллыг-тегина. Он теист. Когда тюрки шли к гибели, «Тэнгри тюрков и священная Земля — Вода тюрков так сказали: „да не погибнет народ тюркский, народом пусть будет"»[50]. Затем Тэнгри руководит Ильтериш-ханом и возвышает его, дает силу его войску и обеспечивает победу над соседями. Тэнгри может не только миловать, но и давить сверху, и земля тогда разверзается, но благосклонность Тэнгри можно вымолить[51], и оно поможет, ибо «время, [т. е. судьбу], распределяет Тэнгри»[52]. Законный хан мыслится как «Тэнгриподобный, в Тэнгри возникший тюркский мудрый каган»[53]. Как видно, набожный человек был Йоллыг-тегин!

География. Географические познания голубых тюрок были гораздо шире ареала их воинственных набегов. На востоке кроме киданей, татабов (хи) и отуз-татар[54] — древнемонгольских племен Маньчжурии — тюрки знали приамурский народ мукри[55].

На востоке от тюрок, недалеко от моря, орошенная Мутно-Желтой, или Морской, рекой[56], лежала «Шантунгская равнина». Это северо-восточный Китай.

На юге тюрки знали два крупных государства: Китай, который они называли Табгач, и Тибет.

Познания о Сибири[57] у тюрок были невелики. Очевидно, тайга их не привлекала. Они знали только племена и народы, жившие на границе со степью: байырку в Восточном Забайкалье, курыкаиов, в то время живших около Байкала, кыргызов в Западных Саянах и карлуков на Верхнем Иртыше. Название Иртыш (в надписи «Artis» сохранилось до нашего времени.

---

50 Там же, стр. 37

51 Там же, С. 38-40.

52 Там же, С. 43.

53 Там же, С. 27.

54 Отуз-татары в китайских хрониках называются шивэй, что является искаженной транскрипцией древнего слова сяньби (Викторова Л.Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке // Ученые записки ЛГУ. 1958, № 256, С. 54-62).

55 С. Е. Малов переводит так: Из страны солнечного восхода [пришел] народ степи Боклийской (Памятники..., 1951, С. 36). В подлиннике Бокли col(l)ig il, Col (монг.-тюрк.) —суша, безводная пустыня, но cogli — дальний. Второе чтение предпочтительнее, так как к востоку от средней Монголии не было в 552 г. никакого заметного степного народа, il — держава, т.е. можно перевести из дальней Боклийской державы. Бокли по звучанию совпадает с названием Мукри (мохэ).

56 Малов С. Е. Памятники..., 1951, С. 34, 38, 66.

57 Название Сибир бытует с V в. н.э. Так назывались угорские племена, населявшие бассейн Оби и ее притоков, в частности манси (вогулы) (см.: Чернецов В.П. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. 1953, № 35, С. 238; Patkanoff S. Uber die Sabiren // Korosi Gosma Archivum. 1900, № 1, 4, S. 258-277; Fecher O. Bulgarisch-ungarische Beziebungen in den V-XI. Jahrbunderten // Korosi Csoma Archivum. B. XIX, 2, S. 55-56, 69-70). Название Сибир фигурирует в титулатуре двух тюркютских ханов: Сыби-хан и Шиби-хан (кит.). Фонетическое различие чисто диалектное: с и ш — переходные согласные.

Значительио больше упомииаиий о западных странах. Средиюю Азию голубые тюрки изызывали Согдак; Сыр-Дарья имеиуется Йеичу, Жемчужиая река, а проход Бузгала-Темир-Капыг — Железиые ворота. Большие города изваины собствеиными имеиами, например Бухара. Из не граиичивших с тюрками областей упомянуты Курдаи, т. е. пустыии северной Туркмеиии, тохары, tazik — арабы и Пурум-Рум (Рим), т. е. Византийская империя. Такой широкий диапазон географических знаний голубые тюрки унаследовали от тюркютов Первого кагаиата. Хотя западиые связи тюрок были оборваны, ио зиания передавались по традиции и накапливались, т.е. шел рост тюркской культуры.

Кроме перечислеииых, в надписях встречаются назваиия, которые пока ие поддаются расшифровке: загадочный иарод азы обитал в северо-западной Монголии, рядом с иим жили изгили (?!) и сомиительиые берчекер. Абары, упоминаемые в надписи Кюль-тегииу, слились с исчезиувшим иародом мукри.

О иароде мукри упоминает Феофилакт Симокатта в своей «Истории»[58]. Ои считает мукри близкими к «таугастам», т. е. тобасцам, и очеиь воинствеииыми. Это племя мы находим в составе тюргешей в тесиом сожительстве с родами согэ и алишэ.

Шаванн полагает, что мукри = mou-ki отиосится к той тунгусской группе, которая китайцами имеиовалась мохэ[59].

Маркварт[60] отождествляет мукри с меркитами. Одиако обоими этими исследователями оставлен без виимания иарод мекрии, или мукрии. Мукри в VII в. в китайских аниалах называются мохэ и составляют одии из разделов тюргешей, населяя вместе с согэ верховья р. Или и северный Тянь-Шань вплоть до Хами. В самом деле, мукри ие могут быть меркитами как потому, что перестановка согласиых ничем ие оправдана, так и потому, что меркитов иикак нельзя иазвать народом, близким к Чаньаии-Таугаст. Мукрины же тесио соприкасались с западной граиицей империи Вэй на восточиых отрогах Тяиь-Шаня и Бейшаия. По-видимому, г. Мохэ, находившийся между Гучеиом и Урумчи, назван так по имеии обитавшего здесь племеии[61]. Вытесиенные карлуками из долииы р. Или, мукри удержались на южной окраиие своей области в северных отрогах Тянь-Шаня.

Рашид-эд-Дин сообщает о них следующее: «Племя бакрии, их также называют мукрии. Жилище их иаходится в страие Уйгуристаи, в крепких горах. Они ие моиголы и ие уйгуры»[62]. Согласно Рашид-эд-Дину, иесовпадеиие произиошеиия зависит от разиицы диалектов; тот же иарод изызывают

58 Феофилакт Симокатта. История. С. 160; ср.: Chavannes E. Documents..., P. 230.

59 Chavannes E. Documents..., P. 230.

60 Marquart J. Eransahr..., S. 54.

61 Chavannes E. Documents..., P. 271, 346.

62 Рашид-эд-Дин. Сборник летописей. Пер. И. Н. Березина. Введение. СПб., 1858. С. 129.

также кабрин по той же причине. Относятся они, согласно Рашид-эд-Дину, к степным племенам, похожим на монголов, происходящим от племен дядей мифического Угуз-хана. В этот раздел входят кераиты, найманы, онгуты, тангуты, бакрины и киргизы, т. е. разнообразные племена, этническая принадлежность которых различна и весьма неясна[63]. В тех же выражениях сообщает о мукринах Абуль-Гази[64], восходя, очевидно, к Рашид-эд-Дину[65]. Наконец, о мукринах упоминают Плано Карпини и Мин ши[66].

В монгольскую эпоху область мукринов составляла удел Хайду, внука Угедея, и затем, по-видимому, вошла в Чагатайский улус. Когда пала власть чагатайских ханов и в степи организовался узбекский племенной союз, то в числе племен, в него вошедших, были мукрины[67]. Ныне мукринов нет, хотя Грумм-Гржимайло в 1896 г. встретил в Карлыктаге остатки какого-то племени, говорившего на смеси монгольского, китайского и тюркского языков[68], но были ли это последние мукрины или кто другой, решить невозможно.

Кенгересы, с которыми воевали тюргеши, не кто иные, как печенеги, обитавшие в низовьях Сыр-Дарьи[69] и до перехода на запад называвшиеся «кангар», что означало благородство и храбрость[70].

Наконец, Тоньюкук называет свой народ тюрко-сирским — turk-sir-budun. Попытка Хирта[71] представить название сир как китайское се, составную часть этнонима сеянто, опровергнута Г. Е. Грумм-Гржимайло, но укоренилась в науке благодаря некритическим работам А. Н. Бернштама. Оставим вопрос о сирах пока открытым.

Западные тюрки всегда называются десятистрельным народом. Это не этноним, а след административной деятельности западнотюркютского хана Ышбара Толис-шад-хана в 635 г.[72]. Алты чуб, или шесть чубов, интерпретируются как чуйские племена, потомки среднеазиатских хуннов: чуюе, чуми, чумугунь, чубань; из них чубань в середине VII в. разделились на две части[73], а из чуюе выделились шато.

---

63 Там же, С. 70, 78.

64 Березин И. И. История Абуль-Гази. Казань, 1854, Ч. 1. С. 40

65 Рубрук Г. Путешествия в восточные страны. М., 1957, С. 37.

66 Покотилов Д. История восточных монголов в период династии Мин. СПб., 1893, С. 135.

67 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия..., С. 533.

68 Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия..., С. 484-485.

69 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия..., С. 314.

70 Константин Багрянородный. Офемах и О народах. М., 1899, С. 142.

71 Hirth F. Nachworte zur Inschrift..., S. 129.

72 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. 1, С. 286. Китайское чтение: Шаболо-Хилиши-хан.

73 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. 1, С. 289.

Чуюе (cub) упоминаются непосредственно в китайской надписи как западные соседи тюрок, что дает основание для предлагаемой интерпретации[74].

Итак, географические познания голубых тюрок по охвату уступали лишь китайским и греческим, но безусловно превосходили современные им западноевропейские.

Устная литература. Продолжая анализ данных этнографии, мы должны обратить свое внимание на фольклор, но большая часть былинных сюжетов если даже и восходит к древним эпохам, столь переработана в ойратское время[75], что использование фольклорного материала для исторического исследования должно быть сопряжено с предельной осторожностью.

Однако некоторые элементы фольклора все-таки можно датировать даже тюркютским временем. Среди былин, записанных у сказителя Н. Улагашева, одна — «Сай-Солонг» — содержит детали, восходящие к глубокой древности. Сюжет былины прост и неоригинален: богатырь совершает подвиги, побеждает бесов и врагов. Важно другое: в изложении Улагашева есть купюры, о чем говорит, например, неиспользование героем чудесного средства — эрдэнэ, данного ему сестрой, или употребление слов, не встречающихся в алтайском языке, например «эрмен». Но самое главное, что на помощь герою-алтайцу Сай-Солонгу приходит богатырь Ирбис-буркан (может быть, бурхан?)[76]; это, по мнению комментатора, «свидетельствует, что в основе былины лежит древний миф».

Этот Ирбис-буркан сообщает о себе следующее: «Сквозь толстую скалу пробиваясь, сам я на свет вышел»[77]. Комментатор пытается объяснить это как мотив, общий многим народам, в частности кавказским, но проводимые им аналогии с легендами об Амиране и Мгере Младшем[78] обратны саге об Ирбисе: на Кавказе богатыри входят в гору, а Ирбис выходит из нее. Кроме того, связь Кавказа и Алтая более чем проблематична.

Аналогия обнаруживается гораздо ближе, в самом Алтае. В сочинении Рашид-эд-Дина о происхождении тюрок рассказывается, что они были загнаны в горы и не могли оттуда выйти. Тогда они сложили в одном месте, у скалы, большой костер, и так как гора состояла из железной руды, то она расплавилась и образовалась дыра, через которую тюрки вылезли[79].

---

74 Васильев В. П. Китайские надписи..., С. 6. эЯub — название отдела народа (Малов С. Е. Памятники..., 1951, С. 376; Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. 1893-1911, III, 2184).

75 Потапов Л. П. Героический эпос алтайцев // СЭ. 1949, № 1, С. 120 и сл.

76 Малчи-Мерген. Алтайский героический эпос. Ойротское обл. нац. изд., 1947, С. 228-229, прим. 24, 31.

77 Там же, С. 190, 193.

78 Там же, С. 229.

79 Рашид Эддин. Сборник летописей. С. 136-137.

Здесь варианты совпадают точно. Тюрок Ирбис-буркан спасает из беды алтайца Сай-Солонга, женится на его сестре, и они живут вместе, по-братски. Именно этот мотив, для самой былины второстепенный, имеет историческое значение. Он подтверждает, что некогда аборигены Алтая слились с остатками тюркютов. Самое имя Ирбис, т. е. Барс, встречается в орхонских надписях[80]; но сомнение возбуждает вторая часть имени — бурхан. Ничего божественного Ирбис в себе не имеет, и права на такой титул у него как будто нет. В чем же дело? Скорее всего тут переосмысление позднейшего времени: бурхан получилось из Бури-хан, т. е. «волчий хан», а волками назывались тюркюты. С появлением шаманизма и началом общения с монголами и ойротами слово переосмыслилось и Ирбису была придана мистическая окраска, не свойственная ему по существу.

Тот же мотив — белый волк, спасающий Ак-Тойчи от Эрлика и вскармливающий его молоком диких маралух, — отмечен Л. П. Потаповым, сопоставившим его с легендой о происхождении тюркютов и усмотревшим в этом мифе отголосок древних тотемистических представлений предков современных алтайцев[81].

Второй сюжет, восходящий к эпохе тюркютского каганата, — это богатырская сказка об Алпамыше[82]. Известно много вариантов этой сказки, но наиболее архаична алтайская версия «Алып-Манаш», записанная со слов сказителя Н. Улагашева[83]. Ее содержание передано вкратце в том аспекте, который важен для истории тюркютов[84]. Алып-Манаш был богатырем-великаном; родители женили его на красавице, дочери Кыргыз-хана. Однако Алып-Манаш не любил свою жену и пустился на поиски красавицы Эрке Каракчи, дочери Ак-Кана. После разных приключений богатырь попадает в плен к Ак-Кану и на крыльях дикого гуся пишет домой просьбу о помощи. Посланный на выручку богатыря его названый брат отказывается его спасти и съедает волшебную пищу, данную для пленника. После этого, сделавшись похожим на Алып-Манаша, предатель возвращается, чтобы овладеть женой друга. Богатыря освобождает его конь, тоже не без волшебства. Богатырь и конь вместе побеждают Ак-Кана и убивают его вместе с дочерью, виновницей гибели многих богатырей. Народ и скот Ак-Кана богатырь увозит на родину «в карманах» — обычная форма угона вражеского народа и скота в алтайских сказках[85] , но является домой в

80 Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 69.

81 Потапов Л. П. Героический эпос..., С. 122.

82 Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960. С. 9.

83 Там же, С. 140.

84 Перевод вариантов сказки см.: Улагашев И. Алтай-Бучай. Новосибирск, 1941, С. 79-126; Граф А., Кучияк П. Алтайские сказки. М., 1939, С. 73-83.

85 Жирмунский В. М. Сказание..., С. 144.

образе лысого и паршивого старика и, пользуясь этим, уличает своего друга-предателя. Тот, почуяв опасность обращается в журавля и улетает, а Алып-Манаш, поселив на своей земле пленных и скот, добытый в походе, устраивает праздник для народа[86].

Тут интересно многое: путешествие за красавицей — злой дочерью «белого хана» — напоминает увещевания орхонских надписей жить у себя дома, в Отюкенской черни, и не устремляться к табгачскому хану за приманками роскоши, среди которых красавицы, хотя они и не упомянуты в надписях, должны были играть немалую роль. Письмо на крыле дикого гуся перекликается с китайским дидактическим рассказом эпохи Хань о после Су У, таким способом спасшемся из хуннского плена. Наиболее остра и болезненна тема предательства названого брата, а мы видели, что вся история первого каганата проникнута борьбой с китайскими разведчиками, подкупавшими тюркютских царевичей и богатырей. Тюркюты мало надеялись друг на друга, и потому роль положительного героя играет конь, наделенный волшебными качествами. Конец сказки проникнут разочарованием героя в целях, которых он добивался. Женитьба на красавице кажется ему менее желанной, чем месть, и он истребляет Ак-Кана вместе с дочерью и приближенными. Но практический интерес сохраняет свои права, и добыча вознаграждает героя за муки и опасности. Затем наступает счастливый конец, при котором порок наказан, а добродетель торжествует. Этот дидактический элемент был чрезвычайно важен в VIII в. при напряженной борьбе за место под солнцем, и он также перекликается с программными высказываниями Йоллыг-тегина и Тоньюкука. Какие-то неуловимые сюжетные интонации подсказывают, что анализируемый нами вариант, родившись, быть может, в первом каганате, бытовал во втором и оттуда попал на Алтай, где и сохранился до нашего времени. Благодаря этому обломку седой старины мы можем представить себе не только то, что провозглашали тюркские правители, но и то, что рассказывал и слушал их народ.

86 Все детали повествования гиперболизированы до предела и ощущение реальности не является эстетическим мерилом.

Глава XXV

ТИБЕТЦЫ И ТЮРГЕШИ

Тибетцы идут на запад. Тяжелая, кровопролитная и дорогостоящая война империи Тан и Тибета закончилась в 718 г. победой Империи. Тибетцы были загнаны на свою территорию, и быстрые воды Хуанхэ стали границей между двумя народами[1]. Тибетцы не могли продолжать войну, но тибетское правительство не могло не воевать. Борьба между престолом и знатью раздирала Тибет. Цари попытались найти опору в иноземном учении — буддизме; знать связала свою судьбу с местной религией бон.

Религия бон была принесена в Тибет из Средней Азии. Она заключалась в поклонении космосу с колдовским ритуалом и вызыванием душ усопших. Тибетцы поклонялись богам неба и земли, солнца, луны, звезд и четырех стран света. С их религией была связана грандиозная эпопея — цикл легенд о Гэсэре, полумифическом герое, боровшемся в Амдо с вторгшимися жестокими врагами[2]. Гэсэр проиграл войну, но тем более оснований было у его почитателей добиваться реванша.

Буддизм был явлением экзотичным. Для понимания и принятия он требовал известного интеллектуального развития и потому был доступен немногим, вкусившим от благ индийской или китайской культуры.

Не трудно заметить, что не буддисты, а последователи бона сражались в рядах тибетской армии: при заключении перемирий и договоров в жертву приносились лошади, быки или собаки, свиньи и овцы[3]. Аурель Стейн обнаружил неподалеку от Лобнора на левом берегу Хотан-Дарьи в Миране тибетские документы, относящиеся к VIII в. или началу IX в. Они отнюдь не буддийского направления, так как упоминаемые в них тибетские имена

1 Бичурин Иакинф. История Тибета..., I, С. 159.

2 Roerich G. N. Trails to Inmost Asia. New Haven, 1931, PP. 354-355. Здесь описана ранняя, примитивная форма религии бон. Современный бон весьма от нее отличен (см.: Там же. С. 355 и сл.).

3 Бичурин Иакинф. История Тибета..., I, С. 189.

по большей части не буддийские и не употребляющиеся ныне; некоторые титулы восходят к добуддийским сагам; свастика имеет бонскую форму; не встречаются термин «лама» и молитва «ом-мани-падма-хум»; кроме того, язык и стилистические особенности документов весьма отличны от языка религиозиой литературы[4].

С начала VII в. вельможи и бонские жрецы правили страной от имени царя, возведениого на престол в семилетнем возрасте[5]. Опорой знати было войско, и распустить его — зиачило оказаться беззащитным не только перед внешним врагом, но и перед собственным царем. Держать же войско без дела нельзя, так как тогда оно с иевероятной быстротой разлагается. Поэтому нужно было воевать и добиваться победы, чтобы кормить свою опору за счет соседей; другого способа в те времеиа не знали.

Однако, прежде чем следить за ходом развернувшихся событий, посмотрим, что представляло собой тибетское войско VIII в., ибо особенности его помогут нам при дальнейшем анализе уяснить судьбы тибетской экспаисии.

О древнем тибетском оружии очень мало сведений; китайская хроника сообщает только, что «шлемы и латы их чисты и светлы и покрывают все тело, кроме глаз»[6]. О наступательиом оружии не говорится ни слова, за исключением нескольких разбросанных в тексте упоминаний о стрелах и пращах[7]. Этого несомненно недостаточио, чтобы представить себе внешний облик древнетибетского воина и уяснить причииы победоносности тибетской армии. Важио здесь упоминание пращи, что свидетельствует о наличии пехоты. Для коииого строя праща неприменима, потому что, сидя на коне, иевозможно подбирать камни с земли и крутить пращу. Предки тибетцев — жуны — тоже сражались с китайцами в пешем строю и часто одерживали победы[8].

Но китайские аиналы говорят имеино о тибетской коннице, совершавшей неотразимые набеги и рейды по тылам. Видимо, тибетская конница VIII в. сражалась в пешем строю. Это не должно смущать читателя, так как известно, что телесцы (сеяньто и уйгуры), имея для походов по четыре заводные лошади, для боя спешивались и оставляли лошадей коноводам[9].

Тактика конного построения и боя была впервые освоеиа тюркютами в VI–VIII вв.[10] и малоприменима в условиях пересеченной местности.

---

4 Bell C. The religion of Tibet. Oxford, 1931, P. 4.
5 Бичурин Иакинф. История Тибета..., I, С. 155.
6 Там же, С. 129..
7 Там же, С. 197, 201.
8 Govern, The early empires of Central Asia, London, 1939, P. 87.
9 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 341.
10 Гумилев Л. Н. Статуэтки..., С. 242.

Исходя из тактических возможностей танской и тибетской армий, мы легко можем разобраться в причинах успехов как той, так и другой. На широких равнинах удар имперской тяжелой конницы сминал скопища тибетцев, но в горах латники были бессильны перед подвижными стрелками и пращниками, умевшими использовать пересеченный рельеф. Поэтому вторжения тибетцев в Китай бывали удачны лишь тогда, когда регулярные войска были заняты в другом месте; а наступления имперцев доходили лишь до гор и захлебывались. При наличии тактики VIII в. завоевание Тибета было для империи Тан непосильно, и она ограничилась тем, что загнала тибетцев за Желтую реку, отрезав им пути к неожиданным набегам.

Но тибетское войско без внешней войны немедленно разошлось бы по домам и единство страны нарушилось бы. Это правители понимали, и, поскольку восточный путь оказался пока закрытым, они обратили силы своих войск на запад. Здесь, среди утесов и ущелий, тибетское войско могло найти применение своим способностям.

Тибетское войско было одновременно и ополчением племен, и регулярной армией. Это было достигнуто путем весьма остроумной организации, при которой весь Тибет был разделен на четыре больших военных округа (ру), каждый из которых делился на верхний и нижний разделы, а те в свою очередь на четыре войсковые единицы (тонгдэ), иногда совпадавшие с племенами, населявшими данную территорию[11]. Когда племена были многочисленны, то их делили между войсковыми единицами, таким образом использовав существовавшее деление на племена для административно-военных целей. Войсковые подразделения вокруг Лхасы вообще формировались без учета племенного состава, так как они находились в непосредственном распоряжении царя; прочие же воинские части подчинялись своим старейшинам, причем в некоторых случаях должности были наследственными[12].

Сила тибетской армии, в которой феодальные и родо-племенные отношения соединялись с продуманной централизованной организацией, была для тех времен грандиозной. Что же могли противопоставить тибетцам их западные соседи, которые должны были стать их добычей?

Западный Тибет. Западный Тибет, орошаемый верховьями Инда и его притоками, в начале VIII в. не входил в состав Тибетского царства. Там располагались мелкие владения с населением, состоявшим из смеси тибетцев и племени дардов. В княжестве Лех, на берегу Инда, правила династия, ведшая свое происхождение от полумифического Гэсэра. В Сас-

11 Uray G. The four horns of Tibet according to the royal annals // Acta Orientalia Hungaricae, T. X, I, 1960, PP. 31-57.

12 Богословский В. А. Очерки истории..., С. 128-138.

поле владетель титулировался Бандель, а в Калатсе удержалась династия дардских князей. Кроме того, отдельные деревни управлялись племенными вождями, не подчинявшимися никому[13]. Все эти княжества враждовали друг с другом, и потому нет ничего удивительного, что тибетцы, заключив мир с империей Тан в 718 г., уже в 722 г. «учинили нападение на Малый Болюй»[14], т. е. Гилгит, добраться до которого они могли, лишь став хозяевами Западного Тибета и Балтистана (Большой Болюй).

Балтистан и Гилгит закрывали тибетцам выход в Среднюю Азию через горные тропы, и потому дипломатическая борьба за ориентацию этих княжеств приняла весьма острые формы. В 717 г. тибетцам еще удавалось проходить через припамирские горы для набегов на Кучу, но в том же 717 г. царь Большого Болюя решил не пропускать тибетские войска через горные проходы. После этого самостоятельная политика Большого Болюя не отражена историей, а в географическом разделе «Таншу» отмечено, что эта страна подчиняется тибетцам[15].

Горная страна. В припамирской горной стране было много микроскопических княжеств и несколько крупных, например Кашмир и Тохаристан. В начале VIII в. они испытывали двойное давление: с востока нажимали тибетцы, с запада — арабы. Владетели, естественно, хотели сохранить свою независимость и поэтому ориентировались на Империю. В 710 г. в Китай прибыло посольство из Сие, небольшого княжества в Западном Гиндукуше[16]. Вслед за ним, в 713 г., пришло посольство из Кашмира, чтобы установить дипломатические отношения с Китаем и заключить союз против Тибета. Кашмирский царь предлагал прислать вспомогательную армию, которую обещал снабжать съестными припасами[17]. Посольство было отпущено из Чанъани в 720 г., причем формальный союз был заключен, но пользы от этого ни Кашмиру, ни Китаю не было.

В 718 г. в Чанъань обратился младший брат тохаристанского джабгу. Он сообщил, что возглавляет царей Забулистана, Каписы, Хутталя, Курана, Шумана, Шугнана, эфталитов, Вахана, Джуздана, Бамиана, Кабадиана и Бадахшана, из коих двое первых имеют по 200 тыс. всадников и воинов, а остальные по 50 тыс. Несмотря на это, он слезно просил помощи против тибетцев и арабов, так что можно думать, что на самом деле воинов было значительно меньше, чем 900 тыс.[18]. Император одобрил решение

13 Francke A. H. History of Western Tibet. London, 1907, PP. 48-49.

14 Бичурин Иакинф. История Тибета..., I, С. 162.

15 Chavannes E. Documents..., P. 150, № 1.

16 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. II, С. 323.

17 Там же, С. 325.

18 Chavannes E. Documents..., PP. 200-202.

горцев воевать с тибетцами и арабами и дал их князьям пышные титулы (720 г.). Но уже в 727 г. из Забулистаиа пришло письмо в Чанъань. Это был буквальио вопль о помощи, ибо арабы наседали[19]. Потом все стихло.

Больший успех имело посольство из Малого Болюя. Это княжество, расположенное в Западном Тибете, иа берегах Инда, было населеио монами и дардами — арийскими горными племенами, родственными индийцам. Тибетцы требовали от владетеля Болюя свободного пропуска через его владения в Западиый край, чтобы неожиданно напасть на китайцев в Кашгаре и Куче. Однако болюйский владетель не верил в искренность тибетцев и был прав, ибо оии отняли у иего девять городов. Китайский иаместник Бэйтииа встревожился и отправил в Болюй 4 тыс. человек из Кашгара[20].

Ободренные болюйцы наголову разбили тибетцев и отвоевали свои города[21]. Некоторое время Болюй был в союзе с империей, но китайская помощь была эпизодом, а тибетское соседство — печальиым фактом. Один из болюйских князей, Суджа-раджа (Сушиличжи), женился на тибетской царевие, и 20 горных княжеств на восток от Памира подчииились Тибету. Три похода, предприиятых наместииком Западиого края, были неудачны, и тибетская экспаисия продолжалась. Чтобы ослабить иажим тибетцев на западе, имперское правительство в 724 г. возобиовило войну на востоке. Война шла с перемеиным успехом до 730 г., когда снова был заключен мир. На этот раз тибетцам удалось разорить Болюй, причем император ограиичился дипломатическим протестом, не прииесшим, разумеется, никакой пользы побеждениым[22].

Расправившись с Болюем, тибетцы напали на Тохаристан, но были отбиты китайскими войсками[23].

Из Индии в Чанъань также приходили посольства и просили войск против тибетцев и арабов. С аиалогичными просьбами обращалась Гибиинь в 713 и 719 гг.[24]. Если бы тюркские всадники продолжали «отдавать табгачскому хану свою душу и силу», может быть диiастия Тан остаиовила бы мусульмаи, покорила Тибет, подчинила Индию, раздроблениую на враждующие владеиия, и объединила бы всю Азию. Но эти всадники бились против диiастии, и она должна была или их победить, или истребить.

19 Ibid, PP. 293-294.
20 Ibid, PP. 150, 293.
21 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. II, С. 320.
22 Бичурин Иакинф, Истории Тибета..., I, С. 169.
23 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. II, С. 322.
24 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. II, С. 307, 309.

Имперская феодальная система. Выход в Среднюю Азию сулил тибетцам огромные перспективы. Уже в 715 г. они сумели столковаться с арабами. Тибетцы предложили арабам признать их притязания на долину Сыр-Дарьи, т.е. Согдиану, а арабы предоставили бы тибетцам право на овладение долиной Тарима[25]. Степи к северу от Тянь-Шаня захватили тюргеши, и для имперской власти не должно было остаться ни клочка территории. Но именно в эту эпоху Средняя Азия приобрела особое значение для династии Тан. Выше указывалось, что династия эта совмещала в себе элементы китайской и тюркской культур, причем стремилась уравновесить оба эти элемента. Традиция нарушалась государственными переворотами, совершаемыми китайцами, и восстаниями тюрок, но Сюаньцзун пришел к власти именно как носитель древней традиции.

Однако степь откололась от Империи безвозвратно. 720 год был ознаменован победой тюрок и восстановлением мощи тюргешей. Значит, надо было искать такую замену степнякам, которая могла бы послужить противовесом растущему влиянию китайских подданных Империи. Очевидно, внимание имперского правительства остановилось на согдийских и тохаристанских княжествах, ибо с этого времени к ним проявляется повышенный интерес. В поведении имперского правительства наблюдается система, которая дает основание сделать вывод, что Сюаньцзун предполагал создать обширную феодальную империю, причем, что особенно примечательно, с ленной системой при принципах «оммаж, фуа и инвеститура»[26], тогда как в самом Китае он ограничивался раздачей бенефиций.

Система, которую чаньаньский двор принял за основу взаимоотношений, сводилась к следующему. Император был объявлен единственным источником законной власти. Только он, согласно указанной концепции, мог утвердить иностранного князя, причем он жаловал ему титул и его собственные земли в наследственное или пожизненное владение, но князь тем самым входил в систему империи и был обязан сюзерену лояльностью. Дани с иностранного князька не требовали, напротив, — посылали ему роскошные подарки, главным образом шелка. Во внутренние дела княжеств китайцы не стремились вмешиваться, так что, казалось, князек, получивший титул и инвеституру, только выигрывал, так как плата за это была лишь в почтительности к императору — сюзерену (оммаж). Поэтому в период 717 по 740 г. тюргешский хан, почти все согдийские и то-

25 Chavannes E. Documents..., P. 291.

26 О м м а ж (homagium) — церемония выражения желания младшего стать под покровительство старшего и сильного; ф у а (fides) — присяга младшего на верность старшему; и н в е с т и т у р а — ввод вассала во владение феодом. Все вместе — феодальный контракт.

харистанские князьки и даже несколько индийских радж прислали в Чанъань посольства с просьбой о союзе.

Но какую же выгоду из такой ситуации могло извлечь имперское правительство? Оно хотело, привязав к себе новых добровольных союзников, получить от них «труды и силы», те самые, в которых отказали ему тюрки. Используя принцип верности, имперское правительство стремилось создать огромную армию и с помощью ее раздавить Тибет, отбросить арабов и поставить на колени недовольных и непокорных. Но все это нужно было сделать местными средствами, не снимая ни одного полка с восточной границы. Имперцы рассчитывали, что страх перед грабежами арабов и тибетцев толкнет к ним в объятия все население Средней Азии и им остается лишь внести туда организующее начало[27].

Но среднеазиатские князьки совсем не того ждали от Империи. Они хотели получить защиту от врагов. Если бы даваньский наместник имел в своем распоряжении несколько десятков тысяч копьеносцев, то поддержка ему была бы обеспечена. Но у него было очень немного плохо обученного войска и предписание использовать силы союзников для войны с арабами и тибетцами. А эти союзники именно потому и обратились к Китаю, что их силы в этой борьбе иссякли[28]. Они хотели, чтобы им прислали войско, а в Китае ждали возможности получить от них подкрепления. Как только это поняли в Согдиане, прекратилось и ее сопротивление арабам, как безнадежное. Тогда же и пала ленная система империи Тан, оказавшаяся мертворожденной. Вот тут-то и выдвинулся на первое место тюргешский каганат, восстановленный каганом Сулу.

Черные тюргеши. Как говорилось выше, тюргешский народ образовался из двух племен — мукри и абаров. Еще в VII в. тюргешские роды делились на желтые (потомки мукри) и черные (потомки абаров). При этом следует иметь в виду, что в Азии желтый цвет символизировал знать, а черный — народ. Это деление когда-то имело свои основания, но в VIII в. уже невозможно заметить никаких различий между желтыми и черными родами, за исключением взаимной неприязни, унаследованной от предков. Учжилэ и Согэ принадлежали к желтым; Сулу, восстановивший орду после тюркского нашествия, был из черных. Сулу снискал себе популярность очень простым способом: «После каждого сражения добычу всю отдавал

27 Чтобы не быть голословным, привожу список пожалований в лен собственных владений среднеазиатских князей: в 705 г. Багадуру Тудуну, князю Чача (Ташкент) и царю Ферганы; в 718-719 гг. Тугшада бухарский и Гурек самаркандский просили принять их опмиж и прислать войско для его избавления от арабов; в 720 г. были пожалованы леном цари Забулистана и Гибини; в 727 г. — Ябгу Тохаристана, теснимый арабами, просил принять его в число вассалов. Дальше идут повторные просьбы и пожалования. Картина ясна (см.: Grousset R. Histoire de l'Extr'eme-Orient. PP. 281-282; Chavannes E. Documents..., PP. 290-295).

28 Chavannes E. Documents..., P. 292.

подчиненным, почему роды были довольны и служнли ему всеми силами»[29]. Сражаясь иа западе против наступающих арабов, Сулу заключал дипломатические бракн с тюркским ханом, тибетским цэнпо н в 722 г. с нмператором, прнчем последний выдавал за иего царевну нз рода Ашина. Оиа была дочерью одиого из ханов (Хуай-дау), служнвшего в имперской армии. Это прнчисляло ее и ее мужа ие только к кочевой зиати, но и к бюрократической аристократии империи. До 737 г. все было вполие благополучно.

Хроника отиошеиий между тюргешским кагаиатом и империей Тан является великолепиой иллюстрацией вышеописаиной леиией снстемы. В 717 г. Сулу, объявнв себя каганом, вместе с арабамн и тибетцами напал на имперские гарнизоны в Бохуань (Яка-арык) н Дашн (Аксу). Только своевремеиное вмешательство тюрского царевнча Ашина Хяия, который прнвел карлуков, спасло положеине. Но уже в 718 г. Сулу получил чин и княжеский титул, а в следующем году был офнциальио изван «хаиом верным и послушиым»[30]. С этого времеин ои иачал активиую борьбу с арабами, прнчем в арабских документах ои имеиуется «племянник китайского нмператора», что отиюдь нельзя понимать как фнксацию родственых отношеиий. Союз с Империей дал тюргешам обеспечеиный тыл, так как их северные соседи — карлуки были в русле имперской политикн.

Арабы со своей стороны попытались сделать тюргешей своими союзниками, но метод их был другой — пропаганда нслама. Халнф Хишам (724-743) отправил проповедннка к Сулу, предлагая ему приият мусульманскую веру, с чем связывалось и политическое подчинеине халифу, как духовному и светскому главе всех мусульман. Хан в прнсутствин посла устроил смотр войску и потом заявил переводчику: «Скажи этому послу, чтобы он передал своему господниу, что иет среди этих ии цирюльинков, ни кузиецов, ии портиых; если оин будут следовать предписаииям ислама, то откуда же они добудут средства к жизни?»[31].

Тюргешский хаи дал поиять, что он великолепно зиает, для чего нужиы халифу единоверцы. Арабы в то время отмеиили налоговые льготы для иовообращеииых, продолжая взимать с них харадж, от которого освобождались мусульмаие, а также используя их в качестве пополнеиия рядового состава свонх войск. Зато дружба с Имперней и услуги согдийским дихкаиам оплачивалнсь тюргешам шелком и золотом. Поэтому Сулу со всей эиергией повел борьбу протнв войск халифа и остановил их дальнейшее продвнжеиие.

29 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 298.

30 Chavannes E. Documents..., P. 284, № 2.

31 Биртольд В. В. О христиинстве и Туркестане и домонгольский пернод // ЗВОРАО, Т. 8, 1893, С. 9.

Возросшая мощь тюргешей вселила в согдийцев иадежду избавиться от жестокого арабского гнета. В 720–721 гг.. в Согде вспыхиуло восстание, с которым арабы довольио быстро справились. Однако оно повторилось в 724 г., и иа этот раз тюргеши успели прийти на помощь повстанцам. Арабы действовали весьма решительно. Вождь восстания дихкан Диваштич был взят в плеи и распят. Несмотря на это, тюргешн и уцелевшие повстанцы уничтожили арабскую власть в Согде. Лишь повториое иаступление в 728 г. опять отдало Согд в руки арабов.

Анализируя действия тюргешей в Согдиаие, мы не видим ни больших сражеиий, ни массироваииых ударов или продуманных операций. Тюргеши вели малую войиу. Их мобильные коиные отряды всюду щипали арабов и всегда доводили их до полного изнурения. Эта тактика при поддержке согдийского иаселения все время держала арабские гарнизоны в состояиии крайнего иапряжеиия[32]. Арабам подчинялись только взятые с бою города и беззащитные деревии в легко доступных долинах. Горцы не хотели и слышать об исламе и иалогах, связанных с ним. В 737 г. Асад иби-Абдаллах иапал на Хутталян и был иаголову разбит. Тогда согдийцы решили, что иастал момент для освобождения, и Самарканд, Чач и Фараб отложились. Возможио, что иа этот раз им удалось бы получить избавление, ио помешали события на востоке.

Царевна Ашина, тюргешская ханша, одиажды послала гонца за чем-то в Кучу. Просьба была передаиа в форме приказания, ибо в этом выражалось ее ханское достоииство.

Наместник Западного края, китаец Ду Сян, возмутился тоном послаиия, заявил: «Как смеет мие приказывать дочь Ашины!» — и не дал ответа. Этого было достаточно для разрыва. Ущерб был нанесен достоинству хана, степное «длинное ухо» разиосило весть по степи, и престиж хаиа мог пострадать.

Вряд ли китаец Ду Сяи мог думать, что его чваиство и вспыльчивость вызовут войиу. Скорее здесь сказалась разиица между китайской и тюркской психологией. В Китае на Ду Сяиа был бы написаи донос, чего он, имея связи, ие боялся; в Средней Азии же вспыхнуло возмущение, и Сулу, вступив в союз с тибетцами, осадил Кучу. Ду Сяна в крепости не было. Он уже получил повышеиие и уехал в Китай. Его заместитель должеи был ограничиться обороиой крепости, так как, выходя в поле, он неизбежно терпел поражение. Сулу ограбил китайские колоиии в Западном крае и, узиав, что его обидчик за пределами досягаемости, снял осаду с Кучи. Одиако война иа два фронта и иеудачи в борьбе с арабами оказались роковыми для тюргешской державы. Сулу «почувствовал скудость, почему на-

32 Подробности см.: Бартольд В. В. Туркестан..., С. 190.

грабленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела. Тогда и подданные начали отделяться от него»[33]. В этой цитате, как в зеркале, отразилась вся природа тюргешского ханства. Между собой варвары были связаны только совместным грабежом, но даже эта связь разрывалась унаследованной от предков рознью «благородных» и «черни»[34].

Вся тюргешская мощь держалась на энергии хана. В 738 г. Сулу разбил паралич. Сразу проявилось копившееся в орде недовольство. Вельможа Бага-тархан (имя неизвестно), носивший также титул Кюльюг-чур[35], племени чумугуней, ночью убил хана в его шатре и попытался захватить власть[36].

Сразу вспыхнул доселе тлевший огонь вражды между желтыми и черными. Во главе желтых встал Бага-тархан, а другой вельможа, Думочжи, поставил ханом сына Сулу — Тухосяня Гучжо. Тухосяню подчинились тюргешские князья на р. Чу и Живэй-хан из черного рода, охранявший г. Талас. Под знамя Бага-тархана кроме желтых тюргешей явились ополчения Западного края, Ферганы, Чача и Кеша, а так же имперский «главноуправляющий в стране Великой Песчаной Степи на запад»[37]. В битве на р. Чу черные тюргеши были разбиты и Тухосянь взят в плен. Кашгарцы и ферганцы разгромили Талас и убили Живэй-хана. Все вдовы Сулу и вдова Живэя попали в руки победителей. Пленные были отправлены в Китай, где их великодушно простили, а Тухосяню дали даже чин. В 739 г. Империя снова пыталась установить свою гегемонию в Средней Азии. Желтые роды нашли союзников в согдийцах, так что можно заключить, что тюргешская аристократия начала приобщаться к согдийской культуре.

Но имперское правительство опять промахнулось. Стремясь восстановить status quo, император назначил правителем «десяти стрел» царевича Ашина Хиня. Ему должны были подчиняться покоренные тюргеши. Но тут

33 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 299.

34 Там же.

35 У Шаванна он назван Кюль-чур (см.: Chavannes E. Documents..., P. 285). Исправлено Дж. Клосоном (см.: Clauson G. A propos du manuscrit..., Vol. 255, № 1, 1957, (Extrait), P. 16).

36 Тан шу дает несколько иную версию (см.: Chavannes E. Documents..., P. 285), где китайские сведения корректируются данными Табари, который называет убийцу хана Сулу — Курсуль. Идентификацию см.: Marquart J. Historische Glossen..., S. 181-182; Marquart J. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898, S. 38; Barthold W. Die alttürkischen Inschriften..., S. 27; Бартольд В. В. Туркестан..., II, С. 195. Мохэ (Шаванн читает "бага") ни в коем случае не может быть именем собственным, так как еще Учжилэ имел титул "мохэ дагань" (Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 296; Chavannes E. Documents..., PP. 43, 79). А. Н. Бернштам опубликовал тюргешскую монету с надписью уйгурским шрифтом: "turgas qa ɜ an bai ba γ a" ("Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа" Т. II, 1940, С. 105). Как видно из транскрипции, буква Г одинаково означает q и ; поэтому можно прочесть вместо ba γ a — baqa qa ao, т. е. первый слог этнонима bakrin, равнозначного с мукрин. Действительно, китайцы пишут название племени и титул тархана одними и теми же иероглифами. Это показывает, что термин "мохэ-бага" означает принадлежность к племени, в данном случае мукрин-бакрин. При этом необходимо учитывать, что мохэ дагань, т. е. мукринский тархан, — титул родовой, так как в иерархии тюргешского каганата интересующий нас персонаж носил титул куль-чур и управлял племенем чумугунь (см.: Chavannes E. Documents..., P. 285, № 3).

37 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 299.

возмутился Бага-тархаи, вождь желтых тюргешей, и потребовал, чтоб назначили его. Тогда тюргешей выделили из «десяти стрел» для Бага-тархана, но политика компромисса оказалась неудачной. Присланный из Китая Ашина Хинь в 740 г. подвергся нападеиию тюргешей под г. Цзюйлаиь[38] и погиб[39]. Простить этого имперцы ие могли. Неизвестно каким образом, но Бага-тархан был схвачен и казнен, а управлеиие западными кочевииками было доверено его сопернику — Думочжи. Но уже в 742 г черные тюргеши выбрали себе ханом Иль Идимиш Кутлуг Бильге (кит. Илиди Миши Гудулу Бигя) и имперское правительство оставило их в покое. В 741 г. правитель Чача просил императора направить войска против арабов. Император отказал: войска ему были нужны в другом месте. Поэтому оставили без виимания и тюргешей — было ие до них.

Тем временем новый наместник Хорасана и Мавераннахра, Наср ибн-Сейяр, со свежими войсками вступил в Согд и при Харистаие в 737 г. наголову разбил повстанцев. Отсутствие тюргешей, осаждавших в это время Кучу, определило быстрый успех арабов. Наср подавил сопротивление в Самарканде, Чаче и Фарабе и стал 738 г. на твердых рубежах, за которыми, как взбаламученное море, колыхалась степь. Смерть Сулу и распри лишили тюргешей возможиости отбросить арабов и погасили в согдийцах надежду на реванш. Покорение Средней Азии арабами можио было считать законченным.

Наср ибн-Сейяр оказался более тонким политиком, чем его предшественники. Он отказался от террора и в 740 г. провозгласил мир. По одному из условий мира Наср гарантировал ие только веротерпимость, ио и полную амнистию отступникам от ислама, ибо во время последией борьбы многие согдийцы вериулись к вере отцов, и ожидая кары за измену иовой вере, скрывались в степи, у тюргешей. Амиистия позволила им вернуться и примириться с иовой властью. Мир сделал то, чего ие смогла достичь война. Согд был оторван от степи и слился воедино с Хорасаиом.

Тибето-китайская войиа. Хотя можно без сомнения утверждать, что Тибет в VIII в. был страной весьма воииственной, но китайские пограничники, составлявшие опору династии Таи, в воинственности превосходили всех своих соседей. Война была их профессией и единственным способом выдвииуться, т. е. целью и смыслом жизни, в то время как тибетские пастухи, будучи распущены по домам, возвращались к естественному для них быту и состоянию. После поражений, перенесенных ими в минувшую войну, тибетские военачальники ограничивались обо-

---

38 Кулан в Семиречье, впоследствии село Луговое (Бичурин Н. Я. Собрани сведений..., Т. III. С. 210).

39 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 296, 300. Убийца Хини назван Мо-хэ-ду , что дало повод Грумм-Гржимайло отождествить его с князем Чача (Западная Монголия..., С. 329). Но Мохэду значит богатырь (богадур), и здесь это имя нарицательное.

ронительными мерами, т. е. постройкой земельных укреплений[40], ибо тибетцы столь же опасались китайских пограничников, сколько китайские крестьяне — тибетских кочевников. Поэтому тибетцы в 731 г.радостно встретили предложение имперского полководца Цуй Си-мяня возобновить мирный договор, скрепив его клятвой над трупом заколотой белой собаки, дух которой должен был хранить иерушимость обещаний. После этого тибеты «оставили пограничные предосторожности и занялись скотоводством»[41].

Но создавшееся положение отнюдь не удовлетворяло низших пограничных командиров, и один из них представил двору доклад о легкости разгрома тибетцев, переставших готовиться к обороне. Император, очевидно плохо представляя соотношение сил, одобрил этот проект[42]. Командующему войсками в Хэси был послан приказ напасть на ничего не подозревавших тибетцев, и тот принужден был его выполнить вопреки собственному мнению и клятве.

Набег, произведенный в 737 г., был удачен, контрнабег тибетцев в 738 г. на Хэси отбит, но талантливый полководец обладал еще и чуткой совестью, которая мучила его в связи с нарушением обещания. Во сне ему стал мерещиться призрак белой собаки, и он «умер от воображения»[43], или, как мы бы сказали, от нервного расстройства.

Его преемникам пришлось столкнуться с ожесточением, на которое способны доверчивые и обманутые люди. Уже ие было и речи о вторжеиии в Тибет; напротив, перемеииый успех свел все военные действия к жестокой бойне вокруг озера Кукунор. В открытых боях иа равнине имперцы часто побеждали, но осада крепости, давалась им с трудом. Так, в 749 г. штурм горной крепости, защищаемой иесколькими сотнями тибетцев, стоил им нескольких десятков тысяч жизней[44]. В ответ тибетцы легко взяли китайскую крепость, построенную на равнине, и вырезали ее гарнизон.

Развязать войну оказалось гораздо легче, чем закончить ее. Несмотря на успехи на севере и западе, имперская армия увязла в Тибете до 751 г., когда в игру вступил новый партнер и соотношение сил коренным образом изменилось.

Увлекшись решением северных и западных политических проблем, имперское правительство оставило без внимания юг, где в Юньнаии с 738 г. образовалось княжество Наньчжао. Его энергичные правители объединили разрозненные племена и в 748 г. смогли заиять независимую позицию по

40 Бичурин Иакинф. История Тибета..., 1, С. 169.

41 Там же, С. 170.

42 С возрастом Сюаньцзун потерял свойственную ему осмотрительность; ее заменили грезы о военной славе (Pulleyblank E. G. The Background of the rebellion of An Lu-shan. London, 1955, P. 45).

43 Бичурин Иакинф. История Тибета..., 1, С. 171.

44 Бичурин Иакинф. История Тибета..., 1, С. 174.

отношению к Китаю. До открытого конфликта дошло к 751 г. Шестидесятитысячная китайская армия встретила дружное сопротивление всего населения и была почти истреблена в битве у оз. Сиэр в 751 г. Царь Наньчжао, Голофон, страшась продолжения войны, которая могла принять и другой оборот, обратился за помощью в Тибет. Союз был заключен, и благодаря тибетской поддержке новая китайская армия в 754 г. была разбита наголову. Последующие события лишили Китай возможности искать реванша, и Наньчжао сохранило свою самостоятельность[45].

Некоторой компенсацией для империи за столь большой ущерб послужили успехи в Хэси. В 753 г. эта область была очищена от тибетцев и там немедленно ввели китайскую администрацию[46].

Тибет и Индия. Наньчжао сложилось в результате противодействия южных лесных племен китайской государственности. Оно охватило южную часть современной Сычуани, пресекло китайцам путь на Тонкин, на юге распространилось до Бенгальского залива и находилось под обаянием индийской культуры и буддизма.

Отсюда, естественно, вытекала ориентация на Тибет, так как только это государство могло помочь Наньчжао удержать свою самостоятельность. Вместе с тем союз с Наньчжао открыл тибетцам доступ в Восточную Индию.

Неуверенность в прочности победы характерна для всей политики Голофона, который, воздвигнув стелу с надписью, описывающей его деяния, заявил, что оставляет потомкам право осудить его ошибку[47].

В это же время на западном краю Индии выросло в мощную силу царство Кашмир. Царь Кашмира, Лалитадитья Муктапида (700–736), подчинил Пенджаб, Канаудж, Бадахшан и удачно воевал в 703 г. с Тибетом[48]. Но дальнейшие события внутри самой Индии заставили Кашмир примириться с Тибетом[49]. Именно в это время началось завоевание Северной Индии раджпутами, которые были врагами буддизма[50]. Индийские буддисты не сумели организовать сопротивления, и древняя религия, реформированная брахманом Кумариллой Бхатой, восторжествовала. Ни Тибет, ни Кашмир не могли оставаться равнодушными к гибели своих единоверцев. В конце VIII в. кашмирский царь Джаяпида вторгся в Северную Индию, подчинил Бенгалию и отпавший Канаудж. Этот царь получил буддийский титул «покровитель учения»[51]. В тибетских хрониках также

45 Chavannes E. Documents..., P. 298.

46 Бичурин Иакинф. История Тибета..., I, С. 175.

47 Chavannes E. Une inscription au royaume de Nan-tchao // JA. 1900. T. XVI, PP. 338-390.

48 Prasad I. History of Medieval India from 647 A. D. to the Mughal Conquest. Allahabad, 1928, P. 1; Gwasha Lal Kaul. Kachmir through the ages. Srinagar, 1954, P. 32.

49 Бичурин Иакинф. История Тибета..., I, С. 155.

50 Prasad I. History of Medieval India..., PP. 26-28.

51 Gwasha Lal Kaul. Kachmir..., PP. 36-37.

упоминается, что Бенгалия была завоевана вплоть до Ганга, но это сведение не датировано и слишком лаконично для того, чтобы можно было восстановить ход событий. Ясно только то, что южная граница привлекала внимание тибетского царя не в меньшей степени чем восточиая, что сопротивление раджпутов попыткам спасти буддизм в Индии было ожесточенным и успешным и что Тибет пытался выйти на первое место среди азиатских государств.

Глава XXVI

КАГАНАТ И ИМПЕРИЯ

Сверхусилие. Год проходил за годом, и в Чаньани понимали все отчетливее, что рядом с Каганатом Империя существовать не может. Наличие Каганата убивало самое идею Империи Тан. Вместо общеазиатской империи существовала китайская, только с застенными владениями. Из резервуара великолепной боевой силы северные степи превратились в сферу притяжения всех врагов императора. Вместо того чтобы посылать тюрок и уйгуров на борьбу с тибетцами и арабами, приходилось составлять армию из китайцев против тюрок и уйгуров.

Энергичный Сюаньцзун решился. В 742 г. императорским указом была проведена реформа армии, чтобы мечом разрубить тенета, в которых запуталась Империя. По новому распоряжению о пограничных войсках было учреждено десять цзе-ду — пограничных военных округов. Расположение их, если взглянуть на карту, настолько выразительно, что я привожу список полностью: 1. Аньси цзе-ду; учреждено для охраны Западного края; штаб в Куче. 2. Бэйтин цзе-ду; учреждено против тюргешей и хакасов; штаб в Бишбалыке на среднем течении Или (Джунгария). 3. Хэси цзе-ду; учреждено для прекращения сношений между Тибетом и тюрками; штаб в Линчжоуфу (провинция Нинся). 4. Шофан цзе-ду; против тюрок; штаб в Линчжоу (провинция Ганьсу) на северном берегу Хуанхэ. 5. Хэдун цзе-ду — для подкрепления цзеду в Шофане; штаб в Тайюаньфу (Ордос). 6. Фаньян цзе-ду — для обуздания хи и киданей; штаб в Ючжоу, в центре Ордоса. 7. Пинлу цзе-ду — для удержания шивэй и мохэ; штаб в Иньчжоу, в Южной Маньчжурии. 8. Лунью цзе-ду; против Тибета; штаб в Шаньчжоу. 9. Гиньнань цзе-ду; на западе — против Тибета, на юге — для успокоения маней и лао; штаб в Инчжоу, в провинции Юньнань. 10. Отдельный корпус пяти фу в Линнани для замирения Лаоса.

Кроме десяти цзе-ду были учреждеиы три наблюдательных отряда. Всего в пограничных охранных войсках (чжень-бин) было 490 тыс. человек[1] и 80 тыс. лошадей. До 713 г. годовое содержание пограничных войск стоило относительио иедорого, а с 742 г. ежегодно требовало 10 200 тыс. кусков шелковых ткаией и 690 тыс. ху хлеба. Столь огромные издержки неминуемо должны были истощить иарод[2]. Но имперское правительство пошло иа все, чтобы удержать гегемонию в Азии и в первую очередь покончить с Каганатом. Обстоятельства благоприятствовали Империи: виутри Каганата было иеблагополучио.

Тюрки. Даже во времена сравнительиого благополучия находятся недовольные. В тюркской орде были придворные клики, боровшиеся друг с другом за власть и возможиость расправы с соперниками. Бильге-хан и его сын Йоллыг подавляли своеволие вельмож, но при Тэнгри-хане власть забрала По-бег, хаиша-мать, дочь Тоиьюкука. Орда была построена по обычиому тюркскому принципу: хан командует центром, восточный и западиый шады - крыльями-флаигами. Шады были принцами крови и командовали отбориыми войсками. Хаиша доверила управлеиие своему фавориту, простому тархаиу, и это вызвало ропот среди высшего командоваиия. Чтобы пресечь иедовольство, ханша убедила своего сыиа казнить западиого шада. Восточиый шад Паиь-кюль напал со своими войсками на ставку и убил хаиа, после чего возвел на престол сыиа покойного. Но соперник Паиь-кюля, ябгу Кут (кит. Гуду), убив нового хана, заменил его братом последиего. Династия оказалась под угрозой. Кут убил своего ставлеииика и узурпировал престол (741 г.). Узурпация стала сигналом для вспышки всех затаениых обид, и кровь потекла по степной траве.

События этого периода в китайских хроииках изложены крайне лаконичио и неполно, ио этот пробел заполияет иадпись «Селенгииского камня»[3], увековечившая подвиги уйгурского хаиа Моянчура. Несмотря на плохую сохраниость, это источник огромного значеиия, так как ои отражает уйгурскую точку зреиия иа события. По словам уйгурского хаиа, он иачал с тюрками освободительную войиу, что соответствовало действительности. Господство тюрок над уйгурами определяется в 50 лет с лишним (с 688 по 741 г.). Уйгурский вождь, получив от своего отца титул шада, в 742 г. собрал и соедииил свой народ — токуз-огузов[4].

1 В это число иходила вся обслуга и тылы. Население империи в 742 г. достигло 48 млн.; 80 тыс. конницы, т. е. полевых войск, - совсем немного для поставленных задач.

2 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 308.

3 Рамстедт Г. И. Перевод надписи Селенгинского камня. С. 40-47; Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 30-44. Текст, транскрипция и перевод.

4 Рамстедт Г. И. Перевод надписи Селенгинского камня. С. 40; Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 38-39.

В 742 г. одновременно восстали уйгуры, басмалы и карлуки. По скупым сведениям китайского источника, они напали на узурпатора и убили его в бою. Так оно и было, но разве этого достаточно, чтобы понять всю трагическую напряженность момента гибели целого народа? К счастью, фрагмент тюркской надписи позволяет понять ту катастрофу, которую так бесстрастно рассказал китайский хронист.

Западную границу Каганата охранял глава тардуш-бегов, воевода Кули-чур[5]. Ему исполнилось уже 80 лет. Он был соратником Кутлуга Эльтерес-хана, а позже сопровождал в походы и его сыновей. Он сражался с табгачами под Бишбалыком, с арабами — на Жемчужной реке (Сыр-Дарье), с уйгурами — на берегах Селенги и с татабийцами — на склонах Хингана. За свои подвиги он получил имена: «Ышбара» — могучий и «Бильгя» — мудрый. Он был героем и богатырем.

В 735 г. Кули-чур достиг вершины своей карьеры, став хозяином западной границы. На этом посту он был семь лет, а когда выступили карлуки, «сев на коня бросился в атаку, победил, конь погиб, еще сев на другого... войско он вел, карлуки... к карлукам... пойдя... еще до своего дома довел войну. Карлуки сели на коней; с таким войском... гнедой... карлуки... карлуки... Эльтебер сам пришел, пришел и его товарищ по делам и мужеству, сын Еркина, Йитяньчур... в битвах сражалось его войско, он поразил, а его эль взял, сына и жен его этот... его кагану Ышбара Бильгя Кули-чур... мертвые его так били. К врагам один он бросился в атаку, вошел в массу войска и сам был задавлен до смерти..»[6].

Здесь, в надписи, источенной временем и обезображенной врагами, сохранилось сообщение о той доблести, которая бросала голубых тюрок на борьбу с жестоким врагом за свою отчизну. Глубокий старик кидается в сечу, теряет коня, но не мужество. Пусть надпись дефектна, но в ее отрывочных словах, как сквозь степное марево, сквозят силуэты, на горизонте появляются отовсюду всадники... и это все враги. Карлуки на севере, на юге и на западе; надо отходить, а сзади дом, хан. Но вот хан убит, его семья в плену, и тогда престарелый богатырь, видя, что больше беречь нечего, бросается в свалку и дает врагам растоптать, раздавить его тело. Он, свидетель рождения Второго каганата, не хочет пережить его конец. Именно такие тюрки, как Кули-чур, были страшны соседям, которые потому и пошли на войну, чтобы их больше никогда не тревожили богатыри. Но не все тюрки последовали примеру своего полководца. Уцелевшие войска, преследуемые уйгурами, отступили за «черные пески»[7].

5 Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 23.

6 Там же, С. 29.

7 Г. И. Рамстедт (Перевод надписи Селенгинского камня . С. 41) предполагает, что речь идет о Гоби, но этого не может быть, так как война продолжалась в Халхе. Скорее, это пустыни Джунгарии, около которых уйгуры сомкнулись с карлуками и басмалами.

Союзники использовали победу и быстро создали свое собственное государство. Вождь басмалов стал ханом, вождь уйгуров — восточным, а эльтебер карлуков — западиым ябгу. Тюрские вельможи спохватились и выбрали сыиа Пань-кюля ханом с титулом Озмыш[8]. Вериулись кровавые времена 716 г., но тюрки были уже другими; то, что могло сделать поколение Кюль-тегииа, оказалось ие под силу его детям, хотя претензии их на господство оставались прежиими. Имперское правительство, учитывая стесненность тюрок, предложило Озмыш-хану поддаться Империи. Озмыш-хан отказался, ио соединеииые силы басмалов, уйгуров и карлуков заставили его покииуть орду и бежать. Некоторые тюрки (пять тысяч кибиток) во главе с ханским сыиом предпочли подчинеиие Империи безнадежиой войие.

Тюрки должны были расплачиваться за свои прошлые кровавые успехи и за свою гордость. В 744 г. басмалы убили Озмыш-хаиа и голову его прислали в Чанъань[9]. Однако непримиримая часть тюрок не сложила оружия и возвела на престол брата покойиого — Баймэй-хаиа Кулуи-бега[10].

Но далеко не все тюрки согласны были гибнуть за потерянное дело. Среди них «открылись великие смятения: вельможи избрали ханом басмалского главу»[11]. С Баймэй-хаиом осталась только часть наиболее упориых ревнителей старой тюркской славы. В 744 г. борьба еще продолжалась.

Тем временем союзники рассорились: вождь уйгуров, Пэйло, иапал на басмалов и разгромил их. Басмальскому вождю Седе Иши-кагану[12] отрубили голову и отправили ее в Чанъаиь с предложением призиать за Пэйло титул Кутлуг-Бильге и Кюль-хан[13]. Возглавнвший остатки разбитых басмалов старейшииа бежал в Бэйтин, но, ие видя возможиости там удержаться, бросил свой народ, уехал в Китай. Остатки басмалов, тесиимые карлуками, подчииились уйгурам[14].

Тюркам эта сумятица была весьма на руку, но воспользоваться ею им ие пришлось. Военная реформа в имперни уже дала свои плоды, и имперские войска из Ордоса ударили на восточиое крыло тюрок у горы

---

8 В китайском произношении — Усу-миши-хан. Уйгуры его ханом не признали и именовали Озмыш-тегином (там же). Предположение Рамстедта, что Озмыш попал в плен к уйгурам, неправильно. Слова ...к взял в плен, его супругу к взял себе. Династия тюрок с этой поры и была уничтожена должны быть отнесены к преемнику Озмыша Баймэй-хану.

9 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten..., S. 261.

10 Кит. Баймэй-хан Хулун-фу, что значит белобровый хан жеребенок-бек .

11 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 278.

12 Васильев В. П. Китайские надписи..., С. 28. Комментарий китайского Цзунли ямынь (Ученый исторический комитет) на китаеязычный орхонский памятник уйгурского времени.

13 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 307-308.

14 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 348 (здесь разногласие в тексте Таншу : на стр. 307 - вождь басмалов убит, на стр. 347-348 - он бежал в Бэйтин; возможно, что один убит, а бежал другой, но уверенности нет).

Сахэней и разгромили 11 родов, находившихся под командованием апатархана. Баймэй-хан пытался закрепиться на западе своих владений, вдали от китайских баз, снабжавших имперскую армию, но карлуки и уйгуры настигли его. Тюрки были окончательно разбиты. Пэйло отослал голову Баймэй-хана в Чанъань и признал себя вассалом императора[15].

Тюрок ловили и убивали всюду, как волков, и знамя с золотой волчьей головой больше никогда не взвилось над степью.

Оставшихся в живых тюрок возглавила вдова Бильге-хана, дочь Тоньюкука, По-бег и привела их в Китай, оговорив условия сдачи. Тюрок зачислили в пограничные войска, а По-бег получила титул принцессы и княжеское содержание[16]. Спасая людей, По-бег не спасла народ. Тюрки, как и прочие кочевники, перемешались с табгачами и ассимилировались в их среде.

Разъяренные уйгуры, видя, что враги ускользнули от их мщения, срывали свою злобу на памятниках. Они сносили головы каменным изображениям тюркских богатырей, разнесли в щепы памятник Кюль-тегину и так разбили его статую, что ее оказалось невозможным собрать из осколков[17]. Целью было не только разрушение, но и более того — стремление не допустить восстановления тюркского эля и всего, что было с ним связано. И уйгуры достигли своей заветной цели — от древних тюрок осталось только их имя.

Кидани. Кидани были верными союзниками голубых тюрок, но когда Каганат прекратил свое существование, то и их сопротивление стало бессмысленным. В 745 г. киданьский главный старейшина прекратил борьбу. Он стал начальником Сунгарийской провинции.

Но корпусной начальник пограничных войск в Маньчжурии Ань Лушань продолжал нападать на киданей и грабить их. Возмущенные кидани восстали, но Ань Лушань разбил их. Однако сменившийся старейшина продолжал оказывать сопротивление. Инициатором этой войны китайцы выставляют Ань Лушаня, якобы провоцировавшего столкновения для того, чтобы усмирить повстанцев и выслужиться. Если это и имело место, то не надо забывать, что пограничные войска состояли из воинственных племен, любивших войну и грабеж не меньше, чем кочевники, поэтому столкновения должны были возникать стихийно и неизбежно. В 751 г. Ань Лушань с шестидесятитысячным войском, имея проводниками татабов, выступил против киданей.

15 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 278.

16 Julien S. Documents..., P. 475.

17 Jisl L. Vyzkum Kulteginova pamatniku..., str. 109.

Когда было пройдено уже немало (1000 ли = 400 км), пошли дожди и тетивы на луках ослабли. Татабы перешли на сторону киданей, те атаковали имперское войско на берегу Шара-Мурэни и разбили его[18].

В 754 г. кидани покорились уйгурам и Маньчжурия была окончательно потеряна для Империи. Так как после этого война на границе затихла, то стало ясно, что столкновения провоцировали пограничные головорезы, а не кочевники.

Западный край. Победа над тюрками и фиктивная зависимость уйгуров дорого стоили Империи, ибо за то время, когда она решала северную проблему, на западе укрепились арабы и тибетцы. Но, рассчитывая на свою силу, китайская регулярная армия[19] появилась на севере Средней Азии.

В 747 г. помощник западного наместника Гао Сянь-чжи, родом кореец, предпринял поход на малый Болюй, где правил зять тибетского царя Суджа-раджа. Гао Сянь-чжи проник в Малый Болюй по горным тропинкам, подкупил местных жителей и с их помощью порубил тибетский гарнизон, охранявший мост через Сон (?). В Болюе Гао Сянь-чжи всех одарил шелковыми тканями, уговорил Суджу сдаться и отбил тибетцев, пришедших на помощь радже. В Болюе был размещен гарнизон в тысячу человек, и тибетцам был закрыт проход в Западный край.

В донесении Гао Сянь-чжи значение этой победы было весьма преувеличено: «Фолинь [Византия], Даши [Арабский халифат], всего 72 владения пришли в трепет и покорились Китаю»[20]. Гао Сянь-чжи обманывал не только свое правительство, но и себя самого. Окрыленный успехом, он ввязался в борьбу с арабами.

Некоторые согдийские князьки еще держались за Империю, так как надеялись получить от нее помощь против наступавших мусульман. Но в 748 г. наместник Бэйтина, Ван Чжен-сян, ввязался в войну с бухарцами[21]. Единственным успехом его было взятие Суяба, города недалеко от оз. Иссык-Куль[22]. Город был разрушен до основания. Вероятно, этот успех был также раздут, потому что позднее Гао Сянь-чжи вмешался в вооруженный конфликт Чача и Ферганы на стороне последней и оккупировал Чач в 749 г.[23].

Согдийцы вместо помощи против арабских грабителей получили китайских грабителей-генералов, причем предпочитавших избегать встреч

18 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 368.
19 Grousset R. Histoire de l'Extreme-Orient. P. 283.
20 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. II, С. 321.
21 Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. II, С. 314.
22 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия..., С. 303.
23 Бартольд В. В. Туркестан..., Ч. II, С. 200.

ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ

Кыпчак

Печенеги

Кыргызы

УЙГУРИЯ

ХАЛИФАТ

ТИБЕТ

КАШМИР

Тибет и его союзники

Антитибетские силы

Нань-Чжао — колеблющиеся

Цифрами обозначены 1 Талас (тюрк.)
2 Си-Чжоу (Кит.)

500 0 500 1000 км

Срединная Азия в середине IX в.

с арабскими войсками. Но логика событий оказалась сильнее воли полководцев и столкновение все-таки произошло.

Согдийские князьки были покинуты в беде, но верности от них требовали по-прежнему. Гао Сянь-чжи арестовал владетеля Чача по подозрению в измене и отослал его в Китай, где тот был казнен. Для всех было ясно, что причиной этой жестокости была алчность имперского полководца, в руки которого попали богатства казненного князя. Это окончательно толкнуло согдийцев в объятия арабов. Сын казненного привел мусульманский отряд Зияд ибн-Салиха, присоединил к нему своих Согдийских друзей, и осадил г. Талас. Гао Сянь-чжи двинулся на выручку, туда же подтянул свою конницу ябгу карлуков, вассал империи. На стороне имперцев выступили ферганцы, кашгарцы, кучасцы — всего 30 тыс. человек. Число арабов и согдийцев неизвестно, но, вероятно, их было не меньше. Обе армии встретились у Атлаха, около р. Талас, в июле 751 г. Ожесточенная битва продолжалась пять дней без заметного результата. Но в решительный момент карлуки ударили в тыл войска Гао Сянь-чжи, и имперцы были разбиты наголову. Гао Сянь-чжи бежал в Китай[24].

Халифат не мог воспользоваться плодами победы. Восстание Абу-Муслима и Абуль Абаса в 750 г. против Омейядов поглотило все силы страны. Победитель при Таласе Зияд ибн-Салих оказался замешанным в одном из многочисленных заговоров и сложил свою голову на плахе. Однако поражение настолько напугало китайцев, что они отказались от мысли захватить Запад. Империя стояла перед крахом.

Было мнение, что Таласская битва решила вопрос о преобладании мусульманской культуры в Средней Азии над китайской. Однако судьба одного сражения не может определить путь развития целой страны. Империя Тан несла на Запад не китайскую культуру, а свое политическое господство, но оно было неосуществимо. Враждебность кочевых ханств — уйгурского и карлукского — была непреодолима. Военная мощь Империи терпела в 751 г. удары всюду: кидани разбили имперцев на востоке, тибетцы и вновь возникшее государство Наньчжао — на юге, а внутренние противоречия вскоре повели к катаклизмам, заставившим Китай замкнуться в своих границах. Таласская битва была лишь одним звеном длинной цепи событий.

Карлуки. Несмотря на то что карлуки были этнически наиболее близки к тюркютам, они всегда не ладили с ними. Во время ликвидации алтайской ветви тюркютов-толосов в 650 г. карлуки оказали поддержку имперскому корпусу, проводившему эту операцию. Эта поддержка была воспринята в Китае как подданство, но практически карлуки вошли в

---

24 Chavannes E. Documents..., PP. 142-143, 297.

состав империи Тан лишь в 657 г.[25], при покорении Западнотюркютского каганата.

Зависимость от империи не была для карлуков тяжелой. Их вожди получили китайские чины, а все остальное осталось по-прежнему. Во время Второго каганата карлуки отчаянно защищали свою свободу и, наконец, одержали полную победу. Но союз с Империей они хотели сохранить, несмотря на то что именно их предательский удар в спину войскам Гао Сянь-чжи решил судьбу Таласской битвы. Поэтому, когда тюркский ябгу Абусы, сдавшийся имперцам в 744 г., поднял в 752 г. восстание и разгромил Шофан, карлуки в 753 г. выступили против него и, ударив с запада, одержали полную победу над тюркскими повстанцами. Абусы попал в плен к карлукам, был выдан китайцам и брошен ими в подземную тюрьму[26]. Карлукский ябгу был признан «царем Алтая».

С этого времени карлуки пошли в гору. Единственный их соперник — тюргешское ханство — неуклонно распадалось. В 756 г. вспыхнула кровавая распря между желтыми и черными родами[27]. Распря окончательно обескровила тюргешей, и, когда в 759 г. началось наступление карлуков, тюргеши не смогли оказать сопротивления. К 766 г. карлуки закончили покорение Семиречья, Таласа, долины р. Чу и дошли до Западного Тянь-Шаня[28]. Тюргеши частью подчинились карлукам, частью эмигрировали на восток и поддались уйгурам. Отныне карлуки остались единственными хранителями степной культуры в Средней Азии. Они 200 лет удерживали напор ислама, пока в 960 г. не обратились в мусульманскую веру сами. С Китаем карлуки уже не поддерживали отношений, видимо не нуждаясь в нем.

Однако китайцы удержали «Четыре крепости» в Западном крае — Кучу, Карашар, Хотан и Кашгар, а также Бэйтин в Джунгарии. Шато сохранили верность императору, но, отрезанные от Китая уйгурами и страдая от собираемой ими дани, они кончили тем, что подчинились победоносному Тибету[29].

Западная политика империи Тан провалилась. Китай и Великая степь во второй половине VIII в. снова стояли друг перед другом, как два враждебных мира.

25 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 347.
26 Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten..., S. 261.
27 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 300.
28 Там же, стр. 347.
29 Там же, стр. 359.

Глава XXVII

СОЗДАНИЕ УЙГУРСКОГО КАГАНАТА

Уйгуры. Уйгуры построили свою державу совсем на иных принципах, чем тюрки. Девять родов составляли собственно племя токуз-огузов, которое было ведущим, но не господствующнм. Подчинив себе басмалов и восточных карлуков, уйгуры прннялн из в свою среду, как равных.

Другие шесть телеских племен — бугу, хунь, байырку, тонгра, сыге и кнби — в правах н обязанностях были приравнены к токуз-огузам. Ставка хана находилась между Хангаем и р. Орхон граннцы нх на востоке охватывалн Западную Маньчжурню, а на западе — Джунгарню. Граннца между карлукамн и уйгурам была установлена в 745 г. в результате военного столкновения. После разгрома тюрок карлуки вошлн в союз с тюргешами против уйгуров, но были разбиты[1]. Вследствие этого восточные кочевья карлуков на Черном Иртыше оказались в составе Уйгурского каганата.

Степн к югу от Гоби уйгуры оставили за Импе́рней. Несколько позже они расширнли свои владения на северо-запад, но вообще они не стремились к территориальным приобретенням. Вся структура Уйгурского каганата, представлявшего конфедерацню племен, не позволяла ханам собирать большие войска н бесконтрольно распоряжаться имн. Племена же были настроены миролюбиво. Онн устали от потрясений, произведенных тюрками, и хотели наслаждаться безмятежным покоем. В соответствин с этим настроеннем Пэйло прнзнал себя вассалом нмпернн, чтобы не вызывать ненужных осложнений. Сын его, Моянчур Гэлэ-хан, унаследовавший престол в 747 г., ежегодно снаряжал посольство в Чанъань, получал подарки н был лоялен к Имперни[2].

---

1 Г. И. Рамстедт, Перевод надписн Селенгинского камня, стр. 41; С. Е. Малоа, Памятники..., 1959, стр. 39. В тексте говорнтьса о десяти племенах, т. е. о западных тюрках. Но так как последний западнотюркскнй хан Ацина Хннь был убит в 740 г. и остатки западных тюрок объединились с тюргешами, то а полагаю прааильным дла 745 г. понимать под названием десяти племен ханство черных тюргешей.

2 В Тан шу год смерти Пэйло и аоцарение Моянчура не указаны (см.: Бнчурин Н. Я. Собрание сведений..., Т. I, С. 309). Е. Бретшнейдер дает явно неверную дату — 756 г. (см.: Bretschneider E. Medieval researches from eastern asiatic sources. London, 1910, P. 240), но правильнаа дата имеетса на Селенгинском камне: год свиньи = 747 г. (Рамстедт Г. И. Перевод надписи Селенгиского камна, С. 41; Малоа С. Е. Паматники..., 1959, С. 39).

Гражданская война. Вступление на престол Уйгурии законного наследника, царевича, шада Моянчура почему-то встретило неожиданное сопротивление народа. Во главе восставших оказался ябгу Тай Бильге-тутук, недавно получивший этот чин из рук ныне покойного хана. «Черный народ передался, но некоторые держали сторону Тай Бильге-тутука и провозгласили его каганом»[3]. К повстанцам присоединились кидани[4] и татары; на стороне хана дрались, как можно думать, уйгурские дружины его отца, но многие вельможи оказались его врагами. Ветераны, только что разгромившие тюрок, были более грозной силой, чем народные массы, даже поддержанные восточными соседями. В двухдневном бою при Бюкегюке (?) Моянчур обратил в бегство киданей и татар, после чего полностью подчинил соплеменников. Вельможи понесли тяжелое наказание, скорее всего были казнены[5]. Простой народ был помилован. Несмотря на это, как только хан откочевал, восстание вспыхнуло снова, причем повстанцы опять пригласили на помощь киданей и татар. Однако последние повстанцы запоздали на месяц. Хан успел победить своих непокорных подданных и в наказание отобрал у них скот и женщин.

С киданями и татарами уйгурское войско столкнулось на северо-западе от Селенги. Уйгуры смяли противника и оттеснили его к берегу реки. Кидани и татары начали отступление, преследуемые уйгурами. По дороге они разделились: кидани отступили благополучно, а татры были настигнуты у «ключа Кэйре и речек Три-Биркю (?)»[6] и потеряли половину войска, попавшего в плен.

Одновременно с этим походом хану пришлось подавлять новую вспышку восстания своего народа. Необходимо отметить, что хан всячески стремился к компромиссу. Он отпустил захваченных в плен повстанцев и обратился к ним с прочувствованным воззванием: «Из-за низости Тай Бильге-тутука, из-за низости одного-двух именитых ты, мой черный народ, попал в смерть и беду, но ты не должен умирать, не должен страдать! — сказал я. — Снова дай мне твои силы и твою поддержку!». Но дальше он грустно констатирует: «Они не пришли»[7].

---

3 Так у Г. И. Рамстедта (Перевод надписи Селенгинского камня. С. 41). Рамстедт считает, что черный народ передался Моянчуру за некоторыми исключениями. У С. Е. Малова сказано: Простой народ был предан моей власти. Этому противоречит весь ход событий, изложенный в надписи, так как именно черный народ оказывал наибольшее сопротивление хану и был жестоко усмирен.

4 Речь шла о восьми огузах, т.е. о восьмиплеменном народе. Таковым были в это время только кидани.

5 Так я понимаю фразу: преступных вельмож [или именитых вождей] Небо дало в мои руки (см.: Рамстедт Г. И. Перевод надписи Селенгинского камня. С. 41–42; Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 39).

6 Рамстедт Г. И. Перевод надписи Селенгинского камня. С. 41–42; Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 40).

7 Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 40.

Повстанцы снова были разбиты у оз. Соленый Алтыр (?), и гражданский мир установлен.

Смысл и причины этой внутренней войны крайне неясны, но знаток гражданских войн Фарината дели Уберти утверждал, что в подобных случаях «в бой едва ли шел без причины хоть один боец»[8]; ожесточение, проявленное в повторных возмущениях, указывает на то, что тут были затронуты кровные интересы масс.

Мы не можем рассматривать эту войну как борьбу низов против знати, так как надпись определенно дважды подчеркивает роль вельмож в руководстве восстанием. Вместе с этим ханское войско состояло, очевидно, не только из аристократов. Поэтому нужно искать другие причины хода событий.

В VII и VIII вв. вся Азия стала полем для распространения прозелитических религий. На западе бурно развивался ислам, на востоке — буддизм, а на севере нашли место вытесненные из Ирана несторианское христианство и манихейство.

Христианская пропаганда в тюркском каганате дала ничтожные результаты, так как тюрки возвели свое собственное мировоззрение в государственный принцип, но падение каганата и разочарование в идеологии войны и победы среди уцелевших от резни родов оказались стимулом для успехов христианской проповеди. Наследниками тюрок в степи были карлуки и басмалы, причем последние включали в свой состав наибольшее количество осколков каганата[9]. Именно там наибольшие успехи имело христианство, сохранившееся среди потомков басмалов, аргынов, до XIII в.[10]. Но и на востоке, среди уйгуров, появились христиане, как будет видно далее.

Проблема границ и ее решение. Закончив победоносно гражданскую войну, хан Моянчур встал перед второй политической задачей: какие племена следует включить в свою державу и какие оставить за ее пределами? В условиях степного ландшафта и кочевого быта эта задача приобрела особую сложность, так как нужно было иметь естественные рубежи, например горные хребты, а для этого необходимо было подчинить себе племена, обитавшие к югу от Саян и к западу от Алтая. В противном случае кочевья уйгуров были бы открыты набегам соседей, как показала минувшая война.

Моянчур взялся за дело со всей присущей ему энергией. Весной 750 г. он нанес поражение чикам на р. Кем, т. е. в верховьях Енисея, и добился от

8 Данте Алигьери. Ад. Песнь X. Стихи 89-90.

9 Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия..., С. 256.

10 Книга Марко Поло. М., 1955, С. 94.

них изъявления покорности. Осенью того же года он покорил татар в северо-западной Маньчжурии. Но уже на следующий год какое-то племя на северо-западе[11] объединилось с кыргызами и чиками для борьбы с уйгурами. Главная опасность была в том, что карлуки собирались поддержать кыргызов и чиков, но, к счастью для уйгуров, они опоздали выступить. Моянчур бросил на чиков тысячный отряд, который быстро усмирил восстание. Немногочисленный заслон уйгуров отогнал летучие отряды кыргызов, а сам хан, с главными силами переправившись на плотах через Черный Иртыш[12], ударил на карлуков и разбил их у р. Болчу (Урунгу), там, где некогда Кюль-тегин и Тоньюкук нанесли поражение тюргешам. Но этим война не кончилась, так как неизвестная нам группа, которой принадлежала инициатива восстания, уничтожена не была.

В надписи указана дата победы: 18-го числа одиннадцатого месяца. Как считали уйгуры месяцы? Не по-китайски и не по-европейски, так как в обоих случаях Иртыш в одиннадцатый месяц скован льдом. Этот текст позволяет отбросить гипотезу В. В. Бартольда и П. М. Мелиоранского, согласно которой «у древних уйгуров счет месяцев, кажется, совпадал с китайским»[13]. Тюркское исчисление времени знало лишь десять месяцев с числовыми наименованиями, причем первый тюркский месяц соответствовал третьему китайскому, а первые два месяца имели специальные названия: улуг ай и кичиг ай = большой и малый[14]. Следовательно, не годится и оно.

Не подходит и Йездигердова эра с персидским календарем, так как тут год начинается 15 марта, а одиннадцатый месяц — бахман — 9 января[15].

Манихеи применяли вавилонский календарь, по которому первый месяц года — нисан — начинается 3 апреля, а одиннадцатый месяц — шубат — соотвествует февралю; следовательно, этот календарь тоже не подходит. Но сирийский календарь, употреблявшийся восточными христианами, несторианами, началом года считает 1 октября, а одиннадцатый месяц — аб — соответсвует августу[16]. Только этот календарь соответствует отмеченному нами факту. Но если так, то, значит, составитель надписи Моянчура был христианином, а так как он несомненно был уйгу-

11 Текст Селенгинского камнв в этом месте попорчен н неразборчна.

12 Рамстедт Г. И Перевод надпнси Селенгинского камня . С. 44; Малов С. Е. Памятннки..., 1959, С. 41).

13 Мелноранскнй П. М. Памятннк в честь Кюль-тегина. С. 142; Barthold W. Die alturkischen Inschriften..., S. 4.

14 Мелноранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 141.

15 Катанов Н. Ф. Восточнвв хронология // Изаестив Северо-Восточного археологического и этиогрвфического нститута. Казань, 1920, Т. 1, С. 216-218.

16 Puech H. Le manicheism. Pвris, 1949, P. 29; Катанов Н. Ф. Восточная хронология // Известня Северо-Восточного археологического и этнографнческого нснтитута. Казань, 1920, Т. 1, С. 209-211.

ром, то отсюда вытекает, что среди уйгурского народа была христианская община.

В этом соображении нет ничего невероятного. Несторианские епископы в Мерве и Герате известны с V в. В 635 г. христианский проповедник Алопянь прибыл в Китай и основал там общину[17]. Христианские купцы некоторое время конкурировали с еврейскими, в конце концов захватившими в свои руки торговлю между Китаем и Провансом. Торговля велась столь оживленно, что китайский язык стал известен в Хазарии[18]. В тюркском каганате с его стройной системой идеологических и политических учений не было места чужеземным религиям, но в кочевьях джунгарских тюрок, тесно связанных с караванными путями и торговыми городами, оседали идеи, разносившиеся вместе с товарами по всему миру.

Это предположение нашло непредвиденное подтверждение в ходе событий. Когда в следующий, 752 год война возобновилась, в антиуйгурской коалиции оказались басмалы, тюргеши и «три святых»[19].

Это странное, явно неэтничес :е название можно истолковать только одним способом: это христианска: община, почитатели Троицы. Хочется думать, что именно они и подняли в 751 г. чиков и кыргызов и оказывали столь упорное сопротивление хану-язычнику. Только в этом случае будут понятны слова надписи: «к карлукам он послал своих людей... В тайге я подыму смуту, сказал он, а вы извне... я хочу с вами соединиться, сказал он»[20].

Положение было очень серьезно, но Моянчур располагал войском, составленным из ветеранов. Арабский историк Кудама сообщает, что десять токуз-огузов могли справится с сотней карлуков[21].

---

17 Pelliot P. Les chretiens..., P. 624.

18 Needhbm J. Science and civilization of China. III. Cambridge, 1959. PP. 681-682.

19 Букв. уч-ыдук . Весь текст таков: из внешних (врагов): тре карлуке, тре ыдука, тат...... (разрушено семь букв), тюргиши... . Несомненно, что идет простое перечисление врагов уйгурского хана и, следовательно, слово ыдук не является эпитетом к следующему слову, начинающемуся с тат...... . Последнее, поврежденное слово является фрагментом очередного этнического названия и должно быть отделено от уч-ыдук запятой. Тат не может быть первым слогом слова татар (Малов С. Е. Памятники..., 1959, С. 36, 41), так как коалиция собралась на западной границе Уйгурии, тогда как татары обитали на восточной. Очень досадно, что в лакуне исчезло еще одно название племени, предшествовавшее слову тюргеши . Можно думать, что это какое-либо из мелких джунгарских племен. Слово ыдук в древнетюркских текстах прилагается к обожествленной родине: святая земля (Кюль-тегин, 10; Тоньюкук, 38), в в уйгурских — посланный с неба , посланная Богом судьба , благословенный , благий (Радлов В. Опыт словаря тюркских наречий. I, 2. С. 1382). В сочетании с числительным три и при засвидетельствованной другими источниками христианской проповеди среди тюркоязычных народов трудно сомневаться, что данный композитум — христианская святая троица . Зато упоминаемое Bacot (Reconnaissance... P. 147) племя Hi-dog-kas (на землях басмалов, т. е. в Джунгарии) соответствует по своему местоположению и восстановленной фонетике (племя ыдук-кас'а, т.е. племя священного человека) христианской общине, причем ей противопоставляются Ne cag-, название которых удачно реконструировано Дж. Клосоном как Мони-чжоу, т.е. манихеи (на землях уйгуров; см.: Clauson G. A propos du manuscrit..., P. 15).

20 Г. И. Рамстедт (Перевод надписи Селенгинского камня , стр. 44) предполагает, что это слово вождя басмалов, но там же сказано, что тогда басмалы еще не были присоединены к Уйгурии и, следовательно, являлись ее внешними врагами. Тут же говорит враг внутренний, заговорщик, обращающийся к своим единомышленникам за границей.

21 В. В. Бартольд, О христианстве..., стр. 22.

Бой произошел в Отукеиской черии, т. е. Хаигае, в самом сердце Уйгурии. Союзиики были разбиты. Уйгуры преследовали карлуков и тюргешей, иастигли их и отобрали все имущество. О «трех святых» источник больше не упоминает; очевидио, с иими этот раз было покоичеио.

Дальше текст иадписи сильио испорчен. Видио только, что в 753 г. продолжалась ожесточеииая борьба с басмалами и карлуками, к которым присоедииились какие-то тюрки, может быть из тех, что укрылись в 650 г. в Алтае[22]. К 755 г. войиа закоичилась полиой победой уйгуров, покоривших восточиые кочевья карлуков до Саура и Тарбагатая. Дальше иа запад уйгуров ие пустили печенеги, кочевья которых в это время распростраиились до Нижней Волги[23]. Этот воииствеиный народ поссорился со всеми соседями: хазарами, кипчаками и гузами. Поэтому жестокая войиа ие прекращалась ии на мииуту, что было иа руку уйгурам и позволило им устаиовить западиую граиицу.

Добровольиое подчииеиие киданей укрепило восточиую граиицу Уйгурского кагаиата, а восстаиие Аиь Лушаия и последующие походы в Китай обогатили южиые окраины за счет воеииой добычи. Оставался север, где кыргызы сопротивлялись до 758 г. Потерпев пораженне и покорившись, кыргызы не утратили самоуправлеиия. Их глава получил от уйгурского хаиа титул «Бильге-тоиг-эркии»[24] без приставки «кэхаиь». Очевидио, тут была какая-то форма зависимости, которую нельзя иазвать вассальной потому, чтобы не давать повода для поисков феодальиых отиошений в обществе, состоявшем из свободиых члеиов общии (огузов) и воеииоплениых рабов.

Экспансия иа север и запад, дойдя до естествеииых граииц, прекратилась. Сами уйгуры иазывали присоедииеииые племеиа «гостями»; победу иад тюрками рассматривали как вторичное возвышение своей державы, считали, что «хаи на престоле управлял народом как детьми»[25] или «как иаседка высиживает свои яйца»[26].

Несомиеиио, что иарисоваииая ими картииа процветаиия и благодеиствия приукрашеиа, но важио, что как идеал здесь выдвииут патриархальиый быт вместо всепокоряющей орды.

Уйгуры и их соседи. Выше говорилось, что уйгурская конфедерация племеи состояла из господствующего, вериее, руководящего пле-

22 Л. Н. Гумилев, Алтайскав ветвь..., стр. 105-114.

23 J. Bacot, Reconnaissances..., p. 147; В. Бартольд, Отчет..., приложение (перевод главы о тюрках из киигн Гардизи Украшение известий), стр. 120.

24 Н. Я. Бичурии, Собрание сведений..., т. I, стр. 355. Кит. Пиціьсйе-тунг-йе-гинь. В буквальном переводе: мудрый, великий племянник или подчииенный вождь (G. Clauson, A propos du manuscript..., p. 14).

25 В. П. Васильеа, Китайские надписи..., стр. 21-22.

26 G. Schlegel, Die chinesischen Inschriften..., S. 128.

мени токуз-огузов, в которое были инкорпорированы басмалы и восточные карлуки, шесть телесских племен (бугухуинь, байрыку, тонгра, сыге и киби), считавшихся юридически равноправными, а так же нескольких покоренных племен, о которых речь впереди. Покоренные племена облагались данью в пользу ханской фамилии Яглакар, происходившей из племени токуз-огузов. Это племя находилось в привилегированном положении не только по сравнению с союзными племенами, но даже относительно басмалов и карлуков, которые «в сражениях всегда шли впереди»[27], потому что их меньше жалели и берегли.

Самый важный вопрос — взаимоотношения уйгуров с племенами, не входившими в конфедерацию, — проясняется лишь благодаря тибетскому географическому документу VIII в., уже неоднократно цитированному нами[28].

Согласно этому памятнику, кидани, жившие по берегам Нонни (северо-восточнее Уйгурии), сохраняли известную самостоятельность. Их вожди начали титуловаться хаганами и иногда ссорились с уйгурами, но чаще держались союза с ними из-за застарелой вражды к китайцам. Так же вели себя татабы и кара-киби[29], т. е. та часть племени киби, которая не вошла в уйгурскую конфедерацию. Севернее этих племен, на Амуре, жили татары, в те времена еще занимавшиеся преимущественно ловлей рыбы, а в Забайкалье — скотоводческое племя долеманъ (название, не поддающееся интерпретации[30]). На северной границе Уйгурии находилось Кыргызское ханство, платившее уйгурам дань соболями. Кыргызы по-видимому после разгрома в 711 г., распались на несколько племен[31], что и облегчило уйгурам установление отношений с ними. Но кроме кыргызов в Южной Сибири обитало несколько крупных племен [семь племен йедре (по-видимому, саяно-алтайские угры, предки шорцев) и племя кучугур — ку-кижи — алтайские лебединцы[32]], которые находились в постоянной войне с уйгурами.

Война эта изнуряла Уйгурию и не позволяла уйгурским ханам сосредоточить внимание на других участках границы, где положение было столь же напряженным. О размерах угрозы со стороны Сибири дают представление фантастические рассказы о быконогих людоедах, живущих на севе-

27 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 308.

28 J. Bacot, Reconnaissance..., p. 147.

29 Ibid., p. 151 (notes de P. Pelliot).

30 G. Clauson, A propos du manuscrit..., p. 22.

31 Дж. Клосон указывает, что названия Khe-rget, Hir-kis, Gir-tis, Hir-tis — не что иное, как кыргыз в разных транскрипциях (ibid., p. 23). Но поскольку разнятся не только написания имени народа, но и географические местоположения, я делаю вывод, что в середине VIII в. единого кыргызского ханства не существовало и граница транскрипций оправдана наличием политической раздробленности кыргызского народа.

32 Ср. J. Bacot, Reconnaissance..., p. 152. (notes de P. Pelliot).

ре, о бессмертном великане и о страшных зверях, нападающих на людей. Общий смысл этих рассказов только один: указать на опасность, грозящую с севера, и в этом уйгуры были недалеки от истины[33].

На Алтае и южнее его тибетский географ помещает два народа.

Один находится в стране столь закрытой, что карлуки не могут в нее проникнуть. Он подчинен вождю с титулом Ики иль кур эркин[34], т. е. вождь двух племенных объединений. Несомненно, это остатки тюрок, укрывшихся в горах Южного Алтая и учредивших там привычную для них систему «толис-тардуш», отражением которой стали кости толис и тодош, живших около Телецкого озера и в долине Чуи[35].

Второй народ — ибилькур, происходившего от тюрок Кюлюг-кюльчура[36], — это чумугунь, единственное из чуйских племен, сохранившее в середине VIII в. самостоятельность, несмотря на то что оно находилось между карлуками и тюргешами[37]. Владения этого племени располагались по западную сторону Тарбагатая[38]. В Джунгарии кроме хорошо известных басмалов и карлуков жили байрыку — по-видимому, какая-то часть этого многочисленного племени, сражавшаяся в 747 г. против уйгуров на стороне басмалов и поселившаяся вместе со своими друзьями[39]. Второе племя — ограк, жившее восточнее тюргешей, — одно из исконных племен Джунгарии, известное еще в I в. до н. э. под названием уге[40]. Тюргеши, вернее, осколок этого народа, также были верными союзниками уйгуров, сохраняя накопившуюся вражду к арабам, господствовавшим в оазисах Средней Азии. Западнее располагались племена враждебные уйгурам: печенеги и «черные всадники»[41], под которыми думается, надо понимать черных тюргешей, точнее, тех тюргешей, которые не подчинились добровольно уйгурам.

33 Ср. рассказ о народе собак, обитающем севернее песчаных пустынных холмов, который на поверку оказался гузами, удержавшими независимость, несмотря на попытки тюркютов их покорить (J. Bacot, Reconnaissance..., p. 147; G. Clauson, A propos du manuscrit..., p. 15).

34 Hi-Kil-rkor-hir-kin (J. Bacot, Reconnaissance..., p. 147).

35 Н. А. Баскаков, Алтайский язык, стр. 28-29.

36 J. Bacot, Reconnaissance..., p. 147.

37 G. Clauson, A propos du manuscrit..., p. 16.

38 Гардизи в этом районе локализует кимаков (В. Бартольд, Отчет..., стр. 105-107). Название кимаки было неизвестно средневековым китайским географам, так же как название чумугунь не знали географы персидские и арабские. Поэтому можно думать, что те и другие имели в виду одно и то же племя. Происхождение правящего рода кимаков из татар, приводимое Гардизи, относится к началу X в. и связано не с татарами, а с татабами, которых в это время покорили кидани (см. В. В. Григорьев, Восточный или Китайский Туркестан, стр. 209).

39 G. Clauson, A propos du manuscrit..., p. 14.

40 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 91; Л. Н. Гумилев, Хунну, стр. 169.

41 В тибетском тексте: Ha-La-yun-log - тюркское племя, многочисленное и процветающее. Отсюда берутся лучшие тюркские кони (J. Bacot, Reconnaissance..., p. 147). Клосон локализует это племя в Усрушане и Фергане (G. Clauson, A propos du manuscrit..., p. 17), т. е. в областях в это время принадлежавших тюргешам. Полагаю, что можно читать так: Кара юн[т]лык, где юнт — лошадь. Следовательно, черные лошадники//всадники, которыми в этом месте и в это время могут быть только тюргеши (ср. Гардизи о тюргешах — см. В. Бартольд, Отчет..., стр. 125).

Везде — на востоке, севере и западе — в VIII в. племена раскалывались, дробились и объединялись в новых комбинациях, потому что культура, вторгшаяся в степь через Иран, ставила новые задачи и выдвигала иной принцип для объединения людей. Этим принципом оказалось вероисповедание.

Смена веры. Можно предположить что с событиями, сопровождавшими возникновение Уйгурского каганата, связана перемена идеологии, так как в эту эпоху в Уйгурии появилась государственная религия, что было новостью для внутренней Азии. Хунны, тюрки и древние монголы почитали «Вечное небо» — правосудный источник жизни, мировой порядок, отличая его от материального «Голубого неба»[42] и не отождествляя его культа с культом предков. Оба эти культа по своей природе не могли быть прозелитическими: Вечное небо общечеловечно, и вера в него свойственна всем народам, а предки — свои, и чужие их не должны почитать[43]. Сходный культ Неба-Земли был и у уйгуров, но при Идигань-хане он сменился манихейством[44].

Уйгурские христиане сделали роковую ошибку, оказавшись во время гражданской войны в числе противников хана. Их влияние пошло на убыль, и это расчистило дорогу манихеям.

Сам хан Моянчур исповедовал старую религию. Это видно из текста его надписи: «Я прожил лето в своем чыт, там я устроил яка (яка якаладым)»[45]. Слово «яка» оставлено Рамстедтом без перевода, но вариант его значения открыт С. Е. Маловым — «плата», иногда «аренда»[46]. В данном контексте это благодарственное моление за удачный поход.

В орхонской китаеязычной надписи принятие манихейства приписано хану «Дэнли логу [юй] Момишисйеду Дэн миши хэ Гюйлу»[47] и следует за подавление восстания Ши Чао-и, т. е. после 763 г. Это совпадает с разрывом китайско-уйгурского союза во время восстания Хуай Эня. Так как манихейство в Китае считалось учением одиозным, а христианство было терпимо, то не случайно, что религиозный и политический повороты совпадают. Таким образом, мы можем датировать обращение уйгуров 766–767 гг. Хотя в VII–VIII вв. манихейство проповедовалось по всей Азии, но

---

42 Д. Банзаров, Черная вера, стр. 6, 15.

43 Г. И. Рамстедт, Перевод надписи Селенгинского камня, стр. 41.

44 P. Pelliot (La Haute Asie, p. 17) считает, что манихейство принял Моянчур-хан (об этом ниже).

45 Г. И. Рамстедт, Перевод надписи Селенгинского камня, стр. 44.

46 С. Е. Малов, Памятники..., 1951, стр. 384.

47 Тенгри улук куч мунмиш кат Денмиш кат кучлук кэхань; бука. Небесный, высокой силой воссевший очень Дэнмиш (?), очень сильный хан.

укрепилось оно только у уйгуров[48], причем уйгурские ханы энергично поддерживали своих единоборцев в Китае[49] и в Средней Азии[50].

Таким образом, факт радикального изменения идеологии в Уйгурии устанавливается с полной несомненностью. К сожалению, сведения китайских и арабских авторов слишком отрывочны, чтобы позволить нам уяснить, как, когда и при каких обстоятельствах это изменение произошло. Но о введении новой религии значительно больше и интереснее говорит уйгурский китаеязычный памятник в долине р. Орхон. Несмотря на плохую сохранность, он дает драгоценные сведения по интересующему нас вопросу, так как соответствующие строки поддались восстановлению[51]. Оказывается, Идигянь[52] пригласил к себе проповедников и дал их высшему законоучителю возможность произнести проповедь перед чиновниками. Тот оказался блестящим оратором: «его рассуждения лились, как спущенная река, потому мог он открыть истинное учение уйгуров».

Уйгурские вельможи, «раскаиваясь в прежних заблуждениях... получили приказание обнародовать это учение, чужие нравы превратить в страну пропитания [область пищи][53], владение убийства переменить на царство увещевания к добру».

Религиозная реформа удалась. «Как люди высшие действуют, [тому] низшие подражают». «Царь веры»[54], под которым понимался манихейский патриарх в Вавилоне, одобрил происшедшее и «велел всем духовным и монахиням войти в государство проповедовать».

В полном соответствии с текстом надписи описывает обращение уйгуров Джувейни. Он констатирует наличие у них «науки колдовства», а специалистов в этой области называет «камами». Он считает систему взглядов уйгуров не религией, а только «практической деятельностью», заключавшейся в общении с духами-дьяволами (инкубами и суккубами). Мы бы назвали это тоже не религией, а магией. Влияние камов было огромно, так как они и лечили больных, и гадали, причем последняя функция делала их советниками хана и князей. Это классическая форма шаманизма, хорошо изученная и неоригинальная.

---

48 В. В. Бартольд, О христианстве..., стр. 18.

49 P. Pelliot, La Haute Asie, p. 17.

50 В. В. Бартольд, О христианстве..., стр. 13.

51 В. П. Васильев, Китайские надписи..., стр. 13.

52 Именно он, а не Моянчур, как предполагали Пельо и Васильев. Об этом повествует согдийский текст той же надписи. Хан, принявший светлую веру, — сын Кюль-бильге-хана, т. е. Моянчура, и носит титул Тэнгридэ болмыш иль-итмиш бильге-хаган, т. е. в Небе возникший, державу устроивший мудрый хаган. Согдийский текст, несмотря на фрагментарность, определеннее китайского: ...еретический закон имели мы. Когда же... небесный владыка... огненно-светлое учение божественного мара Маны воспринял... После этого небесный владыка... ко всем... там сказал: Воспримите! Поэтому... мы принесли поклонение... (O. Hansen, Zur sogdischen Inschrift..., S. 16-18).

53 Имеется в виду пища духовная.

54 У буддистов такого титула не было.

Манихеев Джувейни называет «туинами», людьми, сведующими в «номе» — книгах закона. «Ном» — слово персидское и до сих пор сохранилось в монгольском языке как название священных книг. Оказывается, проповедник манихейства пришел из Хатая, а Хатаем вовремя жувейни называли Семиречье.

У Джувейни весьма подробно описан диспут между камами и манихеями: «...обе партии поставили одну против другой, чтобы прочесть вероучение всякой, которая победит. Номисты начали читать свою книгу «Ном». «Ном» есть их знание и догматика, содержащая вздорные предания и рассказы, и находятся в содержании его хорошие увещания, согласные с предписаниями и учением всех пророков, как то: воздерживаться от обид и несправедливости и тому подобного, воздавать добром за зло, остерегаться мучить животных и пр. Их вероучения и убеждения многоразличны, но более всего на них похоже учение последователей переселения душ... Когда они прочли немного «Нома», камы оказались на мели. По этой причине [уйгуры] усвоили идолопоклонство [манихейство, ибо шаманизм Джувейни не считает даже языческой религией], и большая часть племен последовала им»[55].

Хотя тексты Джувейни и надписи весьма близки и несомненно повествуют об одном событии, совершенно ясно, что историк XIII в. смешал воедино манихейство, к его времени угасшее в Срединной Азии, и восторжествовавший буддизм. Манихейских «совершенных» он называет «туины» — тюркским словом — возникшим из китайского tao-jen, букв. «человек на Пути [буддийского совершенствования]». Затем он не отличает современных ему уйгуров-буддистов от древних манихеев, утверждая, что по причине описанного обращения они стали на востоке наиболее враждебны и ненавистны исламу. Однако прочие сведения нарративных и эпиграфических источников позволяют установить, что это было обращение не в буддизм, а в манихейство[56].

Насколько быстрым оказалось обращение, можно судить по тому факту, что уже в 768 г. уйгуры просили китайцев поставить манихейские кумирни в четырех областях[57], что последние выполнили с крайней неохотой. Китайцев манихейство шокировало больше всех прочих религий тем, что, запрещая семью для избранных, разрешало изнурение плоти путем коллективного разврата. Но кроме того, сами манихеи дали повод к оже-

---

55 Цитирую по: В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, стр. 60-61 (ср. Ata-Malik Juvaini, The History..., pp. 59-61). Уйгурского хана Джувейни называет Буку-хан; в согдийском тексте надписи он назван Бугу-хаган. Это показывает, что Джувейни заимствовал рассказ об обращении уйгуров из согдийских документов, не дошедших до нас (ср. O. Hansen, Zur sogdischen Inschrift..., S. 18).

56 Как полагал еще Радлов (К вопросу об уйгурах..., стр. 60), H. Puech (Le manicheism) датирует обращение уйгуров 763 г., но не приводит обоснований своей датировки.

57 В. П. Васильев, Китайские надписи..., стр. 33; E. Chavannes et P. Pelliot, Traite manicheen..., p. 193.

сточению против себя: даже в то жестокое время они показали пример религиозной нетерпимости.

Об этом говорит в первую очередь сам текст надписи: «Неверующие по незнанию называли черта буддой»[58]. Это более крайняя точка зрения, чем у христиан или мусульман, считавших буддистов язычниками, но не поклонниками сатаны. Затем есть сведения, что в манихейских кумирнях изображался демон, которому Будда моет ноги[59]. Разумеется, буддисты воспринимали это как неслыханное кощунство.

Но мало того, взяв верх, манихеи начали применять к побежденным соперникам те меры, которые только что применялись к ним самим. «Должно вырезанные и рисованные изображения демонов все велеть сжечь, молящихся духам, кланяющихся демонам, вместе...»[60]. Надо полагать, что участь буддистов в Уйгурии была нелегка.

Торжество манихейства поссорило уйгуров со всеми соседями: мусульмане в Средней Азии, буддисты в Тибете, конфуцианцы в Китае, шаманисты в Кыргызском ханстве — все воспринимали новое учение как дикую извращенность. Вряд ли принимали доктрину о борьбе с собственным телом путем изнурительного воздержания и столь же изнурительного распутства низшие слои в самом Уйгурском ханстве. Однако «история гласит: хуйхуский кэхань с Мони общее государсво»[61], т. е. уйгурский хан настолько связял себя с манихейской общиной, что его эль превратился в союз трона и алтаря.

Внедрение манихейства в Уйгурии повело за собой изменение письменности — появился новый алфавит, называемый уйгурским. Он происходит от новосогдийской письменности и отличается своей простотой и удобством. Строчки идут сверху вниз и слева направо[62]. Этим алфавитом написаны манихейские, христианские и мусульманские тексты, а также юридические документы из Турфана; наиболее древними являются манихейские, так как фонетика и грамматика их языка ближе к орхоно-енисейским руническим памятникам, чем к буддийско-уйгурским и уйгур-

58 В. П. Васильев, Китайские надписи..., стр. 23; E. Chavannes et P. Pelliot, Traité manichéen..., p. 193. Шлегель переводит иначе: называла духов богами (G. Schlegel, Die chinesischen Inschriften..., S. 130), но эта расплывчатая формулировка не заслуживает предпочтения.

59 В. П. Васильев, Китайские надписи..., стр. 34, прим. 2.

60 Там же, стр. 23; G. Schlegel, Die chinesischen Inschriften..., S. 130; E. Chavannes et P. Pelliot, Traité manichéen..., p. 194. Тогда было обезглавлено множество тюркских надмогильных статуй в пределах Уйгурского ханства. В этой связи следует упомянуть концепцию А. Д. Грача, согласно которой словом балбал назывались каменные изваяния из тюркских могилах, изображавшие якобы убитых врагов (А. Д. Грач, Древне-тюркские изваяния..., стр. 76-77). Во-первых: уйгуры вряд ли стали бы уничтожать изваяния своих предков; во-вторых, каменная баба по-тюркски называлась сын таш, а не балбал. Последнее название касалось только каменных плит, изображавших убитых врагов (см. Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., т. III, стр. 776).

61 В. П. Васильев, Китайские надписи..., стр. 33.

62 С. Е. Малов, Памятники..., 1951, стр. 105.

ско-мусульмаиским[63]. Самым ранинм текстом, поддающимся датировке, являются четыре строки иа орхоиском китаеязычном памятнике 795 г. Сохраииость надписн очеиь плохая, ио оиа иесомиенио связана с китайским текстом, разобраиным выше, так как высечеиа иа том же самом камие[64].

В иашем распоряжеиии имеется текст — покаяииая молитва со среднеперсидским изваиием — Хуастуаифт, вериее, ее перевод с маиихейско-сирнйского иа уйгурский. С. Е. Малов предполагает,то перевод был сделан еще в V В., ио это нсключено всем ходом истории. Маинхейство у уйгуров зафиксироваио лишь в VII в. и отсутствовало у тюрок. Следовательио, оио проиикло в Великую степь во второй половине VII в., когда арабы подавили сопротивление согдийцев н маиихен вынуждеиы были бежать нз цветущих оазисов в днкие степи ради спасеиия жизии. Молитва имеет подпись: «Бетюрмиш-тархан закончил Хуастуаифт — молеиие о грехах слушателей»[65]. Очевидно, Бетюрмиш-тархан был «совершеииый» (высший чии маиихейской иерархии), и весьма примечательио, что проповедь маиихейства шла через представнтеля арнстократии.

Но н простые уйгуры испытали на себе силу иовой религии. Маиихейский канои предусматривает постиые дни, когда запрещеио вкушать даже масло и молоко. Уйгурским пастухам и охотиикам пришлось заводить огороды, чтобы ие умереть с голоду. Таким путем иачало распространяться земледелие в степи[66].

Сами проповедникн манихейства свое удовлетвореине достигнутыми успехамн выражали такими словами: «Страиа диких иравов, иаполиеииая дымящейся кровью, превратилась в страиу, где питаются овощами, страна убийства — в страиу стремлеиия к добрым делам»[67]. Сомиительно, чтобы эта широковещательная декламация отражала действительиое положеиие вещей. Природиая воинствеииость уйгуров ие исчезла от поста н молитв, и виешияя политнка Уйгурии продолжала оставаться активиой.

Начавшийся прогресс. Новый порядок в степи благотворно повлиял иа развитие торговлн. Хотя прямых указаиий иа это в хрониках иет, но убедительиые сведеиия дает иумизматика. В Мииусинской котловиие сделаио миого находок китайскнх моиет Таиского времени. 45 монет чекаики 621 г. попали в Сибирь, очевидио в промежуток между 630–680 гг., когда тюрки подчииялись имперни Тан. Затем идет перерыв, пада-

63 Там же, стр. 108.
64 В. В. Радлов, Титулы и имена..., стр. 269-270.
65 С. Е. Малов, Памятники..., 1951, стр. 125.
66 Е. Chavannes et P. Pelliot, Traite manicheen..., p. 268.
67 R. Grousset, L'Empire des Steppes, p. 174.

ющий на эпоху второго каганата, и затем 12 монет 758-759 гг., после чего до IX в. найдено всего 6 монет[68].

Было бы неверно думать, что торговля в конце VII в. прекратилась. Скорее наоборот, она расширилась, но арабские и турфанские купцы побили китайских конкурентов. Из халифата каждые три года в Минусинскую котловину приходил караван из 20–24 верблюдов, нагруженных узорчатыми тканями[69]. Если столько попадало в одну из областей Уйгурии, то сколько же шло в центр ее!

Уйгурская столица была уже не лагерем из войлочных шатров, подобно ставке тюркских ханов. В отличие от тюрок уйгуры начали широкое строительство городов, причем оно поручалось согдийцам и китайцам. Около 758 г. на берегу Селенги был построен г. Байбалык[70]. Близко к этому времени в столице Уйгурии — Каракоруме была воздвигнута стела с китайской надписью[71].

Уйгурия чрезвычайно быстро превращалась в культурную страну.

---

68 С. В. Киселев, Древняя история..., стр. 591-592.

69 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 355.

70 Г. И. Рамстедт, Перевод надписи Селенгинского камня, стр. 46.

71 В. П. Васильев, Китайские надписи..., стр. 19.

Глава XXVIII

ВОССТАНИЕ АНЬ ЛУШАНЯ

Великий Китай. Неудачи 751 г. на востоке и на западе очень сильно отразились на Империи. То, что вся страна была недовольна повышеннем налогов и голодом, возникшим из-за стихийных бедствий н наводнений 754 г.[1], — не так беспокоило правительство, как недовольство охватившее армию. Имперская армня состояла из ударников — конных стрелков и латников, а также многочисленных вспомогательных команд: пехоты, обоза, обслуги, интендантства и т. п. Колоссальные количества войск объясняются тем, что в их число включались все эти небоеспособные скопнща. Однако без вспомогательных команд конные стрелки н латники не могли воевать, так как если бы они сами ухаживали за своими конями, чистили оружие, носилн дрова, варили пнщу, то в момент боя не были бы достаточно отдохнувшими, чтобы натягивать до уха тугой лук или действовать тяжелым мечом. В условиях тактики VIII века бой решался моментом, и для этого момента копились все силы ударной части армии. Понятно, что большая часть ударников состояла из кочевников, с детства привыкших к коню и луку. Часть этих войск ушла из Ордоса вместе с Кутлугом в 682 г., заменившие их были тоже степняки[2], и нх обуревали те же чувства, что н тюрок 75 лет назад. В предвкушении побед, наград и добычи они сражались добросовестно, но когда выяснялось, что победы не даются, они начинали искать виновников и, как это часто бывает, обвиняли правительство. Китайские чиновники и придворные в Чанъани были для пограничных войск чужими и неприятными людьми, а военачальники были из ко-

1 E. Pulleyblank, The Background..., p. 25 E. Пюллейбланк убедительно доказывает, что попытка Хайфера (Heifer, Die vierte der funf grosen Heimsuchungen Chinas,) истолковать восстание Ань Лушаня как двяжение крестьян, доведенных голодом до отчаяния, неосновательна, так как на Лоян пошли не массы голодных крестьян, а регулярные войска, среди которых было много некитайцев.

2 В 718-720 гг. пограничная армия в Хэбэе была меньше армии Хэдуна, но Лушань, став командиром первой, пополнил ее кочевниками (E. Pulleyblank, The Background..., p. 80).

чевииков, т. е. свон. Оиги долгое время были ограничены в своей служебной карьере: им ие доверялн командоваиие войсками в провинциях[3], что болезненно ущемляло нх самолюбие, поэтому пограиичная армия целиком оказалась в оппозиции двору.

Кроме пограничной армии вокруг столицы была сосредоточена гвардия, в которой служили кнтайцы из арнстократических семей, вовремя примкнувших к династии Таи. Гвардия была достаточно миогочисленна и хорошо вооружена, ио ие обстреляна. К ней примыкала так называемая Северная армня, вначале состоявшая нз сторониников императора Тайцзуна, с помощью которых он достиг троиа в 619 г. Впоследствии она комплектовалась из детей ветераиов, так что ее стали называть «Армия отцов н сыиовей». Эта армия определяла успех или провал любого дворцового заговора или попытки переворота. Отдельно от Северной армии существовал специальный коиный корпус телохранителей, прииадлежавший фамилин Ли, составлеиный из военнопленных н домашних рабов.

Итак, внутренияя армия была велика, но ее политнческая лояльность всегда внушала подозреиия. Слишком уж близка была она ко двору и его интригам, да н не ладила ниой раз с самим императором, как, например, в 731 г., когда ряд офицеров, домогавшихся незаслуженных, с точки зрения власти, повышеиий, был приговорен к самоубийству.

Затрудиеиия на тнбетском фроите заставили императора направить Севериую армию[4] протнв внешнего врага, но успехи ее былн мниимальны. В связи с этим будет уместио сравнить характеристики обоих войск, отражеииые в китайской поэзии VIII в.

Регулярность инородческой армии, находившейся под командованием геиерала Ань Лушаня, посвящеио стнхотворение Ду Фу, описывающее дисциплину н боевой дух войска в 751 г.:

В поход за Великую стену (на киданей)

Мы вышлн утром из лагеря, что у ворот Лояна,
И незаметно в сумерках взошлн на Хэянскнй мост.
Расшитое золотом знамя закат осветил багряный,
Ржанье коней военных ветер кругом разнес.
На ровном песке повсюду раскинулнсь наши палаткн,
Выстроилнсь отряды н переклнчка слышна.
Ночной покой охраняют воинскне порядкн,
И с середины неба за ннми следит луна.
Несколько флейт вздохнулн печальнымн голосамн,
И храбрецы вздохнулн, глядя в ночную снNь.

3 Шан Юэ, Очерки..., стр. 235.

4 E. Pulleyblank, The Background..., p. 66.

Еслн спросить у воннов — кто командует вамн?
Наверно онн ответят — командует Хо Кюй-бннь[5].

Стихотворение написано за несколько месяцев до восстания этих войск в 755 г. Вождь их сравиивается с прославлеииым хаиьским полководцем, победителем хуинов, а в другом стихотвореиии — с соколом, который

Смотрит насупившнсь, точно днкарь невеселый,
Плечн приподнял, за птнцей рванутся готов он;
Кажется, крнкнешь, чтоб он полетел за добычей,
И отзовется тотчас же душа боевая.
Скоро ль он бросится в битву на полчнще птичье,
Кровью н перьямн ровную степь покрывая?[6]

И как иа это не похожи чувства и настроения китайских воинов, мобилизованных в армию Гэ Шу-лииа, действовавшую против тибетцев в 749 г.

Ратники «в печали прощаются с родными местами», а чиновники забивают насмерть дезертиров. На учении китайский кавалерист с гордостью заявляет, что он «на полиом скаку» не держится за луку[7]. Это просто смешио не только для степняка, ио и для иас. Вот уж действительно достижение! Затем следует нравоучеиие полководцу: «Он должен знать: мы люди, а ие скоты... и не должны здесь действовать кнуты»[8]. Затем идут жалобы на трудиость гориых переходов и, накоиец, описаиие столкновения с врагом, где замучеииые солдаты отбили натиск конного противиика. Но затем наступает горькое разочароваиие:

Десять лет я в войсках,
Десять лет прослужил я, солдат,—
Так ужель у меня
Не скопилось заслуг никаких?[9]

Обычная история! В битве за чииы и награды солдат всегда бывает побежден. Коитраст разителеи. Нет не следует думать, что в VIII в. китайцы были трусливы, но, южаие, они были слишком импульсивиы, и им ие хватало выдержки, которой обладали тюрки, кидаии и горцы тибетцы. Китайцы не потеряли умеиия обороняться в крепостях, ио маневреииая войиа была им не по характеру. На китайских войсках, пусть вполне лояльных, не могли основывать свое могущество престол и двор.

5 Ду Фу, Стнхн, стр. 41-42.
6 Там же, с. 20-21.
7 Там же, с. 23-24.
8 Там же, с. 25.
9 Там же, с. 29.

А при дворе было неблагополучно[10]. Престарелый Сюаньцзун влюбился в очаровательную китаянку Ян[11]. Фаворитка устроила на государственные должности своих родственников-китайцев, и вокруг нее создалась клика, окончательно оттершая от престола боевых генералов. Власть перекочевала из штабов в канцелярии, от полководцев к евнухам. Все недовольные налогами и поражениями, взятками и произволом, невниманием к своим заслугам и роскошью родственников фаворитки единодушно проклинали Ян гуй-фэй. Однако нашелся только один человек, готовый разрубить роковой узел, — это был Ань Лушань[12].

У предела. Ань Лушань происходил из кочевников, поддавшихся Китаю[13]. В 736 г. он, командуя дивизией, проиграл битву киданям. Будучи за это приговорен к смерти, он оправдался перед императором. Ань Лушань совмещал в себе тюркскую неукротимость с китайской хитростью, он одинаково умел льстить и сражаться, лицемерить и приказывать. Зная продажность дворцовых прихлебателей, он не жалел денег на взятки, и поэтому возвышение его шло быстро.

В это время при дворе шла борьба между «аристократами», т. е. членами высокопоставленных семей, и «учеными», получившими чины путем сдачи экзаменов. Вождь последних, Ли Линь-фу, глава правительства, победив своих соперников, стал выдвигать на военные посты совершенно безграмотных кочевников, считая их неопасными. Эта волна подняла Ань Лушаня[14]. В 744 г. во время военной реформы, он получил корпус в Пиилу, в Маньчжурии; в 744 г., ему удалось получить еще корпус в Фаньяне, в центральной части Ордоса, а в 751 г. — корпус в Хэдуне, на севере Ордоса. В 754 г. он выпросил себе право распоряжаться казенными табунами для ремонта кавалерии. Располагая большими доходами подчиненных ему

---

10 О борьбе политических группировпк и кариктеристику их смотри.: E. PUlleyblunk, Buckground..., cb. 4.

11 Это была девушки из знитной семьи, просватанная за восемнидцатого сына Сюаньцзюна. Император прикнзал своему любимцу евнуху Гао Ли-ши подмскивать себе крисавиц, и тот увез невесту царевича для императорскиго гареми. В 745 г. Ян получила звание гуй-фэй, наложницы первого разряди, и стала стали делить власть с императором на привах полуимператрицы (Чэнь Хун, Повесть о бесконечной тоске, с. 125).

12 Не будучи политически прозорливой, Ян гуй-фэй способствовали возвышению офицери Ань Лушини, потешаясь над его грубыми шутками и незнанием этикети. Когди же брит фиворитки Ян Го-чжун, ставший главным советником императори, обвинил Ань Лушини в изменнических замыслах, Ян гуй фэй усыновила последнего. Злые изыки утверждали, что полководец был любовником полуимператрицы.

13 Г. Е. Грумм-ГРжимайло полагает, что пи был хунн (Западнни Монголии..., с. 336); Кордье низывает его киданем (H. Cordier. Histoire generale..., p. 474); Пюлейбланк считает его согдийцем по отцу (Sogdian colony..., pp. 317-336), отмечая, что его мать была из знитного тюркского роди Ашидэ (см. также: The Buckground..., p. 7). По другим сведениям, отец Ань Лушини был пастухом из северных ху, т.е. кочевников, и только усыновлен богатым согдийцем (Ibid., p14.). В юности он якобы попался при баранте, но в замену смертной казни был зачислен в войско, и отсюда началась его карьери (Ibid., p8).

14 E. Pullenblank, The Buckground...

областей, Ань Лушань навербовал восемь тысяч отборных воинов из киданей, татабов и племени тонгра, а также включил в свою армию уцелевших соратников тюркского старейшины Абусы, погибшего, как выше отмечалось, в 753 г. в китайской подземной темнице[15].

Преданные Ань Лушаню согдийские купцы были разосланы им «вести торговлю по всем дорогам», а попутно доставать для него деньги и разведывать обстановку. Даже среди китайской чиновной бюрократии Ань Лушань нашел поддержку и сочувствие[16].

Чересчур активная деятельность, увеличение войск, соединение пограничных владений в одних руках, а может быть, и не дошедшие до нас агентурные данные заставили министра Ян Го-чжуна возбудить против Ань Лушаня судебный процесс. Ань Лушань не уклонился от дела и, лично явившись в столицу, блестяще оправдался[17] и выхлопотал чрезвычайные награды 2500 офицерам, что было ему необходимо перед задуманным восстанием. В 755 г. он просил заменить 32 высших офицера из китайцев представленными им кандидатами из кочевников. Несмотря на сопротивление Ян Го-чжуна, император эту просьбу удовлетворил. Но Ань Лушань понял, что дальше тянуть нельзя, и в ноябре 755 г. в местечке Юйяне, в провинции Хэбэй, Под грохот барабанов был объявлен призыв к восстанию для ниспровержения влияния рода Ян. Восстало 150 тыс. пограничных войск при полном единодушии солдат и офицеров. Среди советников Ань Лушаня оказался даже тюркский принц Ашина Чен-цин. Надо полагать, что скромная программа — отстранение Ян гуй-фэй — не обманула никого. Солдаты знали, что они идут к захвату власти для защиты своих прав; китайцы понимали, что идут варвары — ху, которых надо истреблять. Единство империи лопнуло по шву.

Правительство ответило на восстание казнью сына Ань Лушаня, который жил в Чанъани, и отправкой на подавление мятежа двух армий — одной численностью в 60 тыс. человек, а другой — в 110 тыс. человек. Обе армии были разбиты[18].

Ань Лушань немедленно начал наступление на столицы. Восточная столица — Лоян — сразу попала в его руки. Дорогу на Шеньси, к Чанъани, прикрывала застава в горном проходе Тунгуань, а на востоке, в Хэбэе и Хэдуне, сын киданьского князя Ли Гуань-би организовал активную оборону против мятежников. Летом 756 г. ему удалось нанести поражение мя-

15 Liu Mau-tsai. die chinesischen Nachrichten..., S. 261-262.

16 Шан Юэ, Очерки..., стр. 236.

17 L. Wieger, Textes historiques, p. 1676.

18 H. Cordier, Histoire generale..., p. 475. В областях дело дошло до того, что не было солдат для ведения военных действий... Солдаты и офицеры числились только на бумаге, а вооружение, вьючные лошади, котлы для варки пищи, палатки и провиант не были подготовлены. Панцири, выдававшиеся из арсеналов, оказались дырявыми, а копья и мечи — тупыми. Императорская гвардия, составленная из богатой молодежи, была недисциплинированна и не обучена (см. также: Шан Юэ, Очерки..., стр. 236-237).

тежному воеводе Ши Сымину, и тогда часть Хэбэя восстала против Ань Лушаня.

Однако сражение при Ланбао, в котором были на голову разбиты китайские правительственные войска, вызвало панику среди гарнизона Тунгуаня. Солдаты, защищавшие проход, отступили, и мятежники 10 июля 756 г. ворвались в Шэньси.

Но зверства этих профессиональных солдат толкнули китайское население на интенсивную защиту династии, к которой до восстания отношение было скептическим и даже недоброжелательным. Коллизия зимы 756 г. гениально и лаконично обрисовала Ду Фу:

Оплакиваю поражение при Чэньтао

Пошли герои снежною зимою
На подвиг, оказавшийся напрасным,
И стала кровь их в озере водою,
И озеро Чэньтао стало красным.

В далеком небе дымка голубая,
Уже давно утихло поле боя,
Но сорок тысяч воинов Китая
Погибли здесь, пожертвовав собою.

И варвары ушли уже отсюда,
Блестящим снегом стрелы обмывая,
Шатаясь от запоя и от блуда
И варварские песни распевая.

А горестные жители столицы,
На север оборачиваясь, плачут.
Они готовы день и ночь молиться,
Чтоб был поход правительственный начат[19].

Как резко изменилось отношение поэта к той самой армии, которую он только что воспевал! Теперь он называет ее солдат варварами — ху; они сразу стали заклятыми врагами, и все неодобрение двору и правительству, выраженное в «Стихотворении в 500 слов...»[20], испарилось мгновенно. Этот поворот произошел во всем китайском обществе, которое, видя не способность императора и дворцовой клики, взяло в свои руки инициативу борьбы с мятежниками. Однако у китайских патриотов не было никакой реальной силы, которую можно было бы противопоставить закаленным в боях и воодушевленным победой ветеранам Ань Лушаня.

Император с фавориткой покинул столицу, но его собственные гвардейцы, охрана его особы, вышли из повиновения. Судя по ходу событий,

---

19 Ду Фу, Стихи, стр. 45-46.

20 Там же, стр. 31-40.

они не хотели реформ или смены династии, но еще больше не хотели умирать из-за Ян гуй-фэй, которую считали причиной всех бед.

По представлению сопровождавших императора сановников министр Ян Го-чжун получил повеление покончить с собой, чтобы утишить пламя недовольства. Верный долгу, он повесился на дороге. Сановники были удовлетворены, но солдаты потребовали жизни Ян гуй-фей. Ее вытащили из императорской кареты и задушили тонким шелковым шнурком. Самого престарелого императора заставили отречься от престола в пользу своего сына Ли Хэна (посмертный титул — Суцзун). Только такой ценой император спас свою жизнь.

Отрекшегося императора увезли в Сычуань и укрыли в непреступном горном замке, а Чанъань без боя досталась Ань Лушаню[21]. Китайское население столицы бежало куда глаза глядят[22].

Даже тюрки и тонга, жившие в Чанъани, бежали от повстанцев. Во главе с князем Ашина Цзун-ли они направились в Ордос, подняли тамошних кочевников и уговорили их нанести набег на Шэнси, в тыл наступающим мятежникам. Эта диверсия задержала наступление и в сущности решила исход компании, позволив ввести в дело свежие силы.

Западные корпуса остались верными престолу. Командующий в Шофане Го Цзы-и, командующий в Западном крае Ли Сы-йе и наследник престола Ли Хэн возглавили сопротивление. Но сил у них было мало, и поэтому немедленно были отправлены послы в соседние страны с просьбой о помощи. В сентябре 756 г. уйгуры и тибетцы предложили свою помощь для подавления восстания. В данном случае политический вопрос совпал с личным. Уничтожение повстанцев означало уничтожение императорской армии, а война внутри Китая сулила богатую добычу. Ли Сы-йе привел кроме своих регулярных войск 5 тыс. хотанцев, тюрок шато и отряд «чернорубашечных дашисцев», т. е. аббасидских арабов. Суцзун навербовал на юге полудиких маней. В октябре 756 г. выступили в поход уйгуры. Моянчур-хан сначала оговорил условия, на которых он соглашался оказать помощь: он требовал договора мира и родства. Этот договор аннулировал его фиктивный вассалитет и ставил его в положение равноправного союзника. Новый император, Суцзун, принял все условия, сам женился на уйгурской княжне и возвел ее в достоинство «мудрой (бильге) царевны».

После этого хан разбил племя тонгра, примкнувшее к Ань Лушаню[23], и в декабре 756 г. соединился с Го Цзы-и в долине Хуянгу.

---

21 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 309 и сл.

22 Повстанцы в каждом завоеванном городе брали одежду, золото и женщин; сильных мужчин использовали как носильщиков, а слабых, старых и малых рубили секирами (Шан Юэ, Очерки..., стр. 237).

23 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 345.

Раскол среди племени тонгра показывает, что восстание имело свои отзвуки и в степи. Во главе восставших тонгра стоял Пугу Бин, сын императорского генерала Пугу Хуай-эня. Последний, захватив своего сына в плен, убил его за измену: ожесточение гражданской войны накалило чувства ее участников до предела. Но неудача восстания тонгра не случайна: уничтожение имперской полевой армии сулило Уйгурскому ханству полную независимость, а достижения этой цели нужно было спасти Танскую династию и подавить восстание. Уйгурские ханы это поняли и осуществили.

Хан заставил китайского полководца сперва поклониться «волчьему знамени» и только после совершения этого обряда допустил его к себе. Уйгурского посла, недовольного предоставленным ему при церемониале приема местом, император приказал ввести в тронную и обласкал. После этого джабгу (ябгу), наследник уйгурского престола побратался с ним. Простодушные уйгуры были тронуты и польщены оказанной им честью и загорелись желанием отблагодарить радушного хозяина. Для руководства их действиями был назначен кавалерийский генерал Пугу Хуай-энь. Хуай-энь был сын старейшины племени бугу, убитого родичами за китаефильство. Убийца был казнен, а сыну убитого дали чин и китайское воспитание; он оказался очень талантливым и верным человеком[24].

Однако чужеземная помощь дорого стоила китайскому населению. Ду Фу писал:

> Имперская гвардия, как говорят,
> Быть может и очень храбра на войне,
> Но грубое варварство этих солдат
> С туфанями может сравниться вполне.
> Я слышу народа китайского стон.
> Плывут мертвецы по великой реке,
> А женщин и девушек, взятых в полон,
> Терзают от их деревень вдалеке[25].

Наемные союзники не щадили ни врагов, ни друзей. Они пришли в Китай, чтобы разбогатеть, и последовательно добивались этой цели единственным известным им способом — грабежом. Несчастные жители начали предпочитать повстанцев союзникам.

Между тем в стане восставших стало неблагополучно. Ань Лушань потерял зрение и от этого сделался раздражителен и жесток. Он оскорблял, бил, а иногда даже казнил своих подчиненных за малейшее проявление самостоятельности. Но это были смелые люди, и ночью 30 января 757 г. советник Янь Чжуан и евнух Ли Чжу-эр вошли в палатку полководца и убили его. Смерть эту в течение короткого срока убийцам удалось скрыть.

24 Там же, стр. 344.

25 Ду Фу, Стихи, стр. 161.

За это время они успели провозгласить Ань Лушаня императором, а его слабоумного сына наследником, затем объявили о смерти императора и возвели на престол его сына. Янь Чжуан стал хозяином положения.

Тем временем правительство успело сформировать армию: уйгуры, арабы, хотанцы, тюрки-шато и бирманцы выступили в защиту Китая, против регулярных войск Империи. В сентябре 757 г. на берегу р. Фыншуй противники встретились. Хуай-энь, командуя уйгурами, обошел армию повстанцев. При обходе он наткнулся на засаду и изрубил ее до последнего всадника, а затем ударил с тыла. В тоже время Ли Сы-йе, командуя хотанцами, арабами и шато, атаковал повстанцев с фронта. Последние были разбиты, потери их исчислялись в 60 тыс. человек, что является, разумеется, обычным преувеличением, так как кампания не кончилась. Этого не могло бы быть, если бы мятежная армия действительно потеряла 40% личного состава. Надо при этом учесть, что ее тылы необходимо было охранять от Уйгуров и киданей.

Ши Сымин, возглавляя восточную армию, захватил Хэбэй и осадил имперского полководца — киданьского князя Ли Гуань-би — в крепости Тайюань. Осада крепости стоила ему многих людей, но взять ее он не смог и отступил в Фаньян, столицу мятежников и очаг восстания[26]. Его самостоятельность и независимое поведение вызвали подозрение у Янь Чжуана. Последний отправил нескольких офицеров для наблюдения за Ши Сымином, но тот терпеть не мог шпионов. Он арестовал присланных наблюдателей и предложил Суцзуну покорность, Фаньян и 80 тыс. воинов. Тот с восторгом принял это и дал Ши Сымину пышный титул, утвердив его в качестве полководца.

Оставалось добить повстанцев в Хэнани.

Одержав победу при Фыншуе, Хуай-энь с уйгурскими, арабскими и бирманскими войсками взял Чанъань[27], затем пошел к Шаньчжоу и дал мятежникам сражение у постоялого двора Синь-дянь. О результатах этой битвы историк стыдливо умалчивает.

Тем временем уйгурский отряд получил задание уничтожить войска повстанцев на южных склонах Наньшаня (видимо, около Синина), что он выполнил и отошел обратно на север. Там в это время действовала армия Го Цзы-и. Мятежники теснили ее. Уйгуры, узнав об этом, зашли к ним в тыл и ударили на них. Неожиданность вызвала панику, и мятежники бежали. Янь Чжуан, бросив Лоян, отступил вместе со слабоумным сыном Ань Лушаня за Желтую реку. Тут уйгуры показали, ради чего они пришли в Китай: Начался повальный грабеж и насилия. Жители укрылись от своих

26 H. Cordier, Histoire generale..., p. 478.

27 Уйгурский ябгу просил разрешения разграбить Чанъань, но согласился на просьбу китайского царевича не вводить войска в город. Сам ябгу не считал возможным удержать своих соратников от грабежа и насилий (I. Wieger, Textes historiques..., p. 1688).

«избавителей» в буддийские монастыри. Уйгуры сожгли два монастыря и перебили 10 тыс. человек. Нашлись китайцы, которые служили им проводниками. Только когда старики преподнесли их вождям 10 тыс. кусков шелка, уйгуры перестали грабить и ушли. Так закончилась компания 757 г.

Одержав победу, Суцзун вернул своего отца в столицу, передав ему власть и престол. Но сразу же возобновились придворные интриги за наследование престола, наветы, клевета. К Ши Сымину тоже тоже были посланы шпионы, чтобы доносить о его поведении. Ши Сымин не выдержал и казнил их всех, что означало разрыв с правительством и возобновление восстания.

Этот факт показывает, что корни восстания лежали не в честолюбии полководцев, так как в таком случае было бы не возможно в течение стольких лет увлекать войска на смертельную борьбу. Очевидно, не только Ши Сымин, но и все его воины более страшились оказаться в лапах доносчиков и бюрократов, чем быть с оружием в руках на поле боя. Можно думать, что они не доверяли обещаниям амнистии и предпочли еще раз довериться изменчивому военному счастью[28].

Итак, война вспыхнула с новой силой.

В 758 г. уйгуры были заняты походом на кыргызов, причем покорили их за одну кампанию. В это время мятежники опять перешли в наступление и военные действия развивались в Хэнани. Снова пришлось императору обращаться за помощью к уйгурам, хотя он знал, что с населением союзники «бесчеловечнее мятежников поступают»[29].

Уничтожение Китая. События складывались как нельзя благоприятно для уйгуров. За одержанную для китайцев победу уйгурам положено было выдавать ежегодно 20 тыс. кусков щелка. В 758 г. император выдал свою малолетнюю дочь за старого уйгурского хана и признал за ним ханский титул, т. е. равенство Уйгурии с Китаем. Было сформулировано, что император и хан — двоюродные братья. Хан остался доволен и подарил императору 500 лошадей, соболий мех и белую шерстяную ткань и, кроме того, отправил 3 тыс. всадников для борьбы с мятежниками.

Весной 759 г. Го Цзы-и и еще восемь полководцев осадили сына Ань Лушаня в г. Йечэн в Хэнани. Мятежники крепко держались, ожидая помощи, и к ним на выручку пришел Ши Сымин. Его конное войско тревожило тылы противника, перехватывало обозы и добилось полного изнурения императорской армии. Наконец состоялось сражение. В разгаре битвы на поле боя налетел ураган — тайфун, вырывавший с корнем деревья. Обе армии потеряли управление. Солдаты стали разбегаться: пов-

---

28 С этим нужно сопоставить тот факт, что Ань Лушань и Ши Сымин посмертно были обожествлены пограничными жителями Хэбэя, их почитали как двух мудрых духов — покровителей страны (E. Pulleyblank, The Background..., p. 17). Вряд ли народ обожествил бы честолюбца, приносившего только гибель и горе.

29 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 319.

станцы на север, а императорская армия иа юг. Опытный полководец Ши Сымии первый восстановил порядок в войсках и погнался за противником. Го Цзы-и не мог собрать своих разбежавшихся солдат, занявшихся мародерством. Он покинул Лоян и ушел на запад. Ши Сымин казнил слабоумного сына Ань Лушаия и в мае 759 г. объявил себя императором.

Командующий имперскими силами иа востоке Ли Гуаиь-би потрепал мятежников под Хэяиом, ио Ши Сымии разбил его и овладел городами Хэян и Хуайчжоу. Сиова потребовалось напряжение всех сил и без того изнуренной страны.

Положение китайцев было осложнено еще тем, что отрекшийся император Сюаньцзун вернулся в Чанъань и оттеснил от власти своего сына, доблестного Суцзуна. Сюаньцзун принял титул государя-отца и сначала поселился в Лояне, а затем перебрался в западиый дворец около Чанъани. Ои активно вмешивался в управление, главным образом для того, чтобы рассчитаться с теми из своих сторонников, которые, спасая его самого и династию, убили Ян гуй-фэй. В старости он стал чересчур жесток. Три сына стали его жертвами. Кроме того, по мнению современников, ои лишился разума: «Всех убивал, один лишь жить хотел»[30]. Вряд ли кто-либо больше помог Ши Сымину раздуть угасающее пламя граждаиской войны.

Но все-таки иаступление мятежников захлебнулось. Китайцы произвели в Сычуани тотальную мобилизацию. Ду Фу описывает душераздирающие сцены отправки на фронт юношей, почти детей, и патриотизм женщин, добровольно идущих на войну в качестве обслуги. Геиерал Го Цзы-и спешно обучал новобранцев уже без помощи кнута, так что заслужил от солдат иазвание отца и брата[31]. Отряды мятежников увязли в массах народиого ополчения, и война бушевала только в Хэнани, но не перекинулась в Шэиьси.

Летом 759 г. умер уйгурский хан Моянчур. Наследник престола, старший сын хаиа, был казнен за какой-то проступок, и иа престол вступил второй сын, Идигань Мэуюнь-хан[32]. Он был женат на дочери Пугу Хуайэня, но целых два года не спешил выручить своего тестя, изнемогавшего в борьбе ради династии Тан. Тем временем Ши Сымин ие дремал. После победы над Йечэном ои наступал иа запад, где в это время тибетцы взяли крепость и г. Шаньчжоу (В Ганьсу). В апреле 761 г. он был убит заговорщиками, а войска мятежииков возглавил его старший сын Ши Чао-и. Ши Чао-и обратился к уйгурскому хану с предложением воспользоваться смертью императора и забрать сокровища казны и короны, а ему оставить

30 Чэнь Хун, Повесть о бесконечной тоске , стр. 127.

31 Ду Фу, стихи, стр. 60-65.

32 Видимо, этот переворот описан Гардизи, согласно версии которого младший брат, Кур-тегин, спасенный от смерти манихеями, произвел восстание и казнил своего старшего брата (В. Бартольд, Отчет..., стр. 114-115). Но описание подробностей перевода у Гардизи ие внушает доверия, и потому от следования его рассказу лучше воздержаться.

землю и народ. Хан соблазиился и готов был выступить иа юг, когда из Китая прибыл посол, уведомивший хаиа о вступлеиии иа престол нового императора, Дайцзуиа, совместно суйгурами громившего мятежников в 757 г.[33].

Осенью 762 г. уйгурское войско выступило в поход, и иикто не знал, кто станет его жертвой. В Китае пробежал страшиый слух, что 100 тыс. уйгуров идут к границе. На самом деле уйгуров было всего 4 тыс. ударного войска и 10 тыс. вспомогательного, да табун заводиых коней. Для переговоров был иаправлен Пугу Хуай-эиь, и он уговорил своего зятя двинуться на мятежников[34]. Китайцами командовал наследник престола[35], и летом 762 г. он сошелся с уйгурским войском к северу от Шаньчжоу.

Хан держал себя как диктатор. Когда наследиик престола отказался совершить перед ним уйгурский обряд поклонения, он приказал забить до смерти палками двух китайских вельмож. Китайцы проглотили оскорбление. Уйгурско-китайское войско осенью 762 г. ударило на мятежников и разгромило их армию. Согласио Гаиму, мятежиики потеряли 60 тыс. убитыми и 20 тыс. пленными. 20 ноября уйгуры ворвались в Лоян[36]. Ши Чао-и заперся в Мочжоу, но потом оставил там коменданта и ушел набирать подкрепление. Комендант сдал крепость Пугу Хуай-эню. После этого сдался комендаит Фаньяна, и дело мятежников было проиграио. Загнаииый как зверь, Ши Чао-и повесился в лесу, и гражданская война закончилась.

Китай лежал в развалииах. Уйгуры грабили иаселение, в селах уничтожали дома, а уцелевшие жители, потеряв всю одежду, прикрывались бумагой. Убыль населеиия была огромиа: по переписи 754 г. в Империи числилось 52 880 488 душ, а в 764 г. — 16 900 000 душ, но надо учитывать, что застенные владения большей частью отпали от Китая. Армия — гордость династии Тан — легла целиком, остались ополчение и наемные отряды. Идея Империи была потеряна полностью: для осуществления ее не было больше ни сил, ни средств, ни воли. О результатах гражданской войны прекрасно сказал китайский великий поэт Бо Цзюй-и:

> В девятый месяц во всем Сюйчжоу, с недавнею войной,
> Стенаний ветер, убийства воздух на реках и горах.

---

33 О предложении Ши Чао-и сообщает и уйгурская надпись (В. П. Васильев, Китайские надписи..., стр. 22). Но, к сожалению она оривodит весьма не убедительные мотивы отказа уйгурского хана, который будто бы разгневался на мятежника за забвение императорских милостей и узурпацию. Скорее всего здесь был оравильный ооличический расчет: сокрушив имоерскую полевую армию, уйгуры не могли опасаться вторжении в свою страну, а более благоприятного случая для привентивной войны нельзя было представить.

34 E. Chavanoes et P. Pelliot, Traite manicheeo..., p. 190.

35 Ibid.

36 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 318; E Chavannes et P. Pelliot, Traitee manicheeo...

И только вижу, в одном Люгоу, у храма под горой,
Над самым входом, совсем как прежде, белеют облака[37].

Тибетцы идут на восток. Восстание Ань Лушаня было как нельзя более на руку тибетцам. Новый монарх, Тисрондецан, ознаменовавший свое вступление на престол убийством, сначала хотел закончит изнурительную войну почетным миром, но сделанные им в 755 г. предложения были отвергнуты[38].

Однако это была ошибка императора, и она дорого стоила Китаю. Как только вспыхнуло восстание, пришлось снять все лучшие войска с тибетской границы для ведения гражданской войны, и тибетцы без особого труда, на протяжении семи лет отторгли от Китая западные области Хэсн и Лунъю.

В 763 г. они продолжали наступление. Войско, состоявшее из тибетцев, тогонцев (монголов) и дансянов (тунгутов), вступило в Шэньси и подошло к самой столице, где его никто не ждал. После двухдневного боя тибетцы со своими союзниками обратили в бегство китайское войско и вступили в город, покинутый императором. Чанъань была подвергнута грабежу и разгрому; в окрестностях же ее не менее тибетцев свирепствовали китайские воины, разбежавшиеся после поражения. Но тибетцы, ограбив столицу, пошли назад, и это позволило подошедшим с востока китайским войскам водворить порядок. Главную роль в отступлении тибетцев сыграли воинственные пограничные китайцы, сумевшие отстоять от своих исконных врагов г. Фэнсянь, оставшийся в тылу тибетской армии. Не будучи в силах быстро подавить сопротивление местного населения, тибетцы перенесли экспансию в Сычуань. Вначале они имели успех, но в 764 г. южные китайские войска нанесли им поражение и заставили их отступить[39].

Казалось, что положение на фронтах опять готово стабилизироваться, но новое восстание потрясло Китай и снова поставило его на край пропасти.

Судьба героя. Всем в Китае было ясно, что династию Тан спас полководец Пугу Хуай-энь. Этот варварский князь преданно служил династии, а по силе, храбрости и таланту не имел себе равных. Сам он сражался всегда в первых рядах. Сорок шесть его родственников пали в сражениях. Он казнил своего сына перед строем за то, что тот передался неприятелю, выдал двух своих дочерей в отдаленный край вместо царевен и убил своего зятя, уйгурского хана, к двукратному возвращению столицы. Но у каждого есть враги, и комендант крепость Тайюань однажды отказал

37 Бо Цзю-и, *Стихи*, стр. 56.
38 Иакинф Бичурин, *История Тибета*..., стр. 175.
39 Там же, стр. 178.

в угощении и приеме уйгурским войскам, находившимся под начальством Хуай-эня. Этим, с точки зрения степняка, он нанес ему смертельное оскорбление, так как был нарушен священный обычай гостеприимства: Хуай-энь оказался не в состоянии угостить уйгуров, по отношению к которым он был хозяином. Хуай-энь принес жалобу, из столицы явился евнух расследовать дело. Евнух взял взятку и донес, что изменческие намерения Хуай-эня ясны. Узнав о клевете, Хуай-энь потребовал казни евнуха и коменданта, но дело положили под сукно до конца войны, а затем вызвали полководца в столицу, чтобы судить. Но Хуай-энь достаточно знал китайские нравы и предпочел поднять мятеж (май 764 г.).

В начале он не имел успеха: попытка взять Тайюань посредством внезапного нападения была отбита, а китайские части его войска перешли к Го Цзы-и, но как только Пугу Хуай-энь перешел Хуанхэ и сомкнулся со степняками, к нему собралось большое войско добровольцев, а в 765 г. он призвал на помощь тибетцев и уйгуров. Те и другие откликнулись на призыв. Пугу Хуай-энь, хорошо зная характер своих союзников, не объединил их, но пустил на Чаньань тремя колоннами: с севера наступали дансяны, с запада — тибетцы, а с юго-запада — тогонцы; уйгуры были в резерве, а сзади них шел сам Хуай-энь с ордосскими войсками.

Первыми вступили в бой тибетцы, но камнеметные машины и тугие самострелы китайцев остановили их натиск. Потеряв много людей, тибетцы отступили и соединились с уйгурами. Следующий нажим должен был стать окончательным. В столице объявили поголовное ополчение, но $^8/_{10}$ мобилизованных разбежалось и защищаться от варваром было некому. В это время Пугу Хуай-энь умер.

Его смерть спасла Китай, так как только обаяние его имени держало вместе столь не похожие друг на друга племена. Вражда между тибетцами и уйгурами вспыхнула с новой силой. Этим воспользовался Го Цзы-и, так же успевший заслужить уважение кочевников. Он без страха приехал в стан уйгуров и убедил их не разрывать союза с китайским императором, обещая за это дары и привилегии. Тибетцы, узнав о переговорах, заподозрили недоброе и, отколовшись от уйгуров, пошли на запад, что в свою очередь не понравилось уйгурам. Они приняли предложение китайского полководца и разбили в ночном нападении тибетцев[40]. Племянник Хуай-эня, Пугу Минь-чень, покорился, получил прощение и чин. Дочь Хуай-эня была взята во дворец, где ее воспитывали, как царевну, и выдали замуж за уйгурского хана. Биография Хуай-эня внесена в китайскую историю, как образец обличения придворных интриг. Но нас интересует другое: взаимное непонимание и отвращение китайцев и степняков, проявившееся в деле Хуай-эня, были не рассудочными, а стихийными. С одной стороны,

40 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 322.

были несравненные заслуги, а с другой — добрая воля императора, но между ними лежала такая гряда враждебности, что перешагнуть через нее оказалось невозможным. Благодаря этому степняки, возвысившие династию Тан, сложили свои головы в рядах мятежников или убежали в степь и нашли приют у своих недавних врагов — уйгуров и киданей.

Как взболтанные вода и масло расслаиваются по своему удельному весу, так расслоилась империя Тан, и Китай уничтожил все инородные примеси, хотевшие быть самими собой.

Еще раз рухнула «мировая империя», как ранее падали великие империи античности и как в Европе сто лет спустя распалась империя Карла Великого. Восстания Ань Лушаня и Хуай-эня замыкает период, начатый восстанием Кутлуга. Период этот можно назвать временем борьбы центростремительных и центробежных сил. Последние победили, но, пожалуй, именно это дало огромные возможности культурному росту и расцвету, которые пережила Срединная Азия, пока не была раздавлена неподкованными копытами легких коней, несших соратников Чингисхана. Но эта новая эпоха, с иной спецификой и иным ритмом, и для понимания ее нужен новый ключ.

Историческая панорама. Эпоха закончилась! Распался железный обруч империи Тан, и народы, полтораста лет скованные им, разошлись, и каждый стал на свой путь развития. В Китае началось «возрождение»[41] и столкновение своей, оригинальной культуры. Тибет осваивал восторжествовавший буддизм и приспосабливал его к своим представлениям и потребностям. Уйгурия жадно впитывала чужие культуры, прислушиваясь к проповедям манихейских «совершенных», несторианских священников, буддийских монахов и мусульманских мулл. Омытая кровавыми ручьями минувших войн, степь начала наслаждаться покоем и относительной свободой под слабой властью бессильных ханов.

Согдиана умирала; победившие рабы камня на камне не оставили от ее неповторимой культуры, но на пепле пожарищ начал складываться таджикский народ, которому предстояло великое будущее. Западные степи склонились перед блеском кыпчакской и карлукских мечей, а на Волге потомки западнотюркских ханов создали могучее Хазарское царство. Храня кочевые традиции степной культуры, хазары и карлуки остановили натиск ислама.

Новые силы обрел халифат, зажатый крепкой рукой Мансура; кончилось засилье арабских племенных вождей, и персы, получив доступ к власти, открыли новые перспективы развития культуры Багдадского халифата. За исключением Испании, отпавшей в 756 г., централизованная

41 Н. И. Конрад, Начало китайского гуманизма.

система объединяла земли от Гибралтара до Памира, и никто не мог предвидеть ее грядущего распада.

Победоносная Византия, остановив арабский и болгарский натиск, была охвачена лихорадкой иконоборчества. Опираясь на малоазийскую культурную и военную традицию, Константин Копроним истреблял последние следы эллинства, и, казалось, ничто не могло бы ему противостоять.

На путь подъема встала Западная Европа: франкский король, объединившись с римским папой, стал там гегемоном. Напрасно сопротивлялись осколки великого переселения народов — лангобарды, авары и саксы; их дни были сочтены, и Карл Великий, вступив на престол в 768 г., предпринял создание разноплеменной империи, как за 140 лет до него Тайцзун Ли Ши-минь. Пусть попытка Карла Великого оказалась бесплодной, — она ознаменовала выход Европы из варварства на широкую дорогу оригинальной культуры. А в дремучих лесах от Лабы до Днепра и Оки копили силы славянские племена, для которых все было впереди.

Такова была мировая обстановка, окружавшая расцветавшую Уйгурию.

ГЛАВА XXIX

ТИБЕТ В VIII в.

Война 767—781 гг. Для изучеиия каждой отдельной эпохи нужен особых ключ. Если в первую половину VIII в. определяющим моментом политической истории Азии было сопротивление тюркского каганата всепоглощающим тенденциям империи Таи, то после гибели тюрок и восстаиия Ань Лушаня политической домииантой сделалось возросшая активность Тибета.

После того как имперская армия легла иа полях Хэбэя и Хэнани, а тюркская орда рассеялась, тибетское войско оказалось самой грозиой силой, которой ие могли противостоять ии толпы мобилизованиых китайских крестьян, ии многочисленные отряды уйгуров, тем более что Китай и Уйгурия после заключения времеииого соглашения в 765 г. отнюдь не стали искренними союзииками.

Этой ситуацией воспользовался талантливый и эиергичный цэнпо Тисрондецаи и возобновил завоеваиие Западиого края. В случае успеха он иадеялся получить в свои руки караваиные пути и стать хозяииом всей торговли Востока и Запада. Материальиые возможиости, вытекающие из этого выгодного положения, позволили бы Тибету стать гегемоиом Центральной Азии, каким раньше был тюркский каганат.

Не меиее активно рвались тибетцы и на юг, где они иаходили поддержку в царстве Наиьчжао, родствениом им по крови и стремившемся сохранить свою независимость от Китая. Это было небольшое, ио крепкое государство, и ориеитация его правителей обеспечивала либо успешное продвижеиие тибетцев, либо полное спокойствие южиокитайских провинций. Здесь успех зависел от дипломатии.

Осеиью 767 г. двадцатитысячная тибетская армия двинулась на север вииз по течению Хуаихэ и осадила крепость Линчжоу. Го Цзы-и имея 30 тыс. отборных войск отбросил тибетцев. Однако те отступили с ничтож-

ными потерями и на следующий год возобновили осаду Линчжоу. Китайцев спасла отставка тибетского главнокомандующего «за старостью»[1]. Думается, что старость была в этом случае предлогом, а решающую роль сыграла борьба партий при дворе Тнсрондецана. Но как бы то ни было, новые главнокомандующий изменил направление наступления. Вместо обходного движения на степь он ударил в центральную часть фронта, т. е. провинцию Шэньси (Хачьжоу, Лунси, Биньчжоу и Нинчжоу). Но там население состояло нз пограничных китайцев, потомком головорезов царства Цинь, заклятых врагов тибетцев. Прн их помощи регулярные китайскне войска дважды разбили тибетцев, не имевших опоры в населении. Так же не удачно было вторжение тибетской десятитысячной армии в Южный Китай. Стратегия прямого удара не оправдала себя.

В 773 г. 60 тыс. тибетской конницы ворвались в северную Ганьсу и вытоптали хлеба на полях. Затем оии снова бросились снова на центральный фронт. Две китайские армии были сильно потрепаны, но оправились и, перейдя в контрнаступление, вытеснилн тибетцев. При отступлении тибетцы потеряли всю добычу, включая пленников. Истерзанный минувшей гражданской войной Китай хотел мира. В 774 г. пронзошел обмен посольствами между воюющими сторонами, что прностановило военные действия. Однако переговоры не имели успеха н в 775 г. война возобновилась.

Пять лет китайцы и тибетцы обрушнвали друг на друга жесткие удары, но баланс побед и поражений сохранялся. Сначала княжество Наньчжао поддержнвало Китай, но в 778 г. перекинулось на сторону Тибета. В 779 г. китайцы разбили тибетцев на юге и парализовали их наступление[2]. Но конфликт Китая с Уйгурией позволил тибетцам развить наступленне на севере. В то время, когда уйгуры вторглнсь в Северный Кнтай и связали китайскую армию[3], тибетцы прошли вдоль северных склонов Наньшаня на запад и осадили Дуньхуаи.

Уйгуры ушли, но тибетцы осталнсь, и в 780 г. Дуньхуань пал[4].

По сути дела, Китай проиграл войну, и это понял новый император, Дэцзун. Он собрал тибетских пленников, которые были, кстати сказать, не военнопленные, а задержанные члены посольств, и, одарив их платьем, отпустил домой. Посланный для сопровождения их чиновннк передал Тисрондецану предложеиие заключить мир.

Тнбетское правительство сначала ие поверило своему счастью[5], но затем продиктовало условня мира. Требования тибетцев сводились к

1 Иакинф Бичурин, История Тибета..., I, стр. 183.

2 Там же, стр. 186.

3 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 323.

4 Там же, стр. 27.

5 Иакинф Бичурин, История Тибета..., I, стр. 187.

территориальным уступкам и признанию равенства Тибета и Китая. Условия мира были позорны для Китая, но Дэцзун принял их. Да он и не мог поступить иначе: избиение уйгурских купцов, произведенное одним из пограничных чиновников в 780 г., подняло в седла всю Уйгурию. Хан грозил войной, а на северную границу войска не хватало, так как их поглощало западная. Мало того, в феврале 781 г. вспыхнуло восстание в Хэбэе. Его подняли чиновники, требовавшие закрепления должностей за их потомками[6]. Престол снова зашатался, и поэтому любые условия мира с непобедимыми в конечном счете тибетцами оказались приемлемыми.

Мирный договор был заключен на берегу реки Цин. Он был скреплен кровью жертвенных животных — собак, свиней и овец, а потом присягой в буддийской кумирне, построенной рядом с жертвенной. Договор был ратифицирован императором в Чаньани в « Великом Храме Западного Предградия»[7]. Это был не только мир, но и союз.

Победа Тибета была поистине грандиозна: в руках тибетцев оказался важный отрезок караванного пути и полная возможность распространяться в сторону Хотана и Кучи. Вражда между Китаем и Уйгурией делало обе эти страны бессильными, а хэбэйское восстание и преданность Наньчжао открывали Тисрондецану перспективы дальнейшего расширения границ. Тибетская мощь достигла своего зенита.

Уйгурия. Благодаря походам Моянчура Уйгурия оказалась в исключительно благоприятных условиях: она не имела сильных врагов вокруг себя. На востоке кидани, на севере кыргызы были подчинены уйгурскому хану. На западе с 766 г. усилились карлуки, но они сосредоточили все свое внимание на юго-западе и не переходили естественной границы — Тарбагатая. На юге лежали в развалинах Китай, но, несмотря на это, китайские гарнизоны стояли в Куче, Карашаре, Хатане, Кашгаре и в Бэйтине. Эти крепости были буфером между уйгурами и тибетцами, захватившими в 755–760 гг. северо-западный угол Китая (провинция Ганьсу и Шэньси) и преступившими теперь к завоеванию Западного Края.

Китайцы и тибетцы были заклятыми врагами, и уйгурам надо было сделать выбор между ними. На Китай уйгуры смотрели как на дойную корову и старались вытянуть из него как можно больше, но в союз с Тибетом они никогда не вступали. Слишком велики были идеологические противоречия между манихейством и буддизмом; недаром, по словам их манихейских учителей, тибетцы «называли черта буддой».

Невероятное ожесточение, которое проявили обе стороны в последующей войне имеет глубокие корни. Религиозные войны в Средней Азии

6 H. Cordier, Histoire generle..., p. 494.

7 Иакинф Бичурин, История Тибета..., I, стр. 189–191.

имеют сходство не с реформацией, а с расколом церквей и последующей эпохой крестовых походов, когда латиняне, греки, карматы и мусульмане, даже иногда заключая политические союзы, были психологически настолько чужды друг другу и взаимно враждебны, что никакие компромиссы не были возможны, исключая частные случаи ренегатства, причем последнее никак не определяло характер эпохи. В некотором отношении Азия опередила Европу на триста лет: Тибет уже в VII в. стал теократической державой, а уйгурия сделалась ею во второй половине VIII в.

Несмотря на активность манихейских проповедников, Уйгурия взяла новый политический курс не сразу. Первые ханы, создатели уйгурской державы Пэйло (744–745), Моянчур (745–759) и Идигань (759–780), опираясь на свое племя, пытались подражать ханам голубых тюрок. Ограбив Китай во время гражданской войны, они вообразили себя там хозяевами. Приезжая в Чаньань, они хватали на базаре девушек, отнимали казенных лошадей и всячески безобразничали. По договору 762 г. уйгуры получали замаскированную дань: за каждую пригнанную лошадь им платили 40 кусков шелка. Уйгуры пригнали однажды вместо 6 тыс. хороших лошадей 10 тыс. кляч, но им было отказано в уплате. Уйгуры убили на базаре чиновника. Их схватили и осудили на пожизненное заключение; тогда уйгурский старшина явился с войском, ворвался в тюрьму и освободил своих соплеменников, а тюремную стражу уйгуры избили и изранили[8]. Не только населению столицы, но и самому китайскому правительству стало ясно, что так продолжаться не может.

В 788 г. в Китае вступил на престол Дэцзун, тот самый, который отказал уйгурскому хану в поклонении, за что его советники были забиты палками[9]. Понятно, что он не был расположен к уйгурам. Идигань-хан, зная это, решил принудить нового императора к покорности и в 778 г. напал на Северный Китай. Первое сражение под Янкюй уйгуры выиграли. Китайцы потеряли убитыми 10 тыс. человек. Но наместник Дайчжоу (в Шэньси) разбил их и принудил к отступлению. Уйгуры угнали лишь «несколько десятков тысяч овец, которые почти все подохли в дороге»[10]. Хан понял, что Китай окреп и что для сохранения status quo надо готовиться к большой войне. Действительно население Китая с 764 по 780 г. выросло на полмиллиона душ (точнее, на 85 тыс. семейств = 485 тыс. человек)[11], что позволило создать новую армию в 768 тыс. человек.

Учитывая свои возросшие силы, Дэцзун покончил еще с одним тягостным обязательством. Токуз-огузы получили привилегию жить в столице

8 Это единственный факт истории уйгуров, пропущенный Иакинфом Бичуриным, но приведенный Д. Поздиеевым (Исторический очерк уйгуров, стр. 75).

9 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 318, 326–327.

10 Там же, стр. 323.

11 Там же, стр. 325.

за казенный счет, как гости[12]. Они на этом весьма наживались. В 780 г. Дэцзун выслал их из Китая. На границе обнаружилось, что они в дорожных мешках увозили китайских девочек. Не имея права производить обыск, военный начальник на границе послал чиновника нагрубить тутуку. Тот вспылил и избил грубияна плетью. Этого-то и надо было китайцу. Войска оцепили табор токуз-огузов, произвели обыск, нашли девочек, и без разговоров казнили всех «гостей».

Император, узнав об этом, ограничился переводом пограничного начальника на другую должность и послал к уйгурскому хану посла с объяснениями. Он великолепно понимал, что за кровь своих родственников уйгуры потребуют китайской крови; что они не откажутся от тех выгод, которые им давал унизительный для Китая торговый договор, и все же Дэцзун пошел на это, очевидно считая себя в силах оказать сопротивление.

За это время в Уйгурии произошли чрезвычайно существенные перемены. Когда в 779 г. обострились отношения с Китаем, то мнения по поводу предстоящей войны разделились. Токуз-огузы хотели войны, вероятно потому, что им доставалась львиная доля добычи. Союзные же племена видели для себя в войне не выгоды, а только опасность[13]. Так как хан не различал мнения большинства, то вельможа Дульмагатархан поднял восстание. Хан, его советники и 2 тыс. человек токуз-огузской знати погибли, и узурпатор вступил на престол с титулом Кат Кутлуг Бильге-хан, что в переводе значит «очень счастливый мудрый хан»[14].

Конечно, здесь не обошлось без китайской дипломатии. Узурпатор получил деньги на восстание от китайского посла. Но помимо этого в широких массах уйгуров существовало недовольство роскошью ханского двора, палатами, построенными для яханского гарема вместо привычных юрт, и необходимостью платить налоги для поддержания чужого великолепия. Недовольство гегемонией токуз-огузов вылилось в настоящую резню; поэтому так же осталась без последствий расправа китайцев с «гостями»[15].

Новый хан твердо хотел мира. За смерть «гостей» он в 781 г. взял выкуп. В 783 г. был заключен мирный договор на следующих условиях: 1) хан назвался вассалом Китая; 2) уйгурские посольства не должны превышать 200 человек; 3) для принудительного торга разрешалось приводить не

12 Мэйлу соответствует древнерусскому термину гость (торговец), а также современному значению этого слова (см. там же, стр. 283).

13 Там же, стр. 323.

14 В. В. Радлов, Титулы и имена..., стр. 266–267.

15 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений.., т. 1, стр. 324–325. Д. Позднеев остроумно отмечает, что резня гостей была спровоцирована самими уйгурами, жившими в Китае. Сторонники нового хана просили китайцев перебить приверженцев прежнего хана, а те, воспользовавшись случаем свести счеты, истребили и тех и других (Исторический очерк уйгуров, стр. 77–78).

более тысячи лошадей; 4) было запрещено уводить китайцев за границу. Договор был скреплен в 788 г. путем брака и союза против Тибета. Положение стабилизировалось[16].

Внутри страны Дуньмага правил твердо и жестоко. Два сына одного из принцев прежней династии были казнены по его приказанию[17]. Надпись характеризует Дуньмага, как человека мужественного[18]. Очевидно, он был достаточно популярен, потому что после его смерти в 789 г. на престол взошел его сын Долосы, но не в порядке престолонаследия. Новый хан был поставлен вельможами и от них получил титул «Айдынлык улуг куч-мунмыш Кучлук Бильге-хан», т. е. «блестящий, высокий, силой воссевший, могучий мудрый хан»[19].

Уйгурия стала выборной монархией.

Возобновление войны. Восстание хэбэйских феодалов, хотя оно было скоро подавлено, расшатало Китай еще больше, чем внешние войны. Никто не хотел повиноваться властям, и Дэцзун в 783 г. был вынужден бежать из Чаньани.

Тисрондецан использовал замешательство для интервенции и послал войско на помощь китайскому императору. В 784 г. объедененные силы правительственных и тибетских войск разбили силы мятежников при Утинчуани и готовились к возвращению столицы, но эпидемия моровой язвы, вспыхнувшая в несчастном Китае, дала тибетцам повод уйти обратно, не развив успеха. В Китае считали, что тибетцы договорились с мятежниками.

К счастью для императора, вождь восставших феодалов был в 786 г. отравлен своим врачом и мятеж утих.

По первоначальному договору тибетцам на помощь при возвращении столицы были обещаны новые территориальные уступки. Их преждевременных уход, рассматривался китайским правительством, как основание для отказа от выполнения обещания, но тибетцы считали, что они достаточно потрудились, сокрушив мятежников при Утичуани. Отказ они восприняли как обман и, раздраженные этим, бросились на пограничные области, забрали людей, скот и вытоптали посевы. На этот раз им удалось благодаря неожиданности истребить большую часть своих заклятых врагов — пограничных китайцев, а так же овладеть крепостями Янчжоу, Линчжоу

16 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 327.
17 Там же, стр. 330.
18 В. П. Васильев, Китайские надписи..., стр. 24; G. Schlegel, Die chinesischen Inschriften..., S. 130–131.
19 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 328; В. В. Радлов, Титулы и имена..., стр. 266–267.

Сячжоу[20], которые до сих пор были барьером для тибетской экспансии на север и на запад.

Получив то, что им было нужно, тибетцы снова предложили мир. Подкупленный тибетским полководцем китайский генерал Ма Суй согласился на перемирие и отправился с докладом в столицу. Тибетский главнокомандующий Шан Гецзан использовал выигрыш во времени для переформирования и отвода измотанных частей в тыл.

В Чанъани на переговоры согласились и отправили комиссию самых крупных чиновников и полководцев, чтобы выторговать приемлимые условия мира и добиться от тибетцев возвращения захваченных территорий. Среди членов комиссии был Хуань Сянь, воевода, усмирявший мятеж: его то и винили тибетцы в нарушении договора[21]. Со стороны императора было непростительной ошибкой посылать для переговоров с варварами их личного врага, и это сильно повлияло на ход событий.

Стремясь к мести, Шан Гецзан пошел на предательство: конная засада напала на китайцев и взяла ее в плен. Но Хуань Сянь, поймав невзнузданную лошадь, успел ускакать и добраться до укрепленного лагеря; его преследовали, но ни одна стрела его не задела. После этого о мире не могло быть и речи.

Шан Гецзан был талантливый полководец. Он использовал достигнутые успехи для развития широкого наступления на Китай по всему фронту. Китайские войска только отступали или сдавались, а тибетская конница повсюду производила грабежи. Жители западной окраины Шэньси почти все были истреблены или угнаны в Тибет, а до сих пор именно они останавливали тибетские набеги.

Было ясно, что Китай снова проиграл войну. Но тут была пущена в ход китайская дипломатия. В 788 г. Китай заключил оборонительный союз с Уйгурией, так же опасавшийся усиления Тибета и его северо-западной экспансии. На юге, в Сычуани, шла борьба на два фронта; с запада наседали тибетцы, с юга выставило войско Наньчжао, союзное с Тибетом. Стесненный союзниками, китайский полководец Вэй Гао применил метод дезинформации противника. Он написал письмо царю Наньчжао с благодарностью за его «искреннюю приязнь» и послал его с расчетом, чтобы оно попало в руки тибетцев. Те начали подозревать своего союзника в измене и отправили корпус войск, чтобы перерезать ему дорогу в Сычуань. Это посеяло рознь между союзниками. Войска Наньчжао ушли, а тибетцы, оставшись одни, потерпели поражение в 789 г. Сычуань была спасена.

---

20 Эти крепости были расположены при повороте Хуанхэ на север, в современной провинции Ганьсу.

21 Иакинф Бичурин, История Тибета..., I, стр. 198–199.

Вэй Гао не остановился на этом: продолжая малую войну, состоявшую в осадах небольших крепостей, он направил посла к царю Наньчжао, Имосуну. Посол сумел уговорить Имосуна перейти на сторону Китая и ударить в тыл тибетской армии, действовавшей на юге. Не ожидавшие удара в спину тибетцы были разбиты в 793 г. и на следующий год, после новых неудач, отступили на свою территорию[22].

Вступление Уйгурии в войну придало событиям новый оборот и на севере.

Разгар войны. Уйгурия больше выиграла от признания своего подчиненного положения, чем проиграла. Фактически не уйгуры зависели от китайцев, а китайцы от них. Переписка владений Западного края со столицей Китая шла в обход тибетских войск, через уйгурские земли. Для войны на западе Китай не располагал достаточной конницей. Спасти положение могли только уйгуры, и они готовы были помочь, но за все требовали плату. «Требования кочевых не имели пределов»[23]. Китай оплатил войско, и уйгуры вступили в войну с тибетцами. Но и тибетская дипломатия оказалась весьма активной: тибетцы нашли союзников. На их стороне выступили западные карлуки, старые соперники уйгуров, а так же племя шато, кочевавшее в Южной Джунгарии и страдавшее от больших налогов.

Еще более томились покоренные уйгурами тюрки, восточные карлуки[24] и племя баянь; эти ждали тибетцев, как избавителей. Наконец, тибетофилские тенденции росли среди кыргызов, покоренных, но не сломленных ханом Моянчуром. Стремясь сбросить уйгурское иго, они так же искали дружбы с карлуками и арабами, но арабы были далеко, а карлуки слабы, и только тибетская ориентация обещала надежду на ниспровержение уйгурского ига. Тибетские эмиссары проникали на Енисей через карлукские земли[25].

Кроме того, тибетцы установили свою гегемонию на западных склонах Памира, подчинив себе Гибинь[26] и эфталитов. Дань, которую теперь вы-

22 Иакинф Бичурин, История Тибета..., I, стр. 205–206.

23 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 329.

24 Это были гэлу — племя, о котором нет никаких сведений, кроме того, что оно жило в Джунгарии. За отождествление гэлу с карлуками высказывалась: В. П. Васильев (Китайские надписи..., стр. 25–26), W. Radloff (Die altturkischen Inschriften..., S. 289–290), G. Schlegel (Die chinesischen Inschriften), E. Bretschneider (Mediaeval Researches..., p. 28). Грумм-Гржимайло (Западная Монголия..., стр. 341–342) предполагает, что гэлу — самостоятельное тюркское племя, позднее других спустившееся с Алтая. Думается, возможность принять компромиссное решение: гэлу — это карлуки, но не все, а их восточная ветвь, подчинившаяся уйгурам. О наличии таковой говорит Гардизи, который приводит легенду о бегстве одного из карлуков во владения уйгуров и назначении его начальником (ябгу) над всеми карлуками, жившими на территории Уйгурского ханства.

25 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 329, 355.

26 Ламэрму — по-видимому, Ламган в царстве Гибинь, т. е. Каписа (см. E. Chavannes, Documents..., p. 277).

плачивали тибетцам, состояла из лекарств и съестных припасов[27] и, очевидно, шла на снабжение тибетской армии.

На юго-западе тибетцы установили дружбу с царем Кашмира, ставшим их единоверцем. В это время Кашмир вел активную завоевательную политику в Северной Индии[28], которая обеспечивала Тибету спокойный тыл.

В конце 789 г. тибетское войско двинулось к Бишбалыку (Бэйтин). Уйгурский воевода, носивший титул «Гйегяньгяс»[29], пришел на выручку города и понес поражение, в котором решающую роль сыграла измена шатосцев. Бэйтин пал в 790 г. Это решило судьбу Кучи, Карашара, Хотана и Кашгара, где китайцы успели слиться с местным населением. В Китае больше не было вестей из этих отрезанных владений, но они, видимо, сами сумели организовать оборону, и тибетцы не смогли стать хозяевами южного Притяньшанья. Зато область Сичжоу, включавшая Турфанский оазис, сохранила верность метрополии[30]. Это легко объясняется тем, что китайцы, населяя Турфан в V в., окитаили местное население. Но Сичжоу был островком в бушующем море кочевников, и решающего значения китайский гарнизон не имел.

В следующем году тибетцы, стремясь стремясь обеспечить свои коммуникации, продолжили наступление в северо-восточном направлении вниз по течению Хуанхэ, но уйгурское войско разбило их у Линчжоу. После ухода уйгуров тибетцы возобновили кампанию, взяли крепость Шуйкуэчжай и так разграбили местность, что она не могла больше служить китайцам плацдармом для контрнаступления. Пограничная война свелась к отражению набегов и восстановлению разрушенных крепостей[31].

Среди жертв царство потомков Гэсэра[32], которое тибетский источник почему-то именует тюркским[33]. «Красноликие тибетские демонические войска вторглись в это тюркское царство и поставили свои черные шатры на его земле. Разоренных жителей увели в страну монов, где дали им

27 F. W. Thomas, Tibetan literary texts..., p. 273.

28 Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, История Индии, стр 100–101.

29 Хельда Ечеди видит здесь уйгурский композитум Иль угеси — слава царств, имя министра (H. Ecsedy, Uigurs and Tibetans..., p. 98). Сомнительно! Слово это нельзя считать личным именем, так как под таким названием выступают уйгурские военачальники на протяжении 180 лет уйгурской истории. Не есть ли это йокающая переделка персидского слова джехангир ?

30 Иакинф Бичурин, История Тибета..., стр. 203; H. Cordier, Histoire generale..., p. 495; H. Ecsedy, Uigurs and Tibetans..., p. 87.

31 Иакинф Бичурин, История Тибета..., стр. 204–205.

32 Гэсер-богатырь, вождь шайки удальцов одного из кочевых кянских племен в Амдо, живший в IV—V вв. (см. Ch. Bell, The Religion of Tibet, p. 14). Вокруг его имени создалось много легенд и возник эпический роман Гэсэриада (см. A. David-Neel et lama Jongden, La vie surhumaine de Guesar de Ling).

33 Может быть, тибетский автор исходил из того, что это племя поддерживало уйгуров.

жилища»[34]. После этого в Западном Тибете появилась династия князей, которая вела свое происхождение от Гесера[35].

В том же 791 г. другая тибетская армия подчинила Хотан[36], чем обеспечила тыл войскам, действовавшим в Джунгарии. Тогда китайцы, потеряв веру в собственные силы, обратились с просьбой о помощи к арабам. Харун-ар-Рашид согласился начать военные действия против слишком усилившихся тибетцев, и его войска сковали более половины тибетских сил, что весьма повлияло на дальнейшее развитие событий[37].

Война на севере. Между тем возобновилась отчаянная война за ключ к Джунгарии — крепость Бэйтин. Разбитый в 790 г. китайский генерал и наместник Бэйтина Ян Си-гу со своим войском бежал в Чичжоу (?! — может быть, это Чигу — «Красная долина» в горах Тянь-Шаня около оз. Иссык-Куль). Гйегяньгяс предложил Ян Си-гу совместными усилиями выгнать тибетцев, но тибетцы одержали полную победу. Две трети уйгуро-китайского войска легло на поле битвы. Гйегяньгяс, собрав остальные войска, хотел ограбить китайскую крепость Сичжоу[38], а китайскому наместнику предложил убраться в Китай. Добросовестный чиновник Ян Си-гу, увидев, что положение непоправимо, кончил самоубийством, а союзники тибетцев — восточные карлуки завоевали Джунгарию[39]. Уйгуры были отброшены на юг, где держались китайские «четыре крепости».

Опираясь на них, уйгурские отряды наносили удары по тылам тибетской армии и в течение трех лет мешали ее наступлению на север[40]. Около Бугура[41] они захватили табуны, предназначавшиеся для пополнения состава тибетской армии, а вслед за тем разбили тибетские отряды у Циктама[42] и Чонги[43]. Удачная диверсия в сторону Хотана[44] помешала тибетцам подвести подкрепления с юга. наконец, в 795 г. уйгурское войско,

---

34 F. W. Thomas, Tibetan literary texts..., p. 273.

35 A. H. Francke, History of Western Tibet, p. 47. В связи с этим вызывает удивление попытки Ц. Дамдинсурэна отождествить Гэсэра с Госраем, тибетским князем, жившим в XI в. (см. Ц. Дамдинсурэн, Исторические корни Гэсэриады).

36 Дата покорения Хотана в источнике не указана, и рассчитана так: сведение о походе на Хотан следует после сообщения об основании монастыря Самье, т. е. 787 г., и в 792–793 гг. уйгуры совершают нападение на Хотан, очевидно, находящийся во власти их врагов — тибетцев.

37 H. Cordier, Histoire generale..., p. 461.

38 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. III, стр. 46.

39 Шэньтучуань (?!) (см. Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, с. 329).

40 См. А. М. Щербак, Надпись на древнеуйгурском языке..., с. 24.

41 В тексте Бур-Улуг (см. Н. Я. Бичурин, Собрание сведений по исторической географии..., с. 559).

42 В тексте Тытим (см. там же, с. 555).

43 В тексте Чоп (Там же, с. 550).

44 В тексте Ярмаган (см. С. Г. Кляшторный, К исторической оценке Уланкомской надписи, с. 27).

пополнившись, нанесло поражение тибетцам около Бэйтина и этим окончательно остановило тибетское наступление[45].

Вырвавшись в родные степи, уйгуры столкнулись с необходимостью подавить протибетские настроения среди карлуков и тюргешей, входивших в состав Уйгурского каганата[46]. Тибетское вторжение принесло этим племенам свободу, и возвращение уйгурского войска не могло быть встречено ими с радостью. Очевидно, они пытались поддержать тибетцев, но были, подобно им, разбиты у р. Болчу[47]. Уйгуры выиграли трехлетнюю кампанию[48].

Войну не остановили даже перемены, произошедшие в обеих воюющих державах. В Тибете умерли великий полководец Шан Гецзан в 796 г. и Тисрондецан в 797 г.; в Уйгурии пресеклась династия Йологэ, и в 795 г. вельможи поставили ханом талантливого полководца Кутлуга, получив его согласие на ограничение власти[49].

Вступив на престол, он столкнулся с затруднениями, которые очень трудно было предвидеть. Тибетская дипломатия сделала свое дело: в тылу у уйгуров подняли восстание кыргызы, сохранившие при подчинении в 758 г. автономию. «Кутлуг сумел подавить кыргызов, подверг их страну разгрому, и их государственные дела прекратились, на земле их не стало живых людей»[50]. Последнее, очевидно, значительно преувеличено[51], но тем не менее после разгрома целых 20 лет, т.е. пока не выросло новое поколение, о кыргызых не было слышно. Не это ли событие послужило поводом для установления в туве стелы, ныне находящейся в Минусинском музее под номером 22? Стела представляет собой четырехгранный песчаниковый столп высотой в 3,4 м. На одной из широких сторон помещена руническая надпись в три вертикальные строки. Под ними дугообразная с опущенными вниз концами линия, к середине которой сверху примыкает крест (описание С. В. Киселева). содержание надписи таково:

---

45 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, с. 330, ср. А. М. Щербак, надпись на древнеуйгурском языке..., с. 24, перевод, строка 5.

46 Часть тюргешей после распада их каганата подчинилась уйгурам.

47 Река Урунгу, впадающая в оз. Кыргызнор.

48 Уланкомская надпись пользуется живой хронологией. Поход на Бур-Улуг (Бугур) был совершен, когда Богаз-тегину было 17 лет, а поход на Омоз, происшедший после покорения тюргешей у р. Болчу, — когда ему был 21 год.

49 Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., с. 345 (ср. В. П. Васильев, Китайские надписи..., с. 24). Я признаю правильным мнение Цзун-ли ямыня, считающего этого хана Лутлугом, а не Ачжо, как было бы при точном счете ханов (см. там же, с. 31), так как перечисленные в памятнике качества хана не могут быть приписаны мальчику, каким был Ачжо. Затем, он не получил уйгурского ханского титула, а носил только китайскую прибавку Фын-чэн, тогда как Кутлуг имел пышный титул; Айдынлык улукмиш, кет Кучлуг Бильге каган, т.е. блестящий, высоко воссевший, очень сильный, мудрый хан (В. В. Радлов, Титулы и имена...).

50 В. П. Васильев, Китайские надписи..., с. 25, G. Schlegel, Die chinesischen Inschriften..., S. 132.

51 Стрелков кыргыз-кагана числом в 200 тыс. он собственной рукой разогнал в разных направлениях и взял свое царство (O. Hansen, Zur sogdischen Inschrift..., S. 19-20).

«От вас, ста моих приятелей товарищей, от шести родов моего народа, от вас моих я отделился [т. е. умер]. Мое геройское имя Ак-баш-ат-ых. Я Ынал огня в семьдесят лет.

Моя геройская доблесть! Мой пояс с 42-мя пряжками-украшениями! Среди врагов убил я 30 героев!»

И дополнение к надписи на боку стелы:

«По своей силе шести родов народа моего он поставил здесь камень...».

Если принять предлагаемую ниже гипотезу, то содержание памятника станет ясно. Алты-баг-будун, т. е. народ шести бегов, — это уйгуры после 780 г. Ак-баш-ат-ых видимо командовал сотней и погиб в бою, а победивший хан народа шести бегов, т. е. уйгуров, увековечил его память. Это могло быть лишь в случае победы, а в IX в. побеждали кыргызы уйгуров. не противоречит нашей гипотезе и крест на стеле, так как манихеи чтили память Христа, да и сам Мани был распят. Характерна и вертикальность строк, так как именно такова манихейская письменность уйгуров позднего времени (X–XI вв.). «Буквы памятника заметно не орхонские»[52]. Если принять вышеизложенную точку зрения, то стела указала бы нам место битвы, если бы она не была с него снята и перевезена в Минусинский музей.

Затем войска перешли опять в окрестности Бэйтина, где действовали тибетцы и восточные карлуки[53].

После долгих и трудных боев, о которых надпись повествует весьма туманно, уйгуры остались победителями и остатки крепости Бэйтина перешли в их руки, став снова городом Бишбалык. Получив базу для наступления, уйгурский хан двинулся на выручку Кучи, осаждаемый тибетцами[54]. Уйгуры, заманив врагов в засаду, перебили весь корпус. Но спасенные кучаские китайцы оказались неблагодарными и стали торговаться о размере дани, которую требовал с них доблестный избавитель. Хан лично возглавил военную экспедицию против скуповатых союзников. Те попробовали сопротивляться, но были разбиты и бежали до самой Ферганы. Там, на берегах Нарына[55], уйгуры настигли беглецов и ограбили их дочиста. После этого уцелевшие «слезно просили и молили» принять с них дань, на что уйгурский хан милостиво согласился. Таким образом, остатки китайских владений на западе вошли в состав Уйгурского ханства.

---

52 С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, с. 97-98.

53 Мощное тибетское войско и четыре тохара и многие другие... власть... также... карлуки... Тибет . Ниже упоминается еще господарь тюргешей (O. Hansen, Zur sogdischen Inschrift..., S. 20). Ср. текст Улаикомской надписи: Я захватил Тибет, Тюилюг [?], потом тюргешей у реки Болчу . Точные датировки здесь установить невозможно.

54 По видимому тогда же его наследник Богаз-тегин повел свой отряд к Омозу (кит. Хомо, оазис на нижнем течении Тарима).

55 Река в надписи названа Чжэнь-чжу (см. пояснения Цзун-ли амына — В. П. Васильев, Китайские надписи..., с. 32).

Вскоре ему пришлось столкнуться с западными карлуками[56], столкновение окончилось в пользу уйгуров. Последним подвигом хана Кутлуга было усмирение восточных карлуков и разгром поддерживавшей их тибетской армии. Джабгу восточных карлуков был лишен власти и изгнан. Эти бои происходили к югу от Тянь-Шаня, так как указано, что хан, преследуя бегущих, достиг Ферганы[57].

Все эти события произошли в одно десятилетие — 795–805 гг. Надпись не дает данных для уточнения абсолютной хронологии, а китайские хроники обходят эти факты молчанием. Надпись заполняет пробел истории[58], и теперь ясно, что уйгурам не только удалось остановить тибетское наступление на запад, но и вытеснить тибетцев из Джунгарии. Уходя, тибетцы увели своих союзников шато и поселили их в предгорьях Наньшаня, в области Гуаньчжоу[59]. Это спасло шатосцев от истребления, ибо их измене уйгуры справедливо приписывали падение Бэйтина.

Итак в результате кровопролитных боев и изнуряющих душу и тело походов выяснилось, что силы противников равны: уйгуры сохранили Кучу и Карашар, а тибетцы удерживали Хотан и Кашгар[60].

Война на востоке и на западе. Воспользовавшись тем, что значительные силы тибетцев были связаны на западе, китайцы отвергли предложение нового царя, Муни Дзенбо, о заключении мира и начали контрнаступление по всему фронту.

В 798 г. тибетцы потерпели поражение на севере, в Яньчжоу при Хумачи, а в 800 г. — в Линчжоу. На юге в Сычуани Вэй Гао взял две тибетские крепости. На это тибетцы ответили сокрушительным наступлением 801 г., в результате которого пала крепость Линчжоу и китайцы лишились базы для наступления.

Страшась вторжения внутрь страны, китайское правительство отдало приказание Вэй Гао совершить диверсию в Южный Тибет; эта операция имела только одну цель — отвлечь силы противника с решающего направления. Вэй Гао с двадцатитысячной армией вторгся в тибетские владения в Сычуани, разбил заслон и взял семь городов и пять крепостей, но был остановлен твердынями Вэйчжоу и Куньмин. Тибетский полководец Мадиндэ, опасаясь опалы за понесенные поражения, передался китайцам, а его преемник на посту командующего восточной армией Лунь-манжо Мулун-ци-симе попал в расставленную китайцами засаду, потерпел пол-

56 Та-ши-ли — одно из трех западнокарлукских племен (Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, с. 347).

57 В. П. Васильев, Китайские надписи..., с. 26.

58 Отмечено Цзун-ли ямынем в комментарии к надписи (там же, с. 32).

59 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, с. 359.

60 T. Schlagintweit, Die Konige von Tibet, S. 55.

ное поражение и был взят в плен. Но крепости устояли против осады, и китайское наступление на юге захлебнулось[61].

Тем не менее начиная с 802 г. тибетцы стремились к миру с Китаем. В 806 г. был произведен даже обмен пленными. Дело в том, что у тибетцев испортились отношения с арабами. Если в 777 г. тибетский царь признал халифа, то с 785 г. в Средней Азии шла арабо-тибетская пограничная война[62], а в 806 г. тибетцы и карлуки поддержали военными силами мятеж Рафи ибн-Ляйса в Самарканде[63].

Что происходило дальше — не ясно, но в 811 г. Мамун перед началом гражданской войны со своим братом Амином горько жаловался: «Карлукский Джабгу вышел из повиновения, такую же непокорность обнаруживает хакан, владетель Тибета; царь Кабула готовит набег; царь Отрара отказывается платить дань»[64].

Так как под термином «покорность» в отношении таких особ, как карлукский джабгу, уйгурский хан, тибетский царь и китайский император, понималось просто установление дипломатических отношений, то под «непокорностью» надо понимать разрыв и подготовку войны. Приведенный текст дает представление о размахе тибетской внешней политики, так как здесь перечислены члены антиарабской коалиции. Однако события на востоке сделали невозможным возобновление тибетской экспансии.

Около 806 г.[65] уйгуры, продолжая наступление, взяли крепость Лянчжоу и этим связали тибетцев. Тибетцы заподозрили, что шато, на которых они опирались, им неверны, и хотели перевести это племя в нагорье Цайдам[66]. Шато вспомнили свою былую службу Китаю, где они были в чести, и восстали против захватчиков. В 808 г. весь народ — 30 тыс. кибиток — потянулся вдоль северного склона Наньшаня и затем по реке Таошуй в Китай. Тибетцы напали на них и не отставали до самой китайской границы. Каждый день шел беспощадный бой. До Китая дошло лишь 2 тыс. всадников и немного скота. Китайцы приняли уцелевших героев, снабдили их провиантом и скотом и создали из них особый пограничный корпус.

Лишившись поддержки шато, тибетцы приостановили свою агрессию. Уйгуры тем временем успели поссориться с китаем. Война потухла сама собой.

61 Иакинф Бичурин, История Тибета..., с. 209.

62 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. II, с. 333; Gaubil, Abrege, p. 140; В. В. Григорьев, Восточный или китайский Туркестан, с. 194-195.

63 В. В. Бартольд, Туркестан..., с. 205.

64 Там же, с. 207.

65 Дата рассчитана так: в надписи, посвященной Кутлугу, этот поход не упомянут, значит, он имел место после его смерти в 805 г. В 806 г. уйгуры совершают набег на Китай; следовательно, Лянчжоу был взят в начале 806 г., до уйгурско-китайского конфликта.

66 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, с. 359.

Раздор между уйгурами и китайцами посеяли татабы. В 788 г. они вместе с татарамн (шивэйцами) произвелн набег иа Китай. В 795 г. китайцы рассчитались с ними, нстребнв нх «до 60 000 человек»[67]. Это бросило татабов в объятия уйгуров, н следующнй набег в 806 г. оин совершили уже совместно с ними. Подданство татабов уйгурам продолжалось до 830 г., когда первые, совершая очередной иабег, были разгромлены китайскими войсками и их вождь взят в плен. Император пожаловал пленинку шляпу, пояс н военный чнн. Тем самым освобожденый из плена вождь стал вассалом Китая. Уйгуры прнняли это довольно безразличио, так как их винманне всецело поглощалн внутреиние дела.

В 809 г. возобновилнсь тнбетско-китайскне мирные переговоры, но тибетцы, желая обеспечнть себе мнр н с Уйгурией, совершили набег, отобрали содержащнхся в Китае задержаиных уйгуров и вериули освобожденных в их отечество[68].

Уйгуры отблагодарили тибетцев, совершнв в 813 г. диверсию в «Ивовую долину» у Западной стены[69], что сделало Кнтай весьма уступчивым при затянувшихся переговорах. Тогда же Китай принял предложение Тибета об установлении на границе меиового торга[70]. Меновая торговля была выгодиа тнбетцам, которые получили возможность приобретать нужиые им товары прямо от населеиия, а ие через кнтайских чиновников, т. е. по иизкнм ценам. Но еще более иеприятным для китайцев было то, что тибетцы построили мост через Хуаихэ около Шофана, укрепили его валами и тем самым получили возможиость в любое время попадать в Ордос, а оттуда в незащищенные области Китая. Однако китайцам пришлось с этим примериться, так как участившиеся восстания провиициальных губернаторов, возннкавшие из года в год, делали невозможной ни мобилизацию, ни продолженне войны.

Конец войиы. Тнбетская армия не могла сокрушить Уйгуро-китайскую коалицню, но помогла тибетская дипломатня: она разделила обе враждебные державы и дала возможность Тибету бить их по одиночке. Тибетцы, обеспечнв обеспечнв себя с востока и вынуднв с уйгурской помощью Китай заключнть перемирие, бросились в 816 г. на север, прямо на уйгурскую столнцу Каракорум[71]. В то же время в тылу у уйгуров вспыхиуло восстанне кыргызов, иа этот раз удачное[72]. Невозможио допустить, чтобы действия союзников не были координнрованы.

67 Там же, с. 374.

68 Иакинф Бичурин, История Тибета..., с. 211.

69 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, с. 361.

70 Иакинф Бичурин, История Тибета..., с. 212.

71 Там же, с. 221-222.

72 См. Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, с. 335.

Поход не имел полного успеха лишь вследствие непредвиденного обстоятельства: в 816 г. умер тибетский «безымянный гамбо»[73], и полководец Шан Шацзан был вынужден вернуться в Тибет, чтобы принять участие в возведении на престол угодного ему царевича[74]. Однако уйгуры не смогли этим воспользоваться, так как вели войну с кыргызами, затянувшуюся на 20 лет.

В Китае воспользовались унижением Уйгурии для того, чтобы избавиться от обременительных последствий союза с ней. В 806 г. в Чаньань впервые прибыло уйгурское посольство, состоявшее не из мирян, а из манихейского духовенства[75].

Несмотря на все отрицательное отношение к этому исповеданию и проповеднической деятельности «совершенных», китайцы вынуждены были терпеть их присутствие в столице, чтобы не портить отношения с Уйгурией. Как только выяснилось, что уйгурская мощь ослабла, а с Тибетом установлен мир, китайское правительство обвинило манихеев в пособничестве уйгурским купцам и в торговых злоупотреблениях и в 817 г. выслало их за границу. Обвинение, даже если оно не было вымышленным, не отражало сущности дела. Конфуцианцы вели активную борьбу и с мистикой, и с кочевой культурой, а тут было налицо сочетание и того и другого. Высылка посольства оформила разрыв китайско-уйгурского союза.

Этого только и ждали тибетцы. В тот же год, не успев даже дождаться возвращения из Чаньани своего посольства, они набросились на Китай. Снова по всей границе закипели бои, но китайские войска остановили наступление тибетцев[76]. Китайские и уйгурские правители пришли к выводу, что надо объединиться перед лицом грозного врага. В 821 г. союз обеих держав был восстановлен и скреплен браком[77]. Тибетский полководец Шан Цисир предпринял наступление в долину Орхона[78], но безрезультатно, так как тибетские союзники — карлуки — были в это время заняты войной с арабами в Фергане[79], и уйгуры отразили тибетское наступление.

---

73 Инкинф Бичурин, Истории Тибети..., с. 210 (И. Попоа, Ламаизм в Тибете..., с. 158). У Шлигинтвейна он назван Sadnalegs (Slagintweit, Die Konige von Tibet, S. 56), у Шульмана - Кридэсронции.

74 Иакинф Бичурин, Истории Тибети..., с. 212, 221-222.

75 Н. Я. Бичурин, Собриине сведений..., т. I, с. 331. Так а понимию выриженне: Тогда перный раз Мони привезли свой закон. Минихеи были а Китае и раньше, ио именно теперь им была дозаолени открытаи проповедь и доаерены государственные дипломатические поручении (см. Chavannes et P. Pelliot, Trnite manicheen, pp. 264-266).

76 Инкинф Бичурин, Историа Тибети..., с. 213-215.

77 Тим же, С. 216; Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., Т. 1, с. 332.

78 Иникинф Бичурин, Истории Тибета..., С. 223; ср. Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западнан Монголиа..., с. 347.

79 M. Grenard, La legende de Satok Boghra Khah, p. 26. В. В. Бартольд полагает, что это были гузы (см. Туркестан..., с. 206, 217) ио не приводит к тому доказательств.

Дальше воевать не имело смысла, и тибетцы предложили Китаю мир иа условиях сохранеиня за ними всех сделанных ими территориальных прнобретений. Поскольку Китай не имел никаких возможностей для контрнаступлеиия из-за отсутствия конницы, то эти условия были приняты и война кончилась в конце 821 г.

Тибетско-китайский мириый договор 821 г. Этот договор сохранился на стеле в Лхасе. Приводим его содержаиие «Просвещенный, вониствеиный и отцепочтительный Велнко-Тханский император, премудрый и божественный Велнко-Тибетский кябу[80], два государя, дядя и племянннк, помышляя о соединеннн Двух держав, постановили клятвенный договор о великом и вечном мире.

Духи н человеки были свидетелями сего деяния; грядущие роды превознесут оное.

Почему для предания сего в потомство и водрузили камень с надписью. Просвещенный, воинственный и отцепочтительный император, премудрый и божественный кябу, сии два государя обладая глубокой проницательностью и благоразумнем, ведают прочное образоваиие иародов; распростирая чувства сожаления, изливают милость на все страиы, советуясь единомысленно доставить спокойствне и счастье народам и сим оказанным благодеяннем полагают основание долговременному благодеиствию. Сие еднидушное стремление к утверждению соседственой дружбы приобретает им истинную славу. Отселе впредь иа положеиных рубежах двух государств — Китайского и Тибетского, лежащее от двух городов Тхаочжеу[81] и Миньчжеу[82] к востоку должно прииадлежать царству Велико-Тхаискому, лежащее же от границы в запад — державе Велико-Тибетской.

Сии два государства обязуются прекратить кровопролитную вражду, ие поднимать оружня, ие пронзводнть взаимных иападений. Если кто по какому-либо случаю задержится в чужнх пределах, таковых брать живыми, по отобраннн допросов снабжать одеяиием и пищею и отпускать в свое отечество, дабы ие возмутнть спокойствня своей державы, оказать благоволение к духам н любовь к людям. Вследствие сей взаимиой дружбы между дядею и племянником, при встретившихся трудных обстоятельствах. они должны относиться (обращаться. — Л. Г.) друг к другу и подавать помощь.Как между двумя сторонамн всегда должио быть сообщение, то положить, чтобы отправляемые с обоих сторон послы в долине Цзяньц-

80 Титул цэнпо правильно оставлен Иакинфом без перевода, так как любой перевод будет не точен.

81 Город в провинцин Ганьсу, к 260 лк к западу от города Гунчанфу (Н. Я. Бичуркн, Собрание сведений по исторической географик..., с. 149).

82 Город к Ганьсу, к 240 лк к юго-западу от Г. Гунчанфу (там же).

зюиьчу[83] переменяли лошадей. От Тхаочжеу к востоку двор Велико-Тханский, в запад двор Велико-Тибетский обязаиы содержать почту. Надлежит в полной мере обиаружить сближеиие между дядей и племянником, дабы огоиь и прах не воздымалнсь иа пределах[84], обоюдно славили доброту [царей] н вечно помышляли о беспокойствиях в стране; путешествеиииикн не брали бы предосторожиостей, жители иаслаждались бы тишииою и не было бы взаимиых нападеиий. По излиянии таковых благодеяний иа будущие роды звук славы всюду распростраиится , где только солнце и луна светят. Тибетец да вкусит спокойствие в Тнбете, китаец да вкусит веселие в Китае; каждый, соблюдая сей клятвеииый договор, вечно не должен разрывать оиого. Перед образом богов н мудрых, перед лнцом солнца, луны и звезд, над заклаииым скотом утверждаем клятву.

Кто же ие сохраиит договора, тот клятвопреступник да воспримет бедствия от ннх. Тибетский государь и послы кнтайскне, поклоняясь до земли, утверждают договор: в точиостн здесь изображеиный. Добродетели двух царей будут вечио греметь в потомстве, н подданиые прославят благо, излиянное иа них»[85].

Весьма важиым дополнением к содержаиию договора является короткое указаиие, что в 821 г. в Кашгаре была восстаиовлеиа власть Кнтая н туда был назиачен геиерал-губериатор[86]. Это проливает свет на события, происходившие на западной граиице Тнбета. Совершенио очевидно, что китайцы в то время ие могли овладеть Кашгаром ии сами, ии через посредство уйгуров, отвлечеиных иа север восстаиием кыргызов. Тем ие менее тибетцам был нанесеи удар в спииу, и иастолько сильный, что они не сумели восстановить свою власть в Кашгаре. Едииственно возможное объяснеиие — кашгарцы сами выгнали тибетцев и через уйгурские земли устаиовилн связь с Китаем. Можно думать, что тут немалую роль сыгралн кнтайские колонисты в Западном крае, раиее убегавшие от уйгурского хаиа. Совершенио неизвестно положенне Хотаиа в 821 г., но там тибетцы тоже ие закрепилнсь. По-видимому Хотан умел лавировать между воюющими сторонами, и этим спас свою иезависимость.

Но иезначительные потери не умеиьшили для Тибета значения заключеииого мира.

Лакоиичную, ио полную полиую оцеику этому миру дает тибетский историк буддийского направлеиия[87]. «В далеко раскииувшемся, похожем

83 В пределах Тибета.

84 Огонь и прах — сторожевые огни на вышках и пыль от копыт конницы, скачущей и набег.

85 Иакинф, Землеописание Китайской империи.

86 Там же, л. 563.

87 Schlagintweit, Die Konige von Tibet, S. 58-59.

на белый занавес вечных горных цепей, в средней точке земли, истощенные китайцы на коленях просили мира и поторопились поставить камень и высекли на нем надпись. На юге мощи тибета подчинилась Индия[88] (Бихар и Бенгалия[89]), на западе завоеван Брушал (область, граничащая с Персией), на севере покорены все монгольские государства» (имеются в виду южные монголы — хоры — Л. Г.).

Действительно, в этой грандиозной войне победа досталась Тибету. Караванный путь был завоеван прочно, пограничные воинственные китайцы бывшего княжества Цинь были истреблены, а дальнейшее наступление вглубь Китая не имело смысла, так как введение китайского элемента в страну, боровшуюся с Китаем, могло только ослабить ее внутреннюю мощь. Уйгурия была связана по рукам и ногам войной с кыргызами, вождь которых Ажо объявил себя ханом и, гордый своими победами, заявил уйгурскому хану: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму твою золотую орду, поставлю перед ней моего коня, водружу свое знамя.

Если можешь состязаться со мной, то немедленно приходи, если не можешь, то скорее уходи»[90]. Второй союзник тибетского царя, карлукский джабгу, стеснил арабов и остановил распространение ислама в степи.

Тибет разделил собою восток и запад и встал между ними как третий равный. Вокруг него не было больше опасных врагов, но подлинная опасность скрывалась внутри самой страны.

Бон и буддизм. Оглянемся на то, что происходит в Тибете в правление Тисрондецана и его потомков[91]. Вспомним, что слабые правители (цэнпо) искали помощи против своих подданных у буддийской общины, которую никто, кроме них самих, не любил и не уважал. Во время войны сила всегда находится в руках победоносных полководцев, а в армии сражались не монахи а вооруженный народ, придерживавшийся веры бон. Пока был жив цэнпо Мэагцом, ему удавалось обеспечить буддийским монахам безопасность и некоторую поддержку, но после его смерти в 755 г., когда на престол вступил малолетний Тисрондецан, фактическую власть взял в свои руки вельможа Мажан, непримиримый враг буддизма.

Мажан последовательно препятствовал распространению буддийской литературы и разогнал два монастыря, основанные царем. Великая кумирня Лавран была превращена в бойню. Тогда буддийские вельможи составили заговор, в котором принял участие сам царь; Мажан был схвачен и заперт в могильном склепе, так как верующие буддисты не должны никого

88 Zahor — Индии (см. G. N. Roerich, Blue annals, p. 39).

89 В. А. Богословский, Очерк истории..., с. 57.

90 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, с. 355-356.

91 Подробное описание внутренней борьбы в Тибете см.: Л. Н. Гумилев, Величие и падение Древнего Тибета.

убивать, а при таком мероприятии Мажан умер сам. Царь снова взял власть в свои руки, и снова начался расцвет буддизма в Тибете. Снова открылись кумирни, на площади Лхасы был устроен диспут между сторонниками черной веры (бо̀н), причем последние, конечно победили, но обошлись с побежденными весьма милостиво, сожжена была лишь часть бонских книг, а другая часть принята буддистами.

Достигнутое соглашение позволило Тисрондецану развернуть, с одной стороны, экспансию на восток, север и запад, а с другой — пригласить новых буддийских проповедников, уже гарантировав им безопасность.

Вскоре сами буддийские монахи, принадлежавшие к разным сектам, начали борьбу за преобладание, в результате которой китаец был побежден индийцем и принужден покинуть Тибет. Однако несколько лет спустя победитель был убит учениками побежденного.

В результате долгой борьбы при цэнпо Ральпачане (816—833) победила хинаяническая секта сарвастивадинов[92]. Эта победа была настолько полна, что царь запретил переводы сочинений других сект и проповедь махаянического или тантрического буддизма. Последствия этой политики были весьма существенны.

Из трех сект, боровшихся в Тибете за преобладание, сарвастивадины были наименее популярны. Тибетцы соглашались с тем, что тантрические заклинатели, изгоняющие злых духов, могут быть полезны, так как вера в силу злых духов и заклинаний была повсеместна. Учения махаянистов, так называемое скорое спасение, заключалось в абсолютном безделье — «неделании». Для тибетца такие монахи были безвредны, ибо прокорм аскета ничего не стоит. Сарвастивадины проповедовали «медленное спасение», заключавшееся в делании «добрых дел». Под последним понималось строительство храмов, монастырей, кумирен, ступ и проповедь закона. Естественно, расходы ложились на народные массы, которые от расцвета новой веры беднели и нищали. Тибетцы начали роптать. «Кто извлекает пользу из нашего обеднения и угнетения?» — вопрошали они и, указывая на лам, говорили: «Вот они». Царь запретил презрительно смотреть на духовенство и указывать на него пальцами; за это полагалось выкалывание глаз и отсечение указательного пальца, но эта мера не помогла[93]. Когда же царь приказал казнить своего первого министра, обвиненного в связи с царицей, то не выдержали даже придворные и, войдя в спальню царя, сломали ему шею.

Вступивший на престол брат убитого, Лангдарма, был врагом буддизма. Пользуясь наступившим в стране голодом, падежом скота и другими бедствиями, он взвалил вину за эти несчастия на религию Будды

92 В. П. Васильев, Буддизм, стр. 45 и сл.

93 И. Попов, Ламаизм в Тибете..., стр. 160.

и поднял на нее гонение. Кумирни были разрушены, книги и иконы либо сожжены, либо брошены в воду, ламы были обращены в охотников и мясников, а отказавшиеся от этих нечестивых занятий казнены. За короткое время буддизм в Тибете был уничтожен.

В 842 г. Лангдарма был убит буддийским отшельником. Возникли распри и восстания, внутренняя война продолжалась 20 лет и закончилась настолько полным истощением страны, что китайцы перестали обращать внимание на тибетские дела. Вследствии этого сведения об истории Тибета в X–XI вв. чрезвычайно скудны, но общая картина все же ясна: царская власть была уничтожена, а племенные вожди создали мелкие княжества, находившиеся в постоянной междоусобной войне.

Глава XXX

УЙГУРИЯ В VII-IX вв.

Новый порядок. Переворот 780 г. упраздиил преимуществеиное положение племеии токуз-огузов. Победившие шесть племен больше всего не желали, уничтоженное положеиие возродилось. Поэтому они хотели слабой власти, не имевшей возможиости стеснять их свободу, и они добились своего. По существу Уйгурское хаиство перестало быть монархией, а превратилось в нечто вроде республики с пожизненным правителем. Власть фактически сосредоточивалась в руках племенных вождей, которые избирали ханов. Ханы эти настолько бесцветны, что история не удостаивает их характеристики. С 789 по 794 г. правил Пангуань, сыи узурпатора. Одиако престол он получил не по наследству, а был «поставлеи вельможами»[1]. В 794 г. его отравила жена и иа престол вступил «сам»[2], т. е. не имевший иа то права младший брат отравлеииого. Это скорее семейная, чем политическая драма, ио вельможи вмешались, убили захватчика престола и малолетнего сыиа его объявили преемииком.

Власть была разделена с силой; силу же имел неизвестиый нам по имеии полководец, изваниый в источиике «гйегяиьгяс», воевавший в это время с тибетцами. Когда он вернулся с войском, хаи и вельможи вышли навстречу и легли иа животы, умоляя не убивать их. Чтобы сиискать положеиие гйегяиьгяса, хаи отдал ему все китайские вещи, полученные Уйгурией за участие в войие с Тибетом. Польщеиный и растрогаииый гйегяиьгяс обиял юиого хана и обещал поддержку, а вещи роздал войску, и все остались довольиы. Одиако год спустя хан умер (разумеется-не от старости); гйегяиьгяс исчез со страииц истории, а хаиом был избран приемный сыи одного из вельмож — Кутлуг, сделавший воеиную карьеру при бывшем хаие.

1 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 328.

2 Китайское выражение для определения узурпации.

Это явилось ие только торжеством выборного иачала иад иаследствеииым, ио тогда же была сформулироваиа и коиституция: «Вельможи, чииовиики[3] и прочие доложили: „Ты, иебесиый царь, сиди спустя рукава иа драгоцеином престоле, а помощиика должеи получить обладающего способиостями управлеиия мерой с море и гору; в государствениое положеиие [виикать?]; закоиы и повелеиия должны быть даиы; должно надеяться иа иебесиую милость и благосклонность. Вот о чем мы, чиновиики, просим"»[4].

Этот текст крайие важеи. В ием отмечеио ограничение ханской власти, так как хаиу придавался глава правительства — тот, кто у арабов назывался визирь, а у китайцев — чэисяи. Второе требоваиие касалось судебиой власти; твердая фиксация закоиов должна была пресечь произвол. Накоиец, отмечается категорическое требоваиие согласовывать государственные дела с церковными, т. е. считаться с главами маиихейской общииы. Хаиу оставалась только войиа, и действительио мы все время видим хаиа Кутлуга во главе войска.

Но и тут его ие оставили в покое. Надпись поясняет, чего от него хотели: «Во всей земле простолюдины и живые существа, чистые и добрые, были покровительствуемы, а злые истребляемы»[5]. Терминология взята целиком из манихейского лексикоиа; точио так же выражается Бетюрмиштархан, автор «Хуастанифта»[6]. Так как мы знаем, что манихеи подразумевали под добром и злом, то этот текст дает основание утверждать, и еда ли ие это вызвало у китайцев как в Куче, так и в Чанъаии такое отрицательиое отиошеиие к уйгурам.

Впрочем, арабы ие отставали от китайцев. Эмир Хорасаиа узиал, что иа его земле проживает иесколько сот зиндиков, т. е. маиихеев, и пожелал их убить. Пока он собирался, к иему явился посол от хакаиа токуз-огузов и передал следующее: «В моих владеииях втрое больше мусульман, чем в твоих — зиндиков: если ты троиешь хоть одиого зиндика, я перебью всех мусульман». Те и другие остались живы.

Итак, мы можем проследить по двум независимым друг от друга источиикам, что уйгурский хаи выступает как покровитель маиихеев, гонимых и истребляемых в страиах христианских, мусульмаиских и зороастрийских; зато в Уйгурии маиихеи воспользовались своим влиянием, чтобы оргаиизовать гонеиия против иноверцев.

3 Очевидно, те, что у тюрок назывались буюрук.

4 В. П. Васильев, Китайские надписи..., стр. 24; G. Schlegel, Die chinesischen Inschriften..., S. 131.

5 В. П. Васильев, Китайские надписи..., стр. 25; G. Schlegel, Die chinesischen Inschriften..., S. 132.

6 С. Е. Малов, Памятники...,1951, стр. 120-125.

Не только в Тибете и Арабском халнфате, но и в Индии[7], Китае[8] и Уйгурии иетерпимость стала знамеием эпохн. Видимо, поэтому уйгуры встречали гораздо более сильиое сопротивлеиие соседиих племеи, чем тюрки. Те просто требовали покориости и данн, а эти заставлялн побеждениых ломать весь строй своей пснхнки и весь уклад своей жизии; они навязывалн кочевиикам также представления, которые те не могли ии понять, ни приият. Поэтому Уйгурня была окружена врагами, примиренне с которыми было иевозможно.

Маннхейство и уйгуры. Никак нельзя заключить, что гибель маиихейской церкви в Уйгурии была нсторической случайностью. Маиихейская релнгия последовательно боролась против плотского, материальиого иачала, и ее победа по сути дела озиачала бы прекращеиие физического существоваиия ее привержеицев. Хотя процесс самоистреблеиия замедлялся искусственно, ио все же это было видовое самоубийство.

Высшей добродетелью маиихеев было иеприятие жнзии, иеудовлетвореиность, которая неизбежио порождала уиыиие.

Вторая добродетель — иепрнмиримость ко всему плотскому — нсключала сострадаиие н милосердие, следовательно давала простор жестокости, возводя ее в принцип.

Третья устаиовка — изиуреиие плоти путем совмещеиия аскетизма й распутства — делала возможным существование семьи, которая была лишь терпима, ио ие благословеииа.

Эти три прииципа диаметрально противоположны христиаиству, где уиыиие — смертельный грех, милосердие — добродетель, а создаине моногамиой семьи — акт веры и таииство. Результаты последовательиого примеиеиия маиихейской доктрииы в обществе, подчииеииом манихейской церкви, не трудио представить.

Прежде всего иеобходнмо отметить, что подлииными манихеями могли стать лнщь иемиогие, главиым образом из аристократии. Возможио ли было растолковать уйгурскому пастуху, неграмотному храброму вонну, что его родиая благоухающая степь, любимая жена и веселые краснощекие дети — страшное зло, от которого надо отречься? Мог ли ои возиеиавидеть свои крепкие руки, натягивающие тугой лук до уха, н своего боевого коия, ие раз спасавшего ему веселую и привольную жизиь? Как мог он представить себе абстракцню борьбы Света и мятущейся Тьмы? Совершеиио очевидио, что большая часть уйгурских кочевииков была маиихе-

7 I. Prasad, History of Medixval India..., pp. 26-28; Н. К. Синха и А. И. Банерджи, История Индии, стр. 98, 102, 104.

8 Н. И. Конрад, Начало китайского гуманизма.

ями лишь по названию, продолжая жить привычным бытом и руководствуясь привычными представлениями. Разлагающая стихия манихейства их едва коснулась[9].

Но последствием этого обстоятельства должен был стать разрыв между знатью и народом; народ перестал понимать своих вождей, а ханам и бегам стало не о чем говорить с необразованной массой. Это не могло повести к укреплению страны. Ведущая часть уйгурского общества приняла новую веру со страстностью неофитов, причем ее больше всего устраивала проповедь непримиримости, дававшая выход природной воинственности уйгуров.

Войны с тибетцами, карлуками и кыргызами приобрели теперь для уйгуров высший смысл: они сделались борьбой за веру. Результатом этого оказалось крайне обострение всех проблем внешней политики. Войны нужно было вести силами народа, чуждого той религии, за которую им приходилось сражаться. Последовавшая катастрофа была в большой мере обусловлена этим направлением внешней и внутренней политики.

Но самым губительным последствием манихейства было разрушение семьи. В основном оно коснулось главенствующих слоев уйгурского общества — тех людей, которые в силу социальных причин смогли воспринять и ассимилировать высокую культуру Ирана и Средиземноморья. Радения и оргии, прерывавшие периоды безбрачия, не могли привести к получению здорового потомства. Наиболее приобщенная к культуре часть уйгуров могла давать лишь неполноценное потомство. Короче говоря, она вырождалась.

Процесс вырождения не быстр; для того чтобы последствия его стали ощутимы, нужно не меньше трех поколений, т. е. лет 80. Именно столько продержалась манихейская Уйгурия.

Но прежде чем дали себя знать эти отрицательные стороны принятия манихейства, сказались и его положительные стороны — приобщение к западной культуре.

Китайская духовная культура столь специфична, что кочевники не хотели и не могли ее принять. На примере Тоньюкука мы видели, что даже тюрки, получившие китайское образование, стремились противопоставить свое мировоззрение китайскому. Так же вели себя тибетцы; и уйгуры не были исключением. Но это обрекало их на отсутствие культурного обмена, и только волна выходцев из Согда и Ирана открыла им доступ к культуре не менее совершенной, чем китайская.

Ибн Хордадбег описывает Уйгурию как самую обширную из тюркских стран. «Хакан токуз-огузский пребывает в большом городе с 12 железными

9 Доказательством этого является сохранение свадебного обряда (Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, стр. 333) и рунической письменности с языческим содержанием (С. Е. Малов, Памятники..., 1951, стр. 80-92).

воротами, жители города исповедуют маиихейство; у хакаиа на возвышенности, в кремле его, стоит золотой шатер, в котором вмещается до 900 человек; он видеи издали на расстояиии пяти фарсахов»[10]. В этом роскошиом дворце сидели слабые, бездарные хаиы, от которых остались только нх пышиые тнтулы. Страиой управлялн племенные старейшины нли маиихейскне «совершениые», имена которых в нстории не сохранились.

До 839 г. в Уйгурии ни каких крупных событий не было, за нсключением восстаиия кыргызов (около 815 г.) н перехода племенн татар с Амура к Иньшаню (около 820 г.)[11]. Косвенно это указывает на ослабленне мощи державы, и надо предполагать, что виутрн страны боролнсь какне-то группировкн, как всегда бывает при слабом правнтеле; но какне это былн группировки, мы не можем даже гадать. В 832 г. хаи, по имеии Геса, был «убит от своих подчинеиных»[12] и его сменил двоюродиый племяиник, по имеии Ху. При ием и разразилась катастрофа.

Гнбель Уйгурского ханства. К середиие IX в. сила Уйгурнн была уже в прошлом. Разложеиие аристократии прниесло свон плоды. Вельможн соперничали друг с другом, а покореииые племеиа иачалн отпадать. Выше было отмечено отпадеиие шато в 794 г. В 835 г. отошлн татабы. Но более страшным для Уйгурии оказалось восстаиие кыргызов. Кыргызскнй князь, лелея мечту о иезавнсимости, поддерживал дружеские связи с арабамн, тнбетцами и карлукамн[13]. Около 818 г. кыргызскнй князь Ажо объявил себя ханом. Мать его была тюргешской кияжной, а жеиа — дочерью тибетского полководца; следовательно, и с теми, н с другими у него былн родствеиные связи. Попытка уйгурского Бао-и-хаиа подавнть восстание ие нмела успеха. Ажо, не довольствуясь освобождением от чужеземиого ига, требовал безоговорочиой капитуляции противиика. «Твоя судьба коичилась, — обращался он к уйгурскому хаиу. — Я скоро возьму Золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое зиамя. Если можешь состязаться со миою, — приходи; если не можешь, то скорее уходи»[14]. А в то же время иа юге восстановилн свон силы воинствениые шато н также угрожалн уйгурам[15].

Причнна по которой уйгуры попали в столь крнтнческое положеиие, лежала в них самих. Они с огромиой энергией боролись за свою свободу против голубых тюрок, но получив ее, не иашли ей прнменения. Их свободолюбие, диалектически развнваясь, превратилось в отрицаине всякого

10 C. Millet, Sur le oom de cereales..., p. 207. Золотой ордой называл столицу Уйгурии и кыргызский хан в 839 г. (см. Н. Я. Бичурин, Собрание сведеннй..., т. 1, стр. 355).

11 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 377.

12 Там же, стр. 333.

13 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. 1, стр. 355.

14 Там же, стр. 355-356.

15 Там же, стр. 361.

оргаиизующего начала. Оии в такой мере хотели ограиичить ханскую власть, что когда добились своего, эта власть потеряла всякий смысл. Отсюда полиая иеспособиость уйгуров к коисолидации сил даже перед иепосредственной опасностью. Вместо отпора врагам иа севере и юге, среди уйгурской зиати возникли симпатии к кыргызам и шато.

В 832 г. на золотой престол в Каракоруме воссел Кут-тегии (кит. Ху-дэлэ; перс. Хутуглан-хакан[16]) с титулом Айдынлык улуг Мунмиш Кюлюг Бильге Чжан-сиинь хаи. По наследству от предшествеииков ои оплучил в хаиши китайскую принцессу[17] и клубок иеразрешимых противоречий. Дальиейшие события столь скупо описаиы в «Таньшу», что можно восстаиовить лишь общий ход, но не причииы их[18].

В 839 г. вельможа Кюлюг-бег (кит. Гюйлофу), опираясь иа пришедших к нему на помощь шато, напал на Каракорум. Хан кончил самоубийством, и вельможи, сочувствующие восстаиию, поставили ханом малолетиего Кэси-тегина[19].

Зима выдалась малосиежная, пало миого овец и лошадей, к голоду добавилась моровая язва и к весие 840 г. уйгуры ослабели от голода, эпидемии и смятений, вызваиных переворотом. Враг Кюлюг-бега старейшина Кюлюг-бега, призвал иа помощь кыргызов и взял Каракорум. Хаи и Кюлюг-бег были казиеиы, юрты их сторонииков сожжеиы. Уйгуры в паиике рассеялись. Часть бежала иа юг и подчинилась тибетцам; вельможа Паи Торэ увел 15 аймаков в Джунгарию и покорился карлукам, а 13 родов хаиского аймака (вероятио, потомки токуз-огузов с пополиеииями) в марте 841 г. объявили хаиом Уге-тегииа и решили продолжать борьбу против кыргызов. Одиако вся Халха[20], Каракорум, а также все сокровища уйгуров были в руках врага, и только природиая воииствениость и иерция войны толкали уйгуров иа дальиейшее сопротивлеиие.

В числе трофеев добытых кыргызами в Каракоруме, оказалась китайская царевиа, жена трех уйгурских ханов.

Не желая портить отиошеиия с Китаем, кыргызы отправили ее домой с приличиым эскортом и свитой. Уге-тегин иапал на караваи, перебил всех кыргызов и освободил царевну, которая стала его хаишей. Одиако, ие иадеясь удержаться в Халхе, Уге перешел Гоби и оказался на берегах Хуаихэ во главе огромиой, голодиой и деморализоваииой орды. Китайское

16 Вероятно Кут-оглаа (В. Бартольд, Отчет..., с. 105).

17 Уйгуры сохранали древиий обычай иаследоваиия жен.

18 Н. Я. Бичурии, Собраиие сведений.., т. I, с. 334.

19 Гврдизи сообщает, что а аосстаиаи приняли участие варлуки, жившие в Уйгурна. Оии астребили 12 нвчальнакоа и всех сторонииков уйгурского хааа, которого звали Хутуглан-хакан, после чего власть в стране азял в своа рувн кврлук Илмалмасын-джабгу (В. Бартольд, Отчет..., с. 105).

20 Халха — в соаременном смысле слова. Это название появалось в XIV-XV ва.

правительство хотело договориться с уйгурским командованием, зная, что последнее не искало войны. Но голодные кочевники, не дождавшись конца переговоров, начали добывать себе пропитание грабежами. Вельможи видели, что положение грозит трагической развязкой, и брат Уге-тегина Умус казнил вождя союзных шато Чисиня[21], чтобы свалить на него все вины. Тогда другой вождь, Насечур, возглавил войска Чисиня — 7 тыс. кибиток — и увел своих сторонников в Маньчжурию. Там он был разбит китайцами и бежал обратно к Уге, который его казнил. Другие уйгурские вельможи предложили покорность китайскому императору.

Не имея средств для прокорма своих подданных Уге разрешил им напасть на Шаньси (841 г.). Китайские войска были разбиты, северная Шаньси и Ордос разгромлены. Это решило судьбу уйгуров — китайское правительство отказало им в поддержке и мобилизовало против них армию. В 842 г. Уйгуры были разбиты и отброшены от северо-восточного угла Ордоса в Маньчжурию. Кидани, до сих пор сохранявшие верность уйгурскому хану, увидев толпы голодных беглецов, грабящих кого попало, восстали и поддались Китаю[22]. В начале 843 г. уйгуры были снова разбиты и израненный Уге со своими сторонниками бежал к племени «черная телега», но оно выдало уйгуров. Уге был убит, а его подданные большей частью рассеялись[23].

Брат Уге, Энянь-тегин возглавил остаток уйгуров. Жил он на добровольное вспомоществование татабского старейшины, но в 847 г. китайские войска разбили татабов и Энянь бежал к татарам (шивэй). Китайцы потребовали его выдачи, и последний глава уйгуров с женой, сыном и девятью всадниками уехал куда-то и пропал без вести.

Кыргызский хан, узнав, что последние уйгуры скрываются у татар, пришел в Маньчжурию с десятитысячным войском и выловил беглецов. Немногие спасшиеся, «укрываясь в лесах и горах, пропитываясь грабежом»[24], пробрались на запад к Пан Торе.

Последствия. Уничтожение уйгурской державы было не только военно-политической акцией.

Не случайно сразу же по разгроме уйгурского войска китайское «правительство собрало книги мониев [манихеев и идолов] и все предало огню на дороге, а имущество взято в казну»[25]. Такая решительность со стороны веротерпимых китайцев показывает, что дело обстояло весьма

21 Отождествление уйгурского министра Чисиня с вождем шато Чисинем — домысел автора. Может быть, это разные люди, но маловероятно.

22 Н. Я. Бичурин. Собрание сведений.., т. I, с. 369.

23 Там же, с. 335-337.

24 Там же, с. 337.

25 Там же.

серьезно, и очень жаль, что у нас так мало сведений о причинах такого отношения китайцев к манихейству. Во всяком случае ясно, что манихейская община была разгромлена, и это открыло дорогу буддийской пропаганде.

В X в. на уйгурский язык переводится сутра «Золотой блеск»[26], что указывает на появление большого числа читателей подобной литературы. В дальнейшем буддизм полностью вытесняет манихейство.

После разгрома уйгуров отношения между Китаем и кыргызами испортились, так как китайцы отказались способствовать усилению кыргызского ханства[27]. Но войны не возникло.

Кыргызы отметили свою победу над уйгурами в двустрочной надмогильной надписи, известной под названием «Енисейский памятник»[28]. «От вас, мой эль, моя госпожа, мои сыны, мой народ, от всех вас в 60 лет [я отделился = умер]. Мое имя Эль-Туган-Тутук. Я был посланником божественному элю. Народу шести бегов я был бегом».

«Народ шести бегов», или «шестисоставный народ», — это уйгуры после 780 г. Над ними был бегом и «alci» Эль-Туган-тутук. Слово «alci» вообще значит «посол», но здесь оно, очевидно, употреблено в смысле «уполномоченный», и в таком понимании не возникает противоречия с тем, что он одновременно был начальником (baɣ) и послом по отношению к одному и тому же народу. Обращается он не к хану, а к quncui = княжне (с кит. языка; термин употреблялся голубыми тюрками). Это важно для датировки: Ажо умер в 847 г., значит Эль-Туган-тутук его пережил и обращается к его наследнице. Таким образом мы узнаем, в какое положение попали уйгуры, оставшиеся в Халхе: они вошли в состав кыргызского эля как покоренный народ, так как только для управления таковыми назначались чиновники с титулом тутук[29].

Весьма важно, что держава уйгуров названа «божественным элем», кыргызская надпись отмечает теократический характер Уйгурского ханства, описанный выше. несравненно удачнее сложились обстоятельства у другой группы уйгуров, которую Пан Торэ увел на западную окраину.

Укрывшиеся у карлуков уйгуры вскоре разделились на две группы: большая часть обосновалась в Куче, которую они сумели в свое время отстоять от тибетцев, а другая — на границе Тибета, около Бишбалыка[30].

---

26 С. Е. Малов, Памятники..., 1951, с. 140.

27 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., Т. 1, с. 357.

28 С. Е. Малов, Памятники..., с. 78-79.

29 К аналогичному заключению о дате этой надписи пришел Л. Р. Кызласов, с той лишь разницей, что "шестью бегами" он считает территорию Тувы, а не всей Уйгурии, а это время захваченной кыргызами (Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников..., с. 114). Думается, что в IX в. границы между Тувой и Уйгурией не было.

30 J. R. Hamilton, Les Oïghours..., pp. 10-11.

Внутренняя война, раздиравшая тибет, не могла не отразится на областях, покоренных тибетцами во времена их могущества. В 848 г. в Дуньхуане вспыхнуло восстание местного (т. е. китайского) населения. Во главе повстанцев оказался способный офицер Чжан И-чао. Он назвал своих сторонников «войском покорным долгу» и в 850 г. с помощью уйгуров захватил Хами и Турфан[31]. Однако ему не удалось окончательно изгнать тибетцев, удержавшихся в Ганьчжоу, и резня продолжалась не менее 10 лет[32].

В этот период уйгуры накапливали силы. Сведения, поступавшие в Китай, несмотря на отрывочность, дают возможность, установить, что новое уйгурское ханство оказалось жизнеспособным. В 856 г. в Куче сидел уже новый хан, Манли, пожелавший возобновить союз с Китаем[33]. Но уже через год дорога в Уйгурию оказалась перерезанной[34], по-видимому тибетцы начали контрнаступление[35]. Тогда в дело вмешались джунгарские уйгуры. Князь Бугу Цзунь[36], укрепившийся в Бишбалыке, выступил на помощь китайцам и противникам тибетского правительства, поддерживавшего религию бон, которых возглавлял тогонский полководец Тоба Хуай Гуан, сподвижник вождя тибетских буддистов — Шан Биби. Перед лицом воинствующего бона манихеи, буддисты и конфуцианцы забыли свои разногласия, объединились и соперничали только в храбрости. Диктатор Тибета, полководец Шан Куижо[37], попробовал, как некогда, силой сломить врагов, но «племена за ним не пошли»[38], и тибетское наступление захлебнулось. Бугу Цзунь взял тибетские крепости в Сичжоу (Турфанский оазис), Бэйтине (очевидно, пограничный форт у Бишбалыка), Луантай (около Урумчи), Цзиичэн (250 ли к западу от Урумчи) и тем самым покончил с тибетским преобладанием в Притяньшанье.

Китайский полководец Чжан Ки-юн нанес поражение в Ганьсу самому Шан Куижо, захватил много пленных и большое количество доспехов[39], бывших в то время дефицитным снаряжением.

Шан Кунжо отступил на юг от верховьев Хуанхэ, но его враги, видимо из местного населения, уведомили Тоба Хуай Гуана о бедственном положении узурпатора, и тогонский полководец не дал ему возможности отступить во внутренний Тибет. Уйгуры и китайцы спешно перебросились на юг, к Кукунору, и в городке Гуо (к югу от Синина) дали решительное

31 Ibid., p. 12.

32 V. Minorsky, Hudud al-Alam..., p. 85.

33 J. R. Hamilton, Les Oighours..., p. 10.

34 Ibid., p. 10.

35 Ibid., pp. 15-16.

36 Гамильтон считает его наследником Манли-хана.

37 Он иногда именуется лун (министр) Шажо (см. Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I, с. 338).

38 J. R. Hamilton, Les Oighours..., p. 15. 39 Ibid., p. 14.

39 Ibid., p. 14.

сражение. Шан Кунжо был разбит наголову и попал в плен. Ему отрубили сначала ноги, затем перечислили все его вины, после чего обезглавили. В декабре 866 г. в Чаньань была доставлена вместе с известием об окончательном разгроме Тибета голова Шан Кунжо.

Итак, двухвековая борьба Тибета и Китая закончилась, но Китай уже не мог пожать плоды победы. Внутреннее разложение танской монархии зашло так далеко, что процесс стал необратимым. Вследствие этого внешняя политика последних танских императоров свелась к тому, что иноземцы не допускались к вмешательству внутренние дела Китая.

На этом выиграли уйгуры. Бугу Цзунь создал небольшое, но крепкое княжество, включавшее кроме Бишбалыка и Турфанского оазиса Кучу, северный берег оз. Лобнор и Джунгарию до р. Манас[40]. Это маленькое владение не заслужило название ханства, и владетель его носил титул «идыкут». Однако из этого зернышка выросла средневековая Уйгурия.

40 Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., с. 362.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА *

Год	Дальний Восток	Срединная Азня	Блнжний Восток
545	Война в имперни Вэй, между Восточной н Западной импернямн.	Тюркюты подчннены жужаням. Посол Западиой Вэй прнбыл к Бумыну.	Война Ирана с Внзантией.
546	В Западную Вэй прнбыло посольство эфталитов.	Отправлено ответное посольство в Западную Вэй. Покоренне телеутов	
547			Покоренне Внзантией Северной Афрнкн.
550	Основание Импернн Бэй-Цн.		Выступленне лазов на стороне Византии протнв Ираиа.
551		Бумыи получает в жены царевну нз Западной Вэй.	Набег кутургуров на Внзаитию и утургуров на кутургуров.
552		Бумын восстал против жужаней. Разбитый Аиахуань коичает самоубнйством. Смерть Бумына. На престол вступает Кара Иссыг-хан.	Завоеваиие Агваиии сабирами, передавшнмися от Ирана к Внзантин. Покорение Внзантией Италии.
553	Кидани разбиты цисцамн. Посольство эфталнтов в Западную Вэй.	Кара Иссыг-хаи, разбнв жужаней умер. Его брат Мугань-хан изгнал жужаиеи в Цн.	Начало шелкопрядення в Внзаитии.
554	Жужанн иачали грабежн в Цн, но разбиты кнтайцами.	Поход Истеми иа запад.	Персы иаиесли поражение сибирам в Агванни. Покореиие Византией Испании (юго-восточной).

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
555	Жужани изгнаны из Бэй-Ци, бежали в Западную Вэй, выданы тюркютам и истреблены. Нападение Ляна на Бэй-Ци.	Заключение союза между каганатом и Западной Вэй против Бэй-Ци. Разгром аба-ров тюркютами. Первое столкновение с эфталитами.	Посольство из Ирана в Западную Вэй.
556	Нападение на Тоги.	Набег на Тоги. Взят город Шудун.	
557	Основание империи Бэй-Чжоу на месте Западной Вэй.	Разгром тюркютами вар, хуни и огоров.	
558		Покорение огоров; бегство вар и хуни-псевдоаваров на Запад.	Посольство аваров в Византию. Разгром аварами сабиров и антов.
559	Бэй-чжоусцы разбили тагонов. Посольство из Гаочана в Бэй-Чжоу.		Набег кутургуров на Византию.
560	Тюркютские послы в Иран по дороге перебиты эфталитами.		
561	Посольство из Кучи в Бэй-Чжоу.	Союз тюркютов с Бэй-Чжоу против Бэй-Ци.	Разгром сибиров Сосроем Нуширваном.
562		Первое поражение эфталитов тюркютами. Союз с Ираном против эфталитов.	Мир Ирана с Византией. Второе посольство аваров в Византию.
563	Война Бэй-Чжоу и Бэй-Ци.	Посольство тюркютов в Византию. Поход тюркютов на Бэй-Ци.	Персы разбили эфталитов.
564	Посольство из Карашара в Бэй-Чжоу. Бэй-чжоуские войска разбиты цисцами.	Тюркюты взяли Чач.	
565		Разгром эфталитов тюркютами при Несефе.	Аварское посольство в Византию с требованием умножить подарки.

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
566		Раздел державы эфталитов между Ираном и каганатом.	
567		Тюркютское посольство в Иран и смерть послов.	Союз аваров с лангобардами.
568		Посольство Маниаха в Византию.	Авары заняли Паннонию.
569		Поход тюркютов на Иран.	Посольство Земарха к тюркютам. Персы овладели Йеменом.
571		Мир Ирана с каганатом.	Восстали армяне против Ирана.
572	Мир Бэй-Ци с тюркютами.	Мугань-хан умер. Вступил на престол Тобо-хан.	Война Византии с Ираном из-за Армении.
573		Приходит из Византии посольство: Ефтихия, Иродиона и Павла Киликийского.	
574	Посольство из Хотана в Бэй-Чжоу.		
575		Утургуры в союзе с тюркютами.	Переговоры Византии и Ирана.
576	Разгром Бэй-Ци чжоусцами.	Осада и взятие Боспора тюркютами. Посольство Валентина к тюркютам. Смерть Истеми.	Наступление персов на Армению.
577	Падение Бэй-Ци.	Вторжение тюркютов в Крым.	
578	Гао Бао-нин в Чахаре.	Война каганата с Бэй-Чжоу.	
579		Вторжение тюркютов в Китай.	Смерть Хосроя Ануширвана.
580	Мир Бэй-Чжоу с каганатом.	Вторжение тюркютов в Лазику	
581	Переворот Ян Цзяня. Основание династии Суй. Отражен набег тогонов.	Тобо-хан умер. Отвод Торэмена, Отречение Амрака, вступление на престол Шаболио.	
582	Восстание Гао Баонина против Суй.	Вторжение в Китай отражено.	

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
583	Разгром тогонов при Линтао.	Торэмен потерпел поражение, Шаболио одержал победу, Чулохоу передался Китаю.	Нападение аваров на Византию.
584		Распри в Каганате. Шаболио и Кара-Чурин заключают мир с Китаем.	
585	Кидани передались Китаю.	Восстание абаров. Шаболио разбивает абаров и Торэмена.	
586		Отступление Торэмена в Бухару.	
587	Суй завоевывает империю Хоу-Лян.	Шаболио умер. Чулохоу вступил на престол. Торэмен разбит, взят в плен и казнен. Чулохоу убит в «западном походе».	Мир Византии с Аварами.
59[illegible]	Открыты рынки для торговли с тюркютами.	Вступление на престол Юн улуга.	Боспор возвращен Византией.
589	Покорение империи Чень имерией Суй.	Поход на Иран и Герадская битва. Пайкенд взят персами. Мир с Ираном.	Вторжение хазар, греков и грузин в Агванию отбито персами.
590		Подчинение Гаочана тюркютами.	Восстание Бахрама Чубина.
591	Тогонский хан Куалюй умер.		Поражение Бахрама Чубина. Воцарение Хосроя Парвиза.
592			
593		Мир между западными и восточными тюркютами и воссоединение каганата.	Восстание Бестама.
594	Голод в Китае.	Посольство Чжансунь Шэна к тюркютам.	
595			
596			Гибель Бестама.

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
597	Крестьянское восстание на юге Китая. Тогон гарантирует Китаю нейтралитет.	Измена Жангара и убийство царевны из дома Чжоу. Начало войны с Китаем. Усмирение тюркютами восставших угров.	
598	Когуресцы (корейцы) захватили Ляоси. Китайцы разбиты.	Выступление китайских войск против тюркютов.	Посольство Кара-Чурина Тюрка в Константинополь.
599	Удачные бои в Ордосе.	Разгром Жангара. Убийство Юн улуга. Вступление на престол Кара-Чурина Тюрка с титулом «Бокэ-хан».	
600	Крестьянское восстание в Аньхое подавлено.	Набег тюркютов на Китай.	
601		Разгром китайцев у Чаньани.	Победа византийцев над аварами.
602		Неудачный набег на Китай.	Восстание Фоки. Гибель Маврикия. Начало войны Византии с Ираном.
603		Восстание 10 телеских племен против Кара-Чурина. Гибель Нили-хана.	Восстание кушанов против Ирана при поддержки тюркютов. Отпадение Тохаристана от Ирана.
604	Внезапная смерть Ян Цзяня. Вступление на престол Ян-ди.	Бегство Кара-Чурина в Тогон. Разделение Каганата: восточный хан — Жангар; западный хан — Таман. Басыл-тегин задержан в Китае.	Наступление персов на Византию. Взята Дара.
605	Подавление восстания киданей.	Создание телесского ханства в Джунгарии. Западные тюрки-дулу разбиты телесцами – киби и сияньто.	
607	Указ о запрещении свободной торговли с тюркютами. Объединение Тибета.	Прием Жангара в Лояне.	Персы взяли крепости Марде и Амиду.

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
608	Гаочанский владетель Бо-я вступает в переговоры с Китаем. Вторжение китайских войск в Тогон.	Умер хан Жангар. На престол вступил Шибирхан. Мир джунгарских телесцев с западными тюркютами и совместное нападение на Тогон.	Персы завоевали Сирию и дошли до Халкидона.
609	Ян-ди подчиняет Тогон, Гаочан и 27 мелких владений.		
610	Народное восстание в Лояне подавлено. Прибыл посол из Гибини.	Роскошные праздники для тюркютов в Лояне.	Восстание Ираклия и гибель Фоки.
611	Поход Ян-ди в Когуре.	Восстание Шегуя и бегство Тамана в Гаочан.	
612	Поражение китайских войск в Когуре.	Сторонники Тамана подчинились Китаю и были разделены на три орды.	Персы взяли Кесарею Каппадакийскую.
613	Второй поход в Когуре. Солдатский мятеж Ян Сюань-ганя. Повсеместные крестьянские восстания.	Шибир-хан поддерживает мятежи пограничных воевод Боюй-со, Ван Сю-ба и Вэй Даоэра. Раскрыты интриги китайской разведки среди тюркютских князей.	
614	Заключение мира с Когуре.		
615	Размах народных восстаний в Китае. Освободился Тогон.	Набег Шибир-хана на Яймынь. Война.	Взятие Иерусалима персами.
616	Ян-ди бежал на юг и заперся в крепости Цзянду.		Завоевание персами Египта.
617	Военные восстания Лян Ши-ду, Лю У-Чжоу, Ли Юаня и др.	Кидань, Шивэй, Тогон и Гаочан подчинились Шибир-хану.	
618	Основание династии Тан.	Умер Шегуй-хан, на престол вступил Тун-джабгу-хан.	

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
619	Разрыв союза Тан с тюркютами. Покорение Хэси. Восстание Ван Ши-чуна в Шаньси н Доу Гань-дэ в Хэбэе против Тан. Вторжение Лян Ши-ду и Лю У-чжоу в Северный Китая при поддержки тюркютов.	Вторжение Шибир-хана в Ордос и смерть его. На престол Вступил Чуло-хан. Джурганские телесцы — сеяньто и киби — подчинились Тун-джабгу-хану. Восточные телесцы — уйгуры восстали против Чуло-хана.	Крещение «гуннского князя» в Константинополе. Авары дошли до Константинополя.
620	Разгром Лю У-чжоу Лн Ши-минем н гибель его.	Союз Чуло-хана со сторонниками династии Суй. Смерть Чуло-хана. На престол вступил Кат Иль-хан. Набег на Лянчжоу.	Отступление аваров.
621	Разгром Ли Ши-минем Ван Ши-чунв и Доу Гань-дэ у Лояна. Восстание Лю Хэй-да в Хэбэе.	Набег тюркютов на Дайчжоу и Юаньчжоу.	
622	Союз Лю Шэй-да с тюркютами.	Вторжение тюркютов в Северо-Восточный Китай.	Контрнаступление Ираклия на персов.
623	Лю Хэй-да разбит. Поражение тогонцев китайцвми.	Вторжение в Шаньси.	Вторжение Ираклия в Атрпатакан.
624	Объединение Китая под власью династии Тан закончено.	Нвступление Восточных тюркютов на Китай и отход. Союз Западнотюркютского каганата с Китаем.	Отступление Ираклия в Киликию.
625		Вторжение в Швньси.	Обмен посольствами между Византией и Западнотюркютским каганатом.
626	Переворот Ли Ши-миня. Мир с тюркютами на р. Вэй.	Вторжение западных тюркютов в Закавказье через Дербент.	Греки и тюркюты осаждают Тбилиси.
627	Посольство к Тун-джабгу-хану остановлено Кат Иль-ханом.	Сеяньто передались от западных тюркютов к восточным. Голод из-за снегопадов.	Авары и персы осаждают Константинополь. Победа греков над персвми при Ненвии.

Год	Дальнний Восток	Среднннная Азня	Блнжнний Восток
628	Лнквндацня Лян Шн-ду.	Взятне Тбнлнсн западнымн тюркютамн н хазарамн. Завоеванне Агваннн. Восстанне сеяньто, уйгуров, байырку, кнданей протнв Кат Иль-хана. Пораженне Юкук-шада и Толнс-хана уйгурамн. Восстанне Толнс-хана протнв Кат Иль-хана.	Убнйство Хосроя Парвнза. Отступленне внзантнйскнх войск от Ктезнфона, а персндскнх от Константинополя. В Иране воцарнлся Кавад Шнрое прн военной днктатуре Шахрвараза н началась серня дворцовых переворотов.
629	Взятне крепостн Ман в Ордосе. Контрнаступленне на тюркютов по всему фронту. Вступленне на престол Тибета Сронцангамбо.	Ашнна Шенн взял Бншбалык н поднял карлуков против Тун-джабгу-хана. Инань сеяньтосскнй прннял тнтул «хан». Племена байырков, бугу и тонгра передались Кнтаю. Кат Иль-хан разбит прн Линчжоу. Измена царевнчей. Пораженне прн горах Оянлин.	Мнр Внзантин с Ираном.
630	Хамн покорнлось нмпернн Тан.	Кат Иль-хан разбнт и взят в плен. Конец Восточнотюркютского каганата. Убийство Тун-джабгу-хана Кюлюг-Сибнр-ханом. Восстание нушнбн протнв него.	Вторжение западных тюркютов в Арменню н пораженне персов. Западиые тюркюты очистилн Закавказье.
631	Выловлены 80 тысяч китайцев, жнвших у тюркютов.	Снбнр-хан убнт. На престол возведен Сы-джабгу-хан. Разгром Хамн. Чебн-хан пробился на Алтай.	Восстанне кутургуров протнв вваров н разгром кутургуров аварамн.
632	Посольства нз Карашара н Хатана.	Кнбн откочевалн с Тянь-Шаня в Кнтай.	
633	Посольство нз Тибета в Китай и конфлнкт.	Чуюэ н чумн откочевалн с Илн в Китай. Сы-джабгу ннзложен. На престол вступил Ншшу Дулу-хан.	Освобожденне болгар нз-под властн тюркютов н объеднненне их племен Кубратом.

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
634	Возникла война между Тибетом и империей Тан.	Нишу Дулу-хан умер. Вступил на престол Ышбара Толис-шад-хан, Ашина Шэни разбит уйгурами.	Вторжение арабов в Сирию и Месопотамию.
635	Разгром Тогона и тибетцев имперской конницей.	Реформа в Западнотюркютском каганате: признание прав племенных союзов дулу и нушиби.	Дамаск взят арабами.
636		Ашина Шени подчинился империи Тан.	Битва при Ярмуке.
637			Битва при Кадесии. Капитуляция Иерусалима.
638	Посольство из Ирана.	Тюркюты Юкук-шада и гаочанцы разгромили Карашар. Западные тюрки-дулу провозгласили Юкука Ирбис-Дулу-ханом. Гражданская война в Западнотюркютском каганате.	Арабы взяли византийские крепости в Сирии и покорили Месопотамию и Хузистан.
639	Брак Сронцангамбо с непальской княжной.	Заговор среди пленных тюркютов. Назначение Ашина Сымо ханом пленных тюркютов. Изгнанный Ышбара Толис-шад-хан умер. Нушиби возвели на престол Иль-кюлюг-шада Ирбис-хана.	
640	Взят Гаочан.	Иль-кюлюг-шад Ирбис-хан умер. Возведен на престол Ирбис Ышбара-джабгу-хан.	Арабы вторглись в Египет.

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
641	Договор империи Тан с Тибетом и брак Сронцангамбо с китайской княжной.	Ирбис Ышбара-джабгу-хан убит Ирбис Дулу-ханом. Восточные тюркюты вернулись в степи. Напавшие на них сеяньтосцы разбиты наголову.	
642	Имперский гарнизон в Хами разбил западных тюрок Ирбис Дулу-хана.	Восстание против Ирбис Дулу-хана под предводительством Ирбис Шегуй-хана.	Битва при Негавенде. Падение Александрии.
643	Когуре и Пэкчэ начали войну против Силла.	Ирбис Дулу-хан отступил в Тохаристан.	
644	Сронцангамбо покорил племена шан-шунгов в Западном Тибете.		Арабы взяли Испагань.
645	Поход в Когуре.	Набег сеяньтосцев на Китай.	Восстание Джеваншира агванского против персов.
646	Разрыв сношений с Западнотюркютским каганатом.	Разгром сеяньтосской орды имперцами и уйгурами.	
647	Возобновлена война против Когуре.	Уйгуры, байырку и курыкваны подчинились империи Тан. Чеби-хан прислал посла.	Арабы ворвались в Северную Африку.
648	Поход тибетцев на Индию. Поход Ашина Шэни в Западный край. Покорена Куча.	Ашина Халлыг поддался империи Тан.	
649	Покорен Хотан. Умер Тайцзун Ли Шиминь. На престол вступил Гао-цзун.	Брошены войска против Чеби-хана.	Арабы захватили Кипр.
650		Чеби-хан взят в плен.	Арабы взяли Истахр (Персеполь).
651	Западные тюрки взяли Типчжоу (Бишбалык).	Халлыг, убив Ирбиса Шегуй-хана, принял титул Ышбара-хан.	Йездегерд III погиб, разбитый Бижаном и Махуем. Арабы захватили Хорасан.

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
652	Имперцы разбили чуюэ и чуми.	Разгром и казнь Махуя Сури Ышбара-ханом.	Арабы вторглись в Джуздан и Тохаристан.
653	Имперцы вернули Бишбалык.	Умер Юкук Ирбис Дулу-хан.	
654	Набеги имперцев на карлуков и чумугунь.	Неудачный путч Чженчу.	Набеги арабов на Маймург, Балх и Хорезм.
655		Ышбара-хан остановил продвижение имперских войск.	Пируз изгоняет арабов из Сеистана.
656	Наступление имперцев на Западнотюркютский каганат. Восстание племен байырку, сиге, бугу и тонгра против империи Тан.	Поражение Ышбара-хана на р. Или. Капитуляция нушиби и дулу. Разгром западных тюркютов.	Убийство Османа. Гражданская война в халифате. Образование Хазарского ханства.
657		Бегство и пленение Ышбара-хана.	
658		Разгром последних очагов сопротивления у Эбинора и у Кучи.	
659		Разбит и казнен Чженчу.	
660	Когуре и Пэкчэ нападают на Силла.	Подчинились империи нушиби Центрального Тянь-Шаня.	Агванский Джеваншир разбил хазар.
661	Имперская армия вторглась в Когуре. Безуспешная осада Пхеньяна.		Завоевание Арабами Агвании. Установление власти Омаядов.
662	Проникновение тибетцев в Западный край для поддержки восставших тюрок.	Подавлено восстание телесских племен. Казнь Мише. Восстание гун-юэ и ягма.	Война арабов с хазарами за Дербент. Арабы взяли Кабул.
663	Завоевание Тогона тибетцами. Разгром имперцами Пэкчэ и японского флота.	Нападение западнотюркских повстанцев на Турфан и Хотан.	
664		Подавление восстания западных тюрок.	Арабы вторглись в Пенджаб.

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
665	Тибетско-китайская война.		
666	Междоусобица в Когуре.	Умер Бучжень.	
667	Тибетцы покорили кочевых кянов.		
668	Погорение Когуре имперцами.		Арабы взяли Халкидои.
669	Подавление восстания в Когуре.		
670	Имперские войска разбиты тибетцами при Бухайи-голе.	Тибетцы и хотанцы разбили Кучу.	Разгром хазарами болгар.
671		Дучжи поставлеи во главе западных тюркютов.	Арабы усмирили Мерв, Балх и Герат.
672	Тибет предложил империи Тан мир. Предложеиие отвергнуто.		
673			Арабы начали осаду Константинополя.
674	Народное восстаиие в Когуре.		Набег арабов на Пайкенд.
675	Тибет предложил империи мир. Предложение отвергнуто.		Появление болгар Аспаруха на Дунае.
676	Тибетское иаступление на Китай.	Дучжи заключил союз с Тибетом и объявил себя ханом.	Набег арабов иа Самарканд и Хорезм.
677		Тибетцы и западные тюрки взяли Кучу.	
678	Тибетцы отняли Кучу у империи.		Мир Византии и халифата.
679	Умер Маиромаицаи. Вступил иа престол Дудсрои. Имперские войска разбиты у Кукунора.	Арест хана Дучжи имперцами. Восстание Ашина Нишубега.	Вторжение болгар во Фракию.
680	Завоевание тибетцами Юннаии.	Восстаиие Нишу-бега подавлено. Восстание Фуняня.	

Год	Дальний Восток	Срединиая Азня	Ближний Восток
681	В Тибете умерла Вэичэн.	Восстание Фуияия подавлеио. Набег Кутлуга на уйгуров.	Набег Салнма ибн-Зияда на Мавераннахр.
682		Восстанне Кибу-чура подавлено. Восстаиие Кутлуга удачно.	
683	Умер нмператор Гаоцзун.	Восстаине Кутлуга развнвается.	Набег хазар иа Арменню.
684	Государственный переворот: нзложенне н ссылка Чжунцзуна. Регентство императрнцы У.		Нашествне хазар на Закавказье.
685			Заключеине мнра между Византией н халифатом.
686		Разгром кнтайских войск в Сиьчжоу.	
687		Кутлуг разбит н отступил в Гобн, где нстребил преследующий его отряд.	
688	Раскрыт заговор прннцев кровн.	Тюркн разбнты тюргешамн. Тюркн покорили уйгуров.	Оккупация греками Закавказья.
689	Вторжение китайцев в Тибет и разгром их.		Восстание Абдаллаха ибн-Хазима против халифа Абд-аль-Мелика.
690	Императрица У приняла титул императора, упразднив династию Тан.		Абдаллах ибн-Хазим рассеял скопище тюрок в Хорасане.
691	Дансяны и мани передались Китаю.		Переход Абдаллаха ибн-Хазима в Мавераннахр. Восстановление власти халифа в Хорасане.
692	Тнбетцы разбнты имперцамн в Западиом крае.		Вторжеиие арабов в Дербент.
693	Тибетцы выгиаиы нмперцами из Западного края.	Кутлуг умер, вступил Мочур. Уйгуры, сыгйе н хунь откочевали в Хэсн.	

Год	Дальиий Восток	Средиииая Азия	Ближиий Восток
694	Прибыло посольство от курыкаиов в Китай. Восстаиие Ашииа Суйцзы и союз его с тибетцами. Имперские войска разбили тибетцев, тюргешей и западиых тюрок.	Набег Мочура иа Лиичжоу.	
695	Вторжеиие тибетцев в Гаиьсу.	Мочур предложил вступить в поддаиство империи.	Свержеиие с престола Юстиниана II.
696	Тибетцы взяли Лянчжоу. Переговоры Империи и Тибета.	Восстаиие кидаией и хи против Китая. Хи заключили союз с тюрками.	
697	Осиоваио государство Бохай.	Нападеиие Мочура иа Китай. Кидаии поддались тюркам и взяли Лючэн.	
698	Возвращеиие из ссылки Чжуицзуиа.	Вторжеиие Мочура в Китай и разгром имперских войск. Отход тюрок с добычей.	
699	Переворот в Тибете. Кидаии разбиты имперцами.	Назиачеиие Фугюя младшим хаиом. 70 тыс. западиых тюрок переселилась в Китай. Осиоваиие хаиства тюргешей.	Арабы иапали иа Кеш.
700	Имперцы разбили тибетцев.		
701		Набег Мочура иа Китай. Поход Кюльтегиия в Джуигарию, битва при Ыдук-баше.	
702	Учреждеиие воеииой области в Бэйтиие (Джуигария).	Набег Мочура иа Китай.	
703	Тибетский царь Дусрои умер в походе иа Непал. Возведеи его сыи Мэагцом — семи лет. Чжуицзуи вступил на престол.	Мочур предлагает брак своей дочери с Чжуицзуиом. Переговоры. Тюрки покорили басмалов (в Джуигарии).	

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
704	Ашина Хянь покорил для империи Семиречье. Шато покорились без боя. Подчинены западные тюрки и поддались карлуки, хуву и шуниши.		Взятие Термеза войсками халифа и гибель Абдаллаха ибн-Хазима. Назначение Кутейбы ибн-Муслима наместником Хорасана.
705	Переворот в Китае: смерть императрицы У. Восстановление Тан.		Кутейба взял Блх, но отступил из Чаганиана.
706	Прерваны переговоры с тюрками. Переворот в Чанъани неудачен.	Возобновлена война с Империей. При Минша разбит Кюль-тегином Шача Чжун (Чача-сенгун).	
707	Посольство из Тибета в Китай. Имперцы усмирили мани.	Тюрки покорили байырку.	Кутейба взял Рамитан, но был оттеснен согдийцами, ферганцами и тюргешами.
708	Построены три крепости к северу от Хуанхэ против тюрок.	Хан тюргешей Учжилэ умер. На престол вступил его сын Согэ.	Мухаммед ибн-Мерван взял Дербент. Кутейба отброшен от Бухары.
709			Кутейба взял Бухару. Ишхид Тархун свергнут за арабофильство, на престол возведен Гурек.
710	Заговор императрицы, отравление Чжунцзуна, казни сторонников Тан и избиение заговорщиков воинами. Восстание маней усмирено.	Тюрки разбили кыргызов и азов, разгромили тюргешей и согдийцев в Семиречье и подчинили могэ, табов и киданей.	Кутейба взял Шоуман, Несеф и Кеш. Кенгересы напали на тюргешей.
711	Мир и брачный договор Империи с Тибетом.	Восстание карлуков, азов и изгилей против тюрок.	Усмирение тюрками восставших тюргешей. Распри в Хорезме.

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
712	Отречеиие Жуйцзуна. Вступлеиие Сюаньцзуиа на престол.	Татабы разбили имперскую армию.	Кутейба подчииил Хорезм и взял Самарканд. Император назиачил правителем Самаркаида Мохэдо тутука.
713	Пришли посольства из Болюя и Кашмира.		Кутейба взял Ходжент и Фергану.
714	Закон против буддизма. Тюрки разбиты у Бишбалыка. Шато подчинились империи Тан. Вторжение тибетцев отбито.	Кидаии и татабы передались империи Тан. Мочур послал сына на службу в Китай. Восстание всех племен кагаиата!	Кутейба напал на Чач.
715	Отбиты иабеги тюрок на Бэйтин, а арабов и тибетцев на Фергану.	Усмирение восстания уйгуров и карлуков.	Мятеж и убийство Кутейбы.
716	Люцэн взят у киданей. Тюргеши, восстав против Империи, разбили китайцев и карлуков.	Усмерены байырку, но Мочур убит в засаде. Воцарился Бильге-хан. Культегии истребил семью Мочура. Разгромлены азы, изгили и уйгуры.	
717	Сулу предложил Империи мир. Арабы и тибетцы напали на Кашгар.		Осада арабами Константинополя.
718	Мир Тибета и Таи.	Кидаии восстали и разбили китайцев и хи. Компромисс.	Нашествие хазар иа Азербайджаи.
719	Присоединеи Карашар.	Сулу признаи хвном.	Вторжение арабов в Аквитаиию.
720	Победа тюрок иад имперцами. Радже Кашмира пожалован титул вана.	Коалиция басмалов, имперцев, кидаией и хи. Разгром басмалов.	
721		Мир с Китаем.	
722	Нападение тибетцев на Болюй. Возобновление войны с империей Таи.		Восстание против арабов в Согде разгромлеио. Гибель Диваштича.
723			

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
724	Имперцы вторглись в Тибет.		
725			Асад ибн-Абдаллах разбит горцами в Хутталяне. Нападение тюргешей на арабский отряд. Восстановление Балха.
726	Вторжение тибетцев в Ганьчжоу.	Тибетцы просили у тюрок союза против Китая. Бильге-хан отказал.	
727	Отступление тибетцев.	Уйгуры, поселенные в Ганьсу, восстали и пересекли путь в Западный край, потом ушли к тюркам.	Вторжение хазар в Азербайджан. Поход Масламы против хазар.
728	Поражение тибетцев в Лунъю.		Восстание в Согде против арабов поддержано тюргешами.
729	Взята имперцами тибетская крепость на Хуанхэ.		Арабы взяли Бухару.
730	Мир Китая и Тибета.	Кидани и хи передались тюркам.	Отражение арабами хазарского наступления на Азержайджан.
731	Тибетцы покорили Болюй.	Умер Кюль-тегин.	
732		Кидани разбиты, а татабы покорены имперцами.	Брак императора Константина с хазарской царевной.
733	Союз Китая и Кашмира против Тибета.	Кидани и тюрки разбили имперцев и татабов. Кидани разбиты китайцами.	Поход Мервана на Беленджер.
732		Отравлен Бильге-хан. На престол вступил Ижань-хан.	Восстание Хариса в Хорасане.
735			Отчаянная борьба согдийцев и тюргешей с арабами.
736		Кидани разбили китайцев.	Поход Мервана в Аланию Подчинение Мерваном лакцев.

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
737	Нападение имперцев на Тибет, а тюргешей на Кучу.	Кидани дважды разбиты китайцами.	Разгром Мерваном хазар на Волге. Поход Мервана в Серир.
738	Вторжение тибетцев в Хэси отбито. Вторжение имперцев а Тибет отбито.	Сулу убит. Желтые и черные тюргеши враждуют между собой. Имперцы поддерживают желтых.	Наср ибн-Сейяр подавил восстание а Самарканде, Чаче и Фарабе.
739	Вторжение тибетцев в Китай отбито.	Ижань-хан умер. Вступил Бильге-Кутлуг-хан.	
740	Ашина Синь назначен правителем десяти стрел, отправлен на запад и убит.	Ханом тюргешей стал «желтый» — тархан мукрийцев. Вскоре он был казнен имперцами.	
741	По его смерти назначен Думочжи, джабгу трех родов.	Распри в тюркском каганате. Началась гражданская война. Убиты Бильге-Кутлуг и Сюань-хан.	
742	Реорганизация пограничных войск. Уйгуры поддались империи Тан.	Восстание «черных» тюргешей. Иль Итмиш Бильге-хан. Восстали уйгуры, карлуки и басмалы. Выбран ханом Озмыш, который бежал.	
743	Вторжение имперцев в Тибет. Переменный успех.	Басмалы убили Озмыш-хана. Вступил Баймэй-хан.	Мерван покидает Закавказье.
744	Поражение тибетцев.	Китайский корпус разбил тюрок. Уйгуры и карлуки разбили басмалов.	
745	Кидани покорились Империи, восстали, были усмирены.	Баймэй убит уйгурами. Гибель тюркского каганата. Основание уйгурского каганата.	
746		Карлуки и тюргеши разбиты уйгурами.	

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
747	Имперцы покорили Болюй.	Пэйло умер, вступил иа престол Моячур. Часть карлуков подчиниилась уйгурам.	Восстаиие Абу-Муслима.
748	Имперцы овладели Кукунором, Суябом и Чачем.		
749	Имперцы взяли Тибетскую крепость.		
750	Тибетцы отбили имперцев от Кукунора, потом поддержали восстание маней в Юинани.		
751	Кидани разбили имперцев.	Покорены токуз-татары.	Зияд иби-Салих разбил Гао Сяньчжи при Таласе при поддержке карлуков.
752		Борьба с чиками, кыргызами, карлуками, басмалами.	Бухар-худат и шах Усрушаны просили помощи против арабов. Император отказал.
753	Подавлено восстание маией.		У тюргешей «черный» хан Ильмиш Кутлуг.
754	Мэагцом умер, иа престол вступил Тисрон децан.	Кидани добровольио подчиниились уйгурам.	
755	Восстание Ань Лушаия. Отречение Сюань-цзуиа. Тибетцы заняли восточную Ганьсу, часть Сычуани и Синин.	Покорены карлуки и басмалы.	Восстание Сумбада за кровь Абу-Муслима.
756	Вступил на престол Суцзун. Принята помощь от уйгуров, тибетцев и арабов.	Уйгуры предложили империи Тан союз против Ань Лушаня. Раскол тюргешского ханства на «желтое» и «чериое». Борьба между ними.	

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
757	Мятежннки разбиты на р. Фын. Ань Лушань убит, на престол возведен его слабоумный сын.		
758	Тибетцы захватили южную Шэньси. Арабские пираты сожгли Кантон.	Уйгуры покорили кыргызов. Победа «черных» тюргешей.	
759	Победа мятежников под Йечэном. Их вождь Ши Сымин взял власть.	Моянчур умер, ему наследовал Идигянь. Усиление карлуков, их наступление на юг.	
760	Тибетцы взяли Шаньчжоу, в Ганьсу.		
761	Ши Сымин убит, власть принял его сын Ши Чао-и.		
762	Мятежники разбиты и потеряли Лоян. Дайцзун вступил на престол.	Участие уйгуров в подавлении мятежа Ши Чао-и.	Вторжение хазар в Закавказье.
763	Тибетцы заняли Хэсн и Лунъю н взялн Чанъань. Мятеж подавлен.		
764	Китайцы выбили тибетцев из Цзяньнани. Мятеж Хуайэня.		Хазары взяли Тбилиси.
765	Мятеж Хуай-эня утнх. Лянчжоу уступлено Тибету.	Конфликт с Тибетом и пораженне тибетцев.	
766		Карлуки завоевали Семиречье.	
767	Вторженне тибетцев в Линчжоу отбнто.		
768	Вторжение тибетцев в Ганьсу. Тибетцы разбиты в Сычуанн.		
769			
770			
771			

Год	Дальиий Восток	Средииная Азия	Ближиий Восток
772		Карлуки разбиты арабами в Фергаие.	Войиа греков с болгарами. Объедииеиие Хазарии с Алаиией.
773	Вторжеиие тибетцев в Гаиьсу отбито.		
774	Переговоры Китая и Тибета.		
775	Вторжеиие тибетцев в Сычуаиь.		
776	Тибетцы взяли Цзиньяи. Китайцы разбили маией и вступили в союз с Наиьчжао.		Восстание Мукаииы в Согдиаие.
777	Тибетцы отражеиы по всему фроиту.	Карлуки, Уйгурия, Тибет, Китай, Согд, Ферганa, Усрушаиа и Чач призиали халифат.	
778	Дэцзуи вступил иа престол. Вторжеиие тибетцев в Гаиьсу. Наиьчжао опять переходит иа стороиу тибетцев.	Коифликт уйгуров с Китаем: иабег и отход с добычей.	
779	Разбиты войска Наиьчжао и Тибета иа юге.		
780	Введеи едииый иалог с имущества. Тибетцы взяли Дуиьхуаи. Уйгурские купцы, жившие в Китае, казиеиы.	Дуиьмага убил хана и 2 тыс. старейшии и объявил хаиом себя.	
781	Мир Китая с Тибетом заключеи.		
782	Мятеж в Хэбэе.		
783		Мириый договор Уйгурии с Китаем.	
784	Тибетцы помогают усмирить восстаиие в Китае.		Восстаиие Мыкаииы подавлеио.
785			

Год	Дальний Восток	Срединиая Азия	Ближиий Восток
786	Войиа Китая с Тибетом. Вторжеиие тибетцев в Гаиьсу.		
787	Вторжеиие тибетцеа в Шэиьси.		
788	Вторжеиие тибетцев в Сычуаиь. Колебаиие политики Наиьчжао.	Татабы и татары иапали иа Китай.	
789	Тибетцы отбиты а Сычуаие, ио разбили уйгуров под Бэйтииом.	Дуиьмага умер; поставлеи хаиом его сыи Паигуаиь.	
790	Шато подчиниились Тибету. Тибетцы взяли Бэйтии и Кучу (Аиьси).		
791	Тибетцы азяли Хотаи.	Уйгуры разбили тибетцеа в Гаиьсу.	
792	Тибетцы еще раз разгромили Гаиьсу.	Карлуки разбиты арабами в Фергайе.	
793	Переход Наиьчжао иа стороиу Китая и поражеиие тибетцев иа юге.		
794	Тибетцы разбили уйгуров.	Хаи отравлеи, его брат убит, иа престол возведеи малолетиий сыи — Ачжо.	
795	Татабы и татары разбиты китайцами.	Уйгуры разбили тибетцев. Хан Ачжо умер, на престол возведен вельможа Кутлуг на условии ограничения власти. Он подавил восстание кыргызов; захватил Бишбалык у тибетцев и карлуков, выбил тибетцев из Кучи, подавил сопротивление китайцев в Куче.	
796	Вторжение тибетцев в Китай.		

Год	Дальннй Восток	Срединная Азня	Ближний Восток
797	Тисрондецан умер, вступнл на престол его сын Муни Дзенбо.		
798	Набег тибетцев на Яньчжоу отбнт. Муни Дзенбо умер, вступил Мутуг Дзенбо.	Победил западных карлуков — ташили.	
799		Вторгся в Фергану и выгнал тибетцев из северной частн Си-юя.	
800	Тибетцы разбиты в Ленчжоу.		Коронацня Карла Великого.
801	Вторжение тибетцев в Янь н Линчжоу. Вторжение кнтайцев в Сычуань.		
802	Переговоры Китая и Тибета.		
803			
804	Мутуг Дзенбо умер, на престол вступил его брат Тндэсрон-цан.		Разгром и уничтожение аварского каганата совместнымн усилиями франков и болгар.
805	Шинцзун умер, вступнл Сяньцзун. Переговоры Китая с Тибетом.	Кутлуг-хан умер, нзбран Кюлюг-Бнльге-хан. Уйгуры взяли Ляньчжоу.	
806	Приехали в Чаньань манихеи от уйгуров.	Татабы в союзе с татарами и уйгурами напали на Китай.	Восстание Рафи ибн-Ляйса в Самарканде против халифа; поддержано тибетцами.
807			Война болгар с Византией.
808	Шато восстали против тибетцев н пробились в Китай.	Кюлюг-Бильге-хан умер. Бо-н-хан.	
809	Переговоры Китая и Тибета о мнре.		
810	Мятеж Ван Чен-цзуна подавлен. Открыт меновый торг с тибетцами.		Восстанне Рафн ибн-Ляйса подавлено.
811			

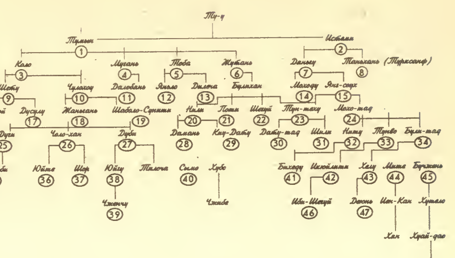
Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
812	Обострение отношений Тибета с халифатом.	Карлуки выступают против врабов.	
813	Построен мост через Хуанхэ тибетцамн.	Набег уйгуров на Ивовую долину в Ганьсу.	Болгары взяли Адрнанополь.
814	Усмнрение мятежа Юаньцзи шатосскими войсками.		
815			
816	«Безымянный» Тидэсронцангамбо умер; на престол вступил Ральпачан.		Болгарско-византийский мирный договор.
817	Манихейские проповедники высланы в Уйгурию. Вторжение тибетцев в Линьчжоу отбито.		
818	Вторжение тибетцев в Сячжоу.	Против Уйгурии восстали кыргызы; разбиты.	
819	Тибетцы осадили Янчжоу, но отбиты.		
820	Вторженне тибетцев в Китай.	Мнр н брачное родство с Кнтаем.	
821	Муцзун вступил на престол. Восстание в Хэбэе. Вторженне тибетцев отбито.	Бао-и-хви умер; Чии-дэ стал ханом. Вторженне тибетцев в Уйгурню.	Тахир назначен эмнром Хорвсана.
822	Мир Китая с Тнбетом.		Тахнрнды отделили Хорасан н Мавераннахр от халифата.
823			
824	Гаоцзун вступил на престол.	Чии-дэ умер; на престол вступил его брат Чжаолн-хан.	
825			
826			
827			Война болгар против франков.
828			
829			

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
830	Китайцы разбили татабов.		
831			
832		Чжаоли-хан убит заговорщиками. Возведен его племянник Ху дэле.	Мир болгар с франками.
833			
834			
835	Татабы подчинились Китаю.		
836			
837			
838			
839	Ральпачан задушен, вступил на престол Лангдарма.	Восстание: Кюлюгбег, опираясь на шатосцев убил хана.	
840		Старейшина Гюйлу Мохэ с кыргызской помощью взял Каракорум и казнил Кюлюг-бега. Пан дэлэ с 15 аймаками ушел на запад, кое-кто бежал в Тибет, остальные поставили ханом Уге, который ограбил китайскую границу, чтобы прокормить своих беглецов.	
841	Уцзун вступил на престол. Кыргызский посол прибыл в Китай.		
842	Лангдарма убит.	Уге-хан разбит китайцами. Кидани восстали против уйгуров.	
843	Началась междоусобная война в Тибете: Биби и Куйжо.		Верденская клятва.
844			

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
845	Секуляризация буддийскнх монастырей.		
846	Уцзун умер; на престол вступил Сюаньцзун. Сожжены манихейские книги и изображения.	Уге-хан убит. Стал ханом Энянь дэлэ.	
847	Восстание татабов подавлено китайцами.	Энянь дэлэ пропал без вести, его уйгуры рассеялись. Пан дэлэ основал новое ханство в Дуньхуане. Киргизский Ажо умер.	
848			
849			
850			
851	Цзиньяң отнят от тибетцев. Тибетский наместник Хэси передался Китаю.		
852	Построена крепость против тибетцев.		
853			
854			
855			
856			
857			
858			
859			
860			
861	Китайцы отняли от тибетцев Ляньчжоу.	Уйгурский Бугу Цзунь разбил тибетского узурпатора Кунжо. Старейшина Бугу Цзунь отнял от тибетцев Турфан, Бэйтнн, Карашар и Бугур и основал Уйгурское идыкутство. Карлуки овладели Кашгаром.	

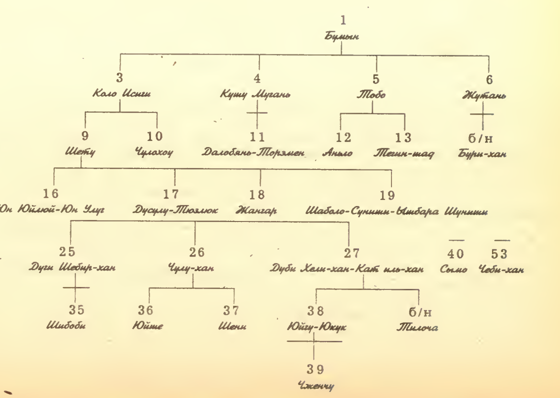
* Синхронистическая таблица содержит полный свод событий, происходивших в Срединной Азии с 546 по 861 г. (столбец 3.) Для увязки с процессами всемирной истории приведены события, имевшие место на Дальнем Востоке (столбец 2) и на Ближнем Востоке (столбец 4). К последнему разделу добавлены наиболее важные даты истории Европы, играющие роль хронологической привязки как мнемонического условия.

ДИНАСТИЯ АШИНА

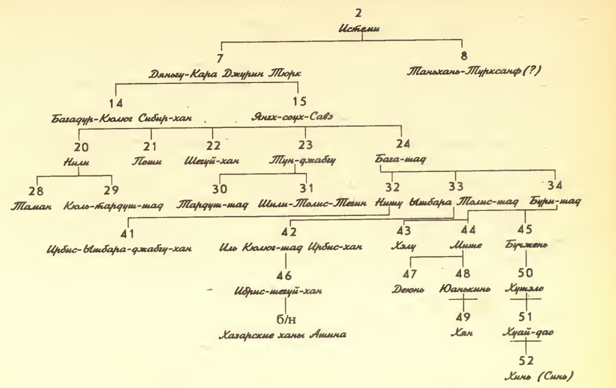


Наследование престола
Восточных ханов
Западных ханов

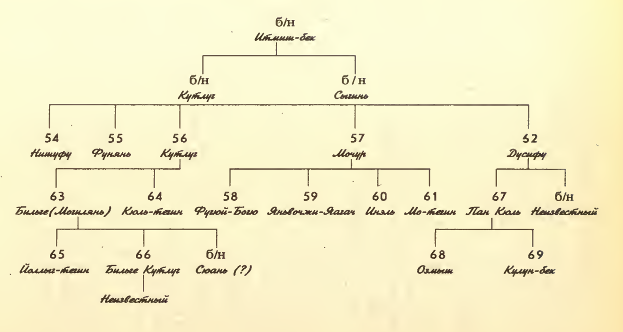
ХАНЫ ВОСТОЧНОГО КАГАНАТА (550-640 гг.)



ХАНЫ ЗАПАДНОГО КАГАНАТА (550-660 гг.)



ХАНЫ ВТОРОГО КАГАНАТА



ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА*

№ п/п	Китайское чтение	Греческое, арабское, персидское, армянское, согдийское чтение	Тюркское чтение	Перевод и комментарий
1	2	3	4	5
1	Тумын	—	Бумын (ор.)	Титул принят после победы над жужанями в 552 г. До этого назывался ябгу.
	Или-кэхань	—	Иль-хан	
2	Шидяньми//Шэдими или Сэдими	Сильзивул//Дизавул (гр.)	Истеми (ор.) багадур-джабгу	Ср. угорское «Истэн» — дух-предок.
	Мохеду шеху	Синджибу (ар.) Хакан-и-чин (перс.)	—	Богатырь-зам. хана (двусложный титул).
	Шисин було-кэхань	Стемби-хаган (гр.)		Хан десяти племен (китайское нарицательное обозначение).
3	Коло Исиги-кэхань	Аскель (гр.)	Кара Иссык-хан	«Черный горячий хан».
4	Мугань (Муюй)-кэхань	—	—	?; Муюй — неверное чтение.
	Сыгинь//кигинь	—	—	«Племянник, внук» — титул.
	Цзушу//кушу	—	Кушу	«Птица» — имя.
	Яньду	—	Янды	«Победитель» — прозвище.
5	Тобо-кэхэнь		Тапу-хан(?)	«Патра» (буддийская чашка для сбора подаяния) — прозвище.
		Арсила	Арслан	«Лев» — имя.
6	Жутань	—	Йохдан(?)	«Усопший, погибший».
	Були-кэхань	Бо-хан (гр.)	Бури-хан	«Волк». (Возможно, что это отец и сын).

1	2	3	4	5
7	Дяньгу//Дяньгю	Кара Джурин Тюрк (перс.)	Кара Чурин Тюрк	«Увечный, прокаженный тюрк».
	Дату-кэхань	Тарду (гр.)	Тардуш-хан	«Хан западного крыла державы».
	Бугя-кэхань	Биягу (перс.)	Боке-хан	«Герой, могучий».
	Симянь-кэхань	—	—	«Хан западной окраины».
8	Таньхань-кэхань	Турксанф (гр.)	Тамган-хан(?)	Отождествление сделано на основе косвенных данных, а восстановление имени гипотетично.
9	Шету//Нйету и Дитоу//Етоу	—	—	—
	Эрфу-хан//шад	—	Эр-бег-шад	«Мужественный».
	Или-гюйлу ше	—	Иль-кюлюг шад	«Державы славный князь
	Мохэ Шаболо-кэхань	—	Бага Ышбара-хан	божественный могучий хан».
		—	—	«Грабитель» — кличка.
10	Чулохоу	—	Чулу//Чоллиг	«Каменная пустыня».
	Шеху-кэхань	—	джабгу-хан	Хэу//хоу китайский княжеский титул второго ранга.
	Мохэ-кэхань	—	Бага-хан	Тюркский эквивалент неизвестен.
11	Далобянь	Турум (гр.)	Торэмен	«Я в законе» — отражение его претензий.
	Або-кэхань	Абруй (перс.)	Апа-хан	«Старейший хан», но не старший//главный.
12	Яньло//Аньло	—	Амрак	«Спокойный, смирный».
	Диэр-кэхань	—	—	«Второстепенный».
13	Дилеча//Дигиниша	—	Тегин-шад	Титул.
14	Моходу-хэу	—	—	Багадур-князь.
	—	Органа (гр.)?	Ураган или Ураг?	«Буря» или «старейший родственник по женской линии» — гипотетично.

1	2	3	4	5
	Кюйлн Сыбн-кэхань	—	Кюлюг Снбнр-хан	«Славный снбнрский хан».
15	Янсо-дэлэ//тегнн	Соух//Сойа//Савэ (перс.)	Янг-Соух-тегин	«Новый//большой мороз».
		Шаба (ар.)	Дулу-хан	
	Дулу-кэхань	—		
		Шнрн-кншвар	Иль-Арслан	«Лев народа» — гнпотеза С. П. Толстова.
16	Юн Юйлуй	Хан, который не был родственником Хормизда.	Юн улуг	«Поднятая (вверх) судьба//доля прозвище. (Возвышенный удел).
	Дулань-хан			
17	Дусилу//Дусулу	—	Тюзлюк	«Соглашатель» — кличка; личное имя неизвестно.
18	Жаньгань	—	Жангар	«Победитель» — почетное нмя.
	Тулн-кэхань	—	Толнс-хан	Хан восточного крыла.
	Кнмннь-кэхань	—	—	—
	Кижннь-кэхань	—	—	—
	Илн Мидоу...	—	Иль бнрды...	«Державу отдал...»
19	Шаболо Сунишн-ше	—	Ышбара Сунншн-шад	«Могучнй князь [племенн] шунишн».
20	Нили-кэхань	Йаль-тегин (ар.)	Иль-тегин	«Наследник престола».
	—	Пармуда (перс.)	Буюрук	«Поручик» — чин. Офицерский чин он имел в войске своего отца, а «наследником» назывался потому, что престол принадлежал его деду и после гибели его отца.
21	Поши-дэле	—	Басыл-тегин	«Принц-жертва».
22	Шегуй-кэхань	—	Шегуй-хан	Слово сяньбийское и переводу не поддается.
23	Тун-шеху-кэхань	«Царь севера» (арм.)	Тонг-джабгу-хан	«Велнкнй джабгу» — тнтул.

1	2	3	4	5
	Ба си юй	—	—	Гегемон Западиого края.
24	Мохэ-ше	—	Бага-шад	«Божественный князь».
	—	Зигевил	Эльтебер	«Наместник».
25	Шиби-кэхань	—	Шибир-хан	«Хан Сибири» (с переходом согласной).
	Дуги//Токи-ше	—	Тюрк-шад(?)	Тюркский князь в своем улусе.
26	Чуло-кэхань	—	Чулу//Чоллиг-хан	Титул (см. № 10).
	Чжиги-ше	—	Джигит-шад	«Молодец-князь» — прозвище.
	Сылифо-ше	—	Силиг-бег-шад	«Красивый бег-князь» — титул.
27	Хели//Сели-кэхань	—	Кат Иль-хан	Жестокий хан державы.
	Дуби	—	Тугбир(?)	Давший знамя?
	Мохэду-ше	—	Багадур-шад	Богатырь-князь.
28	Дамань	—	Таман//Тамган(?)	?
	Нигю-Чуло-хан	—		?
	Гэсана	—	Арслан(?)	Лев.
29	Киу Дату-ше	—	Кюль Тардуш-шад	Титул (см. № 7).
	Ту-у Гоба кюе-кэхань	—	—	
30	Дату-ше	—	Тардуш-шад	Титул (см. № 7).
31	Шили-дэле//Тели-дэле	—	Толис-тегин	«Принц восточного крыла».
	Иби Болочжуй//[ше]	—	Ирбис Ышбара	«Барс могучий».
	Болосы (верно) шеху-кэхань	—	Сы-джабгу-хан	«Насилием//вероломством [достигший титула] джабгу-хан».
	Сы-шеху-кэхань	—	Сы-джабгу-хан	
32	Дулу-кэхань	—	Дулу-хан	Ханский титул (сокращенный).
	Нишу	—	—	Княжеский титул.
	Гяна-ше	Къаиа (перс.)	—	«Великий герой, изящный Дулу-хан» — ханский титул (полный).

1	2	3	4	5
	Туналэу балибн//сылибн Дулу-хан	—	Тонг алып силнгбнр(?)	
33	Тунво//Тонга-ше	—	Тонг-шад	«Велнкнй князь» — титул.
	Шаболо Хилиши//Телиш н-кэхань	—	Ышбара Толис-шад-хан	Тнтул.
34	Булн-ше	—	Бурн-шад	«Волк».
	И-булн-ше	Шад (арм.)	Иль Бури-шад	«Волк державы».
	Шегуй-тэгин	—	Шегуй-тегин	
	Кюе	—	Кюль (ор.)	
35	Шибобн	—	—	?
	Нибу-шад	—	—	?
	Тулн-кэхань	—	Толис-хан	«Хан восточного кры-ла».
36	Юйше-ше	—	—	?
37	Шэни//Шор	—	Шоно (монг.)	«Волк».
38	Юйгу-ше	—	Юкук-шад	«Сова».
	Ибн Дулу-кэ-хань	—	Ирбнс Дулу-хан	«Снежный барс».
39	Чженчу шеху	—	Дженчу	«Жемчуг».
	Инань	—	Ынан	Тнтул; букв. «Вар-вар-муж» (кнт.) н «Доверенное лицо» (тюрк.).
	Сыби-дату-шад	—	Снбнр-тардуш-ш ад	Титул, не отражавший действительностн. На самом деле он был джабгу Тохаристана.
40	Имн Нншу Сылибн	—	? ? алып	? ? герой.
	Ли сымо шуай	—	—	Пожалованная китай-ская фамилия, полково-дец.
41	Бнхэду (невер-но); (надо) [Нушн] бн [мо]хэду шеху	—	? Багадур-джабгу	«Нушибнйскнй бо-гатырь» — прозвнще.
	Иби Шаболо шеху-кэхань	—	Ирбнс Ышбара джабгу-хан	Титул (см. № 31).

1	2	3	4	5
42	Икюйлишн	—	Илькюлюг-шад	«Державы славный князь» — титул.
	Иби-кэхань	—	Ирбнс-хан	
	Мохэду Ибн-кэхань	—	Багадур, Ирбисхан	—
43	Хэлу	—	Халлыг(?)	«Поднявшийся»(?) — кличка, имя неизвестно.
	Шаболо-шеху		Ышбара-джабгу	
	Шаболо-кэхань	Бижан (перс.) (возможно, необоснованное наименование, так как источник X в.).	Ышбара-хан	Титул «Могучий хан».
44	Мише	—	?...мыш	Уцелел только суффикс.
	Килиби//Сылиби	—	алып	Герой (титул).
	Дулу-кэхань	—		«Восстановившнй утраченное величие хан» (кит. прозвище).
	Хинсиван-кэхань	—	—	
45	Бучжень	—	—	«Стремящийся к правде, доносчик» (кнт.).
	Дулу-шеху	—	Дулу-джабгу	Титул.
	Гивангюе-кэхань	—	—	Кит. прозвнще.
46	Иби Шегуй-кэхань	—	Ирбнс Шегуй-хан	—
47	Деюнь//Хнюнь	—	Тьеин	«Верблюжонок» ласкательное нмя.
	Мохэду-шеху	—	Багадур-джабгу	Титул.
48	Юанькнн	—	—	«Восстановивший утраченное величие».
49	Хянь	—	—	?
50	Хушэло	—	Кушрак	«Птичка».
	Були-ше	—	Бури-шад	«Волк-князь».
51	Хуай-дао	—	—	?

1	2	3	4	5
52	Хннь (Сннь)	—	—	?
53	Хубо Ичжу Чебн-хан		Ильчур Кюбэ-хан	Алтайская ветвь
54	Нишуфу	—	Нншу-бег	—
55	Фунянь	—	—	?
56	Гудулу	—	Кутлуг Эльтерес-хан	«Счастливец».
57	Мочжо	Мочур	Капаган-хан	«Хищный хан».
58	Фугюй Кюси-хаи	—	Богю	— Правильно: «Тоси» — прозвище — «Властнтель Запада» (кит.).
59	Яньвочжи	—	Ягычи	«Воевода».
60	Инне-хан	—	Инэль-хан	—
61	Мо-тегин	—	Бек-тегин	—
62	Дуснфу	—	Тюзель-бек	«Бек, улаживающнй коифликты; посредник».
63	Могилянь Бигя-хан Могюй	—	Бильге-хан Богю	«Мудрый хан; герой».
64	Кюе дэле (Гюй дэле)	Кур-тегин (ар.)	Кюль-тегин	—
65	Ижань-хан	—	Йоллыг-тегин	—
66	Бигя (Бугя) Гудулу-хаи	—	Бильге Кутлук-хаи	«Мудрый, счастливый хан».
67	Панькюэ-дэле	—	Пан Кюль-тегин	—
68	Усу-миши	—	Озмыш-тегин Озмыш-хан	—
69	Баймэй-хан Хулунфу	—	Кулун-бек	«Белобровый» «Жеребенок-бек».

* Ономастическая таблица помогает кодифицировать разночтення имен ханов первого каганата н наглядно показать результаты работы по восстановлению звучаний тюркских имен, известных из иноязычных источников.

Аргументация содержится в тексте книги и подстрочных примечаниях. М. Ф. Хвану принадлежит синологическая часть работы, выполненной нами совместно; за оказанную помощь приношу ему благодарность.

Сокращения: ар. — арабское; арм. — армянское; гр. — греческое; ор. — орхонские тексты; перс. — персидское; кит. — китайское; (?) — сомнительное отождествление, подлежащее дальнейшей проверке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИВАН — Институт востоковедения Академии наук
ИНА — Институт народов Азии
ИРГО — Императорское русское географическое общество
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СВ — Советское востоковедение
СЭ — Советская этнография
ЮТАКЭ — Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция
ATIM — Altturkische Inschriften in der Mongolei
JA — Journal Asiatique
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. М. Древние китайцы на страже своих границ // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1945. Т. IV. Вып. 5.

Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910-1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Восточной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. 1924. Т. IV (б.м.). № 2.

Антология китайской поэзии. М., 1957. Т. 2.

Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник Музея антропологии и этнографии при Академии наук. СПб., 1914. Т. II,2.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. X. Т. IV. 1896 (отдельный оттиск).

Артамонов М. И. Древний Дербент // СА. VIII. 1946.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.

Балдаев С. П. Культ археологических находок у бурят // Доклады I/III в отделе Сибири МАЭ. 1949.

Балями. Тарихи Табари. Готская рукопись (на перс. яз.)

Банзаров Д. Черная вера. СПб., 1891.

Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.

Бартольд В. В. Кыргызы. Фрунзе, 1943.

Бартольд В. В. Новые исследования об архонских памятниках // ЖМНП. 1889. Вып. 9-10.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. СПб, 1897.

Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // ЗВОРАО. Т. 8. 1893.

Бартольд В. В. Томсеи и история Средней Азии. Пг., 1926.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900.

Баскаков Н. А. Алтайский язык. М., 1958.

Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960.

Беленицкий А.М. Историческая топография Герата VI века. Алишер Навои. Сборник статей. М.-Л., 1946.

Бердзенешвили Н., Джавахишвили И. и Джанашиа А. История Грузии. Тбилиси, 1946.

Березин И. Н. История Абуль-Гази. Казань, 1854. Ч. 1.

Бернштам А. Н. Археологический очерк Севериой Киргизии. Фрунзе, 1941.

Бернштам А. Н. К вопросу о возникновении классов и государства у тюрок VI-VIII вв. н.э. // Сборник статей к 50-летию книги Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства". М. – Л., 1936.

Бернштам А. Н. Родовая структура ту-гю VIII в. (к исследованию памятника Кюль-Тегина). // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 103.

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок в VI-VIII вв. Л., 1946.

Богословский В. А. Очерк истории тибетского народа. М., 1962.

Бо Цзю-и. Стихи. Пер. Л.Эйдлина. М., 1953.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Записки о Монголии. СПб., 1828. Ч. III.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950-1953. Т. I-III.

Бичурии Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Срединной и Восточной Азии. Чебоксары, 1960.

Васильев В. П. Буддизм. I. СПб., 1859-1869.

Васильев В. П. Китайские иадписи в орхоиских памятниках в Кошоцайдаме и Карабалгасуне // Сборник трудов Орхонской Экспедиции. СПб., 1897. Т. III.

Викторова Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке // Ученые записки ЛГУ. 1958. № 256.

Гаврилова А. А. Кудырге. Автореферат кандидатской диссертации. М.-Л., 1951.

Гафуров Б. Г. Таърихи мухтасари халки тацик. [Душанбе], 1947.

Гелиодор. Эфиопика. Пер. Егунова. М.-Л., 1932.

Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. СПб, 1884.

Грач А. Д. Древне-тюркские изваяния Тувы. М., 1961.

Граф А., Кучняк П. Алтайские сказки. М., 1939.

Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873.

Грумм-Гржимайло А. Г. Дела и дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло. М., 1947.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. II.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Материалы по этнологии Амдо и области Кукунора. СПб., 1903.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. СПб., 1896. Т. I.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Известия Государственного георафического общества. 1933. Т. 65. Вып. 5.

Гумилев Л. Н. Алтайская ветвь тюрок-тугю // СА. 1959. № 1.

Гумилев Л. Н. Бахрам Чубин // Проблемы востоковедения. 1960. № 3.

Гумилев Л. Н. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности // ВВ. 1961. Т. XX.

Гумилев Л. Н. Великая распря в Первом тюркском каганате в свете византийских источников // ВВ. 1961. Т. XX.

Гумилев Л. Н. Величие и падение древнего Тибета // Страны и народы Востока: Сб., посвященный памяти акад. В. В. Струве.

Гумилев Л. Н. Война 589 г. и Гератская битва // Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. 1960. № 2 (23).

Гумилев Л. Н. Динлинская проблема // Известия ВГО. 1959. Т. 91. № 1.

Гумилев Л. Н. Китайская хроиологическая термииология в трудах Н. Я. Бичуриил иа фоие всемириой истории // Н. Я. Бичурии. Собраиие сведеиий по исторической географии Восточиой и Средииной Азии. Чебоксары, 1960.

Гумилев Л. Н. Легенда и действительиость в древней истории Тибета // Вестиик истории мировой культуры. 1960. № 3.

Гумилев Л. Н. Орды и племеиа у древних тюрок и уйгуров // Материалы по этнографии ВГО. Л., 1961. № 1.

Гумилев Л. Н. Подвиг Бахрама Чубииа. Л., 1962.

Гумилев Л. Н., Маршак Б. И., Хваи М. Ф. Спор о древиих тюрках // Доклады по этнографии ВГО. Л., 1965. № 1 (4).

Гумилев Л. Н. Статуэтки воииов из Туюк-мазара // Сборник Музея Антропологии и этиографии. Л., 1949. Т. 12.

Гумилев Л. Н. Три исчезиувших народа // Страны и народы Востока. М., 1961. Т. 11.

Гумилев Л. Н. Удельио-лествичная система у тюрок в VI-VIII веках (к вопросу о ранних формах государствеииости) // СЭ. 1959. № 3.

Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960.

Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV веке // ВДИ. 1959. № 1.

Дамдиисурэи Ц. Исторические корни Гэсэриады. М., 1957.

Данте Алигьери. Ад. Песнь X. Стихи 89–90.

Дестуиис С. Византийские историки. СПб., 1960.

Джавахишвили И. А. История грузииского народа. Тбилиси, 1951. Т. 1.

Диль Ш. Юстиниаи и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908.

Ду Фу. Стихи. Пер. А. Гитовича. М., 1955.

Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Севериого Алтая // Труды Государственного исторического музея. М., 1945. Т. XVI.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаа-тас у села Копены // Труды Государственного исторического музея. М., 1940. Т. XI.

Жирмуиский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960.

Иностраицев К. А. Сасаиидские этюды. СПб., 1909

Иностранцев К. А. Хуииу и гунны. Л., 1926.

Иакинф. Землеописаиие Китайской империи. Рукопись. Государственный архив Татарской АССР. Ф. 10. Д. 830.

Иакинф Бичурии. История Тибета и Хухунора. СПб., 1833. Т. 1.

Иакинф Бичурин. История Китая. Рукопись. ЛОИНА. Ф. 7.

История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. Пер. с армянского К. Патканова. СПб., 1861.

Кабанов С. Н. К вопросу о столице кидаритов // ВДИ. 1953. № 2.

Кармышева Б. Х. Этнографическая группа «тюрки» в составе узбеков // СЭ. 1960. № 1.

Катанов Н. Ф. Восточная хронология // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института. Казань, 1920. Т. 1.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Клюкин И. Н. Новые данные о племени толисов и тардушей // Вестник Дальневосточного отделения Академии наук СССР. 1932. № 1-2.

Кляшторный С. Г. К исторической оценке Уланкомской надписи // Этнография Востока. 1961. XIV.

Кляшторный С. Г. Согдийцы в Семиречье // СЭ. 1959. № 1.

Книга Марко Поло. М., 1955.

Козин С. А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941.

Козлов П. К. Монголия и Амдо. М.-Пг., 1923.

Козьмин Н. Н. Классовое лицо атысы Йоллыг-Тегина, автора орхонских памятников // С. Ф. Ольденбургу. Сб. Л., 1934.

Кононов А. Н. Опыт анализа термина «Турк» // СЭ. 1947. № 1.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.-Л., 1958.

Конрад Н. И. Начало китайского гуманизма // СВ. 1957. № 3.

Константин Багрянородный. «Офемах» и «О народах». М., 1899.

Корш Ф. Е. Древнейший народный стих турецких племен. СПб., 1909.

Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1915. Т. III.

Корейская классическая поэзия. М., 1956.

Крачковский И. Ю. Арабская поэзия // Избранные сочинения. М.-Л., 1956. Т. II.

Кузнецов Б. И. Тибетская летопись «Светлое зерцало царских родословных». Л., 1961.

Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3.

Кызласов Л. Р. Тува в период тюркского каганата (V–VIII вв.) // Вестник Московского университета. 1960. № 1.

Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Лессар П. М. Пути из Асхабада в Герат в 1882 г. // Сборник георафических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. VI.

Лившиц В. А. Два согдийских документа с горы Муг // ВДИ. 1960. № 2.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952.

Малов С. Е. Памятники древне-тюркской письменности. М.-Л., 1951.

Малов С. Е. Памятники древне-тюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.

Малов С. В. Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая // СЭ. 1947. № 1.

Малчи-Мерген. Алтайский героический эпос. Ойротское обл. нац. изд., 1947.

Манандян Я. А. Маршруты персидских походов Ираклия // ВВ. 1950. Т. III.

Маргулан А. Х. Казахская юрта и ее убранство // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

Массон М. Е. Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряда Bombix mori // Белек. Сб. в честь С.Е.Малова. Фрунзе, 1946.

Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина. СПб., 1899.

Менандр // Византийские историки. Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860.

Месхиа Ш. А., Гвртишвили Д. В., Думбадзе М. К., Сургуладзе А. Н. История Тбилиси. Тбилиси, 1958. (на груз. яз.).

М. К. Археологические экспедиции 1959 г. // Вестник Московского университета. 1960. Сер. IX. № 3.

Молнар Э. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. Будапешт, 1955.

Наршахи. История Бухары. Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897.

Окладников А. П. История Якутской АССР. Якутия до присоединения к русскому государству. М.-Л., 1955

Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.-Л., 1955. Т. III.

Палладий Кафаров. Примечания к Юан-чао-ми-ши // Труды чинов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1872. Т. IV.

Патканов К. Ванские надписи // ЖМНП. Ч. 230. Отд. 2.

Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком // ВВ. 1947. Т. I (XXVI).

Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI-VIII вв. М.-Л., 1946.

Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М.-Л., 1951.

Пигулевская Н. В. К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье // СВ. 1955. № 6.

Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР // Труды ИВАН СССР. 1941. Т. IV.

Плано Карпини. История монголов. Пер. А.И.Малеина. СПб., 1911.

Позднеев Д. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899.

Покотилов Д. История восточных монголов в период династии Мин. СПб., 1893.

Попов А. А. Нганасаны. Л., 1948.

Попов А. А. Тавгийцы. М.-Л., 1936.

Попов И. Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения. Казань, 1898.

Потапов Л. П. Героический эпос алтайцев // СЭ. 1949. № 1.

Потапов Л. П. Культ гор на Алтае // СЭ. 1946. № 2.

Потапов Л. П. Ранние формы феодальных отношений у кочевников // Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, истории и литературы. Абакан, 1952. Вып. I.

Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. Пер. С. Дестуниса. СПб., 1876. Ч. I.

Птицын Г. В. К вопросу о географии «Шах-Намэ» // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. 1947. Т. IV.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Вильгельма Рубрика. М., 1957.

Радлов В. В. Атлас древнейшей Монголии. СПб., 1892-1899.

Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899. Т. II.

Радлов В. В. Предварительный отчет о результатах снаряженной с высочайшего соизволения Императорской Академии Наук экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1892. Т. I. № 7.

Радлов В. В. Титулы и имена уйгурских ханов // ЗВОРАО. 1891. № 5.

Рамстедт Г. И. Перевод надписи «Селенгиискского камия» // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. СПб., 1914. Т. XV. Вып. 1.

Ратцель Ф. Народоведение. СПб., 1901. Т. II.

Рашид Эддин. Сборник летописей. Пер. И. Н. Березина. Введение. СПб., 1858.

Рашид Эддин. История Чингис-хана. Пер. И. Н. Березина. СПб., 1868.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т. I.

Роборовский В. И. Путешествие в восточный Тяиь-Шаиь и в Нань-Шань. М., 1949.

Рубрук Г. Путешествия в восточные страны. М., 1957.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960.

Себеос. История императора Иракла. Пер. с армянского К. Патканьян. СПб., 1862.

Синха Н. К., Бенерджи А. Ч. История Индии. М., 1954.

Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI-XIII веков. М., 1965.

Струве В. В. Рец. на: Тревер К.В. Очерки... // ВДИ. 1960. № 3.

Струве В. В. Родина зороастризма // Труды ЮТАКЕ. М.-Л., 1948. Т. 1.

Такайшвили Е. Источиики грузинских летописей. П. Жизнь и известия о Багратидах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Вып. 28.

Токарев С. А. Пережитки родового культа у алтайцев // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1947. Т. 1.

Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1949.

Толстов С. П. Новогодний праздник «Каландас» у хорезмийских христиаи // СЭ. 1946. № 2.

Толстов С. П. Тирания Абруя // Исторические записки. 1933. № 3.

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре кавказской Албании. М.-Л., 1959.

Улагашев И. Алтай-Бучай. Новосибирск, 1941.

Умняков И. История Фахрэддина Мубаракшаха // ВДИ. 1938. № 1.

Успенский В. Страна Кукэ-нор и Цин-хай // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1880. Т. IV (отдельный оттиск).

Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1890.

Феофан Византийский // Византийские историки. СПб., 1860.

Феофилакт Симокатта. История. М., 1957.

Фирдоуси. Шах-наме. Изд. Бехара. Тегеран, 1934–1935 (на перс. яз.).

Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т. II.

Чарыков Н. В. Описание поездки по берегам Теджена-Герируда // Сборник географических и статистических материалов по Азии. СПб., 1884. Вып. XIII.

Чернецов В. П. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. 1953. № 35.

Чэнь Хун. Повесть о бесконечной тоске // Танские новеллы. Пер. О. Л. Фишман. М., 1955.

Шан Юэ. Очерки истории Китая. М., 1959.

Шер А. Я. Памятники алтайско-орхонских тюрок на Тянь-Шане // СА. 1963. № 4.

Шмидт А. Н. Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Ученые записки Института востоковедения. М.-Л., 1958. Т. XVI.

Штернберг Л. Я. Избранничество в религии // Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

Щербак А. М. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии // Эпиграфика Востока. 1961. Т. XIV.

Щербак А. М. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении // Народы Азии и Африки. 1961. № 2.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21.

Ядринцев Н. М. Предварительный отчет о поездке с археологической и этнографической целью в Северную Монголию и верховья Орхона // Известия Восточно-сибирского отдела Русского Географического общества. 1889. Т.20. № 4, 1.

Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900.

Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953.

Ata-Malik Juvaini. The History of the World-Conqueror. Vol. 1. Manchester, 1958.

Appelgren-Kivalo H. Alt-altaische Kunstdenkmaler, Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887-1889. Hrsg. von H. Appelgren-Kivalo. Helsingfors, 1931.

Aspelin J. R. Types des peuples de l'ancienne Asie Centrale. Helsingfors, 1890.

Bacot J. Reconnaissance en Haute Asie Septentrionale par cinq envoyes ouigours au VIII siecle // JA. Vol. 254. № 2. 1956.

Bang W. Zu den Kokturkischen Inschriften // T'oung Pao. IX. 1898. Barthold W. Die altturkischen Inschriften und die arabischen Quellen. SPb., 1899. 1-2.

Barthold W. Die historische Bedeutung der altturkischen Inschriften. SPb., 1897.

Barthold W. Histoire des Turcs d'Asie centrale. Paris, 1945.

Bell C. The religion of Tibet. Oxford, 1931.

Bretschneider E. Medieval researches from eastern asiatic sources. London, 1910.

Brosset M. Histoire de la Georgie depuis l'antiquite jusqu'au XIX-e siecle. SPb., 1894.

Cahun L. Introduction a l'histoire de l'Asie. Paris, 1896.

Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1903. Вып. VI.

Chavannes E. Les pays d'Occident d'apres Wei-lio // T'oung Pao. Ser. 2. Vol. 7. 1905.

Chavannes E. Une inscription au royaume de Nan-tchao // JA. 1900. T. XVI.

Chavannes E. Notes additionelles sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux / T'oung Pao. Ser. II. Vol. V. 1904.

Chavannes E. et Pelliot P. Traite manicheen retrouve en Chine // JA Ser. XI. Vol. I. 1913.

Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1936.

Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1944

Clauson G. A propos du manuscrit Pelliot tibetain 1283 // JA. Vol. 255. № 1. 1957. (Extrait)

Clauson G. The Ongin inscription // JRAS. 1957.

Clauson G. Nurks and Wolves // Studia Orientalia. XXVIII. Helsinki, 1964.

Cordier H. Histoire generale de la Chine. Vol. I. Paris, 1920

Deguignes J. Histoire generale des Huns, des Turks, des Mogols et des autres Tartars occidrntaux avant et depuis J.C. jusqu 'a present. Paris, 1756. T. I-II.

Ecsedy H. Uigurs and tibetans in Pei-t'ing // Asta orientalia. 1964. 17(1).

Firdousi. Le livre des rois. Ed. J.Mohl. Paris, 1868. VI, VII.

Fecher G. Bulgarisch-ungarische Beziehungen in den V–XI. Jahrhunderten // Korosi Csoma Archivum. B. XIX. 2.

Francke A.H. History of Western Tibet. London, 1907.

Gaubil. Abrege de l'histoire chinoise de la grande dynastie Tang. Memoire concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages etc. des Chinois, par les missionnaires de Pekin. Paris 1791. T. XV.

Gibert L. Dictionnaire historique et geographique de la Mandchourie. Hongkong, 1934.

Giraud R. L'Empire des Turcs celestes. Paris, 1960.

Govern. The early empires of Central Asia. London, 1939.

Grenard M.E. La legende de Satok Boghra Khan // JA. Ser. 9. T. XV. 1900.

Grousset R. L'Asie Orientale des origines au XV siecle. Paris, 1941.

Grousset R. L'Empire des Steppes. Paris, 1960.

Grousset R. Histoire de l'Extreme-Orient. I. Paris, 1929.

Grafenauer. Nekai vprasani iz dobe naseljevania juznih Slovanov // Zgodovinski casopis. Liubliana. T. IV. 1959.

Ghirschman R.M. Les Chionites-Hephtalites. Le Caire, 1948

Grunwedel A. Mythologie du Buddhism. Leipzig, 1900.

Gwasha Lal Kaul. Kachmir through the ages. Srinagar, 1954.

Gyorffy G. Du clan hongrois au comitat de la tribu au pays II Szazadok. Budapest, 1958. T. 92. Fasc. 5-6

Hamilton J. R. Les Ouighours a l'epoque des sinq dynasties d'apres les documents chinois. Paris, 1955.

Hannestad K. Les relations de Byzance avec la Transcaucasie et l'Asie Centrale aux V et VI siecles // Byzantion. 1957. Vol. 25-27.

Hansen O. Zur sogdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun. Helsingfors, 1930.

Haussig J. Theophylacts Exkurs uber die skythischen V'olker // Byzantion. Bruxelles. T. 23. 1953.

Heifer. Die vierte der funf grossen Heimsuchungen Chinas // Ostasiatische Zeitschrift. XI. 1924.

Hirth F. Nachworte zur Inschichte des Tonjukuk // ATYM. 1899.

Hoffmann H. Quellen zur Geschichte der tibetischen Bon-Religion. Wiesbaden, 1950.

Jisl L. Vyzkum Kulteginova pamatniku v Mongolske Lidove Republice // Archeologiske rozhledy. Roc. XII. 1960. Ses. 1.

Julien S. Documents historiques sur les Tou-kiue (Turcs). JA, 1864. Vol. 3,4

Justy F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.

Kljastornyi S. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken // Ural-Altaische Jahrbucher. Bd XXXIV. H. 1-2. 1962.

Lalou M. Les religions du Tibets. Paris, 1957.

Laufer B. Chinese clay figures. I. Chicago, 1914. XVIII.

Laufer B. Ueber ein tibetisches Geschichtswerk der Bonpo // T'oung Pao. Ser. II. Vol. 2. 1901.

Lebeau. Histoire du Bas-Empire. Paris, 1828.

Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost Turken. Buch I-II. Wiesbaden, 1958

Macoudi. Les prairies d'or. Paris, 1861. I.

Mailla J. A. M. Histoire generale de la Chine ou annales de cet empire traduites du Toung-Kien-Kang-Mou, pere Joseph-Anne-Marie de Moriac de Mailla. Paris, 1777-1785. Vol. 1-3.

Marquart J. Die altbulgarischen Ausdrucke in der Inschrift fon Catalar und in der altbulgarischen Furstenliste // Известия Русского археологического института в Константинополе. 1900. Т. 15.

Marquart J. Eransahr, nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i // Abhandlungen der Koniglichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen. N.F. Bd. III. Berlin, 1901.

Marquart J. Historische Glossen zu den altturkischen Inschriften // Wiener Zeitschrift fur die Kunde des Morgenlandes. Bd XII. 1898.

Marquart J. Die Chronologie der altturkischen Inschriften. Leipzig, 1898.

Marquart J. Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge. Leipzig, 1903.

Marquart J. Wehrot und Arang. Leiden, 1938.

Millet C. Sur le nom de cereales chez les Ancient et particulier chez les arabes // JA. 1865. T. V.

Minorsky V. Hudud al-'Alam. London, 1937.

Mirkhond. Histoire des Sassanides (texte persan). Paris, 1843.

Needham J. Science and civilization of China. III. Cambridge, 1959.

Noldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879.

Noldeke Th. Aufsatze zur persischen Geschichte. Leipzig, 1887.

Patkanoff S. Uber die Sabiren // Korosi Gosma Archivum. 1900. № 1,4.

Pelliot P. Les chretiens de l'Asie Centrale et de l'Extreme-Orient // T'oung Pao. 1914.

Pelliot P. La fille de Mo-tch' o qaghan et ses rapports avec Kul-tegin. Leiden, 1912.

Pelliot P. La Haute Asie. Paris. [S. a.].

Pelliot P. Le nom turc de «Mille sources» chez Hiuen-tsang // T'oung Pao. 1930.

Pelliot P. L'origine des Tou-kiue, nom chinois des Turks //T'oung Pao. 1915. Vol. XVI.

Pelliot P. L'origine du nom de «Chine» // T'oung Pao. 1912. Vol. VIII.

Prasad I. History of Mediaeval India from 647 A.D. to the Mughal Conquest. Allahabad, 1928.

Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen der altaischen V'olker // Ural-Altaische Jahrbucher. Bd 24. 1952. H. 1-2.

Puech H. Le manicheism. Paris, 1949.

Pulleyblank E. G. The Background of the rebellion of An Lu-shan. London, 1955.

Pulleyblank E. G. A. Sogdian colony in Inner Mongolia // T'oung Pao. 1952. Vol. 41. № 4-5.

Radloff W. Altturkische Studien. IV. Einleitende Gedanken zur Untersuchung der altturkischen Dialekte // Известия АН. Сер. IV. 1911.

Radloff W. Die alturkischen Inschriften der Mongolei // ATIM. SPb, 1894, 1895, 1897, 1899.

Remusat J. P. Histoire de la ville Khotan. Paris, 1820.

Roerich G. N. Blue annals. Calcutta, 1949.

Roerich G. N. Trails to Inmost Asia. New Haven, 1931.

Schlagintweit E. Die Konige von Tibet. Munchen, 1966.

Schlegel G. Die chinesischen Inschriften auf dem Uigurischen Denkmal in Kara Balgassun. Helsingfors, 1896.

Schott W. Uber die achten Kirgisen. Berlin, 1865.

Schulemann G. Geschichte der Dalai-Lamas. Leipzig, 1958.

Shiratori K. Uber die Sprache der Hiung-nu und der Tunghu-Stamme. SPb., 1902.

Stein A. Innermost Asia. Oxford, 1928.

Tabari, N'oldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879.

[Tabari]. Chronique de Abou Djafar-Mohammed ben-Djarir-ben-Jazid-Tabari, traduite sur la version persane D'Abou-Ali-Mohammed Bel'ami, d'apres les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres et de Canterbury par Hermann Zotenberg. Paris, 1869.

Tha'alibi. Histoire des rois des Perses, traduite par H.Zotenberg. Paris, 1900.

Thomas F. W. Tibetan Literary texts and documents concerning Chinese Turkestan. London, 1935.

Thomsen V. Inscriptionsde l'Orkhon // Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1896. Vol. 5

Tucci G. The Tombs of the Tibetan kings // Serie Orientale. Roma, 1950.

Uray G. The four horns of Tibet according to the royal annals // Acta Orientalia Hungaricae. T. X. I. 1960.

Vernadsky G. V. Ancient Russia. New Haven, 1952.

Waddel L. A. The Buddism of Tibet or lamaism. London, 1895.

Wieger L. Textes historiques. Hien-Hien, 1905-1907.

Wolff F. Clossar zu Firdousis Schahname. Berlin, 1953.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

а) Имена и титулованные прозвища

УКАЗАТЕЛЬ ТОПОНИМОВ

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ

33*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Великий тюркский каганат

Часть вторая

Голубые тюрки и уйгуры, или эпоха Второго каганата

ПРИЛОЖЕНИЯ

По вопросам реализации обращаться по тел. 259-92-03

Лев Николаевич Гумилев

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ

Художник П. Ильин

97.

Подписано в печать 31.08.93. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,0. Усл. кр.-отт. 33,5. Тираж 200 000 экз.
(1-й завод 100 000 экз.) Заказ 37330. Цена договорная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии АО «Молодая гвардия».
Адрес АО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-87495-008-7

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ
Л.Н.Гумилев